

ДЖИХАД: ЭКСПАНСИЯ И ЗАКАТ ИСЛАМИЗМА

Кепель Жиль

Предисловие¹

Одиннадцатого сентября 2001 года два пассажирских авиалайнера, захваченные воздушными пиратами, с интервалом в несколько минут врезаются в высотные башни Всемирного торгового центра на Манхэттене. Медленно проседая, небоскребы обрушиваются, накрывая своим бетонным саваном более шести тысяч человек. Одновременно другой, третий по счету, самолет, угнанный террористами, падает на Пентагон, четвертый «Боинг» не долетает до намеченной цели — Белого дома. На заре XXI века представление о триумфе «американской цивилизации» поставлено под сомнение. Сентябрьские события поражают не только своими последствиями — безвинными жертвами, отчаянием родственников погибших, трауром, в который погрузился весь американский народ, паникой на бирже, крахом ряда крупных авиакомпаний, потрясениями мировой экономики, — но и хитроумностью замысла террористов и филигранной точностью его исполнения. Самолет, таранящий один из самых высоких небоскребов... Никогда за всю свою историю США не подвергались террористической атаке подобного размаха. Единственным прецедентом была бомбардировка японской авиацией американской военно-морской базы в Перл-Харборе. Однако в то время шла война, к тому же трагедия произошла на удаленном островке в Тихом океане, и целью японских камикадзе был военный объект. Устроители кровавых событий 11 сентября специально выбрали своей главной жертвой гражданское население. Нападению подверглись основополагающие символы американской мировой гегемонии: финансовое могущество, торговый диктат, военная мощь и политическое господство. Внезапно всему миру стала видна хрупкость американской империи, был развенчан миф о ее неуязвимости, медленное обрушение высотных башен врезались в память всех, кто видел эти кошмарные видеокadres, переданные по всем мировым телеканалам. Всё это напоминало фильм ужасов, превратившийся в реальность. Обернувшиеся явью сцены мирового апокалипсиса удивительно схожи со сценариями голливудских «киношедевров». Зритель, всматривавшийся в картину происходившего на телеэкране, почти физически ощущал накатывавшуюся на него взрывную волну совершавшегося террористического акта. Режиссеры сентябрьской мизансцены преследовали двоякую цель. Первая, и наиболее вероятная, — запугать противника числом безвинных жертв, среди которых мог оказаться любой. Вторая цель — заручиться поддержкой тех, кого террористы хотели бы привлечь на свою сторону, поразить их жестокостью содеянного, через совершенное насилие создать иллюзию близкой победы и тем самым вызвать массовую эйфорию у своих сторонников.

Рассмотрим более подробно последствия сентябрьских событий 2001 года с точки зрения исторической перспективы развития исламистского движения, каким оно было в последней четверти XX века.

Прошло несколько дней после трагедии, прежде чем растерянное, ввергнутое в состояние шока руководство США обвинило в произошедшем саудовского миллиардера Усаму бен Ладена, а также режим талибов, предоставивший ему убежище в Афганистане. Не беря на себя персональную ответственность за случившееся, Бен Ладен в телеобращении 7 октября заявил, что «Аллах благословил передовой авангард правоверных мусульман — разящее копьё ислама — на разгром Америки». Так и не прояснив до конца степень причастности к случившемуся тех или иных группировок, американцы на основании спорных доказательств и второстепенных улик развернули широкомасштабную операцию

---

¹ Данное предисловие прислано автором в «Ладомир» в начале 2002 г., «Джихад» же вышел во Франции в середине 2001 г.

возмездия. С конца сентября вокруг Афганистана стали разворачиваться американские и британские воинские контингенты. Талибам был предъявлен ультиматум: если они не выдадут Бен Ладена, их режим будет свергнут насильственным путем. Из своей штаб-квартиры в Кандагаре мулла Мохаммед Омар, «повелитель правоверных Исламского эмирата Афганистан», призвал мусульман всего мира начать джихад против США и их союзников, если они перейдут к активным действиям. Перед США встала задача изолировать Бен Ладена и его покровителей, которые в свою очередь стремились заручиться поддержкой мусульманского мира перед угрозой американской интервенции.

Какие же цели преследовали закулисные творцы террористических актов в Нью-Йорке? Скорее всего, организовав и благословив эти чудовищные злодеяния, они стремились представить их как победоносное сражение в справедливой и священной войне, вдохновить мусульман на объединение под знаменами джихада для достижения полной победы исламистских движений в мусульманских странах. ТВ конце XX века исламизм как воинствующее направление ислама, вопреки надеждам его сторонников и опасениям противников, которые в начале 90-х годов предсказывали ему успех, утратил свою притягательность, потерпев поражение в борьбе за политическую власть. Поражение исламизма объяснялось прежде всего расколом внутри самого движения: этот раскол значительно ослабил объединяющий потенциал исламистской доктрины, вынудив некоторых из ее идеологов переосмыслить отдельные догмы и привести их в соответствие с нормами демократии. Впрочем, демократия рассматривалась ими не как суверенное право народа, а как нечто, возможное лишь по воле Аллаха.

Именно в контексте утраты мобилизующих способностей исламистских идей в мусульманских странах и следует рассматривать столь разрушительную и демонстративную атаку терроризма против святынь американской цивилизации. Эта акция представляла собой попытку преодолеть упадок с помощью всеокрушающего насилия. Его вдохновители стремились пробудить симпатии мусульман, в интересах которых исламисты якобы и ведут неравную борьбу с неверными. Переход к насилию как способу мобилизации сторонников отнюдь не нов для радикальных организаций, и в этом отношении исламисты не являются первооткрывателями. Два десятилетия ранее, когда коммунистическая идеология начала утрачивать свою притягательность и от нее стали отворачиваться те самые трудящиеся, на выражение интересов которых она претендовала, возникли итальянские «Красные бригады», немецкая «Фракция Красной Армии» и организация Карлоса. Для этих формирований терроризм представлял идеальное средство нанести противнику ощутимый урон. Вдохновители массового террора надеялись таким образом пробудить революционную сознательность масс, привлечь их на свою сторону с помощью известного механизма «провокация — репрессии». Сегодняшний исламизм и вчерашний коммунизм имеют разную природу и отличаются друг от друга масштабом влияния, однако не будет лишним напомнить, что, хотя насилие вызывает бурную эмоциональную реакцию, терроризм далеко не всегда свидетельствует о мощи движения. Какими бы громкими ни были террористические акции, какими бы разрушительными ни были их последствия, вовсе не бесспорно, что таким образом можно одержать политическую победу над врагом и получить доступ к вождельной власти.

США подверглись массовой атаке террористов в то время, когда в мусульманском мире, судя по передовицам газет, дискуссиям на арабском спутниковом телеканале «Аль-Джазира» и уличным демонстрациям, антиамериканские настроения достигли своего апогея. Десятилетнее эмбарго против Ирака, периодические бомбардировки его территории не достигли поставленной задачи и даже привели к обратному результату. Позиции Саддама Хусейна, одного из ненавистнейших врагов США, стали прочнее, чем когда-либо; абсолютная власть иракского диктатора лишь усилилась, в то время как иракское общество, оказавшееся между молотом и наковальней, пребывало в самом бедственном положении. Огромные надежды, возлагавшиеся в минувшем десятилетии на мирное урегулирование под эгидой США палестино-израильского конфликта, тоже не оправдались,

поскольку ожидавшегося экономического чуда так и не произошло. Горечь утраченных иллюзий вылилась в блокирование палестино-израильского переговорного процесса, после чего началась новая интифада, получившая название «интифады Аль-Аксы» — по названию главной мечети Иерусалима.

Каковы бы ни были причины насилия, ответственность за которое каждая из сторон пытается переложить на другую, разжигание взаимной вражды вызвало нарастание в регионе невиданной доселе напряженности. Оно обострило антагонизм, дало повод к многочисленным взаимным претензиям по поводу ущемления политических, экономических и социальных прав. Катализатором этого процесса послужило военное противостояние в Палестине. В мусульманском мире поддержка палестинцев в их борьбе против Израиля, символом которой стала снятая на пленку сцена гибели от израильских пуль палестинского мальчика Мухаммада ад-Дуры, подпитывалась впоследствии актами самопожертвования фанатиков-одиночек. Несмотря на осуждение таких актов со стороны Ясира Арафата, население относилось к ним сочувственно, хотя при взрывах гибли и мирные жители. Терракты против гражданского населения влекли за собой «превентивные акции» израильской армии, которая использовала против палестинцев современную технику и вела против них тщательно спланированное идеологическое наступление в электронных СМИ, адекватно противостоять которому была неспособна ни одна из мусульманских стран мира. Состояние беспомощности и сознание фатальной несоразмерности сил вылились в ярость против США. Америку обвинили в том, что с приходом в Белый дом в январе 2001 года Джорджа Буша она гарантировала абсолютное военное превосходство Израилю своей политикой «benign neglect» («доброжелательного невнимания») к действиям премьер-министра Шарона. Мировой сверхдержаве было предъявлено обвинение в предвзятости ее политики, что, естественно, не способствовало разрешению конфликта. Поэтому мусульмане всего мира радовались, наблюдая передаваемые по всем мировым телеканалам сцены того, что происходило в США 11 сентября 2001 года. Акция камикадзе довела до крайних пределов «эффективности» теракты самоубийц-одиночек: жертвами их действий и раньше становились мирные граждане, здесь же от рук «шахидов» сразу погибло более шести тысяч человек. Одновременно теракты на американской территории продемонстрировали высокий уровень технической подготовки операции, сравнимой по результативности с действиями израильских военных в Палестине или американской армии во время войны в Заливе.

Сентябрьские теракты, которые с моральной точки зрения являются преступлениями против человечества, стали демонстрацией яростного протеста мусульманского мира против проводимой США политики на Ближнем Востоке. Не исключено, что заказчики специально выбрали для начала этой операции момент, когда недовольство американской политикой обострилось до крайней степени, а политическая целесообразность оттеснила на задний план моральный аспект злодеяния, совершенного против мирного населения, вызвав симпатии к тем, кто нанес невиданный удар дяде Сэму.

Впрочем, из этого не следует, что мусульманский мир с одобрением относится к долгосрочным политическим целям террористов, а все без исключения мусульмане встали на их сторону после начала американской акции возмездия в Афганистане. Прежде всего, тот факт, что организаторы кровавых преступлений не выдвинули каких-либо политических требований, хотя и ставит в трудное положение американцев, не облегчает задачи и тем, кто подготовил и осуществил эти теракты. Позиция организаторов бойни до сих пор не вполне ясна. Сила террористов, заключающаяся во внезапности и неожиданности удара, в способности «не оставлять следов», оборачивается слабостью, когда речь заходит об извлечении политических дивидендов. В данном случае, возлагая ответственность за сентябрьские события на Бен Ладена и его организацию, американцы строят свои обвинения на ряде косвенных улик. Однако и сам саудовский миллиардер, отрицая свою причастность к произошедшему, тем самым лишает себя возможности встать во главе массового движения, способного прийти к власти в мусульманском мире. Усама остается символом, иконой. Его

связи ограничиваются узким кругом приближенных к его секретной организации лиц, отрезанных от общества и лишенных по этой причине возможности вербовать новых сторонников. У Бен Ладена есть лишь один канал связи с широкими народными массами — это средства массовой информации (СМИ), делающие его акции достоянием общественности. Однако СМИ способны вызвать лишь непосредственную эмоциональную реакцию солидарности и временный энтузиазм.² Реакция на сообщения о свершившемся быстро «гаснет». У Бен Ладена нет ни опоры в массах, ни партии, способной воплотить народные эмоции в конкретные акции гражданского неповиновения, как это удалось в 1917 году ленинской партии, а в 1978-м — иранскому духовенству.

Вот почему террористические акции 11 сентября 2001 года представляли собой прежде всего беспрецедентную по масштабам провокацию, цель которой — вызвать репрессии против мирного населения Афганистана и тем самым заработать политический капитал на солидарности мусульман всего мира. Гнев и возмущение мусульман умело эксплуатируются духовенством, проповедующим оборонительный джихад, аргументируя это тем, что «земля ислама» подверглась нападению «неверных». Есть еще одно обстоятельство, позволяющее предположить, что, подобно искусному шахматисту, который предвосхищает ходы противника, заказчики и организаторы сентябрьских событий были заранее уверены, что американцы предпримут ответные меры против талибов. За три дня до террористических акций в Нью-Йорке и Вашингтоне в родном Пандшере, на севере Афганистана, был убит Ахмадшах Масуд — руководитель оппозиции кабульскому режиму. В покушении приняли участие два выходца из Магриба, имевшие бельгийское подданство. У них на руках были журналистские удостоверения, выданные радикальным исламистским изданием в Лондоне.³ Оба смертника погибли вместе с Масудом при взрыве пронесенной к нему на встречу заминированной телекамеры. Масуд являлся самой заметной фигурой, вокруг которой США могли бы сплотить антиталибскую оппозицию в отместку за теракты на американской территории. Убийство Масуда стало прелюдией к атаке на США, первым актом тщательно продуманного сценария.

За сентябрьским апокалипсисом последовал второй акт — период репрессий, ставший для обеих сторон испытанием на прочность. Роли переменились: террорист превратился в пассивную жертву, стал объектом всеобщей травли, тогда как американцы из жертвы превратились в агрессора. Если агрессору удастся нанести точный удар, изолировать противника и свести к минимуму потери среди мирного населения, превращенного террористами в своего рода щит, третьего акта трагедии не будет. Напротив, если репрессии будут развиваться по непредвиденному сценарию, множа число жертв среди гражданского населения (у военных на сей счет существует чудовищный эвфемизм — «неизбежные потери»), западня захлопнется и наступит третий акт трагедии — солидарность с мирным населением. В этом случае террористы станут катализатором социального движения под знаменем джихада против «неверных», захвативших земли ислама и истребляющих мусульман. На начальном этапе второго акта каждый из противников стремится заручиться как можно большей поддержкой, чтобы изолировать врага до начала прямого вооруженного противостояния. Так, например, США удалось добиться разрыва дипломатических отношений между Объединенными Арабскими Эмиратами и кабульским режимом. Это явилось большой победой американской дипломатии, поскольку экономические и финансовые отношения талибского режима с внешним миром поддерживались, в основном, через ОАЭ. Американцы получили разрешение на размещение своих войск в Узбекистане,

---

² Беседа 16 октября 2001 г. с египетскими студентами, автор этих строк был поражен их двойственным восприятием сентябрьских событий: восхищаясь Бен Ладеном как борцом против США, студенты искренне скорбели по жертвам и отнюдь не причисляли себя к сторонникам исламизма.

³ Речь идет об «Исламском обозрении». Его редактор, Ясир ас-Сирри, заявлял впоследствии, что был «введен в заблуждение».

бывшей советской республике, что, в свою очередь, развязало Кремлю руки в его контртеррористической операции в Чечне. США также заручились поддержкой президента Пакистана генерала Мушаррафа, хотя до этого именно Пакистан оказывал талибам наиболее существенную помощь. «Исламские студенты», захватившие власть в Афганистане, были выпускниками пакистанских медресе, в которых по сей день проповедуются идеи деобандского движения. Оно способно привлечь на свою сторону сотни тысяч последователей и учеников, слепо подчиняющихся воле своих духовных наставников, и готовых по первому же призыву безоговорочно встать под знамена джихада, объявленного муллой Мохаммедом Омаром. Однако остается открытым вопрос: способны ли пакистанские последователи деобандской религиозной школы, потрясающие на демонстрациях портретами Бен Ладена и сжигающие звездно-полосатые флаги, вкуче с боевиками, ведущими партизанскую войну против индийской армии и убивающими пакистанских шиитов, заставить массы пополнить ряды религиозных радикалов. В изнуренной внутренними конфликтами стране со 160-миллионным населением воинствующий религиозный фанатизм угрожает расколом общества. Пакистану, история которого насчитывает всего лишь полвека, для выживания была необходима американская помощь. Это явилось главной причиной, побудившей генерала Мушаррафа перейти на сторону США. Однако насущные потребности пакистанской действительности настоятельно требуют «стратегической глубины», каковой в условиях регионального окружения страны является «дружественный» Афганистан. В Пакистане с подозрением смотрят на Индию, шиитский Иран, Россию и бывшие советские среднеазиатские республики. Именно этим в решающей степени объяснялась активная поддержка талибов — представителей проживающего по обе стороны границы пуштунского этноса — со стороны спецслужб пакистанской армии, в рядах которой служит много пуштунов.

Более подробно обстоятельства прихода талибов к власти в Афганистане при активной поддержке США будут рассмотрены ниже. После захвата Кабула моджахедами в апреле 1992 года в стране воцарилась кровавая анархия. Каждая из региональных держав поддерживала своих сторонников, свою фракцию в составе правившей коалиции. Приход к власти движения «Талибан», финансировавшегося и вооружавшегося спецслужбами Пакистана, позволил вначале восстановить порядок путем сосредоточения властных полномочий в одних руках. После четырех лет беззаконий, творимых полевыми командирами, после разгула насилия и грабежей исламским студентам удалось на время облегчить положение жителей столицы страны. Для Исламабада и Вашингтона не имело значения, что новый порядок был одной из самых ретроградных версий ислама в самом буквалистском его истолковании, при котором ежедневно попирались права человека, в особенности женщин. В стране царил порядок, и этот порядок обеспечивал Пакистану существование на его северозападных рубежах союзного государства. К тому же в то время возник крупный проект транспортировки газа из Туркменистана — северного соседа Афганистана и Ирана. США, выступившие против более короткого маршрута, который тянулся бы через иранскую территорию до Персидского залива — ведь в этом случае газопровод проходил бы через враждебный им Иран, — отдавали предпочтение плану строительства газопровода через Пакистан. Работы предполагалось поручить двум американским и одной аргентинской нефтегазовым компаниям. Талибы и здесь гарантировали бы порядок, а компании были готовы договариваться с самыми реакционными режимами и даже финансировать их при условии, что эти режимы будут обеспечивать бесперебойные поставки углеводородного сырья. Проект так и остался неосуществленным — низкие цены на газ делали эту идею малопривлекательной; к тому американские феминистки пригрозили, что не проголосуют за президента Соединенных Штатов, который не будет реагировать на поведение режима, лишаящего женщин чуть ли не всех человеческих прав.

Однако режим талибов держался, живя на средства от контрабанды опиума, по

производству которого страна выдвинулась на первое место в мире,⁴ и переложив на плечи работавших в Кабуле международных гуманитарных организаций решение медицинских и социальных проблем,⁵ — в этих вопросах талибы были некомпетентны и не питали к ним никакого интереса. Талибский режим по-прежнему представлял геополитический интерес для Пакистана, пользовался снисходительным отношением к себе со стороны США, а Саудовская Аравия, потратившая огромные деньги, чтобы изгнать СССР из Афганистана, находила много идеологических точек соприкосновения с правителями Кабула. В силу вышеизложенных причин поддержка американского ответного удара после событий 11 сентября не была автоматической, а являлась частью сложной игры тесно переплетавшихся интересов.

Сложной является и фигура Усамы бен Ладена, неотделимая от его мифического образа, создававшегося сначала американским телевидением, а затем — катарским панарабским телеканалом «Аль-Джазира». В начале 1996 года исламистский режим в Судане, пытавшийся прорвать международную блокаду и ранее уже выдавший Парижу террориста Карлоса, собирался выдать Соединенным Штатам Бен Ладена, укрывавшегося тогда на его территории. Те, не будучи уверены в исходе процесса, в котором обвинение не располагало почти никакими уликами, подали идею об экстрадиции Бен Ладена в Саудовскую Аравию. Однако монарх, который отнюдь не горел желанием рубить голову изгнаннику, сохранявшему прочные связи на территории королевства, отклонил этот отравленный подарок. Так 18 мая 1996 года благодаря консенсусу, достигнутому между заинтересованными государствами,⁶ Бен Ладен покинул Судан, чтобы перебраться в Афганистан. Хотя уже тогда его подозревали в причастности к срыву американской операции «Restore Hope» («Возрождение надежды») в Сомали в 1992 году, а также в покушении на египетского президента Мубарака, организованном в июне 1995 года в Аддис-Абебе, США не рассматривали Бен Ладена как своего врага номер один. Его отъезд в Афганистан, как полагали тогда, должен был стать своего рода ссылкой в страну, лишенную ресурсов и средств коммуникаций, — ссылкой которая должна была сильно затруднить ему доступ к заграничным авуарам. Насколько химерическими были эти надежды, выяснилось позже.

Уже через несколько недель, 23 августа, Бен Ладен опубликовал свою первую «Декларацию джихада против американцев, оккупирующих землю Двух Святых мест». Этой публикацией он давал понять, что намерен наладить активное сотрудничество с режимом талибов (в сентябре захвативших Кабул) и что отныне он становится защитником класса саудовских «крупных торговцев» — среды, из которой происходил он сам.⁷ 1996 год явился

---

⁴ В 1999 г. производство опиума в Афганистане оценивалось в 4500 т., то есть составляло 75 % всего мирового производства (см.: Liberation. 2001. 4 Octobre).

⁵ 2001 год был отмечен радикализацией талибского режима. За уничтожением монументальных статуй Будды в Бамиане последовал арест сотрудников международных гуманитарных организаций по обвинению в «христианском прозелитизме», что заставило большую часть этих организаций срочно покинуть Афганистан. Эта радикализация ослабила поддержку режима со стороны населения. Возможно, «закручивание гаек» было связано с возросшим влиянием иностранных — в основном арабских — активистов «салафитско-джихадистского» движения, базировавшихся вокруг Кандагара и связанных с организацией Усамы бен Ладена.

⁶ Подробнее об этом см.: Gellman B. In 96, Sudan Offered To Arrest bin Laden: Saudis Balked at Accepting U.S. Plan // International Herald Tribune. 2001. 4 October.

⁷ См. главу 8 третьей части настоящего издания, посвященную Усаме бен Ладену. После терактов в США многие аналитики задались вопросом о природе и истинном масштабе связей, в частности финансового характера, между организацией Бен Ладена и некоторыми кругами стран Аравийского полуострова. Данный вопрос встал в связи с настроениями, зреющими в обществах, живущих за счет нефтяной ренты. Оно вызвано тем, что из-за демографического взрыва доля ренты, приходящаяся на каждого члена общества, неуклонно

важной вехой в становлении арабского исламистского движения. Три главных фронта джихада, которые после афганской эпопеи были открыты «салафитами-джихадистами», этими питомцами пешаварских лагерей, не оправдали возлагавшихся на них надежд: после Дейтонских соглашений в декабре 1995 года Босния вернулась в орбиту Запада и «джихадисты» были высланы с ее территории; в Египте и Алжире насилие радикальных исламистов оттолкнуло от них население, которое еще в начале 90-х годов в какой-то мере им симпатизировало. Египетский и алжирский режимы оказались в состоянии одержать военную победу над противником.

Исламизму стало всё труднее привлекать под свои знамена население, а созданная исламистами коалиция социальных групп, соблазненных перспективой скорого захвата власти, начала распадаться. Поэтому в последующие годы мы услышим голоса исламистских руководителей, идеологов и интеллектуалов, которые отныне будут выступать за решительный отказ от вооруженной борьбы, искать точки соприкосновения между мусульманским культурным наследием и демократическими ценностями, обличать авторитаризм правящих режимов. В этой обстановке политического тупика, в который зашла радикальная часть исламистов, не признававшая демократической риторики умеренных лидеров движения, беспрецедентный по масштабам терроризм станет попыткой придать новый импульс вооруженной борьбе.

Хотя по отношению к терроризму 90-х годов сентябрьские теракты 2001 года обладают известной преемственностью, они имеют и очевидную специфику. Идеологическое обоснование терроризма осталось всё тем же: достаточно сравнить декларации Бен Ладена от 7 октября 2001 года с заявлениями, распространявшимися им в 1996 и 1998 годах. С его точки зрения, война против США, обвиняемых в захвате исламской земли — «оккупации территории Двух Святых мест» (речь идет об американских военных базах в Саудовской Аравии), — оправдывает ведение оборонительного джихада так же, как был оправдан джихад против СССР после вступления советских войск в Кабул в 1979 году. Идея джихада по-прежнему занимает центральное место в аргументации Бен Ладена и его сторонников. Ее функция всё та же: сплотить массы вокруг закрытой и изолированной группы, практически не связанной с населением. Но теперь к ней добавились и другие тезисы, продиктованные обстоятельствами: «В тот самый момент, когда мы об этом говорим, миллион безвинных детей гибнут в Ираке... Сегодня израильские танки давят Палестину...» Упоминание об этих трагедиях, вина за которые возлагается на Америку, призвано тронуть сердца не только представителей исламистского движения, но и всех тех, кто осуждает политику США на Ближнем Востоке. Более того, Бен Ладен и иже с ним стремятся создать себе имидж, скопированный с бытующего в народе представления о Пророке Мухаммаде. Подобно Пророку, который в 622 году был вынужден бежать из языческой Мекки, совершив хиджру в Медину, откуда в течение восьми лет он устраивал дерзкие набеги и в конце концов вернулся в Мекку победителем, так и Бен Ладен, бежав из «лицемерной» Саудовской Аравии, совершил своего рода «хиджру» в бесплодные горы Афганистана, откуда он ведет джихад под Божиим руководством. Стремление уподобить свою группу первым мусульманам, сподвижникам Пророка и их потомкам — людям, продолжающим оставаться идеалом для всех, кто воспитан в исламской культуре, — еще больше усиливается от сознания «героического» характера войны, которую ведет маленькая горстка бойцов против двух великих империй нашего времени. Подобно мусульманским всадникам, разрушившим Сасанидскую империю, «джихадисты» разрушили — по их собственному представлению — советскую империю, ускорив поражение Красной Армии в Афганистане. Подобно первым халифам, нанесящим поражение Византийской империи и захватившим ее огромную территорию от Сирии до Северной Африки, сегодняшние исламистские активисты устроили землетрясение, потрясшее американскую империю до основания.

снижается, что порождает неприязненное отношение к монархическим семействам, продолжающим сохранять приоритетный доступ к доходам от нефти.

Часто задают вопрос, почему Бен Ладен не берет ответственность за приписываемые ему теракты? В декларации от 7 октября 2001 года он авторизует кровавую бойню, устроенную в Нью-Йорке и Вашингтоне, божественному Провидению: «Вот Америка, пораженная Всемогущим Аллахом в свои самые уязвимые места». Это чудо, по замыслу Бен Ладена, способно поразить воображение, убедить верующих, что указываемый им путь предначертан свыше.

Способен ли данный «авангард» после сентябрьских событий повести за собой массы, до основания сотрясти мировой порядок, свергнуть режимы, находящиеся у власти в мусульманских странах и на их руинах создать то исламское государство, о котором мечтают исламисты? В период с 1990 по 2001 годы в стане радикальных исламистов произошли существенные перемены. При всей чудовищности недавних терактов социальная притягательность исламистских идей явно пошла на убыль.

И рядовые члены, и руководители алжирской Вооруженной исламской группы (ВИГ), организовавшие кампанию террора во Франции в 1995 году, и участники процесса 1993 года по делу о теракте против Всемирного торгового центра в Нью-Йорке, — все они являлись представителями бедной городской молодежи. Рабочие, феллахи, безработные иммигранты, несовершеннолетние правонарушители — вот социальный состав террористических групп. Их культурный уровень находился на самой низкой отметке, их взрывные устройства представляли собой «самodelки», у исламистов не было ни фондов, ни значительных финансовых средств, что, в конечном итоге, позволило властям перехватить инициативу.

В отличие от террористов тех лет, камикадзе, участвовавшие в терактах 11 сентября в Нью-Йорке и Вашингтоне, по данным предварительного расследования, являлись представителями обеспеченных слоев населения. В большинстве своем это были люди, получившие высшее образование, владевшие иностранными языками и знакомые с западной культурой. В западном обществе они чувствовали себя как рыба в воде. Значительную часть этих камикадзе составляли выходцы из стран Аравийского полуострова.⁸ В отличие от своих старших товарищей, они тщательно скрывали свою принадлежность к исламистской среде — не носили бород, употребляли на людях спиртные напитки, появлялись в обществе с женщинами. Они не посещали мечетей, где можно было легко вербовать сторонников. Документы, обнаруженные ФБР в личных вещах одного из террористов-камикадзе, представляют собой своего рода справочное пособие, сборник «заветов» террористов-самоубийц. Первое знакомство с этими документами дало основание многим специалистам и комментаторам заявить, что они имеют дело с сектой, круг членов которой строго ограничен.⁹ Даже те немногие сведения об этой группе, которыми автор этих строк располагает на момент написания данной книги, дают основание задаться вопросом: как этим камикадзе, жившим в самом сердце западной цивилизации, удалось сохранить в неприкосновенности свои убеждения?

Возможно, разгадку следует искать в афганском джихаде — событии, давшем мощный толчок исламистскому движению в последней четверти XX века. В 80–90-е годы тысячи борцов за веру прошли через пешаварские лагеря, где они подверглись «салафитско-джихадистской» идеологической обработке. Именно из лагерей Пешавара эти люди вынесли твердое убеждение в том, что насилие является панацеей от всех бед, ключом к решению всех проблем.

Остается лишь гадать, поможет ли катаклизм, обрушившийся на Америку 11 сентября 2001 года, придать угасающему исламистскому движению «второе дыхание» или же,

---

⁸ Уже в Боснии и Чечне участниками «джихада» были не жители этих стран (как это имело место в Алжире и Египте), а выходцы из стран Аравийского полуострова, принадлежавшими к обеспеченным социально-культурным слоям. Об этом свидетельствуют «биографии мучеников», опубликованные на специальных исламистских Интернет-сайтах.

⁹ См.: Le Monde. 2001. 10 Octobre.

наоборот, приблизит мусульманские общества к пониманию очевидной истины: будущее одной из величайших мировых цивилизаций заключается в примирении ее религиозного и культурного наследия с требованиями и правилами демократических обществ в многоликом и культурно неоднородном мире.

ВВЕДЕНИЕ

Памяти Мишеля д'Эрми, учителя и друга, посвящается.

Последняя четверть XX века была отмечена возникновением, подъемом, а затем и закатом исламистских движений — явлением столь же впечатляющим, сколь и неожиданным. В то время как уход религии в сферу частной жизни казался незыблемым достижением современного мира, внезапная экспансия политических групп, движимых желанием провозгласить исламское государство, признававших клятву только на Коране, призывавших к *джихаду* — священной борьбе за дело Божие — и вербовавших активистов среди городского населения, поставила под вопрос многие истины. Поначалу эти группы вызывали отторжение, смешанное со страхом: левые интеллектуалы — как на Западе, так и в мусульманском мире — видели в них религиозный вариант фашизма, либералы — возрождение средневекового фанатизма. Затем, по мере того как эти движения приобретали все больший размах, многие из их критиков оказались в замешательстве. На левом фланге стали обнаруживать, что у этих движений есть народная база. Бывшие или недавние марксисты, видя у исламистов массовость, которой им самим недоставало, наделяли их социальными добродетелями, пытались вести с ними политический диалог, иногда переходили в их стан. На правом же фланге отмечали, что исламисты проповедовали порядок, основанный на морали, покорность Богу, враждебность к безбожникам (то есть к материалистам — коммунистам и социалистам). Исламистов поддерживали и при необходимости щедро финансировали. И хотя внешней мир смотрел на них, в основном, враждебно, в адрес течения, которое отныне выдавалось за воплощение подлинного ислама и прочности его цивилизации в культурно пестром мире кануна третьего тысячелетия, звучало всё больше похвал.

Как это произошло ранее в том же столетии с коммунизмом и национал-социализмом, исламистские движения породили обширную ангажированную литературу, как полемическую, так и апологетическую. Именно она составляет самую заметную часть посвященных им книг и статей. Так обычно формируется общественное мнение: торопясь с вынесением оценочных суждений, оно не особенно утруждает себя познанием. Между тем за многие годы эти движения породили обилие текстов, речей, брошюр, листовок и проповедей. Расшифровать их нелегко, поскольку это предполагает точное владение контекстом, а подчас и языками таких разных мест, как Малайзия, Пакистан, Алжир, Египет, Турция, Иран или Босния, не говоря уже о других странах. Исламисты дали также материал для многих монографий, написанных на высоком уровне, с массой данных и ценными суждениями, но эти штудии остались достоянием лишь академических кругов.

Цель этой книги — проанализировать «исламистский» феномен во всей его полноте как мировое явление, развивавшееся на протяжении истекшей четверти века; проследить его эволюцию, «игру» различных его компонентов, его взаимоотношения с окружающим миром — прежде всего в странах, непосредственно им затронутых, а также с обществами и государствами Запада. В самом деле, сегодня, по прошествии жизни целого поколения с момента появления движения, стало возможным подвести ему итог. Теперь мы располагаем необходимой временной дистанцией, а также достаточно разнообразной и богатой документацией, чтобы скорректировать первые впечатления, рожденные любопытством, и обобщения, сделанные на основе анализа пусть яркого, но все же частного случая. Прежде

всего можно учесть продолжительность феномена: проследить во времени, как первоначальная идеология изменялась в зависимости от случайностей политического контекста, от отношения активистов движения к деньгам и власти. Наконец, перед нами открывается перспектива для сравнений, позволяющих, говоря словами философа, «ясно видеть сходство вещей» от Куала-Лумпура до Алжира и от Пешавара до Тегерана; это самый подходящий метод, позволяющий проанализировать сложный и масштабный социальный феномен, осмыслить его.

Проследив эволюцию исламизма во времени и пространстве, мы ответим на вопросы, поставленные тем или иным частным опытом, проясняя то, что невозможно понять через анализ единичного случая. У истоков этой книги стоял очень простой вопрос. Как известно, некоторым исламистским движениям удалось захватить власть, в то время как другие (а их было большинство) потерпели на этом поприще поражение. Почему Хомейни преуспел в Иране, а убийцы Садата не смогли превратить свое «цареубийство» в революцию? Сравнение двух случаев естественным образом приведет нас к необходимости осмысления, какие социальные группы принимали участие соответственно в иранской революции и в египетских движениях, как в первом случае они объединились под руководством религиозного лидера, а во втором — оказались жертвой разобщенности.

Измеряя плотность и сложность явлений, социальный анализ делает заведомо устаревшим расхожее мнение, которое, основываясь на оценочных суждениях, проецирует на данное движение — идеализируемое или демонизируемое, но всегда сводимое к фантазии, лишенной реального содержания, — предвзятые и необоснованные представления.

Двадцать лет тому назад написание такой книги было бы невозможным. Сегодня это необходимо. В самом деле, на наших глазах близится к завершению целый исторический цикл: как мы увидим, исламистские движения вступили в фазу заката, который с середины 90-х годов XX века становится еще более стремительным. Понять его причины, оценить его влияние, предсказать возможные последствия — вот ключевая задача на ближайшее будущее для мусульманского мира, который в начале третьего тысячелетия насчитывает более одного миллиарда правоверных, что уже превышает численность католиков. А *posteriori*, можно констатировать, что эра исламизма — период с начала 70-х годов и до конца XX века — оказалась эрой крупных и драматических потрясений, произошедших в том мире, где она началась с выходом на арену первого поколения, родившегося после обретения независимости. В значительной мере этот период явился отрицанием предыдущей эпохи — эпохи национализма. Сегодня, в 2000 году, идеологическое ослабление исламизма и снижение его мобилизационного потенциала знаменуют собой начало третьей стадии — стадии преодоления. На этом этапе, открывающемся в XXI веке, мусульманский мир, несомненно, окончательно вступит в современность, следуя еще неизвестным нам моделям слияния с западным универсумом — в частности, через эмиграцию и ее последствия, через революцию в области телекоммуникаций и информации. Чтобы лучше представить себе последствия данного процесса, необходимо подвести итог истекшему периоду, понять, каким образом исламизму удалось прийти на смену национализму, сохранив при этом некоторые из его черт. Следует также понять, как и каким образом закат исламизма может, в свою очередь, открыть путь к мусульманской демократии, основы которой закладываются в наши дни.

Движение, теоретически разрабатывавшееся с конца 60-х годов XX века несколькими идеологами (пакистанцем Маудуди, египтянином Кутбом и иранцем Хомейни), укоренится в обществах лишь в последующее десятилетие. По-настоящему исламистская эра начнется после израильско-арабской войны в октябре 1973 года, выигранной Саудовской Аравией и другими странами — экспортерами нефти, когда цена на углеводородное сырье резко подскочит вверх. Первая фаза этой эры — фаза раскачивания — завершится исламской революцией 1979 года. Если хомейнистский Иран будет воплощать собой радикальный полюс, «электризирующий» массы и поднимающий обездоленных на борьбу против несправедливого порядка, то саудовская династия — хранительница Святых мест Мекки и

Медины — поставит свои несметные богатства на службу консервативной концепции общественных отношений. Эр-Рияд провозгласит моральный ригоризм и во имя его станет финансировать распространение по всему миру групп и партий, которые будут выступать с этих же позиций.

Исламистское движение изначально двойственно — и в этом состоит вся трудность его понимания. В его рядах мы встретим бедную городскую молодежь — плод демографического взрыва в третьем мире и массового обезлюдения сельской местности, — которая впервые в истории получит доступ к начальному образованию. В исламистском движении мы также увидим религиозную буржуазию и средние классы. Отчасти это выходцы из семей базарных торговцев, оттесненных в момент деколонизации на обочину общества военными или династиями, захватившими власть. Эти слои состоят также из врачей, инженеров и бизнесменов, уехавших работать в консервативные нефтедобывающие страны. Быстро обогатившиеся, они оказались вне политической игры. Все эти социальные группы, имевшие разные амбиции и по-разному смотревшие на мир, на протяжении жизни одного поколения будут находить в исламистском политическом языке общее выражение своих фрустраций и несовпадающих чаяний. Соответствующий дискурс станет уделом молодых интеллектуалов, в большинстве своем — недавних выпускников научных и технических факультетов, вдохновленных идеологами 60-х годов.

Таким образом, с конца 70-х годов на политической сцене большинства мусульманских стран уже присутствовали основные действующие лица исламистского движения. Они появились также в том региональном пространстве, где Саудовская Аравия, с одной стороны, и революционный Иран — с другой, вступят в жестокую битву за контроль над смыслом, который они хотели бы придать самому исламу. Правительства стран, оказавшихся между этими полюсами, — таких как Египет, Пакистан или Малайзия — станут поощрять исламистских активистов, видя в них союзников в борьбе против еще живого социализма, но властям не всегда будет удаваться контролировать динамику проникновения исламистов в народную гущу, свидетельством чему — убийство в Каире в 1981 году группой «Аль-Джихад» президента Садата.

Исламизм распространялся по всему мусульманскому миру с начала 80-х годов, становясь главной темой споров о будущем общества: двусмысленный характер исламистской идеологии, которую мог разделять как бородатый капиталист, так и обитатель трущоб, способствовал популяризации этих движений. Эта вторая фаза была отмечена стремительной экспансией движения, но одновременно и обострением его внутренних противоречий. Апелляция к религии, позволявшая не отчитываться за свои свершения в посюстороннем мире, давала исламистам «отсрочку» в выполнении конкретных обязательств. Обещая восстановить справедливое общество времен раннего ислама и государство, основанное Пророком в Медине, исламизм воплощал в себе утопию тем более привлекательную, что она противостояла режимам, уже испорченным коррупцией, экономическим упадком и падением нравов, авторитаризмом, подавлением гражданских свобод — типичными чертами мусульманского мира той эпохи.

К контролю над этой внушительной мобилизационной силой не оставалась равнодушной ни одна из региональных держав: одни намеревались ее обуздать, другие — поддержать, но при этом и те, и другие пытались вмешиваться. Иранская революция стала для власть предержащих предупреждением: оттолкнув от себя клерикальный блок, шах оказался в изоляции, лишился всякой опоры в обществе. Хомейни победил потому, что сумел объединить в неукротимом порыве торговцев с базара, бедноту и даже светские средние классы, уверенные, что смогут манипулировать тем, кого они считали харизматическим, но бессильным стариком. В 80-е годы все усилия правящих режимов будут направлены на то, чтобы раздробить исламистское движение на составляющие: будут раздаваться авансы набожной буржуазии, лишь бы оторвать ее от народных масс, в страхе, как бы повторяющиеся, но бесперспективные бунты не переросли в новые исламские революции. Идя на очередные уступки в области культуры и морали, правящие режимы

будут поощрять атмосферу реисламизации в ее реакционном воплощении. Светские интеллектуалы, писатели и прочие «прозападные элиты» будут принесены в жертву самым ретроградным клерикалам в надежде, что те благословят властителей и дальше править государством. Саудовская Аравия сыграет в этом процессе решающую роль, рассыпая щедроты, делая поблажки и уступки, «приручая» религиозные средние классы благодаря финансовому инструментарию исламской банковской системы, складывавшейся в ту эпоху.

На международной арене это десятилетие пройдет под знаком ожесточенной борьбы между саудовской монархией и хомейнистским Ираном. Экспорту революции, задуманному Тегераном по примеру французской и русской революций, Эр-Рияд противопоставит политику сдерживания, вдохновленную американским containment¹⁰ Советов времен «холодной войны». В войне, развязанной против революционного Ирана в 1980 году Саддамом Хусейном с благословения монархий Залива и при благожелательном отношении Запада, хозяин Багдада, вождь светской партии, привлечет на свою сторону религию, чтобы лишить своего противника монополии на нее. В свою очередь, Тегеран, чтобы переломить ситуацию в свою пользу, действуя через ливанское движение «Хизбаллах», будет использовать терроризм и брать в заложники западных граждан, начнет чинить препятствия паломничеству в Мекку. Но главной ареной этого конфликта станет Афганистан. Джихад, финансирующийся в этой стране нефтяными монархиями Аравийского полуострова и ЦРУ, имел явной целью устроить Советскому Союзу, вступившему в Кабул в 1979 году, свой «Вьетнам», который в конце концов ускорит падение Советов. Еще одной функцией джихада будет отвлечение радикальных активистов всего мира от борьбы против американского «большого сатаны» — к которой их призывал Хомейни — и канализация недовольства в направлении СССР. Афганский джихад имел кардинальное значение для эволюции исламистских течений в мировом масштабе. Он стал тем главным «делом», за которое готовы были бороться все исламисты — как умеренные, так и радикалы. В арабском сознании он подменил дело Палестины, став символом перехода от национализма к исламизму. В Афганистане помимо моджахедов из числа местных жителей сражались «джихадисты» из Египта, Алжира, стран Аравийского полуострова, Южной и Юго-Восточной Азии, составлявшие «интернациональные бригады». Прекрасно обученные ведению партизанской войны и жившие в замкнутой среде, они вынашивали свой вариант исламской идеологии, в центре которого лежала идея вооруженной борьбы, сочетавшаяся с крайним религиозным ригоризмом. Вплоть до 1989 года саудовские, пакистанские и американские спецслужбы сохраняли уверенность в подконтрольности им этих бородатых «Freedom Fighters»,¹¹ участвовавших в «великой битве» с советской «империей зла», что в глазах самых горячих приверженцев дела исламизма составляло альтернативу иранской революции. В том году исламистское движение достигло своего апогея: в палестинском восстании — интифаде — гегемония ООП была поколеблена движением «Хамас»; в Алжире — пионере тьер-мондизма¹² — зародился Исламский фронт спасения, который одержит безоговорочную победу на первых с момента завоевания независимости свободных выборах; в Судане военный переворот сделает хозяином страны исламистского идеолога Хасана ат-Тураби. В Афганистане уход Красной Армии ознаменовал победу джихада и его саудовских покровителей, в то время как Хомейни, вынужденный подписать перемирие с Ираком, компенсировал неудачу с экспортом иранской революции знаменитой *фетвой*,

---

¹⁰ Сдерживание (англ.).

¹¹ «Борцов за свободу» (англ.).

¹² Тьер-мондизм — термин, возникший во французской политологии в начале 70-х годов XX в. Обозначает идеологию, делающую акцент на новаторском потенциале стран «третьего мира» (фр. *tiers-monde*) перед лицом угрозы со стороны Запада, а также выражение солидарности с этими странами. (Примеч. ред.)

призвавшей к убийству Салмана Рушди. Этим жестом он символически распространил пространство ислама — *умму* — на западный мир, начиная с Западной Европы: британский подданный Рунши был объявлен заслуживающим смерти в силу приговора, вынесенного ему иранским аятоллой. В тот же год ношение исламского платка школьницами-мусульманками во Франции вызвало общенациональную дискуссию, которая свидетельствовала о влиянии исламистских движений на молодое поколение детей иммигрантов. Тогда же падение Берлинской стены — прелюдия к падению коммунистической системы — позволило *умме* политически выйти за пределы «железного занавеса», вбирая в себя новые мусульманские государства Центральной Азии, Кавказа, а затем и Боснию в самом центре Европы. Наконец исчезновение социалистического мессианства высвободило утопическую нишу, которую исламизм казался способным занять. Но сознание неудержимости своей экспансии, свойственное в то время этой идеологии и движениям, ее разделявшим, опиралось на очень хрупкий социальный фундамент. Союз бедной городской молодежи и набожных средних классов, скрепленный интеллектуалами, разрабатывавшими исламистскую доктрину, не выдерживал затяжной борьбы с правящими режимами. Последним удавалось всё более успешно настраивать фракции движения друг против друга, выставляя напоказ антагонизм их реальных интересов, скрывавшийся за общим, но слишком неконкретным желанием создать исламское государство и ввести шариат.

Вопреки надеждам одних и опасениям других в последнее десятилетие XX века прогнозы 80-х годов не подтвердились.¹³ На авансцену международной жизни вышли такие экстремистские группировки, как алжирская ВИГ и афганские талибы, не говоря уже о пресловутом Усаме бен Ладене. Громкие теракты, совершенные активистами движения, потрясли Париж и Нью-Йорк. Тем не менее исламизм как конгломерат различных социальных групп, спаянных общей идеологией, начинал терпеть поражение, что ускорило наступление заката движения. Конец 90-х годов прошел под знаком насилия и распада.

Детонатором этого процесса стало вторжение в Кувейт иракской армии Саддама Хусейна в августе 1990 года. Развязав войну с целью прибрать к рукам кувейтский сейф, хозяин Ирака, разоренного восьмилетним противостоянием с Ираном, сумел стать символом дела, в борьбу за которое могли вступить многие арабы и мусульмане, особенно неимущие, из ненависти к эгоизму и роскоши нефтяных монархий. Угрожая Саудовской Аравии, вынужденной призвать на помощь международную коалицию во главе с США, он ставил под сомнение религиозную легитимность династии. Последней пришлось пригласить войска «неверных», чтобы те топтали священную для всех мусульман землю этой страны. Эр-Рияд уже не мог претендовать на сохранение контроля над Святыми местами ислама. Тем самым иракское наступление взорвало исламистский консенсус, который старательно выстраивал саудовский режим и который ему удалось сохранить в водовороте иранской революции. Всё радикальное крыло исламистского движения, равно как и бедная городская молодежь, отождествлявшая себя с ним, повернулись против королевства и контролируемых им международных сетей, в которые были вовлечены в основном набожные средние классы мусульманских стран. Помимо «инакомыслия во имя Аллаха», проявившегося в 1991 году на самой саудовской земле, распад исламистского конгломерата дал о себе знать в полную силу в деятельности отправившихся в Афганистан «джихадистов», которые, укрывшись на своей базе в Пешаваре, отныне не контролировались никем и кусали руки кормивших их американцев и арабов. Опыленные джихадом, уверенные в том, что именно они, в одиночку, «свалили» Советский Союз, эти группы перенесли афганский опыт на весь мир и вообразили, что смогут ускорить падение «безбожных» режимов на планете, начав с мусульманских стран, включая Саудовскую Аравию. После перехода Кабула под власть ряда партий моджахедов в апреле 1992 года «джихадисты» разъехались из Афганистана, избрав в

---

¹³ См.: Roy O. *L'echec de l'islam politique*. P.: Le Seuil, 1992. Эта книга Оливье Руа представляет собой плодотворное эссе, идущее вразрез с устоявшимися идеями и открывающее новый подход к феномену исламизма.

качестве основных маршрутов три страны — Боснию, Алжир и Египет. В каждой из них они попытались превратить местный конфликт в джихад, который намеревались возглавить. В Боснии им не удалось «реисламизировать» гражданскую войну, и Дейтонские соглашения декабря 1995 года зафиксировали их поражение. В Алжире благодаря своему участию в партизанской войне «джихадисты» смогли оказать исламистским боевикам неоценимую услугу в плане опыта ведения военных действий, но распространяли в стране ультраэкстремистскую идеологию. Это приводило к бесчинствам, что в конце концов породило к ним негативное отношение в той социальной среде, которая ранее была к ним наиболее благосклонна. В Египте после первого шока, вызванного их насилием, от них также отвернулось население, которое не приняло их методов и доктрины, вызревшей в лагерях под Пешаваром. Во всех трех случаях признаки провала начали проявляться с 1995 года — после террористических акций, в которых сам успех их технической реализации оборачивался против политических намерений их авторов. Влияние выучки, полученной у «афганцев», сказывалось и во Франции, где также побывали самые подготовленные активисты, арестованные после терактов 1994 и 1995 годов. Это несовпадение между экстремизмом оторвавшихся от реальности «джихадистов» и теми социальными, политическими и культурными чаяниями, которые выразились в поступательном продвижении исламизма на всем протяжении 80-х годов, тормозило его триумфальное шествие. Приход к власти талибов в 1996 году в Кабуле, сопровождавшийся введением ими жестких мер в отношении женщин и массовыми казнями «грешников», фанатизм учеников радикализированных суннитских медресе Пакистана, которые с одинаковой ненавистью к нечестивцам убивали своих соотечественников-шиитов и индусов из индийского Кашмира — всё это привело в ужас набожные средние классы. А в Турции пребывание в течение года у власти коалиции во главе с премьер-министром-исламистом Н. Эрбаканом (1996–1997 гг.) лишь ускорило распад союза, который эти средние классы заключили с бедной городской молодежью на политической платформе воинствующего исламизма.

И действительно, с весны 1997 года стали давать о себе знать некоторые признаки того, что многие социальные актеры исламистской коалиции пытались найти выход из того тупика, в который, по их мнению, она их завела. Избрание президентом Ирана Хатами, произошедшее вопреки воле клерикального истеблишмента Исламской Республики, но при массивной поддержке молодежи, родившейся после революции, и городских средних классов, стало самым ярким символом этого желания перемен и признаком новой тенденции, которая, похоже, с тех пор лишь крепла. Аналогичные примеры можно найти в большинстве стран, где существовали мощные исламистские движения и где на смену их слабевшей идеологии приходили поиски нового социального пакта — с теми светскими средними классами, которые раньше предавались анафеме. Этот пакт выстраивался вокруг темы уважения к правам человека, а также стремления к мусульманской форме демократии — этого «западного» термина, еще недавно подвергавшегося проклятию в исламистских кругах. В Индонезии после падения диктатуры Сухарто, далеко зашедшего в своем флирте с исламистской интеллигенцией, был избран президент-мусульманин — поборник светскости. В Алжире правительство, сформированное президентом Бутефликой, объединило светских деятелей и умеренных исламистов. В Пакистане премьер-министр Наваз Шариф, покровитель исламистского движения, был свергнут генералом, считавшим себя последователем Ататюрка. В Судане другой генерал прогнал «серого кардинала» режима Хасана ат-Тураби. Все эти факты свидетельствовали об ослаблении исламистской идеологии и классового союза, который она цементировала. Остается посмотреть, в какую сторону будет эволюционировать движение и сумеют ли правящие элиты, имеющие исторический шанс построить демократию в подконтрольных им странах, воспользоваться случаем и принести необходимые жертвы для расширения своей социальной базы или же властные режимы будут и впредь следовать логике «присвоения» государства — логике, предвещающей новые бури и катастрофы.

Пролог Вызревание

Глава 1 Культурная революция

Двадцать девятого августа 1966 года в насеровском Египте окончил жизнь на виселице шестидесятилетний Сайид Кутб, теоретик современного исламизма. Это событие удостоилось лишь нескольких строк на страницах мировой печати и вскоре забылось. Оно вызывало протесты лишь со стороны сочувствующих и бывших «Братьев-мусульман» — организации, распущенной 12 лет назад и, как полагали в редакциях и правительственных канцеляриях, принадлежащей истории. И всё же эта казнь усилила разрыв между торжествовавшим тогда национализмом, воплощением которого — в его социалистическом варианте — являлся Насер, и исламизмом, родоначальником коего был Кутб. В конце следующего десятилетия соотношение сил между этими двумя идеологиями радикально изменится и исламизм станет, новой мобилизирующей утопией. Многие — одни с энтузиазмом, другие с разочарованием — будут думать, что ему предстоит определять будущее мусульманского мира. Вклад Кутба сыграет здесь решающую роль, наряду с вкладом двух других крупных фигур — пакистанцем Маудуди (1903–1979) и иранцем Хомейни (1902–1989). Маудуди и Кутб, идеи которых перекликаются, оказывали влияние прежде всего на суннитский мир, тогда как Хомейни, идеология которого разрабатывалась в иной среде, действовал прежде всего в рамках шиитского ислама. Все трое разделяли единую, преимущественно политическую, концепцию ислама и призывали к созданию исламского государства. В этом смысле они выступали противниками как светского национализма, преобладавшего в 60-е годы, так и традиционных концепций ислама, которые не отдавали абсолютного приоритета политической борьбе. Однако они принадлежали к трем различным течениям: Кутб проповедовал радикальный разрыв с установленным порядком, что привлекало к нему часть молодежи — как образованной, так и неимущей, — но делало его идеи неприемлемыми для большинства представителей духовенства и средних классов. Маудуди, по мнению которого построение исламского государства должно происходить постепенно, увлекал часть средних классов, но был не в состоянии заразить своими идеями пакистанское население. Что касается Хомейни, то ему удалось повести за собой и обездоленных, и средние слои, и радикально настроенных интеллектуалов, и духовенство. Отчасти этим будет объясняться то, что исламская революция победит лишь в Иране.

На страницах этой книги мы вначале рассмотрим, как каждый из этих троих идеологов современного исламизма определял собственную позицию по отношению к своему политическому и религиозному окружению в 60-х годах — в период интеллектуального становления движения, которое реально заявит о себе в обществе лишь в следующем десятилетии. Мы увидим, как они критиковали господствовавшую в то время идеологию национализма, затем рассмотрим общий исламский контекст той эпохи, по отношению к которому им пришлось определяться: «народную религию» братств и «ученый» ислам мусульманского духовенства — улемов.

В самом деле, исламистская идеология возникла не в вакууме: она противоречивым образом вписалась в религиозную традицию, из которой почерпнула отдельные элементы, доведя их до крайности, а другими пренебрегла, добившись разной степени успеха в зависимости от страны и ситуации.

Именно в сфере культуры (в широком смысле) исламизм начал свою битву, прежде чем проникнуть в общество и политику. Эта битва велась против национализма, за то, чтобы заменить одно мировоззрение другим. Исламистская культурная революция свершалась

узкими группами активистов и интеллектуалов, на которых в конце 60-х годов совсем или почти совсем не обращали внимания. Но она по-своему предвосхитила некоторые кризисы, которые произойдут в обществах через десять лет, и приготовилась ответить на них.

До начала 70-х годов культура национализма господствовала в большинстве мусульманских стран. Она была выработана местными элитами, которые сумели успешно довести до конца борьбу против европейской колонизации: предотвратить ее (как это в 20-е годы сделал Ататюрк в Турции) или добиться для своих стран независимости (как это произошло в большинстве других стран после Второй мировой войны).

Арабские, турецкие, иранские, пакистанские, малайзийские, индонезийские и прочие националисты раздробили исторический мир ислама (*дар аль-ислам*) на отдельные общности, основанные на использовании и распространении того или иного современного письменного языка — языка прессы, книг и радиовещания.¹⁴ Они овладели им, поставили его на службу идеалам, взятым в адаптированном переводе с европейских языков, обратив против колонизатора или империалиста понятия свободы и равенства, появившиеся в эпоху Просвещения. Этот проект эмансипации — воплощавшийся в жизнь на «национальном языке» и формировавший его как таковой — позволил им потеснить духовных лиц, улемов, традиционно обладавших монополией на ученый письменный язык и сделавших его вектором сакрального выражения ценностей общества.

Что касается интеллектуалов-националистов, то в основном они были выпускниками школ европейского типа, получивших распространение в мусульманском мире. Но, несмотря на свою квалификацию, они не были допущены к должностям среднего и высшего звеньев, контролировавшимся колониальными властями, официальным языком которых был язык метрополии. А потому борьба за политическую независимость имела одной из своих целей превращение современного местного письменного языка в официальный национальный язык, с тем чтобы через его использование могла утвердиться новая идентичность граждан независимых государств. Проведя секуляризацию письменного языка, правящие националистические элиты взяли его на вооружение, чтобы его средствами выразить ценности нации, государства и современности, как они их понимали. С годами этот современный письменный язык из-за обычно очень строгой цензуры, которую установили над СМИ и в целом над печатными изданиями авторитарные руководители, превратился в их руках в хорошо контролируемый инструмент пропаганды и политической легитимизации их власти над обществом.

Именно в этот момент на историческую сцену вышли Сайид Кутб и Маудуди. Через свои писания они овладевали этим языком, чтобы сделать его вектором своих собственных ценностей, основанных уже не на императиве нации, но на религиозной апелляции к исламу — критерии единственно возможной культурной, социальной и политической идентичности.

Первым фронтом, открытым в этой культурной битве, стал фронт борьбы за Историю и время. Провозгласив новые государства, националисты хотели создать Историю, действующими лицами которой отныне были бы они сами, обозначив тем самым радикальный и решительный разрыв с прошлым. Турция уже не была Османской империей, арабские государства уже не являлись европейскими колониями, Пакистан отделился от Индии: начиналась новая эра. Напротив, для Сайида Кутба¹⁵ и его единомышленников

---

¹⁴ В этом взгляде на национализм, на создание государственного языка и на роль смены поколений до и после завоевания независимости я следую концепции Бенедикта Андерсона (см.: Anderson B. *Imagined Communities*. L.; N. Y.: Verso, 1991, в частности гл. 3, 5 и 7).

¹⁵ Учение Кутба стало предметом многочисленных комментариев и аналитических статей. Чтобы дополнить сделанное здесь краткое его изложение, позволю себе отослать читателя к моей книге (см.: Kepel J. *Le prophete et pharaon*. 2-e ed. P.: Le Seuil, 1993. P. 39–72. Ch. 2). Более подробная экзегетика его творчества представлена в работах Оливье Карре и Ибрахима М. Абу Раби. См.: Carre O. *Mystique et politique*. P.: Presses de la FNSP et Cerf, 1984; Ibrahim M. Abu Rabi'. *Intellectual Origins of Islamic Resurgence in the Muslim Arab World*. Albany: SUNY Press, 1996.

современная история мусульманских стран после обретения независимости не представляла какой-либо ценности. Более того, она оказывалась развенчана, заклеена арабским кораническим термином «*джахилийя*», обозначающим состояние «невежества», в котором пребывали арабы до ниспослания ислама Пророку Мухаммаду в начале VII века христианской эры. По Кутбу, мусульмане-националисты не знали ислама подобно арабам-язычникам времен первоначальной *джахилийи*. Как те поклонялись каменным идолам, так и современники Кутба, по его мнению, поклонялись символическим идолам, каковыми являлись нация, партия, социализм и т. д. Отвергая, таким образом, претензию националистов на создание новой Истории и отправляя их во мрак доисламских времен, Кутб совершал культурную революцию. Когда в 60-е годы вышли его основные труды, ставшие с тех пор бестселлерами в мусульманском мире (его комментарий к священной книге ислама «Под сенью Корана» и «Вехи на пути» — это «Что делать?» исламистского движения), Кутб страстно взывал к «новому кораническому поколению», которое сможет создать в современном мире новую — исламскую — общность на руинах национализма, подобно тому как Пророк и его поколение построили общину правоверных на обломках разрушенного ими арабского язычества.

Возлагая надежды на новое «поколение», Кутб точно вписал свой проект в контекст времени: он обращался к молодым, родившимся после обретения независимости, к тем, кто уже не мог воспользоваться плодами грандиозного социального перераспределения, произошедшего сразу же после ухода колонизаторов и раздела их имущества. Чтобы убедить своих слушателей, он должен был изъясняться на языке, на котором они были воспитаны. Он ввел простой и строгий способ писать об исламе, далекий от сложной риторики улемов, переполненной ссылками на традицию и перегруженной комментариями. В то время как улемы выражали ценности ислама в архаичном стиле, характерном для возвещения истины в последней инстанции, Кутб стремился быть доступным для читателей, овладевая тем средством политического общения, каковым являлся современный литературный язык, необходимо было превратить его в эффективный инструмент проповеди.

Намереваясь развенчать национализм как идеал, Кутб оперировал двумя концептами, придуманными Маудуди: «суверенитетом» («*хакимийя*») и «поклонением» («*убудийя*») ¹⁶ — самодостаточными и, с точки зрения Кутба, критериями различения ислама и не-ислама, Добра и Зла, Справедливости и Несправедливости. В исламе один лишь Аллах обладает суверенитетом и является единственным объектом поклонения для людей. Единственный справедливый правитель — тот, кто правит в соответствии с откровениями Аллаха. Но когда суверенитетом обладает «идол» (нация, партия, армия, народ и т. д.) и когда он является объектом поклонения толпы (которым умела прекрасно манипулировать пропаганда авторитарных режимов), тогда воцаряются Зло, Несправедливость, Ложь — анти-ислам, *джахилийя*.

Сила данной логики — и причина ее необычайной притягательности в глазах поколения 70-х — заключалась в радикальности того переворота, который она произвела в умах молодежи. Она сокрушала прежнюю утопию, обернувшуюся реалиями авторитарной власти, подобно тому как Пророк сокрушил языческих идолов, и подменяла ее утопией ислама. Конкретизировать последнюю, выстраивать на ее основе какую-то программу не было необходимости, коль скоро ислам уже открыл людям свою истину. Достаточно обратиться к опыту Пророка и его сподвижников и вдохновляться им. Слабость же логики Кутба состояла в том, что она допускала различную интерпретацию этого опыта и возможностей его приложения к реалиям 20-го столетия. Кутб умер, не уточнив своей мысли по этому вопросу, и те, кто будут ссылаться на его авторитет, составят пестрый ансамбль (от

---

¹⁶ См.: Tozy M. *Monarchic et islam politique au Maroc*. P.: Presses de Sciences Po, 1999. P. 25–26. В этой книге Мохамед Този предлагает переводить термин «убудийя» как «покорность» или «подчинение». Арабский корень этого слова содержит оба смысла.

сектантов-мистиков, которые станут третировать все общество как безбожное, до активистов, которые оставят этот эпитет только для характеристики властей предержавших). В результате возникнет путаница, которая в долгосрочном плане нанесет ущерб исламистскому движению в целом.

Вклад Кутба имел решающее значение для понимания процесса вызревания суннитского исламизма во всем мусульманском мире, хотя сам этот вклад определялся прежде всего непосредственно египетским опытом. Будучи наследником традиции «Братьев-мусульман», Кутб трансформировал ее — отчасти вдохновляясь трудами своего пакистанского современника Маудуди, — чтобы сделать из этих идей собственный синтез более воинствующего и радикального свойства.

«Братья-мусульмане» — матрица современного исламизма

Когда в первой половине 60-х годов Кутб писал труды, которые сделают его после смерти самым влиятельным идеологом современного исламизма, он находился в насеровских застенках за свою принадлежность к ассоциации «Братья-мусульмане». 17 Созданная в 1928 году, в колониальную эпоху, и разгромленная в 1954 году молодым государством Насера, она — благодаря трудам своего основателя Хасана аль-Банна (1906–1949) и в ходе собственной практики как массовой организации — выработала модель исламистского образа мысли и действия в XX веке. Хотя она и дала первый толчок формированию взглядов Кутба, ему тоже пришлось к концу жизни извлекать уроки из поражений движения и приспособляться к новой ситуации, порожденной крушением колониализма и появлением враждебного ему, Кутбу, независимого государства.

Оглядываясь назад, идеи Кутба и его многочисленных последователей можно связать с опытом «Братьев». Однако и другие, менее радикальные, течения современного исламизма также апеллируют к этому опыту и иначе его интерпретируют.

Обстановка конца 20-х годов, в которой возникла ассоциация, характеризовалась глубокой растерянностью, охватившей мусульманский мир. Это был период апогея европейской колонизации, но на него пришлась и гибель стамбульского османского халифата, упраздненного в 1924 году Ататюрком. Таким образом, мир ислама оказался одновременно растерзан на части христианскими державами и потрясен изнутри: халифат, символизировавший единство правоверных всего мира, был заменен турецкой и светской националистической республикой. Появление «Братьев-мусульман» явилось одной из форм реакции на эту растерянность. В самом деле, ассоциация взяла на себя роль выразителя того самого политического «измерения» ислама, которое раньше был призван воплощать халиф. Оппонируя египетским националистическим партиям того времени, добивавшимся независимости, ухода британских оккупантов и демократической конституции, «Братья» отвечали им лозунгом, который до сих пор используется исламистским движением: «Коран — наша конституция». Этим они давали понять, что, согласно другой их формуле, «ислам есть полная и целостная система» и что нет никакой необходимости искать в чужих, европейских, а значит частных, ценностях фундамент социального порядка, ибо тот уже заложен в Коране, который, по их мнению, универсален. Эта доктрина свойственна исламскому движению в целом, со всеми его течениями: решение политических проблем,

---

¹⁷ Удачным дополнением к классическому труду о «Братьях-мусульманах» Ричарда П. Митчелла (см.: Mitchell R. The Society of the Muslim Brothers. L.: Oxford University Press, 1969) служит более современная работа Бриньяра Лиа (см.: Lia B. The Society of the Muslim Brothers in Egypt: The Rise of an Islamic Mass Movement 1928–1942. L.: Ithaca Press, 1998). На французском языке см.: Cam O, Michaud G. Les Freres musulmans: 1928–1982. P.: Gallimard, 1983. Б. Лиа, получивший доступ к большому количеству неопубликованных архивных материалов, особо подчеркивает роль «Братьев» в мобилизации социальных слоев, чуждых политике элит. В этом пункте я согласен с ним, хотя и не разделяю общую оценку этой организации автором, которая могла бы быть более критичной.

стоящих перед мусульманами, заключается в создании исламского государства, которое вводит *шариат* (закон, выведенный из священных текстов ислама), как это должен был делать, согласно традиции, халиф.

За несколько лет ассоциация «Братья-мусульмане» превратилась в массовое движение, которое затронуло прежде всего городскую мелкую буржуазию неаристократического происхождения, недавно приобшившуюся к грамоте и проникнутую религиозным мировоззрением. Аль-Банна и его последователи сумели политизировать эту религиозность, переведя ее из регистра традиционного общества, нормы и правила которого она выражала, в регистр колониального городского мира. Ислам «Братьев-мусульман» отказывался замыкаться в пиетизме и обрядности: он противопоставлял «исламскую» современность европейской. Смысл этого выражения никогда реально не уточнялся, и сама его двусмысленность позволила сплотить под его знаменем разные социальные группы с различными чаяниями. В самом деле, если рассматривать современность как разграничение социальной, политической, религиозной, культурной и прочих сфер, то проект «Братьев» 30-х годов, как и их современных наследников, был ей враждебен, поскольку растворял в едином «целостном и полном» ансамбле общество, государство, культуру и религию, из которой проистекало все остальное. Социальный порядок, о котором они мечтали, был лишен противоречий, а политические партии не предусматривались, ведь они лишь нарушали единство общины правоверных и ослабляли ее перед врагами ислама. Таким образом, «Братья» могли одновременно завоевывать исключительно прочные позиции в социальной группе, политически униженной, маргинализованной и недовольной своим положением (к таковой относились вся городская мелкая буржуазия, низшее чиновничество, учителя), и иметь сердечные отношения с окружением египетского короля Фарука, которое видело в ассоциации полезный противовес светским националистам. И с теми, и с другими «Братья» говорили о единстве правоверных, делая акцент на морализаторском и религиозном характере своей миссии.

Эта двойственность будет характерна для многих современных исламистских движений. Она была замечена очень рано и вызвала противоречивые объяснения, особенно в стане левых арабских интеллектуалов. Традиционно они считали «Братьев» популистским движением, которое шло в массы, чтобы растворить их классовое сознание в смутном религиозном чувстве, и тем самым играло на руку существующему порядку. Иногда в ход шли сравнения с европейским фашизмом тех же 30-х годов. Но с 80-х годов появилось «прогрессистское» истолкование идеологии «Братьев» прежних лет, преемственность которой его сторонники обнаруживают в современном исламистском движении. Поскольку «Братья» позволяли социальным группам, не владевшим культурой европеизированных элит, интегрироваться в современное общество, они благоприятствовали демократическому процессу: благодаря им народ через исламскую культуру получил бы доступ к власти. Эти дебаты продолжаются до сих пор.¹⁸ Но обе эти интерпретации сводили исламизм к выражению коренных интересов какой-то одной социальной группы: в одном случае — реакционеров, манипулировавших популистским движением, а в другом — народа,

---

¹⁸ О дебатах на эту тему напоминает Б. Ли. Египетские историки Абдель Азим Рамадан, Рифаат ас-Саид и Тарек аль-Бишри проиллюстрировали первую тенденцию; Б. Ли, на мой взгляд, придерживается (по крайней мере, частично) второй. Это противоречие отражало разногласия вокруг общей оценки исламизма. В мусульманском мире, как и на Западе, помимо самих сторонников движения существовали те, кто рассматривал его как угрозу для свободы и демократии, и те, кто воспринимал его как главную составляющую гражданского общества, выступая за его участие во власти. По данному вопросу, который занимал значительную часть внимания исследователей этого движения и который имеет тенденцию подменять анализ оценочными суждениями, см. Заключение в наст. изд. Среди изобилия статей и научных трудов, посвященных этой тематике, можно отметить сборник под редакцией Мартина Крэмера (см.: *The Islamism Debate* / Ed. M. Kramer. Tel Aviv: Dayan Center Papers, 1997. № 120). Это весьма полезная работа, в которой представлены аргументы сторонников обеих концепций из числа американских, британских, французских и израильских ученых.

идеализированного в своей предполагаемой культурной аутентичности.

История «Братьев», начиная с периода между двумя мировыми войнами, свидетельствует о ярко выраженной социальной двойственности этого первого в 20-м столетии исламистского движения. Эта двойственность точно так же проявит себя в 80-е годы, когда данное движение окажется на пике своего подъема. Оно было в силе, когда ему удавалось, апеллируя к исламской культуре и говоря о бесконфликтном исламском обществе, объединять социальные группы, которые иначе остались бы антагонистичными: городские низы, сельских жителей, студентов, окружение королевского двора и др. Но оно пришло в упадок, когда его различные составляющие вступили в конфликт, а общности культуры и религии оказалось недостаточно для сохранения единства. Угроза единству возникла уже в 1949 году, когда был убит основатель движения — аль-Банна, погибший в обстановке разгула политического насилия, характерного для последних лет существования египетской монархии. «Братья» отдали ему дань — так же как и другие партии. «Секретный аппарат» — этот военизированный филиал ассоциации — практиковал терроризм. Сторонники версии о «фашистском» характере идеологии «Братьев» видели в этом подтверждение своих тезисов, в то время как прогрессисты принижали значимость перехода ассоциации к насилию, которое они ставили в вину маргинальной части движения.

Когда в июле 1952 года «Свободные офицеры» во главе с Насером свергли старый режим и захватили власть, «Братья» оказались в сложной ситуации: чаяния их социального оплота пришли в дисбаланс с их идеологией. Поначалу они приветствовали приход к власти выходцев из народа — таких же, как большинство членов ассоциации, — и роспуск политических партий, раскалывавших общину правоверных. В насеровском Египте «Братья» видели шанс на построение гармоничного общества, гарантией которого будет служить установление горячо желаемого исламского порядка. Но националистический проект вождя (т. е. Насера) очень скоро вступил в конфликт с исламизмом «Братьев». Обе стороны боролись за одну социальную базу (городскую мелкую буржуазию) и стремились к единомыслию в обществе. Конфликт между этими двумя параллельными концепциями разрешился кровью: осенью 1954 года на Насера было совершено покушение, правда, неудачное, которое было приписано «Братьям». Их организация была распущена, ее члены арестованы или сосланы, а многие руководители повешены. В то время многие полагали, что ислам «Братьев-мусульман» потерпел окончательное историческое фиаско и остался в истории лишь как пережиток минувшей колониальной эпохи. Считалось, что ему уже нет места в обществе, которое модернизировалось ускоренными темпами под знаменем авторитарного национализма, эволюционировавшего в сторону социализма и советского блока. На деле же обезглавленное движение начало переход через пустыню, который в Египте займет целых 20 лет, но даст «Братьям» возможность широко развиться за пределами страны и восстановить силы — во многом благодаря осмыслению причин своего поражения в столкновении с насеризмом. Этот урок и те неоднозначные выводы, которые будут из него сделаны, предопределят большинство тенденций, существующих и сегодня в исламистском движении, — от самых радикальных до самых умеренных, в зависимости от отношения к позиции, занятой Сайидом Кутбом. Но в социальном плане поражение «Братьев» в столкновении с Насером объяснялось не столько результатами политических махинаций, сколько тем, что сразу же после захвата власти нарождавшийся насеризм сумел привлечь на свою сторону ту городскую мелкую буржуазию, тех студентов и сельских жителей, которых было немало среди активистов и сторонников «Братства»; власть предложила им реальные перспективы социального роста и интеграции.

Притягательная сила идеологии — как и пределы ее влияния — определяется ее адекватностью социальной практике: успехи и поражения исламизма в XX веке, от эпохи «Братьев-мусульман» до наших дней, подтверждают данную истину вопреки мнению сторонников тех концепций, которые — с оптимизмом или пессимизмом — взирают на это движение как на закономерный итог истории мусульманского мира.

Сайид Кутб: ссоры между наследниками

Успехи «Братьев» объяснялись их способностью спланировать вокруг своей программы различные социальные группы, вести прозелитическую работу, которая сопровождалась активной благотворительной деятельностью в больницах, мастерских и школах при мечетях, контролировавшихся ассоциацией. На пике своей экспансии «Братья» считали себя «солью соли» египетского народа, вместе с которым они шли к желанному идеалу — исламскому обществу. Колониальное господство проклинали, но на зависимую от колонизаторов египетскую монархию это не распространялось: долгое время «Братство» поддерживало отношения с окружением короля Фарука, которому аль-Банна был представлен лично.

Насеровские репрессии радикально изменили положение: исламистское движение, выросшее из распущенной организации, стало подвергаться гонениям со стороны государства, к которому относилось резко враждебно, испытывало отчуждение со стороны населения. Отчуждение это было и физическим (кадры движения находились в эмиграции или в тюрьме), и духовным: хотя пропаганда и принуждение со стороны правившего режима играли свою роль, египетский народ голосовал за Насера, а он был палачом «Братьев». Именно в таком историческом контексте Кутб говорил о *джахилийи*, доисламском варварстве. По Кутбу, она охватывала весь современный ему мир, включая страны, считавшие себя мусульманскими. Ее следовало уничтожить, как это сделал Пророк, сокрушивший первоначальную *джахилийю*, чтобы на ее руинах заново построить исламское государство. Введение понятия «*джахилийя*» было отрицанием прежней практики «Братьев», действовавших в гуще общества и не испытывавших глубокой неприязни к монархии. Оно подразумевало, что члены общества более не считались мусульманами. С точки зрения исламской доктрины, речь шла уже об очень серьезном обвинении — *такфире*. Этот термин, происходящий от слова «*куфр*» («безбожие»), означает отлучение того, кто является (или считает себя) мусульманином, от общины правоверных — *уммы*. В глазах тех, кто следует букве исламского закона в его наиболее ригористичной интерпретации, подобный безбожник уже не имеет предусмотренного шариатом права на защиту. Согласно религиозной формуле, «его кровь разрешена»: он заслуживает смертной казни.

Такфир — это своего рода приговор, не подлежащий обжалованию. Правоведы-улемы — в принципе единственные, кто правомочен его выносить с соблюдением соответствующих юридических предосторожностей, — всегда старались избегать его использования, так как применяемый не по адресу и без ограничений *такфир* был чреват разногласиями и смутой в рядах правоверных. Они могли взаимно отлучать друг друга от ислама, уже не соблюдая всех мер предосторожности, и обрекать тем самым *умму* на гибель. Но Кутб умер, не уточнив своей мысли и, таким образом, оставив открытым вопрос о том, как он понимал *джахилийю* и *такфир* с его непредсказуемыми последствиями.

Среди последователей Кутба, обсуждавших его идеи в местах заключения, выделилось три крупных направления. Крайние экстремисты считали, что безбожие царит повсюду, за исключением их небольшого ядра истинных правоверных. Они выносили тотальный *такфир*, распространяя его даже на своих товарищей по заключению. Другие отлучали от ислама правителей — безбожных постольку, поскольку они правили не в соответствии с повелениями, содержащимися в священных текстах, — но не распространяли его на массу верующих. Наконец, третьи — в основном это были «Братья-мусульмане», отпущенные на свободу или жившие за пределами Египта, признававшие «верховным наставником» организации преемника аль-Банна, Хасана аль-Худайби, — предложили толковать наиболее спорные места в учении Кутба в аллегорическом духе. Разрыв с обществом, с *джахилийей*, должен был пониматься в духовном, а не в материальном смысле. Ведь «Братья» считали себя проповедниками, а не судьями: следовало наставлять общество, чтобы помочь ему стать более исламским, а не осуждать его за безбожие.

В конце 60-х годов три направления проявляли себя исключительно в дискуссиях, шедших внутри движения, существовавшего преимущественно в подполье: в этих дискуссиях молодежь, мечтавшая расщелкаться с государством и даже наказать всё общество за его пассивное принятие этого «безбожного» режима, спорила с уцелевшими представителями истеблишмента «Братьев». Последний, прочно обосновавшийся в Саудовской Аравии и Иордании¹⁹ и напуганный таким радикализмом, предпочитал политический компромисс — когда он представлялся возможным — столкновению с государством: репрессии 1954 года в Египте оставили травмирующее воспоминание. «Братья» ждали своего часа — катастрофического поражения арабских армий в шестидневной войне с Израилем в июне 1967 года. Оно больно ударит по государствам, исповедовавшим арабский национализм, сделает шатким положение Насера, который подаст тогда в отставку, а потом, в самый драматический момент отменит свое решение. Консенсус по поводу националистических ценностей, доминировавших после завоевания независимости, начнет трещать по швам. Именно в эту культурную брешь вместе с другими идеологиями протеста устремится исламистская мысль, эволюционировавшая под влиянием концепций Кутба. Но в начале 70-х годов ее облик уже не определялся одним только арабским контекстом. Свой оплодотворяющий вклад в нее сделал представитель Индийского субконтинента — Маудуди.

Маудуди, исламистский политик

Поскольку Аравия была местом ниспослания исламского Откровения, а арабский язык — языком Корана, мусульманский мир нередко сводят к арабскому миру — пусть даже при этом допускается существование «периферийного» ислама, находящегося в подчиненном положении по отношению к арабскому. Тем не менее в конце XX века арабы не составляли и пятой части миллиардного мусульманского населения планеты, демографические центры которого находились на Индийском субконтиненте и в Юго-Восточной Азии. Такое же упрощение часто допускается и в отношении современного исламизма, который не ограничивается ни арабским миром, ни Ближним Востоком: он глубоко укоренен в Индии и Пакистане. Благодаря Маудуди и менее известным каналам, подобным деобандской школе, давшей жизнь движению «Талибан», тексты на языке урду, широко переведившиеся на арабский и английский языки, оказывали огромное влияние на общую эволюцию международного исламизма в минувшем столетии.

В отличие от Египта, где «Братья» были раздавлены насеровскими репрессиями 1954 года, породившими «паузу» между колониальным периодом и современной эпохой, исламизм на Индийском субконтиненте развивался непрерывно с 30-х годов до наших дней.

---

¹⁹ Начиная с 30-х годов, ассоциация «Братья-мусульмане» вербовала своих сторонников среди студентов из стран Леванта, обучавшихся в высших учебных заведениях Египта, в частности в Аль-Азхаре. По возвращении они создавали местные партийные ячейки, возглавляемые «генеральным контролером» (муракибом). Так было, например, в Сирии, Палестине и Иордании. Сирийский руководитель, Мустафа ас-Сибай, внес значительный вклад в разработку идеологии «Братства», и в период насеровских репрессий 1954 г. центр тяжести организации временно переместился в Сирию. Такое положение сохранялось до тех пор, когда египетско-сирийское объединение (1958–1961) не поставило сирийских «Братьев» вне закона. Именно в Иордании, где местное отделение организации было создано в 1946 г. и им руководил сначала Абдель Латыф Абу Кура, а с 1953 г. — Мухаммад Абдаррахман Халифа, организации удалось развить легальную деятельность, которая продолжается по сей день. С самого начала она пользовалась благосклонностью правящей хашимитской монархии (короля Абдаллаха, а с 1953 г. — короля Хусейна), видевшей в ней средство укрепления своей религиозной легитимности (перед лицом Саудовской Аравии) и политического веса (для династии аравийского происхождения это давало шанс утвердиться в иорданском обществе). Иорданские «Братья» являлись также опорой режима в борьбе против левых националистов и насеристов, особенно во время попытки последних устроить в 1957 г. государственный переворот. «Братья» сохраняли верность королю, в том числе и в сентябре 1970 г., когда его войска подавляли палестинское восстание в Аммане. Все эти аспекты освещены ниже.

И в те десятилетия, пока в Каире шли гонения, именно Маудуди (1903–1979)²⁰ в своих трудах принял эстафету, разрабатывая теории и концепции, которые позволят исламистской идеологии адаптироваться к новым политическим условиям, созданным появлением «нерелигиозных» независимых государств. Он действительно очень рано заложил культурные основы исламского государства, задуманного как антипод «мусульманскому национализму», на базе которого в 1947 году возникнет Пакистан.

В еще большей степени, чем арабские исламисты, Маудуди вначале посвящал свою деятельность культуре в широком значении этого понятия. Он занялся развитием письменного языка мусульман Северной Индии — урду, на котором блестяще зарекомендовал себя сначала как журналист, потом как писатель. Этот язык представляет собой диалект санскрита, к которому добавился широкий пласт арабской, тюркской и персидской лексики и который использует арабскую графику. Урду,²¹ наследие мусульманских завоевателей Индийского субконтинента, был возведен в ранг национального языка Пакистана сразу же после образования этого государства в 1947 году. Он стал политическим символом пакистанского национализма в его противостоянии с Индией, избравшей хинди. Однако этот национализм находился в двусмысленных отношениях с исламом: его сторонники хотели сделать Пакистан «государством мусульман» Индостана, а не «исламским государством» (подобно тому, как Израиль, возникший вскоре — уже в 1948 году, — мыслился светским сионизмом как «государство евреев», а не «еврейское государство»). Пакистанские националисты хотели собрать на ограниченной территории мусульман субконтинента, руководствуясь «социологическим» принципом (не беря в расчет степень их религиозности), чтобы сделать их гражданами современного государства-нации с институтами, во многом списанными с британской модели. Создание этой придуманной нации потребовало широкомасштабного обмена населением, сопровождавшегося резней. Страна состояла из двух отдельных зон, разделенных дистанцией почти в 2000 километров: нынешнего (в то время — Западного) Пакистана и будущей Бангладеш (в то время — Восточного Пакистана). Отделение последней в 1971 году продемонстрировало хрупкость изначальной конструкции, в которой роль цементирующего начала отводилась одной лишь религиозной принадлежности. В рамках этой конструкции урду — языку культуры мусульман Дели и близлежащих районов, на котором не говорили жители территорий, вошедших в состав нового государства, — была отведена роль объединяющего национального письменного языка, лучшего проводника националистической идеологии правивших элит.

Свою первую книгу, «Джихад в исламе», Маудуди опубликовал на урду в конце 20-х годов, в то время, когда аль-Банна создал в Египте ассоциацию «Братья-мусульмане». Маудуди заведомо враждебно относился к проекту создания «государства мусульман» на ограниченной территории, власть в котором перешла бы в руки националистических элит, и боролся за исламское государство в масштабах всей Индии. Безбожным он считал всякий национализм, тем более тот, который в своей концепции государства вдохновлялся европейским примером. Кроме того, он питал недоверие к улемам, которым ставил в вину сотрудничество с немусульманским правительством со времен прихода к власти в 1857 году британских колонизаторов. Маудуди проповедовал исламизацию «сверху», усилиями государства, в котором суверенитет осуществлялся бы от имени Аллаха и которое руководствовалось бы шариатом. Маудуди заявлял, что политика есть «органическая и неотъемлемая часть исламской веры, а «исламское государство», создания которого

---

²⁰ Касаясь трудов и политической деятельности Маудуди, автор опирается в основном на две книги С. Насра (см.: Nasr S. V.R. Mawdudi and the Making of Islamic Revivalism, Oxford: Oxford University Press, 1966; Idem. The Vanguard of the Islamic Revolution: The Jama'at Islami of Pakistan. L.: I.B. Tauris, 1994).

²¹ Этот термин происходит от тюркского слова корду («армия»).

мусульмане добиваются через политическую деятельность, является панацеей от всех их проблем».²² Для Маудуди пять традиционных «столпов ислама» (символ веры, молитва, пост в месяц Рамадан, паломничество и милостыня) были всего лишь подготовкой к *джихаду*— борьбе против творений Аллаха, узурпировавших Его суверенитет.²³ Под пером Маудуди религия превращалась в идеологию политической борьбы. Чтобы вести этот джихад, он организовал «авангард исламской революции» в лице основанной им в 1941 году партии — «Джамаат-и ислами», которая обнаруживала много сходных черт с ленинской моделью. Сама же партия брала пример с «авангарда» в лице первых мусульман: сплотившись вокруг Пророка во время хиджры в 622 году, они порвали с идолопоклонниками-мекканцами и отправились в Медину создавать исламское государство. Партия Маудуди выполняла ту же функцию. Он первым в XX веке подвел политическую теорию под это основополагающее для ислама изначальное размежевание и превратил его в стратегию действия. В этом он вдохновлялся примером европейских «авангардных» партий 30-х годов. Кутб и его преемники сделают то же самое. Однако в отличие от них, создававших свои организации в подполье и демонстрировавших «разрыв» с безбожным обществом в столкновениях с ним, часто с применением насилия, партия Маудуди на протяжении всей своей истории (которая продолжается и по сей день) вела легальное существование, хотя ее основатель и многие руководители не раз оказывались за решеткой. Джихад за создание исламского государства на практике выразился в участии в пакистанской политической системе.

В отличие от египетских «Братьев-мусульман» 30–50-х годов, но также от исламистских партий конца столетия, таких как турецкая Партия благоденствия или алжирский Исламский фронт спасения, «Джамаат-и ислами» не сумела завоевать массовую поддержку, и ее успехи на выборах выглядели весьма скромными. Ее социальная база оставалась ограничена образованными представителями нижней страты среднего класса. Она не затронула своим влиянием беднейшие слои — среду, где был *слабо* распространен язык урду, который Маудуди и его последователи превратили в язык пропаганды. К тому же социальная программа партии отличалась двусмысленностью. Декларируя принципиальную враждебность как к капитализму, так и к социализму, в первую очередь она обрушивалась именно на социализм. Вклад Маудуди в становление современного исламизма заключался в том, что он выступил пионером, впервые теоретически оправдавшим культурное размежевание как с «мусульманскими националистами», так и с миром улемов. Вклад Маудуди заключался также в том, что его партия продолжала существовать в период, когда многие арабские исламисты были дезорганизованы репрессиями. Нельзя недооценить и того интеллектуального влияния, которое она оказала на них в момент, когда они создавали свою идеологию борьбы с торжествовавшим национализмом.

В конце 60-х годов именно «перекрестное» влияние Кутба и Маудуди подготовило возникновение в суннитском мусульманском мире исламистского движения, заявившего о себе в следующем десятилетии. Один был выходцем с Ближнего Востока, где ислам доминировал уже четырнадцать веков и где европейская колонизация не смогла поколебать его позиции. Другой был родом с Индийского субконтинента с преимущественно индусским населением, несмотря на десятивековое политическое господство ислама. Когда в 1857 году колониальная Британская империя свергла его, местные мусульмане ощутили угрозу, которая породила в их среде идеологию «осажденной крепости». Согласно Маудуди, исламское государство — единственное спасение для мусульман, оказавшихся в опасности. Но этот лозунг культурного размежевания не побуждал к социальной революции. Он призывал к политическому участию «Джамаат-и ислами» в деятельности государственных

---

²² Nasr S. V.R. The Vanguard of the Islamic Revolution. P. 7.

²³ См.: Maududi S.A.A. Fundamentals of Islam. 1st English ed. Lahore: Islamic Publication, 1975. P. 249–250.

институтов Пакистана. Разрыв исламистского авангарда с обществом не выливался в диссидентство, повстанческую борьбу, организацию партизанских отрядов. Наоборот, Сайид Кутб, заимствовав у Маудуди понятие исламского государства, намечал гораздо более решительную программу действий. Авангарду предстояло уничтожить безбожное государство, полностью порвать с ним, не идти ни на какие компромиссы с политической системой, от которой ему нечего было ждать. Кутб заложил основы революционной концепции взятия власти, которая отсутствовала у Маудуди и которая обретет многочисленных сторонников среди радикально настроенной молодежи. Но ни тот, ни другой не вкладывали в свои тезисы ясного социального содержания: конечно, Кутб изображал ислам (каким он его себе представлял) как само воплощение социальной справедливости, но он не выступал открыто как представитель «обездоленных» — в противоположность шиитским революционерам. Для него главный фронт борьбы в обществе проходил между исламом и *джахилией*, но ничто в его высказываниях не позволяло вывести отсюда противоречие между «угнетенными» и «угнетателями» — между «обездоленными» и «надменными», — как это сделает иранская революция.

Хомейни, рождение священнослужителя-революционера

В 1971 году шах Ирана Мохаммед Реза Пехлеви организовал на месте древнего Персеполя грандиозные празднества, на которые были приглашены представители мировой элиты²⁴ и аристократии. Шах, находившийся тогда в зените своего могущества, отмечал 2500-летний юбилей иранской монархии, потомком которой он себя считал, хотя сам был сыном офицера-путчиста, захватившего власть в 1921 году и присвоившего себе корону в 1925 году. Обращая свой взор в минувшие тысячелетия и возрождая предания Кира Великого, шах пытался создать миф о непреходящей иранской идентичности, которая должна была легитимизировать его монархию и свести исламизацию его страны к исторической случайности. Гостей Персеполя, конечно, сильно рассмешил бы тот оракул, кто предсказал бы, что через восемь лет старец в тюрбане возьмет власть на волне исламской революции, которая охватит своим пламенем страну и потрясет весь мир. Однако именно тогда аятолла Хомейни, находившийся в ссылке в священном шиитском городе Неджефе в Ираке, свел в один том под названием «За исламское правительство»²⁵ тексты своих лекций с изложением основных принципов, которых с 1979 года будет придерживаться Исламская Республика.

Этот труд, появление которого прошло почти незамеченным, произвел в свое время беспрецедентную интеллектуальную революцию среди мусульман-суннитов: высокопоставленный шиитский священнослужитель принимал идеи, выработанные исламистскими интеллектуалами современной формации, и подкреплял их своим авторитетом правоведа. Между тем и Маудуди, и Кутб, не имевшие чисто религиозного образования, за свои идеи подвергались нападкам со стороны улемов, в адрес которых они не скупались на критику. Суннитский воинствующий исламизм, превратившийся в середине 70-х годов в социальное движение, будет постоянно испытывать трудности из-за конфликтных отношений с ними. Это будет сдерживать его развитие. Напротив, в Иране в начале десятилетия сам священнослужитель в лице Хомейни проповедовал стратегию разрыва с существовавшим порядком. Он мог мобилизовать группы сторонников и последователей гораздо лучше, чем на это были способны интеллектуалы современной

---

²⁴ В оригинальном тексте — «jet-set». (Примеч. ред)

²⁵ См.: Islam, and Revolution. Writings and Declarations of Imam Khomeini/ Ed. and comment. Hamid Algar. Berkeley: Mizan Press, 1981. Приведенный текст можно найти в аннотированной английской версии указанной книги.

формации. Всё это явится одной из причин успеха исламской революции в Иране, не имевшей аналогов в суннитском арабском мире.

В 60-е годы, пока Кутб находился в заключении, а потом окончил свои дни на виселице, зарождавшийся иранский исламизм вращался вокруг двух полюсов. Молодые активисты перетолковывали шиитскую доктрину в революционном духе, вдохновляясь марксизмом и тьер-мондизмом. Часть духовенства, знаменем которой являлся Хомейни, выступала против шаха с антимодернистских позиций. Политический гений аятоллы проявится в его способности стать выразителем чаяний молодых активистов и таким образом расширить ряды своих сторонников за счет современных и образованных городских средних классов, которые в иной ситуации не стали бы прислушиваться к человеку, воспринимавшемуся как яркий традиционалист и даже ретроград.

Самой яркой в интеллектуальном плане фигурой среди этой воинствующей исламистской молодежи являлся Али Шариати (1933–1977). Выходец из религиозной семьи, он отправился получать высшее образование в Париж, где встречался с участниками борьбы за независимость Алжира. Он привнесет в шиизм идеалы, которые найдут отклик в сердцах левых интеллектуалов и революционеров стран «третьего мира» — от Сартра до Гевары и Франца Фанона.²⁶ С этой целью Шариати перетолковывал религиозную доктрину, оспаривая у духовенства, реакционного в его глазах, право на ее интерпретацию. Одним из доктринальных стержней шиизма²⁷ являлась традиция отмечать память мученической гибели имама Хусейна — сына Али, четвертого халифа ислама и внука Пророка. В 680 году его войско было разбито силами суннитского Дамасского халифа, которого шииты, сторонники семейства Али, считали узурпатором, а сам Али предан смерти в Кербеле (город на юге современного Ирака). Традиционно эта церемония памяти воспринимается как олицетворение того, что называется шиитским «долоризмом» (от лат. *dolor* — боль, страдание): правоверные ритуально бичуют себя, рыдают при упоминании мученичества Хусейна и его семейства, упрекая себя в том, что не подросли ему на выручку. Многие века духовенство рассматривало эту памятную дату как символ отрешенности от мира, особенно от власти и политики, которые считались чем-то дурным и грязным. Тем более, что, согласно представлениям большинства шиитов, 12-й имам, Мухаммад аль-Махди, потомок Али, исчез в 874 году, чтобы вернуться к концу времен. В течение его «сокрытия» мир будет наполнен мраком и беззаконием и вновь обретет свет и справедливость только с приходом Махди («мессии»). В политическом плане это толкование имело своим следствием «квиегистскую» позицию: правоверные считали власть дурной, но проявляли к ней внешнюю лояльность, именуемую *такийя*, не восставая против нее. Их благоговение и их сердца принадлежали духовенству, организованному на основе иерархии во главе с великими толкователями священных текстов, финансовая независимость которых была гарантирована *занятом* — шариатским налогом, уплачиваемым правоверными.

Это политико-религиозное равновесие, замешанное на мессианских ожиданиях, «ритмизированное» днями траура и поминовением мучеников-имамов, стало мишенью нападков Шариати, поскольку оно примирялось с несправедливой властью здесь, на земле, в ожидании вознаграждения в будущей жизни и прихода Махди. Но в то время, как его, Шариати, друзья-марксисты отвергали систему в целом, считая ее опиумом для народа, он ограничивался критикой реакционного духовенства, считая неправильным толкование последним шиитской доктрины, которая, по его мнению, не должна была сводиться лишь к самобичеванию, квиегизму и ожиданию мессии, но подразумевала продолжение борьбы Али

---

²⁶ Фанон Франц (1925–1961) — участник и видный теоретик национально-освободительной борьбы в Алжире. Некоторые идеи Ф. Фанона, изложенные им в работах «Черная кожа, белые маски» (1952), «Проклятым заклеянные» (1961) и др., были использованы левозэкстремистскими движениями во Франции и США. (Примеч. ред.)

²⁷ По этим вопросам см.: Yann Richard. L'islam chi'ite, croyances et ideologic P.: Fayard, 1991.

и Хусейна против несправедливой власти. Хватит оплакивать их судьбу: нужно по их примеру взяться за оружие, восстав против сегодняшнего деспотичного правителя — шаха, подобно тому как Али и Хусейн выступили в свое время против суннитских монархов-узурпаторов. Это напоминало тезис Кутба, призывавшего своих последователей повторить деяние Пророка — сокрушить безбожное государство так же, как Мухаммад разгромил поклонявшуюся идолам Мекку. В обоих случаях имела место претензия на возврат к «фундаментальной миссии» религии; при этом она очищалась от любых следов своей исторической эволюции, которые проклинались как компромиссы, и приветствовался радикальный разрыв с существовавшим режимом.

В отличие от Кутба, который выражал свои мысли языком, построенным в основном на исламской доктрине, в работах и высказываниях Шариати чувствовалось влияние марксизма, в частности теории классовой борьбы. Он не стеснялся заменять традиционную формулу, открывающую любое выступление набожного мусульманина, — «Во имя Бога милостивого, милосердного» — словами «Во имя Бога обездоленных»,²⁸ кощунственными для традиционных кругов. В своем переводе на персидский язык книги Франца Фанона «Проклятьем заклейменные» он передал оппозицию «угнетатели» — «угнетенные» кораническими терминами «*мостакбирин*» («надменные») и «*мостадафин*» («ослабленные», отсюда — «обездоленные»). Тем самым он перенес в исламский лексикон теорию классовой борьбы и отвел ей центральное место, которое отсутствует в традиционной религиозной доктрине, каковой она всеми воспринимается.

Демарш Шариати был продиктован не только его убеждениями — он был искренне и глубоко верующим человеком, — но и соображениями целесообразности: неспособность прогрессистских движений, в основном атеистических, мобилизовать массы и взять власть в мусульманском мире в 60–70-е годы он объяснял их культурной оторванностью от населения, которое они хотели повести за собой и которое воспринимало мир сквозь призму идейных категорий, проникнутых религиозным духом. И в то же время исламские формулы самого Шариати вылились в причудливую смесь. Как таковая она была неубедительна для масс, которые он мечтал поднять на борьбу. В период своего наибольшего влияния его взгляды находили отражение в деятельности иранских исламо-марксистских движений, в частности «Моджахедов народа»,²⁹ которые вели вооруженную борьбу против шахского режима, но пополняли свои ряды в основном за счет студентов и, несмотря на свои громкие акции, так и не смогли укорениться в народной среде. Да и сам Шариати, при всем успехе своих лекций, так и остался в общем-то одиноким интеллектуалом. Он умер в эмиграции в Лондоне в 1977 году, незадолго до начала революционного процесса, и его смерть не вызвала почти никакой реакции. Наследие Шариати пережило его самого — после революции его труды посмертно много раз переиздавались, но объяснялось это тем, что его идеи, по крайней мере часть из них, были «перехвачены» аятоллой Хомейни,

---

²⁸ Пример этому приводится в курсе лекций Али Шариати. См.: What Is To Be Done, The Enlightened Thinkers and an Islamic Renaissance / Ed. and comment. Farhang Rajaee. Houston: IRIS Press, 1986. P. 1. В этих лекциях раскрываются многие из рассматриваемых нами вопросов. В настоящее время мы располагаем крупной работой, содержащей очень подробную биографию Шариати (см.: Rahnama A. An Islamic Utopian: A Political Biography of Ali Shari'ati. L.: Tauris, 1998).

²⁹ Иранские военизированные движения 60–70-х годов были представлены двумя основными организациями. Одной из них были «Федаины народа» — созданная в 1963 г. группа марксистско-ленинского толка, вдохновленная идеями Че Гевары, которая перешла к партизанским действиям и провела серию громких операций против шахского режима. Другой организацией были «Моджахеды народа», имевшая более выраженную исламскую ориентацию. Шариати не был тесно связан с ними, но выработанный ими синтез марксизма и ислама частично явился следствием его влияния. Среди их высказываний можно было встретить, например, такое: «Шиитские мученики [Кербелы] были совсем как Че Гевара сегодня. Они принимали мученическую смерть как революционный долг и считали вооруженную борьбу против классового гнета своим общественным долгом» (цит. по: Abrahamian E. The Iranian Mojahedin. Yale: Yale University Press, 1985. P. 92).

комбинируя их с традиционным набором идей, которым он — в отличие от Шариати — владел в совершенстве и был признан в этом качестве народными массами.

Хомейни родился в 1902 году, за год до рождения Маудуди и на четыре года раньше Кутба. В 1962 году он возглавил небольшую группу высшего шиитского духовенства, которая, вопреки квиетистской позиции большинства священнослужителей, вступила на путь диссидентства по отношению к династии Пехлеви. До этого времени он преподавал в Куме, одном из священных городов шиизма, и держался в стороне от политических бурь, занимаясь писанием догматических трактатов консервативного толка. Тогда он выступал против шахских планов «белой революции», программа которой, помимо аграрной реформы, ущемлявшей духовенство — этого крупного земельного собственника, — предусматривала предоставление избирательного права женщинам, принесение депутатами присяги на священной книге, которой не обязательно являлся Коран, а также проведение референдума в поддержку этих мер. Заявления Хомейни, который особенно резко критиковал два последних пункта, «наэлектризовали» оппозицию. В июне 1963 года она превратила поминовение мученика Хусейна в демонстрацию протеста против власти. На следующий год аятолла очень жестко осудил предоставление шахом правового иммунитета американским военным в Иране, обвинив монарха в том, что тот продал страну за горсть долларов, и за это будущий лидер иранской революции был выслан. Ему пришлось поселиться в священном шиитском городе Неджефе в Ираке, где он жил до октября 1978 года, после чего перебрался в городок Нофль-лэ-Шато под Парижем, чтобы победителем вернуться в Тегеран 1 февраля 1979 года.³⁰

В 60-е годы его оппозиция шаху носила прежде всего моральный и сугубо религиозный характер,³¹ она не имела революционной направленности, предполагавшей призыв к свержению режима во имя ислама. В 1970 году он выступил с серией лекций, позднее опубликованных в книге под названием «Велаят-е факих: хокумат-е ислами» («Исламское правительство под опекой доктора права», в сокращении — «За исламское правительство»). Эти лекции решительно порывали не только с шиитским квиетизмом в целом, но и с прежней позицией самого Хомейни. В них он призывал к свержению монархии и утверждению на ее руинах исламского правительства, верховным наставником которого являлся бы знаток шиитского права. Тем самым он перечеркивал всю интеллектуальную конструкцию, учившую мириться с дурным правителем в ожидании мессии и в подчинении духовенству, и проповедовал реальное завоевание власти тем же духовенством. Этот важнейший переворот в господствовавшей шиитской доктрине фактически был отзвуком реинтерпретации традиции молодыми «исламо-революционными» интеллектуалами, знаковой фигурой среди которых был Шариати. В обоих случаях цель состояла в том, чтобы прийти к власти, прогнав несправедливого правителя. Но если Шариати обрушивался на реакционное духовенство и видел в «просвещенных» интеллектуалах (*равшанфекран*), вроде его самого, вождей будущей революции, то Хомейни отводил эту роль служителю религии, *факиху* — то есть самому себе, как покажет история Исламской Республики.

Этот «перехват» идей у активистов-интеллектуалов еще ярче проявился в систематическом использовании в выступлениях Хомейни после 1970 года терминов «*мостадафин*» и «*мастакбирин*», практически отсутствовавших в его лексиконе до

---

³⁰ Об этих событиях см.: Digard J.-P., Hourcade B., Richard Y. L'Iran au XX siècle. P.: Fayard, 1996.

³¹ О доктринальной и морализаторской направленности учения Хомейни можно судить по французскому переводу некоторых его текстов, написанных до 1970 г. (см.: *Principes politiques, philosophiques sociaux et religieux de l'ayatollah Khomeini*. P.: Editions Libres Hallier, 1996). Подбор цитат создает впечатление об их авторе как о догматике и ретрограде. Эта черта, разумеется, была свойственна Хомейни (хотя его западные почитатели того времени старались ее смягчить), но она не отражала характера того социального и политического феномена, каковым была исламская революция. Она свидетельствовала всего лишь о культурной двойственности этой революции и не более того.

этого.³² Сделавшись, таким образом, представителем «обездоленных» (это расплывчатое понятие было в конце концов распространено на базарных торговцев, выступавших против шаха), неджефский аятолла смог своими выступлениями совершить то, что в суннитском мире не удастся никому: получить поддержку не только традиционных сельских и городских слоев, всегда готовых идти за титулованным духовным лицом, но и современных городских социальных групп — школьников и студентов, представителей средних классов, рабочих и служащих. Эти группы «были равнодушны к терминологии, которая превозносила их как социальные классы, имевшие будущее, и противопоставляла их «надменным» угнетателям, сплотившимся вокруг шаха и его двора.

Однако в начале 70-х годов подобные идеи находились еще в стадии вызревания. Их влияние на мусульман — как суннитов, так и шиитов — ограничивалось узким кругом активистов. С ними практически не была знакома городская интеллигенция, политический лексикон которой оставался националистическим, а возможная оппозиция властям предрержащим выражалась в основном в различных вариантах все еще популярного марксизма. Эти идеи почти не воспринимали всерьез режимы, слишком озабоченные распространением в студенческих городках «подрывных» идей, порожденных европейскими и американскими движениями 1968 года. Наконец, исламистским взглядам было трудно утвердиться и на самом исламском религиозном поле, где доминировали консервативные священнослужители, видевшие свою роль в том, чтобы быть наставниками и даже цензорами власти, которую они не хотели ни свергать, ни подменять собой, а также мистические или пиетистские³³ группы без ясных политических целей. Однако с 70-х годов исламистское движение начнет укореняться в обществе, завоевывая монополию на толкование сути ислама, навязывая собственные ценности и пытаясь принизить или дискредитировать *все прочие* представления о религии. Оно будет также заключать союзы с частью духовенства и пиетистскими движениями, с которыми у него установятся сложные и неустойчивые отношения. Чтобы понять его эволюцию, необходимо сначала посмотреть, какие действующие лица стояли на сцене на заре эры исламизма и что представляло из себя «я» то религиозное мусульманское пространство, на которое активисты движения собирались вступить.

Глава 2

Мировое мусульманское религиозное пространство в конце 60-х годов XX века

Страны, составлявшие в конце 60-х годов XX века мусульманский мир — от Марокко до Индонезии и от Турции до Нигерии, — входили в различные объединения, и их общая религиозная принадлежность к исламу не являлась главным политическим фактором. Для правящих элит принадлежность к идейным общностям, построенным на национализме, местном или региональном (вроде панарабизма), или к одному из блоков, поделивших мир после Ялтинских соглашений, имела первостепенное значение. Тем не менее исламские институты, образовательные учреждения, братства, а также исключительно густая сеть мечетей и молельных помещений по-прежнему составляли характерную черту мусульманского мира. Между различными странами, в него входившими, происходил обмен

---

³² В оценке трансформации идей Хомейни в лекциях 1970 г. я согласен с мнением Эрванда Абраамяна (см.: Abrahamian E. Khomeinism, Essays on the Islamic Republic. Berkley: University of California Press, 1993. P. 17–38).

³³ Пиетизм — течение в протестантизме (особенно в нем. лютеранстве), зародившееся в конце XVII — начале XVIII в. Отвергал внешнюю церковность, призывал к углублению веры и личного благочестия (лат. *pietas*). Автор употребляет этот термин применительно к исламским движениям, ставившим на первый план распространение благочестивого поведения в личной и семейной жизни мусульман, а не борьбу за «исламское государство». (Примеч. ред)

людьми, идеями, капиталами, которые помогали устанавливать связи, благоприятствовали успеху одной интерпретации религиозной доктрины в ущерб другой. Никакое из государств не могло оставаться равнодушным к этим явлениям — хотя бы из стремления избежать того, чтобы, развиваясь вне контроля со стороны властей, эти идеи не причиняли вреда правящему режиму и не сыграли на руку соперничающему государству. И многие религиозные движения, которые тогда еще практически не заявили о себе на политической арене, поддерживали или расширяли свое присутствие в общественной жизни — будь то в масштабах одной страны, региона или всего исламского мира. В следующее десятилетие все государства испытают великое потрясение, вызванное появлением исламистских движений, и их реакция на эти движения часто будет оказываться значимым фактором, определявшим успех или неудачу исламистов в их попытке укорениться в обществе.

Исламизация снизу

Выше уже упоминалось, что одной из главных травм, испытанных исламом в начале XX века, было упразднение халифата Ататюрком в 1924 году. Этот институт уже не обладал реальной политической властью в масштабах всего мусульманского мира, но он поддерживал идеал его духовного единства, несмотря на то, что мир ислама был поделен европейскими колониальными державами.³⁴ Во время Первой мировой войны, в которой Османская империя была союзницей Пруссии и Австро-Венгрии, стамбульский султан-халиф в качестве повелителя верующих призвал мусульманских подданных Британской, Французской и Российской империй к джихаду против их колониальных хозяев. Этот призыв не возымел большого влияния на население, к которому он был обращен, но генштабы союзных держав он обеспокоил в достаточной степени, чтобы начать поощрять отправление мусульманского культа сипаями³⁵ и стрелками, которых посылали сражаться и умирать — в окопы. В частности, во Франции осознание властями выгод от развития «франкофильского ислама» впоследствии привело к учреждению Большой парижской мечети в июле 1926 года.³⁶ Речь шла не только о том, чтобы не допустить распространения на ислам в пределах Французской империи доминирующего влияния транснациональных религиозных движений, боровшихся против колониализма, но и о том, чтобы держать под наблюдением и контролем традиционный ислам братств и народных форм религиозности.

В 1927 году — за год до создания организации «Братья-мусульмане» в Египте и за два года до выхода в свет первой книги Маудуди — в Индии заявило о себе течение, которое к концу XX века станет самым значимым из движений реисламизации в масштабах всего мира: «Таблиги джамаат» (сокращенно — «Таблиг»), «Общество по распространению веры».³⁷ Оно претендовало на то, чтобы держаться в стороне от политики. Поначалу его зачинатель, Мухаммад Ильяс, ставил целью с помощью интенсивной религиозной практики

---

³⁴ О конце халифата и различных аспектах панисламской реакции на него см.: Lewis B. *Islam et laïcité*. P.: Fayard, 1988; Landau J. *The Politics of Pan-Islam*. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 1994; Kramer M. *Islam Assembled: The Advent of the Muslim Congresses*. N. Y.: Columbia University Press, 1986.

³⁵ Речь идет о солдатах туземных кавалерийских корпусов, созданных французской армией в Северной Африке. (*Примеч. ред.*)

³⁶ Интересующимся историей учреждения Большой парижской мечети позволим себе рекомендовать нашу книгу: Kepel J. *Les banlieues de l'islam*. P.: Le Seuil, 1987.

³⁷ До 90-х годов о движении «Таблиги джамаат» было почти ничего не известно. Некоторые сведения о нем можно найти в нашей вышеупомянутой книге. См. также: Ahmad M. *Islamic Fundamentalism in South Asia: The Jamaati-Islami and the Tablighi Jamaat of South Asia // Fundamentalisms Observed / Ed. Martin E. Marty M. E. and R. Scott Appleby*. Chicago: University of Chicago Press, 1991. P. 457–530.

вернуть к вере «заблудших» индийских мусульман, подпавших под влияние господствовавшего культурного индусского окружения и сохранивших от своей принадлежности к исламу лишь размытое о том представление. С этой целью он проповедовал буквальное и скрупулезное следование примеру Пророка как совершенного воплощения исламских добродетелей. Это подражание было призвано позволить правоверным порвать в своей повседневной жизни с «нечестивыми» нравами и обычаями, которые противоречили исламу в его самом строгом понимании. Так, перед отправлением в путь адепту предписывалось произносить слова, которые в подобных обстоятельствах произносил Пророк; спать он должен был, по возможности, так же, как — согласно традиции — спал Мухаммад: на правом боку, на полу, положив ладонь под щеку и лицом к Мекке; одеваться ему следовало по возможности в белую джеллабу и т. д. Движение преследовало две цели: вырвать своих последователей из привычного окружения и включить их в общину правоверных, строго соблюдающих нормы религии. Это предприятие имело успех прежде всего там, где ислам был религией меньшинства. Затем, по мере распространения «Таблиг» по всему миру, движение стало добиваться успеха повсюду, где мусульмане были вырваны из традиционной среды вследствие исхода сельских жителей в города или переселения на новые места, где секуляризация жизни резко нарушала устои предков. Среди своих адептов движение проповедовало опору на собственные силы, несмотря ни на какие жизненные преграды, давало незыблемые ориентиры, формировало идейную общность — источник ощущения спокойствия и надежности.

«Таблиг» стоял в оппозиции как к традиционному исламу братств и мистиков (он осуждал как идолопоклонство культ могил, часто присущий народной религиозности), так и к «политизации» ислама в духе Маудуди, Кутба, Хомейни и их преемников. С точки зрения основателей течения, не стоило ждать от государства претворения в жизнь принципов ислама, здесь следовало полагаться лишь на самих себя и те усилия, которые необходимо было приложить для обращения в веру других. Огромный успех движения, присутствующего сегодня повсюду на планете, где живут мусульмане, связан также с одним из положений вероучения, которое побуждает адепта идти по свету, чтобы группа последователей превратилась, по выражению Ильяса, в «передвижную школу, странствующий монастырь, светоч истины и доброго примера и всё это вместе». Поскольку же «таблиговцы» передвигались, по возможности, пешком, следуя примеру Пророка, они своей кропотливой работой создали по всей планете за семь десятилетий широчайшую сеть филиалов и связей, из которой выходили все новые активисты. В 60-е годы «Таблиг» перенес центр своей деятельности из Дели (Индия) в Райвинд, город в окрестностях Лахора (Пакистан). Уже в то время движение играло важную роль: повсюду — в небольших мечетях, где его адепты проводили целые ночи во время своих странствий, среди верующих, к которым они обращались, — они проповедовали ригористскую и объединяющую концепцию ислама, возникшую уже не на Арабском Востоке, а в Индии. В 70-е годы «Таблиг» также станет — *nolens volens* — тем первопроходцем, который проторит дорогу политическим исламистам. Некоторые из них сумеют использовать его филиалы, сети и бывших адептов в собственных целях. Тем не менее тогда мало кто обращал внимание на эту группу, которая делала свое дело, не афишируя себя, избегая рекламы и политики.

Хотя «Таблиг» являет собой ярчайший пример транснационального движения, носившего неувловимый, неформальный характер и с конца 60-х годов располагавшего самой широкой сетью адептов, на исламском поле той эпохи действовали и многие другие группы. Большинство из них не имело политической окраски и ставило перед собой религиозные, а нередко и социальные задачи. Но, получив доступ к значительному числу верующих, они фактически стали выполнять функции посредников между властью и массой индивидов. Государства пытались контролировать этих посредников и привлекать их на свою сторону, если они были открыты к сотрудничеству, и сдерживать или подавлять их, если они относились к нему враждебно или с безразличием.

Государства и ислам: между контролем и репрессиями

В эту эпоху большинство мусульманских стран обретали независимость — за исключением советских мусульманских республик (и Боснии), которые станут самостоятельными лишь через 20 лет. Применительно к исламу правящие режимы можно было разделить на две большие группы, которые в какой-то мере отражали в своих симпатиях и своей ориентации соотношение сил между двумя мировыми блоками. Первую из них составляли «прогрессисты», поддерживавшие отношения с Москвой (в арабском мире — Египет при Насере, баасистские Сирия и Ирак, Ливия при Каддафи, Алжир при Бен Белле и Бумедьене и Южный Йемен, а также Индонезия при Сукарно). Традиционные исламские институты они рассматривали как реакционные, существенно ограничивали их самостоятельные социальные функции и подчиняли их строжайшему контролю в попытке сделать их проводниками социалистической идеологии среди религиозно настроенных масс. Другую группу составляли страны — союзницы Запада, в которых позиция правительств в отношении исламского религиозного поля варьировалась от более или менее выраженного секуляризма (Турция, в меньшей степени — Тунис при Бургибе) до использования ислама как источника легитимизации режима (прежде всего — Саудовская Аравия).

Когда традиционным правящим классам — племенной аристократии, землевладельцам, базарным торговцам — удавалось после обретения независимости сохранить свои позиции, а государство сохраняло монархический характер, религиозные деятели оставались на авансцене. Но при захвате власти современными городскими группами, изгнании пашей и нотаблей, провозглашении республики и — *a fortiori* — социализма в той или иной форме деятели ислама подвергались «чисткам» и оттеснялись на второй план. Национализация не прошла для них бесследно: неотчуждаемое имущество (*вакфы* или *хабусы*) — внушительные земельные наделы и множество недвижимости, «вверяемые Богу» правоверными и традиционно обеспечивавшие подпитку благотворительных фондов и финансовую независимость управляющих ими улемов, — оказалось в руках государства. При этом духовные лица были превращены в функционеров, получавших от властей зарплату, что существенно ограничивало независимость религиозных деятелей.³⁸

Таким образом, в конце 60-х годов отношения между политической властью и исламом варьировались в широком спектре — от их слияния в Саудовской Аравии до лаицизма³⁹ в

---

³⁸ 4 Это имущество, «отданное Богу», на всем протяжении истории мусульманских обществ давало возможность финансировать за счет доходов от него религиозные учреждения (мечети, школы, общественные фонтаны и др.) и позволяло жертвователям надеяться на то, что они попадут в рай. Одновременно эти средства ограждались от алчности сильных мира сего, которые опасались покушаться на имущество, собственником которого являлся сам Бог. Фактически управителями *вакфов* или *хабусов* были духовные лица, улемы, которые сами извлекали из них прибыль, что позволяло им находиться в финансовой независимости от политической власти. Доходы, получаемые от эксплуатации этого имущества (аренда, использование сельскохозяйственных угодий и пр.), направлялись не только на содержание религиозных учреждений; этими средствами могли пользоваться лица, указанные жертвователем (семья, дети, наложница и др.). Эта практика защищала их от превратностей судьбы и в какой-то степени искажала религиозное назначение данного института. Но в тех обществах, где собственность становилась объектом произвольных конфискаций, *вакфы*, в силу гарантии их неприкосновенности, получали огромное распространение. В современную эпоху *вакфы*, к которым немусульманские колонизаторы по политическим соображениям относились с осторожностью, стали одной из первых мишеней независимых государств. Власти ставили в вину управляющим крайне неэффективный менеджмент, непродуктивность, массовый отток бенефициантов и пр. *Вакфы* были национализированы путем перевода их под административный контроль, что не могло не привести к многочисленным злоупотреблениям, о которых часто писала пресса. Эта политика имела своей изначальной целью рационализацию модернизацию управления экономикой, но одним из ее последствий стала утрата улемами независимых источников дохода. Взамен они стали получать зарплату от министерства или управления по делам *вакфов*, что, по логике властей, должно было позволить государству лучше контролировать духовенство. Более подробно на эту тему см.: *Barbar K.T., Kepel G. Les waqfs dans l'Egypte contemporaine. Le Caire: Cedej, 1981.*

³⁹ Лаицизм (от *фр.* *laïcisme*; que — светский) — синоним понятия «секуляризм»; официально используется

Турции. Но сам лаицизм, уникальный для мусульманского мира, не означал, что власть оставалась нейтральной к религии (как во Франции) или не интересовалась религиозной деятельностью. В том узком пространстве, которое она отводила религии, власть осуществляла над ней неусыпный контроль: были запрещены братства и любые партии, ставившие под сомнение светский характер конституции, а исламским образованием ведало официальное учреждение, которое поддерживало «приемлемую» версию религии. Лаицизм республики, основанной Ататюрком, являлся наследником позитивизма Огюста Конта, но за ним стояла и традиция огосударствления ислама в Османской империи,⁴⁰ где *шейх-уль-ислам* («шейх ислама»), выбранный султаном-халифом, следил за тем, чтобы власть последнего не была поставлена под сомнение духовенством или слишком ревностными проповедниками. В странах «арабского социализма» также уделялось пристальное внимание религиозной легитимизации режима, хотя этот вопрос и не становился предметом общественных дебатов: все дискуссии сводились к борьбе с империализмом, сионизмом и т. п. Так, египетские, сирийские и иракские школьные учебники 60-х годов старались внушить детям, что социализм есть не что иное, как правильно понятый ислам; брошюры, воспевавшие социалистический характер ислама, издавались тогда в несметном количестве.⁴¹ Но при этом делалось все, чтобы этот ислам не выходил из-под контроля.

Вопреки общему мнению тогдашних теоретиков «поступательности развития»,⁴² измерявших прогресс модернизации аршином секуляризации, ислам нигде не исчез из народной культуры, социальной жизни или политического строя. Но он по-разному стал проявлять себя в зависимости от характера режима, в различных вариантах сочетался с национализмом — всё зависело от того, какой социальный класс приходил к власти в момент обретения независимости.

В конце 60-х годов мусульманское религиозное поле (в широком смысле этого понятия) располагалось между двумя полюсами. Народный ислам тяготел к набожности, аффекту, его отношение к Богу обычно требовало посредничества «вузов спасения» — святых людей, живых или умерших: основателей или лидеров мистических (суфийских) братств. Ученый ислам отдавал предпочтение интеллектуальному отношению к божественному началу, основанному на чтении и толковании священных текстов специально подготовленными для этого духовными авторитетами — *улемами*. Этот термин, вошедший во французский язык в форме множественного числа (ед. ч. — *алим*), обозначает тех, кто, получив специальное, подтвержденное дипломом образование в религиозных школах или университетах, обладает общественно признанными знаниями Корана, хадисов (свода преданий о Пророке) и всей совокупности норм права, выработанных предшествующими улемами. Различие между этими двумя формами ислама, прослеживающееся на всем протяжении его истории, не является ни абсолютным, ни присущим только ему: некоторые великие мистики были образованными людьми, как это было и в христианстве, и в иудаизме, а некоторые духовные лица вышли из среды братств. Однако в целом оно помогает

в Турции («лаиклик»).

⁴⁰ Отделяя религию от государства, турецкий лаицизм позволял ему осуществлять над ней контроль. Управление по религиозным делам, будучи правительственным органом, публикует сочинения, излагающие ту версию ислама, которая устраивает власть, разрабатывает программы для лицеев по обучению проповедников, выплачивает зарплату служителям культа и т. д.

⁴¹ На эту тему рекомендуем читателю новаторскую работу Оливье Карпе (см.: Сапе О. La legitimisation islamique des socialismes arabes. P.: Presses de la FNSP, 1979). О рынке исламской книги в Египте насеровской эпохи см.: Gonzalez-Quijano Y. Les gens du Livre. P.: Editions du CNRS, 1998.

⁴² В тексте — «developmentalisme». (Примеч. ред.)

представить себе многообразие способов «быть мусульманином», восстановить картину того религиозного плюрализма, который попытается свести к его политическому измерению появившийся в 70-е годы исламизм.

Жизнестойкость братств

В конце 60-х годов народный ислам братств еще был популярен в сельской местности и среди простого городского люда. Население мусульманских стран в большинстве своем составляли неграмотные крестьяне — лишь в следующее десятилетие центр тяжести этих обществ сместится в грамотный мир городов и городских предместий. Эта народная религия играла ключевую роль посредницы между фондом традиционных верований, зачастую доисламского происхождения, и книжной культурой ислама. В одном случае это было какое-нибудь братство в Верхнем Египте, ритуал которого напоминал движение погребальной лодки по Нилу в фараоновскую эпоху; в другом — это могилы мусульманских святых на Индийском субконтиненте или на Индонезийском архипелаге с их многочисленными атрибутами индуистского культа (монументальными лестницами, священными озерами с крокодилами, изобилием венков индийской гвоздики, которыми украшают могилы, как это делают со статуями Шивы);⁴³ в третьем — великие марабуты⁴⁴ Черной Африки — наследники фетишизма. Эта народная религиозность, построенная на культе близких и доступных святых, которые служат ходатаями перед Пророком и осеняют верующих своей *барак* («благодатью», «благословением»), является важным фактором во многих областях жизни. Она создает значительные финансовые и торговые потоки благодаря сбору пожертвований, а также в силу того, что братства распоряжаются обширными сельскохозяйственными угодьями или организуют торговые сети, извлекая выгоду из расселения своих адептов по всему миру (феномен, получивший наибольшее развитие в практике сенегальского братства Муридийя).⁴⁵ Создавая рабочие места, распределяя

---

⁴³ Что касается Индонезии, вспоминается, в частности, местечко Имогири, где захоронены султаны династии Йогьякарта; расположено оно на вершине холма, к которой ведет величественная монументальная лестница, выполненная по образцу священных мест поклонения индусов; здесь сами формы поклонения могилам этих мусульманских правителей несут отпечаток индусского влияния. В пакистанском городе имеется крупное святое место (наряду со многими другими), которое также свидетельствует об этом глубинном взаимопроникновении индусской религиозности и культа исламских святых, — это мавзолей Манго Пир, нависающий над бассейном, в котором разводят священных крокодилов (из личных наблюдений автора, относящихся к августу 1997 г. и апрелю 1998 г.). Сочинений, посвященных исламу суфийских братств, слишком много, чтобы их можно было перечислить здесь. Рекомендуем недавно вышедшую коллективную монографию под редакцией Александра Поповича и Жиля Вайнштейна (см.: *Les voies d'Allah / Sous la dir. de Alexandre Popovic et Gilles Veinstein. P.: Fayard, 1997*), которая дает широкую панораму проявлений этой формы религиозности в наши дни.

⁴⁴ Главы суфийских братств в странах Магриба и Черной Африки. (*Примеч. ред.*)

⁴⁵ Муриды Сенегала являют собой один из самых ярких примеров братства, которое использует лексикон ислама, но сохраняет формы благочестия и культа, уходящие своими корнями в африканскую религиозность. Муридам также удалось обрести большую экономическую мощь, главным образом благодаря беспрекословному подчинению правоверным повелениям марабута, «главного халифа». Последний опирается на своего рода милицию — Байе Фалл, освобожденную от многих религиозных предписаний и составляющую нечто вроде светского филиала братства. Основанное Ахмаду Бамбой (1850–1927), высланным французами из Сенегала в 1895 г. и окончательно вернувшимся в страну в 1912 г. (его ссылку муриды празднуют так же, как хиджру Пророка Мухаммада из Мекки в Медину), братство сначала строило свое финансовое могущество на выращивании арахиса. Впоследствии, после обретения страной независимости и благодаря миграционным потокам, братство еще больше укрепило свое влияние путем контроля над национальными и международными коммерческими структурами. Большую роль в этом сыграли сенегальские бродячие торговцы в Европе и Америке, в подавляющем большинстве — последователи Ахмаду Бамбы. Священный город муридов — Туба — фактически пользуется статусом экстерриториальности, что благоприятствует интенсивной контрабанде.

субсидии и даже поощряя браки, народная религиозность обеспечивает социальную интеграцию. Наконец, она гарантирует существующей власти определенную политическую стабильность, обеспечивая послушание своих адептов в обмен на признание государством ведущей роли братств, уважение их земельной собственности, освобождение от налогов и т. д.

Европейские колонизаторы очень быстро осознали посредническую функцию братств: поначалу разбив их в боях, они заключили с ними договоры. Фотография марабутов Французской Северной или Черной Африки с орденами Почетного легиона, пришпиленными к бурнусу или к бубэ,⁴⁶ стала одним из расхожих образов колониальной эпохи.⁴⁷ После обретения независимости политическая судьба этого организованного народного ислама зависела от многих факторов: степени его сотрудничества с колониальной державой или участия его лидеров в национальной борьбе; его могущества; его готовности сотрудничать с новым режимом, а также от идеологических установок последнего в отношении его. Так, в Алжире сохранение профранцузских симпатий у многих лидеров братств (прозванных за это «Бени да-да»)⁴⁸ и их неактивное участие в войне за независимость в 1954–1962 годы под руководством Фронта национального освобождения (ФНО) не позволили им сопротивляться новой власти: та располагала военным превосходством и ореолом вооруженного сопротивления, а ее лидеры без симпатий взирали на «суеверия» и «идолопоклонство» религиозных «реакционеров», считая их препятствием на пути движения независимого Алжира к социализму. Братства были уничтожены, а их земельные наделы конфискованы в целях проведения аграрной реформы. В среднесрочном плане это привело к возникновению в Алжире институционального вакуума в религиозном пространстве. В конце 60-х годов подобная ситуация, казалось, не могла причинить вреда режиму. Но ниже мы увидим, насколько этот вакуум способствовал стремительному и массовому развитию алжирского исламистского движения во второй половине 80-х годов. В другой стране — республиканской и светской Турции, где братства начали искоренять еще в 1925 году, сразу же после Второй мировой войны началось их возрождение, особенно в деревне. Их шейхи сбывали тогда голоса своих адептов вновь созданным политическим партиям.⁴⁹

Но в большинстве мусульманских стран эпохи независимости новые режимы искали *modus vivendi* с народным исламом. В нем они видели прежде всего фактор политической стабильности, утрата которой несла недавно установившемуся строю больше вреда, чем пользы. Для своих адептов глава братства, именуемый *марабутом*, *шейхом* или *пиром* — в зависимости от региона, — являлся высшим авторитетом: они оказывали ему полное послушание, особенно подчеркиваемое в народной среде. К тому же братства обычно держались слишком далеко от политической сферы, чтобы ежедневно критиковать законодательство или действия властей — в отличие от ученого ислама, улемы которого в принципе должны были следить за соответствием этих актов установлениям священных текстов.

---

⁴⁶ Бубэ — длинная рубаха у жителей Черной Африки. (Примеч. ред.)

⁴⁷ Несмотря на обретение независимости, эти фотографии по-прежнему имеют хождение. В феврале 1998 г. в Тивауане, священном городе тиджанийского братства, можно было приобрести фотографии тиджанийских «главных халифов», отмеченных французскими наградами (из наблюдений автора).

⁴⁸ В оригинальном тексте — «Beni oui-oui». (Примеч. ред.)

⁴⁹ Возрождение турецких братств в 50-е годы XX в. проявилось, с одной стороны, в их зримом присутствии в деревне (где в первые десятилетия существования республики они находились в подполье, демонстрируя, однако, что идеи лаицизма плохо приживались в сельской среде), а с другой — в появлении более «современных» братств, адептами которых становились городские жители. Эти аспекты проблемы подробнее освещены ниже.

Так, в Египте Насер сделал братства своей опорой в борьбе против «Братьев-мусульман» и исламистского движения. Тем не менее стремительная урбанизация страны постепенно ограничивала влияние египетских братств, плохо подготовленных к работе с молодежью, получившей школьное образование. Напротив, в Сенегале, этом «рае для братств», они сумели сохранить контроль как в деревне, так и в городе. «Верховные халифы» братств Муридийя и Тиджанийя, *талибэ* («учениками») которых считало себя большинство сенегальцев, контролировали доходы от сельского хозяйства и коммерции, а с уходом французов удержали в своих руках большую часть рычагов политического влияния. Когда в конце 70-х годов в этой стране благодаря студентам, восхищенным иранской революцией или вернувшимся из арабских университетов Ближнего Востока, появился исламизм, он быстро столкнулся с противодействием марабутов, которые не позволили ему развиваться в большей степени, чем это отвечало их интересам, и покончили с ним, едва такая угроза стала реальной.

Саудовская модель

Если в 60-е годы большинство мусульманских государств достаточно благожелательно относилось к народному исламу братств, была одна страна, в которой они по сей день находятся под еще более суровым запретом, чем в светской Турции или Алжире (где запреты сняты). Это Саудовская Аравия. В этой стране ученый ислам улемов держит монополию на религиозную риторику. И только ему предоставлено право высказываться по поводу основополагающих ценностей общества и политического строя: мистики и светские интеллектуалы здесь унижены в равной степени. В самом деле, саудовская монархия видит свои корни и причины своего процветания в союзе, заключенном в 1745 году между эмиром Мухаммадом Ибн Саудом и пуританским реформатором Мухаммадом Ибн Абд аль-Ваххабом (1703–1792) — борцом с «суевериями», повинными в искажении первоначального ислама. В результате этого союза возникла ваххабитская идеология, знакомство с которой имеет первостепенное значение для понимания сути современного суннитского исламизма, выросшего из идей Кутба и Маудуди, поскольку с ним она имеет важные общие доктринальные положения. Среди них — установка на возврат к основам ислама от любых толкований догмы, строгое соблюдение всех установлений и запретов в областях права, морали, частной жизни и т. д. Она является носителем исключительного социального консерватизма, в то время как исламизм может выступать знаменем как революционных, так и консервативных социальных групп.

Эта близость имела решающее значение для судеб суннитского исламизма: именно в Саудовской Аравии в середине 50-х годов нашли прибежище многие из «Братьев-мусульман», преследовавшихся Насером. В стране, которая уже начала получать значительные доходы от продажи нефти, они составляли слой кадров и интеллектуалов, более образованных, чем большинство саудовцев в те годы. Они пользовались влиянием в Мединском университете (построенном в 1961 году) — учебном заведении, в котором идеи «Братьев» преподавались студентам, приезжавшим со всего мусульманского мира, что способствовало их популяризации. Многие также сколачивали себе состояния, которые частично будут инвестированы в Египет после смерти Насера в 1970 году. Это послужит становлению исламской банковской системы, которая будет финансировать активистов движения. Так еще до начала 70-х годов возникло течение, в котором ваххабитские улемы смешались с исламистскими интеллектуалами и которое назовут «нефтеисламом». Оно будет проповедовать строгое соблюдение исламского закона — шариата — в сферах политики, морали, культуры и пр., но не будет иметь социальной, а тем более революционной направленности. Арабский юмор противопоставит этих исламистов — защитников *саура* («богатства») исламистам — поборникам саура («революции»), играя на созвучии двух терминов. Призыв Сайида Кутба к революционному захвату власти, а также его характеристика всего современного ему мира (включая государства Аравийского

полуострова) как неисламского, как мира *джахилийи*, обычно рассматривается в этих кругах как преувеличение: его списывают на страдания, которые претерпели «Братья» в насеровских застенках. Но к его трудам, обычно публикуемым с комментариями Мухаммада Кутба, его брата, живущего в Саудовской Аравии, относятся здесь с большим пиететом.

Таким образом, в конце 60-х годов возникло зыбкое интеллектуальное течение, обретшее базу в этой весьма консервативной стране. Оно держалось на расстоянии от радикальной мысли, но отнюдь не было враждебно к ней и старалось скорее сглаживать ее «острые углы», чем противостоять ей. В геополитическом контексте эпохи холодной войны это ваххабитско-исламистское течение, процветавшее под эгидой саудовской монархии — близкой союзницы США, заклятыми врагами которой являлись Насер и арабские социалисты, — не могло не пригляднуться западному блоку. В начале 70-х годов те режимы в мусульманском мире, которые столкнулись с левацкой оппозицией, в целях восстановления порядка в студенческих городках будут поддерживать бородатых студентов, рассматривая их как представителей этого течения. Властям и в голову не могло прийти, что в ближайшие годы некоторые из этих студентов превратятся в главную силу протеста против сложившихся порядков.

Тогда еще казалось, что саудовская монархия была способна контролировать это движение, чтобы заставить его служить своим целям на международной арене: в 1962 году в Мекке была учреждена Лига исламского мира — неправительственная организация, финансируемая саудовцами, первое учреждение, специально созданное для «ваххабизации» ислама по всему миру⁵⁰ и противодействия влиянию насеровского Египта. Она направляла в другие страны религиозных миссионеров, бесплатно распространяла труды мыслителей, принадлежащих данному направлению (в частности, Ибн Таймийи и Ибн Абд аль-Ваххаба),⁵¹ и, кроме того, предоставляла средства на строительство мечетей и субсидирование исламских ассоциаций. Она находила адресатов помощи, приглашала их в Аравию и выдавала им «рекомендации» (*тазкийя*), открывавшие путь к деньгам щедрого частного спонсора — члена королевской семьи, принца или простого бизнесмена. Организацией руководили представители саудовского религиозного истеблишмента, но рядом с ними находились и другие арабы, представители «Братьев-мусульман» или их сторонники, а также улемы Индийского субконтинента, близкие к деобандской школе или партии, основанной Маудуди.

Улемы: упадок и стойкость

К концу 60-х годов улемам нигде, кроме Саудовской Аравии, не удалось сохранить монополию на дискурсивное выражение основополагающих ценностей общества. Они во многом утратили свою традиционную независимость от власти. Они стали функционерами на службе государства, которому обычно удавалось заставлять их издавать *фетвы* (авторитетные заключения по религиозным вопросам), оправдывавшие его политический курс. Иногда улемы сопротивлялись той или иной инициативе, которую они считали

---

⁵⁰ См.: Shultze R. *Islamischer Internationalismus im 20. Jahrhundert: Untersuchungen zur Geschichte der Islamischen Weltliga*. Leiden: Brill, 1990. В 1969 г. после поджога мечети Купол Скалы в Иерусалиме (находившемся под израильской оккупацией с 1967 г.) конференция глав мусульманских государств создала Организацию Исламской конференции (ОИК), целью которой стала выработка единой позиции мусульманских государств по основным международным вопросам (в то время в первую очередь по палестинской проблеме). Вынужденная учитывать несовпадающие интересы государств-членов, она не могла выполнять ту же идеологическую функцию, что Лига исламского мира, но Саудовская Аравия играла в ОИК ведущую роль.

⁵¹ Эти два автора, особенно первый из них, живший в 1263–1328 гг., станут в 70-е годы главными авторитетами суннитского исламистского движения, что значительно облегчит массовое распространение их сочинений во всех мечетях мира саудовскими пропагандистскими структурами, как мы это увидим ниже.

«не-исламской».⁵² Но, вынужденные делить власть с интеллектуалами светской формации, они были ослаблены. Светские интеллектуалы оценивали социальную систему по критериям, почерпнутым из традиций европейского Просвещения, адаптированных к местным условиям через посредство языка: интеллектуалы апеллировали не к трансцендентной Истине, но к нормам, в основе которых лежит человеческий разум (демократии, свободы, прогресса, социализма и др.). Улемы же выносили свое мнение относительно соответствия организации общества предписаниям священных текстов. Полученное образование давало им право считать себя корпорацией, обладавшей монополией на знание в этой области, и подвергать остракизму всякого, кто смел заниматься экзегетикой, не будучи при этом патентованным духовным лицом. Светский интеллектуал, пытавшийся дать аллегорическое толкование Корана, опираясь только на собственный авторитет, или — хуже того — бывший *алим*, который изменял своим коллегам, предлагая богохульное прочтение священных текстов и пересматривая устоявшееся толкование того или иного положения догмы, предавался анафеме. На протяжении XX века эти смельчаки не раз обрекали себя на гнев цензуры. Бывали случаи, когда интеллектуалы, на которых таким образом указывали пальцем, гибли под пулями фанатиков или эмигрировали, дабы избежать угрозы своей жизни. Но в конце 60-х годов большинство светских интеллектуалов в мусульманском мире не интересовалось религиозными вопросами, которые, как им казалось, уже не играли особой роли в организации общества; они не оспаривали у улемов функции «хранителей ислама», уже не имевшей, на их взгляд, большого значения.

В Египте, где находится Аль-Азхар — учреждение с тысячелетней историей, огромный престиж которого основан на том, что в нем проходят обучение улемы со всего мира, насеровский режим предпринял в 1961 году грандиозную реформу.⁵³ Она поставила это учреждение под прямой контроль государства и была призвана побудить преподавателей и студентов на демонстрацию совместимости ислама с насеровским социализмом. Дойдет до того, что *азхариты*, одетые в военную форму, будут маршировать в ногу под командованием армейских офицеров. Часть студентов и профессорского корпуса пойдет навстречу новым веяниям, другие же улемы, будучи не в силах открыто сопротивляться жесткой власти, останутся «плестись в хвосте». Реформа вызовет самое серьезное к себе отношение у противников Насера: уже на следующий год Саудовская Аравия создаст, как отмечалось выше, Лигу исламского мира. Однако, слишком жестко привязав Аль-Азхар к власти, она лишила его прежнего авторитета. К концу 60-х годов корпорации улемов уже не удастся играть традиционную роль посредника между государством и населением, призывая народ подчиняться власти, но имея при этом возможность свободно критиковать ее, чтобы она исправилась и установила справедливость. Верхушка духовенства окажется слишком зависима от политического руководства: это развяжет руки тем, кто будет претендовать на роль свободных критиков режима с позиций исламских идеалов (в понимании этих

---

⁵² Так, в 1999 г. улемам, вопреки воле саудовских властей, удалось помешать проведению празднеств по случаю золотого юбилея Саудовской Аравии на том основании, что единственными разрешенными праздниками являются праздник разговенья (Ид аль-Фитр, которым заканчивается Рамадан) и жертвоприношения (Ид аль-Адха). Власть была вынуждена подчиниться. Действуя через религиозную полицию (*мутава*), «комитеты по повелеванию благого и запрещению дурного», улемы оказывали сильное влияние на публичное проявление веры в стране. Они заставляли людей участвовать в ежедневных пятикратных молитвах, запрещали смешение полов, игру на музыкальных инструментах, человеческие изображения и т. д. Однако если государство и позволяло улемам играть определяющую роль в культуре и против своей воли шло им на некоторые уступки, то, внедряя улемов в администрацию, монархия преследовала цель лишить их реальной самостоятельности в наиболее важных политических областях (см.: Al-Yassini A. Religion and State in the Kingdom of Saudi Arabia. Boulder: Westview Press, 1985. P. 67). В 70-е годы, как мы увидим ниже, это равновесие будет подвергнуто суровым испытаниям.

⁵³ О реформе Аль-Азхара и положении улемов в современном Египте см.: Zeghal M. Gardiens de l'islam: Les oulemas d'Al Azhar dans Egypte contemporaine. P.: Presses de Sciences Po, 1996.

критиков), независимо от того, получили ли они духовное образование, или нет.

В двух других арабских странах, имевших богословские образовательные учреждения с тысячелетней традицией — Тунисе (где с 734 года действует университет Зитуна) и Марокко (где в 859 году был учрежден университет Каравийин в Фесе), режимы, возникшие после обретения независимости, будут проводить в отношении улемов различную политику. В Тунисе Бургибе, получившему светское образование во времена французской Третьей республики, стали опорой городские средние классы. Его многолетняя борьба против французских колонизаторов придала ему очень прочную политическую легитимность. Он обходился без благословения духовенства: устранив корпорацию улемов, он лишил Зитуну того, что составляло смысл существования этого учреждения. Чтобы подчеркнуть светский характер общества, Бургиба не останавливался перед эпатажными жестами, такими как стакан лимонада, выпитый прямо перед телекамерами в месяц Рамадан, или запрещение забивать баранов в Ид аль-Кебир (или *Ид аль-Адха*, праздник жертвоприношения, установленный в память жертве, принесенной Авраамом). Но он всё же заботился о том, чтобы придать своей политике религиозное обоснование: так, экономическое развитие превращалось в джихад, священную битву во имя Аллаха, в которой можно было пренебречь некоторыми ритуальными обязанностями, мешающими достижению успеха. В отличие от Египта, где реформа Аль-Азхара была предпринята с тем, чтобы более эффективно контролировать и использовать корпорацию улемов, в Тунисе при Бургибе они были устранены со сцены, что позволило «верховному борцу» использовать ислам по своему усмотрению, когда он испытывал в этом нужду. Этот вакуум даст о себе знать в 70-е годы, когда Движение исламской тенденции (ДИТ) быстро оккупирует религиозное пространство, не встретив реального сопротивления ослабленного духовенства, вынуждая власть использовать преимущественно репрессивные меры, чтобы покончить с исламистским движением.

В Марокко с окончанием в 1957 году режима французского протектората улемы, верная опора короля Мухаммада V, с готовностью укрепили власть правителя исламской легитимизацией, которую он сделает одной из опор власти в столкновении с оппозицией в лице городских средних классов. Тем не менее монарх, который оказывал им почет и предоставлял широкие полномочия — в противоположность тунисской ситуации, — предусмотрительно лишил их возможности самостоятельно выражать свою потенциально критическую позицию.⁵⁴ Его сын Хасан II, взойдя на престол в 1961 году, лишь самому себе позволял высказываться по поводу ислама. Он провозгласил себя потомком Пророка Мухаммада (откуда проистекал его титул «шерифского» правителя) и присвоил себе титул Повелителя правоверных (*амир аль-муминин*), придавший монаршей особе сакральный статус. В этом качестве он принял присягу на верность (*байа*) от улемов, потомков Пророка, членов династии. Но одновременно в глазах короля эта присяга не имела силы контракта. Таким образом, марокканские улемы играли институциональную роль, но были ограничены утверждением решений Повелителя правоверных: он оставался последней инстанцией в делах ислама. К концу 60-х годов марокканское религиозное пространство обладало широтой и легитимностью, но одновременно оставалось под контролем. И когда в начале следующего десятилетия в стране проявит себя исламистское движение, оно сможет с легкостью оперировать в среде, языком которой оно владело, не вызывая у властей подозрений. Это облегчит процесс укоренения исламистов в обществе, но движению будет очень трудно перейти к стратегии разрыва с политическим строем, не нарушая табу — сакральности монарха, против чего по-прежнему будут выступать массы населения.

В Алжире, где не существовало прочной национальной традиции подготовки улемов (на практике эту функцию выполняли Зитун в Тунисе и Каравийин в Фесе), в 1931 году

---

⁵⁴ Об отношениях между троном и улемами в Марокко см.: Tozy M. Monarchie et islam politique....

была создана Ассоциация алжирских улемов.⁵⁵ Основанная Абдель Хамидом Бен Бадисом через три года после создания египетских «Братьев-мусульман», она имела с последними много точек соприкосновения в доктринальном плане, но, в отличие от движения аль-Банна, ее влияние не проникало в массы, ограничиваясь городскими образованными слоями. Поначалу члены Ассоциации настороженно относились к активистам борьбы за независимость из ФНО, сомневаясь в их религиозности, и подключились к восстанию лишь в 1956 году, спустя два года после его начала. Они будут способствовать исламскому обоснованию войны за независимость, участники которой называли себя *муджахидами* (дословно: «воинами джихада») и павших на которой именовали *шухада* (мн. ч. от *шахид* — «мученик веры»).⁵⁶ После завоевания независимости в 1962 году это течение было вытеснено на обочину общественной жизни президентом Бен Беллой, в то время воинствующим социалистом, который рассматривал членов Ассоциации вкупе со всем религиозным движением, братствами и марабутами как реакционеров. В 1966 году была распущена ассоциация «Аль-Киям» («Ценности»), протестовавшая против казни Кутба в Египте. В Алжире в течение этого и следующего десятилетий внутри самой правящей партии ФНО возникло консервативное исламское течение (из-за чего алжирские остроловы присвоят ему эпитет «*barbefelene*»⁵⁷). Но в стране практически отсутствовали авторитетные улемы. Доходило до того, что, когда в начале 80-х годов (на десятилетие позже, чем в других странах) в Алжире появится исламистское движение, власти, чтобы дать ему отпор, окажутся вынужденными пригласить египетских улемов на руководящие посты в недавно созданном исламском университете в Константине, поскольку собственных подготовленных кадров не окажется. И интеллектуалы из Исламского фронта спасения (ИФС) смогут легко занять это поле, не встретив соперничества со стороны малочисленных докторов мусульманского права, знатоков и комментаторов священных текстов, способных дать иную интерпретацию ислама, нежели их собственная.

Это общее ослабление позиций улемов, сказывавшееся в конце 60-х годов во всех арабских странах за исключением Саудовской Аравии, ощущалось и в остальной части мусульманского мира. Однако в большинстве стран они сохранили более или менее значимые институциональные позиции. В Турции после провозглашения республики Ататюрком в ходе авторитарной секуляризации 20-х годов были упразднены медресе, эти традиционные школы по подготовке улемов в Османской империи. Однако в 50–60-е годы государство учредило вместо них лицеи по подготовке имам-хатыбов⁵⁸ (*имам хатип лисеси*), сеть которых к концу столетия значительно разрослась.⁵⁹ Столкнувшись с живучестью сельского ислама, считавшегося архаичным и даже враждебным республике,

---

⁵⁵ См.: Merad A. *Le réformisme musulman en Algérie de 1925 à 1940*. P.; La Haye: Mouton, 1967.

⁵⁶ Ежедневная газета ФНО, единственной политической партии до 1989 г., носила название «El Moudjahid», что указывало на интерпретацию освободительной войны (источника легитимности власти) как джихада. Аналогичным образом почетное название независимого Алжира в арабском мире звучало как «страна миллиона шахидов», т. е. алжирцев, погибших в войне 1954–1962 гг. Согласно этому выражению, они получали статус мучеников не только за нацию, но также и за веру. Эта тематика станет предметом обсуждения и критики во время гражданской войны, начавшейся в 1992 г. Подробнее см.: El Oifi M. *La guerre en Algérie vue du monde arabe: Le cas de la chaîne satellitaire d'Al Jazeera // Pouvoirs*. 1998. Automne. P. 129–144.

⁵⁷ От *barbe* (фр.) — борода и *FLN* (фр.) — ФНО. (*Примеч. ред.*)

⁵⁸ Имам-хатыб — имам, сочетающий функцию предстоятеля на молитве с чтением пятничной проповеди (*хутба*). (*Примеч. ред.*)

⁵⁹ О расширении сети лицеев по подготовке проповедников см.: Тигап I. *Religion and Political Culture in Turkey // Islam in Modern Turkey / Dir. Richard Tapper*. L.: Tauris, 1991.

государство решило взрастить генерацию «современных» проповедников, усвоивших тезис о том, что верно понятый ислам и турецкий лаицизм прекрасно сочетаются друг с другом, и получавших смешанное — религиозное и светское — образование. Эта инициатива, напоминая реформу Аль-Азхара, проведенную в 1961 году в насеровском Египте, была призвана подготовить политически надежных улемов, но при этом сохранить ограниченным их влияние. Ни одна из этих целей по-настоящему не была достигнута. Лицеи для проповедников имели большой успех, поскольку внезапно они открыли доступ к образованию для всей сельской молодежи, перед которой двери светских училищ были закрыты. Эти лицеи позволили ей поднять свой социальный статус, не платя за это секуляризацией своих убеждений. Выпускники учебных заведений этого типа поставили свою изначальную культуру выше целей, намеченных государством. С 70-х годов они составят социальную базу исламистских политических партий, руководимых (под разными названиями) Неджметтином Эрбаканом.

На другом краю мусульманского мира, в Индонезии, после принятия в 1945 году Декларации независимости, разгорелись дебаты об устоях молодого государства. В этих дебатах улемы из созданной в 1926 году организации «Нахдатул улема»⁶⁰ и целого ряда воинственных исламских группировок столкнулись со светскими националистами, чей лидер, Сукарно, не скрывал восхищения перед Атаатюрком.⁶¹ Государство было основано не на исламе, но на «пяти принципах» («панча сила»), среди которых фигурировали национализм и вера в Единого Бога. Этот компромисс, который устраивал немусульманские меньшинства — китайское, христианское и индусское (около 10 % населения), был продиктован также размытым характером индонезийского ислама, отличавшегося синкретическим сочетанием с ранними индусскими верованиями и практикой, широко распространенными на Яве — наиболее населенном острове архипелага.⁶² Но в 1949 году самые рьяные сторонники создания исламского государства, объединившиеся в движение «Дарул ислам», начали на Яве партизанскую войну. Только в 1962 году они были разгромлены армией,⁶³ молодые офицеры которой прошли боевую выучку в подавлении восстания под религиозными лозунгами. Что касается движения улемов и других воинствующих исламских группировок, объединившихся в политические партии, то в 1965 году они приняли активное участие в кровавых репрессиях против Индонезийской коммунистической партии. В 1967 году они благожелательно отнеслись к установлению «нового порядка» генералом Сухарто. Однако последний, доверив контроль над страной армии, оттеснил на обочину общества религиозные институты, влияние которых, как ему казалось, угрожало стабильности его режима. Таким образом, в начале 70-х годов индонезийские улемы и различные группировки, боровшиеся за превращение ислама в

---

⁶⁰ См.: Feillard A. *Armee et islam en Indonesie*. P.: L'Harmattan, 1996. В этой работе автор детально исследует деятельность партии «Нахдатул улема».

⁶¹ Об интересе Сукарно к реформам Атаатюрка см.: Raillon F. *Islam et ordre nouveau ou l'imbroglie de la foi et de la politique // L'islam en Indonesie // Archipel*. 1985. № 30. P. 229–262.

⁶² См.: Geertz C *The Religion of Java*. Chicago: University of Chicago Press, 1960. Автор противопоставляет «абанганов» — носителей яванской культуры — «сантри», испытавших на себе влияние исламской культуры. Эта теория не раз подвергалась критике, но она обладает значительной познавательной ценностью, если рассматривать два термина не как замкнутые и взаимоисключающие категории, а как идеальные полярные модели, между которыми формируются различные типы исламской идентичности индонезийских мусульман.

⁶³ В 50–60-х годах в Индонезии возникают три очага исламского вооруженного сопротивления: помимо «Дарул ислам Ява», одно движение переходит к вооруженной борьбе в Ачехе (на Суматре), раньше всех исламизированном и наиболее «пуританском» регионе архипелага, а другое — на Целебских островах. См.: Nash M. *Islamic Resurgence in Malaysia and Indonesia // Fundamentalisms Observed / Ed. Marty and Appleby*. Op. cit. P. 691–739.

источник законодательства, оказались в политически слабой позиции, хотя и имели миллионы последователей в стране, население которой превышало тогда 150 млн жителей. Но, несмотря на давление со стороны властей, они сумели сохранить образовательные учреждения, организации взаимопомощи, широкую сеть коранических школ и мечетей. Все эти структуры приобретут решающее политическое значение к концу десятилетия, когда индонезийская молодежь окажется охвачена исламистским активизмом.

Особый случай Пакистана

В Пакистане, основанном в 1947 году на принципах «мусульманского национализма», конфликт между модернистскими элитами британской формации и различными религиозными течениями вокруг самого содержания этого понятия позволит улемам играть более важную роль, чем в большинстве других стран. Хорошо организованные, они опирались на сеть традиционных религиозных школ, *дини медресе*, ученики и выпускники которых составляли для них мощную базу.

Современный пакистанский ислам является наследником движений, создание которых стало реакцией на особую ситуацию, возникшую на Индийском субконтиненте после того, как в 1857 году Британская империя свергла последнего мусульманского правителя Дели. Как и их единоверцы в других странах мира, оказавшихся под колониальным господством, индийские мусульмане потеряли тогда политическую власть. К тому же они находились в положении меньшинства (в пропорции один к трем) по отношению к индусам, над которыми они властвовали на протяжении истекших десяти столетий.

Самое значительное из этих движений за утверждение ислама, известное как «деобандское», возникло в 1867 году в городе Деобанд⁶⁴ к северу от Дели, откуда и происходит его название. Она ставило своей целью подготовку улемов, способных издавать *фетвы* (авторизованные юридические заключения) — суждения по всем вопросам повседневной жизни на предмет их соответствия предписаниям ислама, толкуемого в ригористском, пуританском и консервативном духе, довольно близком к аравийскому ваххабизму. Предполагалось, что благодаря изданию этих четких правил мусульмане смогут продолжать жить в неисламском обществе без риска. Деобандские медресе, открывавшиеся в то время по всей Северо-Западной Индии и пользовавшиеся особой популярностью на территории будущего Пакистана, за сто с лишним лет «наплодили» целое собрание фетв, исчисляемое сотнями тысяч. Еще и в наши дни каждое крупное медресе имеет «центр фетв» («*дарульифта*»). Здесь улемы, сидя на земле, с исламской библиотекой под рукой, целыми днями составляют фетвы в ответ на вопросы, задаваемые им устно, в письменной форме или по телефону.⁶⁵ Возведя эту практику в систему, деобандцы образовали особый ментальный мир, который позволял их адептам жить «по-исламски» в любой политической или социальной среде. Но, в отличие от адептов «Таблиг», сторонившихся политики, деобандцы пытались, при наличии возможности, оказывать давление на власть, с тем чтобы навязывать свои взгляды на *ислам* всему обществу и оформлять их законодательно. Группируясь вокруг сети религиозных школ, где обучалась в основном молодежь из традиционных городских и деревенских семей, не имевших средств или не желавших отправлять детей в государственные школы, они уже на заре существования Пакистана оказались достаточно сильны, чтобы вести переговоры с правительством. В самом деле, они требовали все больших средств на содержание своих школ-пансионатов, в которых дети обучались

---

⁶⁴ О деобандской школе (и других движениях религиозного возрожденчества, существовавших в индийском исламе в конце XIX в.) см.: Metcalf B. D. *Islamic Revivalism in British India: Deoband, 1860–1900*. Berkley: University of California Press, 1982.

⁶⁵ Из личных наблюдений автора (Исламабад, Карачи, апрель 1998 г.).

бесплатно (что являлось одной из причин популярности этих заведений). Деобандцы хотели, чтобы государство гарантировало рабочие места для выпускников этих школ, все познания которых ограничивались религиозными дисциплинами, преподававшимися им в самом классическом духе. С этой целью деобандцы боролись за исламизацию законодательства, управления, банковской системы и прочих сфер, что должно было позволить применять знания их учеников, обеспечивать их трудоустройство, а со временем и приходиться во властные структуры.

С первых лет существования Пакистана различные религиозные партии оказывали на правительство нажим с целью исламизации страны. Наряду с созданной Маудуди в 1941 году партией «Джамаат-и ислами», высшей целью которой являлось, как уже отмечалось, завоевание политической власти и установление исламского государства, здесь действовали и партии улемов — уникальный в мусульманском мире феномен. Они выражали специфические политические интересы этой социально-профессиональной группы и масс ее учеников, вследствие чего добивались исламизации административного и правительственного аппаратов, не стремясь, однако, взять в руки реальную власть. Основными из них стали две партии: ДУИ («Джамият-и улама-и ислам», т. е. Ассоциация улемов ислама) — порождение деобандского течения — и ДУП («Джамият-и улама-и Пакистан», т. е. Ассоциация улемов Пакистана). Последнюю контролировали улемы — последователи школы барелви,⁶⁶ более терпимо относившиеся к ненавистным деобандцам и мистицизму и культу святых.

Военные и прозападные элиты, находившиеся у власти в 60-е годы, проводили политику, направленную на уменьшение влияния различных религиозных движений. Но она оказалась эффективной лишь отчасти и только на время — в отличие, например, от политики Насера в те же годы. Президент Египта, стремившийся приуменьшить значение исламской принадлежности страны, на которой настаивали как «Братья-мусульмане», так и улемы Аль-Азхара, мог играть на многих струнах (в частности, на силе чувства египетской национальной самобытности). Пакистанским же руководителям в этом плане мешала двусмысленность основополагающей для страны концепции «мусульманского национализма». Без ислама Пакистана не было бы: ничто в этом случае не оправдывало бы его существования отдельно от Индии, и мало что объединяло бы населяющие его народы — пуштунов и синдхов, пенджабцев, белуджей и беженцев из Индии (мухаджиров), не говоря о бенгальцах, которые отделились в 1971 году. И коль скоро принадлежность к нации напрямую выводилась из принадлежности к исламу, те, кто был способен сформулировать эту идею, оказывались в сильной позиции гарантов самого национального единства. Вот почему улемы, так же как Маудуди и его партия, смогли оказать сопротивление мерам, предпринимавшимся против них в 60-е годы, в то время как египетские «Братья-мусульмане» оказались раздавлены репрессиями.

К исходу десятилетия общее положение ислама характеризовалось гораздо большими контрастами, чем это казалось в то время большинству аналитиков, которые уделяли основное внимание националистическим и модернистским элитам, пришедшим к власти после завоевания независимости. Мир традиционного ислама — пусть и ослабленный ростом влияния интеллектуалов, которые освободились от его обычаев и наставлений и видели мир сквозь призму знаний, приобретенных на Западе, — не был уничтожен атаками, которым он подвергался. В частности, он был наиболее близок к неимущим сельским и городским слоям, на которых произошедшие перемены глубоко не отразились, — в отличие от городских средних классов и мелкой буржуазии, сделавших национализм своим знаменем. До конца 60-х годов эти неимущие слои, переживавшие феноменальный демографический рост, почти не показывались на политической сцене, оставаясь достаточно социально устойчивыми.

---

⁶⁶ Анализ бурных событий первых лет существования Пакистана содержится в работе Л. Блиндера, долгое время жившего в этой стране (см.: Blinder L. Religion and Politics in Pakistan. Berkeley: University of California Press, 1961).

Проявят они себя только в 70-е годы, когда возмужают их дети, чье мировоззрение будет сформировано — пусть поверхностно и не совсем в соответствии с ожиданиями их родителей — традиционным религиозным окружением братств и улемов. Тем внимательнее эта молодежь будет к голосам тех, кто обратится к исламскому лексикону, но трансформирует его применительно к той действительности, которую демографический взрыв, миграция сельских жителей в города и головокружительный взлет цен на нефть изменят до неузнаваемости. Это будет язык исламистских идеологов, еще раньше выработанный окружением Кутба, Маудуди и Хомейни. Однако претворяться в жизнь их идеи будут по-разному, в зависимости от среды восприятия, особенностей политической и социальной ситуации в той или иной стране и от способа структурирования ее религиозного пространства.

Часть первая РАСКАЧИВАНИЕ

Глава 1

На обломках арабского национализма 1967–1973 годы

Период 70-х годов был отмечен всплеском воинствующих исламистских движений в большинстве стран мусульманского мира. Их кульминацией стала победа в феврале 1979 года иранской революции, свергнувшей «безбожный» шахский режим и создавшей на его руинах Исламскую Республику, в основу внутренней и внешней политики которой положены заповеди, провозглашенные аятоллой Хомейни в начале десятилетия. Иранские события заставили коренным образом пересмотреть общее представление об исламе: то, что считалось консервативной и ретроградной религией, социальное и политическое влияние которой под натиском модернистских веяний близилось к закату, стало предметом всеобщего внимания, всевозможных чаяний и разного рода опасений. Само исламистское движение, о существовании которого до этих пор мало кто подозревал, было приравнено к революции, контуры которой оставались неясны, но природа которой казалась столь же радикальной, сколь и антизападной.

Политизация ислама в течение этого десятилетия не сводилась лишь к иранской революции, хотя последняя и представляла собой самое яркое ее проявление. Пять лет назад последствия октябрьской войны 1973 года, закрепив саудовское финансовое могущество, позволили ваххабитско-исламистскому течению, пуританскому и социально-консервативному, распространиться повсюду и утвердиться в качестве представителя ислама в мировом масштабе. Ныне его влияние менее заметно, чем влияние хомейнистского Ирана, однако оно глубже и долгие по времени. Это течение одержало верх над прогрессистским национализмом, победившим в 60-е годы, и реорганизовало религиозное пространство, благоприятствуя деятельности ассоциаций и улемов, принадлежавших к этому направлению. Направив значительные финансовые потоки в исламскую сферу, оно приобрело немалое число сторонников. И хотя оно охотно противопоставляло добродетели исламской цивилизации испорченному Западу, Саудовская Аравия, где сосредоточены основные финансовые фонды течения, оставалась главным союзником США и Западу в противостоянии советскому блоку. Тот же, 1979 год начался в Тегеране победой исламской революции под лозунгом «Долой Америку!», а закончился вторжением советских войск в Афганистан, повлекшим за собой широкомасштабное участие ЦРУ на стороне боевиков афганского джихада. Американская и саудовская помощь афганским моджахедам стала поступать в основном через Пакистан генерала Зия-уль-Хака, рьяного почитателя Маудуди, многочисленные сторонники которого занимали в то время многие министерские посты в Исламабаде.

Таким образом, исламистский феномен 70-х годов трудно свести к революционному

или антиимпериалистическому движению, привлечшему обездоленные массы благодаря ловкому использованию религиозных лозунгов. Но столь же невозможно свести его к простому антикоммунистическому американо-саудовскому альянсу. Чтобы оценить это явление во всей его полноте, необходимо проанализировать все разнообразные аспекты его бытования, установить связь между фазой его вызревания, исламистскими сетями, организациями, тенденциями и идеями, родившимися в этой среде (какими они были показаны выше), с одной стороны, и демографическими, культурными, экономическими и социальными сдвигами, характерными для этого десятилетия, — с другой. Проанализировав все эти факторы, мы увидим, какие именно группировки оказывались вовлеченными в исламистское движение, удавалось ли им заключить между собой союзы с целью захвата власти, способны ли они были сплотить вокруг себя широкие слои населения и кто противостоял их политическим амбициям. Мы также увидим, как и почему одни движения терпели поражение от правивших режимов, другие раскалывались в результате усилий государств, умело переманивавших на свою сторону наиболее умеренную часть активистов, а третьи оказывались способны совершить революцию. Многое здесь кажется само собой разумеющимся, но лишь сопоставление различных исламистских движений, заявивших о себе в то время, позволит нам понять их структуру.

В это десятилетие в большинстве стран мусульманского мира вступает в зрелый возраст первое поколение, родившееся после обретения независимости. Бои за освобождение от колониального гнета, придавшие легитимность националистическим правящим режимам, происходили не на их памяти. Это новое поколение будет находиться в изоляции от правящих элит: оно чрезвычайно многочисленно (результат демографического взрыва) и не может — в отличие от своих родителей и старших братьев — уповать на социальную интеграцию, а тем более на широчайшие перспективы социального роста, ставшие возможными благодаря обретению независимости, уходу колонизаторов и разделу их имущества. В период с 1955 по 1970 год прирост населения в мусульманских странах был очень велик (порядка 40–50 %, в зависимости от страны). В 1975 году 60 % жителей составляли те, кому еще не исполнилось и 24 лет; наблюдался массовый процесс урбанизации, росла грамотность населения.⁶⁷ Мир ислама, который изначально был в основном сельским и управлялся немногочисленными городскими элитами, сохранявшими «монополию» на грамотность, радикально преобразовывался с приходом этой массы молодежи, представлявшей первое поколение, осевшее в городах и умевшее читать и писать. Эти новички сталкивались со всевозможными вызовами, для ответа на которые знания, переданные им родителями — как правило, неграмотными, — оказывались малопригодными. Культурная и социальная пропасть между двумя поколениями была велика как никогда за всю историю существования мира ислама. Но это поколение 70-х годов плохо вписывалось в социальную структуру: урбанизируясь, молодежь чаще всего скапливалась в бедных кварталах на окраинах городов (примеры тому — трущобы Магриба, *ашвайяты* Среднего Востока, турецкие *геджеконды*⁶⁸ и т. д.). Кроме того, знания,

---

⁶⁷ К демографическим данным, касающимся стран мусульманского мира, необходимо относиться с осторожностью, поскольку эта информация предоставлена государствами, в которых органы, отвечающие за статистический учет, малонадежны и собранные ими данные не внушают доверия в силу трудностей их сбора, а также манипуляций с цифрами для получения того или иного пропагандистского эффекта. Статистический справочник ООН «World Population Resource» (New York, 1994), на который мы опираемся, приводит сведения национальных статистических комитетов. В период между 1955 г. — датой начала обретения независимости мусульманскими странами — и 1970 г. прирост населения в крупнейших из них составил: в Алжире — 41,2 %; в Бангладеш — 46,6 %; в Египте — 42,9 %; в Индонезии — 39 %; в Иране — 49,4 %; в Марокко — 51,5 %; в Пакистане — 48,6 %; в Саудовской Аравии — 5 8,3 %; в Турции — 48,3 %.

⁶⁸ Термин «ашвайяты» дословно переводится как «стихийные (застройки)»; «геджеконду» означает «построенный ночью», поскольку большинство этих жилищ возводилось в ночное время, чтобы полиция не смогла воспрепятствовать началу работ.

полученные на родном языке благодаря системе всеобщего образования, побуждали их к изменению собственного социального статуса и положения в обществе. Их родители и предки лучше приспособлялись к выполнению своей неизменной социальной роли, так как в замкнутом деревенском мире не знали ничего другого.

Перемены выражались прежде всего во всеобщем распространении в городах среднего, а затем — в меньшей степени — высшего образования. Оно не только открывало пассивный доступ к письменной культуре (умению читать газеты), но и давало возможность использовать ее на практике, позволяя выбирать источники информации, публично выражать свои взгляды, спорить и чувствовать себя в интеллектуальном плане на равной ноге с правившими националистическими элитами. Однако этот качественный скачок в культурной области не сопровождался ожидаемым социальным прогрессом. Фрустрация породила озлобление против элит, обвинявшихся в узурпации государства, в лишении молодежи, затратившей усилия на приобретение знаний, доступа к власти и богатству.

Таким образом, социальное и политическое недовольство находило выражение именно в культурной сфере, через отрицание националистической идеологии правивших режимов и подмену ее исламистской системой взглядов. Этот процесс зародился в студенческой среде: студенческие городки, в которых до конца 70-х годов верховодили левацкие группировки, стали переходить под контроль исламистских движений. Последние начали распространять идеи Кутба, Маудуди и Хомейни — идеи, которые прежде не находили массовой аудитории: не хватало достаточного количества недовольных, но при этом образованных, владевших современным национальным письменным языком последователей, способных понять и проникнуться этими радикальными теориями.

Исламистская интеллигенция зародилась именно в студенческой среде тех лет. Она не являла собой однородную социальную группу с четкими целями. Начав с культурного разрыва с национализмом, она превратила исламизм в борьбу за политическую гегемонию. Это позволило движению вербовать сторонников в самых разных слоях с различными классовыми интересами. Помимо ядра студенческих идеологов, две социальные группы оказались особенно восприимчивы к исламистской мобилизации: бедная городская молодежь — масса изгоев, порожденная демографическим взрывом и исходом сельского населения в города (неимуций алжирский «хиттист»⁶⁹ — ярчайший представитель этой категории), — и набожная буржуазия, то есть средние классы, лишенные доступа в сферу политики и экономически ущемленные военными и монархическими режимами. Как будет показано ниже, эти две группы, хором требуя введения шариата и создания исламского государства, имели о них весьма несхожее представление. Первые воспринимали их как социальную революцию, вторые же усматривали в них прежде всего возможность занять место правящих элит, не меняя при этом социальной иерархии. Эта двойственность лежит в основе современного исламистского движения. Суть идеологии, проповедовавшейся интеллигенцией, состояла в том, чтобы сгладить антагонизм между интересами двух основных социальных составляющих и направить их в единое социальное и политическое русло для достижения общей цели — завоевания власти.

Но скрывавшиеся за внешней цельностью исламистского дискурса противоречивые цели бедной городской молодежи и набожной буржуазии объясняли, почему в движении могли участвовать силы и группы интересов как правого, так и левого толка, будь то в рамках отдельной страны или в мировом масштабе. Массированная поддержка со стороны Саудовской Аравии — этой «реакционной» монархии — и поощрение исламистской экспансии со стороны американцев вовсе не намеревались привести к власти бедную городскую молодежь, для которой введение шариата ассоциировалось с социальной

---

⁶⁹ Этот шуточный алжирский термин, образованный от арабского «хит» («стена») и французского суффикса «-iste», обозначает молодых бедняков, которые проводят день, «подпирая» стены, т. е. ничего не делая. Данный термин превращает это занятие в своего рода профессию, иронизируя по поводу полной занятости, обещанной алжирским социализмом всему населению страны.

революцией. Поддерживая религиозную буржуазию, Эр-Рияд, как и Вашингтон, полагал, что она сумеет более эффективно нейтрализовать эти опасные классы с помощью религиозной лексики и символики, чем это смогли бы сделать националистические элиты, утратившие легитимность и взявшие на вооружение принуждение и репрессии.⁷⁰ Наоборот, поддержка, оказанная Иранской коммунистической партией (Туде) и бывшим Советским Союзом революции в Иране, переход многих бывших марксистов во всем мусульманском мире на исламистские позиции, наконец, содействие французских коммунистических муниципалитетов исламистским молодежным организациям окраин зиждились на уверенности в том, что коль скоро за этим движением пошли «массы», то следовало подчеркивать его «прогрессивный» и народный характер, дабы превратить исламизм в антиимпериалистическое и антикапиталистическое движение,⁷¹ не допуская взятия его под контроль набожной буржуазией и нейтрализации его революционного потенциала.

Отмеченная социальная двойственность вообще присуща исламистским движениям — она даже составляет саму их суть — и объясняет их сосредоточение на моральных и культурных аспектах религии. Эти движения обретут широкую социальную базу и даже придут к власти, как в Иране, когда станут способны объединить бедную городскую молодежь и набожную буржуазию на основе идеологии, замешанной на религиозной морали и весьма схематичной социальной программе. Каждая составляющая исламистского движения может понять и интерпретировать программу по-своему благодаря полисемии, характерной для религиозной лексики.

Напротив, когда бедная городская молодежь и набожная буржуазия оказываются в разных лагерях, движение терпит поражение в борьбе за власть; идеологическая основа утрачивает свой объединительный характер: возникают многочисленные конкурирующие исламистские дискурсы, взаимно исключающие друг друга. Один из них, именуемый «радикальным», выражает специфические требования неимущей городской молодежи, другой, «умеренный», отражает взгляды религиозной буржуазии. В этой ситуации — алжирская гражданская война 1992–1998 годов представляет здесь крайний случай столкновений между «радикальной» ВИГ (Вооруженной исламской группой) и «умеренной» ИАС (Исламской армией спасения)⁷² — интеллигенция оказывается слишком слабой, чтобы

---

⁷⁰ Принято считать, что начало американской политики помощи консервативному исламу было положено во время встречи президента Рузвельта и короля Ибн Сауда на борту крейсера «Куинси» в Красном море 14 февраля 1945 г. Встреча состоялась сразу же после Ялтинской конференции. Результатом встречи стало оказание США полной поддержки саудовскому режиму взамен предоставления компании «Арамко» исключительного права на разработку нефтяного месторождения Хаса. Подробнее об американской внешней политике по отношению к исламистскому движению см.: *Islamic Activism and U.S. Foreign Policy* / Ed. by Scott W. Hibbard, David Little. United States Institute of Peace, 1997. В этой политике прослеживаются две противоположные тенденции: одна предполагает поддержку «умеренных» исламистских движений, отождествляемых с гражданским обществом, борющимся за демократию против авторитарных и автократических режимов и воспринимаемых как противовес «экстремистам». Представители другой считают, что ядро движения находится в заложниках у экстремистов, поэтому они выступают против любого компромисса с «умеренными». Вторая тенденция пользуется поддержкой израильских групп давления, в то время как в первой заинтересованы те, кто обеспокоен судьбами консервативных нефтедобывающих мусульманских государств. Однако у сторонников обеих теорий есть и общая точка соприкосновения, заключающаяся в чисто идеологическом подходе к исламистскому движению. И те, и другие рассматривают исламистов лишь с одной точки зрения — являются ли они «хорошими» или «плохими парнями». Разумеется, «экстремисты» относятся к последней категории.

⁷¹ Поддержка иранской компартии Туде («массы») исламской революции 1978–1979 гг., как и благосклонное отношение к ней мирового коммунистического движения, объясняются в первую очередь ее антиамериканской направленностью. События в Иране были восприняты коммунистами как религиозный вариант революций в странах «третьего мира», которые в предыдущие десятилетия эволюционировали в сторону социализма, как это было в Египте при Наоере.

⁷² Вооруженная исламская группа, появившаяся в Алжире осенью 1992 г., в начале гражданской войны,

выработать мобилизационную идеологию, способную сплотить обе составляющие движения. Подобная ситуация, как правило, позволяла правящим элитам надолго раскалывать его ряды, пользуясь склонностью части радикалов к терроризму, что пугало набожную буржуазию: в случае неэффективности репрессивного аппарата государства она могла первой стать жертвой социальной ярости беднейшей городской молодежи. В том же Алжире шантаж исламистских нотаблей со стороны радикальных групп в 1994–1995 годах был в этом плане весьма показателен. В Египте тот факт, что террор против туристов отрицательно сказался на доходах местных средних классов и простого люда, жившего за счет туристической индустрии, помог государству дискредитировать движение в целом — особенно после бойни в Луксоре осенью 1997 года.⁷³ Многие мусульманские государства сумели воспользоваться этими расколами, чтобы перетянуть на сторону власти часть исламистской интеллигенции и религиозной буржуазии, идя на внешнюю исламизацию повседневной жизни, но сохраняя нетронутой социальную иерархию, как это было в Пакистане и Малайзии с конца 70-х годов.

Появление исламистской интеллигенции — первое условие существования движения. Она заявила о себе с начала 70-х годов в студенческих городках Египта, Малайзии и Пакистана, затем распространилась по всему мусульманскому миру, пользуясь связями и финансовым могуществом, которыми располагало ваххабитское течение после октябрьской войны 1973 года. В каждом из этих случаев она приходила на место национализма, подменяя его другими идеалами.

И арабский национализм, и исламизм стремились объединить разнородные социальные классы, первый — растворив их в великом «арабском единстве», второй — сплотив их в рамках виртуальной «общины правоверных». Однако национализм со временем раскололся на два антагонистических лагеря: «прогрессивный» (насеровский Египет, баасистские Сирия и Ирак) и «консервативный» (аравийские монархии и Иордания). Эта «арабская холодная война» превратила противостояние Израилю в единственный фактор объединения, но и по нему был нанесен жестокий удар поражением в шестидневной июньской войне 1967 года. Однако именно прогрессисты и прежде всего Насер — инициаторы войны и жертвы величайшего военного унижения — первыми испытали на себе его тяжелые последствия. Показная отставка президента в день поражения — которую он, впрочем, сам же отменил и использовал как предлог для устранения своих тогдашних соперников — явилась знаковым событием: обещание будущей победы над сионистским государством утратило силу из-за катастрофы 1967 года. Психологическая травма, пережитая арабской интеллигенцией, заставила ее заняться пересмотром многих вопросов, связанных с религией и светскостью. Книга сирийского философа Садека Джаляля аль-Азма «Самокритика после поражения»⁷⁴ являет собой один из ярких примеров настроений, бытовавших в ту пору в среде интеллигенции. Впоследствии исламисты и сторонники Саудии представят 1967 год как кару свыше за забвение религии. Проигранную войну 1967 года, на которой египетские солдаты шли в бой с кличем: «Земля! Воздух! Море!» — они противопоставят войне 1973 года, когда крики атакующих «Аллах Акбар!» должны были принести их оружию большой успех.

выступала за насильственный захват власти в отличие от Исламской армии спасения (вооруженного крыла Исламского фронта спасения), предпочитавшей вести диалог с военным режимом с позиции силы (см. ниже ч. 3, гл. 5).

⁷³ ноября 1997 г. небольшая группа вооруженных исламистов учинила массовое убийство иностранных туристов в храме Хатшепсут близ Луксора в Верхнем Египте (см. ниже ч. 3).

⁷⁴ Садек Джаляль аль-Азм, заведующий кафедрой философии в Дамасском университете, является одним из ведущих современных арабских мыслителей и защитником светскости. Его книга о войне 1967 г., изданная в Бейруте, вызвала массу комментариев. Среди многих других арабских интеллектуалов, рассматривающих исламистский феномен в контексте кризиса арабского национализма и последствий войны 1967 г., можно упомянуть египетского философа Хасана Ханафи, который стал рупором «исламских левых», пытающихся скрестить идеалы арабских левых со словарем современного исламистского «обновления».

Какой бы ни была интерпретация событий тех лет, поражение в войне заложило мину под идеологический фундамент национализма; образовался вакуум, в который несколькими годами позже вторгнутся идеи исламизма Кутба, прежде имевшие хождение лишь в отдельных кружках «Братьев-мусульман», в тюрьмах и на каторге. В этой идеологической экспансии главная роль принадлежала египетскому студенчеству. Находясь в авангарде мятежной оппозиции власти, оно на первых порах выступало носителем идей левых социалистов, которые ратовали за возобновление военных действий против Израиля, приписывая поражение предательству генералов и корыстных сторонников военного режима. В феврале 1968 года студенты, поддержанные рабочими промышленного городка Хелуана, пригорода Каира, подняли мятеж. Осенью того же года по дельте Нила и Александрии прокатилась волна манифестаций,⁷⁵ в которых приняли участие отдельные студенты, связанные с «Братьями-мусульманами». Возникновение левого идеологического полюса представляло главную опасность для насеровского режима. Оно поставило под сомнение его прогрессистскую легитимность. Тем более, что в тот момент дело Палестины, которое арабские государства использовали для обоснования националистической идеологии, начало ускользать из-под их контроля. С приходом в 1969 году Ясира Арафата к руководству ООП палестинские организации обрели самостоятельность.

Став вершителями собственной судьбы и символизируя арабское сопротивление Израилю после военного поражения арабских государств, палестинцы сделали — особенно в глазах студенчества — главными фигурами националистической мифологии, которую насеризму уже не удавалось использовать. Напряженность, возникшая между палестинскими формированиями и королем Хусейном, вылилась в сентябре 1970 года в кровопролитные столкновения (события «Черного сентября»), в которых палестинцы понесли самые тяжелые потери за всю свою новейшую историю.⁷⁶ Уже не еврейское, а арабское государство било по новому авангарду арабского национализма. Это был дополнительный удар по нему в тот момент, когда кончина в том же месяце Насера лишила национализм его самой харизматической фигуры.

В том же 1970 году кризис национализма способствовал подъему левых движений, вдохновлявшихся палестинским сопротивлением и поддерживавшихся студенчеством. Студенческие демонстрации протеста находили отклик и в рабочей среде. Однако период расцвета оказался недолог. Государства, в том числе и те, что называли себя «прогрессивными», мобилизовали силы против угрозы, которую — с учетом веяний времени после событий 1968 года и «левацких» настроений, охвативших весь западный мир, — они считали очень серьезной. Кроме того, левые оказались неспособными утвердиться за пределами студенческого мирка, городской интеллигенции и немногочисленного «рабочего класса». Их радикальные тезисы пугали средние классы и оставались непонятными населению: левые использовали марксистские концепты и формулировки европейского происхождения, слишком далекие от окружающей их действительности.

В успехе исламизма парадоксальным образом соединились страхи одних и рухнувшие надежды других. Правившие режимы, воспринимавшие исламизм сквозь призму саудовского консерватизма, поощряли его, поскольку видели в нем силу, способную вытеснить левых с занимаемой ими территории студенческих городков. Некоторые молодые радикалы и левые интеллигенты, размышляя над причинами своих неудач в массах, меняли убеждения, принимая идеологию, которая, на их взгляд, была ближе к истине.

События палестинского «Черного сентября» в Аммане продемонстрировали взрывной

---

⁷⁵ Всех интересующихся историей египетского движения 1960–1970 гг. отсылаем к труду, автор которого был одним из главных участников этого движения и в котором приводятся многочисленные свидетельства очевидцев: Abdallah A. *The Student Movement and National Politics in Egypt*. L.: Al Saqi Books, 1985.

⁷⁶ См: Carre O. *Septembre noir: Refus arabe de la resistance palestinienne*. Bruxelles: Complexe, 1980.

характер народного недовольства, направлявшегося левыми силами против авторитарных режимов, вынужденных прибегать к военной силе для его подавления. Напротив, иорданские «Братья-мусульмане» поддержали действия короля Хусейна во время этих событий. Другие арабские руководители усвоили урок. Это побудит преемника Насера, Садата, вставшего у власти в Египте после ареста просоветских насеристов в ходе «исправительной революции» 15 мая 1971 года, постепенно выпустить из тюрем всех узников совести из числа «Братьев-мусульман». ⁷⁷ Очень быстро студенческие городки стали их главной опорой. Следующий, 1972/73 учебный год был отмечен непрекращающимися волнениями и выступлениями студенчества за возобновление военных действий против Израиля. В результате студенческий вопрос перерос в главный вопрос внутренней политики. На политехническом факультете Каирского университета возникает первая исламистская организация. В сравнении с марксистскими кружками ее влияние оставалось пока невелико, но исламисты уже имели возможность заявить о своих претензиях и целях: они пользовались поддержкой секретных служб, хотя это и держалось в секрете от рядовых членов организации. ⁷⁸

Поощряя исламистское движение, Садат отказался от введенных его предшественником монополии государства на идеологию и контроля за религиозными организациями. Там, где насеровское государство вело за собой массы под лозунгами национализма и подавляло любую диссидентскую мысль, его преемник компенсировал доктринальную слабость своего режима предоставлением свободы самовыражения самостоятельным религиозным лидерам, дабы те нейтрализовывали левых. Эта относительная либерализация религиозной политики происходила в условиях, когда собственно политическая сфера оставалась под жестким контролем. В стране отсутствовала подлинная свобода печати, не было свободного хождения идей нигде, кроме мечетей, чем успешно пользовались исламисты. Происходившее в Египте было характерно и для других мусульманских стран, в частности Туниса, Алжира и Марокко. В этих странах студенты-леваки, тогда еще в массе своей говорившие по-французски, сталкивались с арабоязычными исламистами, которые будут искать свой идеал в книгах, изданных уже в Саудовской Аравии, а не в Латинском квартале.

Глава 2

Победа нефтеислама и ваххабитская экспансия 1973 год

Октябрьская война 1973 года сыграла определяющую роль в ускорении этого процесса. Развязанная Египтом и Сирией с целью смыть позор унижения за поражение 1967 года и упрочить положение авторитарных режимов, на первых порах она протекала удачно для обеих стран. Их армии теснили израильтян на Суэцком канале и Голанских высотах. Войска арабов продвигались вперед, но вскоре Израиль перешел в контрнаступление. Его удалось остановить только после объявления арабскими странами — экспортерами нефти эмбарго на поставки нефти западным союзникам еврейского государства. Акт о перемирии был подписан на трассе Суэц — Каир на 101-м километре от египетской столицы. Это рубеж, до которого дошли израильские солдаты. Арабские государства, непосредственные участники боевых действий, одержали символическую победу: она позволила Садату стать «Героем

---

⁷⁷ О верности иорданских «Братьев-мусульман» королю Хусейну в сентябре 1970 г. см. ниже ч. 3, гл. 10

⁷⁸ О развитии египетского студенческого движения до 1973 г. см.: Abdullah A. *Op. cit.* О подъеме исламизма в Египте в годы правления президента Садата позволим себе сослаться на нашу книгу, в которой приводится фактический материал, лишь вкратце излагаемый здесь (см.: Kepel G. *Le Prophete et Pharaon: Aux sources des mouvements islamistes*. P.: Seuil, 1993).

переправы» (Суэцкого канала), а президенту Сирии Асаду (по-арабски — «лев») — «Октябрьским львом».⁷⁹ Однако подлинными триумфаторами стали страны — экспортеры «черного золота», в первую очередь Саудовская Аравия. Помимо политического успеха, эмбарго принесло и экономические дивиденды, позволив саудовцам сузить рынок углеводородного сырья, взвинтив цены до астрономических высот.⁸⁰ Став в одночасье

---

⁷⁹ Среди множества других эти почетные прозвища бесчисленное количество раз повторялись на транспарантах, ими были исписаны все стены в обоих государствах. Садататакже называли «верующим президентом» («арраис аль-мумин»). Эта формула указывала на то, что он хотел уделить исламу центральное место в легитимизации своего правления, и была созвучна традиционному титулу «повелителя правоверных» (по-арабски — амир аль-муминин). После визита в Иерусалим в ноябре 1977 г. Садата стали называть «Героем мира». Что касается сирийского президента, то его почетное прозвище «Октябрьский лев» обычно привязывалось к другой игре слов, построенной на его имени — Хафез («тот, кто хранит, удерживает, оберегает»): «хранитель арабизма» («хафез альуруба»).

⁸⁰ В случае Саудовской Аравии средняя рыночная цена добываемой в ее недрах нефти возросла с 2,01 доллара за баррель 1 октября 1973 года до 10,24 доллара к 1 января 1975 г., что составило пятикратный за 15 месяцев рост. Во время второго скачка цен, вызванного иранской революцией, в период с декабря 1978 г. по май 1980 г. официальные цены на нефть подскочили еще на 120–150 % в зависимости от ее качества. Цены на «черном» рынке, колебавшиеся в зависимости от положения дел на пошедшем вразнос мировом рынке, взлетели до 40 долларов за баррель в мае 1979 г. Доходы от продажи нефтепродуктов основных мусульманских стран-экспортеров представлены в таблице (в млрд долларов/год) — до (1973) и после (1974) октябрьской войны, после иранской революции (1980) и во время стабилизации рынка (1986):

Годы	Саудовская Аравия	Кувейт	Индонезия	Алжир	ОАЭ
1973	4,3	1,7	0,7	1,0	0,9
1974	22,6	6,5	1,4	3,3	5,5
1980	102,2	17,9	12,9	12,5	19,5
1986	21,2	6,2	5,5	3,8	5,9

обладателями несметных богатств и доходов, нефтедобывающие государства заняли доминирующее положение в мусульманском мире.

Саудовская Аравия получила неограниченные средства для реализации своих давних амбициозных мечтаний о монополии на понимание ислама в масштабах уммы — всей общины правоверных. На протяжении 60-х годов динамичная поступь национализма сделала относительной политическую значимость религии в жизни государства. Война 1973 года изменила ситуацию. За пределами Аравийского полуострова ваххабитская доктрина имела успех лишь в среде ригористов (или «салафитов»), образовывавших весьма пестрое международное движение: «Братья-мусульмане» соседствовали здесь с группами индийцев и пакистанцев, а также с африканскими и азиатскими мусульманами, побывавшими в Мекке и вернувшимися в свои страны проповедовать «по-арабски» с целью очистить местный ислам от «суеверий». До 1973 года повсеместно сохраняли господствующие позиции национальные (местные) исламские традиции, воплотившиеся в народной религиозности, богословы различных правовых школ суннизма, утвердившихся в крупных регионах мусульманского мира (ханифитская — в тюркском ареале и в Южной Азии, маликитская — в Африке, шафиитская — в Юго-Восточной Азии), а также шиитское духовенство. Они с подозрением относились к пуританизму в саудовском исполнении, ставя ему в вину его сектантский характер. После 1973 года ваххабитские институты достигли нового уровня и перешли к широкомасштабному прозелитизму в суннитском мире (шииты, считающиеся еретиками,

---

Иран и Ирак, крупные производители нефти, болезненно воспринимали колебания цен на мировом рынке, связанные в случае Ирана с перипетиями исламской революции, а затем — с войной между двумя странами (1980–1988) (см.: Sheet I. OPEC: Twenty-Five Years of Prices and Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1988). Ресурсы, которыми располагала в данный период Саудовская Аравия, были несопоставимы с ресурсами других стран — экспортеров нефти.

остались вне рамок движения). Ваххабиты поставили перед собой цель — сделать ислам главной действующей силой на международной арене и одновременно свести многочисленные интерпретации этой религии к символу веры хозяев Мекки. Их рвение охватывало весь мир, выплескиваясь через традиционные географические границы ислама и достигая Запада, где мусульманское иммигрантское население сделалось излюбленной мишенью саудовского прозелитизма.⁸¹

Однако распространение веры было не единственной задачей руководителей Эр-Рияда: религиозное подчинение стало ключевым условием для распределения помощи и субсидий, предоставлявшихся мусульманам всего мира, оправданием лидерства Саудитов и средством погашения зависти, вызываемой их богатством в глазах бедных африканских и азиатских единоверцев. Превратившись в управляющих огромной империи благотворительности, саудовские власти стремились придать ореол легитимности процветанию, которое приравнялось к манне небесной, сошедшей на полуостров, где Пророку Мухаммаду было ниспослано Откровение. Всё это позволяло защитить хрупкую монархию, делая ее для всего окружающего мира страной благотворительности и религиозности. Это также должно было заставить всех забыть, что в конечном счете защита королевства обеспечивалась американской военной мощью и что режим, улемы которого поносили безбожников и Запад, находился в полной зависимости от США. Данная стратегия будет защищать дом Саудитов на протяжении всего периода нефтяного изобилия, пока война в Заливе 1990–1991 годов не опрокинет сложившееся равновесие.

Транснациональная саудовская «система», действуя через свою прозелитическую сеть, выделение субсидий, а также через завоз рабочей силы, которую она притягивала, вмешивалась в отношения между обществом и государством большинства мусульманских стран. Предоставляя финансовые ресурсы отдельным лицам, она позволяла им ослаблять узы верности, связывавшие их с правившими националистическими элитами. Но в 70-е годы доходы от нефти эти элиты рассматривали как шанс для себя, поскольку шальные деньги приносили облегчение (пусть и временное) режимам, которым угрожал демографический взрыв. С середины 70-х молодые выпускники вузов и маститые профессора, ремесленники и крестьяне из Судана, Египта, Палестины, Ливана, Сирии, Иордании, Пакистана, Индии, Юго-Восточной Азии и других стран стали переселяться в нефтедобывающие страны. В 1975 году в государствах Залива проживало 1,2 млн рабочих-иммигрантов (из которых 60,5 % составляли арабы), а в 1985 году их было уже 5,15 млн, из которых 30,1 % составляли арабы и 43 % — выходцы с Индийского субконтинента (в большинстве своем мусульмане). В Пакистане в 1983 году денежные переводы от эмигрантов, осевших в странах Залива, оценивались примерно в 3 млрд долларов, при том что вся иностранная помощь, которую получала страна, не превышала 735 млн долларов.⁸²

Социальное и экономическое влияние этих миграционных потоков было огромно. Прежде всего они снижали уровень безработицы (особенно среди дипломированных специалистов) в критический период, когда на рынок труда приходило первое поколение, родившееся после обретения независимости, — порождение демографического взрыва, оттока из деревень в города и распространения образования. Именно это поколение оказывалось наиболее склонным к проявлению социального недовольства. Далее, они обеспечивали национальную экономику валютой благодаря средствам, перечислявшимся семьям, оставшимся на родине. Мигранты создавали новые потоки циркуляции богатств, материальных благ и услуг, которые выходили из-под контроля государства. Наконец,

---

⁸¹ По поводу открытия филиалов Лиги исламского мира в Европе позволим себе сослаться на нашу же работу (см.: Kepel G. *Les Banlieues de l'islam*. Ch. 4).

⁸² См.: Addleton J.S. *The Impact of the Gulf War on Migration and Remittances in Asia and the Middle East* // *International Migration*. 1991. № 4. P. 522–524; *Undermining the Centre: The Gulf Migration and Pakistan*. Karachi: Oxford University Press, 1992. P. 192.

большинству мигрантов, возвращавшихся на родину с изменившимся социальным статусом, это предоставляло возможности ускоренного социального роста. Вчерашний низкооплачиваемый чиновник теперь владел иномаркой, «строился» в престижном пригороде и заводил хозяйство или жил торговлей, не будучи за это в долгу перед государством, которое не могло бы предоставить ему таких возможностей.

У многих из этих мигрантов, вернувшихся из нефтяного эльдорадо, восхождение по социальной лестнице сопровождалось усилением внешней религиозности. Замужняя дама из хорошего общества будет носить шикарный хиджаб, а ее служанка — обращаться к ней «хаджа», как называют женщин, совершивших паломничество в Мекку, в то время как представительницы буржуазии старшего поколения предпочитали, чтобы слуги называли их на французский манер — «мадам».⁸³ Те, кто побывал в нефтяных монархиях Аравийского полуострова, наживали свое богатство в салафитском или ваххабитском окружении, в котором многие усматривают духовную причину своего нынешнего материального процветания.

С конца 70-х годов и на протяжении двух последующих десятилетий эти бывшие мигранты, демонстрировавшие религиозность на саудовский манер, становились всё более заметной категорией. Некоторые из них селились в новых пригородных кварталах вокруг мечетей, выдержанных в «международном пакистанском» стиле с характерным для него обилием мрамора и зеленых неоновых ламп. Этот разрыв с местными исламскими архитектурными традициями в пользу «стандартной» мечети, построенной на нефтедоллары, свидетельствовал о всемирном распространении ваххабитской доктрины в городской среде. Появилась гражданская культура, ориентированная на воспроизводство образа жизни, присущая странам Залива: *shopping centers* для женщин, одетых в платки, имитировались аравийскими *таш*, в которых дух потребления в американском стиле уживался с требуемым исламом разделением полов.⁸⁴ И наконец, значительная часть сбережений этой новой социокультурной категории будет вкладываться в исламскую финансовую систему. Расцветшая после октябрьской войны и демонстрировавшая строгое соблюдение исламского запрета на лихву — то есть на взимание установленной процентной (ростовщической) ставки, — исламская финансовая система будет стремиться прибрать к рукам большую часть нефтедолларов, заработанных эмигрантами. Эта новая социальная группа, которая станет одной из подгрупп так называемой «набожной буржуазии», будет считать себя ничем не обязанной националистическим элитам, пришедшим к власти после обретения независимости.

Наряду с этими социальными сдвигами шок 1973 года выразился в распространении по всему миру подконтрольных Саудовской Аравии религиозных агентств благодаря бесчисленным фондам, которыми отныне располагала ваххабитская проповедь — *даава* (араб, «призыв»). Лига исламского мира, созданная в 1962 году для противодействия насеровской пропаганде в религиозной сфере, с исчезновением этой угрозы стала открывать свои представительства во всех уголках планеты, где жили мусульмане, и играть роль разведчика, проводя «инвентаризацию» ассоциаций, мечетей и проектов. Саудовское министерство по делам религии печатало и бесплатно распространяло миллионы экземпляров Корана, а также огромное количество ваххабитских вероучительных текстов, распределяемых по мечетям всего мира — от африканской саванны до рисовых плантаций Индонезии и муниципальных домов европейских пригородов. Впервые за

---

⁸³ Этот социальный факт, подтверждающийся личными наблюдениями автора, является предметом юмористических комментариев в романе египетского писателя Соаллы Ибрахима (см.: Ibrahim S. Les années de Zeth / Tr. française de Richard Jacquemond. Aries: Actes Sud, 1993).

⁸⁴ В Каире эти фешенебельные зоны для новой набожной буржуазии, вернувшейся из стран Залива, построены в квартале Мединет Наср. На этом рынке господствует сеть магазинов «Al Salam Shopping Centers Li-1 Mouhaggabat» («Торговые центры «Ас-Салам» для женщин, носящих хиджаб»).

четырнадцативековую мусульманскую историю во всех краях, где проживала умма, появились одинаковые книги, одинаковые кассеты, вышедшие из одних и тех же распространительных сетей: единая доктрина материализовывалась единообразно, но речь шла лишь о небольшом перечне названий, принадлежавших единственному течению и исключавших все прочие доктрины, составлявшие многообразие ислама. Этот хит-парад авторов ваххабитского направления возглавил Ибн Таймийя (1268–1323) — главный авторитет для всех течений суннитского исламистского движения. Массовое распространение его трудов службами религиозной пропаганды консервативного режима Эр-Рияда не помешало их использованию самыми радикальными течениями. Они будут обильно цитировать этого богослова, оправдывая убийство Садата в 1981 году, а в середине 90-х годов — для предания анафеме саудовских руководителей и призыва к их свержению.

Эти усилия по унификации религиозной доктрины подкреплялись распределением саудовских субсидий на строительство мечетей: за истекшие полвека из одних только государственных фондов было профинансировано строительство более полутора тысяч мечетей за границей.⁸⁵ С середины 70-х годов рост их количества являлся одной из самых заметных черт изменения пейзажа мусульманского мира, который стремительно урбанизировался. Пожертвования из стран Залива сыграли здесь решающую роль. Впрочем, впоследствии и другие политические и экономические фигуранты стали вкладывать в строительство молельных домов значительные капиталы. Контроль над массой прихожан и проповедями, звучавшими в мечетях, стал главной задачей, которой ни одна из инстанций — тем более государство — не могла пренебречь.

Большинство учреждений по финансированию мечетей, действовавших в странах Залива, создавалось в порядке частной инициативы. Какая-нибудь созданная *ad hoc* ассоциация готовила досье, обосновывавшее проект духовными запросами верующих данной местности. Затем она старалась получить «рекомендацию» (*тазкийя*) от местного отделения Всемирной исламской лиги, направлявшуюся щедрому спонсору из королевства или одного из соседних эмиратов. С годами эта процедура стала подвергаться массивной критике, поскольку в некоторых случаях выделяемые суммы расходовались не по назначению.⁸⁶ Однако она создала спрос и вызвала заинтересованность у клиентов. Саудовские власти надеялись таким образом увеличить количество сторонников ваххабизма. Как мы увидим в дальнейшем, эта политика окажется эффективной в плане ограничения влияния иранской революции, губительного для саудовской гегемонии в исламской среде. Однако она не сможет погасить энтузиазма, вызванного в мусульманском мире Саддамом Хусейном, который осудит союз между монархией и Западом во время войны в Заливе в 1990–1991 годах. Здесь эффективность религиозно-пропагандистской политики королевства имела свои пределы: его финансовая щедрость чаще привлекала к нему союзников своекорыстных, нежели искренних, и «ваххабизация», которую оно стремилось осуществить, шла с перебоями, колеблясь синхронно со стоимостью барреля нефти. Однако у Саудовской Аравии уже не было выбора, с тех пор как она сделала исламскую пропаганду инструментом своего влияния за рубежом. Финансируя всех, кто отождествлял себя с исламом, Эр-Рияд рисковал оказать поддержку революционным группировкам, враждебным монархии.

Помимо миграций и ваххабизации мирового ислама, третьим последствием войны 1973 года стало изменение соотношения сил между арабскими и мусульманскими государствами в пользу нефтедобывающих стран. Это помогло создать под саудовской эгидой всемирное исламское «идейное пространство»,⁸⁷ игнорировавшее усугубленное национализмом

---

⁸⁵ См.: Leverrierl. L'Arabie Saoudite, le pelerinage et l'Iran // Cemoti. 1996. № 22. P. 137.

⁸⁶ О функционировании системы финансирования мечетей, возводимых во Франции, см.: Kepel G. Les Banlieues... P. 211.

⁸⁷ Выражение принадлежит Заки Лаиди (см.: Geopolitique du sens / Sous la dir. de Zaki Laidi. P.: Desclee de

разделение мусульман на арабов, тюрок, африканцев и азиатов. Всем им будет предложена новая идентичность, которая выдвинет на первый план их общую принадлежность к мусульманству и сделает малозначимыми различия в языке, этничность или национальность. Это предложение не всегда диктовалось спросом людей, к коим оно было обращено. Часто оно само порождало этот спрос — когда сулило социальный рост, экономический или политический успех, давало устойчивые ориентиры в бурные 70-е годы — эпоху демографического взрыва, исхода сельского населения в города, международных миграций, распространения всеобщего начального образования и стихийной урбанизации.

В институциональном плане возникновение современного исламского идейного пространства относится к 1969 году, времени глубокого кризиса арабского национализма и создания Организации Исламской конференции (ОИК). Последняя появилась в результате встречи в верхах руководителей исламских стран в Рабате в сентябре 1969 года. Она была созвана после совершенной экстремистом из Австралии попытки поджога мечети Аль-Акса, расположенной на Храмовой горе в Иерусалиме, уже в течение двух лет к тому времени оккупированной Израилем. Создание новой организации имело своим поводом инцидент, связанный с арабо-израильским конфликтом: этот инцидент был представлен как агрессия против ислама в целом, с тем чтобы поднять на борьбу все мусульманские государства, а не только одних арабов. Если при создании ОИК она насчитывала 29 членов, то на ее VIII конференции в верхах, состоявшейся в Тегеране в ноябре 1997 года, их насчитывалось уже 55.⁸⁸ Учреждение генерального секретариата ОИК в Джидде (Саудовская Аравия) указывало на особую причастность этой страны к деятельности международной организации, призванной, согласно ее хартии, «развивать исламскую солидарность между государствами-членами», укреплять сотрудничество между ними во всех областях, в частности, «координировать усилия, направленные на защиту Святых мест, поддержку борьбы палестинского народа с целью помочь ему вернуть свои права и освободить свою землю», а также «усилить борьбу всех мусульман в защиту своего достоинства, независимости и национальных прав».

Влияние ОИК на судьбы мира осталось незначительным из-за разногласий между ее членами и неуплаты взносов большинством государств-членов, кроме нефтедобывающих стран Залива и Малайзии. Однако она послужила форумом, позволившим определить приоритетные задачи мусульманского мира и придать им исламский смысл, — начиная с дела Палестины, которое до сих пор являлось знаменем только для арабского национализма. В 1974 году ОИК приняла в свои ряды ООП в качестве государства-члена, в 1977 году исключила Египет за подписание мира с Израилем, а в 1980 году — Афганистан, перешедший под советский контроль. В каждом из этих эпизодов (а также в критической позиции, занятой ОИК в отношении Ирана, которую она будет занимать на протяжении 80-х годов) ОИК будет легитимизировать консенсус вокруг мнения Саудовской Аравии. В декабре 1973 года, в момент «взлета» цен на нефть, ОИК приняла решение о создании Исламского банка развития со штаб-квартирой в Джидде. Начав операции в октябре 1975 года,⁸⁹ он финансировал проекты развития беднейших мусульманских стран и позволял

Brouwer, 1998)

⁸⁸ По поводу саммита ОИК в Тегеране, ставшего победой иранской дипломатии, был выпущен специальный номер журнала «IPIS» («Institute for Political and International Studies»), издаваемого аналитическим центром МИД Ирана; этот номер был посвящен ОИК и представлял собой критический взгляд на ситуацию из Тегерана. Одна из статей давала подробное описание этой организации, (см.: Baba N. A. The Organization of the Islamic Conference: Conceptual Framework and Institutional Structure // *The Iranian Journal of International Affairs*. 1997. Autumn. Vol. IX. № 3. P. 341–370).

⁸⁹ См.: Moinuddin H. *The Charter of the Islamic Conference and the Legal Framework of Economic Cooperation among its Member States*. Oxford: Clarendon Press, 1987. P. 113.

распределять средства, поступавшие в основном из стран Залива, по линии исламской банковской системы.⁹⁰

Вне официальных рамок одним из главных векторов саудовского влияния в ОИК стал контроль над паломничеством в Мекку, *хаджем*, этим ритуальным воплощением единства уммы — Всемирной общины правоверных. Сулящий каждому благочестивому мусульманину надежду на спасение, он оставался трудновыполнимым делом и до снижения цены на авиаперевозки в современную эпоху довольно редко совершался массой верующих. Когда-то *хадж* имел ни с чем не сравнимый престиж, однако позднее ему на смену пришли более доступные виды паломничества, в частности посещение могил святых, разбросанных по всему свету и служащих объектами народного почитания. С тех пор как в 1924–1925 годы король Абд аль-Азиз Ибн Сауд окончательно овладел Меккой и Мединой после изгнания оттуда Хашимитов, он решил сделать паломничество более функциональным, дабы привлечь побольше паломников, которые до начала нефтедобычи обеспечивали королевству основную часть его доходов. В 1926 году паломников было 90 тыс., в 1979 году — больше 2 млн, и с тех пор их количество колеблется ежегодно от 1,5 до 2 млн.⁹¹ Эти благоприятные экономические условия позволили большому числу мусульман всего мира воплотить идеал *хаджа* в жизнь. Одновременно этот процесс сопровождался ваххабизацией данного ритуала.

Едва став хозяевами священных городов, ваххабиты разгромили гробницы имамов и дочери Пророка, Фатимы, почитание которой шиитами было, с их точки зрения, недопустимым идолопоклонством. Затем они организовали паломничество в соответствии с собственным представлением. Прием и обустройство паломников стали исключительной прерогативой саудовского монарха. В 1986 году он принял титул Служителя обоих Священных мест, дабы еще больше усилить ваххабитский патронаж над главным — и самым священным — местом ежегодного собрания мусульман планеты. Это — главный инструмент утверждения гегемонии в исламском пространстве. Подобное использование *хаджа* вызовет яростный протест. В ноябре 1979 года, на заре XV века хиджры, саудовские оппозиционеры нападут на Большую мечеть в Мекке. Затем, в 80-е годы, хомейнистский Иран будет из года в год превращать *хадж* в демонстрации, сопровождающиеся актами насилия.⁹² Наконец, после войны в Заливе (1990–1991 гг.), против ваххабитской монополии на хадж выступят Саддам Хусейн и прочие «радикальные» оппоненты саудовского режима.

Глава 3

Убийство Анвара Садата и сила примера египетских исламистов

В то время как после 1973 года Саудовская Аравия устанавливала свою гегемонию над уммой, исламистские движения начали заявлять о себе в большинстве мусульманских стран. В суннитском мире три самые мощные из них возникли в Египте, Малайзии и Пакистане, где их успех, однако, был неодинаков. Наиболее впечатляющим он был в долине Нила, так как Садат погиб именно от рук исламистов. Однако им не удалось захватить власть и создать исламское государство.

Летом 1973 года, накануне октябрьской войны, в студенческой среде появились «*гамаат исламийя*» («исламские ассоциации»), организовавшие для своих членов первый летний лагерь. Здесь их сторонники и активисты приобщались к «истинно исламской

---

⁹⁰ См. ниже ч. 2, гл. 3.

⁹¹ См.: Leverrierl. Op. cit.

⁹² Об иранских манифестациях в Мекке во время паломничества (о них речь пойдет в следующей главе) см., в частности: Kramer M. Tragedy in Mecca // Orbis. 1988. Spring. P. 231.

жизни»: регулярно совершали ежедневные молитвы, проходили идеологическую подготовку, обучались искусству проповеди и тактике прозелитизма, привыкали к жизни в группе и т. д. Здесь будут подготовлены кадры, которые превратят «гамаат» в господствующее движение в студенческих городках. В 1977 году они получают большинство голосов на выборах в Союз египетских студентов, процедура которых в 1974 году была демократизирована Садатом, убедившимся, что левая угроза окончательно миновала.

Своим успехом они были обязаны в первую очередь умелой пропаганде «исламского решения» того социального кризиса, который переживали в то время египетские университеты. За десять лет количество студентов увеличилось более чем вдвое, достигнув 500 тыс.; развитие инфраструктуры отставало от этого роста. В результате происходило ухудшение общих условий получения знаний, возник разрыв между культурными запросами этого поколения молодых людей — как правило, первых в семье, поступивших в университет, — и доступом на рынок труда. Современные и светские ценности преподавания были поставлены под вопрос: «гамаат» обличали их как ложные, не отражавшие социальной действительности. Взамен они предлагали свое видение ислама как «целостной и всеобъемлющей системы», призванной объяснить мир, а главное — изменить его.

В том, что касается непосредственно студенческой жизни, «гамаат» умело сочетали предоставление бытовых услуг с внушением моральных норм, подчиняя социальный проект культурным требованиям «исламского порядка». Так, они пытались помочь тем студенткам, кому претило смешение полов в транспорте или на переполненных ярусах аудиторий, и тем из них, кому скромный бюджет не позволял одеваться по моде. На средства, выделявшиеся щедрыми спонсорами, исламистские ассоциации Каира компенсировали нехватку общественного транспорта мини-автобусами, предназначенными для студенток. Спрос на эту услугу быстро превысил предложение, и миниавтобусы начали перевозить уже только тех девушек, которые носили головной платок — *хиджаб*. Таким образом, приватизация транспортных средств выступила как способ «по-исламски» решить социальную проблему. В аудиториях «гамаат» навязывали разделение полов. Поначалу это устраивало молодых девушек, но потом превратилось в репрессивную норму поведения, символ морального контроля «гамаат» над студенческими городками. То же касалось и одежды: «исламское облачение» (платок, длинный и широкий плащ, перчатки) предлагались студенткам по очень низкой цене благодаря субсидиям, источник которых до сих пор остается неясным. Такого рода жесты преподносились как решение другой социальной проблемы — дороговизны модной одежды. Это не было борьбой за превращение общества в более эгалитарное, но служило, с одной стороны, целям демонстрации внешнего эгалитаризма через введение единообразной одежды и, с другой, — свидетельством исламистского культурного доминирования в студенческих городках. В статье, опубликованной в 1980 году, молодой врач Исам аль-Арьян, один из идеологов «гамаат», писал: «Когда студенток, носящих платок, много, то это знак сопротивления западной цивилизации и начала *ультимата* (строгости соблюдения. — Ж. К.) по отношению к исламу». Молодые женщины с закрытыми лицами, бородатые студенты в белых джеллабах, массовые моления в дни двух мусульманских праздников: окончания поста (Ид аль-Фитр) и жертвоприношения (Ид аль-Адха) — первый признак наличия мощного исламистского движения. Для исламских ассоциаций, «гамаат», всё это являлось способом демонстрации силы и доказательства наличия у них тысяч приверженцев во всех крупных городах Египта.

Вплоть до 1977 года, то есть до визита Садата в Иерусалим, египетские власти и «гамаат исламийя» переживали настоящий медовый месяц. Пресса, находившаяся под контролем режима, не скупилась на похвалы. «Правоверный президент», желавший установить царство «науки и веры», видел в студенческой исламистской интеллигенции средство, позволявшее удерживать под контролем молодежь: вместо уступок ее требованиям ей предлагался культурный и моральный дискурс, к которому широко прибегало и само правительство. Кроме того, Садат разрешил вернуться на родину изгнанным Насером «Братьям-мусульманам», сколотившим состояние в Саудовской Аравии. «Братья» получили

дивиденды от экономической либерализации (*инфитах*), проводившейся с 1975 года с целью передачи инициативы частному сектору и разрушения огосударственной экономики — плода советских рецептов 60-х годов. «Братья» станут образцом удачливости для многих эмигрантов, перебравшихся после 1973 года в страны Залива. Капиталы и связи, нажитые в нефтяных монархиях, сделали эту набожную буржуазию желанным партнером для режима. Она причисляла себя к «умеренному» крылу «Братьев-мусульман», которое лишь изредка ссылалось на слишком «радикального» Сайида Кутба. Лидером «умеренных» являлся Омар Тильмисани, сидевший в тюрьме при Насере и выпущенный на свободу Садатом в 1971 году. С 1976 года Тильмисани свободно издавал ежемесячный журнал «Ад-Даава» («Призыв») — и это в то время, когда свобода печати оставалась в стране сильно ограниченной.

Тактика Садата — по стопам которого в последующие годы пойдут многие лидеры мусульманского мира — состояла в том, чтобы помочь становлению исламистского движения, которое он рассматривал как социально консервативное и на политическую поддержку которого рассчитывал в обмен на широкую культурную и идеологическую автономию для исламистской интеллигенции и предоставление религиозной буржуазии свободного доступа в некоторые секторы приватизированной экономики. Этим прирученным исламистам была доверена важная задача: помешать появлению радикальных группировок, стремившихся подорвать сложившийся общественный строй.

В 1977 году это «джентльменское соглашение»⁹³ перестало действовать. В тот год по стране прокатилась волна возмущения и протеста против политики экономической либерализации, социальные последствия которой пугали население. Одна из исламистских радикальных группировок, «Общество мусульман» (получившая в полиции название «Ат-Такфир ва ль-хиджра» («Отлучение и хиджра»), открыто выступила против власти: она захватила одного из улемов в заложники, а затем, после отказа властей выполнить их требования, казнила его. В октябре, спустя месяц после судебного процесса над этой группой, Садат отправился в Иерусалим для заключения мирного договора с Израилем, что привело к разрыву отношений его режима с исламистской интеллигенцией и религиозной буржуазией.

Прорыв на политическую сцену «Ат-Такфир ва ль-хиджра» свидетельствовал о том, что исламистское движение состояло не только из «умеренных», обласканных тогда режимом, и что последние не сумели привлечь на свою сторону радикальную прослойку, которая в последующие годы будет численно расти, скатываясь к терроризму. Экстремистские действия этой группировки шокировали мусульман не только Египта, но и всего мира, а эпитет *такфири* («тот, кто отлучает от ислама других мусульман») вошел в обиходный арабский язык как термин, обозначающий самые сектантские элементы исламистского движения. Это течение зародилось в конце 60-х годов в насеровских лагерях среди студентов, арестованных во время массовых облав 1965 года. Его лидером стал молодой агроном Шукри Мустафа, развивший идеи Кутба, казненного в 1966 году.

По Шукри, если современный мир есть не что иное, как *Бжахилийя*, то есть неисламское общество, это значит, что в нем нет истинных мусульман, кроме его последователей. Интерпретируя священные тексты на свой лад, в качестве просветленного, Шукри выносил *такфир*: он объявлял *кяфиром* («неверным», «не-мусульманином») всякого, кто не являлся его сторонником. А согласно исламскому вероучению, *кяфирамозио* приговаривать к смерти. Затем, перетолковывая идеи Кутба, проповедовавшего «отделение» от *джахилийи* (без уточнения, идет ли речь о простой умственной абстракции или полном разрыве), Шукри изолировал своих приверженцев от безбожного мира. Он расселял их в пещерах Верхнего Египта или в коммунальных квартирах. Таким образом, Шукри стремился буквально копировать Пророка, который совершил свою хиджру — основополагающий для истории ислама радикальный

---

⁹³ В оригинальном тексте — «gentleman's agreement». (Примеч. ред.)

поступок, — бежав в поисках пристанища из языческой Мекки, где он рисковал жизнью, в Медину. Из этих мест внутренней ссылки Шукри рассчитывал однажды, когда его группа достаточно окрепнет, отправиться на завоевание Египта, уничтожить *джахилию* и установить господство истинного ислама — подобно тому, как в свое время Пророк завоевал Мекку, вернувшись туда победителем через восемь лет после бегства из города.

Секта Шукри вербовала сторонников среди малоимущих египтян, ничего не выигравших от экономической либерализации саатовской эпохи. Она предлагала своим adeptам общинный образ жизни, означавший разрыв всех связей с египетским обществом *джахилии*, вплоть до отказа от семейных уз. Шукри переустраивал брачные союзы по своему усмотрению. Это вызывало протесты семей, дочери, сестры или жены которых были «сращены». Однако государство не вмешивалось в происходившее и оставляло в покое это маргинальное движение, которое пока не таило в себе политической угрозы. Члены секты, которым Шукри запрещал сотрудничать с безбожным государством, жили за счет доходов от мелкой торговли; некоторые были отправлены работать в страны Залива, откуда они высылали денежные переводы. Всё в социальной практике секты говорило о примитивном импровизаторстве «маленького человека», предлагавшего свой рецепт решения проблем, стоявших перед членами секты в посленасеровском Египте эпохи экономического либерализма.

Религиозные власти отвергли идеи Шукри, которые один из улемов Аль-Азхара, шейх Захаби, приравнял к хариджизму — течению в раннем исламе, объявлявшему *такфир* всякому мусульманину, обвиненному в грехе. Позднее конфликты между «Обществом мусульман» и одной из радикальных группировок, в которую перешли несколько бывших сторонников Шукри, вылились в вооруженное столкновение. Шукри считал, что любой диссидент, порывавший с сектой, *ipso facto* порывал с исламом и как вероотступник заслуживал смерти. Тогда полиция арестовала некоторых из его adeptов за нарушение общественного порядка, и Шукри, дабы добиться их освобождения, захватил в заложники шейха Захаби. Отказ властей вести переговоры об освобождении пленника привел к его убийству, а затем — к аресту, суду и казни Шукри.

В отношениях между режимом Садата и исламистским движением процесс над группировкой «Ат-Такфир ва ль-хиджра» ознаменовал собой крах попыток власти привлечь на свою сторону студенческую интеллигенцию из «*гамаат исламийя*» и религиозную буржуазию из числа «Братьев-мусульман», чтобы сообща противостоять эксцессам со стороны бедной городской молодежи. На судебном процессе военный прокурор предъявил обвинение не только Шукри, но и всем исламистам и даже религиозному истеблишменту в лице шейхов исламского университета Аль-Азхар, несмотря на то, что они сами потеряли в этом инциденте одного из своих коллег. Аль-Азхар был обвинен в неспособности приобщить молодежь к ценностям «истинного ислама», из-за чего она и подпала под влияние такого «шарлатана», как Шукри. Это нашумевшее дело не могло не стать прелюдией к разрыву между движением и режимом из-за поездки Садата в Иерусалим, которая состоялась через месяц после процесса. Президент не мог допустить, чтобы под вопрос была поставлена его политика, квалифицированная исламистами как «постыдный мир с евреями». Союз студентов был распущен, имущество «*гамаат исламийя*» конфисковано, летние лагеря закрыты полицией. В качестве предупреждения ежемесячник «Братьев-мусульман» подвергся жесточайшей цензуре.

Однако, несмотря на рост напряженности между властью и исламистами, последние еще пока не выступали единым фронтом. О. Тильмисани и его сторонники выставляли себя респектабельной оппозицией. Страницы их ежемесячника изобиловали рекламой фирм, принадлежавших «Братьям», которые обогатились за годы пребывания в странах Залива. Здесь же печатались и многочисленные рекламные объявления государственных кампаний. Соглашательство между состоятельной набожной буржуазией и властью, их взаимодополняемость не ставились под вопрос, несмотря на превратности политической жизни. Буржуазия вовсе не собиралась вставать на путь революционной смены режима.

Однако из-за своей неспособности к компромиссам она утратила влияние на самых радикальных деятелей, выходцев из студенческой среды и бедной городской молодежи, которые взяли на себя инициативу выступлений против Садата.

Радикализация исламистской оппозиции после 1977 года выразилась прежде всего в пересмотре организационных основ «*гамаат исламийя*»: на смену проповедям в студенческих городках пришла подпольная деятельность в беднейших поясах египетских мегаполисов (Каире, Александрии, крупных городах Верхнего Египта — Асьюте и Минье). Уроженцы этих мест станут основными обвиняемыми в процессе по делу об убийстве Садата и организации мятежа в Асьюте в октябре 1981 года. Наиболее политизированные деятели объединялись в группировки, входившие в организацию «Джихад». Ее теоретиком стал молодой инженер-электрик Абдессалам Фарадж. Теоретические взгляды Фараджа были изложены в небольшой работе, опубликованной под заголовком «Аль-Фарида аль-гайба» («Сокровенный долг» или «Неисполненная обязанность»). В ней говорилось, что в обязанности улемов входит объявление джихада любому правителю, не придерживающемуся норм ислама (даже если сам он считает себя мусульманином). Из работы следовало, что духовенство совершило измену. И это давало ему, Фараджу, инженеру-электрику по специальности, воспитанному на трудах Ибн Таймийи, коего он цитировал по изданию, распространявшемуся большими тиражами Саудовской Аравией, самому объявить джихад Садату — «отступнику ислама, кормящемуся подачками со стола империализма и сионизма». Написанный накануне убийства президента, этот текст, отвечавший духу Кутба, свидетельствовал о внутреннем расколе в среде исламистской интеллигенции, который станет неодолимым препятствием для развития всего египетского исламистского движения. Помимо осуждения «безбожной» власти, призыва к ее насильственному свержению и осуждения предательства улемов, Фарадж развернул беспощадную критику «умеренного» крыла движения.

Согласно Фараджу, «Братья-мусульмане», культивируя легальную оппозицию системе, недооценили ее глубоко безбожного характера и своим участием в ней только способствовали ее укреплению. Движимые стремлением основать исламское государство, Фарадж и его сообщники пошли на силовую акцию — 6 октября 1981 года они убили Садата во время военного парада по случаю годовщины форсирования Суэцкого канала. По замыслу заговорщиков, это должно было перерасти в «массовые» выступления — прелюдию к «народной революции». Во время допросов, последовавших за арестами, обвиняемые пересыпали свою речь такого рода выражениями, ссылаясь на Иран, где революция только что победила. Однако иранские исламисты у себя в стране сумели сплотить воедино под знаменем аятоллы Хомейни бедную городскую молодежь, торговцев базара и даже светские средние классы. Напротив, Фарадж и его сообщники оттолкнули от себя египетскую набожную буржуазию и прокляли духовенство, которое «Неисполненная обязанность» избрала своей главной мишенью. Они оказались не способными превратить убийство главы государства во всеобщее восстание под знаменами ислама, сплотить оппозиционные силы в борьбе против «безбожной» власти. И это в тот действительно благоприятный момент, когда непопулярность *раиса*, переполнившего тюрьмы представителями всех, даже самых умеренных политических течений, достигла высшей точки. Вокруг Садата образовался полнейший вакуум, приведший его на грань паранойи. В то время как вице-президент Мубарак принимал на себя обязанности президента, а в Асьюте десантники подавляли вооруженное восстание, поднятое организацией «Джихад», в народных кварталах шли облавы на радикальных активистов. Впоследствии руководство Аль-Азхара потратило немало усилий, чтобы доказать, что идеи Фараджа и его сторонников были «ошибочными», а их ссылки на Ибн Таймийю — безосновательными. В ответ на обвинения активистов исламских движений улемы отвечали, что только они вправе толковать великие тексты исламской традиции, понимание которых не дано «невеждам», будь они хоть дипломированными инженерами-электриками. Однако саудовская политика массового распространения этих сочинений, одобряемых ваххабитским духовенством, сделала их

доступными радикальной образованной молодежи. Последней предстояло понять эти тексты в таком же морально-консервативном духе, но сделать из них выводы, гораздо более опасные для существующего порядка.

Египетский пример конца 70-х годов — яркая иллюстрация политического провала исламистского движения, все три компонента которого оказались разрозненны. Он также показывает, в какой тупик может зайти правящий режим, который, надеясь сохранить неизменным социальный порядок, идет на союз с набожной буржуазией и использует «умеренную» исламистскую интеллигенцию в своих целях, отдавая ей на откуп мораль и культуру и открывая ей доступ к приватизированной экономике. В результате визита Садата в Иерусалим, а затем заключения мира с Израилем ориентация египетского государства вошла в противоречие с базовыми ценностями исламистского движения, даже его самого умеренного крыла: враждебностью к евреям в целом и к еврейскому государству в особенности. Таким образом, правящий режим попал в ловушку, устроенную им же самим: дискурс исламистской интеллигенции, приветствовавшийся, когда он был направлен против левых, превратился в фактор нестабильности, когда он стал способствовать сплочению и радикализации оппозиции. Буржуазная компонента движения, даже если она и не вступила на путь прямой конфронтации с властями, оказалась подмята группами бедной городской молодежи и студентов — сторонников джихада.

Несмотря на поражение, египетские исламисты стали предвестниками грядущих потрясений. Благодаря престижу страны, в которой была создана организация «Братьев-мусульман» и жил Сайид Кутб, деятельность египетских исламистов и уроки их поражения станут предметом изучения «последователями даже в странах Черной Африки и Центральной Азии.

Глава 4

Исламизм, бизнес и этническая напряженность в Малайзии

В начале 70-х годов в исламское пространство внезапно вторглась Малайзия. Путешественники и туристы, посещавшие эту страну, которая, казалось бы, находилась на периферии мусульманского мира, приходили в изумление при виде большого количества женщин, облаченных вместо традиционного для стран Юго-Восточной Азии цветного саронга в «исламский костюм», введенный в моду в египетских кампусах студентами из «*гамаат исламийя*».⁹⁴ На улицах Куала-Лумпура из мечетей, оснащенных мощными динамиками, слышались монотонные наставления пятничных проповедников: цитируя Маудуди, они призывали правоверных стать «лучшими мусульманами». В стране зародилось массовое исламистское движение. Известное под названием «*даква*» (от араб, *даава* — «призыв к исламу» и «проповедь»), оно получило широкое распространение после народных волнений 13 мая 1969 года. Как и в Египте, где в конце 60-х на фундаменте дряхлеющего арабского национализма зарождался исламистский протест, так и в Малайзии социальные потрясения 1969 года свидетельствовали о хрупкости местного национализма и о политических амбициях ислама. Кроме того, всё это накладывалось на этнические конфликты и неравноправное распределение богатств между «коренными» малайцами и потомками китайских иммигрантов.

Бывшая английская колония, обретшая независимость лишь в 1957 году, занимала важное стратегическое положение в проливах, разделяющих Индийский и Тихий океаны. Во времена колонизации англичане в массовом порядке переселяли сюда индийцев и особенно

---

⁹⁴ О возрождении исламизма в Малайзии в 70-х годах см.: Nagata J. *The Reflowering of Malaysian Islam: Modern Religious Radicals and Their Roots*. Vancouver: University of British Columbia Press, 1984; Muzaffar Ch. *Islamic Resurgence in Malaysia*. Petaling Jaya: Penerbit Fajar, 1987; Funston N.J. *The Politics of Islamic Reassertion: The Case of Malaysia* / Sous la dir. de A. Ibrahim, S. Siddique, Y. Hussain // *Readings on Islam in Southeast Asia*. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies, 1985; Nash M. *Op. cit.*

китайцев: индийцы трудились на плантациях гевеи, а китайцы занимались коммерческой деятельностью, связанной в основном с мореплаванием (достаточно назвать Сингапур, принадлежавший ранее Малайзии). К моменту провозглашения независимости в руках китайцев, составлявших более трети населения и не являвшихся мусульманами, оказался контроль практически над всем достоянием государства. Коренные жители, или *бумипутра* (все — мусульмане), еще в XIV веке высадившиеся на островах Малайзии с бортов оманских и индийских торговых шхун, оставались в стороне от процессов модернизации. Малайцы, составлявшие более половины населения нового государства, проживали в основном в сельской местности, или кампунгах. Выходцы из Индии, часть которых придерживалась исламского вероисповедания, составляли 15 % населения.

Первый вызов, с которым пришлось столкнуться независимому государству, состоял в необходимости соблюдения хрупкого этнического равновесия. Составляя большинство населения, бумипутра требовали нового предела собственности и природных богатств страны. Правящий режим, объединявший представителей элит всех трех общин на основе соотношения сил, сложившегося к концу колониальной эпохи, испытывал давление со стороны коренной малайской молодежи. Молодые люди, отправлявшиеся из деревни в город, сразу попадали из традиционного и неграмотного сельского мира с характерной для него экономикой выживания в китайский город, ориентированный на внешний мир, богатый связями с заморскими соотечественниками и письменной культурой. Именно в этой ситуации *вспыхнули волнения* 1969 года. Они переросли в антикитайские погромы и грабежи и поставили под сомнение способность малайзийского правящего режима управлять полиэтничным обществом.

Молодые бумипутра, обучавшиеся в городах, испытывали культурный дискомфорт от засилья английского языка.⁹⁵ Их главным требованием стало широкое использование малайского языка (на котором не говорило большинство китайцев). После майских волнений 1969 года власть пошла на эту уступку, взяв на вооружение политику «положительной дискриминации»: бумипутра получали перед китайцами преимущество при поступлении в государственный университет, трудоустройстве в госсекторе и занятии административных должностей. При новом балансе сил, установившемся в 70-х годах, часть китайских богатств и капиталов перетекла в руки бумипутра. Их немногочисленная элита стала контролировать выдачу лицензий и разрешений, деятельность административных советов и т. д. По сути, китайцам предлагалось наращивать капиталы, чтобы потом лучше их переделить.

И всё же в 70-х годах подавляющее большинство малайской молодежи так и не получило доступа к этой политической ренте. Столкнувшись с быстро меняющейся драматической реальностью, характеризовавшейся оттоком населения из сельской местности, демографическим взрывом, быстрой ликвидацией неграмотности, молодежь стремилась обрести собственную самобытность, дабы заявить о себе перед лицом китайцев и оправдать притязания на управление страной. Но фольклор *кампунга* был малопригоден для противостояния развитой культуре китайского города. Эту функцию предстояло реализовать исламу в его воинственной форме. Как в Египте, так и в других странах ислам всегда находил ответ на структурные потрясения, характерные для этого десятилетия. Он выработал язык, дававший мусульманам надежду на то, что, захватив власть, они смогут взять под контроль ситуацию, а не только пассивно переживать экономические пертурбации. В малайзийском варианте к этому добавилась еще и этническая специфика страны: приступ тяги к исламской культурной идентичности выталкивал молодых крестьян-бумипутра в городской мир, ставил их в равные условия с другими этносами, поселившимися в городах раньше их. Для своих последователей малайский исламизм оказался также превосходным маркером культурных отличий. Этим объясняется его гораздо более ранний и более

---

⁹⁵ Это напоминает социальные и возрастные конфликты поколений той же эпохи по поводу использования французского или классического арабского языка представителями правивших классов в странах Северной Африки.

массовый успех в сравнении со странами Ближнего Востока.

Самое известное движение, АБИМ (Лига малайской мусульманской молодежи), вело отчет своей деятельности с 1971 года. Оно ставило перед собой задачу обратить молодежь в «истинных мусульман», призывало ее «очистить» сельский ислам от синкретического влияния индуизма, еще раньше укоренившегося на Малайзийском полуострове. Тем самым Лига как бы «цивилизвала» молодежь. Исламисты-интеллектуалы из АБИМ, представители студенческой среды, предлагали новичкам городскую религию, основанную на письменных текстах (в частности, на трудах Маудуди, переведенных на малайский). Они говорили о культурном разрыве, превращая идеальное исламское общество в размытый концепт, пригодный для различных социальных групп. Последователей АБИМ можно было использовать в различных политических целях, направленных как на разрушение общественного строя, так и на его укрепление.

В 70-х годах недовольство только росло: малайский сельский мир не выдерживал гонки, а самые малообразованные из его представителей еле сводили концы с концами, вкалывая на новых заводах по переработке японских, тайваньских и корейских продуктов. Эти заводы принадлежали китайцам малайского происхождения, которые извлекали огромные прибыли из дешевизны местной рабочей силы. В 1974 году в Балинге, городе, расположенном на севере страны, вспыхнули мощнейшие волнения пролетаризированной сельской молодежи. Студенты выступили на стороне скваттеров, протестовавших против тяжелых условий жизни в городских окраинах. Их поддержал АБИМ, а его лидер, 27-летний Анвар Ибрахим, выпускник университета, получил за это два года тюрьмы. Здесь власть провела черту, за которую исламистские интеллектуалы — выходцы из студенческого движения — не должны были переступить. Они могли проповедовать, открывать школы, создавать благотворительные ассоциации при мечетях, чтобы сопровождать и направлять переход малоимущей сельской молодежи в городской мир. Но они ни при каких обстоятельствах не имели права помогать ей нарушать установленный порядок, придавая ее недовольству религиозную окраску.

Помимо АБИМ, в стране был представлен весь спектр исламистского движения — от местного эквивалента «Братъев-мусульман» до вооруженных экстремистских группировок и сект. Малайская исламская партия (ПАС) имела свою фракцию в парламенте страны и иногда входила в правительственные коалиции. Ее оплотом являлся сельскохозяйственный штат Келантан, где председатель партии часто избирался *chief minister*. ПАС являлась неотъемлемой частью системы, в которой она играла роль легальной оппозиции. Это старая партия, основанная в 1951 году и неустанно добивавшаяся исламизации страны, а потому власти, чтобы избежать обвинения в безбожии, не оставалось ничего иного, как потакать ей. Подобное забегание вперед превратилось в малайский политический ритуал, известный под названием «*кяфир-менгафир*» («взаимно обзывать себя *кяфиром*, богоотступником»). Оно выражалось в выделении на исламизацию всё больших и больших средств из бюджета, издании новых декретов, регламентирующих рабочий день чиновников-мусульман в зависимости от часов молитвы или Рамадана, легализации ношения мусульманками платка, вменении в обязанность предприятиям общественного питания подавать посетителям *халляльные* продукты и т. д. Однако в 70-е годы ПАС была слабо представлена в среде городской молодежи, в которой пользовались успехом студенческие движения «призыва к исламу» («*даква*»).

В эти годы на другом полюсе исламистского движения появилась секта, имевшая двойственный характер. Основанная в 1968 году вдохновенным проповедником Асхари Мохаммедом и получившая название «Дарул Аркам»,⁹⁶ она создала нечто вроде чисто исламской Фиванской пустыни. Сектанты одевались в длинные белые или зеленые джеллабы

---

⁹⁶ Название организации («Жилище Аркама») происходит от имени родственника Пророка, оказавшего ему гостеприимство.

в арабском стиле и носили на голове широкие черные тюрбаны. Столы, стулья и телевизоры были запрещены. «Дарул Аркам» основал в Малайзии и странах региона около 40 таких «исламских» общин, открыл более 200 школ, а также благотворительные ассоциации и диспансеры, специализировавшиеся, в частности, на «исламской» реабилитации молодых токсикоманов. Секта также открывала предприятия по производству и продаже *халляльных* продуктов питания. Эта группировка, не достигшая радикализма египетской «Ат-Такфир валь-хиджра», проповедовала изоляцию в повседневной жизни от «нечестивого» окружения. Она призывала своих сторонников жить в закрытых от внешнего мира коммунах, популяризовавшихся как прототип истинного исламского государства. Под влиянием иранской революции и событий на Ближнем Востоке, а также вернувшихся из-за границы активистов получила новый живительный импульс деятельность радикально настроенной части исламистов. Они призывали к джихаду, восхваляли самопожертвование во имя ислама, одновременно «тренируясь» на индусских храмах — символах безбожия. Самая заметная фигура среди них — «неуправляемый» молодой активист ПАС, одно время обучавшийся в Ливии (откуда его прозвище — Ибрахим Либия) и в конечном счете убитый полицией в 1985 году.

В следующее после событий 1969 года десятилетие режим в лице коалиции трех этнических партий во главе с «чисто малайской» УМНО (United Malay National Organization) проводил политику исламизации. Власть стремилась символически поощрять религиозную гордость мусульман, не ущемляя при этом другие общины, составлявшие около 40 % населения, в том числе китайских предпринимателей — этих кур, несших для существующей системы золотые яйца. Властям приходилось следить, чтобы «призыв к исламу» не слишком задевал их интересы. Исходя из этого, государство регулярно подтверждало свой светский характер: «исламские законы» не навязывались гражданам-немусульманам, защищенным от инициатив чересчур ретивых проповедников. Контроль со стороны такого «светского» государства за исламизацией общества стал одним из важнейших — и парадоксальных — аспектов малайзийской ситуации.

Во второй половине 70-х годов ПАС была допущена в состав правительственной коалиции в обмен на обещания более сдержанной исламизации коренных жителей-малайцев и ужесточения дисциплины в рядах своих приверженцев. Однако вхождение ПАС во власть, по преимуществу в сельских регионах, не открыло ей доступа к основным очагам социального кризиса, то есть в городские трущобы и студенческие городки. Партии не удалось сыграть здесь роль посредника, отстаивающего интересы режима, поэтому в 1978 году ее представители вышли из правительства. Как и в Египте, власти стремились обрести в исламистском движении «умеренного» партнера, с помощью которого можно было бы устанавливать нормы морального поведения, позволявшие избегать общественных потрясений и не нарушавшие существовавшей социальной иерархии.

После того как ПАС расписалась в своей неспособности выполнить эту задачу, власть нашла исламистского джокера в лице молодого руководителя АБИМ Анвара Ибрахима, который сделал головокружительную карьеру, но затем столь же стремительно пал в преисподнюю. В 1975 году Анвар Ибрахим был выпущен из тюрьмы. Под его руководством исламистское движение приобрело необыкновенную популярность среди новоиспеченных горожан, школьников и студентов. Его харизма привлекала к нему массы народа. В 1982 году, ко всеобщему удивлению, Анвар по настоянию премьер-министра Махатхира Мохаммеда стал членом правящей партии УМНО.⁹⁷ Он был кооптирован в нее с тем, чтобы АБИМ оказала поддержку правящему режиму. Анвар Ибрахим усматривал в этом

---

⁹⁷ О развитии процесса исламизации в Малайзии в 80–90-е годы см.: Mu-zaffar Ch. Two Approaches to Islam: Revisiting Islamic Resurgence in Malaysia (unpublished). 1995. May; Camroux D. States Responses to Islamic Resurgence in Malaysia: Accomodation, Co-option, and Confrontation // Asian Survey. 1996. September. P. 852. Очень много фактического материала, почерпнутого из местной прессы, приведено в работе Лорана Метцгера (см.: Metzger L. Strategie islamique en Malaisie (1975–1995). P.: L'Harmattan, 1996).

возможность ввести во властные структуры своих людей с целью исламизации государства изнутри. Махатхир, который уже был министром в 70-е годы, играл ведущую роль в проведении государственной политики исламизации. Он следил за тем, чтобы неконтролируемые группы сторонников «призыва» не монополизировали этот процесс. Чтобы избежать этого, он курировал строительство роскошных мечетей, организовывал щедро финансируемые конкурсы чтецов Корана. Он же контролировал отправку паломников в Мекку, открывал многочисленные курсы по изучению исламских наук и шариата, и т. д. С приходом Анвара в правительство процесс исламизации за счет государства ускорился. Каждому ученику или студенту-мусульманину вменялось в обязанность посещение курсов по изучению ислама, что позволяло создавать рабочие места для выпускников ранее созданных шариатских факультетов. В 1983 году в Куала-Лумпуре в торжественной обстановке открылся Международный исламский университет. Почетным президентом был избран Анвар, ректором стал саудовец египетского происхождения.⁹⁸ Университет проповедовал описанную в предыдущих главах «ваххабитско-исламистскую» идеологию. Обучение велось на английском и арабском языках. Университет ставил перед собой целью подготовку международной исламистской элиты, воспитанной на концепте «исламизации знания». Согласно этому концепту, предметом любой науки, как точной, так и гуманитарной, является прославление Божественного Откровения, которое находит свое высшее воплощение в исламе. Выпускники этого университета, получавшие многочисленные стипендии из стран Залива, готовились для воспроизводства консервативного международного исламистского истеблишмента, чтобы затем работать в исламской банковской системе, администрации Организации Исламской конференции, исламских неправительственных организациях и т. д.

В самой Малайзии исламская банковская система⁹⁹ заработала в бытность Анвара Ибрахима министром финансов с созданием в 1983 году Исламского банка. Премьер-министр Махатхир лично открыл в нем счет № 1. Малайские власти хотели привлечь сюда сбережения наемных рабочих и представителей средних классов бумипутра, недавно ставших горожанами, разделявших взгляды *даква* и обогатившихся после событий 1969 года — с началом проведения «новой экономической политики», в результате которой значительная часть китайских капиталов перетекла в карманы некоторых коренных малайцев. Свою верность режиму они должны были подкрепить своего рода *халяльным* финансовым продуктом — фондами управляли молодые «мусульманские банкиры», этот цвет набожной финансовой буржуазии. Всё это позволяло также создать для выпускников религиозных учебных заведений рабочие места в шариатских учреждениях, призванных следить, чтобы сделки и размещение капитала не осуществлялись на основе процентной (ростовщической) ставки, приравниваемой, согласно Корану, к лихве, то есть к своего рода нетрудовому доходу, и, следовательно, запрещенной шариатом.

Анвар Ибрахим вводил в коридоры власти элиту малайских студентов-исламистов, добиваясь для них влиятельных постов во властных структурах. В результате этой политики они теряли интерес к радикальной интерпретации своей идеологии, а значит, и к пересмотру сложившегося порядка. Однако в малайзийском исламистском движении кроме враждебно настроенных режиму активистов ПАС, деятельность которых ограничивалась провинциальными бастионами, оставались и другие группировки, не поддававшиеся

---

⁹⁸ Имеется в виду д-р Абдель Хамид Абу Сулейман (род. 1936, Мекка), с 1988 года являющийся ректором Международного исламского университета и принадлежащий к международному исламистскому истеблишменту. С 1973 по 1979 г. избирался генеральным секретарем WAMY (World Assembly of Muslim Youth), являющейся филиалом Лиги исламского мира. Автор многочисленных трудов, в том числе: Abu Sulayman A. Towards an Islamic Theory of International Relations. Herndon: International Institute of Islamic Thought, 1993.

⁹⁹ Об исламской банковской системе см. ч. 2, гл. 4.

призывному пению правительственных сирен. Среди них привлекала внимание секта «Дарул Аркам». Она доставляла много хлопот секретным службам Махатхира Мохаммеда еще и потому, что к ней примкнули некоторые высокопоставленные чиновники: ее подозревали в намерении проникнуть со временем во власть с целью ее захвата, несмотря даже на то, что секта вербовала сторонников прежде всего среди малоимущей городской молодежи. К середине 90-х годов «Дарул Аркам» насчитывала около десятка тысяч приверженцев и от 100 до 200 тысяч сочувствующих. Ее авуары, накопленные за счет коммерческой деятельности, оценивались в 120 млн долларов. Ее руководитель, проживавший с 1988 года в изгнании, выступал от имени ислама со все более резкими нападками на коррумпированный режим.

Для власти, проводившей политику развития экономики и исламских банков, озабоченной мерами по контролю над городской молодежью и поощрением религиозной буржуазии с целью заручиться ее поддержкой, критика со стороны секты была неприемлема, поскольку подрывала религиозную легитимность режима. Тем не менее ликвидация этого движения затянулась надолго в силу деликатности всех моментов, связанных с исламом. В 1986 году труд Асхари Мохаммеда оказался под запретом: его автор утверждал, что встречался с самим Пророком и готовил своих последователей к приходу Махди, мессии, которым некоторые из его приверженцев считали самого Асхари. Летом 1994 года постановлением Национального совета фетв Малайзии секта была окончательно объявлена «уклонистской», а ее деятельность — незаконной. Высланный из Таиланда, где он нашел себе прибежище, основатель секты выступил в одной из телевизионных передач с публичным раскаянием. В это же время полиция приступила к ликвидации образовательных, благотворительных и коммерческих организаций секты, стала закрывать ее коммуны. Как и в Египте, малайзийское правительство предоставляло широкую автономию исламистским движениям до тех пор, пока они проповедовали моральные устои и сдерживали потенциально взрывоопасные социальные слои. Однако им не было позволено подменять собой существующую власть и угрожать режиму претензией на одинаковую с ним религиозную легитимность. Случившееся с сектой «Дарул Аркам» в 1994 году станет лишь прелюдией к другому столкновению, неизмеримо более масштабному, которое произойдет четыре года спустя. Его жертвой станет Анвар Ибрахим.

Все действовавшие факторы в совокупности были призваны укрепить и структурировать новый религиозный средний класс, получивший городское воспитание, но сельский по происхождению. Успешное проведение такой политики вплоть до конца 90-х годов объяснялось интеграцией Малайзии в процесс бурно развивавшегося азиатского капитализма в основном благодаря усилиям предпринимателей китайского происхождения. Эти круги без особого колебания и излишних эмоций восприняли проводимую по отношению к ним политику социальной дискриминации, поскольку на самом деле именно они и являлись подлинными архитекторами и бенефициарами «открытия» экономики страны для внешнего мира. Оказалось, что финансирование исламизации не требовало чрезмерных затрат. Что же касается молодых китайцев, лишенных доступа в малайзийские высшие учебные заведения, то они благодаря помощи общины учились в Австралии или на Западе, получая гораздо более престижные дипломы, нежели их мусульманские соотечественники, посещавшие местные вузы.

Вдохновленный «азиатским чудом» 90-х годов, Махатхир представлял свою страну как плод удачного альянса «строгого» ислама с современным капитализмом. Символом этого альянса стали две сооруженные в виде минаретов башни национальной нефтяной компании — самое высокое здание в мире, воздвигнутое в Куала-Лумпуре в 1997 году и составлявшее гордость режима. Махатхир стремился стать лидером в состязании с арабскими странами Залива, процветание коих зиждилось лишь на нефтяной ренте, за гегемонию в исламском идейном пространстве. Неутомимый борец за дело мусульман и стран «третьего мира», премьер-министр, для которого «западные ценности — это западные ценности, а исламские ценности — это общечеловеческие ценности», основал в 1992 году Институт исламского

взаимопонимания (ИККИМ) для пропаганды по всему миру малайзийской модели исламизации. На многочисленных коллоквиумах и семинарах, проводившихся в странах Запада, представители ИККИМ подчеркивают «современность» этой модели, ее совместимость с рынком и нормальными межэтническими отношениями.

Однако из-за своей крайней зависимости от внешних рынков, финансировавших исламизацию и «положительную дискриминацию» внутри страны, Малайзия в полной мере испытала на себе последствия азиатского кризиса 1998 года. Наиболее заметной жертвой этой катастрофы стал Анвар Ибрахим — интеллигент-исламист, которого Махатхир сделал своим преемником и наследником, гарант лояльности к режиму реисламизированной молодежи. По подозрению в намерении отстранить от власти премьер-министра Анвара лишили всех полномочий, подвергли избиениям. Подконтрольная правительству пресса навесила на него ярлык содомита.¹⁰⁰ Затронув в данном случае вопрос нравственных устоев обвиняемого, власти метили в самую сердцевину идеологии исламистской интеллигенции, облекавшей социальные отношения в моральные нормы. У Анвара и его многочисленных защитников в среде малайзийской молодежи не оставалось иного выхода, как обвинить режим в клевете, ведь доктрина исламизма считала преступным любое «отклонение» в поведении. В этом вопросе исламисты попали в свою же собственную ловушку. Проповедуя морально-тоталитарную концепцию общества, они тем самым запрещали прибегать к защите частной жизни индивида. Но, кроме этого, отстранение Анвара явилось лакмусовой бумажкой отношений между исламистской интеллигенцией и властью. Премьер-министр без сожаления расстался с бывшим лидером АБИМ еще и потому, что был уверен: благодаря процессу исламизации и внедрению исламских норм в общественную жизнь городская молодежь уже вписалась в социальную структуру. И в самом деле, режим сумел привлечь на свою сторону определенную часть молодежи. Благодаря сложившейся системе ей удалось достичь определенного продвижения по социальной лестнице. Политическое бессилие, проявленное Анваром и его сторонниками, несмотря на широкую кампанию в их поддержку, явилось наглядным свидетельством того, что в первое время кооптация лишила исламистскую интеллигенцию способности к мобилизации сил: она оказалась в плену своих же собственных противоречий, которые умело использовал авторитарный режим, а противопоставить ему ей что-либо так и не удалось. Режим же и без Анвара продолжал политику исламизации, усиливая тоталитарный характер моральных запретов в условиях экономического спада. В январе 1999 года канцелярия премьер-министра объявила о введении для мусульманских супружеских пар электронных удостоверений, свидетельствующих об их семейном положении. Таким образом, исламская полиция нравов, оснащенная сканерами, получила возможность проверять, состоят ли мужчина и женщина, застигнутые вместе, в законном браке, или же они должны быть подвергнуты аресту за совершение *хальвы* — незаконной «тесной близости»....¹⁰¹ Диктаторский характер режима, усилившийся после выборов, прошедших в ноябре 1999 года под строгим контролем властей, искал идеологическую опору в насаждении норм исламской морали, что уже стало причиной многих громких скандалов.¹⁰² Ужесточение моральных запретов

---

¹⁰⁰ Интересующимся событиями осени 1998 г. рекомендуем работу, написанную их очевидцем Рафаэлем Пуе (см.: RouyèR. Mahatir Mohamad, l'islam et l'invention d'un «universalisme alternatif»: Memoire. Institut d'Etudes Politiques de Paris. 1998. Novembre).

¹⁰¹ См. депешу от 28 января 1999 г. (выражаю искреннюю признательность Давиду Камру, обратившему на нее наше внимание).

¹⁰² Атташе тайландского посольства подвергся преследованиям религиозной полиции нравов за то, что находился в гостиничном номере со своей женой, но не мог доказать полиции, что состоял с ней в законном браке. Старший брат Анвара Ибрахима также стал жертвой подобного рода чрезмерного усердия: однако, как оказалось впоследствии, молодая женщина, с которой он был застигнут, являлась его второй женой (с точки зрения шариата, многоженство разрешено). Подконтрольной режиму прессе, начавшей иронизировать по

породило недовольство даже у обласканной властями исламистской интеллигенции, всегда готовой оправдать политику режима. Под давлением мирового общественного мнения власти были вынуждены выпустить из тюрьмы и выслать из Малайзии друга Анвара, Аниса, который по прибытии в США сделал заявления в нехарактерном ранее для него тоне. Потомственный интеллигент, пакистанец по происхождению, противник «безбожного Запада», подвергаемого им яростной критике на страницах основанного им же периодического издания, Анис делится впечатлениями об ужасах, которые ему пришлось пережить в застенках Махатхира Мохаммеда: «Всю свою сознательную жизнь, как и многие мне подобные в мусульманском мире, я считал, что Запад устраивает заговоры, единственной целью которых является стремление принизить нас, не дать нам возможности поднять голову. Однако именно мои западные друзья спасли меня, в то время как Махатхир, мусульманин, сделал все, чтобы погубить меня. (...) Он показал, что, хотя он и называет себя мусульманином, его сердцу чуждо всякое сострадание.

Тирания является свидетельством краха его концепции «азиатских ценностей». Моя трагедия и трагедия Анвара должны заставить сильно призадуматься наших мусульманских собратьев, которые берутся оценивать Запад и его роль в мире. В то время, когда мы готовимся строить наше коллективное будущее в XXI веке, мы должны определить, чьи ценности для нас важнее: Махатхира или же Джефферсона? За меня ответил сам Махатхир». ¹⁰³ Подобная эволюция в умах некоторых исламистских интеллектуалов, пытавшихся найти выход из фаустовской дилеммы, к которой их подвел авторитарный режим, и узнавших, что такое истинная демократия, станет характерным явлением конца XX века для большинства других мусульманских стран (об этом речь пойдет в третьей части данной книги). В Малайзии после 1970 года эта эволюция вписалась в длительный процесс «перехвата» государством риторики воинствующего ислама, что позволило властям взять под контроль и нейтрализовать неимущую городскую молодежь, и, играя на религиозных чувствах, идеологически интегрировать ее в систему. Таким образом, политические диссиденты были лишены возможности использовать язык ислама для выражения социального недовольства. Попытавшаяся прибегнуть к тем же методам секта «Дарул Аркам» была раздавлена. Участие Анвара Ибрахима в правительстве так и не позволило ему установить исламское государство и воплотить на практике идею шариатской социальной справедливости, о чем мечтали его сторонники. Анвар и его друзья-исламисты, введенные им во властные структуры, банки, прессу и образовательные учреждения, лишь пополнили ряды набожной буржуазии, не создав никакой опасности для существовавшей социальной иерархии, а, напротив, лишь укрепив ее. И когда Анвар, опиравшийся на поддержку и симпатии мирового финансового истеблишмента и руководителей некоторых западных стран, ¹⁰⁴ посчитал, что его час настал, премьер-министр-автократ Махатхир Мохаммед,

---

поводу сексуальной озабоченности главы семьи, пришлось замолчать, склонившись перед полигамией, о которой многократно велась речь на страницах печати и которая санкционировалась исламским законодательством.

¹⁰³ Anees M.A Jefferson vs. Mahathir: How the West Came to this Muslim's rescue // Los Angeles Times. 13.09.1999. Жизненные ценности, на которые ссылается автор, выражены в словах, выгравированных на фронте мемориала Джефферсона в Вашингтоне: «Я поклялся на алтаре в вечной вражде к любой форме тирании над разумом человека». С этой фразы начинается статья Аниса. В ней он описывает пытки и унижения, которым подвергался во время своего заключения. В конце обвинительного процесса правительственный ежедневник Куала-Лумпура, выходящий на английском языке, поместил большую фотографию Аниса с полуобморочным выражением лица, на голове — квадратная тубетейка, которую носят в Малайзии мусульмане, под фотографией большими буквами написано: «Sodomised!» («Содомит!»; см.: The Sun. 20.09.1998).

¹⁰⁴ Из беседы с Анваром Ибрахимом (в то время — министром финансов) во время сессии Всемирного банка в Вашингтоне. См.: Davis J.M. Betweenjihad and salaam: Profiles in Islam. L.: Macmillan, 1997. P. 297. После отстранения Анвара от власти солидарность с ним выразили представители политической и экономической

почувствовав угрозу, без колебаний устранил его. Не сумев сохранить дистанцию по отношению к власти, малайзийская исламистская интеллигенция в час испытаний потеряла способность повести за собой обездоленную молодежь. Остается посмотреть, сможет ли она в будущем выстроить новую систему ценностей и какое место в ней займет ислам.¹⁰⁵

Глава 5

Исламистская легитимизация диктатуры в Пакистане при генерале Зия-уль-Хаке

Малайзийские события продемонстрировали, как путем привлечения руководителей и видных представителей исламизма во власть авторитарному режиму удавалось управлять тонкими социальными процессами, поддерживать хрупкое этническое равновесие и обеспечивать адаптацию местного капитализма к условиям мирового рынка без угрозы социальных потрясений. Пакистанские события явили собой аналогичную картину. Однако проводимая генералом Зия-уль-Хаком политика насаждения исламизма была отмечена большим насилием, сопровождавшим весь период его правления. Придя к власти в результате государственного переворота и свержения в июле 1977 года премьер-министра Али Бхутто, генерал превратил нормы шариата в господствующую идеологию 11-летнего диктаторского режима. В то время как внимание всего мира было приковано к разворачивавшейся в Иране исламской революции, носившей явно антизападную окраску, в соседнем Пакистане в том же 1979 году, когда Хомейни с победой вернулся в Тегеран, насаждался целый комплекс мер по исламизации государства и общества. Хотя эти преобразования и не носили революционного характера, тем не менее они имели целью коренное изменение существовавшего общественного строя. Такая политика пользовалась прямой поддержкой США и стран Залива. В результате иранских событий и вторжения в конце того же, 1979 года Красной Армии в Афганистан режим Зия-уль-Хака, воплощавший в жизнь идеи Маудуди и его последователей, превратился в основной опорный пункт американской политики в этом регионе. Пакистан стал перевалочной базой военно-технической помощи, оказывавшейся Вашингтоном джихаду против Советов в Афганистане.

Преследуя одни и те же цели, Хомейни и Зия вкладывали в проводимую исламизацию неодинаковый смысл.¹⁰⁶ Зия был сторонником эволюционного продвижения к созданию исламского государства, в то время как Хомейни ратовал за революционное построение Исламской Республики Иран. Оба события получили огромный социальный резонанс. Насильственное отстранение от власти бывшей шахской правящей элиты в Иране и ее замена представителями кругов религиозной буржуазии стали возможны — в чем мы убедимся позже — благодаря вовлечению в революционный процесс бедной городской молодежи. Это дало исламистской интеллигенции повод заявить о том, что ее «обделили». В Пакистане, наоборот, исламизация способствовала возникновению союза религиозной буржуазии и исламистской интеллигенции и их интеграции в систему, в которой правящие

элиты, среди которой был и Крис Паттен, бывший губернатор Гонконга, засвидетельствовавший свое уважение к «бывшему вице-премьеру с подбитым глазом».

¹⁰⁵ О дискуссиях внутри исламистского движения по поводу демократизации и отношении к политике «азиатских ценностей» и исламистской легитимизации режима Махатхира отсылаем читателя к работе С.А. Хусейна (см.: Hussein S.A. Muslim Politics and the Discourse on democracy in Malaysia // *Democracy in Malaysia: Discourses and Practices* / Ed. Loh Kok Wah and Khoo Boo Teik. L.: Curzon, 2000).

¹⁰⁶ См: Ayooob M. Two Faces of Political Islam: Iran and Pakistan Compared // *Asian Survey*. 1979. Vol. XIX. № 6. P. 535–536. В этой статье дан сравнительный анализ ситуаций в обеих странах, сделанный по «горячим следам».

элиты в лице генералитета сохранили свое положение, тогда как под угрозой Божьей кары любое проявление народного недовольства стало невозможным.¹⁰⁷

До 1970-х годов Пакистан занимал маргинальное положение в мусульманском мире, хотя и находился в самом его географическом и демографическом центре. Многолетний непрекращающийся конфликт с Индией способствовал оторванности Пакистана от мира; внешняя политика этой страны характеризовалась заикленностью на проблемах Индийского субконтинента. Начиная с 70-х годов волею обстоятельств Пакистан выдвинулся на мировую исламскую авансцену. Выделение в 1971 году Бангладеш в отдельное государство ускорило поворот западной части Пакистана в сторону Ближнего Востока, в частности, к сближению со странами Залива, по причине эмиграции миллионов пакистанцев в нефтедобывающие государства после событий 1973 года.¹⁰⁸ Быстрый рост населения за период с 1970 по 1990 год с 65 до 121 млн человек явился для страны тяжелейшим демографическим грузом. По численности населения Пакистан вышел на второе место после Индонезии (183 млн жителей) в мусульманском мире, намного опередив по этому показателю признанного лидера арабского мира — Египет (56 млн) и своего ближайшего соседа — Иран (59 млн). При Зия-уль-Хаке государственная политика исламизации способствовала включению страны в международное исламское сообщество. Открытие в 1980 году по инициативе генерала Международного исламского университета (аналогичного тому, что был основан в Куала-Лумпуре) станет одним из самых знаменательных факторов. В университете собрался весь цвет международного исламизма ваххабитской направленности и последователи «Братьев-мусульман».

На рубеже 70-х годов национализм в Пакистане, как это было и в арабских странах, и в Малайзии, вступил в глубокий кризис. Он был вызван поражением пакистанской армии в войне с Индией, последовавшим затем расколом страны на две части и выделением Бангладеш в отдельное независимое государство. По своим последствиям это поражение было равнозначно проигранной арабами войне против Израиля в 1967 году. Как и на Ближнем Востоке, в национальном позоре были обвинены националистические элиты. В стране наблюдался всплеск популярности идей социализма, вслед за которым последовала реакция со стороны исламизма. В конечном итоге идеология исламизма всё более завоевывала массы. Социалистический период в Пакистане был связан с пребыванием у власти в 1970–1977 годах Али Бхутто.¹⁰⁹ Будучи выходцем из семьи крупных землевладельцев, Бхутто тем не менее возглавлял Партию пакистанского народа (ППН), девиз которой — «Социализм, ислам и демократия». В основном партия опиралась на обездоленные слои городского и сельского населения. Правление Бхутто началось с национализации и аграрной реформы. Однако коррупция и произвол — неизбежные спутники этих начинаний — способствовали росту популярности противников Бхутто, объединенных в Пакистанский национальный альянс (ПНА), стержнем которого стала

---

¹⁰⁷ См.: Ahmad M. *The Crescent and the Sword: Islam, the Military and Political Legitimacy in Pakistan, 1977–1985* // *The Middle East Journal*. 1996. Summer. № 3. P. 372–386. В статье дан тщательный анализ проводимой военным режимом политики исламизации в целях снятия напряженности при решении проблем социального, этнического и религиозного характера. См. также: Daechsel M. *Military Islamisation of Pakistan and the Spectre of Colonial Perceptions* // *Contemporary South Asia*. 1997. № 6 (2). P. 141–160. Автор обращает внимание на то, что правившая военная хунта использовала исламизацию в качестве инструмента господства, а не по идеологическим убеждениям и пристрастиям.

¹⁰⁸ В период с 1971 по 1988 г. переводы эмигрантов составляли основной источник поступления валюты. Они явились главной причиной появления групп, которые, в отличие от эры национализма, в своем социальном росте уже не зависели от государства. См.: Addition J.S. *Op. cit.* P. 200. Об усилении связей со странами Ближнего Востока после поражения в войне 1971 г. см.: Ibid4. P. 45–48.4 См.: Календарь Международного исламского университета на 1990 г.

¹⁰⁹ См.: Burki S.J. *Pakistan under Bhutto*. N.Y.: St Martin's Press, 1982.

исламистская партия «Джамаат-и ислами» (ДИ), основанная Маудуди. Следуя советам ДИ и партии улемов — «Джамият-и улама-и Пакистан» (ДУП), ПНА выбрала своим лозунгом «Низам-и Мустафа» («[социальный] порядок Пророка»), то есть создание исламского государства и претворение в жизнь законов шариата. Чтобы предотвратить опасный ход развития событий, Бхутто пошел на изменение собственной доктрины в направлении ее большей исламизации: слово «социализм» в программных документах партии было заменено выражением «*мусавати Мухаммади*» («Мухаммадово равенство»), выходным днем вместо воскресения стала пятница. Несмотря на манипуляции в ходе мартовских выборов 1977 года, победа Бхутто на них не выглядела убедительной. В стране начались столкновения между сторонниками ППН и ПНА. Бхутто прибег к крайним мерам: был наложен запрет на спиртное, запрещены ставки на бегах, закрыты ночные клубы. В апреле правительство объявило, что через полгода в стране вступят в силу законы шариата.¹¹⁰ Ответственность за проведение в жизнь этого постановления была возложена на человека, который в июле 1977 года совершит государственный переворот, а в апреле 1979 года прикажет повесить бывшего премьер-министра. Этот человек — генерал Зия-уль-Хак, начальник генштаба при Бхутто.

Для укрепления самого длительного по времени из трех военных режимов, правивших в Пакистане после обретения им независимости, генерал, давний поклонник Маудуди, возвел исламизацию в ранг государственной идеологии. Переняв лозунг ПНА «Низам-и Мустафа», он положил его в основу законодательной системы общества, превратив «порядок Пророка» в религиозный оплот государства, опиравшегося на законы военного времени. Для достижения этих целей генералу было необходимо заручиться поддержкой исламистской интеллигенции. И «Джамаат-и ислами» с готовностью взяла на себя эти идеологические функции. В награду за оказанную диктатору поддержку ДИ получила министерские портфели, перед ней открылись многочисленные возможности доступа к рычагам управления государством, проникновения в административный аппарат и, наконец, к значительным финансовым ресурсам из американо-саудовской помощи афганским моджахедам, которая частично потекла через ее руки.¹¹¹

Воплощение в жизнь идей Маудуди (вплоть до кончины этого богослова в 1979 году) и его сторонников позволило Зия-уль-Хаку поставить преграду на пути возрождения демократии и послужило предлогом для оправдания введения законов военного времени в связи с необходимостью строительства исламского государства. Годы диктатуры принесли выгоду средним классам, интересы которых выражала исламистская партия. Благодаря капиталам эмигрантов, возвращавшихся из стран Залива не только с огромными деньгами, но и будучи убежденными мусульманами, американо-саудовской помощи афганскому джихаду и очень прибыльному пакистано-афганскому транзиту эти социальные слои обрели золотую жилу.¹¹² Присутствие членов «Джамаат-и ислами» в правительстве давало членам

---

¹¹⁰ О последних месяцах правительства Али Бхутто см., в частности: Richter W.L. The Political Dynamics of Islamic Resurgence in Pakistan // *Asian Survey*. 1979. June. № 19. Vol. 6. P. 551–552; Adams J. Pakistan's Economic Performance in the 1980 s: Implications for Political Balance // *Zia's Pakistan* / Ed. Craig Baxter. Boulder: Westview Press, 1985. P. 51–52.

¹¹¹ См.: Nasr S. V.R Islamic Opposition to the Islamic State: The Jama at-i Islami 1977–1988 // *International Journal of Middle East Studies*. 1993. May. Vol. 15. № 2. P. 267.

¹¹² См.: Zia's Pakistan. Op. cit. В этом сборнике приводятся сведения о поддержке режима различными социальными слоями общества. В статье Роберта Лапорта (La Porte R J. Urban Groups and the Zia Regime // *Zia's...* P. 7–22) отмечается, что генерал пользовался безоговорочной поддержкой промышленных, коммерческих и сельских элит, а также популярностью у предпринимателей средней руки и мелкорозничных торговцев. Их процветание было напрямую связано с результатами проводившейся режимом эмиграционной политики в страны Залива. Диктатора поддерживало также суннитское духовенство. Напротив, профессора юридических вузов, шокированные насаждавшейся исламизацией законов, врачи, отказывавшиеся делать ворами ампутации конечностей, предписанные исламскими нормами (худуд), беднейшие слои городского населения, лишившиеся права на забастовки, профсоюзы, урезанные в своих правах, и пр. — все они не испытывали

партии и ее сторонникам возможность быстрого карьерного роста. Таким образом, набожная буржуазия избежала искушения вступить в альянс с обездоленной молодежью для свержения правивших элит. Последние сами уступили для нее нишу. Генералу Зия-уль-Хаку удалось разбить ППН, устранив, таким образом, всякую опасность «социализма», сохранить лояльность средних слоев и обласкать исламистскую интеллигенцию, разделявшую идеи Маудуди: она согласилась подчиниться правящим группам, на которые опиралась военная иерархия.

Эта политика нашла отражение в мерах по исламизации, предпринятых в 1979 году.¹¹³ Они включали в себя проверку действующих законов на предмет их соответствия шариату, введение исламского уголовного кодекса и телесных наказаний — *худуд* (отсечение кистей рук и ступней у воров, побивание камнями женщин за прелюбодеяние, порку за употребление алкоголя и т. д.). Началась исламизация системы образования и экономики. Однако в каждой из этих сфер власти делали всё, чтобы решения «исламского» правосудия не выходили из-под контроля военной иерархии и не меняли сложившейся социальной пирамиды. Так, с 1980 года многочисленные требования проверки действовавших законов на соответствие исламу передавались в Федеральный шариатский суд, который тщательно рассматривал эти требования во избежание злоупотреблений. Что касается исламского уголовного кодекса, то в Пакистане, как и в других странах, он был призван ввести в практику ряд карательных мер, которые позволили властям удержать под контролем сферу нравственности — в ущерб личной свободе граждан, в первую очередь женщин.

В то же время исламизация системы образования и установление исламских налогов должны были иметь более значительный долгосрочный эффект, нежели тот, на который рассчитывала власть, желавшая максимально контролировать религиозную сферу и демонстрировать заботу о бедных взиманием с обеспеченных *заята*. Эта «узаконенная милостыня», предназначенная нуждающимся и являющаяся одним из пяти «столпов ислама», в большинстве современных мусульманских стран осталась сугубо частной инициативой. Государство Зия-уль-Хака взимало ее с банковских счетов каждый год в месяц Рамадан, в размере 2,5 % с вклада. Это был налог скорее «доктринальный», нежели реальный, призванный продемонстрировать благочестие военного режима и служить имиджем социальной справедливости, поскольку он распространялся (не будучи слишком тяжелым) лишь на средние и высшие городские слои — только их представители могли иметь счет в банке. Тем не менее десятки миллионов пакистанцев не ощущали какого-либо влияния этого налога на их благосостояние.¹¹⁴ И всё же введение *заята* имело своим следствием изменение религиозного пространства страны. Это не могло не способствовать — уже после правления генерала Зия и вплоть до сегодняшних дней — раздроблению этого пространства и эскалации насилия в обществе. Сначала шиитское меньшинство, насчитывающее от 15 до 20 % населения, заявило, что оно уже платит на добровольной основе *закят* своим аятоллам. Шииты отвергли вмешательство государства в религиозные дела. Власти пришлось отступить и освободить от налога шиитов, что вызвало недовольство наиболее консервативных суннитских улемов, ярых противников шиизма. Улемы опасались, что некоторые пакистанцы объявят себя шиитами только ради того, чтобы уклониться от обложения. Это был один из пунктов разногласий, которые в следующее десятилетие выльются в кровопролитные стычки между воинствующими представителями двух общин, о чем будет рассказано в последней части книги.

особых симпатий к власти. Но и здесь режиму удалось извлечь пользу из благоприятных экономических условий, позволивших резко увеличить количество рабочих мест и поднять уровень зарплат.

¹¹³ См.: Islamic Reassertion in Pakistan: The Application of Islamic Laws in a Modern State / Ed. Anita M. Weiss. N.Y.: Syracuse University Press, 1986. P. 11–17.

¹¹⁴ См.: Clare G. Zakat and ashrafs a Welfare System // Islamic Reassertion in Pakistan. Op. cit. P. 79–95.

Помимо всего прочего, деньги от *закята* шли на финансирование традиционных религиозных школ — *динимедресе*, контролировавшихся улемами и в большинстве своем связанных с деобандским движением.¹¹⁵ Контроль над этой сетью учебных заведений был важной задачей: школы давали обучение, кров и пищу массе молодых людей из бедных семей. В условиях скученности и строжайшей дисциплины, которые неоднократно становились предметом осуждения со стороны правозащитных организаций,¹¹⁶ пакистанские медресе готовили учеников к усвоению религиозных знаний в традиционном и очень ригористичном духе и прививали им соответствующее мировоззрение. Для исламского государства Зия-уль-Хака финансирование медресе за счет предоставления части *закята* нуждавшимся ученикам означало начало установления контроля над потенциально опасной возрастной категорией и социальной прослойкой. Параллельно наводились мосты между религиозным и государственным светским образованием: изучение ислама, ставшего обязательным предметом для всех учеников и студентов, позволило создать много преподавательских рабочих мест для отличников медресе. При условии модернизации учебных программ медресе выдаваемые ими дипломы приравнивались к дипломам государственных учебных заведений. Открыв, таким образом, перед паствой улемов возможность сделать чиновничью карьеру, эти меры позволили поднять престиж самих медресе. В сочетании с поступлениями от *закята* и демографическим взрывом тех лет это вызвало гигантский рост числа медресе в 80-е годы.¹¹⁷ Улемы — особенно самые их ригористически настроенные представители, деобанди, — получили огромную власть не только над беднейшей пакистанской молодежью, но и над молодежью афганской, так как они взяли на свое содержание многих детей из семей афганских беженцев. Именно в этой среде зародилось движение «Галибан», само название которого означает «ученики медресе».

Перед лицом попытки государственного вмешательства в свои дела в обмен на поступления от *закята* некоторые директора наиболее известных медресе предпочли полагаться на собственные ресурсы. Они были достаточно велики, чтобы школы могли не считать себя обязанными Зия и сохранять свою независимость от генерала — при всем рвении на поприще исламизации, которое он выказывал. Поступая так, деобандские улемы сохраняли политическую власть: они могли позволить себе не идти на уступки, поскольку держали в руках ключи социального мира, манипулируя на свой лад городской и сельской неимущей молодежью, посещавшей их школы. И, как показал афганский опыт, улемы были вполне способны превратить своих учеников в воинов джихада, готовых убивать и умирать за дело, на которое им указали. Зия нуждался в улемах больше, чем они в нем, ведь улемы контролировали самые беспокойные социальные слои общества, до которых у военного режима не доходили руки.

В отличие от улемов, последователям Маудуди было намного труднее избавляться от компрометирующей опеки диктатора. Значительная часть средних слоев, составлявшая

---

¹¹⁵ Подробнейшие данные о развитии сети динимедресе в 80-е годы приводит в своей книге Дж. Малик: Malik J. *Colonialization of Islam: Dissolution of Traditional Institutions in Pakistan*. New Delhi: Vanguard Books, 1996. См., в частности, с. 179, где речь идет о финансировании динимедресе из фондов заката. О движении деобанди см. Пролог.

¹¹⁶ См.: Human Rights Commission of Pakistan // HCPR Newsletter. 1996. April. Vol. 7. № 2. P. 32. В докладе рассказывается о случаях, когда провинившихся послушников медресе держали в цепях. Мракобесие в стенах медресе — довольно нередкое и известное явление. Во время посещений нами занятий в пакистанских медресе в апреле 1998 г. мы наблюдали, как учащиеся были вынуждены сидеть прямо на земле, тесно прижавшись друг к другу. Ели и спали они в тех же классных комнатах в условиях крайней скученности.

¹¹⁷ См.: Malik. Op. cit. P. 196. Автор отмечает, что количество медресе, находившихся под контролем деобанди, возросло более чем на 500 % за период с 1979 по 1984 г. Общее число только учебных заведений деобанди составило к этому времени 1097.

опору улемов, в конце концов примкнула к режиму, при котором она процветала. «Джамаат-и ислами» перестала служить для них выразительницей их интересов. В середине 80-х годов в движении возникла напряженность. Она вылилась в противостояние между теми, кто был обеспокоен утратой влияния партии в массах, и сторонниками сотрудничества с Зия-уль-Хаком.¹¹⁸ «Джамаат-и ислами» ощущала конкуренцию со стороны партий, связанных с улемами, оказывавших значительное влияние на молодых выпускников медресе. Оказавшись перед дилеммой, самая беспокойная фракция исламистской интеллигенции — студенты-маудудисты из «Ислами джамият-и тулаба» («Ассоциации исламских студентов», ИДТ) — пошла по пути радикализации. После двухлетнего «медового месяца» с Зия-уль-Хаком, в течение которого ИДТ силой изгнала левых из студенческих городков (как это сделали ради Садата их египетские друзья), они выступили за то, чтобы «Джамаат-и ислами» отмежевалась от режима. Однако, когда исламисты, осознав к 1985 году опасность утраты социальной базы, решились на этот шаг, было слишком поздно: время для создания внушительной оппозиции режиму, идеологом которого с готовностью выступила ДИ, было упущено. На выборах, проведенных после смерти Зия (в августе 1988 года), партия подверглась жестким репрессиям, а победа досталась Движению за восстановление демократии во главе с Беназир Бхутто, отец которой был повешен в апреле 1979 года с одобрения Маудуди и его последователей.

В годы правления Зия-уль-Хака коллаборационизм «Джамаат-и ислами» обеспечил диктатору религиозную легитимность совершенного им военного переворота и установленного им режима. Кроме того, она позволила расширить социальный фундамент власти за счет среднего класса и религиозной буржуазии, на которые опиралось исламистское движение. Эти круги примкнули к режиму, извлекая экономические выгоды и давая Зия удивительное политическое долголетие. Менее удачно сложились отношения генерала со студенческим крылом движения, но, несмотря на свою склонность к насилию, оно не представляло для диктатора большой политической опасности. Масса бедной молодежи, большая часть которой находилась под контролем улемов, пользовалась плодами перераспределения *закята* и открывавшимися возможностями трудоустройства. Хотя Зия так и не удалось привлечь на свою сторону улемов, как он это сделал с Маудуди и его сторонниками, генерал заручился их нейтралитетом. Он использовал вражду между традиционным духовенством и современными исламистами, чтобы натравливать одних на других; тем самым он способствовал фрагментации религиозного пространства, чтобы лучше им управлять.

Таким образом, в целом политика исламизации была успехом диктатуры, которая, избрав ее в качестве идейной опоры, заручалась поддержкой со стороны различных социальных групп. Секуляризованные городские средние классы, простой люд, голосовавший за ППН Бхутто, были слишком ослаблены казнью своего харизматического лидера, чтобы выступить против Зия-уль-Хака. Любую попытку поставить под сомнение законность власти режим рассматривал как покушение на ислам, безжалостно подавляя всякое проявление недовольства существовавшим строем. И все же бесчинства диктатуры не проходили бесследно: росло число сторонников оппозиционного движения, возглавляемого Беназир Бхутто. Недовольство вылилось в успешное покушение на диктатора (так до конца и не раскрытое), против главы государства, прервавшее жизнь Зия-уль-Хака в августе 1988 года.¹¹⁹ Его смерть обеспечила смену режима, но последствия политики исламизации

---

¹¹⁸ О внутреннем кризисе в «Джамаат-и ислами» по вопросу отношения к Зия-уль-Хаку см. подробнее: Nasr S.V.R. Op. cit. См. также: Nasr S.V.R. *The Vanguard...* P. 188–205, где автор возвращается к этому вопросу.

¹¹⁹ Президент Пакистана погиб при взрыве военного самолета вместе с американским послом в Исламабаде и генералом Ахтаром, отвечавшим за джихад в Афганистане. Чрезвычайная изоционность теракта наводила на мысль о причастности к нему иностранных спецслужб, то ли советских, которым очень досаждал джихад, то ли — несмотря на присутствие на борту самолета своего посла — американских, ввиду «неподконтрольности» Зия к концу его жизни. По этому вопросу рекомендуем обратиться к мемуарам ближайшего сподвижника

продолжали сказываться и играть определяющую роль в жизни страны. Именно здесь следует искать причины эскалации насилия, расколовшего пакистанское религиозное пространство в следующем десятилетии, — в продолжении афганского джихада.

Глава 6 Уроки и парадоксы Иранской революции

Тысяча девятьсот семьдесят девятый год, в котором генерал Зия издал указ о начале исламизации Пакистана, останется в истории прежде всего в связи с победой революции в Иране и провозглашением Исламской Республики. Из всех событий современного мусульманского мира иранская революция стала предметом рассмотрения самого большого количества аналитических работ.¹²⁰ Их авторы стремятся дать ретроспективный обзор причин, приведших к феномену, которого никто — в том числе и сами действующие лица — не мог предвидеть. В самом деле, в предшествующие годы шахский Иран переживал период великого процветания благодаря повышению цен на нефть, по экспорту которой он находился на втором месте в мире после Саудовской Аравии. Монарх гордился тем, что имел одну из самых мощных в мире армий, оснащенную самыми современными системами вооружения американского производства: Иран, «жандарм» Залива, был призван блокировать советскую экспансию к теплым морям. Технический уход и управление новейшими образцами вооружений требовали присутствия многочисленных американских военных советников. Предоставленный им статус экстерриториальности стал причиной анафемы, которой Хомейни предал в 1964 году шаха, обвинив того в отречении от национального суверенитета. Это стоило Хомейни почти 15 лет ссылки, во время которой имам разработал политико-теологическую концепцию будущей Исламской Республики. В феврале 1979 года он вернется из ссылки победителем на волне триумфа революции.

Модернизация Ирана, однако, имела свои изъяны, несмотря на внешнее благолепие, которое воспевали шахские трубадуры. Диктаторский характер монархии, произвол политической полиции — Савак — сделали невозможными любые дискуссии по вопросу

диктатора, высказавшего свою точку зрения на события этих лет, см.: ArtfKh.M. Working with Zia: Pakistan Power Politics, 1977–1988. Karachi: Oxford University Press, 1995.

¹²⁰ Авторами большинства публикаций, посвященных иранской революции, являются сами иранцы, проживающие в США, куда они эмигрировали после революции, разочаровавшей их надежды. Исторические факты, таким образом, нашли документальное подтверждение в огромном количестве статей. Оценки событий этого периода зачастую полярны, что дает все основания предполагать наличие противоречий и разногласий в студенческой среде, в частности, между либералами, марксистами и левыми. Не имея возможности привести в данной работе полный перечень всех публикаций по данной проблематике, отличительной чертой которых является глубина анализа, свидетельствующего (об этом стоит сказать особо) о научной добросовестности старых кадров интеллигенции, которых железная рука Исламской Республики стерла с лица земли, отметим наличие нескольких направлений, см.: Arjomand S.A. The Turban for the Crown: The Islamic Revolution in Iran. L.: Oxford University Press, 1988. По мнению этого автора, чья работа вызвала большой резонанс, революция носила антимодернистский характер, вознеся на вершину власти (в противоположность Великой французской революции) традиционные слои иранского общества, духовенство и торговцев; см. также: Keddie N. Roots of Revolution: an Interpretive History of Modern Iran. L.: Yale University Press, 1981, где автор отдает дань роли улемов, в частности их способности придавать любому социальному движению реакционную окраску. Работы Ахмада Ашрафа и Али Бануазизи (см.: Ash-raj A., Banuaziz A. The State, Classes and Modes of Mobilization in the Iranian Revolution // State, Culture and Society. 1985. Spring. P. 3–40) раскрывают роль каждой из трех групп: улемов, интеллигенции и новых горожан. В некоторых трудах приводится периодизация революционного развития общества, подробнее см.: Milani M. The Making of Iran's Islamic Revolution: From Monarchy to Islamic Republic. L.: Westview Press, 1988. Ch. 7–10. Наконец, исследования Фархада Хосрохавара акцентируют внимание на роли народных масс в революционном движении, см., в частности: Khosrokhavar F. Le discours populaire de la revolution iranienne. P.: Contemporaneite, 1990; Idem. L'utopie sacrifice. Sociologie de la revolution iranienne. P.: Presses de la FNSP, 1993; Idem. L'islamisme et la mort: Le martyre revolutionnaire en Iran. P.: L'Harmattan, 1995.

будущего страны. Как ни парадоксально, имперская система правления способствовала быстрому становлению городского среднего класса¹²¹ благодаря системе образования, уровень которого был выше, чем в соседних странах. Этот класс, однако, не имел организации, которая выражала бы его политические интересы. Его представители в лучшем случае могли сделать карьеру чиновника или управляющего в имперских структурах. Полное отсутствие свободы слова, абсолютная невозможность самовыражения тормозили развитие демократической культуры среднего класса. В кругах либеральной и левой интеллигенции жили ностальгические воспоминания о временах Национального фронта, о движении лидера националистов премьер-министра Моссадыка, отстраненного от власти в 1953 году в результате заговора, подготовленного ЦРУ. Устранение Моссадыка позволило открыть дорогу безраздельному господству шаха. Несмотря на ауру своих лидеров, социалисты-либералы не имели ни веса, ни особого политического влияния.

Демократический вакуум способствовал появлению радикальных политических доктрин, особенно в среде студенчества. В 1977 году в Иране было около 175 тысяч студентов, из которых 70 тысяч проходили обучение за границей, большей частью в США. Радикальные доктрины питались в основном из двух источников: марксизма в его различных формах и проявлениях и «социалистического шиизма». Среди иранских марксистов можно было встретить представителей всего спектра международного коммунистического движения: от маоистов до троцкистов и просоветских ортодоксов из партии Туде («Массы»). Все они, однако, были гораздо ближе к книжной культуре пролетарского интернационализма, нежели к самому персидскому обществу. Подвергаясь жестоким преследованиям внутри страны, они были вынуждены заниматься своей деятельностью в эмиграции. Повстанческое движение, начатое в первой половине 70-х годов марксистско-ленинской группой «Федаины народа»,¹²² намеревавшейся претворить в Иране в жизнь идеи Че Гевары и Мао, захлебнулось в крови, несмотря на мужество и героизм его участников. Как, впрочем, и везде в мусульманском мире, начало 70-х годов в Иране было отмечено всплеском популярности марксистских идей в кругах студенческой молодежи, имевшей доступ к ценностям европейской культуры. Однако эти идеи не нашли отклика в народе, поскольку подобного рода мысли и убеждения были чужды простому люду.)

Сознавая эту трудность, некоторые из молодых интеллектуалов перенесли на шиизм в его революционной интерпретации свои мессианские ожидания, характерные для коммунизма или тьер-мондизма. Али Шариати, о вкладе которого мы уже говорили, стал наиболее ярким выразителем этих идей. По степени известности и влияния ему нет равных в суннитском мусульманском мире. «Социалистический шиизм», интерпретируемый в духе классовой борьбы, превращал имама Хусейна, казненного омейядским суннитским халифом, в символ народа, угнетенного шахом. Свое наиболее воинствующее выражение «социалистический шиизм» нашел в партизанском движении «Моджахедов народа»,¹²³ которое прибегало к вооруженным вылазкам наподобие тех, что проводили в начале 70-х годов «Федаины народа». Героическая борьба повстанцев снискала им симпатии среди противников существующего строя, но «Моджахеды» не представляли серьезной угрозы для имперского режима, жестоко подавлявшего их, и имели опору исключительно среди

---

¹²¹ См.: Kian-Thiebaut A. Secularization of Iran. A Doomed Failure?: The New Middle Class and the Making of Modern Iran // Travaux et memoires de l'Institut d'etudes iraniennes. 1988. № 3. В статье дана характеристика светских средних классов иранского общества.

¹²² О «Федаинах народа» («Федаянехальк») см.: Ibid. P. 180–188

¹²³ См.: Abrahamian E. The Iranian Mujajidin. Op. cit. Part 1. Данная работа является основным источником, посвященным организации «Моджахеды народа».

учащихся лицеев и студентов Современные средние классы не признавали такой склонности к насилию и такого радикализма. Тем не менее в отличие от «Федаинов», отказавшихся в своей пропаганде от религиозных лозунгов, «Моджахеды» сумели в начале 80-х годов, на заре существования Исламской Республики, перейти на шиитскую революционную терминологию и перестроить свою организацию. Правда, вскоре они стали одним из самых опасных врагов режима и подверглись беспощадному истреблению.

Ускоренная модернизация страны, обусловленная вливанием в экономику нефтедолларов в связи со скачком цен на углеводородное сырье после октябрьской войны 1973 года, дестабилизировала положение двух социальных групп — традиционных средних классов, оплотом которых был базар, и массы молодых мигрантов, перебравшихся из деревни в городское эльдорадо, но ютившихся в кварталах самостроя и трущобах нижнего Тегерана.¹²⁴ Эти две группы лишь частично могли воспользоваться плодами экономического подъема. Базар сумел поживиться за счет роста циркуляции благ и товаров, так как он сбывал их и распределял. Но его сектор рынка сокращался по мере усиления влияния новой современной торговой элиты, связанной с шахским двором: лишь она одна имела доступ к наиболее доходным секторам рынка — торговле оружием и нефтью. Что же касается «раскрестьянненных крестьян»¹²⁵ и подавляющего большинства городского люда, то они стали жить лучше, чем жили в деревне, однако огни большого города омрачались для них непрочностью их положения и ужасающими условиями существования.

В культурном отношении обеим группам была чужда современная светская идеология, провозглашавшаяся властями. Средние классы и иммигрантская молодежь воспринимали мир и свое место в нем через ментальные категории шиизма, какими их представляло духовенство. На базарах традиционным центром являлись мечети и *имамза-де*, гробницы святых, поклонение которым широко распространено в шиизме. На городских окраинах с хаотичной застройкой единственными местами, вносившими относительный порядок в это анархичное пространство, являлись культовые места шиизма, где дети изучали Коран и деяния имамов под началом мулл в чалмах.¹²⁶ Здесь религия играла не только воспитательную роль, но и выполняла функцию социального стабилизатора. Она благословляла базарных торговцев на получение прибыли, распределяла милостыню, обучала детей, чьи отцы и старшие братья колесили по городу в поисках заработка. Имперская власть плохо относилась к этим религиозным кругам. Мулл проклинали как «черную» (за цвет их одежды) реакцию, государство сокращало количество медресе и независимых богословских школ, пытаясь открывать современные образовательные учреждения под собственным контролем (в свое время эта попытка вызвала взрыв гнева у ссыльного Хомейни).

В шиизме духовенство имеет иерархию и организацию, во главе которой стоят аятоллы. Самые уважаемые из них являются «источниками для подражания» («*марджа-е таклид*»). Будучи получателями *занята*., аятоллы пользуются большой независимостью, прежде всего финансовой, от политической власти, к которой они демонстрируют лишь показную лояльность (*кетман*). Иначе обстоит дело в суннитском исламе, где власти

---

¹²⁴ О социальных слоях низов иранского общества и иммигрантах из деревень см.: Kazemi F. Poverty and Revolution in Iran. N.Y.: New York University Press, 1980; Khosrokhavar F. L'utopie sacrifiée. P. 98. Автор отмечает, что накануне революции около половины населения Тегерана не являлись коренными жителями страны.

¹²⁵ Ф. Хосрохавар использует это выражение для обозначения неспособности быстрой адаптации деревенского менталитета к новому образу жизни городского иммигранта.

¹²⁶ См.: Bayat A. Street Politics: People's Movements in Iran. N.Y.: Columbia University Press, 1997. Автор делится собственным опытом молодого сельского мигранта, интегрировавшегося в общество благодаря системе исламского образования в бедном квартале.

обычно удается завязать тесные отношения с наиболее видными улемами. Государство назначает их на различные должности, выплачивает им вознаграждение, получая взамен их благословение. В годы правления Мохаммеда Резы Пехлеви к шиитской традиции держаться подальше от власти иранское духовенство добавило специфическую враждебность, порожденную тем презрением, с которым шах относился к муллам. Таким образом, в 70-х годах базар и народные кварталы были средоточием религиозной буржуазии и неимущей городской молодежи — легко узнаваемых слоев, культурно чуждых идеологии игнорировавшего их государства. Эти слои находились под сильным влиянием шиитского духовенства, индифферентного и враждебного к режиму, который не располагал надежными союзниками среди шиитских иерархов — в противоположность ситуации в большинстве суннитских стран.

В своей массе духовенство не разделяло революционных концепций Хомейни, желавшего заменить империю Пехлеви теократией (*веляят-е факих*), в которой верховная власть принадлежала бы факиху — знатоку исламского закона (за ним просматривалась фигура самого Хомейни). Большинство представителей духовенства во главе с великим аятоллой Шариат-Мадари выступали против этого. Всё, чего они хотели, — это максимальная автономия, возможность верховодить в своих школах, социальных учреждениях и самостоятельно распоряжаться финансовыми ресурсами, на которые претендовало государство. Но они совершенно не помышляли о том, чтобы контролировать власть, теологически рассматривавшуюся как нечистая — до возвращения сокрытого имама, мессии, который наполнит мрачный и низменный мир светом и справедливостью.

Несмотря на проявления политического недовольства и разочарования, имперская система продолжала функционировать без особых проблем до того момента, когда снижение (временное) доходов от нефти в 1975 году (—12,2%), сменившееся подъемом, вызвало экономическую и социальную напряженность, на которую режим отреагировал широкомасштабной кампанией «борьбы со спекуляцией», нанесшей чувствительный удар базару. Самые известные торговцы были брошены в тюрьмы и публично унижены. С этого времени последние перешли в активную оппозицию к шаху. Их гильдии (*аснаф*) превратились в мощный канал мобилизации населения на борьбу с монархом. В то же время шах беспокоил и современную буржуазию, заставляя владельцев компаний продавать часть своих предприятий работникам, однако при этом ему не удавалось завоевывать сердца трудящихся. В тот момент, когда его изоляция от вышеназванных, социальных групп возросла, шах понял, что пошатнулась и главная внешняя опора его режима: в ноябре 1976 года в Белый дом пришел Джими Картер. Бесчинства Савак стали одной из мишеней политики защиты прав человека, проводившейся новым американским президентом. Эта политика выразилась в давлении на Иран с целью добиться политической либерализации режима. Средний класс воспринял этот поворот как конец безусловной поддержки шаха со стороны США. 1977 год явился годом митингов и демонстраций либеральной оппозиции, которые впервые за столь долгое время не подавлялись властями: это была «тегеранская весна» — духовенство почти не заявляло о себе.¹²⁷

Пробудившись первыми от политической апатии, светски настроенные средние классы оказались, однако, неспособными возглавить сопротивление монарху: у них не было партии, которая сумела бы мобилизовать толпу под лозунгами, близкими народным массам, новым горожанам и *базари* (торговцам). Лидерам Национального фронта не хватало харизмы для привлечения на свою сторону других социальных слоев и классов. Марксистские движения были ослаблены, репрессиями и ссылками. Всё это способствовало разворачиванию активной деятельности той части духовенства, которая шла за Хомейни.

Дальнейшие события, приведшие к бегству шаха и провозглашению Исламской

---

¹²⁷ В сентябре 1977 г. Хомейни направил улемам письменное обращение, в котором призвал их выступать против шаха и не оставлять интеллигенции монополию на оппозиционность режиму в благоприятных условиях смягчения репрессий. См.: MilamM. Op. cit. P. 187.

Республики, стали результатом союза исламистской интеллигенции с религиозной буржуазией и неимущей городской, молодежью — союза, сохранявшего прочность до тех пор, пока длился революционный процесс. В противоположность тому, что происходило в эти годы в Египте, исламистское интеллектуальное поле в 1978 году очень быстро перешло под контроль Хомейни, сумевшего свести к минимуму противоречия в собственном лагере. Молодые бородатые инженеры и врачи, египетские собратья которых столкнулись в конце саатовской эпохи с противодействием улемов Аль-Аз-хара, объединились вокруг аятоллы, который смог «перехватить» социалистическую шиитскую риторику Шариати, заговорив об «обездоленных» (*мостадафин*): у Хомейни этот термин звучал достаточно туманно, обозначая всех, кроме шаха и членов императорского двора.

Слияние молодых интеллектуалов-исламистов и революционного духовенства (при доминировании последнего) породило мобилизационную идеологию: ее лозунги объединяли *базари* и народные слои в общем ожидании исламской республики и введения шариата. При этом никак не проявляло себя весьма различное понимание данными группами этих лозунгов, обусловленное естественным несовпадением классовых интересов. Динамика же этого альянса между религиозной буржуазией и неимущей городской молодежью под эгидой Хомейни втянула в него и светские средние городские слои, которые, будучи неспособными утвердить свою культурную идентичность, были вынуждены подхватывать господствующий исламистский дискурс, дабы занять свое место в ковчеге революции.

Уникальной чертой иранской революции стала ее способность в борьбе за власть сплотить под своими знаменами различные социальные слои, даже антагонистические по своей природе, и превратить исламистскую идеологию в основной инструмент мобилизации масс в битве против шахского режима. Исламизм не оставил ни единого шанса чуждым своей идеологии идеям. Социальные различия и противоречия дадут о себе знать сразу же после победы революции. Вчерашние союзники один за другим будут устранены от власти единственной группировкой, которая выйдет из этой схватки победителем: набожной буржуазией.

Кульминационным моментом, превратившим всеобщее недовольство шахским режимом в революционное движение под руководством исламистов, которое пошатнуло шахский трон, явилось, казалось бы, незначительное событие — публикация в январе 1978 года одной из столичных газет бранной статьи в адрес Хомейни, находившегося тогда в ссылке в Неджефе (Ирак). Вся оппозиция, включая и средние светские классы, и духовенство, враждебное к концепции *веляят-ефаких*, встала на сторону аятоллы. И тот не замедлил бросить в бой свои силы: базар закрылся, а демонстрации в священном городе Кум обернулись многочисленными жертвами. Затем в поминальный сороковой день после гибели людей¹²⁸ новые демонстрации начались в Тебризе — столице иранского Азербайджана, — которые также закончились жертвами. Так раскручивалась спираль провокаций, репрессий и проявлений солидарности, которые нарастали вплоть до бегства шаха из страны. Благодаря непрерывным манифестациям протеста против имперского режима, Хомейни и его сторонникам удалось возглавить революционное движение. Под прикрытием религиозных лозунгов они смогли вывести на улицы учащихся медресе и представителей неимущей городской молодежи — мучеников, гибнувших под пулями полиции, в то время как торговые гильдии базара выплачивали деньги жертвам и их семьям. Радикализация движения позволила исламистам привлечь на свою сторону широкую сеть мечетей, *текийеш хейат*.¹²⁹ Многие муллы, прежде относившиеся сдержанно к доктрине Хомейни, перешли

---

¹²⁸ На Ближнем Востоке церемонии поминовения усопшего устраиваются на сороковой день после его смерти (зикрат аль-арбаин).

¹²⁹ Текие — это места, где совершается поминовение шиитских имамов-мучеников и где по традиции собираются толпы народа. Эти места массового скопления стали использоваться для проведения собраний революционеров. Хейат — это квартальные религиозные ассоциации, через которые распространяются лозунги и происходит мобилизация масс. Хосейние в основном специализируются на поминовении мученической смерти

на его сторону.

Разбросанные по всей стране мечети имели в своем распоряжении более 20 тысяч зданий и помещений, в которых собирались люди, обсуждались слухи, шел обмен идеями. Ничего подобного не было ни у светской оппозиции, ни у «шиитских социалистов», стремившихся отмежеваться от духовенства. Волей-неволей им пришлось перейти в стан исламистов, подчиниться лидерству аятолл, располагавших основными материальными ресурсами. Лексикон революции становился всё более и более «исламским»: молодежь начала устраивать погромы кинотеатров и магазинов, продававших спиртное, избирая своей мишенью всё, что духовенство объявляло «нечистым».

В течение 1978 года Хомейни смог также изменить свой политический лексикон, с тем чтобы существенно расширить круг своих последователей. Он уже не упоминал о своей доктрине *веляят-е факих*, которая оспаривалась даже среди духовенства и напугала бы средние светские классы, если бы они только могли ознакомиться с ней и представить себе ее последствия. Зато Хомейни часто говорил об «обездоленных» (*мостадафин*). До начала 70-х годов этот термин¹³⁰ не встречался ни в одной из его работ, ни в одной из произнесенных им, проповедей. Заимствованное им у Шариати (умершего в ссылке в июне 1977 года), это слово станет кличем к сплочению у «шиитской социалистической» студенческой молодежи, с недоверием относившейся к духовенству. Используя лексику Шариати, Хомейни, который никогда не критиковал этого богослова, пока тот был жив (несмотря на требования многих представителей духовенства),¹³¹ снял последние колебания у значительной части новой исламистской интеллигенции — молодых бородатых врачей, инженеров, техников и юристов. Кроме того, когда он был вынужден покинуть Ирак и отправиться в октябре 1978 года в свою последнюю ссылку в парижский пригород Нофль-лэ-Шато, ему удалось привлечь на свою сторону многих исламистских интеллектуалов современного типа, среди которых окажется и будущий — эфемерный — президент Исламской Республики Бани Садр.

Всё это позволило исламистской идеологии сохранить целостность вплоть до свержения старого режима, расширить свою базу поддержки. В ноябре 1978 года Карим Санджаби, один из руководителей партии либералов — Национального фронта, совершил поездку в Нофль-лэ-Шато, встав под знамя аятоллы, которого в свою очередь признал в качестве вождя и лидер коммунистической партии Туде. Хомейни тогда заявил, что целью революции является установление «исламской республики, стоящей на страже независимости и *Демократии* (выделено нами. — Ж. К.) Ирана». В своем заявлении Хомейни использовал термин, который несколько месяцев спустя, при обсуждении вопроса о названии Республики, он объявит чуждым исламу. Кульминационными событиями, отразившими полную исламистскую культурную гегемонию, станут демонстрации против шахского режима 1978 года. Эти даты соответствуют девятому и десятому дням (*масуа* и *ашура*) месяца Мухаррам — дням поминовения шиитами великомученика имама Хусейна. Подчиняясь комендантскому часу, сотни тысяч иранцев по призыву Хомейни вышли в эти два дня на балконы тегеранских домов, оглашая тьму криком «*Аллах Акбар*» («Велик Аллах»). Всё это свидетельствовало о культурной победе исламизма на «рынке революции», которая спустя один месяц и пять дней прогонит шаха из страны.

имама Хосейна (Хусейна), убитого в Кербеле.

¹³⁰ Об использовании этих терминов в речах Хомейни в разные периоды см.: Abrahamian E. *Khomeinism: Essays on the Islamic Republic*. Berkeley: University of California Press, 1993. P. 27–31. Автор отмечает, что после революции Хомейни стал использовать термин «мостадафин» применительно к традиционалистским средним классам, поддерживавшим новый социальный порядок.

¹³¹ Отказ Хомейни критиковать Шариати (см.: Rahnema A. *Op. cit.* P. 275) резко контрастировал с его неизменно негативным отношением к «Моджахедам народа».

Победа исламистской идеологии стала возможной благодаря замечательной способности Хомейни объединять различные религиозные и даже светские составляющие движения, возникшего и подпитывавшегося вначале ненавистью к шаху и его режиму. Каждый из принимавших в этом движении участие надеялся на воплощение своих частных политических мечтаний и так никогда и не был в этом разуверен до начала чисток, последовавших после захвата власти. Напротив, десятью годами позже, во время массовых выступлений протеста против господства правящей партии ФНО в Алжире, схожих по своему размаху с иранскими, мы увидим, что алжирские исламисты оказались неспособными обеспечить долговременный идеологический союз (см. заключительный раздел книги). В скором времени от движения отойдут светские средние классы, произойдет раскол между набожной буржуазией и бедной городской молодежью, что приведет к развалу Исламского фронта спасения (ИФС). В Иране же Хомейни в самом начале стал уделять внимание самым прогрессивным и образованным слоям общества, не разделявшим на первых порах его взглядов. Переход этих групп на сторону аятоллы сыграл решающую роль в свержении шаха. Забастовка в октябре 1978 года работников нефтяной промышленности (кстати, не разделявших идей исламистов) лишила имперский режим материальной базы и ускорила его падение. Торговцы базара, преданные сторонники Хомейни, предоставили оставшимся без зарплаты рабочим финансовую помощь. В Алжире в 1988 году, наоборот, работники нефтяного сектора не стали принимать участия в социальных коллизиях; светские средние классы, третируемые как «дети Франции», очень быстро осознали, хотя им не очень нравилась ФНО, что в случае победы ИФС их ожидает судьба иранских коллег, моментально оказавшихся неблагонадежными в глазах новых властей после провозглашения Исламской Республики.

После возвращения в Тегеран 1 февраля 1979 года Хомейни пришлось считаться с противоречивыми устремлениями огромной толпы, устроившей ему триумфальный прием. Для установления теократического режима ему сначала потребовалось устранить всех своих союзников. Хомейни назначил временное правительство, доверив в нем пост премьера инженеру Мехди Базаргану, получившему образование во Франции. В это переходное правительство вошли представители средних слоев из Национального фронта — единственные, кто был способен заставить функционировать государственную машину, — и представители духовенства. Однако реальная власть принадлежала Совету Исламской Республики — тайному органу, большинство членов которого составляли улемы, преданные Хомейни. В Совете не было ни одного представителя Национального фронта. В Совете и Партии исламской революции (ПИР), основанной в феврале 1979 года, состояли только представители исламистской интеллигенции, направлявшиеся духовенством. Именно они станут творцами новой официальной идеологии.

Народные слои сыграли важную роль в революции,¹³² так как в 1978 году именно они составляли основную массу манифестантов, хотя и были лишены возможности независимого самовыражения.¹³³ Народные массы физически захватили места, которые ранее были недоступными им в силу социальной приниженности их новых владельцев: центральные улицы города, университет и т. д. Свержение шаха обернулось для этих слоев населения удовлетворением их насущных нужд, повышением уровня жизни, увеличением зарплаты; они заняли квартиры и земельные участки, принадлежавшие ранее «коррупцированным элементам», стали обживать престижные кварталы. Получил признание и «нелегальный»

---

¹³² Хотя большинство авторов полагает, что народные массы сыграли незначительную роль в революции, я солидарен здесь с выводами, сделанными П. Вьеем и Ф. Хосрохаваром. Свои заключения они сделали на основании социологических опросов, проведенных непосредственно в этих кругах населения. Авторы считают, что исследования, выстроенные на основе документальных данных, недооценивают политический вклад социальных групп, не выражающих своих взглядов в письменной форме.

¹³³ Об этих акциях см.: Bayat A. *Op. cit.* Ch. 2–3.

самострой, была отменена плата за коммунальные услуги и т. д. Возглавлявшее их хомейнистское духовенство через *комитэ*, комитеты общественного спасения Ирана, штаб-квартиры большинства из которых размещались в мечетях и *текийе*, представляло все эти благодеяния как результат заботы исламистов о народе. Вскоре *комитэ* вместе с созданными в мае 1979 года милицией Партии исламской революции и армией *пасдаранов*, революционными трибуналами и исламскими фондами («Фонд обездоленных», «Джихад за реконструкцию») стали основной опорой, позвоночным столбом второй власти. Исламские фонды получили в наследство средства финансовой империи Фонда Пехлеви, а также имущество *тагутов* («демонов») и прочих «распространителей порчи на земле», которые бежали из страны, были повешены или расстреляны. Временное правительство Базаргана не имело никакого контроля над деятельностью этих *комитэ*, а поскольку оно поставило перед собой задачу восстановить порядок, то есть социальный порядок, воспринимавшийся беднейшей городской молодежью как несправедливый и неправедный, то вскоре оно стало мишенью для ее нападков. К молодежи присоединились и левые движения, усматривавшие в этих учреждениях подобие Советов.

В течение нескольких месяцев светские средние классы и либералы, оказавшиеся неспособными заручиться народной поддержкой, потерпели поражение в политическом и юридическом плане. После мартовского референдума, который провозгласил Исламскую Республику (новое название государству было дано под нажимом исламистов), в августе состоялись выборы Ассамблеи экспертов. Ассамблея находилась под безраздельным влиянием улемов и членов Партии исламской революции. Она разработала Конституцию государства, главнейшими положениями которой были статьи, учреждавшие *веляят-е факих* и предоставлявшие верховную власть в стране верховному вождю в лице Хомейни. Либералы, часть левых, курдское меньшинство (сунниты) и некоторые представители духовенства выразили свое несогласие с тем, что они считали «реставрацией диктатуры под тюрбаном аятоллы». Столкнувшись с коалицией этих оппозиционных сил и под предлогом того, что шаху был разрешен въезд в США для лечения ракового заболевания (которое, кстати, и станет причиной его смерти), 4 ноября 1979 года 500 студентов, «верных линии имама [Хомейни]», под руководством одного из руководителей ПИР штурмом захватили посольство США. Они удерживали американских дипломатов в качестве заложников вплоть до января 1981 года. Лишенный власти, премьер-министр Базарган вынужден был подать в отставку. В политическом плане его отставка означала признание поражения светских средних классов, которое они уже потерпели на улице. Впоследствии домашнему аресту, под которым он содержался вплоть до своей смерти в 1986 году, был подвергнут и аятолла Шари-ат-Мадари, предводитель улемов, не разделявших хомейнистскую доктрину *веляят-е факих*.

Таким образом, к концу 1979 года на иранской политической сцене остались только исламистская интеллигенция, бедная городская молодежь и набожная буржуазия. Ускорение революционного процесса, явившегося следствием захвата в заложники американских дипломатов, выразилось в возникновении властных структур, в которых молодежь из народной среды действовала по указке «бешеных» мулл и левых исламистских активистов, радовавшихся захвату американского «шпионского гнезда». Публикация секретных материалов посольства пролила свет на контакты между американскими дипломатами и многими либерально настроенными представителями буржуазии. Это стало поводом для новых громких процессов, казней и конфискации имущества осужденных. Помимо смены правящего режима, пересмотру подверглась вся система социальной иерархии. Если бы этот процесс пошел дальше, а бедная городская молодежь получила возможность действовать самостоятельно, то есть освободиться от пут исламистской идеологии, к чему ее подталкивали марксистские группировки и «Моджахеды народа», проникнувшие в состав *комитэ*, то духовенство подверглось бы сильнейшему нажиму, а интересы религиозной буржуазии были бы поставлены под угрозу. Базар вновь занял свои прежние, утраченные к концу правления шаха экономические позиции за счет той части рынка, которая

принадлежала ранее крупным *тагу там* — капиталистам, оказавшимся в эмиграции, в тюрьмах или повешенных после революции.

Левые исламисты и «шииты-социалисты» составили основную интеллектуальную группу, которая, опираясь на неимущую городскую молодежь, могла нарушить единство исламистского дискурса, контролировавшегося Хомейни с начала 1978 года, с тех пор как он стал использовать философское наследие Шариати, представив себя защитником *мостадафин*, «обездоленных». Для нейтрализации левых была выбрана та же стратегия, что и для устранения Базаргана и либералов: допустить их во власть, а затем саботировать эту власть черрд *комитэ*, *пасдаранав* и другие инстанции, контролируемые хомейнистскими группировками. В январе 1980 года при поддержке Хомейни президентом Республики был избран Бани Садр, представитель левых исламистов. Однако уже в апреле группы левых и «Моджахедов», укрепившиеся в студенческих городках, были оттуда изгнаны *пасдаранами*. Во имя исламистской культурной революции были закрыты высшие учебные заведения под предлогом их очищения от скверны. В мае новый парламент, большинство мест в котором заняли члены Партии исламской революции, стал подлинным центром власти и навязал нового премьер-министра из числа своих людей. Война на истощение позволила избавиться от президента: в июне 1981 года Бани Садру удалось покинуть Иран при помощи «Моджахедов». К концу 1982 года — самого кровавого в истории революции — режим подавит начатое ими в то время восстание, несмотря на серию проведенных «Моджахедами» дерзких покушений, в результате которых были убиты преемник Бани Садра и руководители ПИР. В начале 1983 года руководители коммунистической партии Туде, последние из тех, кто был арестован в ходе кампании по уничтожению левых сил, сознаются в телевизионной передаче, напомнившей московские процессы 1937 года, в том, что они являлись советскими шпионами, признают они и превосходство ислама над марксизмом...

Уничтожение левых исламистов означало запрет на выражение любого инакомыслия в рамках единого дискурса исламистской интеллигенции — Хомейни теоретически обосновал этот принцип, назвав его *«вахдет-екалиме»* («единство слова»). Эта концепция лишала неимущую городскую молодежь представителя, который мог бы выражать ее интересы в категориях скорее социальных, нежели религиозных, и, противопоставив ее религиозной буржуазии, расколол бы единство исламистского движения, что обрекло бы его на поражение, как это произошло в Египте, а позже и в Алжире. Но, даже лишенные возможности выразить свои чаяния, иранские народные слои сохраняли боевой дух, ожидая удовлетворения своих повседневных чаяний. Ведь это они устраивали манифестации за свержение шаха, помогли отстранить либералов и светских лидеров и по-прежнему поддерживали Хомейни. Вторгшись в Иран 22 сентября 1980 года, армия Саддама Хусейна дала режиму возможность в последний раз мобилизовать сторонников верховного вождя, истощив их политически и направив их энергию на «мученичество». Погибая на фронте в плохо обученных частях добровольного ополчения (*«басиджи»*), становясь легкой добычей иракских войск, сотни тысяч самых активных и фанатичных молодых «санкюлотов» отдавали свои жизни за родину и революцию, в то время как миллионы их товарищей гнили в окопах. Эти солдаты второго года Исламской Республики сошли с арены внутренней политики, лишив неимущую городскую молодежь всякой способности к самостоятельным действиям.

Физическая смерть огромного числа этих молодых людей была также символической смертью их социальной группы как коллективного политического актера. Это проявилось в двух плоскостях. Для самой молодежи использование шиизма в политическом плане было внове. Дни памяти о мученической гибели имама Хусейна в Кербеле, отмечавшиеся под влиянием Шариати, а затем — в ходе революции, стали поводом к борьбе против современного воплощения тогдашнего халифа-тирана — нынешнего шаха. Религиозная энергия выплескивалась вовне, будучи направлена на изменение мира, в то время как господствовавшая шиитская традиция была ориентирована на скорбь и плач, достигавшие

кульминации в коллективных сеансах самобичевания в дни *ашуры*. Чудовищная мясорубка войны с Ираком, казавшаяся бесконечной (она продолжалась восемь лет), позволила массам бедной молодежи вернуться к былой традиции мученичества, доведя самоистязание до самопожертвования. Речь уже не шла о преобразовании мира — революция свершилась, но не оправдала надежд молодежи. Стремление к смерти, к подавлению своего «я» санкционировало крах революционной утопии. Этот «смертельный шиизм» приобрел массовый характер в виде самопожертвования *басиджи* на фронте. Красноречивым свидетельством тому служат письма и завещания добровольцев родным, в которых они, используя исконные выражения шиитской мартирологии, пишут о своем желании оставить этот мир. Здесь в религиозной форме выразилось политическое самоубийство неимущей городской молодежи Ирана 80-х годов.

В свою очередь, режим всячески воспевал мученичество молодых иранцев. Он превратил его в основной источник собственной легитимности — еще в конце 90-х годов об этом напоминали назойливые настенные фрески в «сюрреалистическом» стиле, украшавшие стены крупных иранских городов портретами мучеников, чьи имена сочлились красной краской наподобие «кровавого фонтана», украшающего солдатское кладбище в Тегеране. Исламская Республика правила от имени павших за Родину солдат, достойнейших преемников имама Хусейна. Однако эта обездоленная молодежь уже не существовала как организованная политическая сила, что позволяло говорить от ее имени и вместо нее. Тем не менее массы бедной городской молодежи физически не исчезли, напротив, сегодня темпы демографического прироста в Иране — одни из самых высоких в мире. Власти вынуждены принимать меры, которые бы облегчили социальную адаптацию десятков миллионов молодых людей. Эти меры имеют как моральный, так и экономический аспект.

Так, ношение женщинами покрывала и «полного комплекта исламского одеяния» стало обязательным после принятия соответствующего закона в апреле 1983 года, то есть сразу же после разгрома левых движений. Закончив охоту на «безбожников левых», *комитэ* смогли отныне перестроить свою деятельность и взять на себя обязанности полиции нравов. Активисты принялись устраивать облавы на женщин, «недостаточно укрытых» («*бад хеджаби*»). Нарушительниц препровождали в революционные трибуналы. Критерии ношения покрывала действительно и по сей день. Эти правила, определяющие длину, форму и цвет женской одежды, вывешены во всех общественных местах. Потенциальные «недостаточно укрытые» обычно принадлежат к секуляризированным средним классам и интеллигенции, тогда как *комитэ* пополняют свой контингент в народной среде. Последние выполняют, таким образом, отведенную им роль носителей и хранителей ценностей Исламской Республики и в этом качестве притесняют средние классы в отместку за то, что те все-таки сумели сохранить свой социальный статус и культурный капитал. Моральное поощрение обездоленных, которым было доверено культурное подавление общества во имя религии, служит компенсацией за их исключение из политической жизни.

В экономическом плане Исламская Республика привела в действие механизмы материального и морального поощрения, дабы превратить в свою клиентуру ту бедную городскую молодежь, которая совершала революцию и отдавала жизни на иракском фронте. Семьи мучеников могли посылать своих детей в университет без экзаменов. Выделялись пособия на жилье, продукты питания и т. д. Они выплачивались через фонды, подконтрольные духовенству. Получатели этой помощи были, таким образом, всецело заинтересованы в прочности режима и стали бы сражаться ради незыблемости власти хомейнистского духовенства и примыкавшей к нему исламистской интеллигенции: режим представлял интересы религиозной буржуазии базара, которая отныне полностью контролировала экономику, и платил за социальный мир сочетанием субсидий и пуританизма. Однако, как мы это увидим в последней части книги, управление экономикой этой социальной группой привело режим к банкротству и породило социальную напряженность, приведшую Исламскую Республику к кризису и рождению «постисламистского» общества.

Победа исламской революции в Иране стала самым ярким символом социальных потрясений 70-х годов XX века. По сравнению с концом 60-х, когда исламистское движение было маргинальным, а его идеи выражали мало кому известные интеллектуалы, изменения произошли поразительные. Исламизм превратился в главную силу в мусульманских государствах, диктующую свой политический сценарий. Тем не менее в мировых средствах массовой информации еще бытуют представления о фанатичном характере этого движения. Иллюстрациями к этому служат образы мулл в тюрбанах, марширующих с автоматами наперевес. Реальность же весьма многолика. За внешним религиозным единомыслием скрываются противоположные интересы социальных групп, заключивших между собой временные и хрупкие союзы. К тому же международное исламское идейное пространство, формировавшееся в этот момент, не составляло единого блока, каким еще оставался советский блок, а было ареной конфликтов, на которой различные претенденты боролись за гегемонию. На всем протяжении 80-х годов экспансия исламизма, который укреплялся в новых обществах и распространение которого казалось неудержимым, будет сопровождаться обострением его внутренних противоречий.

Часть вторая ЭКСПАНСИЯ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

Глава 1 Дыхание Иранской революции

Победа Хомейни в Тегеране в 1979 году до основания потрясла современный исламский мир, находившийся под гегемонией Саудовской Аравии с момента создания Организации Исламской конференции в 1969 году и победы «нефтеислама» в октябрьской войне 1973 года. Новые хозяева Ирана полагали, что только они — истинное воплощение ислама, несмотря на свою шиитскую специфику. Правителей Эр-Рияда они изображали узурпаторами, которым, несмотря на показной религиозный ригоризм, не удавалось скрыть свою истинную роль поставщиков нефти для Запада, который взамен предоставлял военную защиту консервативной реакционной монархии. Один из соратников Хомейни, отбывавший ссылку в Париже, в беседе с журналистом одного из арабских изданий заявил зимой 1978/79 года: «Наберитесь терпения. (...) Увидите, что произойдет с саудовцами через шесть месяцев после нашего возвращения в Иран».¹³⁴ Действительно, через девять месяцев после этого заявления, на рассвете 20 ноября 1979 года, в день нового года пятнадцатого века хиджры, Большая мечеть Мекки была взята штурмом несколькими сотнями саудовских оппозиционеров. Их сопротивление удалось подавить лишь через две недели.¹³⁵ Ничто не

---

¹³⁴ См. интервью, опубликованное в ливанской газете «Ас-Сафир» 19 января 1979 г.: Khomeini's Vision: Nationalism or World Order? // The Iranian Revolution and the Muslim World / Ed. D. Menashri. Boulder: Westview Press, 1990. P. 51.

¹³⁵ Мятежники требовали от имама Большой мечети, чтобы он объявил их предводителя ожидаемым мессией, пришествие которого, в соответствии с религиозным преданием, мусульмане ожидают с наступлением каждого века хиджры. В данном случае на эту роль претендовал 36-летний Мухаммад аль-Кахтани, который, как и военный руководитель группы, 27-летний Джухайман аль-Утайби, принадлежал к племенам, не связанным с саудовской королевской семьей. Эти племена гордились тем, что их предки участвовали в пуританском движении ихванов, подавленном в марте 1927 г. Ибн Саудом, которому они помогли основать современное саудовское королевство. Тысячам верующих, удерживаемых мятежниками в мечети, они говорили, что саудовский режим отклонился от ислама, а королевская семья морально разложилась и должна быть свергнута. По просьбе властей совет улемов дал согласие (после пятидневного обсуждения) на штурм мечети, где укрылись хорошо вооруженные и экипированные мятежники. Захват мечети поверг мусульманский мир в шок. Это событие казалось настолько невероятным, что первой реакцией Тегерана было его осуждение как американского заговора. В Исламабаде толпы демонстрантов учинили погром американского посольства,

указывало на то, что нападавшие, выступавшие с позиций крайнего ваххабизма, были в контакте с Тегераном, хотя в дни осады Большой мечети его влияние ощущалось в менее громких инцидентах, произошедших в зоне проживания шиитского меньшинства — Эль-Хасе, главной нефтяной зоне на востоке страны.¹³⁶ Для руководителей Саудовской Аравии эти события стали свидетельством того, что тщательно поддерживаемый ими на протяжении десяти истекших лет баланс оказался под угрозой: на их же собственной территории была поставлена под вопрос исламская легитимность самой монархии, выявилась ее беспомощность в деле обеспечения и поддержания порядка в святынях ислама. Иранская революционная пропаганда напрямую апеллировала к исламским чувствам народа, призывая его свергнуть нечестивых правителей, прикрывавшихся Кораном и шариатом. Вся суть саудовской политики состояла в финансировании экспансии исламизма по всему миру, дабы обеспечить повсеместный контроль, например через Всемирную исламскую лигу, и не допустить, чтобы группы, желавшие изменить существующую социальную пирамиду, присвоили эту контролирующую функцию себе. Словосочетание «исламская революция» таило в себе воплощение всех опасностей. Однако эта революция случилась в той части уммы, куда ваххабитский прозелитизм не отваживался заходить и где у него не было никакой точки опоры — в шиитском мире, который большинство саудовских религиозных деятелей считали еретическим.

В 1979 году оформились две противоположные стратегии контроля над мусульманским миром, взбудораженным иранской революцией. Первая, исходившая из Тегерана, стремилась заменить саудовское верховенство авторитетом Хомейни. Она пыталась нивелировать свою шиитскую специфичность, чтобы облегчить доступ в мусульманский мир, на 80 % суннитский. В основном, объектом этой стратегии стала молодая исламская интеллигенция, сочувствовавшая самым радикальным направлениям. Центром второй стратегии выступила Саудовская Аравия. Ее целью стало сдерживание хомейнистского натиска посредством мобилизации всей пропагандистской системы ислама, выстроенной за минувшее десятилетие вокруг Лиги исламского мира и Организации Исламской конференции. На первых порах процесс сдерживания представлял трудную и довольно деликатную задачу, поскольку иранские события были благосклонно восприняты даже на исконной территории ваххабитского прозелитизма. Египетская исламистская пресса, например, выражала симпатии революции, провозгласившей исламскую республику и свергнувшей проамериканского тирана.¹³⁷ «Сдерживание» («*containment*») Ирана выстроится на двух принципах: на первых порах будет подчеркиваться шиитская специфика феномена, чтобы помешать его распространению в суннитской среде; позднее иранскую революцию будут сводить к проявлению персидского национализма. Последний тезис будет широко использоваться Ираком при нападении на Исламскую Республику в сентябре 1980 года. За нападением скрывался целый ряд мотивов: Саддам Хусейн хотел воспользоваться революционной неразберихой, чтобы одержать легкую победу, позволявшую расширить узкое морское окно Ирака путем взятия под контроль Шатт-эль-Араб — устья, поделенного

добавив еще одну «головную боль» американским дипломатам в регионе — незадолго до этого посольство США в Тегеране было захвачено «студентами, верными линии имама». Об этих событиях см.: Al-Yassini A. Religion and State in the Kingdom of Saudi Arabia. Boulder; London: Westview Press, 1985. P. 124.

¹³⁶ Двадцать восьмого ноября по случаю празднования Ашуры — дней памяти о мученичестве имама Хусейна — впервые в истории саудовского королевства тысячи шиитов вышли на демонстрации, протестуя против их дискриминации и вступая в стычки с полицией. Звучали и лозунги в поддержку Хомейни. В начале февраля 1980 г., в годовщину возвращения Хомейни в Тегеран, в Катифе состоялись многочисленные манифестации шиитов, которые несли портреты Хомейни и поджигали близлежащие здания.

¹³⁷ См.: Machhour M., Roussillon A. La revolution iranienne dans la presse egypt-tienne. Le Caire: Cedej, 1982. В книге приводится подборка соответствующих статей, опубликованных до начала Ирано-иракской войны в сентябре 1980 г.

между двумя странами в соответствии с Алжирским соглашением 1975 года. Благодаря милитаризации общества наступление также позволяло упрочить Саддаму недавно обретенную власть¹³⁸ и помешать иракским шиитам, составлявшим в стране незначительное большинство, восстать против режима под влиянием иранского примера. И наконец, самое главное: в регионе и на международной арене нападение на Иран встретило одобрение всех, кто был обеспокоен иранскими событиями и опасался их выплеска за пределы этой страны. Первыми почувствовавшие угрозу, богатые арабские монархии полуострова поддерживали (и щедро финансировали) войну, которая поднимала современный арабский национализм на борьбу против неарабского Ирана, ища опору в первоначальном арабском исламе, победившем Сасанидскую Персию в битве при Кадисии в 636 году — иракское военное наступление будет названо в честь этого сражения.¹³⁹ Тегеран не останется в долгу, обвинив в «безбожии» Саддама Хусейна — руководителя светской партии Баас, а значит, «отступника» ислама, — и тем самым лишая его какой бы то ни было легитимности. Соответственно, иранские наступательные операции получают названия битв, которые первый халиф, Абу Бакр, вел против отпавших от ислама арабских племен (*хуруб-ар-ридда*).¹⁴⁰

Каждая из сторон апеллировала к подлинному исламу, чтобы успешнее дискредитировать обращение к нему противника. Контроль над риторикой ислама, использование его лексики стали главным вопросом власти и легитимности — признак того, что исламское пространство стало отныне главным символическим местом проявления могущества. «Война» ссылок на историю и пережитков явилась продолжением реальной войны в сфере идеологии и вероучения. В противостоянии Тегерану арабские государства сплотились в единый блок вокруг Багдада (исключение составляла лишь Сирия — традиционный соперник Ирака). А Саддам Хусейн, который на протяжении следующего

---

¹³⁸ В июле 1979 г. Саддам Хусейн, бывший до этого времени вице-президентом при президенте Хасане аль-Бакре, стал единоличным правителем. Смена власти сопровождалась казнями высокопоставленных чиновников, обвиненных в «заговоре».

¹³⁹ В классической арабской культуре существует целая традиция антиперсидской полемики. Покоренной, но культурно более развитой по сравнению с арабскими завоевателями Персии вменяется в вину чрезмерное влияние в мусульманском мире, проявившееся, в частности, во времена Багдадского халифата Аббасидов (750–1253 гг.). Этот феномен, получивший название «шуубийя», представляется арабскими критиками как искажение первоначального ислама. Во время войны иракская идеология вызвала к жизни старинные распри и мобилизовала культурную элиту — известных арабских кинематографистов, поэтов и писателей — на создание исторических произведений, в которых Саддам Хусейн представлялся бы меченосцем арабо-исламских ценностей в борьбе против потомков «волхвов». Битва при Кадисии, в которой армия арабов-мусульман разгромила войско последнего персидского царя и которая превратилась в погребальный звон для династии Сасанидов, легла в основу сюжета батального фильма, заказанного Багдадом египетскому режиссеру Салаху Абу Сейфу.

¹⁴⁰ Иранские идеологи, которых арабские националисты из Багдада, недавно приобщившиеся к исламистской риторике (в принципе не отдававшей арабам предпочтения перед остальными мусульманами), объявили чуждыми подлинному исламу, парировали этот выпад, найдя аргументы в той же исламской доктрине. Они заявили, что светский характер партии «Баас» должен быть приравнен к вероотступничеству, поскольку светским может быть только тот мусульманин, который отверг представление о шариате как организации человеческого общества в соответствии с установлениями священных текстов ислама. Таким образом, баасисты, находившиеся у власти в Багдаде, подлежали наказанию за вероотступничество — смертной казни. «Истинным мусульманам» Исламской Республики надлежало привести приговор в исполнение, следуя примеру первого халифа: задолго до битвы при Кадисии он наказал арабские племена, воспользовавшиеся смертью Пророка как предлогом для того, чтобы отказаться от присяги, данной им ему лично, и религии, которую он возвещал. Во время войны баасистская идеология была в Ираке «спрятана под сукно», так как она мешала режиму Саддама Хусейна в его исламской пропаганде. Этот феномен еще более ярко проявит себя во время войны в Заливе в 1991 г., так как в ней Ираку будут противостоять арабские государства (в первую очередь Саудовская Аравия), исламскую легитимность которых ему придется оспаривать.

десятилетия будет выступать как главный враг США и арабских режимов Залива, пользовался тогда и дипломатической поддержкой Запада, встревоженного победой иранской революции, и военной поддержкой Франции, которая предоставила в его распоряжение истребители-бомбардировщики «Супер-Этандар». Ответом на это стало иранское участие в серии антизападных терактов. Большая часть из них была совершена в Ливане, терзаемом с 1975 года гражданской войной и частично оккупированном Сирией и Израилем. В 1982 году Иран создал в Ливане полупартию-полумилицию «Хизбаллах» на базе шиитской общины, составляющей около трети населения страны.

В сущности, несмотря на надежды иранцев распространить революцию на весь мусульманский мир, она обрела лишь относительно значимое число ревностных приверженцев среди шиитов в арабском мире и на Индийском субконтиненте. Лишь в Ливане, где государство было разрушено, революции удалось втянуть в свою орбиту мощные воинственные движения. В Ираке Саддам Хусейн в апреле 1980 года организовал убийство главного шиитского лидера — аятоллы Бакира ас-Садра,¹⁴¹ вдохновленного примером Хомейни. Пять месяцев спустя, когда Багдад развязал войну против Ирана, жестокие репрессии обрушились на всех потенциальных шиитских активистов.

Однако исламская революция не только породила прямых подражателей, но на первых порах пользовалась большими симпатиями среди противников авторитарных режимов во всем мусульманском мире. Прежде чем чистки, казни и жестокости, совершенные от имени революции, омрачили ее образ, она показала, что движение широких народных масс может одержать верх над могущественным режимом, близким к США. Этого оказалось достаточно, чтобы даже круги, слабо знакомые с исламом или равнодушные к нему, со всей серьезностью отнеслись к революционному потенциалу этой религии. При любом отношении к Хомейни, иранский пример создал у многих наблюдателей и лидеров ощущение, что ислам превратился в важнейший фактор политической, социальной и культурной идентичности населения, на которое прежде взирали лишь через категории национальности, социальной принадлежности и т. д. События 70-х годов затронули лишь определенные круги; после 1979 года в мусульманском мире и за его пределами уже никто не мог игнорировать факт экспансии исламистского феномена. Он стал темой бесчисленных коллоквиумов, научных трудов и исследовательских проектов, финансировавшихся крупными международными фондами. Он получил исключительно широкое освещение в прессе, которая охотно подчеркивала его наиболее яркие, наиболее жестокие и наиболее парадоксальные стороны. Правящие режимы стремились обезопасить себя от выдвижения социальных требований, которые, восприняв лексикон ислама, грозили аккумулировать недовольство и свергнуть их самих: судьба шаха заставила многих задуматься. Его пример побудил большинство власть предержащих мусульманского мира показать глубокую приверженность религии, чтобы избежать участи монарха, практически не скрывавшего своего презрения к «людям в черном». Улемы, которых часто обижали в эпоху господства национализма, были обласканы правителями, желавшими получить от них исламскую легитимизацию своей власти. В обмен на это улемы потребовали больших прав в области контроля за нравами и культурой, беря реванш над своими соперниками — светскими интеллектуалами. Влияние последних им удалось существенно уменьшить — запугиванием или цензурой, введенной государством по их требованию. С помощью улемов власти

---

¹⁴¹ Мухаммад Бакир ас-Садр (1935–1980), один из основателей созданной в 1958 г. иракской шиитской исламистской партии «Дава» («Призыв к исламу»), до сих пор почитается среди исламистов — суннитов и шиитов — как основоположник теории исламской экономики, которая была разработана им в книге «Иктисадуна» («Наша экономика»), опубликованной в 1961 г. Он шел в авангарде борьбы против левых марксистов и баасистов, находившихся у власти в Багдаде, и сыграл важную роль в политизации религиозных кругов Неджефа — города, в котором с 1964 по 1978 г. жил Хомейни. См.: Валат А. The Radical Shi'i Movement in Irak // The Iranian Revolution and the Muslim World. P. 133; Batata H. Shi'i Organizations in Irak // Shi'ism and Social Protest / Ed. J. Cole, N. Keddie. New Haven: Yale University Press, 1986. P. 139; Martin P. (pseud.). Le clerge chi'ite en Irak hier et aujourd'hui // Maghreb-Machrek. 1987. Janvier. № 115.

пытались найти общий язык с религиозными средними слоями в надежде заручиться их поддержкой или, в крайнем случае, нейтралитетом при подавлении наиболее радикально настроенной части исламистской интеллигенции, «смушавшей» неимущую городскую молодежь. Это была трудная задача, поскольку каждая сторона преследовала свои цели и выгоды и стремилась навязать партнеру свои условия. В конечном итоге улемы, как мы увидим позже, вышли из этого противостояния более окрепшими. Их авторитет и влияние как выразителей норм морали и ценностей окрепли и в обществе, и в самом исламистском движении, где они потеснили бородатых инженеров, специалистов в области информатики и студентов-медиков, возглавлявших радикальные суннитские группы 70-х годов и относившихся к шейхам без особого пиетета.

С 1979 года молодые активисты со всех уголков мусульманского мира — от Юго-Восточной Азии до Черной Африки, а также представители мусульманского населения некоторых социалистических стран и иммиграции в Западной Европе, стали наведываться в Тегеран.¹⁴² Судя по всему, лишь очень немногие из них обращались в шиизм и принимали целиком идеи Хомейни. Большинство, не изменяя своим исконным суннитским убеждениям, возвращались с ощущением, что настало время действовать, а иранская модель нуждается лишь в приспособлении к условиям каждой из стран. Иранская революция, как в свое время французская и большевистская революции, стала для народов мира, симпатизировавших ее целям, воплощением чаяний и надежд. Появились небольшие ячейки активистов, группировавшиеся вокруг учебных кружков, прозелитские группы. Всё это серьезно беспокоило как консервативный «саудофильский» истеблишмент, так и мир традиционного ислама и западные режимы — особенно, когда данные группы стали действовать на их территориях, среди мусульманских иммигрантов (прежде всего в Европе).

Правда, прямой эффект от деятельности этого авангарда оставался невелик. Так, во Франции «студенты, верные линии имама», в основном иранцы, тщетно пытались привлечь на свою сторону иммигрантов из стран Магриба. Они призывали их превратить социальные конфликты начала 80-х годов, в частности в автомобильной промышленности, в джихад на стороне Хомейни против западного Сатаны. Из-за отсутствия единой культуры и влияния в рабочей среде эта их попытка свелась к нескольким кампаниям по раздаче листовок у проходных бастовавших заводов. В декабре 1983 года основные активисты были арестованы и высланы из страны. Всё это происходило на фоне насилия между различными фракциями иранской общины, которые устраивали сражения на улицах и станциях парижского метро. Гораздо более значимым был другой результат этого прозелитизма: в общественном мнении и сознании отдельных руководителей проявления ислама стали ассоциироваться с пертурбациями иранской революции. Поэтому французское правительство, столкнувшись с явлением, которое оно плохо понимало, осенью 1982 года передало управление и надзор над исламом (в стране проживало, в частности, два миллиона магрибинцев) алжирским властям, взявшим под свой контроль Большую Парижскую мечеть.¹⁴³

В Соединенном Королевстве радикальная группа проирански настроенной интеллигенции из пакистанской диаспоры объединилась вокруг журналиста Калима Сиддики, основателя Мусульманского института. Он стал инициатором экстремистских акций, привлечших внимание прессы: в частности, по свежим следам дела Рушди 1989 года Калим Сиддики приступил к созданию британского «Мусульманского парламента»,

---

¹⁴² См.: *The Iranian Revolution: Its Global Impact* / Ed. J. Esposito. Miami: Florida International University Press, 1990. В декабре 1982 г. 5 ближайших сподвижников Али Иветбеговича, члены организации «Молодые мусульмане», действовавшей в Боснии и Герцеговине, приняли участие в съезде имам-хатыбов в Тегеране. Данный факт послужил отягчающим обстоятельством против них на судебном процессе в августе 1983 г., на котором 12 «мусульманских фундаменталистов» были приговорены к длительным срокам тюремного заключения.

¹⁴³ Подробнее об этом феномене см.: *Kepel G. Les banlieues...* P. 313–352.

призванного заменить собой Вестминстер. Но и в этом случае слабость движения, объединившего немногочисленных радикальных интеллектуалов, к которым основные авторитеты британского ислама — выходцы из пакистанских медресе — относились с подозрением, не позволила иранской исламской революции завоевать здесь много сторонников — эффект моды и новизны остался в прошлом.¹⁴⁴

В странах Черной Африки молодые интеллектуалы, в основном хорошо образованные, увидели в тегеранских событиях возможность поколебать позиции традиционного ислама братств, который они осуждали при всем своем критическом отношении к европейской современности, ассоциировавшейся с колониализмом и империализмом. Так, в начале 80-х годов в Сенегале имел место всплеск исламизма, напрямую связанный с возвращением из Ирана молодых интеллектуалов, виднейшие из которых принадлежали к младшей ветви семейства Ньясенов — марабутов из братства Тиджанийя. Один из них в январе 1984 года основал франкоязычный пропагандистский журнал, название которого на языке волоф — «Валь Фаджри» («клянусь зарей», от арабского *фаджр*) — «это лозунг, властно утверждающий наступление сияющей зари после долгой мрачной ночи, царящей в мире со времени ухода Пророка Мухаммада (...). За четыре года ситуация коренным образом изменилась! Слава Богу! Лицо мира изменилось, самые основы человечества были потрясены с тех пор, как проект создания исламского общества предстал не только в качестве осуществимой идеи, но и как альтернатива другим проектам общественного устройства».¹⁴⁵ В журнале можно было встретить отрывки из произведений Хомейни, статьи в защиту Ирана в его войне с Ираком, рассуждения о единстве шиитов и суннитов, а также резкие выпады против Саудовской Аравии и Организации Исламской конференции. (Типичный заголовок: «На заседании ОИК Египет принят в ее ряды: помойка принимает мусор».¹⁴⁶) Брат основателя журнала, обосновавшийся в городе Каолаке, на юго-востоке от Дакара, получил прозвище «Каолакского аятоллы» за свои страстные проповеди, в которых обличение французского империализма — он публично сжег французский триколор — сочеталось с обличением традиционного ислама как пособника этого империализма.¹⁴⁷ Однако против этих инициатив, вскоре вызвавших негативную реакцию государственной власти¹⁴⁸ и просаудовских кругов, единым фронтом выступили марабуты, интересы которых были поставлены тем самым под угрозу. Молодым исламистам не удалось

---

¹⁴⁴ Kepel G. *Al'ouest d'Allah*. P.: Seuil, 1994. P. 193. В книге приводятся данные об этом движении, собранные Калимом Сиддики.

¹⁴⁵ Wai Fadjri. 1984. 13janvier. № 1. P. 2. Под передовой статьей стоит подпись основателя журнала, Сиди Амина Ньяса.

¹⁴⁶ Ibid. № 2. P. 2. Членство Египта в ОИК было приостановлено после подписания в марте 1979 г. египетско-израильского мирного договора; оно было восстановлено на конференции в Касабланке в 1984 г. На той же странице журнала можно увидеть статью о суннитско-шиитском единстве, которое трактуется в духе концепции экспорта революции: «Сунниты и шииты — молочные братья, они образуют единую школу в рамках ислама». О «навязанной войне» говорится в статье министра обороны ИРИ д-ра Мустафы Шамрана (Ibid. № 4. P. 27). См. также: *Manifeste de l'Etat islamique par Fimam Khomeini* // Ibid. № 6. P. 30; Ibid. № 7. P. 17, и т. д. В мае 1984 г. главный редактор журнала принял участие в «Тегеранском съезде имамов» в Тегеране, на котором демонстрировался «ужас преступлений Саддама» (Ibid. № 7. P. 15).

¹⁴⁷ См.: Magassouba M. *L'islam au Senegal: Demain les mollahs?* P.: Karthala, 1985. Название этой хорошо фундированной книги отражает царившие в то время сомнения. Журнал «Le Musulman», основанный в 1982 г., восторгался революцией, но не считал себя «проиранским», о чем заявлял один из его основателей, Омар Ба (из личной беседы, Дакар, февраль 1998 г.).

¹⁴⁸ Посольство Ирана в Дакаре было закрыто весной 1984 г., что вызвало протест со стороны журнала «Валь Фаджри» (см.: Wai Fadjri. № 3. P. 8–9).

предложить конкретной альтернативы формам социальной интеграции, доступа к материальным благам, которые предоставляли религиозные братства своим последователям и ученикам-талибэ в обмен на их послушание. Несмотря на финансовую помощь, оказывавшуюся Ираном некоторым из радикальных движений, им не удалось сохранить первоначального энтузиазма своих сторонников среди молодежи. Некоторые лидеры и интеллектуалы этих движений были приняты в братства и стали частью местного исламского истеблишмента, который еще недавно они так яростно критиковали. Другие с успехом превратили свои политические предприятия в процветающие коммерческие фирмы. «Валь Фаджри», некогда радикальный исламистский журнал, с 1994 года сделался благопристойным ежедневным изданием либерального толка, которое имеет собственную радиостанцию, он-лайн серверы и частный телеканал.¹⁴⁹

Аналогичным образом сказало влияние иранской революции на большинство мусульманских стран начала 80-х годов. Окрыленные молодые исламисты возвращались в 1979 году из Тегерана на родину в Малайзию и Индонезию, где отсутствовала шиитская традиция. Однако большинство из них предпочли включиться в деятельность вновь созданных исламистских суннитских организаций, таких как АБИМ в Малайзии, руководитель которой Анвар Ибрахим лично встречался с Хомейни.¹⁵⁰ Под нажимом правительств, весьма озабоченных угрозой неконтролируемого распространения исламистской пропаганды, вдохновение, которое могла породить иранская революция, «растворилось» во всемирном исламистском движении, находившемся под влиянием как саудовцев, так и — в еще большей степени — «Братьев-мусульман».¹⁵¹

На арабском Ближнем Востоке этот революционный энтузиазм вылился главным образом в постепенную исламизацию двух конфликтов, каждый из которых по-своему воплощал арабскую национальную идею, — палестино-израильского и ливанского. Среди косвенных причин исламизации палестинской проблемы следует отметить восторженное почитание Хомейни со стороны малочисленного радикального движения «Исламский джихад». Это движение явилось детонатором событий, приведших к «восстанию камней» — *интифаде* — в декабре 1987 года. Напротив, в Ливане Тегеран проводил политику прямого вмешательства через шиитское меньшинство, в рядах которого была создана партия «Хизбаллах».

В Палестине ООП традиционно придерживалась националистической тактики, проводимой как мусульманами, так и христианами¹⁵² и являвшейся воплощением

---

¹⁴⁹ Из личной беседы с Сиди Ламином Ниасом, Дакар, февраль 1998 г.

¹⁵⁰ См.: Mehden F. von der. Malaysian and Indonesian Islamic movements and the Iranian Connection // The Iranian Revolution: Its Global Impact. P. 248. Лидер основанной в декабре 1990 г. АИМИ (Ассоциации индонезийских мусульманских интеллектуалов), посетивший в 1979 г. Тегеран, также с энтузиазмом рассказывал нам об иранских событиях, однако заявил, что не желает их повторения в Индонезии, предпочитая впитывать их революционный дух, но не воплощать на практике их идеи (из личной беседы, Джакарта, август 1997 г.).

¹⁵¹ Помимо субсидирования различных исламистских ассоциаций и приглашения их на конгрессы в Тегеран (наподобие вышеупомянутого майского конгресса 1984 г.), ИРИ издавала на многих языках литературу, пропагандировавшую свершения и цели правившего режима, в том числе на арабском и урду — «Аш-Шахид» («Мученик за веру») и «Саут аль-Умма» («Голос Общины правоверных»). На французском языке эпизодически выходила газета «Le Message de l'islam» («Послание ислама»), адресованная в основном франкоязычным мусульманам Черной и Северной Африки. Впрочем, средства, вкладывавшиеся в эту пропаганду, не шли в сравнение с суммами, которые расходовали нефтяные монархии Залива на то, чтобы привлекать на свою сторону или сохранять симпатии мусульман.

¹⁵² Некоторые из руководителей ООП, в том числе Ясир Арафат, в юности посещали собрания «Братьев-мусульман», но политическая зрелость палестинских лидеров пришлась на эпоху арабского национализма.

«арабской идеи». Начало 80-х годов тем не менее стало для организации трудным временем: изолированная от Египта после визита Садата в Иерусалим в 1977 году и последовавшего затем подписания мирного договора между Израилем и Египтом в 1979 году, бездействовавшая в Иордании после подавления «Черного сентября» в 1970 году, безжалостно преследуемая на оккупированных Израилем территориях, ООП сосредоточила свои силы в Ливане. С 1975 года она была втянута в гражданскую войну между правыми христианами (преимущественно маронитами) и «исламо-прогрессистами», сторону которых она приняла. Последнее название указывало не на исламистскую идеологию, слабо представленную в тот период на ливанской политической сцене,¹⁵³ но на конфессиональную принадлежность большинства из тех, кто выступал против политического господства маронитских элит¹⁵⁴ — наследия периода французского мандатного правления (1920–1946) и исповедовал идеи арабизма, в том числе идею борьбы за дело Палестины.

До тех пор пока ООП была втянута в ливанский конфликт, в котором очень скоро жестокость, бандитизм и зыбкость союзов затмили ясность принципов и обязательств, она почти никак не проявляла себя на антиизраильском фронте, являвшемся первопричиной самого ее существования. Ее положение еще более осложнилось в результате блицкрига еврейского государства на юге Ливана в 1982 году, разрушившего палестинскую инфраструктуру и заставившего ООП перенести свою штаб-квартиру из Бейрута в Тунис. К этому добавилось наступление сирийской армии, приведшее к изгнанию Ясира Арафата и его сторонников из Триполи в декабре 1983 года.¹⁵⁵ Руководству организации, вынужденному пребывать вдали от поля боевых операций, уже не удавалось, как прежде, представлять интересы палестинского дела. Кроме того, исламский идеал джихада в Афганистане грозил затмить в глазах арабской молодежи 80-х националистические идеалы старшего поколения.

Между тем в самой Палестине уже давно действовало исламистское движение, представленное прежде всего «Братьями-мусульманами». В основном оно занималось благотворительной и религиозно-просветительской деятельностью и пользовалось снисходительным отношением со стороны Израиля. Еврейское государство видело в нем аполитичного «компенсатора» недовольства палестинского населения, жившего в условиях оккупации, и безобидного наследника воинствующего национализма ООП. «Братья», имевшие прочные позиции в Газе, занимались прежде всего реисламизацией населения для создания противовеса светскому национализму ООП. Им было необходимо сначала

---

¹⁵³ В начале 70-х годов движение «Братьев-мусульман» имело своих сторонников в Ливане, в частности в суннитских кругах г. Триполи. Однако его влияние ограничивалось интеллектуалами и нотаблями, подобно тому как это было в Сирии и Иордании. Своей известностью оно было обязано главным образом активности своего видного идеолога Фатхи Якана. Лишь к середине 80-х годов «Братья-мусульмане» станут играть в Ливане заметную социальную роль, когда им \ «таится укрепиться в среде бедной городской молодежи Триполи. Главным, ютом «Братьев» станет квартал Баб Теббане, откуда они развернут борьбу против сирийской армии и ее местных союзников (см.: Biz-p D. L'islamisme libanais et palestinien: Rupture dans la continuité // *Peuples mediterraneens*. 1993. Juillet-December. № 64–65. P. 265; Seurat M. Le quartier de Bab Tebbane a Tripoli (Liban) // *L'Etat de Barbarie*. P.: Seuil, 1989. P. 110)

¹⁵⁴ В «мусульманско-прогрессистский» лагерь входило немало христиан из числа левых и арабских националистов. Особенно много среди них было представителей православной общины. О христианских конфессиях Ближнего Востока см.: Valognes J.-P. *Vie et mort des Chretiens d'Orient*. P.: Fayard, 1994. В этой книге, в целом довольно тенденциозной, приводится много фактического материала.

¹⁵⁵ См.: Sayigh Y. *Armed Struggle and the Search for the State: The Palestinian National Movement 1949–1993*. Oxford: Clarendon Press, 1997. В этой книге, особенно в разделе 3 (The State in Exile, 1973–1982. P. 319–544), можно найти самые полные данные о палестинском присутствии в Ливане.

изменить в свою пользу баланс сил в палестинском обществе, прежде чем ввязаться во фронтальную антисионистскую борьбу, которая в любом случае казалась им преждевременной, учитывая силовое превосходство еврейского государства.¹⁵⁶

В эту атмосферу политической астении иранская революция не могла не привести зародыши нового духа, который приведет к развязыванию *интифады* 1987 году. Он превратит исламистов в политическую силу первого плана, угрожающую гегемонии ООП среди молодежи Газы и Западного берега реки Иордан. Так, среди палестинских студентов университета города Заказик (Нижний Египет) группа активистов, недовольных пассивностью «Братьев» и «безбожием» ООП, с энтузиазмом встретила события в Иране. Их лидер, врач Фатхи Шкаки, выпустил небольшую книгу под названием «Хомейни: исламская альтернатива» («Аль-Хумайни: аль-халль аль-ислами валь-ба-диль»), которую с 1979 года можно было найти во всех книжных лавках Каира. Посвященная «двум великим людям века» — «имаму-мученику Хасану аль-Банне», основателю «Братьев-мусульман», и «имаму-революционеру Рухолле Хомейни», эта работа представляла собой неприкрытую апологию вождя исламской революции со стороны «Братьев». ¹⁵⁷ Шкаки и его друзья ссылались на пример Ирана, чтобы подвергнуть критике как национализм ООП, не давший ничего конкретного палестинцам на их земле, так и робость палестинских «Братьев-мусульман», променявших политическую борьбу против Израиля на более удобную проповедническую и социальную деятельность. Победа иранской революции должна была доказать, что в борьбе даже с таким мощным противником, как шах, джихад решительных бойцов мог преодолеть все преграды. Таким должен был стать путь и к освобождению Палестины: вести фронтальную вооруженную борьбу и борьбу за исламизацию, слив их в единый джихад. Это стратегия выразилась в создании движения «Исламский джихад», ¹⁵⁸ которое мыслилось как боевой авангард, способный наносить удары по Израилю и открыть путь к созданию исламского государства в Палестине. Она позволяла выйти из двойного тупика, к которому вели замыкание «Братьев» на социальной активности и дипломатические инициативы ООП, ослабленной переносом своей

---

¹⁵⁶ Об осторожности палестинских «Братьев-мусульман» см.: Abu-AmrZ. *Islamic Fundamentalism in the West Bank and Gaza. Muslim Brotherhood and Islamic Jihad.* Indiana University Press, 1994 (в частности, гл. 2). Некоторые руководители ООП подозревали Израиль в поощрении «Братьев» с целью ослабления националистического движения — по примеру Садата, который в начале 70-х годов поощрял исламистов в студенческих городках, считая их противовесом арабским левым и насеристам. В свою очередь, «Братья» устами шейха Ахмада Ясина — лидера «Муджамма ислами» («Исламского объединения»), действовавшего в секторе Газа, говорили: «ООП — светская организация. Она не может быть признана репрезентативной, пока не станет исламской» (см.: Abu-AmrZ. *Op. cit.* P. 31). Создавая широко разветвленную религиозно-благотворительную сеть, «Братья» укрепляли свое положение в обществе в ожидании лучших дней. Они избегали чисто политической деятельности, в которой им пришлось бы подчиняться — или выступать в оппозиции — руководству ООП, чего они хотели избежать. О формах, которые приняла «автократическая реисламизация общества» в 80-е годы, отмеченная нападками на левых и насилием против «неверных», см.: LegramJ.-F. *Les islamistes palestiniens a l'epreuve du soulèvement// Maghreb-Machrek.* 1988.Juillet-Septembre. № 121. P. 8–10.

¹⁵⁷ См.: MachhourM., Roussi Uon A. *Op. cit.* P. 45–54. В данной работе приводятся отрывки из этого сочинения. Опубликованное под псевдонимом Фатхи Абдель Азиз, оно стало первой книгой на арабском языке, повествующей о победе исламской революции в Иране. Ее первый тираж в 10 000 экз. разошелся в считанные дни. Ее публикация стоила автору кратковременного ареста египетской полицией. См.: Аль-аамаль аль-камиля ли ш-шахид ад-дуктур Фатхи аш-Шкаки [Полное собрание сочинений мученика доктора Фатхи аш-Шкаки] / Ред. Рифаат Сид Ахмед. Каир: Яфа, 1997. Т. 1. С. 53, 459–534.

¹⁵⁸ О движении палестинского исламского джихада см.: Abu-ЛтгZ. *Op. cit.* Ch. 4; Rekhess E. *The Iranian Impact on the Islamic Movement in the Gaza Strip // The Iranian Revolution and the Muslim World.* P. 189–206; Legram J. F. *Les voix du soulèvement palestinien.* Le Caire: CEDEJ, 1991. P. 14–15. Основные работы Фатхи аш-Шкаки, убитого на Мальте 26 октября 1995 г. агентами «Моссад», были сведены в упомянутый выше сборник египетским исламистским публицистом Рифаатом Сид Ахмедом.

штаб-квартиры в далекий Тунис. Вокруг лозунга джихада возникло движение, в которое входили самостоятельные группы: 159 проводившиеся с 1983 года показательные акции продемонстрировали решимость групп, совершавших акты насилия (среди подобных инцидентов, широко освещавшихся прессой, было нападение с применением гранат на новобранцев израильской элитной бригады, направлявшихся в октябре 1986 года для принесения присяги к Стене плача в Иерусалиме). Эти акции устраивались с целью сломать представление о непобедимости еврейского государства и заставить уже его самого бояться палестинцев. В этом смысле джихад сыграл роль детонатора интифады, палестинского восстания, вспыхнувшего в конце 1987 года. Однако, как мы увидим ниже, «Исламскому джихаду» не удалось возглавить освободительное движение. Израильские репрессии против него были достаточно эффективны, а к руководству восстанием очень скоро пришли гораздо более влиятельные ООП и «Братья-мусульмане». Тем не менее в период спада борьбы в первой половине 80-х годов «Исламский джихад», вдохновленный иранским примером, сыграл решающую роль в возрождении и исламизации палестинского движения. Он способствовал повышению значимости данного движения и придал ярко выраженное исламистское измерение делу Палестины как главной заботе арабского национализма.

Но самые глубокие последствия исламской революции на Ближнем Востоке сказались не в Палестине, где ее пример послужил лишь источником вдохновения для «Джихада», а в соседнем Ливане. Ситуация там внешне представлялась особенно благоприятной для экспорта революции: пламя гражданской войны, вспыхнувшей в июне 1975 года, уничтожило авторитет государства, не способного выполнить свою конституционную функцию гаранта и арбитра равновесия между христианами и мусульманами. Оккупация части территории войсками Сирии, вошедшими в Ливан в июне 1976 года под предлогом восстановления мира, постепенно привела к фактическому превращению страны в сирийский протекторат. А израильское вторжение 1982 года, завершившееся в 1983 году с созданием на границе между двумя странами «зоны безопасности», патрулировавшейся Армией Южного Ливана — милицией, оплачивавшейся еврейским государством, — окончательно уничтожило баланс сил, покончив с палестинским военным присутствием на юге страны. Этот вакуум заполнило прохоемнистское шиитское движение «Хизбаллах».

До 1982 года шиитская община представляла собой бедного родственника в ливанской конфессиональной семье. Шииты традиционно проживали на неплодородных землях юга страны, в районе Джебель Амиль, и в долине Бекаа — территориальном анклавом вокруг Баальбека, стиснутого с двух сторон горными хребтами Ливана и Антиливана. Община получила лишь скудную порцию политических постов в соответствии с «Национальным пактом» 1943 года, который отдал христианам-маронитам пост президента республики, а мусульманам-суннитам — пост председателя совета министров. Шиитам пришлось довольствоваться постом председателя палаты депутатов — должностью с весьма ограниченными властными полномочиями, которую занимали несколько семейств нотаблей, культурно оторванных от жизни массы своих единоверцев. Будучи в основном сельской, община как таковая осталась незатронутой волной модернизации и развитием образования, которая коснулась элит других общин и сделала Бейрут интеллектуальной столицей арабского мира. В шиитской среде религиозные лидеры сохраняли большое общественное влияние. Значительная устойчивость деревенских традиций и бедность обусловили в ней более высокие темпы рождаемости, чем в других общинах. В 70-е годы это привело к изменению в пользу общины демографического баланса, на котором было выстроено политическое представительство, хотя последнее при этом не изменилось. Более того, часть молодого поколения шиитов, не в силах прокормиться трудом на земле, подалась в южные пригороды столицы, где она составила слой неимущей городской молодежи —

---

159 Об организационных аспектах этого движения см.: Legram J.-F. *Autonomie palestinienne: La politique des neo-notables* // *Revue d'Etudes du Monde musulman et mediterraneen*. 1996. Vol. 81–82. № 3–4. P. 153–206.

многочисленной, недовольной своей участью и слабо отождествлявшей себя с Ливанским государством.¹⁶⁰ У шиитов это явление было более заметным, чем в других конфессиях. Здесь мы встречаем в гипертрофированном виде основные характерные признаки социальных перемен, сделавших возможным возникновение в 70-е годы исламистских движений, как мы описали эти перемены в предыдущей главе: демографический взрыв, бегство из сел в города, маргинализация в городской среде. Именно в этой атмосфере приехавший из Ирана в 1959 году имам Муса Садр¹⁶¹ основал в 1974 году «Движение обездоленных» («Харакат аль-махрумин»), более известное по названию его вооруженной милиции, «Амаль» («Надежда»). Движение ставило перед собой целью социальную поддержку беднейшей шиитской молодежи. Не встав на путь религиозного радикализма, характерного для хомейнистской версии шиизма, это движение тем не менее положило начало изменению состояния умов, сравнимого с тем, которое было вызвано деятельностью Шариати в Иране: на смену пассивности, культу страданий и плачу по мученической гибели Хусейна, убитого в Кербеле по приказу злого суннитского халифа Язида в 680 году, пришло движение с четкими требованиями, изменившее смысл религиозной символики. Оно сделало из этой символики доктринальную основу мобилизации против социальной несправедливости, что впервые в истории возвело всеми презираемых ливанских шиитов в ранг полноправного политического субъекта, дав им чувство собственного достоинства. Когда на следующий год разразилась гражданская война, движение встало на «левоисламские» позиции, хотя его основоположник Садр никогда не скрывал своего враждебного отношения к коммунизму и социализму.¹⁶² Многие молодые шииты погибли в боях, встав в первые ряды сражавшихся. В августе 1978 года во время пребывания в Ливии имама Садра произошло его таинственное исчезновение. Многие полагали, что он был убит по приказу полковника Каддафи в силу не выясненных до конца причин. Самые приверженные почитатели имама считали, что имам Садр — это Махди (мессия) шиитов и что он исчез, чтобы вернуться накануне Конца света.¹⁶³ Во главе «Амаль» встал светский политический деятель Набих Берри, не обладавший харизмой Садра. В марте того же года «операция Литани» — длительная израильская военная экспедиция на юге Ливана — ускорила приток в пригороды Бейрута большого числа шиитов, пополнивших ряды бедной городской молодежи. В это же время в Иране хомейнистское духовенство завоевывало господство в революционном движении, которое в будущем свергнет шаха.

Несмотря на социальное недовольство неимущей ливанской шиитской молодежи и энтузиазм, с которым она встретила победу иранской революции в феврале 1979 года, вожди движения «Амаль», равно как и лидеры общины, не хотели подпадать под влияние иранских событий. После исчезновения имама Садра у духовенства не осталось столь же яркой

---

¹⁶⁰ О социологии ливанской шиитской общины и процессах в ней в 70-е годы см.: Norton A.R. *Amal and the Shi'a: Struggle for the Soul of Lebanon*. Austin: University of Texas Press, 1987. P. 13–38.

¹⁶¹ Отсылаем читателя к авторитетному труду Фуада Аджамии (см.: Ajami F. *The Vanished Imam: Musa al Sadr and the Shia of Lebanon*. N. Y.: Cornell University Press, 1986).

¹⁶² До середины 70-х годов крайне левые ливанские движения, в частности «Организация за коммунистическое действие в Ливане» (ОКДЛ), более известная по своему арабскому названию «Аль-Муназзамэ» («Организация»), активно привлекали в свои ряды молодых образованных шиитов — горожан в первом поколении. Поддержкой этой же социальной группы стремилось заручиться движение Мусы Садра.

¹⁶³ Именно к этому поверью отсылает нас название книги Фуада Аджамии «*The Vanished Imam*» («Исчезнувший имам»). Согласно преданию, имам Махди, Мухаммад бен аль-Хасан ал-Худджа («Доказательство [Бога для людей]») аль-Каим («Исполнитель [повелений Бога]») аль-Мунтазар («Ожидаемый [махди]»), исчез в 874 г.

фигуры, а ряды самых решительных сторонников Хомейни полнились малоизвестными молодыми муллами, вернувшимися после нескольких лет обучения в семинариях Неджефа в Ираке. Там они познакомились с идеологией *велят-е факих*. Осознав, что их бывшие одноклассники стали хозяевами Тегерана, они мечтали теперь об исламской республике. Однако в условиях многоконфессионального Ливана это выглядело совершеннейшей утопией, а сама шиитская община, шедшая за движением «Амаль», была, казалось, более озабочена повседневными проблемами ливанского общества, нежели идеологическими экспериментами по иранским рецептам. Влияние этих молодых мулл будет оставаться минимальным вплоть до 1982 года, когда в июле этого года Израиль начнет военную операцию «Мир в Галилее», чтобы покончить с присутствием на юге Ливана вооруженных формирований палестинцев, чьи ракетные удары достигали еврейских населенных пунктов на севере Галилеи. Армия еврейского государства дошла до пригородов Бейрута, изгнав оттуда силы ООП. На первых порах она пользовалась симпатией шиитов, страдавших от присутствия феодалов, которые вели себя подобно хозяевам ливанского Юга; шииты, казалось, были рады изгнанию воинственных палестинцев. Однако со временем израильская оккупация сказалась на региональном соотношении сил. Она способствовала установлению в Бейруте прозападного режима. Избавившись от ООП и получив поддержку Израиля в противостоянии с Сирией, маронитские руководители заключили мирный договор с еврейским государством.

Дамаск, не имея средств вести обычную войну против израильской армии в Ливане, помог тогда формированию самых радикальных группировок внутри шиитской общины, с тем чтобы сделать их авангардом оппозиции тому направлению, которое принимала ливанская политика. Сирия дала разрешение на дислокацию нескольких сотен иранских стражей революции, *пасдаранов*, в долине Бекаа, которая находилась под ее контролем. Тем самым она позволила Исламской Республике стать непосредственным участником ливанских событий и получить единственную возможность с успехом экспортировать в Ливан свою революцию. В тот же период в рядах «Амаль» произошел раскол: официальный представитель организации, Хасан аль-Мусави, создал «Исламскую Амаль», поддерживавшую линию Хомейни. Во второй половине 1982 года аятолла Мохташеми, посол Исламской Республики Иран (ИРИ) в Дамаске, объединил различные шиитские группы и отдельных духовных лидеров данной ориентации из долины Бекаа, Южного Ливана и пригородов Бейрута в политическую организацию, которая — наподобие иранской хомейнистской партии — получила название «Хизбаллах» («Партия Аллаха»).¹⁶⁴ В декабре в Баальбеке была провозглашена Исламская Республика Ливан. Данная инициатива носила скорее символический, нежели практически значимый характер, хотя эта «Исламская Республика» выпустила даже свои почтовые марки. Она существовала литтть в зоне, подконтрольной общинной милиции, подобно тому как маронитская или друзская милиции контролировали свои горные районы, а сирийская и израильская армии — соответственно восток и юг страны. Однако этот акт говорил о стремлении распространить революцию за пределы иранских границ и представлял собой сигнал опасности для ее противников в регионе.

Вплоть до конца 80-х годов ливанская «Хизбаллах» выполняла двойную функцию: с одной стороны, сам факт существования организации свидетельствовал о нараставшей радикализации шиитской общины, с другой — «Хизбаллах» являлась инструментом проведения иранской политики в регионе. Активная благотворительная деятельность внутри общины, пользовавшаяся значительной организационной и финансовой поддержкой

---

¹⁶⁴ О ливанской партии «Хизбаллах» и ее связях с Ираном см.: Kramer M. The Pan-Islamic Premise of Hizballah // The Iranian Revolution and the Muslim World. P. 105.0 значении исламистской партии в Ливане и ее участии в геополитической игре в роли орудия Ирана в его борьбе с Западом см.: Ranstorp M. Hizb'Allah in Lebanon: The Politics of the Western Hostage Crisis. N. Y.: St Martin's, 1997.

Ирана,¹⁶⁵ обеспечивала перераспределение ресурсов в пользу неимущей молодежи, которое шло через входивших в партию представителей духовенства. Таким образом, «Хизбаллах» смогла объединить две составляющие современного исламистского движения: обездоленную молодежь (выводя ее из-под влияния «Амаль», которое направляло молодежь на выполнение скорее социальных, нежели идеологических задач), и экстремистов-интеллектуалов. Последние объединились вокруг «ядра» в лице молодых религиозных лидеров, сторонников воинственной идеологии, способной мобилизовать массы последователей на осуществление утопии идеального исламского государства, совершенно оторванной от реалий страны. Однако «Хизбаллах» не удалось привлечь на свою сторону религиозный шиитский средний класс: нотабли общины были склонны следить за реальным равновесием сил в ливанском обществе, нежели принимать в расчет движение «Амаль» во главе с Набихом Берри. Кроме того, традиционные шиитские лидеры сохраняли дистанцию в отношении Тегерана. В первые годы существования «Хизбаллах» в ее рядах не было преданных представителей буржуазии, которые финансировали бы движение, с тем чтобы оно приняло умеренную в социальном плане идеологию. Поскольку финансирование шло из внешних источников — в основном из Тегерана, — «Хизбаллах» не испытывала никакой внутренней необходимости перехода на позиции политического реализма, поэтому радикализм движения не знал предела. Движение выражало социальный гнев обездоленных, жажду самопожертвования, культивируемую хомейнистскими проповедниками, а также интересы Сирии и Ирана, использовавшими террористические действия членов партии в своих собственных целях. Сирии нужно было уничтожить израильское и западное влияние в Ливане, Ирану — оказывать давление на Запад путем взятия в заложники западных граждан. Это позволяло нейтрализовать поддержку, которую Европа и США оказывали Ираку в течение восьмилетней войны, развязанной Саддамом Хусейном в сентябре 1980 года. Методы мобилизации масс, ранее взятые на вооружение «Амаль», были использованы в более «хомейнистском» духе: превращение дней памяти по мученической смерти имама Хусейна в акции по повышению сознательности общины стало для «Хизбаллах» поводом к яростным выступлениям против «врагов ислама». В зонах, контролировавшихся партией, где государственная власть уже не защищала собственников, участки и здания были оккупированы и перераспределены. Эти акции принесли огромный авторитет «Хизбаллах». Они пользовались огромной популярностью у обездоленных слоев населения, в среде которых вербовались добровольцы-смертники по примеру иранских *басиджей*, воевавших на иракском фронте. Всё это придавало движению «Хизбаллах» исключительную боеспособность в сравнении с другими ополчениями, военная активность которых не была поддержана таким же религиозным рвением.

В 1983 году «Хизбаллах» осуществила две акции, превратившие эту организацию в важный геополитический субъект. После израильского вторжения христианская милиция при попустительстве израильского командования и с молчаливого одобрения еврейского государства совершила 15 и 16 сентября 1982 года массовые убийства палестинских беженцев в лагерях Сабра и Шатила в пригороде Бейрута, что вызвало международный скандал. Чтобы предотвратить подобные зверства, в Ливан были направлены Многонациональные силы, в состав которых вошли американские, французские и итальянские войска. Однако Дамаск, Тегеран и их местные союзники восприняли это как усиление западного присутствия в Ливане. 23 октября 1983 года «Хизбаллах» организовала и провела нападения смертников на французский и американский контингенты из состава Многонациональных сил, закончившиеся многочисленными жертвами.¹⁶⁶ 4 ноября

---

¹⁶⁵ Финансовая помощь, оказанная ИРИ в 1982–1989 гг. ливанской «Хизбаллах», оценивается в полмиллиарда долларов, см.: Norton A.R. Lebanon: The Infernal Conflict and the Iranian Connection // The Iranian Revolution: Its Global Impact. P. 126.

¹⁶⁶ В результате взрыва погибли 241 американский морской пехотинец и 56 французских легионеров. В

аналогичная акция была предпринята против штаб-квартиры оккупационного командования израильской армии в Тире. Количество жертв было столь внушительным, что все три государства поспешили вывести свои войска. Таким образом, был положен конец прозападной ориентации Ливанского государства и восстановлена гегемония Сирии, которую отныне она не собиралась утрачивать. Народное движение «Хизбаллах», поддержанное Ираном (и поощряемое Дамаском), оказалось способным нанести могущественным государствам Запада значительный военный урон, а затем и политическое поражение. В итоге оно снискало ореол исключительности не только среди шиитов, но и у других противников израильского и западного присутствия в Ливане.

Начиная с лета 1982 года, особенно в период с 1984 по 1988 год, «Хизбаллах» в качестве инструмента интересов Исламской Республики приступила к широкомасштабному захвату заложников, граждан тех стран, на которые Тегеран хотел оказать давление. Несколько похищений были совершены единственно с целью получения выкупа или отдельной частной выгоды. В большинстве же случаев мотивами захвата заложников было выполнение заказов иранских спецслужб. Этим объясняется то, что «Партия Аллаха» ни в одном из случаев «официально» не взяла на себя ответственность за совершение того или иного террористического акта. В роли исполнителей выступали различные группировки. Это от их имени подписывались листовки с требованиями выкупа под угрозой казни заложников или информацией о приведении в исполнение «приговоров».¹⁶⁷ «Хизбаллах» выступала в роли посредника, способствующего поиску решений, то есть в роли получателя выкупа, который шел на помощь «сиротам и нуждающимся», находившимся на их попечении.

В середине 80-х годов захват заложников принял крайнюю форму противостояния Исламской Республики и ее врагов. Это противостояние носило завуалированный характер, но тем не менее такая тактика позволила Тегерану разжечь тиски, в которых оказался Иран в результате войны с Ираком, и смягчить враждебное к Республике отношение со стороны западных и арабских государств. Им дали понять, что любая враждебная акция против Ирана может вызвать ответную волну терроризма против ее заказчиков и исполнителей. Целью многочисленных похищений людей было освобождение или помилование исламистских шиитских террористов, находившихся в тюрьмах различных стран и обвинявшихся в организации взрывов и убийствах. Так, в Кувейте прохоейнистские активисты, среди которых было несколько ливанцев, были арестованы и приговорены к смертной казни за совершение ряда преступлений, в том числе за нападения на американское и французское посольства в декабре 1983 года.¹⁶⁸ Во Франции ливанский шиитский интеллигент-революционер Анис Наккаш, связанный с иранским истеблишментом, был отправлен в тюрьму за попытку убийства Шапура Бахтияра — последнего премьер-министра при шахе и противника Исламской Республики, бежавшего в Париж. Аресты активистов, фигурировавших в делах о терроризме, прошли в Германии и Швейцарии. Помимо освобождения своих сторонников, захваты заложников вписывались в контекст войны Ирана против Ирака. Франция поставила Ираку партию ультрасовременных истребителей-бомбардировщиков и отказывалась возместить кредит, подписанный при шахе и связанный с европейской ядерной программой Евродиф.¹⁶⁹ США, заморозившие все

Тире число жертв составило 29 человек, из них 10 — ливанцев.

¹⁶⁷ См.: Ranstorp M. Op. cit. P. 86. В книге приводится точная хронология и анализ методов и целей похищения и взятия заложников.

¹⁶⁸ В этих акциях, предпринятых в отместку за оказание Кувейтом финансовой помощи Ираку в его войне против Ирана, были замешаны активисты иракской партии «Даава», а также ливанские активисты движения «Амаль», связанные родственными узами с руководителями этого движения.

¹⁶⁹ Давление, оказываемое на Францию, проявилось также в серии терактов, совершенных в Париже и провинциях страны в 1985–1986 гг.

иранские авуары в отместку за захват американского посольства в Тегеране 4 ноября 1979 года, держали в руках ключ к поставкам запчастей для армии Исламской Республики, вооружение которой было американским. Таким образом, захват заложников, воздействуя на общественное мнение названных стран, влиял на их внутреннюю политику. В случае Франции террористы и их спонсоры использовали в своих целях приближение выборов 1986 и 1988 годов. В США каждый американский гражданин помнил о том, что Джимми Картер проиграл Рональду Рейгану потому, что не сумел решить первую же проблему, возникшую в связи с захватом заложников, — проблему дипломатов, аккредитованных в Тегеране, пленение которых длилось 441 день.

В 1985 году начались секретные переговоры с целью поставок вооружений и запчастей иранской армии в обмен на освобождение заложников в Ливане. Эти переговоры провалились после обнаружения фактов об их проведении одной из противившихся их ходу иранских фракций.¹⁷⁰ Разразился скандал, названный «Ирангейтом», который долго сказывался на президентстве Рональда Рейгана.

Развитие движения «Хизбаллах» в ливанской шиитской общине было единственным успешным примером экспорта исламской революции. Она смогла породить исламистское движение, в которое муллам удалось вовлечь бедную шиитскую молодежь темами, лозунгами и действиями, схожими с темами, лозунгами и действиями в Иране. Она также использовала это движение, чтобы с помощью терроризма шантажировать враждебные государства. Успехи революции, однако, были ограничены как в пространстве, так и во времени. В самом деле, ни в одной другой стране мусульманского мира не возникло движения, сравнимого с ливанским «Хизбаллах», проводившим в жизнь политическую линию Хомейни. Распад Ливана, деление территории страны на зоны, контролировавшиеся соперничавшими вооруженными группировками, — вот обстоятельства, благоприятно сказавшиеся на развитии этого исламистского движения. В суннитском мире восприятию воинствующей исламистской политической культуры препятствовал ее лексикон, слишком сильно маркированный шиитской символикой, несмотря на усилия небольших групп активистов, пытавшихся преодолеть различия двух доктрин. Шиитские общины Пакистана, Индии, арабских стран Залива не имели той социальной и демографической специфики, какая сложилась в Ливане, где неимущая, недавно урбанизованная и получившая образование в 80-е годы молодежь была значительно более многочисленной и более обездоленной, чем это было в других конфессиях.

Однако в начале 80-х годов аналитики и политические деятели во всем мире, пораженные успехом исламской революции в Иране, не располагали достаточным историческим промежутком времени для того, чтобы реально оценить ее потенциал. Зачастую они переоценивали ее силы и недооценивали слабости. Тегеранские же правители, напротив, быстро осознали реальную притягательность своих идей. Организуемые ими международные конференции и конгрессы сторонников привлекали к себе внимание лишь маргинальных исламистских интеллектуалов и некоторых молодых улемов, из которых лишь немногие имели влияние на религиозную жизнь своих стран.¹⁷¹ Пропагандистский аппарат,

---

¹⁷⁰ Секретные переговоры с США были санкционированы Рафсанджани — председателем парламента, будущим президентом ИРИ. Они подверглись резкому осуждению со стороны потенциального «наследника» Хомейни в качестве вождя революции аятоллы Монтазери. Последний был поддержан основным творцом «радикальной» линии на экспорт революции Мехди Хашеми, организовавшим «утечку» информации об этих переговорах. Это стоило аятолле Монтазери опалы, а Мехди Хашеми — жизни: в 1987 г. он был казнен. Данный случай вскрыл наличие разногласий в иранском истеблишменте по вопросу отношений с остальным миром между «реалистами» и «радикалами». Однако вплоть до смерти Хомейни в июне 1989 г. эти разногласия оставались малозаметными.

¹⁷¹ В январе 1982 г. власти Тегерана организовали и провели «международный форум имамов и проповедников» в ознаменование годовщины рождения Пророка, в то время как муфтий Саудовской Аравии, шейх Бен Баз, провозгласил фетву, осуждавшую торжества как еретические (ваххабиты приравняли эти

журналы на разных языках оказались не на высоте революционных устремлений и не могли противостоять тяжелой артиллерии саудовского прозелитизма. Вот почему Иран, в духе своего исламистского популизма, сконцентрировал силы на подрывной работе против самого уязвимого места своего противника и самой сокровенной ценности его религиозной легитимности — организации паломничества в Мекку. Однажды возглавив массовые шествия, завершившиеся победой исламской революции, правители Тегерана чувствовали себя в силах повести за собой толпы манифестантов во время двухмиллионного собрания паломников.

В шиитской традиции хадж в Мекку пользуется огромным престижем, хотя многочисленные верующие совершают также паломничество к святым местам шиизма: к гробницам имамов и членов семьи Пророка в Неджефе и Кербеле (Ирак), в Мешхеде и Куме (Иран), мавзолею Сайиды Зейнаб (Сирия). Об особой политической значимости самого большого форума мусульман планеты говорили революционные шиитские мыслители. Али Шариати посвятил этому целый труд, в котором показал, какую пользу могут извлечь из хаджа «обездоленные», учитывая их численность и силу, в борьбе против врагов ислама. Первый хадж после революции в сентябре 1979 года стал для иранских паломников возможностью поделиться своими взглядами и идеями и довести их до мусульман всего мира, не вступая при этом в борьбу против саудовских властителей, к которым они имели две основные претензии. Прежде всего, ваххабитская концепция паломничества рассматривалась как враждебная шиитскому благочестию: хозяева Мекки разрушили (как уже говорилось в предыдущей главе) гробницы имамов в Медине, оставив от них лишь бесформенные руины на кладбище, обнесенном высокими стенами.¹⁷² С другой стороны, стремление саудовских властей избежать любых эксцессов шло вразрез с революционным духом, в котором иранские руководители трактовали хадж.

Первые серьезные инциденты случились во время хаджа 1981 года. Несмотря на предупреждения городских властей Мекки и предварительные переговоры с Тегераном, семидесятипяти тысячная толпа иранских паломников с портретами Хомейни в руках, скандируя антиамериканские и антиизраильские лозунги, бросила вызов саудовской монархии в самом ее сердце, в месте, обеспечивавшем ей престиж и превосходство в мировом исламском пространстве. Для Ирана, территория которого год назад была захвачена иракской армией при поддержке — по крайней мере, неявной — арабских государств, паломничество становилось поводом к столкновению, в котором Тегеран не имел мотива для проявления сдержанности. На следующий год саудовские власти, опасаясь новых инцидентов, грозивших еще более уронить их авторитет, были вынуждены пойти на переговоры с представителем Хомейни по делам паломников. Им был *ходжат-уль-ислам* Хоиниха, самый оголтелый выразитель интересов духовенства, вдохновлявший студентов на захват американского посольства в Тегеране. Тем не менее манифестации, закончившиеся столкновениями с полицией, все же произошли. Их результатом были десятки раненых и сотни арестованных, среди которых оказался и сам Хоиниха.

В 1983–1986 годы два противника пришли к компромиссу, который показал слабость саудовцев: они были заинтересованы в том, чтобы избежать конфликтов, катастрофических

празднования к обожествлению человека, будь то сам Пророк, в то время как только Бог может быть объектом поклонения правоверных). В противовес ваххабитскому догматизму этот форум стал местом встречи шиитов и суннитов и их совместного выражения почитания Мухаммада. Однако это событие не получило большого резонанса. Лучше была организована первая конференция (1982 г.), в которой приняли участие 130 делегатов. На третью встречу, в мае 1984 г., собрались около 500 чел., прибывших из 60 стран мира. См.: Kramer M. *Intra-Regional and Muslim Affairs // Middle East Contemporary Survey* [далее — MECS]. Boulder: Westview Press, [1981–1982]. Vol. 6. P. 290; [1983–19894]. Vol. 7. P. 240; Vol. 8. P. 168.

¹⁷² Кладбище Баки считается местом погребения дочери Пророка Фатимы, супруги Али, от которых ведут свою родословную шииты, и четырех имамов. Во время захвата Медины кладбище было разгромлено ихванами Ибн Сауда.

для их имиджа. Взамен на обязательство Ирана проявлять «умеренность» саудовские власти вынуждены были согласиться на существенное увеличение ежегодной квоты для иранских паломников, достигшей 150 тысяч человек,¹⁷³ и позволить им проводить сборища, на которых прославлялась революция и проклинались ее враги как вне исламского мира, так и внутри его. Так, с помощью уступок в сфере, которую саудовская монархия считала областью ее собственного суверенитета,¹⁷⁴ Эр-Рияд сохранял внешние приличия. За эти годы положение на иракско-иранском фронте изменилось в пользу Тегерана, так что саудовская осторожность вписалась в контекст происходивших событий.

Зато паломничество 1987 года приняло драматический оборот: 31 июля иранцы, заподозренные в намерении захватить Большую мечеть после разрешенной демонстрации, были заблокированы полицией. В результате столкновений погибло более 400 человек, что вызвало скорбь по всему мусульманскому миру. Поскольку точные обстоятельства инцидента не были прояснены, каждая из сторон возложила ответственность за случившееся на оппонента, что положило конец четырехлетнему относительно мирному сосуществованию. В ноябре Иран созвал конференцию, призывавшую освободить Мекку из «когтей Саудитов», но участие в ней иностранных делегатов свелось к присутствию привычных попутчиков исламской революции. Ни один из влиятельных политических актеров мусульманского мира не поддержал идеи Тегерана. Месяцем раньше на чрезвычайный съезд Всемирной исламской лиги приехало множество сторонников саудовской линии: политический итог столкновения был в пользу королевства, которое добилось консенсуса в поддержку восстановления порядка и возобновления своего контроля над хаджем. В следующем году на сессии Организации Исламской конференции Саудовская Аравия провела проект предоставления каждой мусульманской стране квоты из расчета один паломник на тысячу верующих. По этому положению иранский контингент паломников уменьшался на две трети, ко всему прочему им было запрещено устраивать манифестации и собрания. В данной ситуации Ирану ничего не оставалось делать, как бойкотировать паломничество, чему предшествовал разрыв дипломатических отношений между двумя странами.¹⁷⁵ На военном фронте Ирак возобновил наступление, и 18 июля 1988 года Иран был вынужден пойти на подписание перемирия, положившего конец восьмилетней войне. Аятолле Хомейни пришлось выпить «чашу с ядом» во имя спасения революции, отказавшись от стремления «наказать агрессора» и изгнать Саддама Хусейна. Саудовский режим воспользовался ослаблением Тегерана для закрепления своих позиций и восстановления полного контроля над паломничеством в Мекку. В 1989 году Иран вновь бойкотировал хадж, показав, что он утратил инициативу на этом фронте. Но он проявил ее в ином плане: 14 февраля Хомейни издал фетву, приговаривавшую к смерти Салмана Рушди. Эта новая инициатива была направлена на прорыв изоляции, в которой оказалась исламская революция, устроенной недругами Ирана как внутри мусульманского мира, так и за его пределами.

Глава 2

Сдерживание Исламской революции: джихад в Афганистане

---

¹⁷³ Иранцы составили самую крупную группу паломников (около 18 % от их общего числа) в ситуации, когда саудовские власти, безотносительно к политическим соображениям, стремились убавить в целом их вал, возросший благодаря падению цен на авиабилеты и породивший неразрешимые проблемы

¹⁷⁴ Степень иранского давления была напрямую связана с успехами боевых действий против Ирака (в 1984 г. в войне наметился перелом в пользу Ирана) и попытками Тегерана вбить клин между Саудовской Аравией и Саддамом Хусейном.

¹⁷⁵ Об истории паломничества в Мекку см.: Kramer M. Intra-Regional and Muslim Affairs. О хадже 1987 г. см.: Idem. Tragedy in Mecca.

У американских руководителей и их консервативных арабских союзников, в первую очередь у Саудовской Аравии, исламская революция в Иране вызывала растущие опасения: в первые месяцы яростная тональность антизападных и революционных лозунгов внушала тревогу, но США поддерживали контакт с правительством Мехди Базаргана. Однако события конца 1979 года ознаменовали резкое изменение в восприятии революции: за захватом американского посольства в Тегеране и пленением дипломатов последовало вступление Красной Армии в Афганистан в конце декабря. В тогда еще биполярном мире, где всё, что ослабляло Вашингтон, было хорошо для Москвы, стремительная последовательность этих двух событий вписала пертурбации в регионе в контекст важнейших — после Ялтинских соглашений — геополитических ставок планеты. Исламская революция породила озабоченность у Запада и его союзников в мусульманском мире своей непредсказуемостью и приводящими в замешательство религиозными лозунгами. Захват Большой мечети в Мекке 20 ноября внес еще большую путаницу в оценку происходивших событий. Более того, дестабилизация одного из основных военных союзников США в важнейшем нефтеносном районе планеты облегчала доступ сюда Советского Союза, который уже начал свое опасное продвижение, устремившись на выручку коммунистическому режиму в Афганистане. Казалось, что в сентябре 1979 года Советы поймали попутный ветер: Красная Армия вступила в Кабул, а американцы претерпели никогда ими прежде не испытываемое унижение в Тегеране. Через десять лет последует крах коммунистической системы. Одной из основных причин, ускорившей ее падение, станет поражение в Афганистане.

Стратегия *сдерживания*, принятая правительством США для «заманивания медведя в западню», заключалась в оказании широкомасштабной помощи афганскому сопротивлению, значительная часть которого принадлежала к исламистскому движению: поначалу все моджахеды подчеркивали свою мусульманскую идентичность в самом широком смысле слова. Саудовская Аравия и богатые консервативные монархии Залива очень активно участвовали в финансировании афганского джихада. Эти государства, стоявшие за спиной США, принимали участие в предприятии, которое должно было отдалить Советский Союз от их границ, и предоставляли «отдушину» столь же радикальную, как и исламская революция, но отличную от нее всем активистам суннитского исламизма, которые, будучи вдохновлены примером Хомейни, мечтали расправиться с безбожниками. Превратив джихад в Афганистане в главную задачу воинствующего исламизма 80-х годов, саудовские власти защищали великого американского союзника — не меньшего сторонника этой борьбы — от мести суннитских активистов, подставляя вместо него Советский Союз в качестве козла отпущения.

Саудовская Аравия и монархические режимы Персидского залива рассчитывали восстановить свой престиж и религиозную легитимность в ответ на филиппики Ирана. Но они имели дело с непредсказуемыми союзниками: сначала с афганскими моджахедами, из которых лишь некоторые группы принадлежали к ваххабитскому течению, затем — с наиболее экстремистским крылом мирового исламского движения — сторонниками вооруженного джихада. В лагерях и на тренировочных базах в окрестностях Пешавара, столицы северо-западной пограничной провинции Пакистана, где расположилась большая часть из трехмиллионной массы беженцев,¹⁷⁶ образовался «культурный бульон» международного исламизма, в котором афганцы смешались с арабами и мусульманами со всего мира. Здесь, в одном месте, завязывали отношения носители различных концепций и традиций. Этот маленький мир был открыт всем ветрам. Расположенный на пересечении потоков арабских денег, американского оружия и трафика героина, он буквально кишел

---

¹⁷⁶ К 3 млн афганцев, бежавших в Пакистан, добавились около 2 млн их соотечественников, оказавшихся в Иране. В основном это были шииты, компактно проживавшие на западе Афганистана.

агентами спецслужб, в первую очередь пакистанской ISI¹⁷⁷ и американского ЦРУ. Он находился в контакте с крупными пакистанскими исламистскими организациями, в основном с «Джамаат-и ислами», основанной Маудуди, и сетью деобандских медресе. Последние по такому случаю вышли из своей локальной ниши, чтобы влиться в мировой ислам. Здесь происходили странные оплодотворения и прививки, появлялись самые неожиданные гибриды. Эта среда оправдала ожидания государств, ставших ее «крестниками», — США, Саудовской Аравии с ее соседями из стран Залива и Пакистана. Она сыграла ключевую роль в нанесении поражения СССР, затянула в себя, словно магнитом, «джихадистов»¹⁷⁸ со всего мира и дала альтернативу иранской революции. В то же время она имела собственную логику развития, которая в начале 90-х годов неизбежно обратилась против ее же крестных отцов.

В декабре 1979 года Красная Армия вступила в Афганистан для оказания поддержки испытывавшему трудности союзному режиму. Всё происходило по сценарию августа 1968 года, когда она также вошла в Прагу, чтобы положить конец «Пражской весне». Афганские коммунисты захватили власть 27 апреля 1978 года в результате государственного переворота, совершенного группой офицеров, разделявших их взгляды.¹⁷⁹ В коммунистическом движении существовали две группировки — фракция «Народ» («Хальк») и фракция «Знамя» («Парчам»). Коммунисты, как и их заклятые враги — исламисты, принадлежали к первому поколению, получившему образование в городе, в современных учебных заведениях западного типа.¹⁸⁰ Пользуясь благосклонностью советского руководства, обеспокоенного сближением афганского режима, с которым Москва имела свои связи, с двумя союзниками США — шахским Ираном и Пакистаном под руководством Зия-уль-Хака, в декабре 1978 года путчисты подписали Договор о дружбе между Афганистаном и Советским Союзом. Они начали проводить максималистскую политику аграрной реформы, ликвидации неграмотности и строительства социализма. Эта политика, сопровождавшаяся арестами тысяч людей и казнями, оттолкнула от них массы населения. Фракция «Хальк», отличавшаяся наибольшим экстремизмом, устранила фракцию «Парчам», руководители которой нашли убежище в Москве. Это произошло в ходе массовой чистки, затронувшей лидеров самой «Хальк».¹⁸¹ С апреля 1979 года восстания шли по всей

---

¹⁷⁷ Inter-Services Intelligence

¹⁷⁸ В дальнейшем термином «джихадист» мы будем называть иностранцев — добровольцев джихада. В 90-е годы радикальные сторонники джихада станут сами себя называть «салафитами-джихадистами» («салафийюн джихадийюн»).

¹⁷⁹ Коммунистический переворот, свергнувший режим принца Дауда (захватившего власть в 1973 г. и заставившего своего двоюродного брата, короля Захира, отречься от престола), был назван новыми правителями «революцией Саура» по названию месяца («Бык») мусульманского солнечного календаря, в который он был совершен. Подробнее см.: Akram A. Histoire de la guerre d'Afghanistan. P.: Balland, 1996.

¹⁸⁰ См.: Rubin h.R. The fragmentation of Afganistan: State Formation & Collapse in the International System. L.; N. Y.: Yale University Press, 1995. P. 81–105. Ch. 4. Автор этого авторитетного исследования по афганскому вопросу проводит параллель между социальным происхождением и культурной эволюцией коммунистов и исламистов. Особенностью Афганистана в этом плане являлся тот факт, что оба эти движения возникли одновременно, тогда как в остальном мусульманском мире исламистское движение сменяло на политической сцене коммунистов, пик активности которых пришелся на два предшествовавших десятилетия. Народно-демократическая партия Афганистана (коммунистическая) была основана в 1965 г., а первое исламистское движение — «Джамият-е джаванан-е муссультман» («Ассоциация молодых мусульман»), — созданное афганскими студентами, выпускниками университета Аль-Азхар, где они были подвержены влиянию подпольных групп египетских «Братьев-мусульман», впервые заявило о себе в 1968 г. в Кабульском университете.

¹⁸¹ Фракция «Парчам», руководимая Бабраком Кармалем, была отстранена от власти в июле 1978 г.

стране, и уже в декабре партия контролировала только города. Нараставшее массовое сопротивление сопровождалось эмиграцией кадров, спасавшихся от террора и чисток. Советская интервенция 27 декабря имела своей целью прежде всего положить конец самоубийственному «бегству вперед» правящего режима, которое угрожало самим устоям «строительства социализма»: ¹⁸² лидер «Хальк» был уничтожен, а его место занял лидер «Парчам» Бабрак Кармаль, прибывший в советском военном грузовике. Однако на международной арене это событие было воспринято под совсем иным углом зрения: в геополитическом плане вступление русских в Кабул рассматривалось как продолжение русско-британской «большой игры» XIX века, с помощью которой царь рассчитывал получить выход к теплым морям. В контексте системы, сложившейся после 1945 года, это означало явное нарушение мирового равновесия сил, закрепленного Ялтинскими соглашениями, и угрозу для безопасности Запада, особенно с учетом близости нефтяных месторождений Персидского залива и хаоса в Иране. Что же касается руководителей мусульманского мира, то они не были едины в оценке происходившего и в своей реакции на него. В 1979 году СССР еще имел много партнеров в арабском мире (Сирия, Южный Йемен, ООП и Алжир зависели от советской поддержки), которые не хотели ставить Москву в трудное положение. Так, прошедший в январе 1981 года саммит Организации Исламской конференции в Таифе (Саудовская Аравия), объявивший джихад за освобождение Иерусалима и Палестины — по этой формулировке мог быть достигнут консенсус, ¹⁸³ — отказался объявить джихад для освобождения Афганистана. Саммит ограничился призывом к исламским государствам сотрудничать с Генеральным секретарем ООН, чтобы положить конец ситуации, трагичной для афганского народа. ¹⁸⁴

Пропаганда джихада в Афганистане и его ведение были делом рук не мусульманских государств как таковых, а транснациональных исламских структур. Эти структуры сложились вокруг некоторых улемов и были связаны друг с другом через организации, уже давно существовавшие (такие, как Лига исламского мира) или созданные *ad hoc*. Эти организации принадлежали к консервативному (в широком смысле слова) «салафитскому» движению, объединявшему разные течения — от саудовских ваххабитов до «Братьев-мусульман». Афганский джихад претендовал на то, чтобы выражать волю обществ, вызывать народную поддержку и конкурировать с пропагандой Хомейни, апеллировавшего к народному исламу. Вначале нужно было, чтобы наиболее авторитетные местные улемы издали фетвы, интерпретировавшие советскую интервенцию как захват территории ислама (*дар альюшим*) неверными: согласно традиционной правовой доктрине, это позволяло объявить джихад от имени общины правоверных, то есть всей уммы. В данном случае речь шла об оборонительном джихаде, ¹⁸⁵ который, по законам шариата, является

Исторический лидер фракции «Хальк» Нур Мохаммед Тараки был задушен подушкой по приказу своего первого заместителя Хафизуллы Амина, захватившего власть 15 сентября 1979 г.

¹⁸² О мотивах советской интервенции и спорах по этому поводу среди советских руководителей отсылаем к свидетельствам непосредственных участников принятия данного решения (откровения которых стали возможными после исчезновения коммунистической системы) (см.: Akram A. Op. cit. P. 145, 582–601).

¹⁸³ Египет, подписавший мирный договор с Израилем, по этой причине был исключен из ОИК. Он вновь станет ее членом лишь в 1984 г.

¹⁸⁴ Тексты декларации, резолюций и рекомендаций третьей конференции ОИК в верхах см. в: MECS. 1980–1981. Vol. 5. P. 137–145.

¹⁸⁵ Исламское право (шариат) различает оборонительный и наступательный джихад. Первый объявляется, когда территория уммы подверглась нападению неверных и само существование ислама находится под угрозой. Вот почему улемы полагают, что с момента появления на сей счет фетвы (юридического заключения, основанного на священных текстах) все мусульмане обязаны принять участие в священной войне: взять в руки оружие или тем или иным способом помогать благословенному делу — денежными пожертвованиями,

индивидуальной обязанностью (*фард айн*) каждого мусульманина. Этот замысел содержал в себе весьма деликатные моменты: подобные транснациональные фетвы, призывавшие правоверных присоединиться к такому делу, как афганский джихад, против которого не могло выступать их правительство (в силу его дружбы с СССР),¹⁸⁶ таили в себе угрозу дестабилизации общественного строя. Кроме того, размытость, характерная для исламского религиозного пространства, отсутствие в нем иерархии власти (в отличие от католицизма, например) были чреваты созданием нежелательных прецедентов. Самые непримиримые улемы могли извлечь из этой ситуации аргумент в пользу вынесения фетв, объявлявших джихад в любом другом месте, раскручивая тем самым неконтролируемую спираль (что и случилось в конце 80-х годов, как мы это увидим ниже). Таким образом, было важно, чтобы этот призыв к мусульманам всего мира встать на джихад в Афганистане был, с одной стороны, достаточно широко распространен (дабы составить достойную конкуренцию Ирану), а с другой — тщательно организован, чтобы в один прекрасный день не обернуться против своих же инициаторов. Саудовские дирижеры вступали здесь на очень скользкий путь.

В первое время — до середины 80-х годов — международная исламская солидарность с афганскими моджахедами выражалась в основном в финансовой поддержке, дополнявшей военную помощь со стороны США, и в сотрудничестве с пакистанскими организациями, занимавшимися адресным распределением помощи. С 1984–1985 годов она приняла форму постоянно возрастающего присутствия иностранных (в основном арабских) джихадистов, сначала в районе Пешавара, а затем и на самой афганской территории.

Афганские моджахеда принадлежали к разнородным движениям. Их общая апелляция к исламу, выражавшаяся прежде всего в неприятии коммунизма, навязывавшегося «сверху» после апрельского переворота 1978 года, охватывала широкий спектр течений — от мистических (суфийских) братств и «Братьев-мусульман» до групп, связанных с саудовским ваххабизмом. В социальном, этническом, политическом и военном плане эти течения представляли собой различные составляющие. Первая линия водораздела проходила между исламистскими ассоциациями, преимущественно городскими и студенческими по составу, и традиционными религиозными группами, более уверенно себя чувствовавшими в сельской местности и среди племен. Первые следовали линии, начертанной египетскими «Братьями-мусульманами» — под их влиянием выросло первое поколение афганских исламистов, обучавшихся в Каире в университете Аль-Азхар. Возникшее в 1958 году на богословском факультете Кабульского университета, это движение переживало в 60-е годы длительный период вызревания, в течение которого были переведены труды Кутба и Маудуди. В 1968 году была создана Организация исламской молодежи, которая одержала

благотворительной деятельностью, молитвой и пр. Но если джихад объявляется в целях нападения на «территорию неверных» (кдар аль-куфр»), ее завоевания и подчинения местных жителей закону ислама, он является лишь коллективной обязанностью («форд кифайя»), лежащей на военачальнике и его людях: остальные мусульмане освобождены от нее. На эту тему имеется лишь ряд относительно старых работ. О классических текстах, освещающих данный вопрос, см.: Moraha A. *Le gihad dans l'islam medieval: Le combat sacre des origines au douzieme siecle*. P.: Albin Michel, 1993. По поводу интерпретации доктрины джихада в современную эпоху см.: Peters R *Islam and Colonialism: The Doctrine of Jihad in Modern History*. La Haye: Mouton, 1979. См. также: Al-Bouti R *Le jihad en islam: Comment le comprendre? Comment le pratiquer?* Damas: Dar el-Fikr, 1996. Книга представляет взгляд на джихад одного из ведущих сирийских улемов, а также полемику, ведущуюся вокруг этой проблемы.

¹⁸⁶ Так, в Алжире 80-х годов, связанном с Советским Союзом многочисленными соглашениями и договорами, за джихадом в Афганистане с интересом наблюдали первые исламистские группы, усматривавшие в нем законное оправдание борьбы против социалистического государства и идеологии, которой еще придерживалось в то время алжирское руководство. См.: Le-verrierl. *Le Front Islamique du Salut entre la hate et la patience // Les politiques de Dieu / Sous la dir. de G. Kepel*. P.: Seuil, 1993. P. 34.

победу на студенческих выборах в 1970 году.¹⁸⁷ Как и везде, студенты факультетов прикладных наук (политехнического, инженерного и др.) составляли значительную часть молодежи, вливавшейся в ряды движения. В отличие от исламистской интеллигенции Египта и Ирана, перед которой стояла задача мобилизации неимущей городской молодежи, их афганские коллеги жили в стране, население которой в середине 70-х годов на 85 % состояло из сельских жителей. Здесь отсутствовал широкомасштабный отток населения в города: именно в селах проживали массы молодежи, организованной суфийскими братствами и — в значительной мере — племенными структурами. Как и коммунисты, выходцы из той же городской и студенческой среды, регулярно пополнявшие армейские ряды вплоть до апрельского путча 1978 года, исламистские активисты пытались компенсировать недостаток народной поддержки силовым захватом власти. Восстание, вспыхнувшее летом 1975 года, было быстро подавлено, а его оставшиеся в живых участники укрылись в Пешаваре, где в рядах движения произошел первый серьезный раскол.¹⁸⁸

Раскол этот имел этнический и политический аспекты. «Джамият-е ислами» («Исламская ассоциация») во главе с выпускником Аль-Азхара Б. Раббани, ориентировавшаяся в основном на персоязычное население,¹⁸⁹ стремилась найти общий язык с племенами и неисламистской антикоммунистической интеллигенцией. Она перейдет на позиции умеренного исламизма, который обеспечит ей популярность среди западных друзей афганского сопротивления, но затруднит доступ к саудовской системе. Напротив, «Хезб-е йогами» во главе с Г. Хекматьером (бывшим активистом инженерного факультета Кабульского университета) действовала в первую очередь среди пуштунов. Она враждебно относилась к политическим компромиссам и выступала с позиций строгой исламской ортодоксии, делавшей ее главным партнером «Братьев-мусульман», пакистанской «Джамаат-и ислами», основанной Маудуди, и саудовских структур.

В момент коммунистического переворота (апрель 1978 года) афганские интеллектуалы-исламисты находились в изоляции: они не могли закрепиться в обществе и выбрали путь изгнанников. Однако политика новых кабульских властей, желавших ускоренными темпами привести общество к социализму, породила массовое восстание, апеллировавшее к религии,¹⁹⁰ которая рассматривалась прежде всего как средство защиты

---

¹⁸⁷ Об истории становления и развития афганского исламистского движения см.: Roy O. *Afghanistan: Islam et modernité politique*. P.: Seuil, 1985. P. 95. Из этой работы почерпнута большая часть приводимых здесь данных.

¹⁸⁸ Примерно в то же время «путчистская» тенденция в исламистском движении дала о себе знать и в Египте, где в апреле 1974 г. в военной академии Гелиополиса была предпринята попытка мятежа. Ее связывали со стратегией захвата власти, которой придерживалась Партия исламского освобождения. Последняя была основана в 1948 г. в Палестине Таки ад-Дином ан-Наба-хани, выступавшим за силовой захват власти в государстве. Он считал неудачной стратегией «врастания» в общество, которой придерживались «Братья-мусульмане», следуя рекомендациям Хасана аль-Банни. О Партии исламского освобождения см.: Taji-Faruki S. *A Fundamental Quest: Hizb-al T ahrir and the Search for the Islamic Caliphate*. L.: Grey Seal Books, 1996.

¹⁸⁹ Афганистан населяют различные этносы, говорящие на многих наречиях и диалектах. По приблизительным оценкам, шиитская община составляет 15 % населения страны. К самым многочисленным группам относятся пуштуны (или патаны), проживающие также в провинции Пешавар Пакистана. В 1979 г. община пуштунов, родным языком которых является пушту, насчитывала около 7 млн человек. Пуштуны традиционно находились у руководства страной. Второй по численности группой населения являются таджики (3,5 млн), которые говорят на местном диалекте персидского, или дари (как и таджики советского Таджикистана, они придерживаются суннитского направления в исламе). В Афганистане проживают также хазарейцы (ираноязычные шииты, 1,5 млн человек) и узбеки (сунниты, говорящие на узбекском, который принадлежит к тюркской группе языков). См.: Rubin B. *Op. cit.* P. 26.

¹⁹⁰ Немногочисленные секуляризованные средние классы Афганистана стали основной мишенью коммунистических репрессий. Некоммунистическая и неисламистская интеллигенция, сумевшая сохранить жизнь и свободу, эмигрировала из страны, как только представилась такая возможность, и не участвовала в

самобытности от декультурации, предпринятой коммунистами. Это позволит исламистам, когда они встанут во главе повстанцев, найти социальную опору, которой им недоставало. Однако за год до советской интервенции большинство восстаний инициировалось всё еще племенами или традиционными религиозными партиями. Из исламистских партий лишь «Джамият-е ислами» Б. Раббани заявляла о себе — в частности, благодаря военным успехам полевого командира Масуда.¹⁹¹

Вторжение Красной Армии радикально изменило ситуацию. В движение сопротивления влились массы афганцев, одни — спонтанно, другие — потому что советские бомбардировки, разрушение сел, гибель урожаев и стад вынуждали их покидать страну. Они станут моджахедами, которые будут проводить свои операции с баз, расположенных возле границы. С другой стороны, массивная финансовая подпитка, получателями которой стали те, кого на Западе считали «борцами за свободу» («*Freedom Fighters*»), а в Эр-Рияде — авангардом уммы и джихада, давала движению огромные средства. Эта помощь частично повлияет и на саму его природу.

В Пешаваре сопротивление было представлено коалицией из семи партий, «признанных» пакистанскими властями. Именно эта коалиция являлась основным получателем вооружений, боеприпасов и различных субсидий, которые распределялись по принципу, отдававшему предпочтение группам, наиболее близким к ваххабизму и «Братьям-мусульманам».¹⁹² Такая политика была инициирована правительством генерала Зия-уль-Хака, который в 1979 году установил в Пакистане шариат и опирался на партию «Джамаат-и ислами», основанную Маудуди. К тому же эта партия стала главным распределителем арабской финансовой помощи сопротивлению. При этом она отдавала предпочтение наиболее близкой к себе группе — «Хезб» во главе с Г. Хекматьером.¹⁹³ Доступ к саудовской денежной манне станет главной причиной появления в 1980 году еще одной исламистской партии. Она почти не имела опоры в Афганистане, но ее лидер, Абд

сопротивления, что сделало религию единственно доступной политической идеологией.

¹⁹¹ Таджик, бывший ученик франко-афганского лицея в Кабуле и студент политехнического факультета, командир Масуд будет пользоваться большой популярностью во Франции благодаря симпатиям, которые будут питать к нему журналисты и ученые.

¹⁹² В защиту этой политики выступал один из тех, кто был ее проводником — бригадный генерал Мохаммед Юсаф, автор книги «Молчаливый солдат: Человек, стоявший за афганским джихадом» (см.: Yousaf M. Silent Soldier: The Man behind the Afghan Jihad. Lahore: Jang Publishers, 1991), как и ранее упомянутой книги «The Bear Trap». Автор, возглавлявший афганское бюро пакистанской разведки Inter-Services Intelligence (ISI) в 1983–1987 гг., защищал в ней дело своего шефа, генерала Ахтара — генерального директора ISI в 1979–1987 гг. и в этом качестве — одного из основных архитекторов афганского джихада. Ахтар погиб в авиакатастрофе, унесшей жизнь президента Пакистана Зия-уль-Хака в августе 1988 г. В момент выхода в свет книги Юсафа в Афганистане уже не было советских войск, но Кабул по-прежнему оставался в руках коммунистического режима Наджибуллы. На афганских моджахедов уже смотрели с подозрением и опаской не только в американских, но и саудовских кругах: партия Хекматьера, получавшая щедрую поддержку от нефтяных монархий Залива, выступила в защиту Саддама Хусейна во время войны 1990–1991 гг. Даже в самом Пакистане правительство Беназир Бхутто перестало оказывать исключительную поддержку афганским исламистским партиям, как это делало прежнее руководство страны. Книгу следует рассматривать как оправдание *aposterioru* политики, подвергавшейся критике со всех сторон. В поддержку своей адвокатской речи Юсаф приводит многочисленные факты о взаимоотношениях между ЦРУ, ISI и моджахедами. Он подчеркивает, что 70 % оружия, полученного от американцев, было распределено между исламистскими «фундаменталистскими партиями» (с. 19), что, по его мнению, было оправдано с точки зрения эффективности его применения.

¹⁹³ Из беседы «с заместителем амира» (вице-президентом) «Джамаат-и ислами» Мансурой (Лахор, апрель 1998 г.). По мнению этого деятеля, страны Аравийского полуострова, не разбиравшиеся в различиях между афганскими партиями, контактировали с «Джамаат-и ислами», которая, в свою очередь, финансировала известные ей движения, отдавая предпочтение «Хезб».

ар-Рабб Сайяф,¹⁹⁴ прекрасный оратор и знаток арабского языка, исповедовавший стопроцентный ваххабизм, станет получателем соответствующих субсидий. Итак, семь партий, три из которых являлись «традиционными», а четыре — «исламистскими»,¹⁹⁵ получали средства на свою деятельность согласно идеологическим критериям. При этом предпочтением пользовался Хекматъяр и Сайяф, тогда как «Джамият» профессора Раббани, находившаяся в меньшем фаворе, была всем обязана военным успехам полевого командира Масуда в борьбе против Советов, преподносивым как победы в джихаде.

«Пересадка» партий на пакистанскую территорию, в трехмиллионную массу беженцев, также способствовала проникновению исламистских идей, в отличие от традиционного ислама, более привязанного к местам-символам, земельным ритуалам и социальной иерархии сельского и племенного миров. Именно в этой среде пешаварских беженцев формировалось первое поколение урбанизированных и в массе своей грамотных афганцев. Школьное обучение проводилось, в частности, через структуры, контролировавшиеся хекматъяровской «Хезб». Партия использовала немалые финансовые средства, поступавшие в рамках арабской помощи, для создания базы для своего пополнения за счет молодого поколения, отныне «лишенного племенной принадлежности» и превращенного переселением на чужбину в «неимущую городскую молодежь», восприимчивую к идеологии исламизма. Но обучение осуществлялось также, и в широких масштабах, в деобандских медресе, разбросанных по всей территории Пакистана. Жившие в них дети афганских беженцев, оторванные от своих семей и традиционного окружения, *каума*¹⁹⁶, смешивались здесь с молодыми пакистанцами — представителями разных этносов (таких же пуштунов, как они, но также пенджабцев, синдхов и белуджей). Преподавание, которое велось на арабском и урду, способствовало становлению «универсальной исламской личности», в духе деобандской идеологии. Эта идеология была хорошо приспособлена к жизни молодых беженцев, уже не имевших государства, которому они могли бы довериться, воплощая в жизнь шариат (исламские законы). Их учили претворять в жизнь эти законы, подчиняясь фетвам — правовым решениям, выносимым в строгом и консервативном духе деобандских медресе. Присутствие в этих школах молодых афганцев, впитавших, в отличие от их предшественников, идеи джихада, привело к появлению своего рода гибридного движения. В следующее десятилетие, когда эти юноши вступят в зрелый возраст, оно породит афганских талибов и пакистанских суннитских экстремистов из «Сипах-и Сахаба» («Армии сподвижников [Пророка]»), которые будут убивать шиитов, а затем перенесут джихад в

---

¹⁹⁴ При рождении он получил имя Гулам Расул (патроним, указывающий на Пророка: арабское слово «расул» означает «посланник», то есть Пророк Мухаммад). Это не могло понравиться ваххабитам, для которых обожание Пророка является признаком безбожия, поэтому позже Гулам Расул принял имя Абд ар-Рабб («раб Господа») Сайяф («меченосец» или «палач»). В 1984 г. он был удостоен премии короля Фейсала за выдающиеся заслуги перед исламом. Премия присуждается ежегодно видным деятелям мусульманского мира и составляет 350 тыс. саудовских риалов.

¹⁹⁵ Наряду с образованием в Пешаваре коалиции из 7 суннитских партий, в Кветте — столице пакистанского Белуджистана — возник альянс из 3 шиитских партий. Среди 7 партий выделялись «традиционалистские» — Исламский национальный фронт Афганистана, Фронт национального освобождения Афганистана (возглавлявшиеся лидерами суфийских братств) и Движение исламского освобождения (руководимое одним из улемов). Они имели лишь очень ограниченную поддержку извне. Четырьмя «исламистскими» партиями являлись. «Хезб» под руководством Хекматъяра, «Хезб» под руководством Ю. Халиса (отколовшаяся от предыдущей по родоплеменным и идеологическим соображениям), Исламский союз за свободу Афганистана во главе с Сайяфом — главные получают ели саудовской помощи — и «Джамият» профессора Раббани, считавшаяся более умеренной, нежели три предыдущие. См.: Rubin V. Op. cit. P. 208–209.

¹⁹⁶ Арабский термин «каум» (в офранцузенном варианте — «гум» в колониальной Северной Африке) обозначает первичную традиционную «группу солидарности», через которую афганцы были связаны с внешним окружением (государством, другими людьми и т. д.).

Кашмир. В отличие от исламистов из хекматъяровской «Хезб», стремившихся «исламизировать современность», то есть освоить западные технику и знания, чтобы поставить их на службу исламскому государству, «фундаменталисты» деобандского направления отвергали этот путь. Однако с момента создания Пакистана в 1947 году и до заражения духом джихада в 80-е годы их социальный проект был чужд всякого политического насилия.¹⁹⁷ Его принятие станет одним из неожиданных эффектов исламистского культурного брожения, происходившего в Юго-Западной Азии в течение этого десятилетия.

В Пакистане эпохи генерала Зия-уль-Хака, плохо воспринимаемом на Западе после того, как в марте 1979 года он отправил на виселицу Али Бхутто, афганские события пришлось для правящего режима как нельзя кстати. В регионе, взбудораженном иранским хаосом, «страна чистых» становилась главным стратегическим оплотом США¹⁹⁸ и, в соответствии с решением конгресса, четвертым получателем иностранной помощи. Более того, Пакистан являлся необходимым трансферным посредником в получении этой помощи афганским сопротивлением. В 1982 году она оценивалась в 600 млн долларов в год, выделявшихся США, и в такую же сумму от арабских стран Залива.¹⁹⁹ Эти значительные финансовые потоки оживят экономическую активность и обеспечат режиму Зия прочную базу. Как следствие, произошел взрыв преступности, паразитировавшей на иностранной помощи. Все закрывали на нее глаза, пока русские находились в Афганистане, но ее разрушительные последствия обернутся многими бедами в конце десятилетия. Так, часть легких вооружений, в огромных объемах направлявшихся ЦРУ через порт Карачи, будет оседать на местном рынке (что превратит город в один из самых криминальных в мире), прежде чем поставки попадут в руки официальных получателей. В обратный путь грузовики будут отправляться заполненными героином, экстрагированным из опия, производимого в Афганистане или в «зоне племен»²⁰⁰ на пакистанской границе. Затем героин будет экспортирован через тот же порт Карачи. Гигантские доходы криминального мира, наживавшегося на американской и арабской помощи афганскому движению сопротивления,

---

¹⁹⁷ Впрочем, и до 1947 г деобандцы поддерживали связи с различными радикальными движениями, пытавшимися поколебать британское господство. Одним из них было халифатистское движение («Хилафат»), привлекшее в свои ряды многочисленных мусульман Индийского субконтинента после упразднения Ататюрком в 1924 г. османского халифата.

¹⁹⁸ Оказание американцами помощи Афганистану приведет к отмене большинства ограничений на развитие пакистанской ядерной программы, по крайней мере, вплоть до 1987 г. В 1982 г. Пакистан станет четвертым по значимости получателем американской военной помощи — после Израиля, Египта и Турции, см.: *Beyond Afghanistan: The Emerging U.S — Pakistan Relations* / Ed. Leo E. Rose and Kamal Matinuddin. Berkeley: University of California, 1989. Большинство авторов сборника выступают за сохранение привилегированных отношений между двумя странами, несмотря на вывод советских войск из Афганистана. Книга открывается панегириком генерал) Зия со стороны американского дипломата. В 80-е годы Пакистан также получает значительные доходы от переводов денег своих граждан, работающих в арабских странах Залива.

¹⁹⁹ Точные цифры и механизмы помощи приводятся в: Rubin V, Op. cit. Общая сумма помощи от ЦРУ оценивается в 3 млрд долларов. По словам Мильтона Бирдена, бывшего ответственного сотрудника ЦРУ по афганским делам, «the Saudi dollar for dollar match with the US taxpayer was fundamental to the success [of the ten year engagement in Afghanistan]» «к. См.: <http://www.pbs.org/wgbh/pages/frontline/shows/binladen/interviews/bearden/html>.

²⁰⁰ Пакистанские районы, граничащие с Афганистаном, были разделены на «зоны племен» и пользовались внутренней автономией. Это позволяло им, в частности, ввозить не облагавшиеся пошлиной товары, что создавало предпосылки для широкомасштабной контрабанды. Здесь практически беспрепятственно выращивался мак, а оружие всех видов находилось в свободной продаже по весьма умеренным ценам из-за огромного предложения — следствия хищений, связанных с войной в Афганистане (из личных наблюдений автора, апрель 1998 г.).

станут головной болью США, а затем и арабских государств после ухода советских войск из Афганистана, когда неконтролируемые этими странами группировки, вооруженные до зубов и финансируемые за счет местной контрабанды, начнут переносить джихад в любой уголок планеты, куда им только это заблагорассудится.

Арабская помощь, обусловленная иными государственными и юридическими соображениями, нежели помощь со стороны США, шла из многих источников, как государственных, так и частных. Призванная противодействовать усилению хомейнистского Ирана в исламском мире, она требовала решения деликатных проблем координации и извлечения искомого эффекта. Три саудовские инстанции — службы безопасности, возглавляемые принцем Турки аль-Фей-салом, комитет поддержки *ad hoc*, руководимый губернатором Эр-Рияда принцем Салманом, и Лига исламского мира — были главными каналами передачи помощи.²⁰¹ Однако, чтобы она достигала получателя в условиях столкновения интересов спонсоров в регионе, открытом для хищений и контрабанды, и принимая во внимание размеры сумм, необходимо было располагать надежными людьми на местах. Такова была обстановка, в которой первые арабские добровольцы отправились в пакистано-афганский мир, прежде совершенно им незнакомый. Сначала они выступали в качестве помощников саудовской Организации Красного Полумесяца и исламских гуманитарных миссий, возникших тогда как аналог западных гуманитарных неправительственных институтов. Затем и начиная с середины 80-х во всё возрастающих масштабах они стали приезжать в качестве воинов джихада, как минимум, чтобы обучиться обращению с оружием, если не для того, чтобы пострелять по советским солдатам.

В 80-е годы ключевой фигурой среди тех, кого позднее будут называть «афганскими арабами», стал палестинский профессор Абдаллах Аззам. Принадлежа к «Братьям-мусульманам», он стал связующим звеном между этим движением и саудовско-ваххабитскими кругами и обеспечил идеологическую взаимосвязь между афганской и палестинской проблемами. Его интеллектуальные усилия помогли вписать дело Палестины в исламскую перспективу, когда в декабре 1987 года вспыхнуло восстание на оккупированных территориях — интифада. Наконец, он был главным современным глашатаем джихада, популяризовавшим концепцию вооруженной борьбы, которую в 90-е годы разовьют самые радикальные активисты, в том числе крайние из них — алжирская Вооруженная исламская группа (ВИГ).

Родившийся в 1941 году на севере Палестины, близ города Дженина, Абдаллах Аззам²⁰² изучал шариат в Дамаске в 1959–1966 годах. Там он в восемнадцатилетнем возрасте примкнул к «Братьям-мусульманам» и в 1960 году стал их представителем в Сирийском университете. Участник арабо-израильской войны 1967 года, он был одним из немногих исламистов, ввязавшихся в вооруженную борьбу против еврейского государства, в то время как палестинские «Братья» предпочитали политической активности благотворительную и социальную деятельность. В 1970 году, в год «черного сентября» ООП в Иордании, Аззам порвал с руководством этой организации,²⁰³ поставив ей в вину, что все

---

²⁰¹ В 1988 г. отделение Лиги исламского мира в Пешаваре объявило об открытии 150 центров по изучению Корана и 85 исламских школ для афганцев — в дополнение к саудовской гуманитарной помощи, которую она оценивала в 445 млн риалов. В свою очередь, коми гет поддержки во главе с принцем Салманом израсходовал на гуманитарную помощь 539 млн пакистанских рупий. См: MECS. 1986. P. 133; MECS. 1988. P. 197.

²⁰² Биография (житийного характера) Абдаллаха Аззама опубликована на сайте «Azzam Brigades», <http://www.a7zam.com/hlml/body-sheikh-abdullah-Fazzam.html>. Несмотря на значимость этой фигуры, она, насколько нам известно, почти не привлекала внимания исследователей, и мы не располагаем объективным жизнеописанием этого человека. Здесь мы приводим сведения, которые показали нам достоверными и которые могли быть подтверждены людьми, встречавшимися с ним Я благодарен, в частности, Ибрахиму аль-Гарайбе из Аммана, который вместе со мной проследил жизненный путь Абдаллаха Аззама.

²⁰³ Некоторые «Братья-мусульмане» из иорданского филиала сотрудничали с ООП в борьбе против Израиля

силы она направила на борьбу с королем Хусейном, вместо того чтобы обратить их против Израиля. Продолжая учебу в Аль-Азхаре, где в 1973 году он получил степень доктора наук, Аззам становится преподавателем шариата в Иорданском университете, занимаясь молодежным сектором «Братьев-мусульман». Через несколько лет, изгнанный из университета,²⁰⁴ он перебрался на жительство в саудовский город Джидда, где получил должность преподавателя в местном университете имени короля Абд аль-Азиза. Среди его учеников был юный Усама бен Ладен, которому судьба сулила большое будущее. В то же время Аззам установил контакты с Всемирной исламской лигой, в которой возглавил образовательный сектор. Если верить «житию» Аззама, составленному после его убийства, в 1980 году в Мекке он встретил афганских паломников и, взволнованный их рассказами, «почувствовал, что делом, которое он так долго искал, должно стать дело афганского народа» — эта формулировка тем более примечательна, что, будучи палестинцем, наш герой оказался привержен тому, что считалось главным общеарабским делом. На рубеже 80-х годов последнее утратило свою привлекательность, особенно в глазах исламистского активиста: именно участие в благочестивом джихаде на стороне афганцев позволило ему переосмыслить борьбу палестинцев с точки зрения этой перспективы. По другим сведениям, Аззам был направлен в Исламабад Всемирной исламской лигой для преподавания в частично финансирувавшемся ею Международном исламском университете,²⁰⁵ открытом в 1980 году и находившемся под контролем «Братьев-мусульман». В 1984 году он поселился в Пешаваре, а в 1985 году принял участие в создании Исламского координационного совета, который объединил десятка два арабских «исламских гуманитарных» организаций,²⁰⁶ помогавших афганскому сопротивлению под эгидой саудовской и кувейтской Организаций Красного Полумесяца — главных источников арабской помощи сопротивлению, достигавшей 600 млн долларов в год. Аззам являлся доверенным партнером для саудовского истеблишмента и, в силу своего авторитета, оказывал сильное влияние на не слишком предсказуемых «джихадистов», которые начали прибывать из стран Ближнего Востока в середине 80-х годов. Для приема, обучения и организации этих людей он создал в 1984 году Бюро

(см. ч 3, гл. 10). Во время событий «Черного сентября» 1970 г. генерал Зия-уль-Хак находился в Иордании, что позволило ему осознать, насколько опасно принимать на своей территории беженцев, представленных одной организацией. Этим можно объяснить, почему ISI настояла на том, чтобы в Пешаваре разместились 7 различных афганских партий, лидеры которых порознь контактировали с генералом Ахтаром.

²⁰⁴ Наши источники не позволяют выяснить, чем Абдаллах Аззам навлек на себя гнев иорданских властей, поддерживавших хорошие отношения с «Братьями-мусульманами». Впрочем, хашимитская монархия с подозрением относилась к тем из «Братьев», кто находился в слишком тесных отношениях с саудовской династией (вытеснившей Хашимитов из Мекки в 1928 г.), так как отстаивала менее строгую — по сравнению с ваххабизмом — концепцию ислама.

²⁰⁵ О Международном исламском университете в Исламабаде см. с. 98.

²⁰⁶ Исламские гуманитарные организации, на сегодняшний день малоизученные из-за труднодоступности источников, возникли в начале 80-х годов — примерно тогда же, когда начался джихад в Афганистане, явившийся одной из главных причин их появления. В финансовом плане этот феномен был тесно связан с возникновением исламского банковского сектора (см. след. гл), отчисляющего под контролем улемов — членов шариатских отделов (*char't'a boards*) этих банков — на нужды благотворительности нехалаяльние-до-ходы (полученные в результате взимания ссудного процента). На международной арене гуманитарная деятельность являлась проявлением щедрости богатых исламских активистов (в основном уроженцев Аравийского полуострова) в ситуации, когда они не могли позволить западным гуманитарным организациям сохранять монополию на благотворительность — в частности, в Африке, где благотворительная деятельность рассматривалась как проводник религиозного прозелитизма. Западная пресса подозревала, что многие из этих благотворительных фондов служат лишь прикрытием для радикальных движений, членам и руководителям которых они предоставляли должности, средства и придавали ореол респектабельности. О зарождении этого явления и его развитии в Судане см.: Belkon-Jourdan J. *L'humanitaire et l'islamisme soudanais: Les organisations Da 'wa Islamiyya et Islamic African Relief.* Agency//Politique africaine. 1997. № 66. P. 61.

обслуживания моджахедов.²⁰⁷ В декабре того же года появился первый номер возглавлявшегося им журнала «Аль-Джихад». Выходивший на арабском языке, он продавался за доллары и за саудовские реалы, воспевая поддержку афганского дела в арабском мире. Наряду с новостями с фронтов, в журнале публиковались идеологические тексты и передовицы Абдаллаха Аз-зама. Эти статьи будут объединены в сборники для распространения по всему арабоязычному миру, затем часть материалов появится на английском и местных языках и составит основу для интернет-сайта, который будет популяризировать идеи их автора в международном исламистском движении.²⁰⁸

Для Абдаллаха Аззама в первую очередь было важно показать, что джихад в Афганистане является обязанностью (*фард айн*) каждого мусульманина. Эта тема была даже вынесена в заголовок самой известной его брошюры под названием «Защищать землю мусульман — важнейший долг каждого». В ней автор ссылаясь на авторитет восьми улемов, вынесших фетвы на сей счет, среди которых — будущий муфтий Саудовской Аравии шейх Бен Баз и другие ваххабиты, а также «Братья-мусульмане», такие как сириец Сайд Хавва или египтянин Салах Абу Исмаил. Все они считали, что каждый мусульманин обязан принять в джихаде моральное (*би н-нафс*) и финансовое (*би ль-маль*) участие.²⁰⁹ «Если враг вступил на земли мусульман, джихад, по согласному мнению докторов права, комментаторов [священных текстов] и хранителей традиции [тех, кто собирал высказывания и сведения о деяниях Пророка], становится личной обязанностью».²¹⁰ В этом Абдаллах Аззам выступил против тех, кто считал джихад лишь «коллективной обязанностью» мусульман («*фард кифайя*»), перекладывая ответственность на политическое руководство, отговаривая мусульман от отправки в Афганистан и заявляя, что «сегодня лучше учиться, чем делать джихад».²¹¹

Итак, все правоверные были обязаны морально или финансово участвовать в афганском джихаде, чтобы не впасть в великий грех,²¹² и каждый мусульманин, чувствующий себя способным сделать это, имел право участвовать в джихаде с оружием в руках, не испрашивая на то разрешения ни у кого, «даже у повелителя правоверных, если

---

²⁰⁷ Брошюра, опубликованная под заголовком «Ильхак би ль-кафиля» («Присоединись к каравану [джихада]»), заканчивалась практическими советами иностранным волонтерам-джихадистам, прибывавшим в Пешавар: как получить паспорт и визу, по какому телефону звонить, где ждать машину, которая доставит их из аэропорта в соответствующее место, и т. д.; см.: Аззам А. Ильхак би ль-кафиля. Бейрут: Дар Ибн Хазм, 1992. Сайт «Azzam Brigades» (на котором можно было заказать эту брошюру) называл ее «источником вдохновения для многих мусульман во всем мире, отправлявшихся сражаться в Афганистан и Боснию».

²⁰⁸ См.: <http://www.azzam.com>. Этот сайт, поддерживаемый из Лондона, был запущен после смерти Абдаллаха Аззама и в основном сообщал информацию о джихадах 90-х годов, в частности Боснии и Чечне. Подробнее об этом будет рассказано в третьей части книги.

²⁰⁹ См.: Аззам А. Джихад шааб муслим [Джихад мусульманского народа]. Бейрут: Дар Ибн Хазм, 1992. С. 24.

²¹⁰ Он же. Ильхак биль-кафиля. С. 44.

²¹¹ Он же. Башаир ан-наسر [Знамя победы]. Бейрут: Дар Ибн Хазм, 1992. С. 28. Текст клятвы, произнесенной в 1988 г. в Пешаваре во время молитвы на празднике жертвоприношения Ид аль-Адха (Ид аль-Кебир).

²¹² А. Аззам пояснял, что не участвовать в джихаде с того момента, как он стал «личной обязанностью», — такой же грех, как не молиться и не поститься в месяц Рамадан. Таково общее мнение богословов, за исключением некоторых ханбалитов, считающих, что молитва имеет приоритет (см.: Аззам А. Джихад шааб... С. 25).

таковой имеется». ²¹³ Тем более, *afortiori*, «безбожные» правители некоторых мусульманских стран не имели никакого права препятствовать этому. И Афганистан — это лишь первый пример исламской территории, узурпированной неверными, отвоевать которую с помощью джихада было священным долгом: «Эта обязанность не исчезнет вместе с победой в Афганистане, джихад будет оставаться личным долгом каждого мусульманина, пока мы не вернем все земли, ранее бывшие мусульманскими, чтобы ислам воцарился там вновь: перед нами — Палестина, Бухара, Ливан, Чад, Эритрея, Сомали, Филиппины, Бирма, Южный Йемен, Ташкент, Андалусия...». ²¹⁴ «Наше сегодняшнее присутствие в Афганистане, которое есть не что иное, как исполнение долга джихада и проявление нашей любви к сражениям, не означает, что мы забыли о Палестине. Палестина — это наше бьющееся сердце, она важнее Афганистана в нашей душе, в нашем сердце, в наших чувствах, нашей вере». ²¹⁵

Эти слова Абдаллаха Аззама вписывались в традицию исламского учения о джихаде в том виде, в каком она была разработана в Средневековье, в частности, авторами ханбалитской школы, особенно Ибн Таймийей, которого Аззам цитировал очень часто. Высказывания Аззама были новы не по своему содержанию, но по контексту, в котором звучали. Многие современные исламистские авторы и до него призывали к джихаду, но то была всего лишь риторика, поскольку не существовало организованной массы правоверных, чтобы претворить этот лозунг в жизнь. Джихад за освобождение Иерусалима, например, служил лишь религиозным прикрытием состояния войны с Израилем. Арабские государства региона и ООП в еще меньшей степени использовали джихад в зависимости от национальных или политических императивов времени, не сопровождавшихся, вплоть до начала интифады в декабре 1987 года, каким-либо народным восстанием. Напротив, деятельность Аззама разворачивалась в совершенно другом контексте, поскольку за тем, что он проповедовал, непременно следовало практическое воплощение. Он непосредственно обращался к участникам добровольческого движения, прибывавшим со всех концов исламского мира, в основном из арабских стран (их численность, по разным оценкам, составляла от 8 до 25 тысяч человек). ²¹⁶ Все они действовали по собственной воле, получали оружие и проходили военную подготовку в тренировочных лагерях. Аззам пользовался большой популярностью: был постоянно окружен людьми, его часто видели в компании шейха Омара Абдель Рахмана, который с 1985 года часто навещался в Пешавар. Шейх произносил зажигательные речи перед арабскими добровольцами, проповедовал джихад с поощрения ЦРУ и саудовских дипломатов. ²¹⁷

В действительности арабы, судя по всему, мало участвовали в боях против Красной Армии. ²¹⁸ Их основная военная деятельность развернулась после ухода советских войск в

---

²¹³ Там же.

²¹⁴ Он же. Башаир... С. 26.

²¹⁵ Он же. Джихад шааб... С. 59.

²¹⁶ Первая оценка приводится в: Акрам А. *Op. cit.* P. 268. Относительно второй оценки см.: Raufar X. VSD. 3.09.1998. P. 20. Автор ссылается на данные британских разведслужб. По утверждению Мильтона Бирдена, бывшего резидента ЦРУ в Афганистане, на самой афганской территории никогда не находилось более 2 тыс. арабов одновременно, а их участие в боях было минимальным.

²¹⁷ О поездках шейха Омара Абдель Рахмана в Пешавар см.: Weaver M.A. *A Portrait of Egypt*. N.Y.: Farrar, Strauss & Giroux, 1999. P. 169.

²¹⁸ Усама бен Ладен, молодой саудовский миллиардер-исламист, ставший знаменитым в следующее десятилетие, по словам его почитателей, был редким исключением из этого правила. Участвуя во главе своего отряда в тяжелых боях с советскими войсками, он проявлял личную храбрость и снискал этим уважение,

феврале 1989 года, и ее оценка была неоднозначной. В марте во время осады Джалалабада арабский контингент проявил чудеса воинской доблести, порубив на куски его защитников — «безбожников», пленных афганцев, что вызвало потрясение в рядах афганских моджахедов.²¹⁹ Для джихадистов-интернационалистов поездка в Пешавар была возможностью почувствовать свою причастность к происходившим событиям, обжиться в рядах исламистов, а затем и получить закалку в более экстремистской среде, чем у своих саудовских крестников. В середине 80-х годов организовывались «джихад-туры» для молодых богатых саудовцев, которые проводили несколько недель в летнем лагере с вылазкой на сопредельную афганскую территорию и фотографированием на поле боя. Им приходилось встречаться там с представителями европейских гуманитарных организаций, к которым они питали сильную антипатию. В Афганистан на несколько недель джихада посылались и молодые исламистские активисты из стран Востока, Магриба, и даже «бёры» французских предместий.²²⁰ Целью этих командировок являлось приобщение молодежи к священному делу, воспитание у нее воинского духа. Молодые люди возвращались домой в ореоле приобретенного опыта ведения джихада, готовые к борьбе против собственного безбожного руководства.²²¹ Отношение властей к ним нельзя было назвать восторженным. Некоторые из этих стажеров уже подвергались у себя на родине тюремному заключению (как многие египетские исламисты, осужденные после убийства Садата в октябре 1981 года и освобожденные в 1984 году после отбытия наказания). Вот эти обстрелянные в боях бойцы и начали скапливаться в окрестностях близ Пешавара. Их пребывание там облегчалось симпатией, испытываемой к ним некоторыми арабскими благодетелями, в то время как государства, в которых они были осуждены, не без удовлетворения взирали на их убитие подальше, в горы Афганистана. Будучи образованными людьми, иногда владевшими английским языком и умевшими пользоваться компьютером, они привлекали внимание пакистанских и американских разведывательных служб. Молодой Усама бен Ладен, отпрыск семейства строительных магнатов, известных в Саудовской Аравии и странах Залива, стал символической фигурой «джихадиста» из саудовского сераля. Его религиозное усердие не доставляло хлопот ни монархии, с которой он поддерживал деловые отношения, ни американским спецслужбам, для которых этот молодой человек из хорошей семьи был союзником в борьбе против коммунизма.

После вывода советских войск из Афганистана в феврале 1989 года Соединенные Штаты сократили объемы помощи сопротивлению, оказавшемуся неспособным свергнуть кабульский режим, во главе которого с ноября 1987 года встал Мохаммед Наджибулла, бывший шеф афганского КГБ — ХАДа. Крах коммунизма, империя которого начала разваливаться в том же году, на смену которой стали приходить народные демократии в Восточной Европе, привел к исчезновению с политической карты мира Советского Союза в

которое не могло дать ему одно только богатство.

²¹⁹ См.: Akram A. Op. cit. P. 274–277. Автор не скрывает антипатии к арабам.

²²⁰ Уже в 1986 г. мы встречали во Франции молодых реисламизированных «бёров», или обращенных в ислам французов, которые «побывали на джихаде» (подобно предыдущему поколению арабских левых и их европейских попутчиков, посещавших палестинские лагеря в Ливане). На митинге под Парижем один из них рассказывал собравшимся, как благоухали на поле боя тела мусульманских мучеников, тогда как от трупов только что убитых русских исходило зловоние падали.

²²¹ Во время процесса по делу французской исламистской группы, отдельные члены которой были замешаны в террористической акции, совершенной в 1994 г. в Марракеше, некоторые из обвиняемых рассказывали о своей поездке в Пакистан для участия в джихаде. Там они проходили только идеологическую обработку и обучались обращению с оружием, но лично в боях не участвовали. Вернувшись во Францию, некоторые из них тренировались в стрельбе и беге по пересеченной местности. См.: Erhel C, Байте R de la. Le proces d'un reseau islamiste. P.: Albm Michel, 1997.

декабре 1991 года и, соответственно, к снятию афганского вопроса с повестки дня американской стратегии. Для Саудовской Аравии соперничество Ирана в мировом исламском пространстве не представляло уже той опасности, как в начале 80-х годов: в июле 1988 года аятолла Хомейни был вынужден решиться на прекращение войны с Ираком. Страна находилась в разрухе, иранские паломники не могли совершать хадж к святым местам из-за навязанной их стране квоты. В Пешаваре уже не оставалось сколько-нибудь стоящих, с точки зрения Вашингтона, «борцов за свободу». Члены американского конгресса стали выказывать озабоченность размерами героинового наркобизнеса и причастностью к нему руководителей моджахедов. Хекматъяр и Сайяф были признаны «экстремистами» наряду с Наджибуллой и лишились поставок американского оружия. Арабские государства начали демонстрировать свою озабоченность захватом Кабула неконтролируемыми исламистскими группами, присоединившимися к активистам, которых высылка в страну, объятую джихадом, только усилила. Вот в такой обстановке обострившихся трудностей для рядов сопротивления, ослабленного внутренними распрями, 24 ноября произошло покушение (не раскрытое по сию пору), стоившее жизни Абдаллаху Аззаму. Глашатай джихада покинул этот мир в тот момент, когда те, кто его поддерживал в мусульманском мире, дали понять, что с уходом русских священной битве должен быть положен конец.

Тем не менее Саудовская Аравия и пакистанские разведслужбы увеличили помощь Хекматъяру. Правительству Беназир Бхутто, пришедшей к власти в августе 1988 года после смерти генерала Зия-уль-Хака и враждебно настроенной к этому афганскому союзнику своего кровного врага «Джамаат-и ислами», основанной Маудуди, так и не удалось этому воспротивиться. Однако разлад в стане моджахедов, прочное положение, занимаемое основным соперником Хекматъяра полевым командиром Масудом на северо-востоке страны, сопротивление режима Наджибуллы не позволили руководителю «Хезб» захватить Кабул и основать долгожданное исламское государство по саудовско-пакистанскому рецепту. Афганская территория была поделена на многочисленные зоны, подконтрольными полевым командирам различных партийных группировок. Все они были привязаны к своей этнической базе, к «малой родине». Большая часть населения этих зон существовала за счет выращивания опийного мака, контрабанды оружия и наркотиков. Джихад постепенно уступал место *фитне*, распрям в стане верующих.

Второго августа в обстановке всеобщего раздора войска Саддама Хусейна вступили в Кувейт. Тем самым было положено начало второй войне в Заливе, чреватой для Саудовской Аравии гораздо большими угрозами ее верховенству в мировом исламе, нежели иранский вызов. Хекматъяр и его войско, как и большинство арабских «джихадистов», выступили против Эр-Рияда, своего самого именитого крестника. В конечном итоге для «современных» исламистов в Афганистане это было равнозначно похоронному звону. Таким образом, с одной стороны, талибам была открыта дорога к власти, а с другой — выпущены на мировые просторы арабские «джихадисты».

Глава 3

«Исламский бизнес» и саудовская гегемония

Сделавшись официальным спонсором джихада в Афганистане, Саудовская Аравия преследовала целью нейтрализовать самые радикальные группировки исламистского движения: студентов, интеллигенцию и беднейшие слои городской молодежи, грезившие революцией в той или иной форме. Чтобы утвердить свое главенствующее положение в мировом исламе, саудовской монархии необходимо было сохранить в неприкосновенности особые связи с буржуазией и набожными средними классами. Саудовская система, представлявшая собой династический племенной режим, при котором кровное родство обеспечивало с 1973 года доступ к сказочным богатствам от продажи нефти, имела уязвимое место. Болевая точка монархии находилась под огнем критики «неудачно родившихся» социальных групп неблагородного происхождения. В исламистских кругах,

поддерживавших натянутые отношения с Эр-Риядом, саудовские принцы изображались как обленевшиеся, некомпетентные правители, погрязшие в роскоши, разврате и других грехах (пьянстве, порнографии и т. д.), компрометировавшие религию и превращавшие ислам в ханжество. В этих обвинениях слышалась классическая критика буржуазии в адрес дурного правителя-сумасброда. Такого рода нарекания свойственны практически всем цивилизациям, но в данном случае моральной отсылкой, к которой апеллировала эта критика, являлся свод священных императивов Корана.

Исламская финансовая и банковская система выстроила привилегированные отношения с родовой аристократией Аравийского полуострова, обладательницей «дарованной Всевышним» нефтяной ренты, и с набожными средними слоями мусульманского мира, что позволило повязать их узами экономического партнерства, крепимого «вознаграждением за набожность». Это обеспечивало лидерство Саудовской Аравии в Общине правоверных, позволяя Саудитам влиять на политические взгляды набожной буржуазии в каждой мусульманской стране, привязывая этот состоятельный класс к ваххабитской монархии. Афишируя себя в благотворительном и социальном плане через перераспределение *закята* ²²² (предусмотренного шариатом жертвования) и финансирование мелких предпринимателей, фермеров и коммерсантов, не имевших доступа к обычной банковской системе, исламские финансовые институты, помимо всего прочего, претендовали на то, чтобы выступать в качестве фактора сплочения и социальной интеграции. Тем самым они участвовали в распространении выгодного им идеализированного представления об обществе, в котором набожная буржуазия обладала моральной легитимностью. Понятно, что существование такого типа финансовой системы немислимо без параллельного функционирования исламских гуманитарных благотворительных организаций. Будучи основными получателями — в рамках благотворительности — «*нехаляльных*» доходов исламских банков,²²³ они позволяют последним вести свою деятельность «в соответствии с законами шариата» и тем самым имеют оправдание в глазах благочестивых вкладчиков.

Такая финансовая система имеет две различные сферы, хотя и проникнутые единым духом. Первая сфера представляет собой механизм частичного распределения нефтяной ренты между государствами — членами Организации Исламской конференции (ОИК) через Исламский банк развития (ИБР), созданный в 1975 году. В предыдущей главе мы уже видели, как ОИК укрепил исламское единство (и зависимость) между своими членами: беднейшими государствами Африки и Азии и богатейшими экспортерами углеводородного сырья.²²⁴ Вторая сфера относится к обслуживанию инвесторов и частных вкладчиков. В

---

²²² О подсчете закята в современную эпоху см.: Gausse G., SaciD. *Lacomptabi-hte en pays d'islam // Traimond P. Finance et developpement en pays d'islam. Vannes: Edicef, 1995. P. 62–68.*

²²³ Любой исламский банк, оперирующий на мировом рынке финансовых услуг, должен располагать валютой, оборот которой регулируется уровнем процентной ставки. Таким образом, он будет получать доходы в виде «лихвы» и обязан вывести их из баланса — за этим следят улемы, входящие в наблюдательные банковские советы. Создание исламских неправительственных организаций (НПО) является одним из способов найти применение этим суммам, которые могут быть очень значительными.

²²⁴ Владея основной частью акционерного капитала в 2 млрд долларов (вложенного в основном Саудовской Аравией, Кувейтом и Ливией), ИБР пытался способствовать созданию исламского финансового и экономического пространства в условиях, когда на долю взаимобмена между мусульманскими государствами приходилось всего 10 % их внешнеторгового оборота, остальная же часть относилась в основном к западным странам. ИБР финансировал проекты в сфере инфраструктуры, но ему также пришлось — вопреки первоначальным целям — оказывать помощь бедным странам в оплате импортируемых ими западных товаров. На банк была возложена и другая задача: готовить в Исламском институте финансовых исследований (г. Джидда) кадры для госсектора мусульманских стран в духе концепции исламских финансов и саудовской гегемонии, с тем чтобы, вернувшись на родину, они развивали эту систему у себя дома. Из стен этого саудовского центра ИБР вышли многие из тех, кто начиная с 1975 г. и на всем протяжении 80–90-х годов, будет

результате нескольких экспериментов, проведенных в Египте, деятельность в этой области вылилась в создание исламских коммерческих банков, которые появились в том же, 1975 году в Дубае. Следующим этапом стало создание транснациональных холдингов: ДМИ («Дар аль-маль аль-ислами» («Исламского финансового дома»)), о рождении которого объявил в июне 1981 года принц Мухаммад аль-Фейсал Аль Сауд, сын покойного короля Фейсала Аравийского (убитого в 1975 году), и группы «Аль-Барака» («Барака»), основанной в 1982 году саудовским миллиардером шейхом Салехом Абдаллой Камелем. Помимо банковской эти холдинги занимаются еще и инвестиционной деятельностью. 80-е годы стали временем настоящего расцвета исламской банковской системы. Это период расширения географии финансовых вложений и разнообразных инвестиционных проектов. В трех странах — Пакистане, Иране и Судане — банки были авторитарным образом исламизированы государством, причем в Иране банки остались национализированными. В других странах речь шла в основном о частных инициативах. В 1995 году в мире насчитывалось 144 исламских финансовых института, из которых 33 банка принадлежали государству, 40 — частным лицам, существовала также 71 инвестиционная компания.²²⁵

В теории исламская финансовая система должна придерживаться основополагающего принципа: запрета на фиксированный процент ссуды, который приравнивается к ростовщичеству (*риба*), запрещенному Кораном.²²⁶ Однако если все улемы и сходятся во мнении о необходимости наложения запрета на лихву, считающуюся еще более страшным грехом, нежели блуд с собственной матерью,²²⁷ то абсолютного консенсуса о равнозначности ссуды и ростовщичества между ними нет. В многочисленных фетвах высокопоставленных религиозных сановников по этому вопросу — последняя принадлежит шейху Аль-Азхара — проводятся различия между двумя этими терминами.²²⁸ Некоторые классические банковские операции при соблюдении определенных условий признаются законными для истинных мусульман. Запрет на взимание ссудного процента, уподобляемого ростовщичеству, объясняется философскими соображениями иного порядка: заранее определяя фиксированную ставку процента, тем самым принимают меры предосторожности от превратностей будущего, уклоняясь от проявления всемогущественной Божественной воли, что выражается емкой арабской формулой «*Иниша Аллах*» («Если будет угодно Аллаху»). Подобный запрет касается также практики страхования, что позволяет уменьшить

возглавлять коммерческие исламские банки во многих странах.

²²⁵ См.: Shaikh S.A. Islamic Banks and Financial Institutions: A Survey // Journal of Muslim Minority Affairs. 1997. Vol. XVII. № 1. p. 118–119. Автор, генеральный секретарь Международной ассоциации исламских банков со штаб-квартирой в г. Джибде, президентом которой является принц Мухаммад аль-Фейсал, насчитывает в общей сложности 187 исламских банков и других финансовых учреждений, институтов по всему миру, однако во внимание принимает лишь 144 из них, о деятельности которых у него имеется точная информация.

²²⁶ См.: Algabid H. Les banques islamiques. P.: Economica, 1990. P. 32–48. Как пишет автор, процентная ставка категорически недопустима и должна приравниваться к запрещенному ростовщичеству. Бывший премьер-министр Нигера, в прошлом — директор Исламского банка развития, Хамид Альгабид на момент публикации этой работы (главы из его диссертации, защищенной в университете Париж-1 в 1988 г.) являлся генеральным секретарем Организации Исламской конференции.

²²⁷ «Риба [ростовщичество] имеет 99 видов, из которых наименее предосудительный приравнивается к блуду между сыном и матерью», — гласит хадис (речение) Пророка, переданный Муслимом — одним из двух собирателей изречений Пророка, которых улемы считают самыми авторитетными источниками.

²²⁸ О спорах среди египетских улемов о законности взимания ссудного процента см.: Galloux M. Finance islamique et pouvoir politique: Le cas de l'Égypte. P.: PUF, 1997. P. 40–45. Нынешний шейх Аль-Азхара, в то время муфтий Республики, выпустил в 1989 г. фетву, которая признавала законной классическую банковскую систему и ссудный процент. В течение десятилетия до выхода в свет этой фетвы исламские финансовые институты успели перехватить у египетских банков множество вкладчиков.

риск в случае несчастных или стихийных бедствий, насылаемых Всевышним по своему выбору.²²⁹

В условиях современной экономики, функционирующей на принципах ссудного процента и страхования — условий продуктивного инвестирования, — многие исламские юристы стали искать «лазейки» («*хияль*») для обхода жестких требований, не давая при этом повода для подозрений в нарушении догматических положений ислама.²³⁰ По мере того как мусульманский мир всё больше втягивался в орбиту мировой экономики, усиливался нажим на улемов. Правительства требовали от них вынесения соответствующих фетв для привлечения сбережений верующих, которые опасались, что доходы по процентам отправят их прямо в ад. К такому подходу, господствовавшему до 70-х годов и стремившемуся найти компромисс с велением времени, добавился другой, реанимировавший абсолютный запрет ссудного процента и стремившийся адаптировать современную экономику под нормы шариата. Подобная точка зрения стала следствием реисламизации политической и культурной сфер. С технической точки зрения такая финансовая система, в «строгом» смысле исламская, зиждется на основополагающем принципе: взимание любого фиксированного ссудного процента запрещено, а прибыль (или убыток) от вложения капитала находится в зависимости от степени риска.²³¹ В условиях интернационализации современной банковской системы соблюдение запрета контролируется наблюдательным советом улемов,²³² «шариатским органом», который следит за законностью совершения сделок и финансовых операций, изымает из оборота прибыль, запятнанную ростовщическим процентом, и направляет ее на богоугодные дела, такие как содержание благотворительных

---

²²⁹ Подробно о дебатах по поводу законности страхования с точки зрения шариата см.: KlingmiilkrE. *Islam et assurances // Les capitaux de l'islam / Sous la dir. de G. Beauge. P.: Presses du CNRS, 1990. P. 153.*

²³⁰ Эта «уловка», позволяющая взимать ссудный процент, претендуя на то, что он не практикуется, особенно бросается в глаза в случае с иранской экономикой, полностью «исламизированной» в соответствии с декретами Исламской Республики. Кредиты предоставляются под «гарантированную норму прибыли», что на деле соответствует ростовщическому проценту, рассчитываемому по курсу «черного» рынка.

²³¹ Различают 5 основных способов инвестирования и финансирования. При использовании принципа мудараба, или доверительного финансирования, банк предоставляет 100 % капитала под проект, а предприятие его реализовывает, вкладывая в дело свои управленческие навыки, предпринимательский талант, усилия и время. Прибыли распределяются в заранее оговоренной пропорции, финансовые убытки несет исключительно владелец денежных средств. Принцип мушарака, или долевого совместного финансирования, предполагает, что банк участвует в капитале предприятия, имеющего проект, при этом прибыль распределяется в заранее согласованном соотношении, убытки же — пропорционально вложенному капиталу. Финансирование коммерческих операций осуществляется по одному из трех вариантов: а) мурабаха, или закупка на срок, предполагает, что банк покупает у поставщика товар для перепродажи его с определенной маржой нуждающемуся в нем клиенту банка и с оплатой товара в рассрочку; б) таажйр равнозначен лизингу; в) бай муаджа соответствует кредиту-займу (продажа с условием отсрочки и/или рассрочки платежа). Все эти операции предполагают тесное взаимодействие между предприятием и банком, который вынужден нести значительные расходы по изучению коммерческой перспективности и надежности проекта..

²³² Развитие исламской финансовой системы породило новый, чрезвычайно доходный род занятий для наиболее известных улемов — постольку, поскольку их присутствие в «*shari'a board*» дает банку или инвестиционной компании серьезную гарантию законности их деятельности. Близкий к «Братьям-мусульманам» египетский шейх Юсеф аль-Карадави, проживающий в Катаре, пользуется большим авторитетом у конкурирующих между собой исламских банков. В этой области улемы играют важную роль, объявляя «незаконной» обычную банковскую систему и тем самым ориентируя наиболее набожных мусульман на исламскую систему. Личные доходы некоторых улемов от этой деятельности — особенно когда своим авторитетом они покрывали сомнительные инвестиционные компании — стали во второй половине 80-х годов предметом широкого обсуждения и вызвали многочисленные споры, в частности, в египетской прессе; см. по этому поводу: RmissittonA. *Societes islamiques de placement de fonds et «ouverture economique». Le Cake: Cedej, 1988.*

гуманитарных организаций.

В 60-х годах, в фазе своего вызревания, исламская финансовая система развивалась двумя параллельными путями, которые затем слились в одну общую поступательную линию развития. Иракский шиитский аятолла Бакир ас-Садр (убитый в апреле 1980 года спецслужбами режима Саддама Хусейна) разработал теоретическую базу становления финансовой системы. В 1961 году вышла в свет его работа «Наша экономика» («Иктисадуна»), в которой он выступал за создание современной финансовой системы, основанной на одних лишь исламских принципах. Книга была опубликована в тот период, когда мусульманские страны уже были интегрированы в мировой капитализм, а некоторые из них — в социалистическую систему под советским патронажем. Экономический курс ни одного из этих государств не отличался какой-либо спецификой. По ас-Садру, исламская экономика является неотъемлемой частью исламского государства, в интересах которого она функционирует, что находится в полном соответствии с политическими концепциями Сайида Кутба и Хомейни. Строительство такой экономики задумывалось как разрыв с немусульманским миром. Таким образом, в экономическом плане у исламистов появился свой идеолог.²³³ Но, так же как и в политике, воплощение на практике экономической теории было отнесено на более поздний срок, который наступил в 1973 году с началом поступления нефтедолларов. В другом месте и другой стране египетский экономист Ахмад ан-Наггар предпринял не носивший никакого идеологического характера эксперимент, целью которого был поиск путей привлечения в экономический оборот сбережений массы людей, не доверявших государственным банкам. В 1963 году он основал сельскую сберегательную кассу в поселке Мит-Гамр, расположенном в дельте Нила. Она применяла на практике исламские экономические принципы, не афишируя этого, чтобы не вызвать гнев Насера. На первый план ан-Наггар выдвигал социальный характер своего предприятия. Не применяя процентной ставки, оно располагало широкой клиентурой в лице простых людей, оставшихся вне рамок официальной сети национализированных банков. Египетскому экономисту удалось не только привлечь их сбережения, но и финансировать проекты, позволявшие некоторым из его клиентов улучшать свое социальное положение. Самым обездоленным выдавались беспроцентные займы («кард хасан»). Выданная сумма погашалась с их текущих счетов. Что же касается более крупных вкладчиков, бравших займы с целью их инвестирования в какие-либо проекты, то они участвовали в рисках предприятий, которые финансировала касса.²³⁴ Наконец, последняя учредила фонд *заката* в размере 2,5 % с капитала, предназначенный для оказания помощи нуждающимся.²³⁵

В 1968 году, несмотря на значительные суммы, находившиеся в обороте, эксперимент был прерван государством из-за проблем, возникших с управлением фондами. Однако и по нынешней день этот эксперимент приводят в пример отдельные исламские банкиры, восхваляя народный и социальный характер его деятельности. В 1972 году Садат, выпустивший из тюрем узников насеровского режима — «Братьев-мусульман», основал Социальный банк имени Насера. Банк практиковал беспроцентные ссуды, собирал и перераспределял *закят* среди нуждавшихся. Будучи исламским банком, который не

---

²³³ В 1969 г. ас-Садр по просьбе кувейтского Министерства вакфов опубликовал более краткую и более прикладную, чем «Наша экономика», работу под заглавием «Беспроцентный банк в исламе» об условиях функционирования исламского банка в «немусульманском» капиталистическом окружении; см.: Mallat Ch. Muhammad Baqer as-Sadr // Pionneers of Islamic Revival / Ed. Ali Rahnama. L.: Zed Books, 1994. P. 263–267.

²³⁴ Об организации и функционировании исламской банковской системы и ее финансовых институтов см.: al-Omar F., Abdel-Haq M. Islamic Banking: Theory, Practice: and Challenges. L.: Zed Books, 1996. P. 1–19. На французском языке, кроме работы Хамида Альгабида, хотя и пристрастной, но дающей полную картину, см. также: Beauge G. Les enjeux de l'islam dans le champ econo-mique // Les capitaux de l'islam. P. 20–28.

²³⁵ См.: Galloux M. P. 23–35.

афишировал этого (был даже назван именем Насера), он служил государству, которое использовало его как инструмент вмешательства в дела благотворительности и религии. Банк помогал государству перехватывать контроль над этими областями у исламистского движения, которое превратило их в одну из главных сфер своей деятельности, где они вербовали новых сторонников и активистов.²³⁶

Однако истинный подъем современной исламской финансовой системы, апеллирующей к религиозным и социальным идеалам, был связан совсем с другим явлением — оборотом в банковской системе нефтедолларовой манны. Эти гигантские фонды, находящиеся в распоряжении стран-экспортеров нефти, образовались в результате скачка цен на нефть после октябрьской войны 1973 года.²³⁷ В последующие годы иммигранты, работающие в этих странах, стали обладателями огромных наличных средств. Речь идет о невиданном доселе финансовом потоке, вынесшем на поверхность новый транснациональный мусульманский средний класс, многие представители которого заражались исламским духом во время своего пребывания и, соответственно, обогащения в нефтедобывающих монархиях Залива. Нувориши нуждались в способах инвестирования своих накоплений таким образом, чтобы обезопасить их от конфискации, национализации и иных изъятий, возможных со стороны официальных банков своих стран, особенно если те контролировались государством. Новые богачи, удовлетворив собственные потребительские нужды, хотели делать выгодные вложения, пусть даже рискованные. Наконец, они были готовы поддержать частную банковскую систему, систему без границ, которая соответствовала их собственной расширенной — от страны происхождения до страны обогащения — социальной идентичности. Исламские банки сумели адекватно среагировать на этот беспрецедентный финансовый спрос; одновременно они консолидировали эту новую социальную группу, членами которой являлись их вкладчики, сформировали набожный средний класс, преданный саудовским интересам и зависимый от них.

Египетский Исламский банк Фейсала, учрежденный в 1977 году, полностью соответствовал этой модели. Возглавляемый саудовским принцем, сыном короля Фейсала, который дал банку свое имя, дабы внушить большую уверенность благочестивым вкладчикам и инвесторам, банк установил фиксированный минимум вклада в 200 долларов — сумму, которая по тем временам многократно превышала зарплату профессора египетского университета. Это означало, что банк был рассчитан на клиентуру в лице обладателей валюты, озабоченных тем, чтобы их сбережения приумножались «согласно шариату», то есть на экспатриантов. Уставной капитал на 49 % принадлежал крупнейшим саудовским семьям, в том числе Бен Ладенам. Банк пользовался поддержкой египетского религиозного истеблишмента, в частности шейха Шаарави, чаще других появлявшегося с проповедями на экране телевизора, видных руководителей буржуазного исламистского течения, а также крупнейших бизнесменов и предпринимателей, связанных с властями. Благодаря такой поддержке банк обрел вполне благочестивый имидж, что внушало к нему доверие целого класса потенциальных вкладчиков, влекомых к тому же наживкой сулимой выгоды: банк выплачивал проценты, превышавшие ставки обычных банков, отдавая предпочтение краткосрочным операциям в высокорентабельных секторах, которые финансировали потребление, стремительно развивавшееся в условиях экономической либерализации. Подвизался он даже в сфере спекуляции драгоценными металлами. В первой половине 80-х годов наблюдалось повальное увлечение банковской деятельностью, создавались сотни исламских инвестиционных компаний, выплачивавших годовые в размере 25 %. В большинстве своем эти компании возникали в среде менял на «черном» рынке. Их

---

²³⁶ Ibid. P. 28–35.

²³⁷ О взаимосвязи между скачком цен на нефть и зарождением исламской финансовой системы см.: Sid Ahmed A. *Petrole et economie islamique // Les capitaux de l'islam*. P. 73.

руководители умели обходить бюрократические препоны, чтобы с выгодой проворачивать прибыльные дела. Эти компании аккумулировали значительные капиталы, привлекая вкладчиков высокой доходностью и религиозной гарантией законности такого рода деятельности. С этими фирмами сотрудничали улемы, издававшие фетвы, в которых подвергались осуждению обычные банки и восхвалялись исламские инвестиционные общества.

В Египте такие компании и общества вначале пользовались поддержкой отдельных представителей власти, усматривавших в них возможность интеграции религиозных средних слоев. Расчет делался на то, что, размещая таким образом свои средства и извлекая из этого большую прибыль, эти слои не были бы расположены вступать в радикальную оппозицию режиму, к которой призывали интеллектуалы-исламисты — «родители» убийц Садата и экстремистских движений 70-х годов. Вместо того чтобы примыкать к оппозиции, эти слои экономически интегрировались бы в существующую систему и не были бы заинтересованы в смене политического режима, который позволял им обогащаться. Однако начиная с 1988 года власть стала опасаться, как бы финансовая мощь этих компаний не вышла из-под контроля и не превратилась бы в кладовую, из которой исламисты черпали бы средства на войну против «безбожного» режима президента Мубарака. Мечети, больницы, диспансеры, публикация «исламской литературы» и различные виды благотворительной деятельности, финансируемые инвестиционными компаниями, уже воспринимались не как желательный паллиатив социальной политике правительства, а как зародыш государства в государстве, в котором зрел заговор набожной буржуазии, исламистской интеллигенции и неимущей городской молодежи против власти. С этого момента инвестиционные компании превратились в объект критики правительственных газет и журналов, которые на других страницах продолжали размещать рекламу этих компаний, печатали интервью с их руководителями и рекомендательные фетвы высокопоставленных исламских сановников. В обличительных статьях раскрывались связи этих организаций с экстремистами, разоблачались их мошеннические операции. Наконец, от них потребовали изменения их правового статуса. Все эти меры подорвали к ним доверие вкладчиков, бросившихся изымать свои средства, что ускорило крах многих фондов, особенно тех, что занимались наиболее рискованными и спекулятивными операциями.

На примере Египта хорошо видна двойственность исламской финансовой системы — объекта зависти и попыток установить над ней контроль как со стороны государства, так и со стороны исламистской оппозиции. Несмотря на послабления, оказывавшиеся на первых порах банкам и инвестиционным компаниям, строившим свою деятельность на законах шариата, правительство узрело в них растущую политическую опасность. Эта угроза стала обретать конкретные очертания начиная с 1986 года, после освобождения большинства заключенных, проходивших по делам об убийстве Анвара Садата и мятеже в Асьюте,²³⁸ и после того, как восстание новобранцев-полицейских, протестовавших против нищенских условий жизни, закончилось погромами крупных отелей, расположенных в районе Пирамид.²³⁹ Таким образом, несмотря на гарантии социального консерватизма, которые Саудовская Аравия предоставила находившейся под ее влиянием банковской системе, экспансия последней через инвестиционные компании и организации, возглавлявшиеся неподконтрольными руководителями, открывала набожной буржуазии дорогу к политической автономности. Эта буржуазия могла качнуться в сторону радикальной оппозиции, объединиться с экстремистскими кругами, бенефициантами отдельных

---

²³⁸ Через 2 дня после убийства Садата, совершенного 6 октября 1981 г. группой «Аль-Джихад», филиал движения в Верхнем Египте поднял восстание в Асьюте, которое было подавлено с помощью армейских десантников.

²³⁹ О бунте полицейских-новобранцев см.: Kepel G. Egypte: Le rais, les mutins et le baril // Les Cahiers de l'Orient. 1986. № 2. P. 69.

фондовых компаний с целью свержения в перспективе существующего режима. Вот те причины, по которым государство было вынуждено вмешаться, дабы обуздать строптивые банки и компании путем принятия в 1988 году соответствующих законодательных актов. В дополнение к ним на следующий год муфтий республики, шейх Тантави, издал фетву, которая признавала соответствующей нормам ислама египетскую классическую банковскую систему, практиковавшую предоставление ссуд под проценты.

Взаимосвязь между финансовой системой и политической активностью сыграла важную роль в соседнем с Египтом Судане, облегчив захват власти исламистским движением в 1989 году. Президент Нбмейри дал разрешение на открытие Исламского банка Фейсала в 1977 году, в тот период, когда суданский режим пытался прорвать международную изоляцию, проводя политику «национального примирения», сторонниками которой были «Братья-мусульмане». Для власти такой шаг открывал возможность привлечения саудовских фондов, внесших в уставной капитал 60 % средств. Банк находился под влиянием «Братьев»; некоторым из них в начале 70-х годов, когда Нимейри преследовал исламистов, принц Фейсал предоставил убежище в Саудовской Аравии. Другим руководителем банка стал высокопоставленный руководитель при режиме Тураби после 1989 года. Как и основанный немного позже банк «Аль-Барака», Исламский банк Фейсала создал не только рабочие места для многих дипломированных молодых специалистов, обеспечив им социальную карьеру, но и привлек вклады суданцев-иммигрантов и базарных торговцев. И «Аль-Барака», и Исламский банк Фейсала считались одним из форпостов исламистского движения. В отличие от египетских и алжирских собратьев суданские исламисты не имели опоры в народе, а вербовали себе сторонников в образованных привилегированных кругах молодежи. Банки сыграли ключевую роль в формировании набожной мелкобуржуазной прослойки, которая, как мы увидим ниже, в подходящий момент объединится с исламистской интеллигенцией и армейскими офицерами для захвата власти в 1989 году путем совершения государственного переворота (но не революции, так как бедная городская молодежь останется в стороне от событий).

В Пакистане, Малайзии, Иордании и даже в таких светских государствах, как Турция и Тунис, создание исламских банков, зачастую сопровождаемое снижением для них налогового бремени, всегда находилось на стыке межнациональных и национальных интересов, как в приведенном нами выше примере с Египтом и Суданом. Для Саудовской Аравии и политико-финансовых кругов нефтяных монархий Залива это было возможностью укрепить связи с местной буржуазией; для правящих режимов в этих государствах банки служили средством разубедить буржуазию примыкать к радикальным исламистским движениям. Исламисты же видели в банках возможность накопления неподконтрольных власти средств, предназначенных для ее свержения. Банки стали одним из важнейших факторов исламистской экспансии 80-х годов, так как их судьба влияла на политическую ориентацию набожных средних классов. Последние заняли различные политические позиции в зависимости от ситуации в своей стране. Но во всех случаях они воспользовались возникновением этой банковской системы, чтобы составить особую социальную и культурную группу, желавшую самостоятельно заявить о себе. Это способствовало повышению влияния — и респектабельности — исламистской идеологии, которая за истекшее десятилетие заметно обуржуазилось. Впрочем, в то время было еще неясно, чему отдаст предпочтение эта новая буржуазия — борьбе за убеждения или сугубо финансовым интересам.

Глава 4

«Интифада» и исламизация палестинской проблемы

В 80-е годы внимание исламского мира было приковано к иранско-саудовскому соперничеству, отодвинувшему на второй план проблемы Ближнего Востока. Линии силового поля переместились на восток: вначале — в район боевых действий на

иракско-иранском фронте во время войны между этими государствами, затем, во время джихада, — в район Афганистана и Пакистана. Священные идеалы борьбы палестинского народа за независимость, цементирующие арабскую нацию и бывшие основой ее самосознания, во многом утратили свою привлекательность и действенность. Померк облик Организации освобождения Палестины, запутавшейся в перипетиях гражданской войны в Ливане и ослабленной израильскими репрессиями на оккупированных территориях. В военном отношении ООП сразу же после израильского вторжения в Ливан в 1982 году была окончательно вытеснена с его территории. Наконец, в декабре 1983 года Арафат и его сторонники были вынуждены покинуть ливанский г. Триполи в результате вступления на его территорию войск Сирии, поддержавшей оппозиционные ООП палестинские группировки, сила и дерзость которых возрастала по мере учащавшихся провалов Организации.

С началом интифады в конце 1987 года дело Палестины вновь обрело утраченную в начале десятилетия ауру. Движение, в переводе с арабского означающее «подъем», завоевывало популярность как «восстание камней», восстание безоружной палестинской молодежи против израильской оккупационной армии. Это восстание нанесло такой урон еврейскому государству, его международному и моральному имиджу, что Израиль будет вынужден начать процесс признания ООП. Процесс обретет конкретные формы с окончанием войны в Заливе в 1990–1991 годах. Он приведет в сентябре 1993 года к заключению израильско-палестинской «Декларации о принципах» и созданию в Газе автономной палестинской администрации, во главе которой в июле 1994 года встанет Ясир Арафат.

Однако, вновь обретая с началом интифады свой престиж, дело Палестины частично изменило свой имидж. Прежде оно воплощало одновременно арабский национализм и идеалы, которые на международной арене разделялись тьер-мондистским и социалистическим движением. Оно оставалось за пределами формировавшегося исламского пространства. В этом плане джихад в Афганистане подменил дело Палестины в качестве идентификационного полюса. Для определенной части арабской молодежи именно Афганистан стал полем битвы, хотя Абдаллах Аззам в своих публикациях не уставал напоминать, что сражаться в Палестине, как и в Афганистане, — индивидуальная обязанность каждого мусульманина, чья земля «захвачена врагом». В сознании молодого поколения на смену ливанским палестинским лагерям 70-х годов пришли лагеря «джихадистов» в Пешаваре. Возникло осознание острой необходимости финансовой поддержки со стороны нефтедобывающих арабских государств. Как заявил один из руководителей ООП, организация была бы счастлива получать «хотя бы 10 % помощи, идущей моджахедам в Афганистане». Начало интифады изменило это видение: в полный голос заявило о себе исламистское движение на оккупированных территориях, в частности в секторе Газа. ООП утратила монополию на символическое представительство палестинцев, и ей пришлось упорно сражаться за сохранение своей гегемонии.

Выше мы уже отмечали, каким образом иранской революции удалось создать и вдохновить на активные действия пусть и малочисленную, но очень дееспособную организацию — «Исламский джихад», которая на практике соединила исламистскую идеологию и борьбу против израильской оккупации, в отличие от боееспособной, но нерелигиозной по духу ООП, и исламской по своей природе, но политически бездеятельной ассоциации «Братья-мусульмане». «Исламский джихад» заявил о себе проведением ряда громких эффектных акций, в частности покушениями и убийствами военнослужащих израильской армии. Однако ему не удалось ни заручиться поддержкой населения, ни породить массовое движение солидарности в свою поддержку. Своим возникновением исламистское движение было в основном обязано «Братьям-мусульманам», которые отказались от традиционного квиетизма и с созданием движения «Хамас», появившейся через несколько дней после начала восстания, перешли к джихаду против оккупантов.

Развертывание интифады обычно относят к 8 сентября 1987 года. В этот день израильский грузовик совершил наезд на два палестинских такси. В результате

происшествия погибли четыре человека. Накануне в Газе был зарезан один израильтянин, и случившееся на следующий день было истолковано как ответная месть, а не как рядовое дорожное происшествие. Палестинская молодежь из лагерей беженцев, охваченная чувством гнева, вышла на демонстрации протеста, вылившиеся в массовые народные волнения. К удивлению руководителей заграничной штаб-квартиры ООП, впрочем как и «Братьев-мусульман», вместо привычного быстрого спада последовало мощное развертывание волнений вширь. Интифада началась в политическом и социальном контексте, схожем с обстоятельствами возникновения исламистского движения 70-х годов в Египте, но имевшем и специфически палестинские черты. Так же как и в Египте, где движение протеста начало активно развиваться через 20 лет после прихода к власти Насера в июне 1952 года, когда поколение, не жившее при прежнем режиме, подросло и призвало к ответу руководство страны, интифада в Палестине началась через 20 лет после оккупации в июне 1967 года Израилем палестинских территорий. У молодежи 1987 года не было иного опыта, кроме жизни в условиях оккупации и руководства сопротивлением со стороны элиты в лице ООП. Последняя сохраняла свое привилегированное положение в палестинском обществе благодаря пожертвованиям палестинской диаспоры и, в особенности, финансовой помощи со стороны нефтяных монархий Персидского залива, которую ООП распределяла на месте. Однако в политическом и военном отношении ООП уступала Израилю и не могла вывести из идейного тупика молодежь, в среде которой со временем произошли глубокие изменения. Прежде всего эти изменения носили демографический характер: на оккупированных территориях был установлен мировой рекорд рождаемости. Около половины населения составляли подростки, не достигшие 15-летнего возраста, а 70 % местных палестинцев было не старше 30 лет. Образование стало всеобщим: в 1984–1985 годы в Палестине насчитывалось 30 тысяч студентов, столько же палестинцев обучалось за границей. Однако лишь 20 % выпускников средних и высших учебных заведений удавалось найти работу по специальности после получения диплома. Среди высших учебных заведений следует назвать Исламский университет в Газе, основанный под патронажем «Братьев-мусульман» в 1978 году, в котором проходили обучение около 5 тысяч студентов. Кроме того, исламские высшие учебные заведения были открыты в Хевроне и Иерусалиме. Студенты, в основном выходцы из средних слоев населения, после получения диплома в большинстве своем или пополняли армию безработных, или довольствовались поденной работой в Израиле. В такой чрезвычайно напряженной ситуации удавалось избежать социального взрыва благодаря международной помощи, эмиграции в арабские нефтедобывающие страны и денежным переводам эмигрантов. Однако изменения на нефтяном рынке в 1986 году значительно урезали размеры этой халявы. Одновременно усиливалась израильская колонизация оккупированных территорий, поощрявшаяся к тому же притоком иммигрантов-евреев из России. Израиль ставил препятствия на пути экономического развития и любых инвестиций, грозивших становлением и усилением палестинской нации.

Подобное положение оказалось благоприятным для вызревания молодежи как самостоятельного политического субъекта. Вот первая характерная черта интифады, нераспознанная палестинскими руководителями всех политических направлений. Именно в лагерях беженцев в Газе, где проживала наиболее обездоленная часть населения, манифестации приняли самый большой размах с первых дней народных волнений. Другие социальные группы, принявшие участие в движении протеста, — сельские жители (трудившиеся в основном на поденных работах в Израиле) и коммерсанты — присоединились к нему лишь в 1988 году, когда уже стало ясно, что спада накалу борьбы не предвидится и что их политические и экономические интересы скорее окажутся под угрозой, если они не примут участия в этом восстании, чем если они останутся сторонними наблюдателями. Однако на протяжении этих четырех-пяти лет восстания молодежь (*шебаб*) играла в нем все же главную роль, убежденная в том, что ей нечего терять в этих столкновениях, какими бы жестокими они ни были.

ООП и «Хамас» вступили в острое соперничество за руководство интифадой. Каждая сторона стремилась взять под контроль и использовать в своих целях молодежь, приверженность которой идеям той или иной организации могла коренным образом повлиять на результаты борьбы. Кроме того, и ООП и «Хамас» ревностно следили, чтобы молодежь не переметнулась в стан идейного противника. «Хамас» располагал важными козырями. Как мы уже отмечали, демографическая и социальная напряженность, особенно остро проявлявшаяся на оккупированных территориях, была аналогична тем условиям, которые способствовали возникновению исламистских Движений в других странах. Однако ООП, в отличие от дискредитировавших себя арабских режимов, не управляла государством, на которое молодежь могла излить свой гнев. При всех своих слабостях и неудачах 80-х годов ООП оставалась воплощением движения сопротивления и борьбы за грядущую независимость. В глазах палестинцев Арафат располагал несравненно более значимой и весомой политической легитимностью, чем любой другой руководитель арабского государства региона. Прежде всего восстание было направлено против израильской оккупации. И тем не менее исламистское соперничество явилось тяжелым испытанием для палестинской националистической организации.

«Братья-мусульмане», сплотившиеся 9 сентября 1987 года вокруг своего лидера шейха Ахмада Ясина, распространили 14 сентября манифест за подписью Исламского движения сопротивления с призывом усилить повстанческую борьбу. Однако только лишь в феврале 1988 года «Братья» признали свою причастность к этому движению. Начальные буквы его названия на арабском языке (ХМС, «Харакат аль-мукавама аль-исламийя») превратятся в аббревиатуру «Хамас» («Рвение»), под которой палестинский исламизм станет известен всему миру. В первые месяцы колебаний «Братья», с одной стороны, опасались, что израильские репрессии обрушатся как на восставших, так и на саму их организацию, если она заявит о своей причастности к этим событиям. С другой стороны, они боялись, что от них отвернется беднейшая молодежь, перейдя в лагерь «Исламского джихада» или ООП. Вот почему «Братья» придали «Хамасу» облик военизированной структуры, действовавшей независимо от них. В их нерешительности проявлялась также растерянность движения, возглавлявшегося религиозными лидерами, врачами, фармацевтами, инженерами и преподавателями — то есть интеллектуалами из набожных средних классов, — перед спонтанной и воинственной инициативой неимущей молодежи. Момент, в который «Братья» решили признать свое отцовство над «Хамасом», совпал по времени с выходом на политическую сцену торговцев. Втянутые в борьбу представителями *шебаб*, они вступили в столкновения с израильской полицией, закрывая свои лавки по призыву забастовщиков. Торговцы представляли социальную группу, традиционно близкую к «Братьям». С того момента, как религиозные представители средних классов и *сука* (базара) присоединились к восстанию, открылся путь к развитию мощного исламистского движения. «Братья-мусульмане» видели в бедной молодежи уже не непредсказуемого политического игрока, а благодатное поле для прозелитизма, тем более что в марте 1988 года израильские репрессии привели к уничтожению ячеек «Исламского джихада», освобождая политико-религиозное пространство от любого радикального конкурента. «Хамас» прикладывал все усилия для того, чтобы направить в нужное русло непредсказуемую социальную ярость молодежи и поставить ее благочестивое «усердие» на службу своему проекту создания особого общества. «Хамас» играл на трех струнах: частнособственнической, социальной и политической. Благодаря моральным императивом своей идеологии, «Хамас» пытался превратить обездоленную молодежь в носителя истинных исламских ценностей, на которого возложена задача наказать «пороки» средних классов и буржуазии, чья свобода нравов и западничество будут осуждаться как результат «еврейской испорченности», поставив под вопрос этическую легитимность их элитарного статуса. Нападения на «неисламские» культурные учреждения и места продажи спиртного и даже обливание кислотой женщин, не носивших мусульманского платка (как правило, представительниц средних классов общества), — всё это вписывалось в логику превращения

реисламизированных народных слоев в истинных выразителей ценностей общества, приходивших на смену морально запятнавшим себя светским элитам. Подобное явление наблюдалось в 1978 году в период иранской революции, когда духовенство взяло под контроль народное движение. Оно же даст позднее знать о себе в Алжире с распространением вооруженных исламистских групп. Апелляция к морали воспевала бедноту как истинное воплощение народа, чистой и искренней уммы — в противовес «испорченным» светским элитам — и ориентировала ее на союз с набожной буржуазией. ООП, также застигнутая врасплох непредсказуемым процессом развития интифады, восприняла происходившее как вызов своей политической гегемонии. Руководство организации усматривало в этом стихийно возникшем движении угрозу своей власти, авторитету поколения более взрослых и сложившихся политиков. С января 1988 года установилось шаткое равновесие между националистически настроенной молодежью Газы, Западного берега и Иерусалима, принадлежавшей к различным фракциям ООП («Фатх», НФОП, ДФОП, Коммунистической партии), и руководством ООП в изгнании в Тунисе, не оставлявшим попыток взять инициативу в свои руки. Создание Объединенного национального командования (ОНК) явилось компромиссом между политическим руководством движения, находившимся в ссылке и возглавлявшимся Арафатом, и молодым поколением более скромного происхождения, впервые возложившим на себя ответственность за происходившее. ОНК столкнулось с многочисленными проблемами: оно должно было одновременно бороться с израильскими оккупантами, сдерживать набирающую силу «Хамаса» и увертываться от цепкой опеки Туниса. Выход виделся в одном: обеспечить себе признание *шебаб*, направив ее энергию на решение политических задач борьбы против израильских оккупантов, не выходя при этом за рамки дозволенного и предложив им альтернативу исламистскому видению общественного устройства.

С лета 1988 года «Хамас» и ОНК повели открытую борьбу за симпатии участников интифады, публикуя несовпадавшие списки «обязательных» забастовочных и рабочих дней. Из столкновений победителями вышли исламисты, которым ОНК было вынуждено предоставить право издавать собственный календарь. Впервые в истории палестинского движения исламистам удалось навязать свою волю националистам. Возраставшая сила исламистского движения сказалась и в идеологической сфере с принятием 18 августа хартии «Хамаса», отличной от хартии ООП, бывшей до этого времени единственной программой действий. В ней провозглашалось, что джихад за освобождение Палестины, мусульманской территории, оккупированной врагом, являлся священной обязанностью каждого мусульманина (*фард айн*). Это заявление напоминало отголосок заявлений подобного рода, делавшихся Абдаллахом Аззамом из Пешавара по поводу Афганистана (и Палестины): «(...) кроме джихада, нет иного решения палестинской проблемы. Всевозможные резолюции, инициативы, международные конференции — лишь пустая трата времени и бесполезная возня». Принятие хартии «Хамаса» — это был также вызов начавшемуся 15 ноября в Алжире заседанию Палестинского национального совета, «парламента» ООП. На этом заседании было провозглашено создание независимого палестинского государства и признано право на существование государства Израиль.

С этого момента исламисты и националисты вступили между собой в состязание: «Хамас» активно противился дипломатической деятельности ООП, выставя ее жертвой «еврейской двуличности». Любое ухудшение отношений с Израилем шло на пользу стратегии «Хамаса». Что же касается ООП, то продолжение интифады служило поводом для усиления давления на еврейское государство, принуждения его к переговорам на более благоприятных для палестинской стороны условиях. В этом противостоянии главная ставка состояла в привлечении на свою сторону «народных комитетов», создававшихся на уровне кварталов, лагерей и деревень. Именно комитеты организовывали повседневную повстанческую деятельность, следили за несением караульной службы, восстанавливали металлические жалюзи магазинов, ремонтировали сбивавшиеся израильскими патрулями запоры и меняли замки на дверях лавок. Комитеты проводили в жизнь тактику выживания в

условиях, когда бойкот и постоянные забастовки, отставки палестинских чиновников и полицейских-палестинцев вели к появлению дефицита, обеднению населения и удушению экономики.

В течение 1989 года возраставшие экономические трудности усугубились политической блокадой, поскольку после алжирского конгресса Израиль продолжал отказываться от переговоров с ООП. Это повлекло за собой усиление радикальных настроений среди населения и рост популярности исламистов. Кроме того, «Хамас» умело использовал в целях пропаганды своих идей мечети и благотворительные ассоциации «Братьев-мусульман», которые продолжали пользоваться благосклонным отношением израильских властей. В сентябре правительство Израиля, обеспокоенное возраставшим влиянием исламистов, изменило свою стратегию, предприняв первые репрессивные меры. Были арестованы и осуждены шейх Ахмад Ясин и более 200 основных активистов движения. В свое время египетский режим Садата, поощрявший *«гамаат исламийя»* в их борьбе против левых сил в студенческих городках, впоследствии разгромил их. Так же и Израиль попытался сломить движение, которое, хотя и раздражало националистов из ОНК, превратилось в грозного противника еврейского государства благодаря массовому притоку молодежи в ряды «Хамаса». На этой стадии репрессии лишь прибавили популярности исламистскому движению в глазах населения оккупированных территорий. На место заключенных в тюрьмы руководителей пришло более молодое, политически менее опытное поколение, рвение которого не могло не вылиться в беспорядочные акты насилия. Та же эволюция наблюдалась и в рядах националистов, элита которых подвергалась репрессиям уже давно и в еще больших масштабах.

Тысяча девятьсот девяностый год — третий с начала интифады — стал годом роста влияния «Хамас» в различных палестинских профсоюзных организациях, которые до этого находились под контролем сторонников ООП. Впервые исламисты одержали победу на выборах руководящих органов профсоюзов, что свидетельствовало об их прорыве в среду среднего класса. Одновременно им удалось перехватить значительную часть помощи из арабских стран Залива: в 1990 году Кувейт передаст 60 млн долларов «Хамас» и только 27 млн — ООП. Таким образом, палестинскому исламистскому движению удалось привлечь на свою сторону наряду с религиозной буржуазией и неимущую молодежь из лагерей беженцев, где царили напряженность и нетерпение в связи с отсутствием отклика на мирные инициативы Арафата. В апреле 1990 года ООП в ответ на этот вызов предложила «Хамасу» войти в состав Палестинского национального совета в надежде превратить ее в оппозиционное меньшинство, подконтрольное ООП по примеру НФОП, ДФОП и Коммунистической партии. Исламисты потребовали примерно половину мест в Совете, возвращения статьи о ликвидации Израиля и признания джихада единственным путем к освобождению Палестины. Если бы эти условия были приняты, то фактически «Хамас» стал бы основной силой ПНС, поставив под угрозу срыва все дипломатические усилия по урегулированию палестинской проблемы, достигнутые на переговорах в Алжире в декабре 1988 года. ООП отклонила все претензии «Хамаса», что привело к усилившемуся противостоянию и словесным перепалкам между лидерами обеих организаций. При этом «Хамас» находился в более выгодном положении. Исламистам удалось расширить свое влияние в народе, и, казалось, их популярность должна была расти и впредь, тем более что война 1990–1991 годов в Заливе (о чем мы подробнее расскажем в третьей части) нанесла жесточайший удар по ООП, руководители которой поддержали Ирак в его борьбе против Кувейта и Саудовской Аравии. Ослабление центрального органа палестинского сопротивления обернулось неконтролируемым ростом насилия, убийствами сотен реальных и мнимых «коллорабационистов», игнорированием призывов Объединенного национального командования к забастовочной борьбе. ОНК уже не удавалось сдерживать повстанческое движение. Складывалось впечатление, что в Палестине, как, впрочем, и в других уголках мира, исламистам рано или поздно удастся одержать победу над националистами, а джихад на оккупированных территориях подхватит эстафету идущего на убыль афганского джихада.

К моменту начала кризиса в Заливе в 1990 году палестинские исламисты, воспользовавшись интифадой, сумели начать динамичный политический процесс, мобилизовав как неимущую молодежь, так и религиозные средние классы и лишив ООП ее гегемонии. Последнее знамя арабского национализма, казалось, вот-вот изменит свою символику и перейдет в исламистское идейное пространство — как это было с Афганистаном и произойдет с Алжиром и Боснией. Однако способность Арафата вновь встать на ноги и изменять ход событий — способность, доказанная двумя десятилетиями невзгод и испытаний, — дала о себе знать и в этот раз, в чем мы убедимся в третьей части книги.

Глава 5 Алжир: годы триумфа Исламского Фронта Спасения

Менее чем через год после начала интифады другая арабская страна, воплощавшая в свое время арабскую идею, тьер-мондизм и антиимпериализм, оказалась в объятиях политического ислама: в октябре 1988 года Алжир стал ареной самых крупных с момента обретения независимости в 1962 году массовых народных волнений. Бедная городская молодежь, оттесненная на обочину общества засильем высшей военной иерархии, контролировавшей власть через партийный аппарат Фронта национального освобождения (ФНО), вышла на улицу, демонстрируя, что отныне она — полноправный общественный субъект. Как в Египте и Палестине, эти события затронули первое поколение, вступающее в пору зрелости, не зная никакого иного режима, кроме того, против которого оно выступило. И здесь демографический взрыв вытолкнул детей феллахов в города и пригороды, где они оказались в трудных условиях; и здесь масса молодых людей впервые в истории получила доступ к образованию — источнику больших надежд и невыносимых разочарований у тех, чьи полученные с трудом дипломы ничего не стоили на рынке труда. В 1989 году 40 % из 24 млн алжирцев были младше 15 лет, городское население составляло более 50 %, прирост рождаемости равнялся 3,1 %, а 61 % подростков имели среднее образование. «Официальный» показатель безработицы докатился до 18,1 % активного населения (на деле, вероятно, он был гораздо выше). В 1995 году официально он составлял уже 28 %.

Алжирская городская молодежь получила прозвище *хиттистов* — от арабского слова «хит» («стена») и французского суффикса «-ист». Эта лингвистическая идиома местных юмористов обозначала молодого безработного, проводившего целые дни подпирая стены домов. На самом деле в этом прозвище была своя политическая и идеологическая подоплека. Предполагалось, что в социалистической стране, где каждому гарантировалась занятость, профессия хиттиста заключалась в «подпираании стен», чтобы они не падали. Прилипшая к молодым людям кличка превращала их в социально пассивный объект, не озабоченный своей дальнейшей судьбой. Этим они отличались от иранских «обездоленных» («*мостадафин*»), воспетых религиозными движениями, которые звали их под свои знамена и возводили в ранг носителей смысла Истории и Откровения.

Октябрьские дни 1988 года также вписались в специфически алжирский контекст конца этого десятилетия: углеводородное сырье составляло 95 % выручки от всего экспорта и обеспечивало 60 % бюджетных поступлений. При президентах Бен Белле (1962–1965 гг.) и Бумедьене (1965–1978 гг.) Алжирское государство представляло собой своего рода народную нефтедемократию. Доходы от нефти позволяли монополизировавшему их режиму покупать социальный мир, субсидируя импортируемые продукты потребления в обмен на политическую пассивность населения. По примеру советской модели общества, власти запрещали свободу слова, преследовали любое проявление оппозиционных настроений. В государстве существовала однопартийная система. Партия власти — Фронт национального освобождения (ФНО) — пользовалась неоспоримой легитимностью в память о своих

заслугах в войне 1954–1962 годов за независимость против Франции.²⁴⁰ На деле же под прикрытием социалистических лозунгов и призывов к «сплоченности революционной семьи» вокруг ФНО подлинные обладатели власти подбирались в основном из арабоязычного населения востока страны (именно из этого района были родом высшие чины армейского командования и партийной номенклатуры)²⁴¹ в ущерб представителям центральных и западных областей, а также кабиллов, понесших огромные жертвы в период войны за независимость и тем не менее заслуги которых в расчет не принимались.

Этот баланс сил, скрещенный из социализма и субсидий, репрессий и официальной идеологии, покоился на хрупком экономическом равновесии, обусловленном в основном высокими ценами на энергоносители. В 1986 году крах нефтяного рынка, сопровождавшийся двукратным сжатием госбюджета, обрушил всё здание. Ко всему прочему демографический взрыв вызвал резкий рост спроса как в продовольственной сфере, так и в сфере городской инфраструктуры, привел к острому жилищному кризису, росту безработицы и т. д. Сбои плановой экономики обернулись нехваткой многих товаров первой необходимости, что, в свою очередь, отягощалось коррупцией и расширением неформального спекулятивного коммерческого сектора, *трабендо*.²⁴² В частности, на строительном рынке наметилось значительное отставание предложения от спроса,²⁴³ что создавало ситуацию перенаселенности и скученности, способствовавшую социальному взрыву.

В этой атмосфере общего спада, отмеченной непрекращавшимися забастовками, 4 октября 1988 года вспыхнули народные волнения. Бедная алжирская молодежь громила символы государственной власти, общественные организации и службы (автобусы, дорожные знаки, агентства алжирской авиакомпании «Эр Альжери»), шикарные автомобили и великолепные магазины коммерческого центра «Рияд аль-Фатх» («Сады победы»), выстроенного в верхней части города, — излюбленного места времяпрепровождения «чи-чи» — золотой молодежи. Последовала мгновенная ответная реакция сил охраны правопорядка, в результате которой погибли многие сотни человек. Безжалостность полицейских по отношению к молодым участникам волнений, ежедневно наблюдавших по телевизору за жестокими репрессиями израильской армии против повстанцев в Палестине, стоила им (полицейским) презрительной клички «евреев». Правящий режим и представить себе не мог, что его антисионизм обернется против него же подобным образом. Октябрьские волнения носили спонтанный характер. Они продемонстрировали также накал социального недовольства против политико-идеологической линии властей, граничившего со слепой яростью: рядом с коммерческим центром «Рияд аль-Фатх» кем-то из «хулиганов» был спущен государственный флаг и на его место водружен пустой мешок из-под пшеничной крупы. Однако эти дни не свелись только лишь к «студенческому разгулу»,²⁴⁴ как это

---

²⁴⁰ В полицейском государстве, где любое проявление инакомыслия находилось под запретом (как это было в странах «народной демократии» Восточной Европы), легитимизация власти через апелляцию к эпохе борьбы за независимость и переписывание истории были главной заботой алжирского руководства на протяжении четверти века после 1962 г. На эту тему подробно писали историки Мухаммад Харби, Моника Гадан и Бенжамен Стора. См. также: Kerpel G. A l'ouest d'Allah. P.: Seuil, 1994. P. 217–219.

²⁴¹ Алжирцы с юмором окрестили этот район аббревиатурой «БТС» по названию городов Батна, Тебессал Сук Ахрас, образующих треугольник вокруг Константины, традиционной метрополии Алжира, где в 1931 г. была основана Ассоциация алжирских улемов.

²⁴² Термин «трабендо» происходит от разговорного испанского «*estraperbo*» («контрабанда, черный рынок»).

²⁴³ В середине 90-х годов Алжир при населении в 28 млн человек располагал 4 млн единиц жилья низкого качества и в ветхом состоянии, что делало эту страну одной из самых перенаселенных в мире.

²⁴⁴ Выражение принадлежит Али Аммару, представлявшему во Франции Землячество алжирцев в Европе — организацию, контролирующую алжирскую эмиграцию. Прозвучавшее в интервью на французском телеканале

пытались представить политические обозреватели и представители власти. Происходившее свидетельствовало о появлении на политической арене нового независимого субъекта — неимущей городской молодежи. Отныне презируемые «хиттисты» стали полноправными хозяевами улицы, способными поколебать сами основы отвергнутого их режима, законность власти которого они не признавали.

Тем не менее мятежу не удалось оформиться в политическое движение. Предоставленная сама себе, бедная городская молодежь была неспособна сформулировать свои требования. И поскольку социалистический лексикон был основательно скомпрометирован правившим режимом, левые силы оказались не в состоянии возглавить и направить восстание. Зато этот социальный взрыв был немедленно замечен исламистским движением, которое увидело в нем уникальную возможность для укрепления своих позиций.

Салафитское движение в Алжире имело крепкие и давние корни. Как мы уже упоминали в Прологе, Ассоциация мусульманских улемов была создана Абдель Хамидом Бен Бадисом в Константине в 1931 году, три года спустя после основания организации «Братья-мусульмане» в Египте. Ассоциация мусульманских улемов разделяла тот же, что и «Братья», ригористский взгляд на религию. Исламские ценности ставились во главу угла частной жизни каждого правоверного мусульманина. Социальная организация общества должна была базироваться на законах ислама. Однако ассоциация не выдвигала на первое место вопрос об исламском государстве, тем более вопрос о националистической борьбе. Как и деобандцы в Британской Индии или же палестинские «Братья-мусульмане» в период, предшествовавший интифаде, Бен Бадис и его друзья считали опасным и напрасным выступать против колонизаторов: за год до создания ассоциации Франция с большой помпой отметила столетнюю годовщину завоевания Алжира. Основной задачей улемы считали борьбу против любых попыток ассимиляции алжирцев Францией, нарушавшей ту исламскую идентичность, гарантами и защитниками которой они себя считали, выступая как против светскости, так и против «суеверий» марабутов. Улемы с подозрением относились к националистам, пребывавшим под влиянием социалистических и западных идей. Когда в 1954 году ФНО начал борьбу против французских колонизаторов, прошло целых два года, прежде чем к ней присоединились улемы.

В рядах самого ФНО, как и в большинстве националистических партий мусульманского мира, не было единства по отношению к исламу. Возглавляемый элитами западной формации, он тем не менее видел в религии средство объединить население, практически не понимавшее современного языка, — в первую очередь это касалось сельских жителей — и обозначить разрыв с христианскими колонизаторами. Так, ноябрьское восстание 1954 года было начато «во имя Аллаха», хотя это не делало ФНО религиозным движением. После обретения независимости в 1962 году исламское течение в ФНО было вытеснено с политической арены режимом Бен Беллы, который в то время больше смотрел в сторону Москвы и Кубы, чем в сторону Мекки.²⁴⁵ Марабуты и их братства, *завши*, являвшиеся крупными земельными собственниками, подверглись национализации в рамках аграрной реформы и в наказание за свою примиренческую позицию по отношению к колонизаторам. Улемы пользовались большей благосклонностью ввиду их участия — хотя и запоздалого — в войне. Однако любая попытка улемов заявить о себе встречала жесткий отпор со стороны марксистской фракции правившего режима. Так, в 1964 году одна из газет назвала их «улемами зла». В 1963 году группа интеллектуалов и религиозно настроенных членов партии основала ассоциацию «Аль-Киям аль-исламия» («Исламские ценности»), чтобы бороться против «вестернизации» и проповедовать создание исламского государства,

---

FR 3, оно будет высмеяно противниками режима, которые увидят в нем пример того, на каком «суконном языке» изъясняются власти и насколько далеки они от реальности.

²⁴⁵ В 90-е годы бывший президент Бен Белла, живший в эмиграции в Европе, повернулся лицом к религии и пошел на сближение с исламистским движением.

в котором они видели логическое завершение войны за независимость. Близкие в этом плане идеям Сайида Кутба, в августе 1966 года, за несколько дней до его казни, они направили Насеру прошение о его помиловании. Ассоциация была распущена, но ее влияние возросло в самих эшелонах власти. За отстранением Бен Беллы и приходом к власти Бумедьена в июне 1965 года последовала кампания арабизации и исламизации, что позволило сторонникам данного течения взять под контроль образование и культуру. Среди египетских помощников, набиравшихся в те годы для преподавания арабского языка с целью вытеснения французского из обращения, было много представителей «Братьев-мусульман», бежавших от насеровских репрессий. Они должны были воспитать поколение преподавателей-арабистов, в массе своей преданных их идеям; впоследствии эти бывшие студенты составят основу многочисленной исламистской интеллигенции, которая создаст Исламский фронт спасения (ИФС). Ее лидером станет учитель Али Бенхадж, человек «номер два» в ИФС.

Официально запрещенный вне рамок единой партии, алжирский исламизм являлся одной из составляющих власти, но был замкнут только на сферу культуры и не имел реального политического веса. Лишь в 1982 году, на десять лет позже выхода на политическую арену исламизма на Ближнем Востоке,²⁴⁶ исламисты в Алжире начали оформляться в оппозицию правившему режиму. В исламистском движении сразу же возникли два течения, сохранившиеся и в дальнейшем: экстремистская группировка, представители которой уходили в партизаны и выступали за вооруженную борьбу, и реформисты, стремившиеся повлиять на решения властей, но не пытавшиеся свергнуть существующий строй.

Радикалов возглавлял Мустафа Буяли, бывший участник войны за независимость, родившийся в 1940 году, порвавший с режимом, который он считал безбожным.²⁴⁷ Красноречивый и пламенный проповедник, ратовавший за соблюдение шариата и установление исламского государства путем вооруженного джихада, с середины 70-х годов он сколотил вокруг себя ядро преданных сторонников, читавших Сайида Кутба с карандашом в руках — подобно его египетским адептам той эпохи. Преследуемый службами безопасности, Буяли ушел в подполье в апреле 1982 года и вскоре создал алжирское Вооруженное исламское движение (ВИД) — объединение небольших групп, провозгласивших его своим эмиром. В числе его сторонников, многие из которых окажутся в ИФС, а после 1992 года — в рядах Вооруженного исламистского движения, находился и Али Бенхадж. Группа проводила дерзкие диверсии, бросая тем самым первый серьезный вызов власти ФНО. Она будет вести партизанскую деятельность целых пять лет — вплоть до гибели Буяли в феврале 1987 года, за год до начала октябрьского мятежа 1988 года. В ее эпопее пересеклись пути различных группировок и слились воедино многие элементы идеологии международного исламизма; ее история неотделима и от современной алжирской истории. В то время как ВИД начало свой джихад в Митидже, афганские моджахеды уже два года вели борьбу против Красной Армии и, опекаемые Саудовской Аравией, считались героями исламского мира. Советский Союз же был ближайшим союзником алжирского режима, основным поставщиком вооружений для его армии. Для исламистских радикалов борьба против одного являлась прелюдией к борьбе против другого. Многие сотни алжирских исламистов отправились в пешаварские лагеря, а один из них — Абдаллах Анас

---

²⁴⁶ В 1982 г. Исламской Республике Иран исполнилось уже 3 года, в Ливане появилась «Хизбаллах», жители города Хама в Сирии подняли восстание по призыву «Братьев-мусульман», а в Египте после убийства Садата осенью 1981 г. группой «Аль-Джихад» сотни исламистских активистов предстали перед судом. Алжирское «отставание» частично объяснялось поздним — в 1962 г. — обретением этой страной независимости по сравнению с приходом к власти Насера в Египте в 1952 г.: лишь в начале 80-х годов в зрелый возраст вступило первое постколониальное поколение алжирцев.

²⁴⁷ Об «эпопее Буяли» см.: LabatS. Les islamistes algeriens: Entre les urnes et le maquis. P.: Seuil, 1995. P. 90–94.

— стал зятем Абдаллаха Аззама, а после убийства последнего в ноябре 1989 года — его преемником. Уйдя в партизаны в те же места, где начинал свою вооруженную борьбу ФНО во время войны за независимость, ВИД как бы подхватило символическое знамя борьбы против нынешних правителей, которые, в глазах активистов движения, были равнозначны французским оккупационным властям. В то время этому событию не было придано особого значения. В 90-е годы, в период гражданской войны в Алжире, когда гораздо громче заявили о себе партизаны из Исламской армии спасения и Вооруженной исламской группы (ВИГ), деятельность Буяли и его последователей обрела всю свою значимость как связующее звено между двумя алжирскими войнами. Эта деятельность явится иллюстрацией преемственности методов и идеологического перехода от национализма к исламизму.

В том же, 1982 году, когда Буяли начнет партизанскую войну против существовавшего режима, возникнет другое движение, сторонники которого попытаются оказать нажим на власть с целью усиления ее исламистской ориентации, не прибегая при этом к насильственным способам. В ноябре в результате стычек в Алжирском университете между франкоязычными студентами-марксистами и арабоязычными студентами-исламистами погиб один из студентов-марксистов. Причиной недовольства стала забастовка арабоязычных студентов, протестовавших против своих незавидных — несмотря на пропаганду режима и авторитарные меры по арабизации — карьерных перспектив по сравнению с франкоязычными выпускниками: последние занимали все высокооплачиваемые должности, предполагавшие владение французским языком. В конце коллективной молитвы, на которую собралось несколько тысяч студентов, Аббаси Мадани, преподаватель факультета, вышедший из рядов ФНО, выдвинул меморандум из 14 пунктов. В нем, в частности, содержались такие требования, как соблюдение норм шариата в законодательстве, очищение государства от «элементов, враждебных нашей религии», и запрет на смешение полов. Это было первое публичное и организованное проявление ненасильственной исламистской оппозиции, вышедшее за дозволенные рамки однопартийной системы. Репрессии последовали незамедлительно: Мадани два года провел за решеткой; аресты коснулись большинства известных фигур движения, пока что ограниченного проповедниками и несколькими профессорами университета.²⁴⁸ Именно они составляли костяк интеллигенции, вокруг которой объединились бедная городская молодежь и набожная буржуазия после 1988 года.

Чтобы пресечь на корню религиозный протест, алжирский режим решил позаботиться о собственной исламской легитимности. В 1984 году Национальная народная ассамблея («парламент», контролируемый ФНО), вдохновленная самыми строгими концепциями и ограничениями прав женщин, проголосовала за принятие Кодекса о семье. С помощью политики строительства мечетей, финансируемых государством, в которых служили проповедники, подконтрольные министерству по религиозным делам, власти попытались сдержать открытие небольших «диких» молельных помещений в бедных кварталах, где подвизались свободные проповедники. Наконец в 1985 году в Константине был открыт Исламский университет имени эмира Абдель Кадера, при котором имелась соборная мечеть: речь шла о том, чтобы создать в Алжире престижный центр подготовки имамов.²⁴⁹ В отсутствие местных авторитетных улемов, которые могли бы давать благословение властям предрежащим, правительство, возглавлявшееся после смерти Бумедьена в 1979 году его

---

²⁴⁸ Подробнее о событиях ноября 1982 г. см.: Kepel G. *À l'ouest d'Allah*. P. 225–226. К умеренному крылу исламистского движения принадлежали в то время фигуры, которые после 1988 г. станут играть важную роль.

²⁴⁹ Традиционными центрами подготовки магрибинских улемов были университеты Каравийин в Фесе (Марокко) и Зитуна в Тунисе. Национализация, а затем и ликвидация завий, закрытие франко-арабских медресе, основанных в колониальную эпоху, окончательно лишили алжирский ислам всех центров по подготовке улемов. О закладке, строительстве новых мечетей в 80-х годах и основании исламского университета в Константине см.: Rouadja A. *Les Freres et la mosquee*. P.: Karthala, 1990.

преемником Шадли Бенжедидом, пригласило из Египта двух самых именитых в мусульманском мире шейхов — сначала Мухаммада аль-Газали, а затем Юсефа аль-Карадави, попутчиков «Братьев-мусульман», пользовавшихся благосклонностью нефтяных монархий Аравийского полуострова.²⁵⁰ Приглашение имамов свидетельствовало как о пустоте алжирского исламского пространства, так и о стремлении правившего режима усилить исламскую составляющую националистической идеологии ФНО, которая не вызывала доверия у молодежи и у всех социальных слоев общества, критически настроенных к властям. Однако два проповедника, лишь сквозь зубы благословив режим, стали поддерживать «исламское пробуждение» общества. К моменту начала октябрьских волнений 1988 года в Алжире уже существовала исламистская интеллигенция в лице студентов и преподавателей, которая проповедовала в народных кварталах и которой государство не могло противопоставить преданных власти улемов — в отличие, например, от Египта. Там президенту Мубараку удалось привлечь на свою сторону виднейших деятелей Аль-Азхара, дабы создать противовес убийцам Садата и ограничить распространение радикального исламизма среди населения, испытывавшего большое почтение к докторам права из этого храма богословских наук с тысячелетней историей.

Таким образом, к концу 80-х годов алжирские исламисты получили в свое распоряжение необъятное религиозное поле деятельности, свободное от любой конкуренции. Партийные приспособленцы из ФНО, которых местные юмористы прозвали «барбефеленами» (от фр. *barbe-FLN*) — «бородачами из ФНО», поддерживали с исламистами тесные связи, а с 1989 года многие из деятелей ФНО перешли в ряды ИФС или выражали свою лояльность к нему. После завоевания независимости мир религиозных братств был разрушен. В стране не осталось достойных улемов, которых власть могла бы призвать на свою сторону в противостоянии с исламистскими активистами. Сразу же после начала массовых волнений последние стали завязывать отношения с неимущей городской молодежью, превратив в считанные месяцы разрозненные кружки своих адептов в массовое движение, нараставшее со скоростью прилива.

До сих пор остается невыясненной первопричина начала октябрьских событий: по слухам, они явились результатом внутренних распри в правительственном аппарате. Некоторые полагают, что волнения были спровоцированы специально подосланными агентами, чтобы дестабилизировать позиции президента Шадли, политические и экономические планы которого в условиях переживавшегося страной социального кризиса ставились под сомнение.²⁵¹ Что бы ни послужило причиной пожара, он охватил «хиттистов» и молодежь в целом с невероятной быстротой. В обстановке повальных грабежей в столице исламистские лидеры создали «кризисный комитет».

---

²⁵⁰ Шейх Мухаммад аль Тазали скончался в 1996 г. Бывший член «Братьев-мусульман», впоследствии отошедший от них, он всегда оставался связан с египетским режимом и правившими режимами на Аравийском полуострове. Его религиозный ригоризм и хорошее знание культуры ислама делали его желанным партнером для всех властителей, нуждавшихся в религиозной легитимизации. Однако аль-Тазали не преминул поддержать и радикальных исламистов, когда почувствовал, что его авторитет священнослужителя находится под угрозой. В июне 1992 г., к глубокому разочарованию Каира, он нашел смягчающие обстоятельства в мотивах убийц египетского журналиста-атеиста Фарага Фоды (см. гл. 4). Другой бывший член «Братства», Юсеф аль-Карадави, египтянин, получивший подданство Катара, к концу 90-х годов стал одним из самых авторитетных суннитских богословов. Будучи деканом шариатского факультета Катарского университета и членом «*shari'a boards*» нескольких исламских банков, он ведет на арабском спутниковом телеканале «Аль-Джазира» религиозную передачу «Аш-шариа ва ль-хаят» («Шариат и жизнь»), имеет также собственный интернет-сайт — «*Yusif al-Qaradhawi homepage*». См.: El Oifi M. *La guerre en Algerie vue du monde arabe: La chaîne satellitaire «Al Jazeera» // Pouvoirs*. 1998. Septembre. № 86. В статье дается анализ его передачи о положении в Алжире.

²⁵¹ См.: Leveau R *Le sabre et le turban: L'avenir du Maghreb*. P.: Bourin, 1993. P. 130. В книге рассказывается о разногласиях между реформаторами — сторонниками политической либерализации, объединившимися вокруг главы президентской администрации — Мулюда Хамруша, и верхушкой ФНО.

Восьмидесятиоднолетний шейх Сахнун, бывший член Ассоциации улемов, непримиримый противник правившего режима, вечером 6 октября выступил с «призывом к спокойствию». Его обращение осталось без внимания, однако оно поставило исламистскую интеллигенцию в положение посредника между властями и взбунтовавшимся народом. 10 октября, после шествия, проведенного Али Бенхаджем и начавшегося у мечети Кабул (построенной в квартале Белькур бывшими афганскими джихадистами), прозвучавший выстрел вызвал панику в огромной толпе людей. В результате давки погибли десятки людей. Из уст Бенхаджа прозвучал клич, который перевел народные требования на язык политического исламизма и превратил интеллектуалов-исламистов в представителей неимущей городской молодежи. Спустя несколько месяцев, в марте 1989 года, этот союз будет скреплен созданием Исламского фронта спасения.²⁵²

Вечером 10 октября президент Шадли, объявивший о начале реформ, принял Сахнуна, Бенхаджа и Махфуда Нахнаха, представлявшего в Алжире «Братьев-мусульман»,²⁵³ и провел с ними переговоры. Волнения пошли на убыль. В декабре, отправив в отставку нескольких высших чиновников, Шадли вновь был избран главой государства. В феврале 1989 года была принята новая Конституция, предусматривавшая многопартийную систему. Этим президент надеялся обеспечить себе крепкую опору во власти, которая позволила бы ему по собственному усмотрению создавать различные межпартийные коалиции (из представителей националистов, исламистов, марксистов, берберов и т. д.), чтобы сохранить основы системы, созданной в 1962 году. Однако президент не понимал динамики процесса, которому исламисты дали толчок в октябре. Это ускорило наступление кризиса режима, а впоследствии ввергло страну в пучину гражданской войны.

Десятого марта 1989 года в столичной мечети Бен Бадиса было провозглашено создание ИФС. Пятнадцать его основателей представляли различные течения: от сторонников вооруженной борьбы и соратников Буяли, таких как Али Бенхадж, до бывших членов ФНО, таких как Аббаси Мадани, намеревавшихся исламизировать режим, не меняя при этом основ социального устройства. Однако здесь были представлены не все движения. Межличностные разногласия и споры привели к изгнанию из партии представителя «Братьев-мусульман» Нахнаха, исламиста из Константины Абдаллаха Джабаллаха,²⁵⁴ престарелого шейха Сахнуна и лидера «джазаристов»²⁵⁵ Мухаммада Сайда. Впоследствии

---

²⁵² Название партии взято из айата Корана (III: 103): «...были вы на краю пропасти огненной, и спас Он вас от нее» (пер. М.-Н.О. Османова).

²⁵³ Родившийся в 1938 г., Махфуд Нахнах очень рано вступил в ряды подпольного исламистского движения. Арестованный в 1976 г. за участие в диверсии и помилованный в 1981 г., он поддерживал отношения с Буяли, но сохранял контакты и с правившим режимом, что вызывало недоверие к нему многих активистов. Нахнах являлся представителем Международной организации «Братьев-мусульман» в Алжире и был противником исламистов, погрязших в местных проблемах, — их он называл «джазаристами» (см. ниже примеч. 18). Отказавшись примкнуть к основателям ИФС, среди которых на лидирующее место вышел его конкурент Аббаси Мадани, Махфуд Нахнах создал в декабре 1990 г. партию «Хамас», используя тот же акроним, что и палестинское исламистское движение, но расшифровывавшийся иначе — как «Харакат аль-муджтамаа аль-ислами» («Движение за исламское общество»). Эта партия отнимет часть голосов на парламентских выборах в декабре 1991 г. Позже, в 1996 г., после введения запрета на использование конфессиональной символики в названиях разрешенных политических партий, акроним «Хамас» получит другое значение («Харакат муджтамаа ас-силъм» — «Движение за мирное общество»).

²⁵⁴ Находившийся в Константине, где с ноября 1982 г. Абдаллах Джабаллах являлся представителем движения, он со своими сторонниками, как и Махфуд Нахнах, отказался присоединиться к организации, возглавлявшейся Мадани. Абдаллах Джабаллах создаст собственное движение — «Ан-Нахда», которое, как и «Хамас», будет способствовать в 1991 г. расколу исламистского электората.

²⁵⁵ Возникнув на западе Алжира, это движение получило от М. Нахнаха название «аль-джазара» (буквальный перевод — «алжирианисты»). Его основу составили университетские профессора, получившие хорошее французское или англо-американское образование, но отстраненные от принятия важных

властям удастся использовать некоторых из них для противодействия растущему влиянию ИФС. Но с первых дней своего существования Фронт получил стремительное развитие и стал притягивать к себе различные социальные группы — в соответствии с той же логикой и в том же ритме, что и события 1978 года в Тегеране.

Так, по аналогии с иранскими событиями, многочисленные демонстрации, устраивавшиеся исламистами, позволяли поддерживать атмосферу перманентной мобилизации, в которой неимущая молодежь не только выражала ярость против режима, но и впервые заявила о своей приверженности революционному социальному идеалу, казавшемуся достижимым чуть ли не завтра — после четверти века застоя. С 1989 года проект социального переустройства общества облекся в форму концепции *даула исламийя*, которую превозносила в своих зажигательных проповедях интеллигенция из ИФС. Благодаря плюрализму возникло около полусотни различных политических организаций и партийных группировок, но из них только ИФС располагал сетью проповедников и мечетей по всей стране, позволявшей ему создавать массовое движение, отвергавшее государство — ФНО. Бывшей единственной партии удавалось выживать лишь благодаря своему аппарату и кадровому составу. Что же касается «демократических» партий, заявлявших о своей нерелигиозной политической ориентации, но не признававших ФНО, то они имели регионально-этническую основу (например, для Фронта социалистических сил Аита Ахмада эту роль выполняла Кабилия) или опирались на узкую прослойку в лице франкоязычных средних классов, как это делало Объединение за культуру и демократию (ОКД) доктора Саади.

Триумфальное шествие ИФС, о котором ярко свидетельствовали победы, одержанные им на двух первых после завоевания независимости свободных выборах в июне 1990 и декабре 1991 года, объяснялось его способностью сделать то, что десятилетием раньше сделал Хомейни, — сплотить в союз неимущую городскую молодежь и набожную буржуазию. Связующим звеном между этими двумя движущими *силами* революционного процесса выступила исламистская интеллигенция, умевшая находить нужные слова для каждой социальной составляющей движения. Ей удалось даже перехватить часть националистических лозунгов из арсенала ФНО. На первой стадии своего развития, широчайший размах которого застиг правивший режим врасплох и от которого власти не могли оправиться вплоть до «повстанческой забастовки» в июне 1991 года, движение было обязано своим успехом «двуглавному» характеру партии. Али Бенхадж, скромный учитель (и бывший компаньон джихадиста Буяли), которому в 1989 году исполнилось только 33 года, разъезжал по городу на мопеде и «наэлектризовывал» толпы «хиттистов». Он заставлял их то плакать, то смеяться, мог разжечь в них фанатизм и, наоборот, остудить пыл благодаря таланту оратора, владевшего арабским языком мечетей так же, как и алжирским диалектом.²⁵⁶ Бывший член ФНО Аббаси Мадани, преподаватель университета и искусный политик, был на четверть века старше своего соперника. Он питал слабость к шикарным «мерседесам» (по слухам, подаренным ему монархами Аравийского полуострова) и умел говорить с лавочниками и торговцами, а также с «военными предпринимателями»,²⁵⁷

политических решений номенклатурой выходцев с востока Алжира. Данное движение олицетворяло собой «технократическую» тенденцию в алжирском исламизме, не имевшую широкой опоры в народе. Его противники в исламистском движении считали его чем-то вроде исламского масонства, заикленного на захвате власти.

²⁵⁶ О личности Бенхаджа см.: Labat S. Op. cit. P. 53.

²⁵⁷ Выражение «военный предприниматель» означает, согласно Луи Мартинесу, отставного офицера, которому благодаря связям во властных структурах удастся проворачивать выгодные сделки, и теперь в своем квартале он контролирует сети трабендо. О том, как «мерседес Мадани» попал к «военному предпринимателю» из пригорода Алжира, см.: Martinez L. La guerre civile en Algerie. P.: Karthala, 1998. P. 51.

которых отделял от режима и убеждал, что, вложив деньги в ИФС, они получают гарантии для своего бизнеса. Однако этот кумулятивный эффект превратился в свою противоположность, когда после провала июньской забастовки 1991 года режим перешел к репрессиям против партии. Коммерсанты и предприниматели, соблазненные обещанными ИФС переменами, начали сомневаться в его истинных целях и тревожиться по поводу соотношения сил в его рядах. Их пугал всё более радикальный тон выступлений Бенхаджа: за ним им виделся призрак неконтролируемого социального реванш «хиттистов», жертвами которого бизнесмены боялись оказаться. «Двоевластие» во главе партии превращалось в ее недостаток; напротив, в Иране Хомейни смог до конца оставаться единственным лидером, вызывавшим восторг у обездоленных масс и одновременно придававшим чувство уверенности торговцам базара. Алжирскому исламистскому движению не удастся сохранить союз между бедной городской молодежью и религиозной буржуазией. Это покажут дальнейшие события: во время гражданской войны партия расколется на непримиримые фракции — ВИГ и ИАС, выразителей взглядов обеих составных частей движения.

В первые же месяцы своего легального существования (с сентября 1989 года) ИФС постоянно демонстрировал силу. В пилотном же номере еженедельника «Аль-Мункиз» («Спаситель»), вышедшем тиражом в 200 тысяч экземпляров, содержалось требование об освобождении бывших членов группы Буяли, брошенных в застенки «безбожной» юстицией: планка сразу же была поставлена самая высокая. В конце месяца в департаменте Типаса произошло страшное землетрясение: нерасторопности государственных служб ИФС были противопоставлены эффективность и самоотверженность врачей, санитаров и спасателей, приехавших на машинах «скорой помощи» с эмблемой партии.²⁵⁸ Спустя месяц после своего создания ИФС уже демонстрировал готовность принять эстафету из рук разваливавшегося и коррумпированного государства и проявлял *рахма* («милосердие»), которое производило впечатление на население и создавало партии добрую репутацию не только среди его традиционной клиентуры. В течение первой половины 1990 года ИФС устраивал новые марши и митинги, оказывая непрерывное давление на власть, от которой он добивался обещания провести досрочные парламентские выборы. 12 июня ИФС одержал победу на муниципальных и региональных выборах. Его активисты взяли под контроль большинство коммун по всей стране. Бедная городская молодежь в массовом порядке пошла к урнам, избрав первое поколение чиновников — членов ИФС. Новыми мэрами и муниципальными советниками стали, разумеется, представители исламистской интеллигенции, давшей партии ее кадры: прежде всего это были преподаватели, но также — учитывая большое количество вакантных мест — представители набожных средних классов. За исключением перебежчиков из числа бывших членов ФНО, коммерсанты, мелкие предприниматели, приобретшие некоторую известность и собственную клиентуру, впервые получили доступ в политические сферы, ранее открытые только для трубадуров режима, кооптировавшихся партийным аппаратом ФНО. С чисто социальной точки зрения победа ИФС на муниципальных выборах в июне 1990 года «модернизировала» алжирскую политическую систему, так как эта победа приближала «реальную страну» к «юридической стране». В политическом отношении победа ИФС скрепила союз между тремя составляющими исламистского движения. Придя к власти, исламисты увеличили размеры пособий нуждающимся из бюджетов «исламских муниципалитетов» («*баладият исламийя*»), что позволило ИФС развернуть широкомасштабную благотворительную помощь, дабы пробудить у неимущей городской молодежи вкус к будущему исламскому государству и

---

²⁵⁸ В то время большинство наблюдателей считало, что при ликвидации последствий землетрясения в Типасе ИФС использовал значительную материальную помощь, которую он получал от стран Аравийского полуострова. Тем не менее это несколько не умаляло самоотверженности исламистских добровольцев, традиционно широко представленных среди студентов медицинских факультетов в Алжире, как, впрочем, и в других странах. В октябре 1992 г. подобное стихийное бедствие произошло в Каире. Раньше государственных служб на место трагедии прибыли члены «гамаат исламийя».

мобилизовать ее для достижения этой цели. В атмосфере эйфории, охватившей сторонников движения, избранники от ИФС часто являли примеры справедливости, компетентности и честности — по контрасту с коррупцией, неразберихой, авторитаризмом и бесхозяйственностью, царившими прежде.²⁵⁹ Эти добродетели приписывались религиозной справедливости, основанной на строгом соблюдении предписаний шариата, и проявлялись в реализации «исламской морали»: женщины, служащие муниципалитетов, были обязаны носить платок. Владельцев питейных заведений, видеосалонов и других «аморальных» коммерческих предприятий настойчиво убеждали закрыть двери для посетителей; женщины легкого поведения (или те, кого считали таковыми)²⁶⁰ подвергались травле. Муниципалитеты прибрежных городов организовывали разделение мест для купания, запрещали «непристойные» купальные костюмы и т. д. Как и в других странах, где происходил всплеск исламистских движений, распространение моральных запретов, на всеобщее осуждение были выставлены прежде всего европеизированные средние классы, свободные от традиционных табу, что лишало их легитимности как носителей современных ценностей, дабы заменить их в этом качестве набожной буржуазией. Происходившее позволяло также превратить неимущих, униженных молодых людей, принуждаемых в силу отсутствия нормальных бытовых условий к воздержанию или нерегулярной половой жизни, в ревнителей добродетели, преследовавших как порок всё то, чего они были лишены.

В условиях Алжира подобный перевод политических и социальных конфликтов в сферу морали усугублялся и языковым фактором, что характерно для всех стран Магриба. В расхожей исламистской пропаганде борьба с французским языком приобрела здесь черты своего рода джихада: этот язык рассматривался как ярчайшее воплощение низости Запада, символ духа Просвещения и в первую очередь — духа светскости.²⁶¹ Вот почему Али Бенхадж заявил, что посвятит себя тому, чтобы «интеллектуально и идеологически изгнать [Францию из Алжира] и покончить с ее сторонниками, вскормленными ее ядовитым молоком».²⁶² Эти и подобные им заявления, делавшиеся после победы ИФС на муниципальных выборах, лили бальзам на душу «хиттистам» и арабоязычным выпускникам средних и высших учебных заведений, перед которыми их франкоязычные товарищи имели

---

²⁵⁹ См.: Martinez L. Op. cit. P. 53–81.

²⁶⁰ В этом отношении положение разведенных женщин, которым закон, принятый ФНО в 1984 г., не позволял оставаться в супружеском доме, было особенно драматичным. Оставшись одни с детьми на руках, зачастую поселившись в третьесортных гостиницах, они подвергались преследованиям как проститутки со стороны местных ревнителей нравственности.

²⁶¹ Подобной ненависти к французскому языку не наблюдается у исламистов Сирии и Ливана. Эти страны также находились под протекторатом Франции в период между Первой и Второй мировыми войнами — правда, на протяжении гораздо меньшего срока, чем Магриб, где «офранцузивание» национальных элит проникло очень глубоко. Подобной ненависти к английскому языку мы не наблюдаем и у индо-пакистанских исламистов, несмотря на интенсивную «англизацию» национальных элит субконтинента, происходившую с середины XIX в. Более того, знание английского языка своими руководителями маудудисты превратили в важный козырь в пропаганде идей исламизма по всему миру. Тем самым они получили преимущество перед арабскими «Братьями-мусульманами», как правило, хуже владевшими английским. При таком подходе английский язык выступал как универсальное, а значит, полезное для даава (распространению ислама) средство общения, несмотря на свой статус языка американского «большого сатаны». В глазах исламистов он являлся нейтральным и в 90-е годы стал главным языком даа-ва в Интернете. Французский же язык имел негативный имидж, а его использование ассоциировалось с ценностями, отвергавшимися исламистским движением. Алжирским франкоязычным активистам 70-х годов пришлось выучивать арабский, чтобы выжить в своей идейной среде. Что касается европейских исламистских авторов, пишущих на французском языке, то они (за исключением новообращенных в ислам) не пользуются особым уважением по ту сторону Средиземного моря. О напаках ИФС на Францию и ее «детей» см.: Kepel G. A l'ouest d'Allah. P. 220–238.

²⁶² Из беседы со Слиманом Зегидуром. См.: Politique internationale. 1990. Automne. P. 156.

преимущество в поиске хорошо оплачиваемой работы. Однако такие заявления не могли не беспокоить городские средние классы, которые из нелюбви к ФНО поддержали ИФС на июньских выборах 1990 года, но от этого не перестали меньше любить 20-часовые передачи французских телеканалов, принимавшихся, как говорили исламисты, через «парадьяволические» антенны, которые новая власть попыталась сначала разрушить, но потом удовлетворилась тем, что перенастроила их на спутник «Arabsat», транслировавший саудовские программы. В Иране мелкая городская буржуазия пошла за Хомейни, так как до прихода к власти он говорил об открытости революционного общества и делал объектом своих нападок лишь одного врага — шаха. В Алжире, наоборот, как только ИФС установил контроль над местными органами власти после своей победы на муниципальных выборах, проповедники, восхвалявшие бедную городскую молодежь, не стали ограничиваться нападками на «безбожную» власть. Они повели атаку на часть общества, заклеянную ими как «офрануженную». Поскольку это понятие было весьма расплывчато, социальный гнев «хиттистов» мог быть обращен против значительной части городских средних слоев. Фактически кульминацией влияния исламистской партии, если измерять его в электоральных категориях, была победа на муниципальных выборах в июне 1990 года. Год спустя — на декабрьских выборах 1991 года — уже в первом туре голосования она недосчитается почти миллиона голосов (хотя по-прежнему будет лидировать с большим отрывом), поскольку перспектива прихода ИФС к власти начнет внушать тревогу части общества. Хомейни, например, позаботился о том, чтобы не пугать ни одну из социальных групп до бегства шаха и своего возвращения в Тегеран. Более того, аятолла сосредоточил свои усилия в нападках на монархию, с которой он порывал радикально, что значительно облегчало изоляцию режима. В Алжире же руководство ИФС не порвало с идеологией ФНО, наоборот, оно называло себя ее «истинными» носителями, приписывая извращение ее идеалов влиянию «сынов Франции», которые-де направили эту идеологию по ложному курсу.²⁶³ В своих публикациях партия изображала себя законной наследницей войны за независимость: ИФС продолжал джихад за установление исламского государства, которому изменили франкоязычные коммунисты, узурпировавшие власть в 1962 году.²⁶⁴ Подобный взгляд на историю позволял наиболее консервативным в социальном плане руководителям ИФС, таким как Мадани, поддерживать тесные связи с приспособленческим и арабоязычным течением внутри бывшей единой партии. В свою очередь, и президент Шадли также мог сохранять контакт с руководством ИФС, которое он не отказывался включить когда-нибудь в состав правительственной коалиции. В отличие от Ирана, где исламистскому движению удалось захватить власть благодаря своему умению сплотить общество и добиться изоляции правящего режима, ИФС с середины 1990 года начал отталкивать от себя городские средние классы (под нажимом своей наиболее радикальной фракции). Руководство партии в лице Мадани всё еще пыталось найти политический компромисс с ФНО, который оно хотело «возродить» и капитал легитимности которого хотело присвоить себе. Желание поскорее очистить общество от скверны, проявленная при этом поспешность и неспособность резко порвать с режимом станут одними из основных причин политического краха ИФС.

Складывается впечатление, что после победы исламистов на июньских муниципальных выборах 1990 года власти начали постепенно утрачивать контроль над происходившими событиями, ограничиваясь лишь слабой реакцией на инициативы ИФС, организовывавшиеся

---

²⁶³ Алжирский социолог Лахуари Адди весьма метко выразился, отметив, что «ФНО — это отец ИФС», ведь последний не только признавал себя идеологическим преемником бывшей единой партии, но и разделял с ней тоталитарную концепцию монолитного общества, в котором — будь то алжирская нация или пресловутая умма — инакомыслие находилось под запретом, в первом случае как явление антинациональное, а во втором — как антиисламское. См.: AddiL. L'Algerie et la democratie: Pouvoir et crise du politique dans l'Algerie contemporaine. P.: La Decouverte, 1994.

²⁶⁴ См.: Аль-Мункиз. № 18. С. 1, 7.

этой партией митинги, демонстрации и другие акции протеста и неповиновения в контролируемых исламистами коммунах. В Алжире устанавливалось характерное для революционного периода состояние «двоевластия». Начавшаяся в январе 1991 года война в Заливе и последовавшее затем с территории Саудовской Аравии наступление на Ирак сил западной коалиции во главе с США стали предлогом для проведения массовых демонстраций протеста в поддержку Багдада. Для ИФС эти шествия были прекрасным поводом демонстрации своей силы правившему режиму. На одной из демонстраций, во главе которой в форме афганских моджахедов шествовали вернувшиеся из Пешавара «джихадисты», находился и Али Бенхадж. Облаченный в военную форму, Бенхадж возглавил митинг у здания Министерства обороны. Манифестанты требовали сформировать добровольческий корпус для отправки на помощь Саддаму Хусейну. Символика происходившего имела двойной смысл. С одной стороны, подобное вторжение в сферу, которой распоряжалась армия, явилось вызовом для военной иерархии, послужило сигналом опасности для армейских рядов, и именно поэтому генштаб решил выступить против исламистов. С другой стороны, иракские события выявили слабые места ИФС: в первое время Мадани, в знак признания нефтемонархиям за оказанную ими финансовую помощь, занял про-саудовскую позицию. Однако он был вынужден уступить Бенхаджу, который поддерживал Ирак, сумев направить народный энтузиазм на поддержку Саддама Хусейна. Происходившее стало дополнительным свидетельством того, что бедная городская молодежь была способна навязывать свои взгляды и пристрастия партии, руководство которой оказывалось бессильным перед этим напором. Для средних классов, опасавшихся реванша «хиттистов», это стало дополнительным поводом для беспокойства. Напряженность между правившим режимом и ИФС, а также возраставшие противоречия внутри самой партии достигли новой отметки в конце мая — с принятием решения о новой нарезке избирательных округов для предстоящих в июне парламентских выборов. Передел избирательных округов имел целью повлиять на результаты голосования. Посчитав, что его предали, Мадани призвал ко всеобщей забастовке, пытаясь тем самым добиться от властей отмены принятого решения. Однако вскоре забастовка перетекла в стычки и беспорядки, в которых бедная городская молодежь сыграла ведущую роль. Правительство было вынуждено передать в распоряжение ИФС одну из самых больших площадей столицы, на которой на протяжении недели исламисты стали устраивать сидячие забастовки. Именно в этот момент генштаб принял решение о прямом вмешательстве в происходившее, чтобы положить конец состоянию двоевластия, грозившему вылиться в вооруженное восстание. Вечером 3 июня было объявлено осадное положение. Танки начали разгон демонстрантов. Армейское руководство назначило нового премьер-министра, Сид Ахмада Гозали, который объявил о переносе выборов на декабрь. Затем армия обрушилась на опорные пункты ИФС на местах. Со зданий мэрий, находившихся с прошлого года под контролем ИФС, были сорваны вывески «исламских муниципалитетов». Бенхадж призвал к восстанию, а Мадани угрожал начать джихад, если армия не вернется в казармы. Однако эти призывы и угрозы прозвучали слишком поздно: армия уже всю действовала, а популярность ИФС была подорвана колебаниями, проявленными руководством исламистов во время июньских событий. ИФС уступил инициативу армии, отныне генштаб непосредственно управлял страной. 30 июня Бенхадж и Мадани были взяты под арест за призывы к мятежу и вооруженному восстанию. Оба пробудут в тюрьме вплоть до окончания гражданской войны.

Результатом «повстанческой забастовки» стало углубление раскола в рядах исламистского движения. Двоевластие Мадани и Бенхаджа сменилось многовластием мелких руководителей, которые ожесточенно боролись между собой за лидерство в партии. Сторонники вооруженных методов борьбы, объединившись вокруг уцелевших членов группы Буяли и бывших афганских «джихадистов», ушли в подполье. Они отрицали мирный путь завоевания власти путем выборного процесса и были готовы незамедлительно перейти к насильственным методам. Их первой показательной акцией стало жестокое нападение на пограничный пост в Геммаре, где «афганцы» обезглавили новобранцев. Они сделали это 28

ноября 1991 года, чтобы отметить (с разницей в четыре дня) вторую годовщину со дня гибели в Пешаваре «мученика» Абдаллаха Аззама. Налет явился отправной точкой начала джихада на алжирской территории — джихада, которому афганский опыт и символика придадут соответствующее словесное оформление. Этот теракт дополнил картину преемственности методов и традиций войны за независимость, подхваченных Буяли.

Из партии, уже утратившей влияние на многочисленные вооруженные группировки, вышли ее наиболее «радикальные» основатели, которые критиковали Мадани за «политиканство». С другой стороны, в нее вливались технократы «джазаристы», видевшие в ослаблении партии возможность завладеть ее структурой. На партийной конференции, прошедшей в Батне 25–26 июля 1991 года, молодому инженеру Абдель Кадеру Хашани, заявлявшему о своей приверженности линии Мадани, удалось перехватить контроль над партийным аппаратом и найти компромисс между различными течениями. Успех Хашани явился свидетельством возрастающего влияния «джазаристов». Арестованные в июне лидеры партии оставались пока в тюрьме. Армия оказывала непрекращавшееся давление на исламистов: подвергались аресту Хашани и другие руководители ИФС, правда, затем их освобождали. Военные полностью перехватили политическую инициативу в стране. Однако, несмотря на это, Хашани принял решение участвовать в выборах, первый тур которых был назначен на 26 декабря. ИФС противостояли две другие исламистские организации, бывшие в тесном контакте с властями: партия «Нахда» Абдаллаха Джабаллаха и «Хамас» Махфуда Нахнаха. Эти партии отнимут часть голосов у ИФС, особенно в среде религиозной буржуазии, обеспокоенной кризисной ситуацией в стране. Многие молодые радикалы, разуверившиеся в выборах, не пойдут к урнам. На выборах ИФС потеряет более одного миллиона голосов (почти четверть по сравнению с муниципальными выборами в июне 1990 года).²⁶⁵ Тем не менее партия одержит впечатляющую победу, завоевав 118 мест в первом туре (у ФНО — 16), то есть более 47 % от общего числа голосов.

Этот неоспоримый успех не позволил президенту Шадли осуществить свой план — включить часть исламистских элит в состав подконтрольной ему коалиции: прогнозы относительно результатов второго тура гарантировали ИФС абсолютное большинство мест. 11 января 1992 года армия «ушла» Шадли в отставку, 13 января были приостановлены выборы, а 4 марта — распущен ИФС. За это время партийный аппарат был подвергнут жесточайшим репрессиям, тысячи активистов и избранников ИФС оказались интернированы в лагеря в Сахаре, а мечети взяты под наблюдение.

Так складывались предпосылки к началу гражданской войны, которая продлится вплоть до конца 90-х годов (об этом мы поговорим в третьей части книги). Однако ИФС как массовая *исламистская* партия выжила, хотя ее организационная структура и подверглась разгрому после январского военного путча, которому исламисты не смогли оказать должного отпора. Союз между бедной городской молодежью и религиозными средними классами, который исламистская интеллигенция смогла заключить, не привел к захвату власти — в отличие от Ирана, где движение ассоциировалось с единственной харизматической фигурой ее лидера. Несмотря на противоречия между различными социальными составляющими движения, Хомейни удалось вовлечь в революционный процесс, направленный против существующего режима, всё общество. Хотя на момент своего роспуска ИФС и оставался влиятельнейшей партией в стране, пик его популярности был уже позади. Кульминацией успеха ИФС стал июнь 1990 года, когда исламисты установили контроль над

---

²⁶⁵ В июне 1990 г. ИФС получил 4 331 472 голоса (54,25 % от общего числа проголосовавших) и 3 260 222 голоса (47,27 %) в декабре 1991 г. Таковы официальные данные, к которым следует относиться с осторожностью (ИФС их оспаривает). Относительное снижение популярности ИФС, бесспорно, отчасти можно объяснить возросшим нежеланием голосовать бедной молодежи, разуверившейся в избирательном процессе, и изменением в режиме голосования по доверенности. Более точный анализ результатов выборов невозможен из-за отсутствия достоверных социологических данных. См.: Fontaine J. Les elections legislatives algeriennes // Maghreb-Machrek. 1992. Mars. № 135. P. 155.

муниципалитетами. Успех на муниципальных выборах позволил исламистам укрепить свое влияние в тех слоях общества, которые и до этого были на их стороне. Однако они оттолкнули от себя третируемые ими светские средние классы, «детей Франции», как они их с пренебрежением называли. Представители этих слоев населения убедились, что в случае прихода к власти исламистов они станут первыми козлами отпущения, отданными на произвол «хиттистов». В Иране, наоборот, эти секуляризированные классы и даже коммунистическая партия встали на сторону Хомейни, а последний удар по шахскому режиму был нанесен со стороны рабочих нефтепромыслов, равнодушных к исламистской риторике. В Алжире правившему режиму удалось заручиться поддержкой социальных групп и слоев общества, которые, хотя и находились в меньшинстве, оказали исламистам достойное сопротивление. Власть имела надежную опору в лице армии. Ее генеральный штаб сплотился вокруг него, так как имел все основания опасаться прихода к власти исламистского движения, лидеры которого не оставляли военной элите никаких надежд на выживание. В отличие от Ирана армия, несмотря на призывы Бенхаджа в 1991 году к мятежу, не перешла на сторону ИФС. Кроме того, правивший в Алжире режим сохранял традиционную опору в «революционной семье» (ветеранов войны за независимость, завладевших в 1962 году имуществом поселенцев). Эти люди, сами прибегавшие к насилию с целью обогащения, опасались, что нечто подобное будет совершено по отношению к ним самим. В шахском Иране не было подобной социальной силы, привилегии которой были бы напрямую связаны с продолжением существования монархического строя. Наконец — и это главное — представители светских городских средних классов, благосостояние которых не зависело от существовавшей системы, сами страдавшие от коррупции, взяточничества, протекционизма, проживавшие в довольно скромных условиях, стали опасаться прихода к власти непримиримых исламистов, которые могли приняться за искоренение их культурных привычек, кулинарных пристрастий и манеры одеваться. *Nolens vokns*, эти социальные группы, хотя и малочисленные, но занимавшие ответственные посты, пользовавшиеся влиянием в обществе и в административном аппарате, поддержали государственный переворот,²⁶⁶ тогда как в Иране они отвернулись от шаха.

Оказавшись лицом к лицу с коалицией, спаянной страхом перед угрозой исламистского реванша, исламисты в конечном итоге проиграли по той же причине, которая раньше обеспечивала им успех: не имея достойных соперников в алжирской религиозной среде, молодые радикалы без особого труда полностью подчинили ее себе. В отличие от Египта, где после убийства Садата их собратья столкнулись с оппозицией в лице улемов Аль-Азхара, в отличие от Ирана, где шиитское духовенство поставило на вооружение идеи Шариати, алжирские исламисты в 1988–1992 годах без особого труда овладели инициативой в идеологической пропаганде первоначальных ценностей ислама и идей Исламского фронта спасения. Однако их молодость, нетерпеливость, резкость, политическая незрелость отпугнули светские средние классы, помешав движению заручиться поддержкой последних вкупе с «хиттистами» и религиозной буржуазией. Гражданская война сделает еще более явной эту ограниченность исламистского альянса, когда благочестивые деятели бывшего ИФС сами станут жертвами банд молодых пролетаризированных «сторонников джихада».

---

²⁶⁶ Политическим выразителем этой поддержки режима со стороны городских средних классов стал Национальный комитет за сохранение Алжира (НКСА), созданный *ad hoc* в январе 1993 г. Помимо немногочисленных, но активных партий, таких как Партия социалистического авангарда (ПСА) и Объединение за культуру и демократию (ОКД), в него вошли профсоюз директоров государственных предприятий и, что особенно важно, Всеобщий союз алжирских рабочих (ВСАР). Последний являлся влиятельным и хорошо организованным объединением, которым руководил М. Бенхамуда. Исламскому профсоюзу труда (ИПТ), созданному ИФС, так и не удалось ослабить позиции ВСАР среди рабочих крупных предприятий. В отличие от Ирана рабочие и служащие нефтедобывающего сектора промышленности не встали на сторону ИФС и сохранили верность действовавшей власти на протяжении всего периода гражданской войны.

Глава 6

Военный путч суданских исламистов

В 1989 году — знаковом году для экспансии исламистского движения по всему миру — так и не случилось события, которое должно было привести к созданию на его основе устойчивого режима в Алжире, несмотря на успехи ИФС. Как ни парадоксально, но главная победа была одержана в Судане под руководством Хасана ат-Тураби: здесь она стала результатом военного переворота, произошедшего без какого-либо народного участия. Эта победа явилась следствием длительных усилий по внедрению в госаппарат, армию и финансовую систему исламистской интеллигенции, связанной с нарождавшейся набожной буржуазией.

В Судане «Братья-мусульмане» появились лишь в 1944 году, то есть через пятнадцать с лишним лет после создания этой организации в Египте Хасаном аль-Банной.²⁶⁷ В отличие от египетских «Братьев-мусульман», быстро завоевавших популярность в средних слоях населения, деятельность суданских «Братьев» вплоть до 60-х годов оставалась ограничена узким кругом выпускников вузов и интеллектуалов. Как и в других странах Черной Африки, мусульманское религиозное пространство находилось здесь под жестким контролем братств:²⁶⁸ последние оставляли слишком мало места для ригористической и городской идеологии «Братьев», боровшихся за исламизацию общества и государства, в которых они практически не были представлены. Суданский мир религиозных братств был в основном поделен между двумя большими ветвями, интересы которых выражали две политические партии. Ансары²⁶⁹ считали себя преемниками Мухаммада бен Ахмада, объявившего себя аль-Махди, или мессией, который в 1881 году объявил джихад британским колонизаторам. После завоевания независимости в 1956 году ансары выражали свои интересы через партию «Умма» Братство Хатмийя, традиционно более привязанное к Египту, было представлено Юнионистской демократической партией. Как первые, так и вторые отдавали предпочтение традиционному политическому механизму: послушание членов партии ее руководителю напоминало традиционное благоговение учеников перед своим суфийским учителем, который, в свою очередь, раздавал благословение (*барака*) своим приверженцам и брал их под защиту. Ансары, возглавлявшиеся семейством аль-Махди, широко представленные в деревенской среде, обладали большим влиянием в сельскохозяйственных регионах страны; братство Хатмийя, которым руководило семейство аль-Миргани, пользовалось очень большим авторитетом на базаре и в торговых кругах. В среде малочисленной городской интеллигенции 60-х годов исламистское движение столкнулось с конкуренцией Коммунистической партии, самой многочисленной в арабском мире. Компартия имела прочную базу в университетских кругах, а также среди рабочих-путейцев Судана, где

---

²⁶⁷ О зарождении движения см.: Мекки Х. Харакат аль-ихван аль-муслимин фи с-судан [Движение «Братьев-мусульман» в Судане], 1944–1969. 4-е изд. Хартум: Дар аль-балад ли т-тыбаа ва н-нашр, 1998. Несмотря на очень тесные отношения между Египтом и Суданом, интеллигенция которого выезжала на учебу в Каир и подпадала там под влияние «Братьев-мусульман», суданский филиал этой организации появился намного позже, чем в Сирии, Иордании и Палестине, из-за давления со стороны Британской колониальной державы. Из работ на английском языке рекомендуем книгу одного из активистов «Братьев-мусульман» в Судане, Абдель Ваххаба аль-Эфенди: al-Effendi A. Turabi's Revolution: Islam and Power in the Sudan. L.: Grey Seal Books, 1991.

²⁶⁸ Положение, сложившееся в Судане в 60-х годах, можно сравнить с положением в независимом Сенегале, где братства взяли почти под полный контроль религиозную сферу, оставив лишь небольшую нишу для салафитов, ваххабитов и «Братьев-мусульман», см.: Tnaud J.-L. Introduction // Islam et islamistes au sud du Sahara / Sous la dir. de Ousmane Kane et J.-L. Triaud. P.: Karthala, 1998. P. 16–20.

²⁶⁹ 3 О братстве ансаров в современную эпоху см.: Prunter G. Le mouvement des Ansars au Soudan depuis la fin de l'Etat mahdiste (1898–1987) // Islam et isla-mistes. P. 41.

колонизаторы, уходя, оставили после себя развитую сеть железных дорог. Арабские националисты также пользовались здесь влиянием, как и в других странах региона. Однако Судан был лишь отчасти арабской страной.²⁷⁰ Юг страны, в основном анимистический и христианский, противился любому националистическому проекту на базе арабизма или — позднее — ислама, опасаясь, что его реализация нанесет ущерб негроафриканской самобытности региона.

В этих условиях появился харизматический руководитель, который привел суданских исламистов к победе благодаря военному путчу 1989 года. Хасан ат-Тураби, родившийся в 1932 году в семье религиозных деятелей — потомков младшего аль-Махди, обладателя *барака*, — получил традиционное кораническое образование, а затем изучал право в Хартумском университете, который окончил с дипломом адвоката. Он продолжил учебу в Лондоне, где в 1957 году стал магистром, а в 1964 году в Париже защитил докторскую диссертацию.²⁷¹ В том же году по возвращении в Хартум он был назначен деканом юридического факультета. В октябре военная диктатура, правившая в стране с 1958 года, была сброшена, и на смену ей пришло гражданское правительство с социалистическим уклоном.

Этот тридцатидвухлетний интеллеktуал-полиглот пользовался двойной легитимностью как традиционный, так и современный лидер, на чем он с блеском играл. Образование, полученное на Западе, он использовал, чтобы по подобию организации «Братья-мусульмане» создать исламистское политическое движение, Фронт исламской хартии (ФИХ). Структура ФИХ во многом напоминала структуру суданской Коммунистической партии. ФИХ порвал с «Братьями-мусульманами», которые в первую очередь занимались религиозным просветительством.²⁷² На выборах в законодательные органы власти в апреле 1965 года ФИХ получил лишь семь мест (два из них — в избирательных округах, отведенных для

---

²⁷⁰ Из тридцатитрехмиллионного населения Судана (по переписи 1998 г.) 70 % являлись мусульманами-суннитами, остальные 30 % распределялись следующим образом: христиане составляли 5 %, последователи местных традиционных культов — 25 %. Последние проживали в основном на юге страны, но из-за миграции, вызванной военными действиями в этом регионе, они заселяли новые кварталы на окраинах Хартума. В этническом отношении 52 % суданцев были причислены к «чернокожим», 39 % — к «арабам». См. «Facts on Sudan»: <http://www.sudan.net> (данные на май 1999 г.).

²⁷¹ Во время своего пятилетнего пребывания на французской земле Тураби принял участие в создании Ассоциации исламских студентов во Франции (АИСФ) — движения, близкого к «Братьям-мусульманам». Лидером Ассоциации стал Хамидулла, профессор индийского происхождения, автор популярного в исламистских кругах французского перевода Корана. О пребывании Тураби во Франции см.: al-Tourabi H. *Islam avenir du monde: Entretiens avec Alain Chevalieras*. P.: J.-C. Lattes, 1997. P. 301. Об АИСФ см.: Kepel G. *Les ban-lieues de l'islam*. P. 6. Защита диссертации автором (*Les pouvoirs de crise dans les droits anglo-saxon et francais, etude de droit compare*) состоялась 6 июля на юридическом факультете Парижского университета.

²⁷² Приоритет, отдававший Тураби политическому активизму и завоеванию власти, заставил его отойти от некоторых канонов «Братьев-мусульман» и даже прибегнуть к самостоятельной интерпретации некоторых положений догмы. В 1999 г. официальная суданская ассоциация «Братьев-мусульман» не участвовала во власти, квалифицированной ее руководителем как «результат военного переворота» и названной «тоталитарной». «Братья» упрекали Тураби за то, что тот пошел против линии сахаба (сподвижников Пророка) и проповедовал собственные несуразные идеи по поводу ислама, почерпнутые из западной литературы. Особенно они осуждали еретический характер его высказываний насчет женщин, «о которых он говорил, что их место не в доме» (из беседы автора с шейхом Садиком Абдаллой Абдель Маджидом, Хартум, 15 мая 1999 г.). О позиции Тураби по «женскому вопросу», состоявшей в том, что женщина не должна замыкаться в своем жилище, и о его расхождениях в данном вопросе с «Братьями-мусульманами» см.: al-Tourabi H. *Op. cit.* P. 34–37. Суждения Тураби на сей счет представлены в его труде «О положении женщин в исламе и в исламском обществе» (1973 г.), написанном в тюрьме в то время, когда движение стремилось привлечь на свою сторону образованных женщин и студенток, находившихся под влиянием левых и коммунистов. В своих статьях Тураби рассуждал об индивидуальной ответственности женщин и их одинаковом праве с мужчинами, призывая слабую половину человечества к участию в общественной жизни.

баллотирования лиц с высшим образованием,²⁷³ остальные 11 мандатов достались левым). На студенческих выборах в том же году Фронт получил 40 % голосов, что явилось результатом успешной прозелитической работы в университете. Исламисты уже дышали в затылок левым, получившим всего на 5 % голосов больше (45 %).²⁷⁴ В нижней палате парламента, Народном собрании, решающее слово голоса принадлежало партии «Умма» (76 мест). Лидерство политиков — выходцев из рядов религиозных братств и общин — в аграрной стране (более 80 % населения проживало в сельской местности) было вполне объяснимо. Председатель партии Садик аль-Махди был назначен премьер-министром. Тураби, ставший его деверем, присоединил ФИХ к «Умме». Таким образом «Братья» получили доступ в парламентский комитет по разработке Конституции, который предложил сделать ислам государственной религией, а шариат — главным источником права. Для партии малочисленных интеллектуалов это была возможность присоединиться к доминировавшему братству, отмеченному происхождением от аль-Махди, и актуализировать опыт последнего, потребовав применения шариата в современную эпоху так же, как это было в махдистском государстве²⁷⁵ в конце XIX века. Подобная тактика позволила исламистам проникнуть в самое сердце политического истеблишмента. Однако, ставя шариат в центр суданской идентичности, они отталкивали от себя 30 % суданских граждан-немусульман, преимущественно жителей юга. В условиях сильнейшей напряженности, вылившейся в конечном счете в гражданскую войну на юге, военный переворот июня 1969 года привел к власти генерала Нимейри, получившего поддержку коммунистов, насеровского Египта и братства Хатмийя. ФИХ был распущен, а Тураби провел семь лет в застенках.

Не имея опоры в народе, симпатии которого были обращены на братства Ансар и Хатмийя — и соответственно, на их политические партии, — исламисты были вынуждены вести терпеливую работу по собственной популяризации в студенческой среде, этой колыбели интеллигенции, и среди современных религиозных средних слоев. В тюрьме Тураби написал книгу «Положение женщины в исламе», в которой, настаивая на ношении платка, призывал женщин к участию в общественной жизни. Это вызвало враждебность к нему со стороны наиболее консервативных кругов, но позволило движению пополнить свои ряды многочисленными студентками, которым до сих пор только левые, светские партии и коммунисты предлагали мировоззрение, учитывавшее их стремление к эмансипации. В этот период Компартия, на которую опирался Нимейри при захвате власти, утратила расположение диктатора. Он уничтожил партийную организацию, нанеся ей удар, от которого та уже не могла оправиться. Это облегчило исламистам привлечение на свою сторону образованных элит, среди которых ранее преобладало влияние КП. В 1977 году в условиях экономического спада и непрекращавшейся гражданской войны на юге страны положение режима стало отчаянным. Нимейри издал тогда декрет о «национальном примирении», выпустив из тюрем оппозиционеров и вернув в страну политэмигрантов. Тураби и его приверженцы сыграли в этом важную роль, проникнув в высший эшелон администрации, где их образование, полученное, как правило, на Западе, сделало их незаменимыми для нормального функционирования госаппарата. «Прагматизм» суданского исламистского движения, для которого Тураби разработал теорию под названием «*фикхад-дарура*» («юриспруденция необходимости») и который побуждал его участников

---

²⁷³ В Судане существует два избирательных округа: один — для «масс», другой — для «людей с дипломами». Эта система позволяет последним обеспечивать большее представительство своей социокультурной группе.

²⁷⁴ См.: Мекки Х. Указ. соч. С. 72–73.

²⁷⁵ Речь идет о феодально теократическом государстве, возникшем в ходе Махдистского восстания 1881–1898 гг. (*Примеч ред*)

занимать все доступные посты во властных структурах, вытекал из замкнутости и элитарности организации. В отличие от египетских «Братьев-мусульман», алжирских, палестинских или иранских исламистов, пытавшихся на первых порах вести пропаганду в народных массах, Тураби и его соратники (более *близкие* в этом к Маудуди и пакистанской «Джамаат-и ислами» или Анвару Ибрахиму и малазийской АБИМ) были сторонниками исламизации общества «сверху». Они полагали, что завоевание власти «просвещенной» элитой позволит им претворить свой проект в жизнь.

Преследуя эти цели, представители исламистской элиты выступили посредниками между Суданом и Саудовской Аравией, которая, находясь на пике финансового могущества после октябрьской войны 1973 года, стремилась упрочить связи с этой близкой страной, омываемой водами Красного моря и являвшейся крупным поставщиком рабочей силы;²⁷⁶ к тому же для Саудовской Аравии было важно устранить в Судане коммунистическое влияние. В свою очередь, суданский режим, как и все бедные африканские мусульманские страны, стремился привлечь арабские капиталы из стран Залива. Осенью 1977 года в Судане открылся филиал Исламского банка Фейсала; в 1984 году начали работу банк «Аль-Барака» и другие финансовые учреждения подобного типа. Сподвижники Тураби заняли в этих банках значительную часть постов, предоставив, таким образом, рабочие места и возможность обогащения выпускникам — бывшим активистам их студенческой организации (аналогичный феномен наблюдался и в банковской исламской системе Малайзии). Этим банкам вменялась в обязанность выдача займов и кредитов на льготных условиях инвесторам и предпринимателям, поддерживавшим тесные связи с исламистским движением, способствуя появлению набожной буржуазии, экономическое благополучие которой напрямую зависело от ее политических связей и идеологических убеждений. Исламские банки успешно привлекали вкладчиков из среды местных коммерсантов, не располагавших доступом к обычным банкам, имевшим выход на внешние рынки. Так исламисты привлекали на свою сторону новую клиентуру, связанную с ними одновременно коммерческими и политическими интересами. Этот процесс протекал ускоренными темпами: в середине 80-х годов банк Фейсала по размерам вкладов выдвинулся на второе место в стране. Благодаря финансовой поддержке Саудовской Аравии влияние суданских исламистов вышло за рамки университетской профессуры и интеллектуалов. Теперь оно распространялось и на поднимавшийся класс религиозной и образованной буржуазии, свободной от влияния как светских партий (коммунистов, националистов и др.), так и традиционных братств. Отношения с Саудовской Аравией поддерживались не только через посредство ИНФ (Исламского национального фронта), но также и Африканского исламского центра. Последний щедро финансировался странами Залива, а с 1979 года его возглавлял один из членов партии, задача которого заключалась в подготовке проповедников и молодой элиты из франко- и англоязычных стран Африки, элиты, исповедовавшей салафитскую трактовку ислама и достаточно подкованной, чтобы вести борьбу с христианскими миссионерами и подрывать влияние религиозных братств.²⁷⁷

---

²⁷⁶ После 1973 г. число суданских эмигрантов в страны Аравийского полуострова превысило 1 млн человек, из которых некоторые заняли ответственные посты, в частности в вооруженных силах этих стран. Перевод денег на родину осуществлялся обычно теневыми каналами, поскольку большинство суданцев не испытывало доверия к государственным банкам. Исламистские деятели по обе стороны Красного моря сумели отыграть сложившуюся экономическую ситуацию в свою пользу благодаря наличию надежной сети менял, выплачивавших семьям эмигрантов эквивалент заработанной валюты в суданских фунтах, взимая при этом определенный комиссионный процент. Для членов партии Тураби в эмиграции это был один из источников обогащения и способов интеграции в исламскую банковскую систему.

²⁷⁷ Об Африканском исламском центре см.: Grandm N. Al-Merkaz al-islami al-ifriqi bi'l-Khartoum: La Republique du Soudan et la propagation de l'islam en Afrique noire (1977–1991) // Le radicalisme islamique au sud du Sahara: Da'wa, arabisation et critique de l'Occident / Sous la dir. de R. Otayek. P.: Karthala, 1993. P. 97. Финансирование центра было значительно урезано, когда Судан, руководимый генералом Баширом, поддержал Саддама Хусейна. Центр был преобразован в Международный университет Африки, который по-прежнему

Последние восемь лет существования режима Нимейри были отмечены ростом влияния соратников Тураби. Им была предоставлена полная свобода действий по проникновению в государственные структуры при единственном условии — не ставить под сомнение законность власти диктатора. Последний видел в исламизации возможность осуществления жесткого контроля над народными массами, уставшими от коррупции и бездействия властей, а также вероятность перенесения социальных конфликтов на религиозную почву. С этой целью в сентябре 1983 года был издан декрет о введении шариата: вора́м стали отрубать руки, неверных супругов забивать камнями, наложен запрет на алкоголь и всячески поощрялась исламизация банковской системы. В январе 1985 года Махмуд Мухаммад Таха, интеллектуал, пытавшийся переосмыслить некоторые догмы ислама, был публично повешен.²⁷⁸ В марте Нимейри, обеспокоенный возросшим влиянием Тураби и его соратников, прозванных им «Дьявольскими братьями», упрятал их в тюрьму, но ненадолго: уже в следующем месяце диктатура пала.

За четыре года демократической «паузы» между падением Нимейри и июньским путчем 1989 года суданское исламистское движение упрочило свои позиции. В 1985 году был создан Исламский национальный фронт, который на парламентских выборах в апреле 1986 года получил 51 депутатское кресло; в частности, ему досталось 21 из 28 мест, зарезервированных за «людьми с дипломами». По сравнению с выборами 1965 года движение добилось явных успехов в борьбе за голоса представителей образованных средних классов, хотя, если говорить об обществе в целом, это движение не смогло — в отличие от его алжирского аналога — проникнуть в толщу народных масс. В то же время эти годы были использованы исламистами для просачивания в военную верхушку (чего не удалось сделать алжирским исламистам): ИНФ дал ей идеологическое обоснование войны, которую армия вела против анимистов и христиан на юге страны и которая стала именоваться джихадом. Но неудачный ход войны заставил правительство вступить в переговоры с повстанцами-южанами, а 30 июня 1989 года ему пришлось приостановить действие исламских законов в качестве предварительного условия для достижения национального примирения²⁷⁹.

Переворот, осуществленный в тот же день генералом Омаром аль-Баширом при поддержке офицеров-исламистов,²⁸⁰ сорвал этот план действий. Вскоре после путча

принимает иностранных студентов, но при урезанном бюджете и с меньшим акцентом на прозелитизм в образовательных программах (из личной беседы с Хасаном Мекки в Международном университете Африки, Хартум, май 1999 г.).

²⁷⁸ Махмуд Мухаммад Таха говорил о «второй миссии ислама», основанной на самых ранних айатах Корана, ниспосланных Пророку в Мекке. Он рассматривал их как «призыв к ответственности и свободе» в отличие от более поздних откровений, ниспосланных в Медине и связанных с обстоятельствами того времени, когда Пророк создавал государство. Улемы-традиционалисты расценили эти рассуждения как еретические, что навлекло на него обвинения в вероотступничестве. См.: Renaud E. *A la memoire de Mahmud Mohammed Taha // Prologue, revue maghrébine du livre*. 1997. Ete. № 10. P. 14–20. Английский перевод его книги (см.: Taha M.M. *The Second Mission of Islam*. N.Y.: Syracuse University Press, 1987) был опубликован его учеником Абдаллой ан-Наимом. Несколькими месяцами позже Тураби в беседе с египетской журналисткой одобрил казнь Тахи, которого он назвал «вероотступником» и «пешкой в руках Запада» (цит. по: Marchal R. *Elements d'une sociologie du Front National Islamique soudanais // Les Cahiers du CERL*. 1995. Septembre. № 5. P. 12). В беседе с французским журналистом Тураби заявил, что «не выступал за его казнь», характеризуя М.М. Таху как «пророка новой религии, обожествлявшего собственную персону» (al-Tmrabi H. *Op. cit.* P. 306).

²⁷⁹ Lesch A.M. *The Destruction of Civil Society in the Sudan // Civil Society in the Middle East / Ed. A.R. Norton*. Leiden: E. J. Brill, 1996. Vol. 2. P. 163.

²⁸⁰ В путче участвовало 300 военных, и он был поддержан директором Исламского банка Фейсала, отмечает А. Шуэ, который указывает, что новый режим был немедленно признан Саудовской Аравией. См.: Chouet A. *L'islam confisque: Strategies dynamiques pour un ordre statique // Moyen Orient: migrations, democratisation, meditations / Sous la dir. de R. Bocco et M.-R Djalili*. P.: PUF, 1994. P. 381.

выяснилось, что Тураби, несмотря на свое нахождение в течение некоторого времени — наряду с другими политическими лидерами — под домашним арестом, был «серым кардиналом» нового режима. Как и в 1977 году в Пакистане, когда генерал Зия-уль-Хак сверг Али Бхутто, а затем провозгласил «исламское государство» по рецептам Маудуди, так и в Судане интеллектуалы-исламисты и вдохновленная ими набожная буржуазия пришли к власти, не имея поддержки широких народных масс. В обоих случаях часть военной верхушки приняла идеологию исламистов, обеспечив победу движению, не прибегая при этом к помощи бедной городской молодежи, социальные требования и претензии которой были всегда чреваты неконтролируемыми потрясениями сложившегося порядка. Легкость, с какой исламистской идеологии удалось проникнуть в генштабы обеих стран, объяснялась тем, что и пакистанская «Джамаат-и ислами», и суданский ИНФ дали религиозное оправдание войнам, которые армия вела без особого успеха, в первом случае — против отделения Бангладеш в 1971 году, во втором — против анимистов и христиан юга Судана. Наконец, установление исламистской военной диктатуры в первые годы сопровождалось безжалостным подавлением секуляризованных средних классов, символом которого в Пакистане стала казнь Али Бхутто в 1979 году. В Судане, где политические нравы традиционно были мягкими, а браки и межплеменные союзы между правящими элитами обеспечивали защиту опальных фигур, режим, пришедший к власти в 1989 году продемонстрировал невиданную жестокость. Чистки и казни затронули прежде всего офицерский корпус, тогда как гражданские и военные чиновники направлялись на «перевоспитание» с целью заставить их принять исламистское мировоззрение. Попытки арестованных, которых доставляли в «дома-призраки» (*«ghosthouses»*) — навиллы служб безопасности, стали обычной практикой, осуждавшейся международными организациями,²⁸¹ но масштабы которой Тураби старался преуменьшить, относя разговоры об этом на счет «крайней чувствительности суданцев». ²⁸² Ассоциации, партии и независимые газеты были запрещены, а их руководители брошены в тюрьмы.

«Революционная» жестокость первых лет существования режима позволила ИНФ полностью взять в свои руки контроль над государством путем назначения своих людей, представителей исламистской интеллигенции и набожных средних классов, во все властные структуры.²⁸³ Цель этой жестокости заключалась в том, чтобы покончить с засилием традиционных господствовавших групп — представителей крупных политических партий, связанных с братствами, — и заменить их новой «современной» элитой. В то же время режим с еще большей жестокостью подавлял интеллигенцию и неисламистов из числа представителей средних классов — вынуждая многих из них бежать из страны, — лишь бы не допустить их превращения в альтернативу существующей власти. Наконец, ИНФ пытался компенсировать свою недостаточную непопулярность в народе, покровительствуя фаллата — этнической группе, пришедшей из Западной Африки, чье чужеродное происхождение ставило ее в маргинальное положение.²⁸⁴ В этой группе ИНФ смог найти преданную

---

²⁸¹ См.: Ah NI. *Islamism in Practice: The Case of Sudan // The Islamist Dilemma / Ed. by Laura Guazzome. L.: Ithaca Press, 1995. P. 202.*

²⁸² См. речь Тураби в Комитете по иностранным делам Палаты представителей конгресса США 20 мая 1992 г.: al-TourabiH. *Op. cit. P. 49–61.*

²⁸³ Среди исламистских лидеров было очень много халаба («уроженцев Халеба», как называют здесь суданцев левантийского происхождения, отличающихся светлым оттенком кожи). Не допуская в верхушку суфийских братств, эти люди нашли в исламистской партии возможность занятия политических постов, которые ранее были для них закрыты.

²⁸⁴ Фаллата, выходцы с севера Нигерии и Чада, ежегодно пересекали территорию Судана, направляясь на паломничество в Мекку. Их использовали в качестве поденных рабочих на хлопковых плантациях. Фаллата

клиентуру, готовую выполнять для него самую «черную» работу, тем паче что она была обязана ему своим возвышением и боялась его потерять в случае смены власти.

Такая политика позволила Тураби и его друзьям взять власть в государстве и удерживать ее целые десять лет. За это харизматический лидер удостоился восхищения большинства подобных движений в арабском мире — в частности, тунисского Движения исламской тенденции (ДИТ) и палестинского «Хамаса»,²⁸⁵ руководители которых постоянно ссылались на пример Судана, — а также националистов и даже левых активистов региона: в их глазах антиимпериализм Тураби перевешивал репрессии, которым подвергались их товарищи в Хартуме. В отличие от происламистского режима генерала Зия в Пакистане, также пришедшего к власти в результате военного переворота, но пользовавшегося массивной американской поддержкой в связи с войной против Советов в Афганистане, суданский режим навлек на себя гнев США. Бесчинства армии и полиции в ходе бесконечной войны на юге страны восстановили против режима многочисленные христианские организации, как протестантские, так и католические. Имея связи в Вашингтоне и европейских столицах, они закрыли для суданских лидеров доступ к различным формам «исламо-христианского диалога», благодаря которым многие исламистские движения других стран смогли установить контакты с западными властными структурами. Хотя во главе ИНФ стояли лидеры, большинство которых получили образование в Великобритании и США, Фронт, пришедший к власти в результате путча, вызвал к себе враждебное отношение американцев, подобно хомейнистскому Ирану, также отнесенному к числу государств — спонсоров терроризма. Однако, как и в Иране, режим сумел превратить в источник легитимности и эту враждебность, и сопровождавший ее «шлейф» санкций. Судану это дало повод обвинить Америку в экономических бедах минувшего десятилетия²⁸⁶ и призвать мусульман к священному союзу против США. Это позволило Тураби, поддержавшему Саддама Хусейна во время войны 1990–1991 годов в Заливе и на время лишившемуся за это саудовской помощи, заручиться поддержкой международных организаций, не говоря уже об исламистских движениях, и сделать из своей страны — одной из беднейших в мире — символ сопротивления империализму. В апреле 1991 года на открывшуюся в Хартуме арабскую и исламскую народную конференцию съехались, помимо исламистов Ближнего Востока, Магриба, Ирана, Афганистана и Пакистана, Ясир Арафат и египетские насеристы. Конференция выразила солидарность с Ираком и выставила себя в качестве альтернативы Организации Исламской конференции (ОИК), находившейся под саудовским влиянием, хотя и не располагала при этом такими же средствами. За первой конференцией последовала вторая — в декабре 1993 года, затем третья — в марте-апреле 1995 года.²⁸⁷ Эти форумы дали Тураби возможность утвердиться на международной арене с помощью мировых СМИ (а он прекрасно умел общаться с

представляли собой презируемый сельскохозяйственный пролетариат, которому исламистская партия смогла предложить социальный реванш и религиозную интеграцию (они принадлежат к маликшской правовой школе, а потому шафийские братства, доминирующие в стране, всегда держат их «на расстоянии»). На выборах 1986 г. поддержка со стороны фаллата обеспечила ИНФ голоса избирателей за пределами округов, отведенных для «обладателей дипломов», что дало Фронту дополнительные места в парламенте.

²⁸⁵ Сведения о ДИТ почерпнуты из беседы автора с Хабибом Мокни (Париж, 1993 г.). На эту же тему имеются многочисленные заявления лидера движения, Р. аль-Ганнуши. О «Хамас» см.: MECS. 1991. P. 184.

²⁸⁶ О начавшемся в 1989 г. развале суданской экономики и обогащении предпринимателей из ИНФ см.: AliH.I. Op. cit. P. 204–207.

²⁸⁷ Об участниках и ходе конференций в Хартуме см.: MECS. 1991. P. 182–183; Ibid. 1993. P. 143–146; Ibid. 1995. P. 107–109. О конференции 1995 г. отсылаем к рассказу одного из ее участников — Ф. Бурга (см.: Maghreb-Machrek. 1995. Avril-juin. № 148. P. 89).

журналистами)²⁸⁸ и укрепить свое влияние в собственной стране. Таким образом, режиму удалось завуалировать свое путчистское происхождение и непопулярность в народе и придать себе имидж революционной власти, выразительницы надежд и чаяний прогрессивных сил и мусульман всего мира. Режим смог добиться этого, потому что в 1989 году он не только стал единственным суннитским исламистским движением, захватившим власть в государстве, но и умело воспользовался вакуумом, созданным смертью Хомейни: аятолла умер в июне, а уже в конце этого месяца произошел путч в Хартуме.

Глава 7 Европа, земля Ислама: платок и фетва

Хомейни умер 3 июня 1989 года, немногим более трех месяцев спустя после его призыва к мусульманам всего мира казнить автора «Сатанинских стихов». Эта ошеломляющая фетва стала настоящим политическим завещанием аятоллы, завершив 1989 год и вместе с ним — десятилетие расцвета исламистских движений, начало которому было положено исламской революцией в Иране в 1979 году. Фетва Хомейни явилась результатом столкновения двух противоположных символических направлений и событий. Тегеран был вынужден пойти на прекращение длительной войны с Ираком, продолжавшейся с 1980 до 1988 года, и расстаться с надеждами на свержение Саддама Хусейна. А Саудовской Аравии удалось сохранить гегемонию на выражение ислама, несмотря на попытки дестабилизации со стороны Ирана. В данном контексте фетва представляла собой попытку перехватить инициативу в этой области. Хомейни выступил в роли защитника всех мусульман, оскорбленных появлением романа, расцененного как покушение на мусульманскую честь, достоинство, религию и культуру, в то время как ни Эр-Рияд, ни зависимые от него организации не смогли помешать выходу в свет этой книги. Кроме того, фетва от 14 февраля 1989 года перемещала сферу исламистского протеста, которой в 80-х годах являлась Юго-Западная Азия, за пределы традиционных исторических границ сообщества правоверных, в Западную Европу, где проживал Салман Рушди и выходцем из которой он являлся. Фетва против Рушди означала распространение *дар аль-ислам* на весь мир, вовлекала в него мусульман-эмигрантов, делая из них заложников, а затем и участников борьбы противоборствующих сил за верховенство в мировом исламском пространстве. В течение следующего десятилетия в это пространство окажется втянутым и Запад, превращенный исламистами в новое поле битвы.

Пятнадцатого февраля 1989 года должно было стать знаменательной датой победы джихада в Афганистане, проводившегося под покровительством и с благословения Саудовской Аравии и США. В этот день закончился начатый по инициативе Горбачева вывод советских войск с территории Афганистана. Все ожидали, что коалиционное правительство, сформированное из представителей партий моджахедов в Пешаваре, находившихся под саудовско-пакистанским влиянием, займет свою резиденцию в Кабуле. Однако потребовалось еще более трех лет ожесточенной борьбы, прежде чем столица пала к их ногам. Многие были уверены, что эта победа станет еще одним шагом к утверждению духовного влияния Саудовской Аравии на мировом исламском пространстве, тем более что афганские шиитские партии не вошли в состав правящей коалиции. Как ни странно, но

---

²⁸⁸ Суданский руководитель очень ценил крупные западные СМИ, превратившие его в «респектабельного исламиста», который был способен вызвать озноб восторга у читателей, разговаривая с ними на их языке. В предисловии к одному из бесчисленных интервью с ним в журнале «Jeune Afrique» (8 марта 1993 г) Франсуа Судан писал: «На самом деле есть два Тураби. Есть тот, кто критикует эксцессы иранской революции и говорит об эмансипации женщины, протягивает руку Западу. И есть тот, кто дает советы афганским исламистам, помогает тунисцу Ганнуши, йеменцу Зиндани, египтянину шейху Омару [Абдель Рахману] и руководителям-эмигрантам алжирского ИФС в их борьбе за власть. Есть слова, а есть реальность: каждый выбирает «своего» Тураби»

вывод советских войск прошел почти незамеченным редакциями, поместившими на первых полосах своих изданий фетву, произнесенную накануне Хомейни и выдвинувшую, таким образом, Иран на передовой рубеж в идеологическом сражении за политическое верховенство в исламе, за контроль за чистотой исламских догм. Одновременно с появлением короткого текста фетвы, «приговаривавшей к смерти» автора и издателей «Сатанинских стихов» и призывавшей «каждого правоверного мусульманина немедленно привести приговор в исполнение, где бы он их ни повстречал», телевидение показало осаду Американского культурного центра в столице Пакистана Исламабаде 12 февраля 1989 года, в результате которой погибли пять человек и десятки были ранены. Среди раненых оказался и лидер партии деобандских улемов Мавлана Фазлур Рахман. Заслуги США перед афганским джихадом не смогли защитить одно из американских учреждений от толпы, разгневанной книгой Салмана Рушди (хотя тот не имел отношения к заокеанской стране). По телевидению показывали также сцены, снятые месяц назад в Бредфорде (Йоркшир), где по инициативе городского Совета мечетей было устроено публичное аутодафе романа, на котором присутствовала многочисленная пакистанская община этого города.

Разгул насилия, направленный против художественного произведения, вызвал недоумение и возмущение на Западе. Это напоминало фанатизм эпохи испанской инквизиции и нацистские костры в Германии. Бредфордские активисты заявляли, что роман, изображавший женщин, в котором узнавались жены Пророка, как проституток, оскорблял честь ислама, представлял собой издевательство над его вероучением. Для них было не важно, что Рушди хотел написать вымышленную историю, сюжет которой состоял в перевороте представлений и ориентиров в ходе оседания мусульманских иммигрантов в Европе в последней четверти XX века. Положение Рушди осложнялось и его мусульманским происхождением, которое в глазах его противников делало из богохульника вероотступника, то есть преступника, которого шариат обрекает на смертную казнь, если он не покается.

В первые месяцы с момента публикации романа Рушди в сентябре 1988 года и до аутодафе в Бредфорде 14 января 1989 года тон задавали последователи Маудуди, которые повели кампанию сначала в Индии и Пакистане, а затем — в Англии, через свое британское представительство, «U.K. Islamic Mission». ²⁸⁹ Они действовали через саудовские структуры с целью оказания давления на Лондон, дабы наложить запрет на эту книгу, но усилия не приносили результата. Во второй период — от аутодафе до появления фетвы — на сцену вышли последователи мусульманских школ деобанди и барелви. Они будоражили массы, поднимая улицу против романа и его автора в Англии и Пакистане, в отличие от дипломатии Эр-Рияда, остерегавшейся стихийных народных выступлений. Наконец, на третьей фазе, начавшейся 14 февраля с благословения Хомейни, мобилизация масс была дополнена демаршами на международной арене и угрозами терактов. На каждом из этих этапов руководящая роль переходила от одного исламистского течения к другому: к соперничавшим между собой саудовским ваххабитам, «Джамаат-и ислами» и «Братьям-мусульманам», с одной стороны, и Ираном — с другой, присоединился третий конкурент — индо-пакистанские улемы, прежде всего последователи школы деобанди: в 90-е годы их влияние на международной исламистской сцене будет только возрастать, и из их среды выйдут талибы.

Третьего октября 1988 года, спустя неделю после появления «Сатанинских стихов», Исламский фонд Лейчестера, возглавляемый духовными наследниками Маудуди, разослал по всем мечетям и мусульманским ассоциациям Соединенного королевства циркуляр с отрывками из романа Руттди и призывом принять участие в кампании по сбору подписей под петицией с требованием запрета романа, изъятия его из продажи и принесения автором публичных извинений. Инициатива лидеров Фонда исходила от их «братьев» из «Джамаат-и

---

²⁸⁹ Излагая здесь наше видение дела Рушди, мы опираемся главным образом на исследование, проведенное нами во второй части нашей книги: *Kepele G. A l'ouest d'Allah*, в которую включена и библиография работ по этой теме до 1994 г. включительно..

ислами» из индийского города Мадраса, поддержавших действия мусульманских политиков Индии по запрету ввоза и распространения книги на родине Салмана Рушди. Тогдашний премьер-министр Раджив Ганди, в разгар избирательной кампании испытывавший острую потребность в голосах мусульманских избирателей (мусульмане составляют примерно 15 % из одного миллиарда населения Индии), уступил их просьбе 5 октября, за что получил резкую отповедь со стороны романиста. На следующей неделе созданный *ad hoc* Комитет исламского действия, собравшийся у одного саудовского дипломата в Лондоне, усилил кампанию, потребовав, чтобы британский закон против богохульства (защищавший только Англиканскую Церковь) был распространен и на другие религии, что позволило бы подвергнуть роман цензуре. Эти требования не возымели действия благодаря юридической защите, которой пользуется в Соединенном королевстве свобода слова. Зато большинство мусульманских государств наложили запрет на распространение книги, которая подверглась 5 ноября резкому осуждению Организацией Исламской конференции (ОИК), в которой Саудовская Аравия играет главенствующую роль. Тем не менее первая фаза мобилизации масс прошла с меньшим размахом, чем ожидалось. Ученики и последователи Маудуди в Соединенном королевстве представляли в основном интеллигенцию. Они были хорошо организованы, но не имели опоры среди рабочих-мусульман, страдавших от безработицы и бывших в своем большинстве сторонниками школ деобанди и барелви. Перед последователями Маудуди стояла задача усилить влияние в рабочей среде и завоевать недостающий моральный и политический авторитет выступлением в защиту чести ислама. Кампания против «Сатанинских стихов» давала им возможность расширить свою базу среди неимущей городской молодежи, иммигрантов из Пакистана: в отличие от поколения своих родителей, плохо говоривших по-английски и неграмотных, их дети посещали английские школы и могли высказать свое мнение по поводу книги, изданной на английском языке. В то же время они хотели сохранить налаженные связи с британскими учреждениями, которые видели в них авторитетных представителей мусульман. Поэтому преждевременным инициативам они предпочли дипломатическое давление, надеясь, что финансовый вес Саудовской Аравии придаст ему должный эффект. Действительно, в начале 80-х годов Эр-Рияд вызвал скандал, помешав трансляции телефильма производства Би-би-си «Смерть принцессы», рассказывавшего о том, как было улажено дело о супружеской измене в саудовской королевской семье. Однако «Сатанинские стихи» не были сочтены серьезным поводом для мобилизации саудовского дипломатического аппарата и угроз Лондону торговыми санкциями. В конце декабря 1988 года генеральный прокурор Соединенного королевства заявил, что роман Салмана Рушди не подлежит судебному преследованию.

Неудачный исход первой фазы кампании открыл путь народным манифестациям ассоциаций деобанди и барелви. Роман, вышедший на английском языке и повествующий о том, что находилось за рамками повседневной жизни этих британцев-мусульман, был им не интересен. Не руководствовались они и какими-либо геополитическими соображениями, а реагировали прежде всего на то, что считали оскорблением их веры и надругательством над исламом, то есть строгими правилами повседневного поведения, внушенными им в их родных медресе. Для руководителей этих ассоциаций, власть и авторитет которых зависели от абсолютной веры их адептов в непреложность и незыблемость догматических устоев ислама, любой текст, могший заронить сомнения — особенно в умах молодого поколения, более подверженного западному влиянию, — представлял опасность. Тем более что речь шла о Великобритании, где власть мулл как главных посредников между мусульманской общиной и властями королевства определялась степенью ментальной, языковой и культурной закрытости, отгораживавшей их паству от окружающего общества и препятствовавшей их прямому доступу в него. Оставленное без отпора «богохульство» «Сатанинских стихов» грозило вылиться, как и у героев романа, в пересмотр молодыми индо-пакистанцами традиционного образа мышления, а также правил подчинения и послушания религиозным лидерам деобанди и барелви. Кампания против Рушди служила для мулл своего рода защитой завоеваний: вот почему они подняли своих сторонников,

устроив сожжение романа в Бредфорде, а затем попытавшись поджечь Американский культурный центр в Исламабаде. Однако ярость — символическая или реальная — этих манифестаций, собиравших огромные толпы народа, не имела прямого политического последствия и выхода на сильных мира сего — в отличие от кампании маудудистов, поддержанной саудовскими кругами, но не вызвавшей отклика у обывателей.

Выпустив фетву сразу же после волнений в Исламабаде, Хомейни подхватил эту народную инициативу, придав ей столь недостающий политический размах: в одно мгновение она приобрела международный масштаб. До сих пор кампания велась против романа, даже если иногда и сопровождалась нападками на автора с требованиями его смертной казни. Отныне, призывая казнить автора, британского подданного (не имевшего к тому же никакого отношения к Ирану), она сменяла регистр. Саудовские круги обвинялись в том, что они не смогли помешать выходу книги в свет. Тегеранский вождь представал как неоспоримый лидер всех оскорбленных и униженных мусульман планеты на фоне малодушных и трусливых руководителей Эр-Рияда, сводя на нет все символические дивиденды королевства, которые оно ожидало получить от джихада в Афганистане, закончившегося выводом советских войск 15 февраля. Наконец — и это главное — эта кампания выходила за традиционные границы мира ислама. В самом деле, согласно юридической доктрине ислама, фетва не имела силы вне *дар аль-ислам* — той части пространства, которая находится под властью мусульманского правителя и на которой в принципе применяются нормы шариата. Хомейни же своим блистательным ходом ставил под свою юрисдикцию весь мир: он не только навязывал свое лидерство всем шиитам и суннитам за пределами Ирана, но выставлял себя в качестве высшего судьи для эмигрантов, живших в Европе, одним махом включив их в «территорию ислама». Этот двойной переворот имел серьезные последствия для соотношения сил в мусульманском мире и его взаимоотношений с Западом.

Хомейни удалось восстановить свой авторитет на всем исламском пространстве. В Иране, несмотря на робкие попытки «прагматического» течения, возглавлявшегося председателем парламента Хашеми Рафсанджани и пытавшегося после бесславной войны против Ирака восстановить связи с Западом, Хомейни вновь ужесточил идеологическую пропаганду, доведя до предела радикализма политическую риторику. Обращаясь к обездоленным массам, разочарованным и дезориентированным, иранский вождь предлагал им вступить в грандиозную борьбу на попрание морали и религии, способную отвлечь их от социального недовольства в стране, где растущая пауперизация масс сопровождалась стремительным обогащением религиозной буржуазии, людей базара, связанных с муллами. Вне Ирана Хомейни ставил в затруднительное положение Саудовскую Аравию и ее союзников, раскалывая их ряды и ослабляя их позиции. Логическим завершением этого процесса станет начавшаяся в следующем году война в Заливе. Некоторые видные участники афганского джихада, которых Эр-Рияд считал своими сторонниками, противниками иранского и антиамериканского вариантов экстремизма, как, например, египетский шейх Омар Абдель Рахман (приобретший известность после взрыва в нью-йоркском Всемирном торговом центре в 1993 году), выразили поддержку Хомейни. На заключительном заседании министров иностранных дел ОИК 16 марта Саудовская Аравия и «умеренные» государства были вынуждены проголосовать за принятие заявления, объявлявшего автора «Сатанинских стихов» вероотступником. На практике это давало доктринальное оправдание фетве (вывод о «богохульстве» Рушди делался на основании категорий исламского права),²⁹⁰ хотя при этом не упоминалось о провокационном смертном приговоре британскому подданному, проживавшему в Англии. Своим последним в этой жизни политическим актом Хомейни

---

²⁹⁰ Разница между фетвой, приговаривавшей Рушди к смерти, и характеристикой его как вероотступника состоит в том, что вероотступник имеет право, если он покается, избежать смертной казни. В первом случае речь идет о приговоре, не подлежащем обжалованию, во втором — о вынесении суждения, которое (в принципе) допускает выдвижение контраргументов.

подстроил ловушку своим противникам. Как выразился иранский президент Хаменеи (будущий преемник лидера иранской революции), «он [Хомейни] — вождь мусульманских сообществ и исламской нации. Для него, являющегося не только вождем иранской нации, все мусульмане связаны сердечными узами. Как вождь исламской уммы, он должен защищать их права».²⁹¹

«Сообщества», на которые стремился распространить свою власть иранский вождь, в значительной части состояли из иммигрантов в странах Западной Европы. Этот миграционный поток, начавшийся еще в первые десятилетия XX века, имел своей причиной поиск работы.²⁹² Европейская промышленность нуждалась в дешевой рабочей силе, а иммигранты — в живых деньгах, которые они могли привезти на родину. В этой миграции не было ничего специфически «исламского», она не была связана ни с верой, ни с ее экспансией: так же поступало христианское население Южной Европы, отправлявшееся на заработки в северные страны. После Второй мировой войны, а затем в период после обретения независимости большинством мусульманских стран этот поток увеличился из-за возросших в Европе потребностей в рабочей силе, когда был приведен в действие план Маршалла и вовсю шла послевоенная реконструкция, а также из-за демографического всплеска в странах «третьего мира». До середины 70-х годов те, кого называли тогда «иммигрировавшими рабочими», в своем большинстве были трудоустроенными мужчинами — в принимающих странах уровень безработицы был низок. Процесс пожизненного оседания иностранцев на новых местах еще не начался: «заинтересованные» организации (и европейские правительства) хотели видеть в них лишь «иммигрировавших» (а не «иммигрантов»), которые рано или поздно покинут страну — как только достигнут своих целей, а на их место придут другие в соответствии с разумной «миграционной ротацией». Франция и Великобритания поощряли иммиграцию из своих бывших колоний: Франция — из стран Магриба и Западной Африки, Англия — с Индийского субконтинента. В Германии основную массу иммигрантов составляли турки. До октябрьской израильско-арабской войны 1973 года, называемой также войной Киппура или Рамадана, ислам, как мы уже упоминали, не представлял еще серьезного фактора и не являлся реальной силой в странах третьего мира, где в то время господствовала националистическая идеология в ее различных проявлениях. Выходцы из этих государств определяли себя в первую очередь в соответствии со своей недавно обретенной национальной принадлежностью, особенно если это право было завоевано в результате длительной национально-освободительной борьбы, как, например, в Алжире. Что же касается тех, кто воспринимал мир через призму религиозных категорий, то для них Западная Европа — это как *дар аль-куфр* («земля безбожия»), часть вселенной, находившаяся под игом немусульман, где, в отличие от *дар аль-ислам*, законы шариата не действовали. Конкретно это означало, что во Франции и Германии набожность иностранных пришельцев была практически незаметна: мечети и молельные залы были полупустынны, а их посещаемость оставалась на низком уровне. Мусульмане соблюдали *a minima* некоторые запреты, касавшиеся употребления свинины или алкогольных напитков (последнего запрета это касалось в меньшей степени), совершали ежедневную молитву и постились в месяц Рамадан. Однако индивидуальный характер этой практики и отсутствие интереса к ней не позволял давать ей количественные оценки. Лишь индо-пакистанские мусульмане Великобритании составляли в этом плане исключение: на протяжении столетия они привыкли, в частности, благодаря опыту деобанди и барелви, жить своим окружением, общиной, проникнутой религиозным духом, под властью немусульманского правительства,

---

²⁹¹ Цит. по: Schube R. The Forgotten Honor of Islam // МЕсS. 1989. P. 175.

²⁹² См.: Kepel G. Les banlieues de l'islam. Основные положения указанной книги, касающиеся зарождения ислама во Франции, воспроизводятся здесь с учетом процессов, развивавшихся в других европейских странах, и событий, произошедших после выхода этой книги в свет (1987 г.).

на полуострове, где они составляли лишь пятую часть населения (в отличие от магрибинцев, африканцев и турок, приехавших из стран, преимущественно или целиком мусульманских). Они жили по шариату сами, без вмешательства государства. Прибыв в Великобританию после Второй мировой войны, многие из них переносили на английскую почву модель, выработанную в индуистском окружении. Они неукоснительно соблюдали запреты, предписывавшие подчинение нуждам сообщества, тем более что это было настоятельной необходимостью их образа жизни. Так, например, чтобы приготовить блюда из мяса животного, забитого согласно ритуалу с целью сохранения его религиозной чистоты (*халяль*), им приходилось покупать и резать барана в кругу остальных членов общины деобанди или барелви, поскольку *халяльной* пищи тогда в продаже просто быть не могло. Внутри таких общин царил взаимовыручка. Ее члены вместе молились и... наблюдали друг за другом. В Соединенном королевстве сеть мусульманских ассоциаций сложилась как таковая еще в начале 50-х годов. Одновременно была создана сеть мечетей, собравших и объединивших под своими сводами приверженцев ислама в рамках религиозного сообщества, уставные ограничения которого были гораздо более суровыми, чем у турок в Германии или магрибинцев во Франции в ту эпоху.

Октябрьская война 1973 года сыграла решающую роль в развитии консервативного исламизма саудовской закваски. Она привела к непредвиденным значительным изменениям в судьбах мусульманского населения Западной Европы. Взлет цен на нефть выразился в двузначной цифре инфляции, привел к внезапному и массовому росту безработицы, коснувшейся в первую очередь неквалифицированной рабочей силы. Рабочие-иммигранты стали ее первой жертвой. Европейские правительства приняли постановления по ограничению иммиграции в надежде снизить уровень безработицы, рассчитывая, что те, кто оказался без работы, вернутся на родину, а замены им не будет. Однако эти меры возымели обратный эффект: большинство иностранных рабочих, взвесив все за и против, осмыслив все превратности безработицы в Европе и ее безысходность у себя дома, решили, что выгоднее оставаться в Европе, избрав ее своей новой родиной и ознаменовав этот выбор созданием семьи. Буквально за несколько лет это население, в котором раньше преобладали мужчины, было разбавлено представительницами слабого пола. В семьях иммигрантов было уже много детей, прибывших в страну в младенческом возрасте или рожденных в стране после 1973 года. В конце 80-х годов, будучи гражданами данного государства или имея законную возможность получить гражданство, они составят первое поколение молодежи мусульманского вероисповедания, родившееся и получившее образование в европейской стране, говорящее на языке данной страны и знакомое с национальной народной культурой.

Становление ислама в Европе с момента начала обоснования мусульман на новом месте жительства после октябрьской войны 1973 года и до 1989 года в значительной степени определялось политической [пропуск стр. 196, 197].

В европейском исламе этих лет исламистская интеллигенция была представлена студентами из стран мусульманского мира. Некоторые из них посвятили себя проповеднической деятельности и прозелитизму, но им было трудно перетянуть на свою сторону иммигрантов-рабочих или безработных, с чьим жизненным опытом они не были знакомы. Первое поколение испытывало тяжесть эмиграции и ее последствий. После 1973 года оно жило под постоянной угрозой сокращения рабочих мест «синих воротничков» (разнорабочих) и было озабочено тем, как дать образование своим многочисленным детям, впитывавшим культуру, практически непонятную их родителям. В религиозном плане для этого поколения пиетистские формы ислама были более привлекательны, нежели активисты, выступавшие за исламское государство, поносившие как безбожников правителей своих стран и представлявшие источник всевозможных беспорядков.

Положение изменилось в 1989 году с выходом на сцену поколения ассимилированных в европейской среде и достигших зрелости детей из семей иммигрантов. Это поколение столкнулось с многочисленными социальными трудностями. Доступ на рынок труда был им перекрыт, к тому же нельзя сказать, чтобы они очень блистали успехами в школе. Впервые

на европейской земле в этой среде стало проходить становление неимущей городской молодежи мусульманского вероисповедания. Молодые люди будут более внимательно, нежели их родители, прислушиваться к речам радикальных исламистских активистов. Последние — студенты из стран Магриба, Ближнего Востока, Турции, Индии, Пакистана — находились в том же возрасте, располагали богатым интеллектуальным капиталом, хорошо владели языком и прекрасно знали обычаи и нравы своих стран. Хотя дети иммигрантов имели о них весьма смутное представление, тем не менее они слушали с огромным интересом рассказы о родине предков, с удивлением открывая для себя в некоторых деталях повествования знакомые им с детства истории, свидетельствующие об общности их генеалогических корней с покинутой родиной. Успех исламистской идеологии в молодом поколении объяснялся также несбывшимися надеждами 80-х годов. Во Франции движение «СОС-расизм», стремившееся собрать под едиными антирасистскими знаменами все молодежные течения, использованное, кстати, президентом страны Франсуа Миттераном для подрыва позиций Национального фронта и раскола коалиции правых сил, оставило после себя лишь воспоминания о ярких выступлениях, лишенных, однако, социального наполнения. Движение «бёров» (на жаргоне «верлан» — перестановка слогов *reubeu*, «араб»), пытавшееся сформировать особое самосознание молодых французов магрибинского происхождения на базе их двойной культурной принадлежности, быстро обнаружило свою ограниченность, способствовав в первую очередь возвышению «бёржуа-зии» — узкого слоя образованной элиты. Фактический провал этих инициатив оставил у многих «младших братьев» — «дружков» движения «СОС-расизм» и «бёров» чувство горечи и разочарования в концепциях создания новой идентичности, которые отдавали предпочтение принятию ими ценностей французской культуры и ставили ислам на последнее место.

В складывавшихся условиях, благоприятствовавших исламистской *даава*, ассоциации, связанные с движением «Братьев-мусульман», пакистанской «Джамаат-и ислами» и турецкой «Рефах партией», действовавшие в Европе, приспособили свою идеологию к запросам неимущей городской молодежи, которая казалась им уже созревшей для прозелитизма. Этим объяснялся расцвет пропагандистской литературы на французском, английском, немецком и других языках, на которые переводились проповеди, читавшиеся в мечетях, брошюры с текстами Сайида Кутба и Маудуди. Всё это контрастировало с предыдущим десятилетием, когда языки стран происхождения были главным средством распространения исламистских идей. Кроме того, до 1989 года европейские государства были объявлены исламистскими движениями «заповедной» территорией: эти страны служили всего лишь местом вербовки активистов и сторонников, которые должны были вернуться в свои страны, чтобы вести единственную стоящую борьбу — против безбожных режимов. Было сделано всё, чтобы избежать конфликта с местными властями. Высылка из страны активистов-хомейнистов, попытавшихся спровоцировать беспорядки в среде иностранных рабочих в начале 80-х годов, стала ярким свидетельством того, что соотношение сил было явно не в пользу исламистов. В европейском исламе социальный план проповедничества был отделен от политического. Благотворительная деятельность, помощь нуждающимся, моральная поддержка, то есть все проблемы повседневной жизни были возложены на религиозные группы и аполитичные братства, поддерживавшиеся в своей работе консульствами и «официальными» имамами, которые организовывали курсы по религиозному воспитанию детей иммигрантов. Исламистские же движения занимались вербовкой кадров для идеологической борьбы против алжирского, марокканского, тунисского, турецкого правительств, а также против индийского присутствия в Кашмире, но остерегались оказывать какое-либо давление на власти стран пребывания.

Таким образом, первые поколения европейской молодежи мусульманского вероисповедания коренным образом изменили ситуацию. Их родители, в большинстве своем так и не сумевшие вжиться в новую, чуждую для них культурную среду, зачастую несли на себе груз пережитков колониальной эпохи. Напротив, их дети стали поколением, уверенным в себе и в своих силах, способным отстаивать свои права, различать врагов, добиваться своих

целей в странах, гражданами которых они являлись и на языке которых говорили. Во Франции, Англии и Германии на образование, юстицию и полицию возлагалась вина за отчисление из школ, проблемы доступа на рынок труда, слишком частые задержания «за внешность» и т. д. Эти проблемы уже поднимались антирасистскими организациями в 80-х годах, однако к концу десятилетия они встали с особой остротой, так как к концу десятилетия антирасистское движение утратило свой престиж, а новые поколения становились все более многочисленными. Исламистская интеллигенция устремилась в эту брешь. Расставшись со стратегией «неприкосновенности» Европы, исламисты решили вторгнуться на европейское политическое пространство, взяв на себя роль выразителя интересов неимущей городской молодежи, которую они по этому случаю назвали «исламской общиной». Смена стратегического курса подкреплялась теоретическим обоснованием: если мусульмане являются гражданами европейских государств, то эти страны уже нельзя более причислять к категории *дар аль-ахд*, то есть «территории договорного мира». В исламской доктрине этот термин служит для обозначения той части *дар аль-куфр* («территории безбожия», антипода *дар аль-ислам*), на которой верующие могут жить спокойно. В давние времена *дар аль-ахд* охватывал территории, правитель которых подписывал мирный договор с повелителем правоверных: последние — торговцы, путешественники, моряки — могли мирно предаваться здесь своим занятиям. В пределах *дар аль-куфр дар аль-ахд* противопоставлялся *дар аль-харб* («территории войны»), на котором мусульмане обязаны были вести джихад. На протяжении 80-х годов только представители ливанской «Хизбаллах», совершившие ряд террористических актов в Париже в 1985 и 1986 годах, действовали так, будто Франция являлся частью *дар аль-харб*. Большинство же исламистов, обосновавшихся в Европе, вплоть до конца 80-х годов рассматривали ее территорию как *дар аль-ахд*. Следовательно, на «территории договорного мира» не подобало требовать применения законов шариата, поскольку правитель этих земель являлся *кяфиром*, «безбожником». Таким образом, исламистские организации, выступавшие от имени «общины», не могли действовать в данных условиях. В 1988 году они объявили Европу территорией *дар аль-ислам*, так как проживавшее там многочисленное мусульманское население обрело гражданство европейских государств. Мусульмане могли объединяться в этих странах в исламские сообщества, практиковавшие законы шариата и имевшие полное право на политическое представительство.

В Германии, Великобритании, Нидерландах эволюция исламистской доктрины не вызвала заметных изменений: каждое из этих государств, согласно конституционным законам, предоставляло этническим «меньшинствам» право на самоорганизацию в сообщества, даже поощряло их к этому. В Германии, где законы о натурализации делали чрезвычайно затруднительным получение гражданства турком, даже если он родился и получил образование в этой стране, общинная логика служила компенсацией за отказ в общественной интеграции, даваемой предоставлением гражданства. Не имея шансов стать немцами, эти люди были тем более вынуждены вести замкнутый образ жизни, говорить только на родном языке, покупать продукты в «этнических» магазинах, устраивать пикники в общественных парках и заставлять своих женщин ходить в платках. Множа проявления своей «инаковости», это население усиливало позиции сторонников «права крови» в их жестком определении понятия «*Heimat*» (нем. — родина).

В Соединенном королевстве, где, напротив, на протяжении многих лет можно было легко получить британское подданство, особенно для выходцев из стран Содружества, даже если они не знали английского и не проявляли стремления к вживанию в культурную среду страны пребывания, правительство больше поощряло общинный образ жизни, чем индивидуальную интеграцию. Таким образом, английские власти продолжали «коммуналистскую» традицию Британской империи в Индии, при которой конфессиональная принадлежность индусов, мусульман или сикхов определяла их политическое представительство, а руководитель каждой религиозной общины становился выразителем интересов своих единоверцев во властных структурах. Так, в Бредфорде,

Бирмингеме и других городах муниципалитеты передавали советам мечетей целый ряд посреднических функций во взаимоотношениях с их паствой: регулирование безработицы, благотворительную деятельность и др. В ответ на оказываемое доверие имамы агитировали своих прихожан голосовать за того кандидата от лейбористской или консервативной партии в парламент, который брал на себя обязательство поддерживать создание школ для девочек, чтобы не допускать для учениц-мусульманок смешения полов, считавшегося запретным, обеспечивать наличие *хсиильных* блюд в школьных столовых и прочее, что способствовало бы общинной замкнутости и могло бы укреплять авторитет религиозных деятелей.

Напротив, во Франции, где сразу две традиции — светскости и якобинства — противились введению религии в общественную сферу и созданию общинных перегородок между гражданином и государством, новый курс, выбранный исламистами-интеллектуалами, быстро выродился в конфликтную ситуацию вокруг ношения платка в учебных заведениях. В соответствии с республиканской логикой интеграции, все учащиеся, невзирая на социальное, этническое или религиозное происхождение, были равны в праве на получение знаний и в своих гражданских правах. Учащиеся не должны были публично проявлять свою конфессиональную принадлежность, которая подчеркивала бы их отличия от всех остальных, вместо того чтобы стремиться к поиску точек соприкосновения. Исламисты же считали, что, с тех пор как Франция стала считаться *дар аль-ислам*, ученицам-мусульманкам должно было быть разрешено соблюдать предписания шариата (в их интерпретации последователями Сайида Кутба и Маудуди) и носить хиджаб. Обосновавшиеся на территории континентальной Франции исламистские движения, которые первыми выступили с этим требованием, подхватили удобный лозунг, позволивший им начать процесс контролируемого развода с государством. В глазах их адептов и сторонников «закон Бога», то есть шариат, должен был стать уставом французских колледжей и лицеев, требования которых отодвигались на второй план. Тем самым исламисты стремились изменить культурный расклад сил между бедной («обездоленной») городской молодежью из иммигрантской среды и «наглыми» учреждениями государства. Заставив последнее отступить и вынудив его изменить свое определение светскости, исламистские активисты рассчитывали навязать себя в качестве представителей общины, завоевав немалый авторитет у молодежи, для которой они организовывали летние лагеря и образовательные курсы. Перехватив инициативу у слабеющих коммунистов, исламисты активно занимались социальной деятельностью и создавали программы летнего отдыха по модели египетских «*джамаат исламийя*», в которых культивировались нормы «чистой исламской жизни».

Первое «дело о платке» возникло осенью 1989 года, за ним последовали другие, и так продолжалось вплоть до середины 90-х годов. Руководители Союза исламских организаций Франции играли в них главную роль. Союз входил в движение «Братья-мусульмане», которое пользовалось благосклонностью Саудовской Аравии. Союз приобрел замок в предместье Парижа, в котором готовились имамы для проведения проповеднической деятельности среди европейской мусульманской молодежи. Союз находился под высоким покровительством египетско-катарского шейха Юсефа аль-Карадави. Ежегодно в конце декабря Союз проводил большое собрание, которое позволяло ему привлекать к себе общественное внимание. На собрание, помимо деятелей мирового исламизма, приглашались университетские профессора и представители духовенства, которые обращались к тысячам молодых жителей предместий, приехавших на специально арендованных для этой цели автобусах. Втянувшись в конфликт вокруг проблемы ношения платка, Союз преследовал стратегическую задачу выставить себя перед властями в роли полномочного представителя исламских общин. В обмен на уступки со стороны правительства Союз брал на себя обязательство держать «в рамках» обездоленную и потенциально нестабильную молодежь, бороться с правонарушениями, токсикоманией и склонностью к насилию.

Тактика проникновения в мусульманские общины, наряду с признанием Франции территорией *дар аль-ислам*, имела целью превратить контроль над европейским исламом в политическую ставку французской внешней политики, вменив в обязанность

внешнеполитическим органам посредническую миссию в конфликтах между исламистами и властями стран Магриба и Ближнего Востока. Не являясь более частью *дар аль-куфр* («территории безбожия»), Франция должна была иметь гарантию, что ни один джихад не будет развязан на ее территории, — что было поставлено под сомнение терактами, совершенными в 1995 году по инициативе алжирской ВИГ, о чем будет рассказано в следующей главе. Европейские исламские организации, проводившие активную деятельность в 1989 году, стремились укрепиться в среде неимущей молодежи пригородов, преследуя долгосрочные перспективы, в которых была исключена стратегия насилия. Напротив, исламисты пытались заручиться поддержкой «демократических слоев» французского общества, которому дело о платке было преподнесено в аспекте требований, относившихся к свободе выражения и вероисповедания. При выступлениях в СМИ исламистская интеллигенция отводила первую роль девушкам в платках, которые высказывались за получение современного образования при сохранении нерушимых ценностей своей религии и защите их от любых посягательств. Для этих девушек, как и для их «братьев», культивировавших в качестве мужского религиозного отличительного признака ношение бороды по примеру Пророка, привлекательность общинного образа жизни объяснялась неудачами индивидуальной интеграции республиканского типа. За доказательствами далеко ходить не приходилось: подавляющее большинство молодых людей мусульманского вероисповедания, хорошо знавших культуру своей новой родины и даже ассимилированных французским обществом благодаря полученному школьному образованию, были не востребовааны этим обществом, подвергались тяжелому прессингу безработицы и нищеты и, в конце концов, скатывались к общественно-государственному нигилизму. Внутри общины царил взаимовыручка. Общинная солидарность, усиливавшаяся религиозной идентичностью исламистского образца, превозносившей изгоев и развенчивавшей сильных мира сего, казалась тогда многим детям иммигрантов панацеей от всех бед. В результате даже стал набирать силу процесс обращения в ислам некоторых молодых чистокровных французов, англичан и немцев.

Вот в таких условиях и вышла в свет фетва аятоллы Хомейни, приговаривавшая к смертной казни Салмана Рушди. В это время европейский ислам переживал период перемен. Как и случившаяся десятью годами ранее иранская революция, совпавшая по времени с сооружением первых мечетей на территории Франции, фетва вызвала скорее обратный процесс: она спровоцировала рост антагонизмов между коренным населением и общей массой мусульман, которые стали ассоциироваться с насилием и фанатизмом. Фетва Хомейни появилась в разгар эволюционного процесса, поставив в затруднительное положение исламистские организации по обоим берегам Ла-Манша, упорная работа которых по возведению общинных конструкций опиралась на пропагандистский имидж движения, способного в глазах европейских правительств укротить потенциальную фронду неимущей молодежи.

В Соединенном королевстве последователи Маудуди на начальном этапе кампании против «Сатанинских стихов», так же как и группы барелви и деобанди, подвергшие книгу публичному сожжению в Бредфорде, отмежевались от фетвы, заявив, что они требовали запрета романа, но не казни его автора. Однако некоторая часть молодежи пакистанского происхождения, доведенная до отчаяния хронической безработицей, не встречая реальной помощи и поддержки со стороны общины, воспользовалась случаем для выражения своей ярости и вызова властям во время гневных манифестаций протеста, на которых слышались призывы к смертной казни автора «Сатанинских стихов». Вершиной экстремизма стало создание проирански настроенным исламистом Калимом Сиддики параллельного парламенту в Вестминстере «мусульманского» парламента, «избранные» члены которого претендовали на роль законодателей, получивших мандат доверия от своих избирателей-мусульман в Великобритании. Эта малопопулярная и явно провокационная инициатива не имела успеха, однако она напоминала о том, что доведение до крайности общинной идентичности во многих случаях привело к фрагментации обществ. В других

европейских странах дело Рушди получило лишь слабый резонанс в мусульманской среде: даже если многие верующие не одобряли публикацию романа, который они рассматривали как оскорбление своей веры, тем не менее большинство отнеслось к нему с полным безразличием. В конечном счете это касалось прежде всего Ирана и выходцев с Индийского субконтинента. Арабов и турок не слишком волновало то, что один саудовский министр назвал «второстепенной и оторванной от реальности битвой», главный результат которой состоял в том, что она «сделала ислам легкой добычей для любого, кто хотел напасть на него или нанести ему ущерб».²⁹³

Тысяча девятьсот восемьдесят девятый год явился апогеем исламистской экспансии. Это произошло через 20 лет после того, как идеи Кутба, Маудуди и Хомейни стали подхватываться студентами и молодой интеллигенцией. Учение основоположников исламизма встретило вначале благожелательный отклик в среде новых поколений неимущей городской молодежи, а затем и в кругах религиозной буржуазии. Десятилетие, открывшееся иранской революцией и прошедшее под знаком Хомейни, заканчивалось полным триумфом, предвещавшим, казалось бы, новые победы: в 1989 году, с уходом из жизни Хомейни, буря, вызванная во всем мире его предсмертной фетвой, свидетельствовала о том, что мобилизационная способность исламизма не понесла никакого урона. В том же году исламистский режим захватил власть в Судане. В Алжире шло становление Исламского фронта спасения, превратившегося вскоре в массовое народное движение, которому правительственные канцелярии многих стран пророчили победу. В Палестине, единственной стране, где еще господствовал национализм, с началом интифады стала набирать силу мощная составляющая исламизма, партия «Хамас», с которой была вынуждена считаться ООП. Повсюду в мусульманском мире правительства оказывались вынужденными идти на многочисленные уступки оппозиционным силам, требовавшим претворения в жизнь законов шариата и добивавшимся религиозной легитимности от улемов, торговавших своей поддержкой взамен на наполнение идеологического поля идеями и духовными ценностями в ущерб светской интеллигенции. И наконец, помимо государств традиционного *дар аль-ислам*, движение совершило прорыв на Запад благодаря поколению молодежи, детям иммигрантов первой волны. Динамизм поступи ислама был таков, что ему удалось поставить под сомнение такие укоренившиеся ценности западной цивилизации, как светскость французского общества:

1989 год, когда Республика готовилась торжественно отметить 200-летие Великой революции, останется отмеченным в истории Франции дискуссиями и волнениями, вызванными проблемой исламского платка. Самой примечательной особенностью этого года станет падение коммунизма, ярчайший символ которого — Берлинская стена — будет разрушен в ноябре. Вывод советских войск из Афганистана 15 февраля того же года явится признанием поражения Красной Армии в афганском джихаде. Исламизм в глазах его деятелей, пусть и при поддержке США, не только сверг коммунистический режим, но и проложил себе дорогу в новое территориальное пространство после развала Советского Союза: от Боснии до Чечни и Средней Азии все государства возвращались в сообщество правоверных. Однако последнее десятилетие XX века, несмотря на многообещающее начало, не воплотило в реальность надежд, возлагавшихся на него деятелями исламизма.

Часть третья МЕЖДУ НАСИЛИЕМ И ДЕМОКРАТИЗАЦИЕЙ

Глава 1 Война в Заливе и раскол исламистского движения

---

²⁹³ Цит. по: Schuhs R Op. cit. P. 178.

Проснувшись утром 2 августа 1990 года, министры иностранных дел стран — членов Организации Исламской конференции, собравшиеся в Каире на очередное заседание, были поражены, узнав о том, что Саддам Хусейн только что захватил Кувейт.²⁹⁴ Мусульманское государство, принимавшее у себя участников предыдущей встречи и председательствовавшее на том заседании, было стерто с политической карты другим членом ОИК. Иракские войска оккупировали территорию эмирата практически без единого выстрела и вышли на границу с Саудовской Аравией. Они даже совершили несколько рейдов в провинцию Эль-Хаса, где сосредоточены многие нефтеносные скважины. Саудовская Аравия могла быть оккупирована иракскими войсками всего за три дня. 7 августа король Фахд, «Служитель двух святынь» (Мекки и Медины), призвал на помощь американские войска. В рамках операции «Щит пустыни» несколько сотен тысяч немусульманских солдат, являвшихся гражданами государств международной коалиции под мандатом ООН, высадились на территории Саудовской Аравии. Королевская династия была спасена, но то здание, которое с таким терпением, вопреки всем трудностям на протяжении многих лет возводила саудовская монархия, было разрушено. Таким образом, был положен конец тридцатилетней гегемонии Саудовской Аравии в исламском мире. В 80-е годы саудовская система стойко сопротивлялась многократным попыткам штурма аятоллы Хомейни. Оказывая щедрую финансовую помощь афганскому джихаду, Саудовская Аравия пользовалась заслуженным авторитетом даже у самых радикальных суннитских деятелей. Благодаря созданной ею исламской финансовой и банковской системе она сохранила связи с набожными средними классами мусульманского мира. Через посредство ОИК саудовская дипломатия получала одобрение других государств. Лига исламского мира и другие транснациональные организации, действовавшие в том же духе, распространяли ваххабитскую идеологию на получателей ее благ: мало кто осмеливался, за исключением шиитских кругов, присоединиться к проклятиям, сыпавшимся на Эр-Рияд из Тегерана. Мало-помалу суннитоаш исламистским движениям удалось преодолеть противоречия между «экстремистами», выходцами из слоев неимущей городской молодежи, и «умеренной» религиозной буржуазией: бородатые студенты-медики и инженеры предсказывали всем грядущее воцарение шариата на обломках социализма и лишенного всех моральных устоев Запада.

Детонатором подрыва саудовской системы и краха социального консенсуса, выстроенного вокруг ценностей ваххабитской идеологии, стал персонаж, который никогда не блистал особой набожностью. В числе прочих Саддам Хусейн отправил на виселицу Бакира ас-Садра, одного из основных мыслителей исламизма конца XX века. В отличие от Хомейни у иракского президента не было ни одного титула, подтверждавшего его религиозную легитимность: партия «Баас», приведшая его к власти, выступала за построение светского государства. Светская идеология партии подвергалась проклятиям на мессах во многих мечетях. Во время войны 1980–1988 годов с Ираном Хусейн начал сам прибегать к религиозной риторике, чтобы нейтрализовать обвинения в вероотступничестве, сыпавшиеся на него из Тегерана. Тем не менее и в исламском лексиконе иракского лидера проскальзывали нотки арабизма: Ирак вел войну против «персов» во имя ислама, ведь именно арабы первыми получили Божественное Откровение.

После оккупации Кувейта Саддам Хусейн взял на вооружение у своего бывшего врага, Ирана, обвинения в адрес саудовской династии. Он называл Саудовскую Аравию

---

²⁹⁴ Несмотря на драматическую ситуацию, сложившуюся в мусульманском мире в первые августовские дни 1990 г., министры иностранных дел ОИК вложили всю свою энергию в выработку и принятие 5 августа Каирской декларации прав человека в исламе. За основу была принята ваххабитская концепция. В статье 24 уточнялось: «Все права и свободы, изложенные в данной Декларации, заимствованы из шариатского законодательства». Каирская декларация, таким образом, противопоставлялась Всемирной декларации прав человека.

американским протекторатом — страной, недостойной в силу этого управлять Святыми Местами ислама. Присутствие на территории Саудовской Аравии более полумиллионного контингента американских солдат подкрепляло этот аргумент, тем более что исходил он уже не от персов-шиитов, а от арабов-суннитов, из самого сердца исламского пространства, на защиту и ограждение которого от внешнего влияния Эр-Рияд потратил столько усилий. Консенсус, выстроенный вокруг социально консервативного ваххабизма, привлекавшего к себе со всех сторон почитателей своим ригоризмом и финансовой щедростью, прославлявшего союз между религиозной буржуазией и неимущей городской молодежью, — такой консенсус уже не мог более существовать после войны в Заливе. Придав популистский смысл призывам к джихаду (чтобы компенсировать его слабое доктринальное обоснование), Саддам Хусейн нарушил равновесие внутри исламистского движения в ущерб буржуазии и консерваторов. Господствовавшая в 80-е годы в исламистском движении тенденция к собиранию и объединению под одну руку различных его составляющих, стремление к растворению противоречий между ними в общей идеологии в 90-е годы постепенно сходили на нет: исламистской идеологии будет всё труднее сглаживать социальные противоречия внутри движения. Антагонизм между средним классом и неимущей молодежью будет нарастать. Первый откликнется на попытки правительств кооптировать представителей движения во власть, а вторая ударится в насилие и терроризм.

Хроника последних десяти лет XX века, казалось бы, свидетельствовала об экспансии данного феномена в мировом масштабе и нарастании его мощи. Даже в светской Турции руководитель исламистской партии «Рефах» Н. Эрбакан стал в 1996 году премьер-министром страны, а в Боснии после свержения коммунистического режима к власти пришел Алия Изетбегович, выходец из той же исламистской среды, вынужденный, однако, считаться со светским характером общества. В стане радикалов гражданская война в Алжире вызвала всплеск терроризма в долине Нила, пагубно сказавшийся на египетской туристической индустрии. В Кабуле, спустя всего лишь два года после своего образования, к власти пришло движение «Талибан», а в Чечне с 1995 года исламисты периодически наносили поражения федеральным войскам Москвы. На Западе вслед за террористической акцией во Всемирном торговом центре в Нью-Йорке в 1993 году два года спустя последовали теракты алжирской Вооруженной исламской группы во Франции. В августе 1998 года в Кении и Танзании одновременно были осуществлены нападения на американские посольства. И тем не менее двум движущим силам исламистского движения уже не удавалось организовывать массовые выступления, которые в свое время привели к победе иранской революции. Многочисленные акции насилия являлись прежде всего свидетельством политического бессилия движения, слабость которого объяснялась разногласиями в его среде. Кроме того, ни одному видному идеологу исламизма не удавалось стать достойным преемником Маудуди, Кутба и Хомейни. Их эпигоны не могли предложить целостной картины видения мира, в котором были бы устранены социальные антагонизмы. Экстремистские группы публиковали свои собственные манифесты, в которых борьбе против «уклонистов» уделялось столько же места, сколько и обличению «безбожников». Интеллигенция, связанная с религиозными средними классами, была вынуждена высказываться за демократию, права человека (читай, женщины), свободу слова — за всё то, что обходили молчанием или яростно отвергали основоположники исламизма. Позиция исламистской интеллигенции позволяла ей заключать союзы со своими единомышленниками-атеистами, направленные против авторитаризма властей, что вынуждало ее пересматривать доктринальные положения своей теологической теории. В результате подобной ревизии под сомнение ставилось само понятие исламистской личности, что вызывало гнев непримиримых, в стане которых начинали слышаться призывы к вендетте. Нараставший в 90-х годах кризис движения имел глубокие социальные, политические, экономические и культурные корни. К этому мы вернемся немного позже. Первым свидетельством этого кризиса стала война в Заливе и мощнейшее идеологическое наступление Саддама Хусейна, предпринятое им против саудовской гегемонии. Последствия

этой войны скажутся в двух плоскостях. В международном масштабе она нанесла урон тщательно пестовавшейся религиозной легитимности Саудовской Аравии, от которого даже после поражения Ирака ей было очень трудно оправиться. В мусульманском мире под ударом и подозрением оказались исламистские организации, обострились противоречия внутри самого движения. Война привела даже к возникновению в самой Саудовской Аравии оппозиционного исламизма, выступавшего против королевской семьи Саудидов.

Во время войны, развязанной ранее Ираком против Ирана, в 1983 году в Багдаде была созвана Исламская народная конференция, целью которой стала выработка религиозного обоснования войны в ответ на анафемы, звучавшие из Тегерана в адрес «вероотступнического» баасистского режима Саддама Хусейна. В конференции приняли, в частности, участие видные исламские священнослужители, связанные с саудовскими кругами. После вторжения в Кувейт 2 августа 1990 года иракский режим, лишенный отныне саудовской поддержки, предпринял попытки оторвать от Эр-Рияда суннитские исламистские движения, вышедшие из «Братьев-мусульман» или близких к ним по духу идеологических течений. Преследуя эту цель, Саддам Хусейн, на знаменах которого с недавних пор было начертано «Аллах Акбар» («Велик Аллах») и который в кадрах кинохроники отныне красовался простершимся ниц в молитве, превратил пиратский набег на Кувейт в этакий джихад с морализаторским и социальным подтекстом. Эмиры династии Аль Сабах — правители государства, искусственно созданного британским колониализмом, — были, по его словам, всего лишь пешками Запада, использовавшими доходы от нефти для беззастенчивого личного обогащения. Аннексируя эмират, Ирак-де возвращал себе принадлежавшую ему ранее «девятнадцатую провинцию» и расширял выход к морю. При этом предполагалось, что Ирак действует во имя единства арабов и мусульман, решив передать на нужды «обездоленных» доходы, которые эмиры транжирили в казино и дворцах. Эта пропаганда не утруждала себя вхождением в догматические тонкости: она делала акцент на стремлении ислама к справедливости (присущее ему как и другим религиям) и перекидывала мостки между исламом, арабским национализмом и тьер-мондизмом. Благодаря черному золоту Кувейта Ирак мог бы стать предводителем бедных стран в противостоянии новому мировому порядку по-американски. Для оправдания аннексии эмирата иракская пропаганда создала прочную идеологическую платформу. В условиях вспыхнувшего патриотического порыва Саддам попытался примирить между собой националистов и исламистов, невзирая на их идеологические противоречия. Были собраны воедино многочисленные свидетельства проявления недовольства по всему мусульманскому миру, разочарования в порядках и образе жизни развитых стран Запада. Подвергая нападкам Саудовскую Аравию, иракская пропаганда тем самым вносила раскол в ряды исламистского движения, натравливая одних исламистов на других. Багдад стремился лишить Саудовскую Аравию ее религиозной легитимности. Для Эр-Рияда, который в течение десяти лет успешно сдерживал наступление Ирана, умело играя на принадлежности Хомейни к шиитско-персидскому меньшинству и финансируя афганский джихад, этот новый вызов был гораздо более серьезным. Он исходил из суннитского арабского мира, от соседнего государства, армия которого угрожала границам королевства, в тот самый момент, когда в Саудовской Аравии находилось полмиллиона солдат-«безбожников». Американские войска с их капелланами и раввинами были призваны для спасения страны, которую ваххабиты с гордостью называли священной и в которой они под этим предлогом запретили исповедание любой другой религии кроме ислама.

Все подконтрольные саудовцам международные организации, служившие в прошлом целям борьбы с насеризмом, а затем — сдерживанию иранской идеологической экспансии, были мобилизованы против Саддама Хусейна. Однако не все союзники Саудовской Аравии откликнулись на этот призыв. Многие из прежних ее почитателей делали это нехотя, демонстрируя замешательство и симпатии к делу Ирака со стороны масс правоверных. Впервые после октябрьской войны 1973 года стало невозможно купить доверие с помощью нефтедолларов: панегирик Саудовской Аравии мог слишком повредить репутации улемов и

исламистской интеллигенции. Саудовская монархия была вынуждена обратиться за помощью и поддержкой к таким авторитетным в исламском мире институтам, как Аль-Азхар в Каире. Эр-Рияд полагал, что за два десятилетия постоянных финансовых вливаний полностью подмял под себя влиятельнейшие религиозные учреждения, но, несмотря на это, те не утратили своего престижа. Заключение Аль-Азхара, вставшего на сторону саудовцев, было более убедительным, вызывало меньшее сомнение, чем фетвы идеолога ваххабизма шейха Абд аль-Азиза бен База.

Организация Исламской конференции, проводившая свою очередную сессию в момент начала оккупации Кувейта иракской армией, подавляющим большинством голосов выразила поддержку эмирату и осудила его аннексию Ираком; однако пять участников, помимо Ирака, не присоединились к данной резолюции (среди них ООП, Иордания, Судан), а два других члена ОИК (в частности, Ливия) воздержались от голосования.²⁹⁵ В сентябре в Мекке под председательством Раббани, руководителя афганской партии «Джамият», прошла чрезвычайная конференция Всемирной исламской лиги. В ее работе приняли участие более 200 представителей различных стран, многие из которых находились в финансово-экономической зависимости от Саудовской Аравии. Конференция осудила иракское вторжение и от имени ислама оправдала обращение за иностранной военной помощью. Большинство влиятельных исламистских движений, однако, с большой осторожностью подошли к этому вопросу, пытаясь найти нейтральный выход из щекотливой ситуации. С одной стороны, идеологически их симпатии были на стороне Ирака, с другой — они опасались лишиться поддержки и помощи нефтяных монархий Залива. Несколько дней спустя после конференции в Мекке руководители стран — участниц Всемирной исламской лиги собрались на встречу в Аммане по приглашению иорданских «Братьев-мусульман». На этой встрече была сформирована делегация, отправившаяся в столицы конфликтующих государств и в Тегеран. Заключительное коммюнике было выдержано в обтекаемых тонах, ни одна из сторон не подвергалась резкой критике. Нарекания были высказаны только в адрес присутствия войск НАТО вокруг Святых мест ислама — камень в огород саудовской монархии.

С приближением объявленного ООН ультиматума Ираку, согласно которому, если тот не уйдет из Кувейта, то 15 января начнется операция «Буря в пустыне», оба противника созвали в тот же день два параллельных заседания Исламской народной конференции, учрежденной в 1983 году в Багдаде при поддержке Саудовской Аравии в противовес Ирану. Заседание, прошедшее в иракской столице, закончилось призывом к джихаду против Запада, войска которого обвинялись в осквернении Мекки и Медины. Его участники являлись выразителями популистской поддержки, которой удалось заручиться Саддаму Хусейну: кроме исламистов, среди них можно было встретить улемов, отражавших энтузиазм своей паствы (например, лидеров главных мечетей Парижа и Марселя), а также арабских националистов. На заседание соперничающей стороны, состоявшееся в Мекке, прибыли шейх Аль-Азхара и Мухаммад аль-Газали, авторитетный в социально-консервативных исламистских кругах, а также самые преданные клиенты саудовцев: здесь поносили «заблудших» улемов, поддерживавших Саддама Хусейна, — знак, свидетельствовавший, что последнему удалось расколоть к своей выгоде исламское поле, над которым еще раньше установил контроль Эр-Рияд.

После окончания боевых действий и поражения Ирака «война конференций» продолжилась в других местах. 25 апреля Каир и Хартум приняли тех, кого развело желание контролировать исламское пространство. В Каире — месте расположения Аль-Азхара, шейх которого уважил своих коллег в Мекке, когда почти никто не выступал на их стороне,

---

²⁹⁵ О конференциях, созывавшихся Саудовской Аравией и Ираком, чтобы обеспечить себе поддержку религиозных исламских инстанций, см.: Kramer M. The Invasion of Islam // MECS. 1990. P. 177–207; Idem. Islam in the New World Order // MECS. 1991. P. 172–205. О восприятии войны в мусульманском мире в целом см.: Islamic Fundamentalisms and the Gulf Crisis. P. 1–27.

посланцы Аравии не преминули еще раз воспользоваться его помощью. Учреждения египетского ислама разработали различные проекты, нуждавшиеся в финансировании. Разгром иракских войск американской армией при поддержке европейского и арабского контингентов оставил у простых людей ощущение горечи, и улемы, санкционировавшие его, не видели никаких поводов для восторга. Чтобы залечить идеологические раны, требовалось срочно активизировать социальную работу, а на ее обеспечение следовало изыскать средства. Счет был предъявлен Саудовской Аравии. В тот же день в Хартуме по приглашению Хасана ат-Тураби, серого кардинала исламистского режима, приветствовавшего вторжение Ирака в Кувейт, открыла свою работу Арабо-мусульманская народная конференция. В ней приняли участие «Братья-мусульмане», прибывшие со всего мира, и родственные им движения, а также Ясир Арафат и другие арабские националисты, принявшие сторону Багдада. Похожая по названию на иракскую Мусульманскую народную конференцию, прошедшую в январе того же года, она ставила своей целью укрепить движение сторонников Саддама Хусейна в мусульманском мире, втянуть в него остатки арабского националистического движения — прежде всего интеллектуалов, более тонких и сметливых, чем их бородатые коллеги, — и «растворить» их всех в международном исламистском движении с более радикальной, нежели у ваххабитов, риторикой с примесью популизма и тьер-мондизма. Конференция претендовала на то, чтобы стать прочной альтернативой инстанциям, находившимся под саудовским контролем и влиянием (таким, как ОИК и Лига исламского мира), и провела еще два заседания в 1993 и 1995 годах.²⁹⁶ Хартум не мог продолжать конкурировать с саудовскими идеологическими машинами, хорошо смазанными и щедро финансировавшимися. Однако инициативы Тураби свидетельствовали о сохранявшемся расколе мирового исламского пространства — отражении социальных и идеологических размежеваний, происходивших в этом движении в каждой стране.

Глава 2

Саудовский режим, попавший в собственную ловушку

Раскол в исламистском движении проник на самую саудовскую территорию, где распространялись не утихавшие оппозиционные настроения. Хотя неравенство сил между династией и «оппозицией во имя Аллаха» было очевидным, последняя серьезно пошатнула религиозную легитимность власти, выставив напоказ хрупкость того баланса, на котором держалось ее лидерство в мусульманском мире.

Массированное присутствие войск международной коалиции на священной земле ислама в период с 1990 по 1991 год вызвало два типа реакции на монархический режим. Первая выражала ожидания либеральных средних слоев, надеявшихся подтолкнуть режим к политической открытости. Вторая реакция, сторонники которой усматривали в этих надеждах как раз источник всех возможных опасностей, состояла в осуждении озападнивания королевства, вытекавшего из его полной зависимости от американской военной помощи. Они призывали вернуться к первоначальному пуританскому духу, который предали коррумпированные принцы королевской семьи. В подобных обвинениях не было ничего нового: хомейнистский Иран, а в последствии Саддам Хусейн и его союзники неоднократно выдвигали их в адрес Саудовской Аравии. Но впервые за десять лет после провального штурма Большой мекканской мечети, предпринятого Джухайманом аль-Утейби в ноябре 1979 года, их выдвигали саудовские подданные. Более того, в отличие от аль-Утейби эта оппозиция пользовалась поддержкой в недрах религиозного истеблишмента,

---

²⁹⁶ Четвертая сессия должна была состояться в 1998 г., однако противники Тураби в суданском правительстве добились ее отмены под предлогом несвоевременности. В то же время они стремились вновь воссоединиться с прежними союзниками, отрицая обвинения в «поддержке терроризма» (из личной беседы с Баха ад-Дином Ханафи, Хартум, май 1999 г.).

придававшего власти исламскую легитимность.

Движение либералов пережило два всплеска. 6 ноября 1990 года 70 саудовских женщин добрались до центра Эр-Рияда, сидя за рулем своих машин в знак протеста против правил, запрещавших женщинам вождение транспортных средств. Хотя они предусмотрительно сослались на ислам, приведя в пример жену Пророка, Айшу, которая сама управляла верблюдом, и заявили, что сделали это ради монархии, законность которой они не ставили под сомнение, эти манифестантки нарушили табу. Они позволили себе сослаться на священный прецедент, в то время как шейх Бен Баз, главный ваххабитский идеолог, постановил обратное: таким образом они посягали на религиозный авторитет и нарушали общественный порядок. Но хотя некоторые принцы, бизнесмены и профессора благожелательно отнеслись к этой демонстрации, атмосфера «скандала», вызванного женским автомобильным cortejem, взяла верх над проявлениями солидарности с «коммунистическими шлюхами», которых осуждали наиболее ретроградные круги. Последние воспользовались случаем, чтобы выразить свое недовольство присутствием иностранных войск на священной земле. Женщины, севшие за руль, были уволены с работы и наказаны режимом, который не хотел ссориться по этому поводу с собственными улемами в тот момент, когда ждал от них фетв, благословлявших обращение к американским джи-ай (GI) и прочим десантникам за помощью в борьбе против Ирака. В феврале 1991 года, в разгар наступления международной коалиции, королю Фахду была передана новая петиция: она требовала принятия Конституции и назначения Консультативного совета.

На фоне возросшей политической активности саудовских либералов исламистское течение также не оставалось в стороне.²⁹⁷ Двое религиозных деятелей, магнитофонные записи проповедей которых расходились по всей стране, выступили с самой резкой критикой присутствия западных военных, олицетворявших для них новых крестоносцев. Одному из них, Сальману аль-Ауде, имаму мечети сельскохозяйственного городка Бурайда провинции Касим близ Эр-Рияда — района, оставшегося в стороне от нефтяного бума, — исполнилось 36 лет; второй, Сафар аль-Хавали, был пятью годами старше. Аль-Хавали был многообещающим отпрыском семьи, входившей в саудовский исламский истеблишмент. Он учился в исламском университете в Медине (контролировавшемся «Братьями-мусульманами»), затем — в Мекке. Его семья принадлежала к главенствующим в королевстве племенам. В числе ста семи других проповедников и университетских профессоров они поставили свои подписи под «рекламационным письмом» («*хитабаль-маталиб*»), которое получило одобрение шейха Бен База и в мае 1991 года было подано королю Фахду. В нем также прозвучало требование о назначении *Маджлис аш-шура* (Консультативного совета), но в составе улемов, способных смягчать монарший произвол и следить, чтобы королевство оставалось верным ваххабитским нормам и сопротивлялось пагубному влиянию христиан и иудеев. В завуалированной форме авторы письма одновременно критиковали монополию на власть, установленную Саудитами, и утрату монархией исламского авторитета, после того как она была спасена солдатами-«безбожниками». Как и петиция либералов (но с других позиций), письмо требовало, чтобы режим допустил к принятию решений образованные средние классы, не принадлежавшие к королевской семье. При этом оно ставило под сомнение легитимность, которой гордилась династия, и было выдержано в безупречно ваххабитском и исламистском духе.

Королю Фахду, заинтересованному в упрочении религиозных устоев власти, подорванных войной в Заливе, ничего не оставалось как со всей серьезностью отнестись к

---

²⁹⁷ См.: Fandy M. Saudi Arabia and the politics of Dissent. L.: Macmillan, 1999. В этой книге дается подробное описание и анализ исламистской оппозиции в Саудовской Аравии. Среди первых работ на эту тему, вышедших на европейских языках, следует назвать две заметки Катрин Рот (Katherine Roth), датированные 11 и 12 ноября 1994 г. Они были опубликованы в США Институтом текущих международных проблем (The Institute of Current World Affairs) в сборнике под названием «Islamic Rumbings in the Kingdom of Saud».

этим требованиям. Чтобы сохранить лицо, он заставил Совет главных улемов объявить выговор молодым проповедникам — авторам послания за то, что те к великой радости врагов страны обнародовали письмо, вместо того чтобы передать его конфиденциально. Король ставил им в вину форму, а не содержание письма, которое одобрил шейх Бен Баз. Затем, в ноябре, он объявил о назначении Консультативного совета и о кодификации основных законов королевства, что было сделано в марте 1992 года. Шестьдесят членов Совета, выбранных королем по своему усмотрению, в большинстве своем *были* выходцами из знатных племенных семейств. Среди них преобладали представители Неджда — района, окружавшего Эр-Рияд, колыбели Саудитов. Более 70 % советников получили образование на Западе, в большинстве своем были выпускниками американских университетов. Состав Совета удовлетворял более всего либералов, нежели исламистов. Ответная реакция последних не заставила себя ждать: в сентябре исламисты опубликовали «предупредительный меморандум» («*музакиратан-насиха*»), основанный на требованиях религиозной оппозиции. Однако этот выпад, нацеленный в самое сердце режима, был немедленно осужден Советом главных улемов и шейхом Бен Базом.²⁹⁸ Меморандум критиковал саудовскую политику и предлагал реформы, призванные улучшить ее, сделав более исламистской. Таким образом, он вписывался в практику *насиха* («доброе совета»), который улемы традиционно вправе давать государю, дабы тот мог согласовывать свои действия с предписаниями священных текстов. Меморандум требовал прежде всего подлинной независимости священнослужителей от власти и напоминал об их главенстве над последней. Далее, он выступал за полную исламизацию законов и правил (напоминая, в частности, о том, что Аравия, продвигавшая повсюду беспроцентную банковскую систему, не применяла ее на собственной территории) как единственный способ положить конец коррупции, неразберихе, попранию прав мусульман и т. д. Дав суровую оценку действиям саудовской армии во время войны в Заливе, авторы предлагали взять на вооружение... израильскую модель военного призыва, но разорвать все военные альянсы с немусульманскими государствами. В области внешней политики критике были подвергнуты отношения с США, поддержка арабо-израильского мирного процесса и государств, подобных Алжиру, которые подавляли исламистское движение в своих странах.

Меморандум рисовал образ королевства, в котором царил произвол и которое обращалось к религии лишь для того, чтобы скрыть подлости, творимые властями предержавшими; его авторы стремились разрушить претензию на какое бы то ни было моральное лидерство монархии в исламском мире. Невнятный ответ властей ободрил инакомыслящих. 3 мая 1993 года шесть священнослужителей, четверо из которых поставили свои подписи под «предупредительным меморандумом», основали организацию, призванную возглавить общественное движение исламской оппозиции, формировавшееся в мечетях и студенческих городках. За рубежом она получила известность под английским названием CDLR (Committee for the Defence of legitimate rights (Комитет по защите законных прав)). Однако из ее арабоязычного названия вытекало, что она собиралась защищать лишь права, легитимизированные шариатом («Ладжнат ад-дифаа ан аль-хукук аш-шараийя»). Она ловко использовала этот двоякий смысл, чтобы привлечь внимание западной прессы, которая видела в ней организацию по защите прав человека, при этом к своим сторонникам внутри страны CDLR обращала сугубо исламистский дискурс. Саудовский режим резко отреагировал на это прямое покушение на авторитет власти, тем более что представитель CDLR Мухаммад аль-Масаари, физик, получивший образование в США, дал на английском языке сенсационное интервью Биби-си и был принят американским послом в Эр-Рияде.

---

²⁹⁸ Семь членов совета сказались больными, чтобы не принимать участия в заседании, на котором должна была быть подвергнута остракизму инициатива, которую они втайне одобряли. Используя в качестве предлога их состояние здоровья и плохое самочувствие, король отправил этих советников в отставку, заменив их в декабре следующего года десятью другими улемами, на преданность которых он полагался. См.: Teitelbaum J. Saudi Arabia // MECS. 1992. P. 677.

Лица, подписавшие меморандум, и их сторонники были изгнаны с госслужбы и подверглись тюремному заключению. Однако «Amnesty International» объявила Масаари «узником совести», что вынудило власти освободить его. После этого оппозиционер выехал в Лондон, где в 1994 году воссоздал CDLR.

В течение двух лет Масаари занимался критикой режима, но делал это поверхностно и исключительно с опорой на СМИ, так и не сумев придать импульс социальному движению в стране. В отличие от шейхов Хавали и Ауды, которые принадлежали к семействам, происходившим из крупных племен, Масаари рассматривался в благородном обществе как человек без рода и без племени, и на этом основании его практически не принимали всерьез.²⁹⁹ К тому же он имел весьма посредственную подготовку в области исламской догматики и мало что мог противопоставить *фетвам* улемов, которых режим выдвинул на первую линию обороны, назначив в июле 1993 года шейха Бен База на вакантный долгое время пост главного муфтия и реорганизовав Министерство по религиозным делам под руководством энергичного священнослужителя Абдаллаха ат-Турки. Однако Масаари имел талант общения с прессой и, быстро выдвинувшись в среде лондонских исламистов, сумел привлечь внимание журналистов сенсационными — но не всегда достоверными — рассказами об общественных и личных пороках принцев семейства Аль Сауд. Он активно использовал телефакс, обходя с его помощью цензуру саудовской прессы — подобно тому как за 15 лет до этого Хомейни с помощью своих кассет противостоял радиостанции шаха. Позже Масаари открыл интернет-сайт, где публиковал на английском и арабском языках виртуальные коммюнике и издавал периодику. Средства массовой информации наслаждались захватывающей *story* этого оппозиционера, этого постмодернистского бородача — ниспровергателя нефтяных королей, раскачивавшего саудовскую монархию с помощью факсмодема. Однако реноме Масаари отличалось двойственностью: с одной стороны, языком Шекспира, «Amnesty International» и «Майкрософта» он обличал покушения на права человека, коррупцию и т. д., а с другой — на языке Корана пытался сформулировать «окончательные доказательства расхождения саудовского государства с шариатом» (так назывался один из его памфлетов, опубликованный в 1995 году). При этом Масаари доходил до объявления *такфира* (отлучения) мусульманам, соблюдавшим законы Эр-Рияда, и эта крайность сближала его с алжирской ВИГ и ее лондонскими представителями. Однако такая позиция исключала его поддержку со стороны саудовских диссидентов, пытавшихся, вместо того чтобы оскорблять и порочить крупных улемов, привлечь их на свою сторону. К тому же саудовское правительство начало новый виток репрессий, арестовав в сентябре 1994 года Хавали, Аулу и несколько сотен манифестантов, которых они собрали в Бурайде. Другие демонстрации, организованные год спустя, собрали лишь незначительное число участников и прошли в обстановке репрессий: в том же году был публично обезглавлен исламистский активист, напавший на офицера полиции. В ноябре 1995 года в результате теракта в Эр-Рияде погибли 5 американцев: факс и Интернет были заменены бомбами, на смену диссидентству пришло насилие. В феврале 1996 года в CDLR произошел раскол, и Масаари постепенно сошел с первых полос СМИ, уступив место Усаме бен Ладену. Масаари так и не сумел превратить свой успех в виртуальном пространстве в социальный факт и объединить саудовскую набожную буржуазию, чтобы угрожать власти

---

²⁹⁹ В традиционном саудовском бедуинском обществе племена «благородного» происхождения, потомки кочевников-верблюдоводов, противопоставляют себя деклассированной группе — хедири, представителям которых отводилась роль домашней прислуги. С ними, в частности, запрещалось вступать в брачные отношения — этот запрет до сих пор остается в силе, несмотря на эгалитаризм, на который претендует ислам. Принадлежность Масаари к этой второй группе выдвигалась на первый план его противниками, подчеркивавшими также, что в роду саудовского оппозиционера была эфиопка (причина смуглости его кожи), что его мать — египтянка, а жена — американка, на которой он женился во время своей продолжительной учебы на Западе. Все эти аргументы были призваны дискредитировать Масаари в глазах саудовского общественного мнения. См.: Fandy M. Op. cit. P. 121. О племенной дифференциации в Саудовской Аравии см.: al-Yassini A. Op. cit. P. 53.

правлящего семейства.

Глава 3 Метастазы афганского джихада

После окончания войны в Заливе саудовской монархии, подтачиваемой изнутри, пришлось испытать еще одно разочарование из-за своих блудных сыновей 80-х годов — бойцов афганского джихада. Против правящей династии восстали те, кого она вооружала и щедро оплачивала и среди которых оказался даже «вундеркинд» исламизма местной закваски — миллиардер Усама бен Ладен, семейство которого заправляло общественными работами на Аравийском полуострове благодаря связям при королевском дворе.

После вывода советских войск из Афганистана 15 февраля 1989 года горечь стала охватывать «джихадистов», разочарованных в обещанной победе. Коммунистический руководитель Мохаммед Наджибулла по-прежнему оставался в Кабуле (он останется у власти до апреля 1992 года), а американский союзник после ухода Красной Армии стал прислушиваться к голосам, называвшим вчерашних «борцов за свободу» опасными фанатиками и торговцами героином. Хекматьяр и Сайяф, лидеры наиболее проваххабитских фракций сопротивления, стали рассматриваться Вашингтоном как «экстремисты», подобные Наджибулле, и были лишены всякой поддержки. В Пакистане Беназир Бхутто, избранная премьер-министром на внеочередных выборах после гибели генерала Зия в результате покушения в августе 1988 года, не питала никаких симпатий к исламистскому течению, кооптированному во власть бывшим диктатором, по приказу которого в 1979 году был казнен ее отец. Она делала всё, чтобы ослабить главную силу исламизма — основанную Маудуди партию «Джамаат-и ислами», которая была «крестницей» афганской «Хезб-е ислами» во главе с Хекматьяром. В этой среде нарастал антиамериканизм, в то время как одной из целей джихада, с точки зрения Саудовской Аравии, было направить всю ярость активистов против Советского Союза, защитив от нее американского покровителя, несмотря на проклятия Хомейни в адрес «большого сатаны». В этой обстановке убийство в ноябре 1989 года Абдаллаха Аззама — одного из палестинских «Братьев-мусульман», основателя Бюро по обслуживанию арабских «джихадистов» в Пешаваре и посредника между саудовской системой и наиболее непримиримыми активистами — облегчило выход последних из-под опеки их спонсоров. Антизападные установки, которые на время — пока от ЦРУ поступали доллары и оружие — были «положены под сукно», получили новую и яркую мотивацию. Эти установки вскоре дали о себе знать радикальными акциями против европейских и американских гуманитарных агентств, работавших в Пешаваре среди афганских беженцев.

Когда 2 августа 1990 года Ирак вторгся в Кувейт, большинство исламистских движений в регионе поначалу осудили аннексию одним мусульманским государством другого. Среди афганцев с такого рода заявлениями выступили профессор Раббани, руководитель партии «Джамият», и Хекматьяр, лидер партии «Хезб», принявшие участие в конференции, прошедшей в сентябре в Мекке. В Пакистане «Джамаат-и ислами» и партия улемов (ДУИ и ДУЛ) потребовали от Саддама Хусейна вывести войска, чтобы не создавать повода для западного военного вмешательства.³⁰⁰ Но вскоре последнее стало главным критерием отношения к конфликту: с ноября всё исламистское движение, усмотрев в войне американо-израильский заговор с целью завоевания господства на Ближнем Востоке, выступило единым фронтом против саудовской монархии. Особенно показательной была непримиримая позиция Кази Хусейна Ахмеда, пуштуна, обязанного своим политическим возвышением афганскому джихаду, и Хекматьяра — на протяжении 80-х годов организации,

---

³⁰⁰ О реакции в Пакистане на войну в Заливе см.: Ahmad M. The Politics of War: Islamic Fundamentalism in Pakistan // Islamic Fundamentalisms... P. 155–185.

возглавляемые ими, были основными получателями саудовско-кувейтской финансовой помощи. В свете общей обстановки в регионе их реакция отражала недовольство «предательством» джихада со стороны Вашингтона и (во вторую очередь) со стороны Эр-Рияда, для которых Афганистан и Пакистан в значительной мере потеряли стратегическое значение после поражения СССР, ослабления Ирана и смерти Хомейни. На этой волне все арабские «джихадисты», остававшиеся в Афганистане, совершили поворот в ту же сторону, что и местные исламистские партии, — освободившись из-под опеки саудовского режима и выступив против него.

Эта своего рода интернациональная бригада ветеранов джихада приобрела новый облик: отныне она не контролировалась ни одним государством и была готова для самых разных предприятий радикального исламизма по всему миру. Свободная от конъюнктурных политических моментов, связанных с конкретной страной, она уже ничем не была обязана той социальной группе, от имени которой выступала ранее; она не отражала интересов ни набожной буржуазии, ни неимущей городской молодежи, даже если некоторые ее активисты и были выходцами из одной из этих групп. Они становились «свободными электронами» джихада, «профессиональными исламистами», умевшими воевать и способными научить этому других, базировавшихся в пакистанских «зонах племен» — этих оплотах контрабандистов, неподвластных Исламабаду, — или живших в лагерях афганских моджахедов. Вокруг самых рьяных активистов объединялись толпы сочувствовавших. Многие из них, находясь в сложных отношениях с властями своих стран и получив от западных консульств отказ в предоставлении визы, были заблокированы в Пакистане и жили там в условиях нестабильности. К ним присоединились понаехавшие отовсюду для обучения молодые исламисты, в том числе большинство участников терактов, проведенных в 1995 году во Франции. Собираясь служить делу джихада, эти люди являли собой подобие аквариума, в котором могли «рыбачить» спецслужбы различных государств, заинтересованные в готовых на всё боевиках-экстремистах, лишенных всяких корней.

В этой оторванной от социальной реальности среде, воспринимавшей мир через призму религиозной доктрины и вооруженного насилия, зародилась новая, гибридная исламистская идеология, дававшая смысл существованию и поведению активистов, — «джихадистский салафизм».³⁰¹ На ученом языке термин «салафизм» означает течение мысли, возникшее во второй половине XIX века, которое как реакция на распространение европейских идей проповедовало возврат к традиции «благочестивых предков» (араб, *салаф*). В лице своих идеологов — перса Афгани, египтянина Абдо и сирийца Риды³⁰² — оно пыталось отыскать корни современности в мусульманской цивилизации, прибегая для этого к достаточно вольной интерпретации священных текстов. Однако в представлениях активистов салафиты — это те, кто понимают предписания священных текстов в их буквальном смысле, утвержденном традицией, выразителем которой выступал, в частности, один из крупнейших улемов XIV века Ибн Таймийя, главный авторитет ваххабитов. Это, строго говоря, «интегрислы» ислама, враждебные любой инновации, которая презирается как «человеческое истолкование». По мнению активистов джихада, существовало два типа салафитов. Первые, «шейхисты», подменили поклонение Аллаху идолопоклонническим почитанием нефтяных шейхов Аравийского полуострова, в первую очередь представителей семейства Аль Сауд. Их идеологом являлся Абд аль-Азиз Бен Баз, главный муфтий королевства с 1993 года,

---

³⁰¹ О «джихадистском салафизме» см.: Kepel G. Le GIA a travers ses publications // Pouvoirs. 1998. Automne. Это выражение, использованное имамом Абу Хамзой, одним из представителей данного течения, в беседе с ним автора данной книги (Лондон, февраль 1998 г.), регулярно встречается в брошюрах, аудио- и видеоматериалах имама.

³⁰² О Сайиде Джамаль ад-Дине аль-Афгани (1838–1897), Мухаммаде Абдо (1849–1905) и Рашиде Риде (1865–1935) в связи с современными течениями в исламизме см.: Keddie N. Sayyidjamal al-Din al-Afgani // Pioneers of Islamic Revival... P. 27–29.

воплощение «придворных улемов» («улама аль-балат»). Показной салафизм служил лицемерным прикрытием их общественных и личных пороков, среди которых было и подчинение немусульманской сверхдержаве — США. С «шейхистами» следовало вести неустанную борьбу на уничтожение. Вторые, «салафиты-джихадисты», в противовес предателям-«шейхистам» питали благоговейное уважение к священным текстам, понимавшимся в их буквальном смысле, но сочетали его с приоритетом, отдававшимся джихаду, первой мишенью которого должен был стать главный враг истинной веры — Америка. Саудовские проповедники-диссиденты Хавали и Ауда пользовались большим уважением в рядах этого движения, у которого появятся и многие другие идеологи, чьи псевдонимы станут регулярно мелькать в издаваемых в Лондоне бюллетенях ВИГ: среди них палестинец Абу Катада и сириец (предусмотрительно обзаведшийся испанским гражданством) Абу Мусааб, а также египтянин (натурализованный британец) Мустафа Камель, известный как Абу Хамза, — все трое ветераны джихада в Афганистане.

Кроме «шейхистов», «салафиты-джихадисты» враждебно относились и к «Братьям-мусульманам», обвиняя их в чрезмерном модернизме и слишком вольном обращении с текстом и буквой священных текстов. Даже к Сайиду Кутбу, духовному отцу радикального течения в «Братстве», они питали подозрение: ему ставился в вину его комментарий к Корану — «Фи зильяль аль-Куран» («Под сенью Корана»), оценивавшийся не как авторитетное каноническое толкование (*таф-сир*), а как сборник личных суждений (*таавилият*) автора, не получившего богословского образования. Что касалось «умеренных» «Братьев-мусульман», создававших партии, игравших в политические игры «безбожных» государств и участвовавших в выборах, то они, по мнению «салафитов-джихадистов», обманывали верующих, ибо давали религиозную санкцию режимам, с которыми нужно было, наоборот, вести беспощадную борьбу.³⁰³

Этими крайними взглядами «салафиты-джихадисты» напоминают одну из первых египетских экстремистских группировок, «Ат-Такфир валь-хиджра» («Отлучение и хиджра»), лидер которой, агроном Шукри Мустафа, был повешен в 1978 году. Однако Шукри, объявлявший безбожником (*кяфиром*) всякого мусульманина, не принадлежавшего к его секте, был не «салафитом», а скорее озаренным мистиком, на свой манер толковавшим священные тексты, не обращая при этом к традиции, представленной Ибн Таймийей. Более того, он проповедовал «уход» из безбожного общества, поскольку его последователи, «истинные верующие», были слабы перед лицом государства. Он вступил в столкновение с египетским режимом в безвыходных для себя обстоятельствах, ставших для него фатальными. Напротив, «салафиты-джихадисты» считали, что мусульманский мир созрел для перехода в наступление и при первой возможности следовало начинать джихад вплоть до провозглашения исламского государства.

В этом смысле «салафиты-джихадисты» являлись духовными наследниками другой египетской группировки, известной под названием «Танзим аль-джихад» («Организация джихада»), совершившей убийство Садата в октябре 1981 года, и Абдаллаха Аззама. С убийцами президента они были связаны самым непосредственным образом: после ареста и судебного процесса в Египте многие активисты, тяготевшие к «салафитам-джихадистам» и осужденные на минимальные сроки, выйдя на волю в 1985–1986 годах стали отправляться в пешаварские лагеря. Одна из самых заметных фигур среди «афганских арабов», врач Айман

---

³⁰³ Критикуя Сайида Кутба, Абу Хамза в брошюре «Тальми аль-ансар ли с-сейф аль-баттар» («Сподвижники Пророка полируют до блеска разящий меч»), изданной в апреле 1997 г. в Лондоне, упрекал Кутба в том, что тот прочел Коран с позиций современной культуры, не будучи признанным толкователем. Здесь мы обнаруживаем признак трансформации, которой «салафитский джихадизм» подвергал идеологию современного исламизма: Кутб, как и Маудуди, выражался на простом языке, понятном любому, кто умел читать. Напротив, ультрарадикальные активисты 90-х годов, прошедшие Афганистан, обращались к непререкаемому авторитету (не доступному простым верующим) традиционных шейхов и улемов. Фанатикам-активистам уже, по сути, не полагалось понимать текстов: от них требовалось слепое послушание самозванным улемам, чья легитимность зиждилась на их участии в афганском джихаде.

аз-Завахири, являлся ярким представителем этой группы. Между «Организацией джихада» и «салафитами-джихадистами» имелось и интеллектуальное родство: в отличие от озаренного Шукри убийцы президента не поленились отыскать в традиции аргументы в пользу своих деяний и ссылались на Ибн Таймийю в оправдание казни Фараона. Однако последних едва ли можно было считать «салафитами»: их исламская культура оставалась на рудиментарном уровне и носила лоскутный характер, о чем свидетельствовал опус идеолога группы, инженера-электрика Фараджа. Впоследствии это сделало их легкой добычей улемов, связанных с властью, которые не упустили случая отечески пожуричь, а затем и перевоспитать этих «заблудших» юнцов.

Группа «Танзим аль-джихад» возросла на земле Египта, вышла из его бедных кварталов, но не имела никаких международных связей. Лишь благодаря деятельности Абдаллаха Аззама местный опыт этого типа смог породить джихад, распространившийся на территорию всей уммы, а затем и на весь мир. Сам Аззам оставался правоверным членом «Братства», тесно связанным с саудовским истеблишментом, на пользу которого он направлял рвение исламистских активистов всего мира. К тому же и его писания, которые в 80-е годы, в разгар борьбы афганских моджахедов против Красной Армии, оправдывали совершенно конкретный джихад и привлекали в его ряды добровольцев, избежавших потенциального влияния революционного Ирана, имели в конечном счете также планетарный замах. После 1989 года — года вывода советских войск из Афганистана и убийства Аззама — влияние его идей проявилось с особой силой. Помимо Афганистана, писал Аззам, все мусульманские страны, «захваченные» безбожниками, должны были, подвергнуться джихаду, который вернул бы их под власть ислама. В первую очередь это касалось, по мнению Аззама, его родной Палестины, Андалусии, отторгнутой от *дар аль-ислам* Реконкистой, и притчи во языцех исламистского движения — Филиппин, где действовал Фронт освобождения морю. Это были также граничившие с Афганистаном мусульманские республики Советского Союза и тогда еще коммунистический Южный Йемен, особенно нелюбимый Эр-Риядом. К ним примешивались государства, чьи правители не были мусульманами, и те, где власти предержавшие были «плохими» верующими, что грозило бесконечным умножением числа потенциальных жертв. Фактически в начале 90-х годов этот список государств — потенциальных объектов джихада дополнили страны, о которых Аззам, возможно, имел недостаточно информации и при жизни не мог предвидеть, что они станут, в свете его концепции, фронтами планетарного джихада: Босния — с 1992 года, Чечня — с 1995 года и Алжир, родина его зятя,³⁰⁴ — с начала гражданской войны в этой стране; сюда же был причислен и Кашмир, подконтрольный индийской администрации. Ученики Аззама выдвигали в отношении этих стран те аргументы, которые их учитель использовал для привлечения иностранных добровольцев к афганскому джихаду.

Помимо этой доктринальной преемственности «салафиты-джихадисты» обнаруживали сходство с другим движением, зародившимся в ту же эпоху, в том же регионе и в той же обстановке в недрах местного ислама, — талибами. И те, и другие были привержены букве священных текстов и использовали джихад для достижения своих целей. Однако талибы, принадлежавшие к ханафитской школе и течению деобанди, имели иную богословскую подготовку, нежели арабские «салафиты», и в отличие от оных являлись исключительно выпускниками традиционных медресе. Кроме того, их джихад был направлен прежде всего против их собственного общества, которому они навязывали строжайшие моральные нормы; государство и международная политика их почти не интересовали. Близость между этими двумя движениями, их почти одновременное появление, гостеприимство, оказанное

---

³⁰⁴ Буджема Бунуар (он же Абдаллах Анас), один из членов «салафитского» течения в алжирском Исламском фронте спасения, родился в 1958 г., принимал участие в афганском джихаде. Он женился на одной из дочерей Аззама. Нападение на погранзаставу в Геммаре 28 ноября 1991 г. считается символической датой начала джихада в Алжире. Нападение произошло спустя 2 года и 4 дня после покушения на Абдаллаха Аззама в Пешаваре, стоившего ему жизни.

талибами в Афганистане главным «джихадистам», тот факт, что некоторые из «джихадистов» сами ассоциировали себя с талибами, — всё это оставляет открытым вопрос о влиянии одного движения на другое.

Талибы — еще одни случайные дети афганского джихада, продукт его скрещивания с деобандской традицией. С момента ее возникновения в 1867 году джихад не являлся для нее приоритетом, поскольку с самого начала это интеллектуальное течение было направлено на то, чтобы позволить мусульманам Индии, уступившим власть англичанам в 1857 году и оказавшимся в меньшинстве в окружении индусов, выжить как общине в неблагоприятной среде. Деобандские улемы издавали множество фетв, благодаря которым их ученики могли скрупулезно следовать предписаниям шариата в отсутствие государства, которое бы следило за их соблюдением. Таким образом, они разработали правила *modus vivendi* в немусульманском обществе, в которых ни джихад, ни эмиграция на территорию ислама не предполагались. После образования Пакистана деобандские улемы, ставшие гражданами нового государства или решившие переселиться сюда из Индии, создали политическую партию «Джамият-и улама-и ислам» (ДУИ, «Ассоциация улемов ислама»). Эта политическая организация была предназначена скорее для защиты особого образа жизни в мусульманском светском государстве, для выбивания средств на нужды медресе, чем для борьбы за власть.³⁰⁵ Внутри самого исламского пространства ДУИ отстаивала свою специфичность по отношению как к «Джамаат-и ислами», основанной Маудуди, которую они обвиняли в «модернизме» и смешении религии и политики, так и по отношению к своим соперникам — улемам школы барелви, создавшим «Джамият-и улама-и Пакистан» (ДУП, «Ассоциация улемов Пакистана»). Будучи мощной группой давления, опиравшейся на поддержку десятков тысяч учеников и выпускников своих медресе, деобандские улемы активно вмешивались в политическую жизнь, борясь против всего, что противоречило их видению исламского порядка. Их первыми жертвами стала Ахмадия — секта, последователей которой они считали вероотступниками и отдельные представители которой занимали высокие государственные посты. Позднее, при президенте Зия, в 1977–1988 годах, желание диктатора установить суннитский ханафитский ислам в качестве нормы, взимание шариатского налога (*закята*) непосредственно с банковских счетов, приведшее к восстанию 15–20 % пакистанских шиитов в июле 1980 года, открыли для деобандских активистов новый фронт деятельности — борьбу с шиизмом. К этому их подталкивало и саудовско-иранское соперничество.

Помимо войны между Ираком и Ираном и джихада в Афганистане, Пакистан стал еще одним — правда, второстепенным — фронтом этого конфликта.³⁰⁶ В 1980 году появилась шиитская партия, основанная с целью сохранения общинной идентичности перед лицом суннитского господства и угроз, которые несло в себе автоматическое взимание *занята*. Получившая название «Техрик-и нифаз-и фикх-и джафрия» («Движение за применение джафаритской [шиитской] юриспруденции»), возглавлявшаяся молодыми священнослужителями, эта партия с 1984 года проявляла большие симпатии к иранской революции. Она пользовалась значительной помощью Тегерана и по этой причине вызывала

---

³⁰⁵ Деятельность пакистанских партий улемов напоминала деятельность «ультраортодоксальных» (харедим) партий Израиля, государства, образованного год спустя после провозглашения Пакистана. В обоих случаях религиозные партии ставили перед собой целью строгое соблюдение традиционных догм иудаизма или ислама в политике и повседневной жизни в отличие от израильских и пакистанских националистов, ограничивавшихся признанием простой принадлежности к той или иной вере. Постепенно эти партии начали принимать участие в политической жизни страны, чтобы иметь доступ к финансовым субвенциям для своих школ; впоследствии представители этих партий, Пакистана и Египта, вошли в правительственные коалиции. Об Израиле см.: Kerel G. *Revanche de Dieu*. Ch. 4.

³⁰⁶ По этим вопросам см.: Abou Zahab M. *The Regional Dimension of Sectarian Conflicts in Pakistan*. Colloque du CERI. (Paris, 7 Decembre 1998).

тревогу у суннитских групп давления. Саудовская Аравия, усматривавшая в этом ахиллесову пята контролируемого ею джихада в Афганистане, предоставила щедрую помощь организациям, готовым бороться с шиитами. Деобандское движение воспользовалось этим весьма широко: возросшие дотации позволили ему увеличить число своих медресе и расширить их возможности по приему детей из сельских и городских бедных семей; таким учащимся предоставлялся бесплатный пансион, а те, в свою очередь, пополняли ряды потенциальных рьяных борцов с шиизмом. В 1985 году возникло полувоенное молодежное деобандское движение, созданное руководителем ДУИ в Панджабе Хак Наваз Джхангви (он будет убит в 1990 году в возрасте 32 лет). Движение получило название «Сипах-и Сахаба-и Пакистан» («Солдаты соратников Пророка в Пакистане»).³⁰⁷ Поставив целью признание шиитов «вероотступниками» (*кяфирами*), оно не останавливалось даже перед насилием в отношении их. В середине 90-х годов в рамках той же тенденции из деобандской среды вышли два еще более склонных к крайностям движения: в 1994 году — «Лашкар-и Джхангви» («Армия Джхангви»),³⁰⁸ специализировавшаяся на убийстве шиитов, а в 1993 году — «Харакат уль-Ансар» («Движение партизан»),³⁰⁹ боевики которого отправились вести джихад в индийский Кашмир и прославились тем, что обезглавливали попадавших к ним в руки «неверных» — солдат-индусов. Этому разгулу фанатизма отдали дань и шииты: «Сипах-и Мохаммад Пакистан» (СМП, «Солдаты Пророка Мухаммада в Пакистане»), — организация, созданная в 1994 году, которая имела на своем счету многочисленные убийства суннитов.³¹⁰

Этот пароксизм насилия во имя религии — следствие не только региональной и международной обстановки, хотя финансовая и военная манна, свалившаяся на афганский джихад, неожиданно предоставила в распоряжение экстремистских движений доходы и тяжелое вооружение, позволившие им уже не стесняться себя никакими рамками законности. Пароксизм насилия во имя религии являлся также продуктом глубокого социального кризиса, охватившего Пакистан и особенно Южный Панджаб,³¹¹ где в условиях непрекращавшегося демографического бума дети разорившихся бедных крестьян-суннитов противостояли земельным собственникам — преимущественно шиитам и городским структурам, контролировавшимся потомками беженцев, переселившихся в 1947 году из Индии, — *мухаджирами*. В отличие от основанной Маудуди «Джамаат-и ислами», которая

---

³⁰⁷ Сахаба — сподвижники Пророка — пользуются особым почитанием у суннитов. Они выносили авторитетные суждения о временах первоначального ислама. Из среды сахаба вышли первые халифы, преемники Пророка Мухаммада, в частности династия Омейядов. Напротив, шиитам сахаба особо ненавистны. Шииты считают их виновниками поражения Али в 657 г., связывают с ними убийство Хусейна и его сотоварищей в Кербеле в 680 г. В пакистанском контексте ссылка на сподвижников Пророка автоматически приобретает антишиитское звучание.

³⁰⁸ Организация назвала себя так в честь Хак Наваза Джхангви, стоявшего на полпути между бандитизмом и исламистским экстремизмом. Его прозвище «Хак Наваз-Пистолет» напоминает прозвища «Хасана-Карате» — известной фигуры «Исламской республики Имбаба» в Египте — и эмира алжирской ВИГ «Сейф Аллаха Джаафара» («Джаафара, меча Всевышнего»).

³⁰⁹ В исламской истории термин «ансар» используется для именованя «сторонников», которых Пророк обрел в Медине, где он нашел пристанище в 632 г. после переселения из Мекки (хиджры) со своими учениками — мухад-жирун («эмигрантами»).

³¹⁰ Название шиитской СМП созвучно с названием суннитской ССП, однако в самих этих аббревиатурах сразу бросается в глаза разница в идеологических и теологических позициях: в сознании шиитов защита Пророка означает и защиту его семьи, отстраненной от власти сахаба, почитаемыми суннитами.

³¹¹ См.: Abou Zahab M. Islamisation de la societe ou conflit de classe?: Le Sipah-e Sah1a3ba Pakistan (SSP) dans le Penjab // SEMOTI. 2000. Printemps.

в целом оставалась партией элиты набожных средних классов, не имевшей опоры в народных массах, деобанди выражали интересы неимущей молодежи, лишенной надежды на социальное продвижение, для которой насилие было основной формой самовыражения в замкнутом и проникнутом неравенством обществе. На период обучения медресе предоставляли своим ученикам, *талибам*, временное укрытие от жизненных невзгод. Но медресе могли и актуализовывать потенциал насилия своих питомцев, превращая его в джихад против всякого, кого учитель называл *кяфиром*, безбожником, будь то сосед-шиит, солдат-индус или любой другой человек, считавшийся «неверным». Кроме того, крайняя степень преданности своим улемам этих талибов, за годы учебы общавшихся только между собой, почти не соприкасаясь с внешним миром, вызубривая тексты, над смыслом которых им не следовало задумываться, — всё это вырабатывало у них коллективизм, в котором выражение личной воли мало что значило. В наиболее же доктринерских медресе при создании необходимых условий не составляло большого труда превратить ученика в фанатика.

После войны в Заливе деобандское движение, приобретшее больший радикализм, стало получать помощь сразу с двух сторон, что позволило ему значительно усилить собственное влияние и, наряду с ростом насилия в Панджабе и Кашмире, открыло путь к победе талибов в Афганистане. Мир саудовского ваххабизма оставался сильно разочарован выступлением пакистанской «Джамаат-и ислами» и афганской «Хезб-е ислами» на стороне Ирака, хотя обе организации получали от Эр-Рияда наиболее щедрую помощь на протяжении десятилетия. Деобандская партия ДУИ также выступила против присутствия «безбожных» солдат в Аравии, но демонстрировала меньшую враждебность к саудовской монархии. Более того, деобандские улемы были заклятыми врагами *пиров* (суфийских авторитетов), глав братств барелви, входивших в другую религиозную партию — ДУП, святой покровитель которой был похоронен под Багдадом и которая традиционно получала помощь от Ирака. Во время войны ее главный руководитель, участвовавший в митингах в поддержку Ирака из «любви» к Саддаму, создал центры набора волонтеров, желавших сражаться на иракской стороне. Утверждалось, что ДУП удалось мобилизовать 110 тысяч добровольцев.³¹² Стремясь сохранить свое влияние в пакистанском религиозном пространстве, разочаровавшись в своем бывшем фаворите «Джамаат-и ислами», Эр-Рияд выбрал наименьшее зло, перенеся свои заботы на ДУИ, которая не была связана с международными структурами «Братьев-мусульман», ненавидела шиитов, братства и Ирак и чья строгая религиозная ортодоксия была близка ваххабитской практике. «Хезб» Хекматъяра в Афганистане также больше не пользовалась расположением Эр-Рияда: мало того что она выступила в поддержку Ирака, она еще и утратила свои позиции под натиском полевого командира Масуда. Всё это открывало путь к оказанию Саудовской Аравией поддержки афганским ученикам деобандских медресе — талибам.

Вторым источником помощи для ДУИ и талибов, к большому удивлению западных обозревателей, стало второе правительство Беназир Бхутто, чье миловидное лицо не сходило с первых полос женских журналов. И тем не менее эта женщина поддержала движение, которое вскоре спрячет лица афганских женщин за сетку чадры. Эта позиция диктовалась политиканскими соображениями Пакистанской народной партии Бхутто, которая стремилась расколоть коалицию трех религиозных партий («Джамаат-и ислами», ДУИ и ДУП), поддержавших на выборах ее соперника Наваза Шарифа — лидера Мусульманской лиги и духовного наследника генерала Зия. Вынужденная уйти в отставку в 1990 году под давлением военных — сторонников Наваза Шарифа, Бхутто вновь победила на выборах в 1993 году. Ей удалось лишить своего конкурента поддержки большинства деобандцев. Сторонники Бхутто в ДУИ получили от нее влиятельные посты. Лидер партии, Маулана

---

³¹² См.: Ahmad M. Islamic Fundamentalism... P. 166.

Фазлур Рахман, стал председателем парламентской комиссии по иностранным делам.³¹³ В то же время правительство Бхутто было озабочено анархией в Афганистане, усилившейся с падением Кабула в апреле 1992 года, когда столица оказалась под контролем неустойчивой коалиции командиров моджахедов и бывших сторонников коммунистического режима. Беназир не доверяла армейским спецслужбам — ISI, этому оплоту верных сторонников Зия и Шарифа, который покровительствовал «Хезб». Вот в таких обстоятельствах в начале ноября 1994 года по распоряжению министра внутренних дел генерала Бабара в Туркменистан через афганские юго-западные провинции была направлена колонна грузовиков. Захваченная командиром моджахедов в расчете на получение выкупа, колонна была освобождена силами нескольких тысяч вооруженных до зубов талибов, своевременно прибывших из медресе, действовавших в приграничных районах Пакистана. На следующий день талибы овладели Кандагаром — столицей афганского юга. В сентябре 1996 года войска талибов войдут в столицу страны, Кабул, а к осени 1998 года вынудят своего последнего противника, командира Масуда, отвести войска в свою цитадель — долину Пандшер на границе с Таджикистаном, установив контроль над 85 % афганской территории.

Успехи талибов приписывали комбинации внешних и внутренних факторов, но такой анализ давал лишь частичное представление о динамике этих крайних исламистских движений нового типа, появившихся в середине 90-х годов на почве распада афганского джихада. Многие феи склонялись над ними и помогали им делать первые шаги: помимо Беназир Бхутто, союзницы лидера деобандской партии Мауланы Фазлура Рахмана, такого рода движения пользовались поддержкой подавляющего большинства пакистанского политического истеблишмента, даже после возвращения к власти Наваза Шарифа в ноябре 1996 года. В самом деле, Афганистан, контролировавшийся талибами, давал Исламабаду много козырей в политической игре. И сменявшие друг друга кабинеты, обреченные на короткую жизнь в условиях нестабильности, не утруждали себя политическими расчетами на перспективу, которые позволили бы просчитать и негативные последствия поддержки Талибана. Правительственная чехарда на фоне неустойчивой политической ситуации и, как следствие, ничтожно малые сроки для выработки разумного подхода лишь нагромождали нерешенные проблемы. Прежде всего следует не упускать из вида, что Пакистан оказался в региональном окружении, оставлявшем ему мало возможностей для маневра. Это и состояние постоянной напряженности с Индией, и непрекращавшиеся пограничные инциденты, устраивавшиеся военизированными исламистскими группировками в Кашмире, и «джихад на изнурение», и ядерное соперничество с Дели. Сюда же добавлялось состояние перманентной враждебности к шиитскому Ирану, поддерживавшему тесные связи со своими единоверцами на субконтиненте. Свою роль играла и подозрительность Москвы, озабоченной дестабилизацией ситуации в бывших советских государствах (Узбекистане, Таджикистане и Киргизии) со стороны исламистских движений, наступавших с юга. В этих условиях Раббани, лидер афганской партии «Джамият», возглавлявший правящие коалиции моджахедов в Кабуле в период с 1992 по 1996 год, примкнул к тройственной оси Индии, Ирана и России, в то время как Хекматъяру, поддерживаемому спецслужбами Исламабада, никак не удавалось выдвинуться на первые роли. Во-вторых, крах советской империи привел к открытию древних торговых путей из Средней Азии к теплым морям, перекрытых Москвой еще в эпоху царизма. Углеводородное сырье из Туркменистана, в котором так нуждался перенаселенный Пакистан, лишенный собственных источников энергии,³¹⁴

---

³¹³ См.: Rachid A. Pakistan and the Taliban // *Fundamentalism Reborn: Afghanistan and the Taliban* / Ed. William Maley. L.: Hurst & Co, 1998. P. 72–89; Idem. *Talibans*. L.: Tauris, 2000.

³¹⁴ Проект газопровода, который должен был связать Туркменистан с пакистанским городом Мултан в провинции Пенджаб, вызвал острое соперничество двух нефтяных картелей: с одной стороны — калифорнийской компании Unocal и саудовской «Delta», а с другой — аргентинской компании Bidas. Unocal стала самым красноречивым защитником талибов при американской администрации. Госдепартамент опубликовал коммюнике, в котором выражалось благосклонное отношение к движению, занявшему Кабул 27

начало поступать в страну через Афганистан по дороге, где в ноябре 1994 года талибы предотвратили захват автоколонны, посланной генералом Бабаром. Для обеспечения бесперебойности этих поставок необходимо было, чтобы страна находилась под единой властью, гарантировавшей безопасность транспортной артерии. Со времен начала джихада Афганистан раскололся на многочисленные удельные вотчины во главе с командирами моджахедов, которые по своему усмотрению взимали дань с путешественников и торговцев. Поэтому с конца 1994 года в глазах пакистанского политического истеблишмента движение Талибан было единственной силой, способной обеспечить, действуя в тесной связке с Исламабадом, единство территории. Деобандская идеология делала бывших студентов медресе заклятыми врагами шиитского Ирана, «безбожных» Индии и России. Ко всему прочему в большинстве своем эти студенты принадлежали к этносу пуштунов, проживавших также в пакистанской Северо-Западной пограничной провинции, вокруг Пешавара, и составлявших костяк офицерского корпуса и спецслужб Пакистана. Всё это позволяло думать, что движение Талибан будет крепко привязано к Пакистану и сможет обеспечить ему необходимую «стратегическую глубину» в противостоянии с тремя его региональными врагами.

К внешним факторам, благоприятно сказавшимся на успехах талибов, к которым в первую очередь следует отнести материальную и военную помощь, добавились также и внутренние: население страны было измощено бесконечной войной, устало от вечной нехватки предметов первой необходимости, голода, коррупции, атмосферы страха и неуверенности в будущем дне. Жизнь еще более ухудшилась после падения Кабула и перехода его в 1992 году под власть моджахедов. Страна оказалась ввергнута в анархию; началась война между разными фракциями: каждая группировка забрасывала кварталы и резиденции своих противников бомбами и ракетами. Но бывали и исключения: в пуштунской зоне талибы заняли многие населенные пункты без единого выстрела. Это объяснялось высоким духовным авторитетом талибов; слава об их моральной чистоте неслась впереди их боевых порядков. Более того, сельское население, придерживавшееся старинных племенных обычаев и нравов, схожих с племенным кодексом *пуштунвали*, не было шокировано их ультраригори-стичной концепцией социальных отношений и взглядов на роль и место женщины в обществе. Зато защитники Кабула оказали отрядам бывших студентов ожесточенное сопротивление: первый штурм прошел неудачно, лишь только в сентябре 1996 года им удалось овладеть столицей страны. Яростный отпор встретили талибы и в районах компактного проживания шиитского населения на западе страны, где они учинили самую настоящую бойню «неверных», в частности в Мазари-Шарифе в 1998 году. Но это было неизбежным следствием религиозного рвения, заставлявшего атакующих вставать на джихад и жертвовать собой в уверенности, что они станут мучениками, *шуха-да*, перед которыми откроются врата рая.

С тех пор как талибы овладели Кабулом, в столице, лежавшей в руинах после столкновений между моджахедами в период с 1992 по 1996 год, воцарилось спокойствие. Но новые хозяева принесли с собой и новый жизненный порядок. Жизненные устои деобанди, усвоенные ими в родных медресе, были спроектированы уже на все общество,³¹⁵ а не

сентября 1996 г. Однако впоследствии, в результате давления, оказанного на кампанию феминистскими движениями США, протестовавшими против зверского отношения талибов к женщинам, проект был пересмотрен. Планы были нарушены также обвалом в конце 90-х годов цен на углеводородное сырье, порожденным общим азиатским кризисом и всплеском новой волны напряженности в отношениях Индии и Пакистана, вызванной обоюдными ядерными испытаниями весной 1998 г. В самом деле, газопровод оказался бы рентабелен лишь при условии, что к проекту присоединилась бы Индия, также лишенная собственных источников углеводородного сырья. На эту тему см.: Mackenzie R The United States and the Taliban // W. Maley. Op. cit. P. 90.

³¹⁵ На эту тему см.: Ягеск А. Afghanistan's Taliban: An Islamic Revolution of the Pashtun // Orient. 1997. № 1. P. 135; Abmi Zahab M. Les liens des Taleban avec l'histoire afghane // Les Nouvelles d'Afghanistan. 1999. 3e trimestre. № 85.

только на замкнутое пространство учеников-послушников. В самом деле, эти деревенские жители, говорившие на пушту, воспринимали население Кабула, изъяснявшееся в основном на дари и привыкшее с 50-х годов к современной городской жизни, как распушенную толпу, которую необходимо было перевоспитать, чтобы смог восторжествовать шариат. Отныне горожанки не могли появляться на улицах города без чадры. Так как им было запрещено работать, то многие из них, потерявшие своих мужей и лишившиеся поддержки семьи, попрошайничали на улицах в окружении стаек детей.³¹⁶ Входы в пустовавшие министерства, чиновники которых были отправлены в лагеря по религиозному перевоспитанию, дворы домов заросли бурьяном. Деобандской культуре была чужда общественная жизнь: традиционно она была приспособлена к организации общины в скрупулезном выполнении предписаний догмы и не заботилась о государстве, которое со времен британского завоевания Индии в 1857 году считалось безбожным. В Кабуле талибы, став хозяевами афганских учреждений, лишили их прежнего содержания, заменив его тремя функциями — поддержание морали, торговля и война. Мораль, то есть строгое подчинение всех нормам деобанди, претворялась в жизнь силами «Организации по повелению благого и запрещению дурного» (это название переводится на английский язык как *vicevirtue police* — полиция нравов). Она носила то же название, что и аналогичный корпус в Саудовской Аравии, состоявший из знаменитых *мутавиа*³¹⁷ — бородатых молодцев, вооруженных дубинками и призванных осуществлять бдительный контроль за строгим соблюдением часов молитвы, за ношением женщинами платка и за соблюдением ваххабитских норм поведения в целом. В Афганистане понятие преследуемого зла было более емким. Например, безбородые мужчины или обладатели слишком короткой бороды подвергались публичной порке; телевизоры, видеоманитофоны, светская музыка находились под запретом, то есть делалось всё, чтобы воссоздать окружение и ментальную атмосферу медресе. Непременным атрибутом постов дорожной инспекции стал шест, вокруг которого, словно военный трофей, были обмотаны магнитные ленты аудиокассет, изъятых из автомобилей. Но не всякий спектакль оказывался под запретом, тем более если он был поучителен. По пятницам столичный стадион, построенный в свое время Советским Союзом в знак проявления пролетарского интернационализма, наполнялся толпами народа: публика развлекалась зрелищем порки уличенных в пьянстве, отсечения рук ворами и казни преступников членами семьи жертвы, которым по такому случаю вручали автомат. Государство само не карало нарушителей, поскольку наличие провинившихся перед законом — это признак слабости государственной власти. Оно вверяло исполнение наказания моральному сообществу верующих под одобрение вчерашних селян, наводнивших столицу в 1996 году и «пуштунизовавших» ее в ущерб средним слоям, получившим образование на персидском языке и не сумевшим вовремя бежать.

Вторым видом деятельности, который процветал в «Исламском эмирате» была торговля. Вначале талибы жили за счет помощи, поступавшей из Саудовской Аравии. Это было время, когда принцы Аравийского полуострова прилетали в Кандагар на охоту, а при отъезде в качестве подарка оставляли свои джипы-вездеходы и другие весьма ценные сувениры.³¹⁸ С переходом страны почти под полный контроль талибов возросло и число

---

³¹⁶ Это впечатления автора от талибского Кабула, вынесенные им из поездки в Афганистан в апреле 1998 г.

³¹⁷ Институт мутавиа возник во времена Ибн Абд аль-Ваххаба, имама, давшего имя ваххабизму. Получив духовную власть над первым саудовским государством (1745–1811), он создал эту «религиозную полицию», которая следила за поведением отдельных лиц, выискивала нарушителей и наказывала их, а также обеспечивала присутствие правоверных на обязательных молитвах.

³¹⁸ См.: Rachid A. Op. cit. P. 76. Автор отмечает роль, которую сыграл Мавлана Фазлур Рахман, лидер ДУИ и в то время — председатель парламентской комиссии по международным делам, в организации охоты на дроф, которую обожали саудовские принцы и которая помогла установлению их контактов с талибами. Он вел

источников пополнения их доходов за счет взимания транзитной платы: значительно увеличился товарооборот между Средней Азией и Пакистаном, расширился поток контрабанды из свободного порта Дубай, многократно возросли поставки героина на американский, российский и европейский рынки.³¹⁹ Всё это служило существенным подспорьем для казны «студентов, изучавших религию». Отныне в финансовом отношении талибы были независимы от зарубежных спонсоров и могли не подчиняться им.³²⁰ Лавки на кабульском базаре, погруженном в атмосферу Средневековья, ломались от изобилия товаров. Не слышался привычный гомон торговцев, расхваливающих свой товар. Бородатые продавцы и покупатели в традиционных одеждах совершали сделки в полной тишине. Купцы и перевозчики товаров пользовались режимом, при котором эфемерность присутствия государства позволяла им процветать, не будучи обремененными налогами и какими-либо правилами.

И наконец, война — третья функция «Исламского эмирата», единственная, которая требовала элементарной централизации. Война велась из Кандагара, где находилась штаб-квартира повелителя правоверных, муллы Омара-ахунда, которого никогда не видел ни один «безбожник». Этот бывший моджахед, потерявший глаз в бою с советскими солдатами, заседал среди членов своей *шурь*, принимал решения о наступательных операциях против мятежных группировок, передавал свои ответы на требования иностранных государств, оказывавших на него давление. Он диктовал условия, на которых Усама бен Ладен и сопровождавшие его «салафиты-джихадисты» пользовались гостеприимством Афганистана, вопреки требованиям саудовцев и американцев.

Однако исполнение всех этих функций не превращало «Исламский эмират» в государство в истинном смысле этого слова. Это была скорее община, организованная по деобандским нормам и «раздутая» до размеров страны. Внутри этого сообщества действовали меры строжайшего морального принуждения, на окраинах велся джихад, а средствами на «пропитание» служили пошлины за транзит грузов и товаров, зачастую контрабандных. В этом смысле Афганистан талибов нельзя сравнивать ни с Исламской Республикой Иран, ни с Суданом Хасана ат-Тураби. Последние опирались на четко отлаженный административный аппарат, рационально управляли авторитарной исламизацией общества сверху и превратились в субъектов исламского пространства и международной системы. Ничего подобного не было у талибов: на мировой арене они не были представлены как государство и, с тех пор как порвали с саудовскими благодетелями, поддерживали дипломатические отношения только со своим пакистанским покровителем и своим главным торговым партнером — Объединенными Арабскими Эмиратами. Талибы были равнодушны к сфере политики — предмету главной заботы исламистских движений, сохранявших преемственность с «Братьями-мусульманами», из которых и «умеренные» и «радикальные» всеми силами стремились к власти.

Деобандская идеология не знает понятия добродетельного града: оплотом морали

успешную кампанию в столицах стран Европы и США, а также в странах Аравийского полуострова, чтобы познакомить политическую и бизнес-элиту с талибами.

³¹⁹ Одно из самых удивительных зрелищ в талибском Афганистане, которое предстает перед глазами путешественника, покинувшего Кабул, где безраздельно царит «деобандский порядок», и направляющегося в Пакистан по автостраде, — это простирающиеся до самого горизонта маковые поля. Мак — сырье для производства героина, дурмана для «неверных». Кроме того, часто можно увидеть вереницы контрабандистов с огромными тюками за спиной на Хайбарском перевале, находящемся на границе между Афганистаном и Пакистаном. Вся контрабанда, в том числе аудио- и видеоаппаратура, поступает из Дубая (из личных наблюдений автора, апрель 1998 г.).

³²⁰ Так, давление Саудовской Аравии, добивавшейся высылки из страны Усамы бен Ладена, не возымело никакого эффекта, что повлекло за собой разрыв дипломатических отношений между двумя странами — бесспорно, самой заметной из саудовских ответных мер, предпринятых в 1999 г.

считается одна лишь община, сообщество верующих, сплоченных массой фетв, позволяющих каждому жить в соответствии с шариатом. Выведение государства и политической сферы за рамки легитимности оборачивается отрицанием всякого понятия о гражданстве и свободе, место которых занимают вера и повиновение.

Трудно сказать, в какую сторону будет эволюционировать талибский Афганистан. До тех пор пока продолжается джихад, пока новоиспеченные выпускники медресе прямо со школьной скамьи идут убивать «безбожников», система сможет продолжать свое существование — ценой бегства всех свободолюбивых людей и кадров, еще оставшихся в стране. Албания Энвера Ходжи и Камбоджа Пол Пота — вот, возможно, грядущая судьба талибского Афганистана, хотя и в другом идеологическом регистре. Второе вероятное развитие событий — это ползучая экспансия джихада за пределы афганской территории. И это уже происходит в Кашмире, где джихад ведет основанное в 1993 году военизированное движение деобанди «Харакат уль-Ансар», переименованное в 1997 году в «Харакат уль-моджахедин» после того, как Госдепартамент США причислил его к террористическим организациям. Пакистанский политиковоенный истеблишмент поощряет эти группировки, рекрутирующие в свои ряды молодых бедняков Пенджаба и позволяющие чужими руками вести войну против Индии. Недалековидная политика, благодаря которой социальная напряженность в нестабильной провинции переносится на внешнего врага, чревата в будущем опасностью для фундаментальных устоев самого пакистанского общества: чем займутся моджахеды после своего возвращения из Кашмира? Не превратят ли они джихад, который вели по ту сторону границы, во внутренний джихад, который после антишиитского терроризма «Лашкар-и Джхангви» может быть повернут уже против государства, открывая путь к «талибанизации» Пакистана? Этому опасаются многие интеллектуалы страны.

И все же влияние религиозных партий остается незначительным, о чем ясно свидетельствуют результаты голосования на выборах. Не добавляет им существенного авторитета и прирост голосов, полученных ДУИ И «Сипах-и Сахаба-и Пакистан», благодаря парадоксальному альянсу, заключенному с ними партией Беназир Бхутто в 1993 году.³²¹ Активность наиболее экстремистских группировок, вербующих сторонников среди людей, «лишенных корней», пугает набожные средние классы. В лице Наваза Шарифа, лидера Мусульманской лиги, ставшего премьер-министром в 1999 году, они нашли своего сторонника. Чтобы понравиться им, он взялся за проект полной исламизации законодательства. Время от времени реализации этого проекта придавался новый импульс, но трудности его осуществления и враждебность большинства членов магистратуры с такой же регулярностью срывали планы премьера. Молодые люди из обездоленных слоев населения, составлявшие основной вербовочный контингент для медресе и связанных с ними движений, очевидно, не могли стать самостоятельными политическими субъектами, выражая конкретные социальные интересы. Они также были неспособны ради прихода к власти войти в коалицию с исламистскими буржуазными группами, которые были бы недовольны отсутствием доступа во властную систему. В действительности последние в значительной части уже были интегрированы в правительственные структуры и не выказывали революционных устремлений. Скорее, именно с их подачи неимущая молодежь благодаря сети медресе, религиозным партиям и их военизированным организациям подталкивалась к достижению целей, которые обрекали ее на вечный антагонизм с шиитскими, христианскими или индийскими «безбожниками». Это истощало ее потенциал социального насилия, отводя удар от властных иерархий, несмотря на весь шум, поднятый вокруг радикального исламизма в Пакистане. Однако негативные последствия насилия, ставшего хроническим,

---

³²¹ Об общем влиянии исламистских партий на политическую жизнь Пакистана в самом конце 90-х годов см.: Blom A. Les partis islamistes a la recherche d'un second souffle // Le Pakistan, carrefour de tensions regionales / Sous la dir. de Christophe Jaffrelot. Bruxelles: Complexe, 1999. P. 99–115; Ahmad M. Revivalism, Islamization, Sectarianism and Violence in Pakistan // Pakistan 1997 / Ed. Craig Baxter and Charles Kennedy. Boulder: Westview, 1998.

для имиджа страны, называемой за границей «государством-изгоем [*rogue State*]», в конце концов привели к падению правительства Наваза Шарифа. В конце 1999 года оно было свергнуто начальником генштаба генералом Мушаррафом, который не преминул заявить о своем намерении следовать примеру Ататюрка. Это знак того, что в высших кругах пакистанской власти чувствовалось изменение взглядов на попустительскую политику, проводившуюся в отношении джихада.

Распад Советского Союза, который был ускорен поражением Красной Армии в Афганистане, открыл радикальному исламистскому движению, в частности «салафитам-джихадистам», базировавшимся на территории от Пешавара до Кабула, новые потенциальные фронты для джихада. В соседнем Таджикистане новое независимое государство, все кадры которого вышли из коммунистического серала, столкнулось с вооруженной оппозицией, сосредоточенной на юге страны, в которой исламистское движение играло не последнюю роль.³²² В Чечне — автономной кавказской республике, находящейся на окраине России, но внутри ее границ, движение за независимость, во главе которого встал бывший советский генерал, с 1995 года стало приобретать оттенок джихада. Импульс этому придал молодой командир Шамиль Басаев, поддержанный группой боевиков, «профессиональных исламистов» из лагерей, расположенных на афгано-пакистанской границе, под командованием Ибн аль-Хаттаба — «джихадиста», успевшего повоевать в Таджикистане после окончания афганского джихада.³²³ Однако эти столкновения происходят в зонах, мало известных остальному миру, что затрудняет развертывание кампаний солидарности и поддержки, масштабы которых остаются ограниченными. К тому же с конца 1999 года нежелание ссориться с Россией препятствует вмешательству иностранных держав в эти конфликты.

Глава 4

Война в Боснии: Неудачная прививка «джихада»

Распад бывшей коммунистической Югославии в результате националистических трений в ее различных частях напомнил миру о существовании в центре Европы славянских народов мусульманского вероисповедания — забытых потомков местных жителей, принявших ислам в эпоху Османской империи в ходе ее экспансии на Балканах начиная с XIV века.³²⁴ В марте 1992 года была принята Декларация о независимости Боснии и

---

³²² По этому вопросу см.: Le Tadjikistan existe-t-il? // СЕМОТИ. 1995. № 18; Djahh M.-R, Grare F. Le Tadjikistan a Preuve de l'indépendance. Geneve: IUNEL, 1995.

³²³ Ибн аль-Хаттаб (вероятно, выходец с Аравийского полуострова) решил отправиться в Чечню из Афганистана в 1995 г. с восемью своими товарищами, когда расценил войну с русскими, которая велась в этой стране, как джихад 16 апреля 1996 г. он возглавлял группу из пятидесяти боевиков, атаковавших российскую военную колонну, в результате чего погибло много российских солдат. Шамиль Басаев, исламистский лидер местного движения сопротивления, произвел его в чеченские генералы. В августе 1999 г. Ибн аль-Хаттаб принял участие в восстаниях в дагестанских селах, которые ускорили новое русское наступление на Чечню во второй половине того же года. Об участии в этом малоизученном конфликте «джихадистов», прибывших из Афганистана, см. интервью с Ибн аль-Хаттабом в газете «Аль-Хайят» от 30 сентября 1999 г., а также интернет-сайт «Azzam Brigades» (<http://www.azzam.com>), содержащий подробную информацию об участии «джихадистов» в чеченской войне. В частности, представляет интерес история египетского «мученика» Абу Бакра Акиды (убит 23 декабря 1997 г.), «боевой путь» которого начался в Верхнем Египте, был отмечен знакомством с шейхом Абдель Рахманом, продолжился в Афганистане, а оборвался в Чечне.

³²⁴ Османская империя завоевала Боснию в 1463 г., а Герцеговину — в 1482 г. На Балканах же она присутствовала еще с XIV в., после победы, одержанной в 1389 г. при Косово — на «Поле дроздов». Православные сербы рассматривают это сражение как апогей сопротивления местного населения захватчикам и в этом качестве почитают его. В 1989 г. празднование сербской Православной Церковью 600-й годовщины Косовской битвы стало символом всплеска национализма, приведшего к распаду Югославии. Об истории

Герцеговины, где проживало большинство этих мусульман, наряду с сербами и хорватами.³²⁵ Сразу же за этим последовала военная агрессия сербских вооруженных формирований против Сараево — столицы нового государства.³²⁶ Война продолжалась более трех лет, унесла жизни 150 тысяч человек и вынудила примерно 2 млн человек покинуть родные края, в основном в результате «этнических чисток».³²⁷ В западной прессе политика Белграда подчас приравнивалась к зверствам нацистов времен Второй мировой войны, особенно после появления первых документальных кадров из лагерей с похожими на скелеты пленными и когда стало известно о массовых захоронениях жертв, мотивация убийств которых часто характеризовалась как стремление к геноциду.³²⁸ В мире ислама, где большинство людей также впервые узнало о существовании Боснии, с энтузиазмом восприняли весть о том, что в центре Европы появилось новое мусульманское государство. Сербская агрессия и этнические чистки воспринимались ими в конфессиональных категориях. В происходившем усматривали новую форму крестового похода, холокост, совершавшийся по религиозным причинам, и это породило специфически мусульманские формы солидарности с обретенными единоверцами на Балканах.³²⁹ Исламское пространство, которое символически распространилось на Западную Европу в 1989 году с вынесением фетвы против Салмана Руттгди и переживало глубокий раскол после войны в Заливе в 1991 году, внезапно вновь расширилось к западу, на этот раз за счет Центральной Европы, и теперь включало в себя уже коренных мусульман, а не иммигрантов. Однако, едва

Боснии см.: Malcolm N. Bosnia: A Short History. L.: Papermac, 1996. «Романтическая» версия битвы при Косове, позволяющая понять ее современное символическое значение, вышла из-под пера Исмаила Кадаре (см.: Kadarel. Trois chants funebres pour le Kosovo. P.: Fayard, 1997). О балканском исламе вообще см.: Popovic A. L'islam balkanique. Wiesbaden: Otto Hassarowitz, 1986.

³²⁵ По данным переписи 1991 г., в Республике Босния, входившей еще в то время в состав Югославии, проживало 4 364 574 чел., из которых 43,7 % были мусульманами, 31,4 % — сербами, 17,3 % — хорватами, 5,5 % — югославами и 2,1 % — «другими» (см.: Bougarel X. Bosnie, anatomie d'un conflit. P.: La Decouverte, 1996. P. 141). Независимость республики была провозглашена 3 марта после проведения референдума, на котором за нее проголосовало почти единодушно 63,4 % избирателей, принявших участие в голосовании (сербы, представлявшие треть всего электората, бойкотировали референдум).

³²⁶ Началом войны в Боснии принято считать 6 апреля 1992 г. — день, в который началась осада Сараево сербскими формированиями, первый день осады Сараево сербской милицией. В этот же день независимость Боснии и Герцеговины, провозглашенная месяцем ранее, была признана Европейским Сообществом. На следующий день в городке Пале, близ Сараево, была провозглашена Республика Сербская Боснии и Герцеговины.

³²⁷ Выражение «этническая чистка», вошедшее в обиход во время войны в бывшей союзной Югославии, означает насильственное изгнание с данной территории населения, которое те, кто контролируют эту территорию, рассматривают как инородное. Этот фейомен приобрел особый размах в регионе, где группы населения, относившиеся к различным общинам, соседствовали друг с другом на протяжении веков.

³²⁸ Трактовка конфликта на территории бывшей Югославии в огромной степени зависела от его освещения в прессе и от семантических манипуляций, которым предавались противоборствовавшие стороны, чтобы получить поддержку собственного дела и очернить противника. О реальном ходе конфликта, масштабах «этнических чисток» и «геноцида», а также об использовании этих терминов см.: Bougarel X. Op. cit. P. 1–14.

³²⁹ Первая конференция, призванная привлечь симпатии мусульманского мира к боснийскому делу и дать ему исламскую интерпретацию, прошла 18–19 сентября 1992 г. в Загребской-мечети (построенной в 1987 г. на средства из саудовских фондов). В ней приняли участие лидеры международного исламистского движения, близкого к «Братьям-мусульманам». См.: Bougarel X. Islam et politique en Bosnie-Herzegovine: Le parti de l'Action democratique. These du doctorat. P.: Institut d'Etudes Politiques de Paris, 1992. P. 342. При написании данной главы автор широко использовал материалы этого новаторского исследования Ксавье Бугареля, отличающегося глубиной анализа и масштабностью освещения событий.

появившись, эта новая мусульманская земля, казалось, вот-вот исчезнет в бойне, учиненной сербами при молчаливом потакании Запада с его пресловутыми правами человека.³³⁰ Апологеты Ирака сразу же заявили о «двойном стандарте» тех, кто наложил эмбарго на эту страну, регулярно совершал бомбардировки ее территории, представлял Саддама Хусейна в виде дьявола, но не накладывал никаких санкций на Сербию Слободана Милошевича. Они любили повторять, что кровь мусульман дешевле их нефти. В стане государств мусульманского мира, участвовавших в операции «Буря в пустыне», проявление солидарности с Боснией превратилось в пробный камень для правивших режимов. Исламистская оппозиция не преминула воспользоваться этим затруднением для обвинения властей в пассивности, сговоре с Западом, очередном предательстве уммы после присоединения к международной коалиции для разгрома войск Багдада.

Таким образом, в 1992–1995 годах Босния стала главным объектом внимания для исламского мира после окончания джихада в Афганистане, перехода Кабула в руки моджахедов в апреле 1992 года (одновременно с вступлением сербской милиции в Сараево) и растворением интифады в израильско-палестинском мирном процессе. В отличие от гражданской войны в Алжире — которая тоже началась в 1992 году, но, поскольку в ней с обеих сторон участвовали мусульмане, получила меньший резонанс в масштабах уммы³³¹ — война в Боснии дала возможность проявиться различным стратегиям государств и оппозиционных движений, боровшихся за главенство в исламе. Как и в предыдущее десятилетие, здесь проявляли себя те же конкурирующие стороны: Иран, Саудовская Аравия, различные течения исламистского движения — от «Братьев-мусульман» до «салафитов-джихадистов». Однако контекст событий был уже иным, чем в Афганистане. Тегеран утратил свое революционное рвение после смерти аятоллы Хомейни; Эр-Рияд был обременен долгами после войны в Заливе, к тому же саудовская монархия испытывала давление со стороны внутренней оппозиции; лозунг джихада вызывал настороженность и неприятие на Западе, чем умело пользовалась сербская пропаганда.

Борьба за Боснию свелась к вялому соперничеству между Тегераном и Эр-Риядом и их союзниками. В основном они боролись за контроль над исламскими гуманитарными организациями, появившимися в зоне, где западные благотворительные неправительственные организации держали монополию. Последним мусульманские лидеры противопоставили собственные концепции благотворительности, что вызвало полемику о конечных целях этой деятельности. «Джихадисты» из Пешавара и новые добровольцы (их число оценивалось максимум в 4 тысячи человек)³³² отправились воевать в Боснию, но они

---

³³⁰ Большинство западных правительств заняли во время войны враждебные позиции по отношению к Сербии. В 1992 г. Организация Объединенных Наций проголосовала за принятие санкций в отношении новой Югославии (в состав которой 27 апреля 1992 г. вошли Сербия и Черногория), лишив ее членства в ООН. Международный Гаагский трибунал обвинил руководство самопровозглашенной в Пале 7 апреля 1992 г. Боснийской Республики Сербской в преступлениях против человечества и геноциде. Исламистские круги представляли войну как геноцид против мусульман, развязанный Западом, который отказывался признать существование «исламского государства» в центре Европы. По логике исламистов выходило, что сербские формирования, а затем и Слободан Милошевич, были лишь исполнителями плана по уничтожению мусульман. Истинные же виновники притворно оплакивали допущенные промахи, ничего конкретного не предпринимая, чтобы помешать этому варварству. В этой связи представляют интерес видеокассеты одной из главных гуманитарных исламских организаций — «Islamic Relief». См.: Belhon-Jourdan J. Les reseaux transnationaux islamiques en Bosnie-Herzegovine // *Le nouvel Islam balkanique* / Sous la dir. de Xavier Bougarel et Nathalie Clayer. P.: Ellipses, 2000.

³³¹ О реакции арабского мира на войну в Боснии см.: Mitn T. *La Bosnie-Herzegovine et la solidarite du monde arabe et islamique* // *Magreb-Machrek*. 1993. Janvier. P. 123–136; MECS. 1992. P. 218–220; 1993. P. 109–111; 1994. P. 127; 1995. P. 98–100. О восприятии на Ближнем Востоке гражданской войны в Алжире см.: ElOifi M. *Op. cit.*

³³² К этим цифрам, которые носят оценочный характер и были подсчитаны ЦРУ, а затем переданы в прессу, следует относиться с осторожностью в силу отсутствия надежного источника. К данному количеству следует

не смогли придать войне сколь-либо значимый оттенок джихада, так как в отличие от Афганистана этот термин почти не встречал отклика у местного мусульманского населения. В своей массе оно оценивало конфликт с соседями-сербам или хорватами в совсем иных категориях.

Между тем боснийский ислам не оставался в стороне от изменений, которые с конца 60-х годов затрагивали эту религию в планетарном масштабе, вопреки полувековому господству социалистической идеологии в Югославии маршала Тито. В 1970 году, когда умер Насер, а Хомейни выпустил свой труд «За исламское правительство», в Сараево из-под полы передавался из рук в руки текст под названием «Исламская декларация», некоторые тезисы которого перекликались с манифестом, опубликованным в 1965 году Сайидом Кутбом под названием «Вехи на пути». Его автор, Алия Изетбегович, был членом панисламистской ассоциации «Млади Мусульмане» («Молодые мусульмане»), испытавшей влияние египетских «Братьев-мусульман». Основанная в 1941 году, она была распущена титовскими властями в 1949 году. Впервые побывавший в тюрьме за свои убеждения в 1946 году, он вновь оказался в заключении весной 1983 года после судебного процесса над тринадцатью активистами, обвиненными в «исламском фундаментализме» в первые годы после иранской революции. Спустя 7 лет, в марте 1990 года, в момент начавшегося распада Югославии, он создал Партию демократического действия (ПДД), первоначальное название которой — Югославская мусульманская партия — не было признано властями. В ноябре ПДД собрала все голоса мусульман на выборах в коллегиальный президентский орган Югославской Республики Босния и Герцеговина. Соответственно, сербская и хорватская националистические партии одержали победы в своих округах.³³³ Изетбегович, бывший член ассоциации «Молодые мусульмане», стал первым демократически избранным президентом страны, в которой население (как в Сербии и в Хорватии) в основном не придерживалось строгих религиозных убеждений.³³⁴ Ему удалось заручиться поддержкой избирателей, сделав свою партию символом национальной идентичности, определявшейся конфессиональной принадлежностью, в атмосфере взрыва национализмов³³⁵ на всей территории распадавшейся Югославии.

Тем не менее совпадение между, с одной стороны, идеями панисламистского течения, давно созданного, но крайне мало популярного, и с другой — электоральным выбором населения, не очень симпатизировавшего этой идеологии — при всей своей растерянности в связи с распадом Югославии и войной, — не подтолкнуло руководителей ПДД ни к провозглашению исламского государства, ни к введению шариата, на что уповали боевики джихада, горевшие желанием превратить Сараево в новый Кабул. Не кто иной, как США и в

добавить несколько сотен «Стражей исламской революции» — в основном военных инструкторов, состоявших в боснийских вооруженных силах и остававшихся в стране до окончания конфликта.

³³³ Во всей Боснии ПДД получило 30,4 % голосов, сербская партия СДП — 25,2 % и хорватская ХДС — 15,5 %, обеспечив тем самым успех националистическим партиям; «гражданские» партии набрали лишь 28,9 % голосов.

³³⁴ Опросы 1990 г. показывают, что уровень набожности среди мусульман — один из самых низких среди всех югославских национальностей: только 34–36 % считают себя «религиозными» людьми, а 61 % молодых людей заявили, что ни разу не были в мечети. См.: Bougarel X. Discours d'un Ramadan de guerre civilis // L'Autre Europe. 1993. № 26–27.

³³⁵ Сербь и хорваты носят имена, которые не указывают на их конфессиональную принадлежность. Но фактически они различаются по принадлежности первых к православию, а вторых — к католицизму, что находит отражение в транскрипции их общего сербскохорватского языка (сербь используют кириллицу, хорваты — латиницу). В истории данное обстоятельство выражалось в тяготении сербов к Восточным Церквам (подпавшим под политическое господство мусульман), затем — к Греции и России, а хорватов — к Римской Церкви, затем — к Австро-Венгрии и Западной Европе.

меньшей степени Западная Европа, благодаря Дейтонским соглашениям, заключенным в ноябре и подписанным в декабре 1995 года в Париже, положили конец столкновениям. Ценой этого стало включение Боснии в европейскую сферу, что не позволило исламскому пространству определять дальнейшую судьбу страны и привело к уходу — вынужденному и принудительному — «добровольцев», прибывших в Боснию из Пешавара, Каира и Тегерана.

Провал исламизма в Боснии стал одним из первых признаков двух характерных для 90-х годов явлений. Первое из них — это постепенное расхождение в мировосприятии между радикальными исламистами и мусульманским населением, в глазах которых исламистская утопия теряла свою притягательную силу. Второй феномен — это выработка тем же населением модели демократического мусульманского общества, которая выходила за рамки исламистской модели и предлагала такую интерпретацию культурной традиции, которая позволяла мусульманам полноправно вписаться в современность, не теряя в ней своей самобытности, — и это на исходе войны с ее жестокостями, совершенными во имя закрытой и эксклюзивистской концепции идентичности.

Чтобы понять эти явления, необходимо вначале представить себе, каким образом происходило становление мусульманской идентичности в Боснии и Герцеговине с тех пор, как она была поставлена под сомнение военными победами Австро-Венгрии, оккупировавшей эту бывшую провинцию Османской империи в 1878 году, после Берлинского конгресса. В Боснии исламизированные славяне составляли господствующее меньшинство, в котором городская элита и землевладельцы сохраняли свою власть и статус благодаря связям со Стамбулом. Австро-венгерская оккупация лишила их этого преимущества. Вдобавок она растворила их в сообществе, в котором хорваты-католики, пользовавшиеся покровительством Вены до Первой мировой войны, а затем сербы-православные, правившие с 1918 по 1941 год независимым Югославским королевством, сохраняли политическое главенство. Эта ситуация напоминала положение индийских мусульман, которые после победы Англии над последним могольским султаном, сидевшим в Дели, оказались меньшинством в государстве, где шариат уже не мог практиковаться, и столкнулись, как мы это видели выше, с проблемой определения своей религиозной и политической идентичности. В отличие от Индии, где эмиграция (*хиджра*) в земли ислама была длительным и трудноосуществимым предприятием, мусульманские элиты Балкан, наиболее привязанные к Ближательной Порте, эмигрировали в Стамбул, где община боснийского происхождения была хорошо представлена при султанском серале. В данном случае мы не находим ничего общего с деобандским движением, которое стремилось сохранить в неприкосновенности свои религиозные обычаи в замкнутом общинном пространстве. Напротив, как и в Индии, боснийское общество сформировалось вокруг общин, разделенных по конфессиональному признаку, лидеры которых выступали от их имени в государстве Габсбургов. Когда оккупационной властью были организованы выборы (в 1910 году в Боснии и в 1911-м — в Индии), они прошли по одинаковой цензовой и конфессиональной модели: избиратели, в соответствии со своей религиозной принадлежностью, голосовали за представителей своей общины (мусульманской, сербской, хорватской или еврейской — в Боснии, индусской и мусульманской — в Индии). В период с 1918 по 1941 год в государстве, которое изначально называлось королевством сербов, хорватов и словенцев, мусульманское население оказалось перед угрозой утраты своей идентичности. Если эта община желала существовать на тех же правах, что и остальные общины, располагавшие территориями с более однородным населением, ей следовало преобразоваться в нацию. Населяя в основном зоны, где большинство составляли хорваты (на западе) и сербы (на востоке), мусульмане оказались зажаты между первыми и вторыми, считавшими их «исламизированными хорватами» или «исламизированными сербами». Между тем Босния и Герцеговина утратила территориальную автономию: в 1929 году она была разделена на четыре департамента (*бановины*). В этой обстановке, когда конфессиональной принадлежности становилось всё труднее превращаться в политическое сообщество, основанная в 1919 году мусульманская партия «Югословенска Муслиманска

Организация» (ЮМО, «Югославская мусульманская организация») пришла в упадок, в то время как другие формы конструирования идентичности получили развитие. Кроме Коммунистической партии, обретавшей влияние также среди сербов и хорватов, на арену вышло и панисламистское течение. Для него конфессиональная принадлежность должна была превратиться в мотив борьбы за возрождение Общины правоверных во всем ее величии и в планетарном масштабе. В самом деле, боснийские улемы в еще большей степени, чем их арабские коллеги, были шокированы упразднением османского халифата, провозглашенного Ататюрком в 1924 году, так как халифат составлял их главную опору: *реисульулема* («глава улемов»), осуществлявший верховную религиозную власть, назначался с религиозной санкции Стамбула. Набожное молодое поколение обратит свои взоры в сторону исламистских движений, зародившихся в Каире к концу 20-х годов, создав в 1936 году ассоциацию «Аль-Хидае» («Прямой путь»), а в марте 1941 года — ассоциацию «Молодые мусульмане».³³⁶ Вербуя сторонников в среде образованной молодежи, последняя превратит ислам в его салафитской и пуританской форме, как и египетские «Братья», в способ организации общества. Эта идеология будет противостоять коммунизму и фашистским течениям, которые получают хождение в той же среде.

После вторжения нацистов, произошедшего через месяц после создания «Молодых мусульман», некоторые из ее активистов вступили в дивизию СС «Ханджар» («Кинжал»), сформированную из боснийских мусульман муфтием Иерусалима Амином аль-Хусейни, «гостем Третьего рейха».³³⁷ Впоследствии партизанскому движению во главе с Тито, генеральным секретарем Компартии, удалось вовлечь в свои ряды немало мусульман, укрывая их от военных формирований усташей (пронацистских хорватов) и четников (сербов), которые устраивали резню на контролируемых ими территориях.³³⁸ После освобождения Югославии коммунистический режим распустил «Аль-Хидае», скомпрометировавшую себя сотрудничеством с оккупантами, а в 1949 году удар был нанесен и ассоциации «Молодых мусульман», четверо руководителей которой были приговорены к высшей мере.

---

³³⁶ См.: Bauganel X. Un courant panislamiste en Bosnie-Herzegovine // Exils et royales. P. 275–299.

³³⁷ Муфтий Иерусалима Амин аль-Хусейни, выступавший против создания еврейского национального очага в Палестине и против Великобритании, которая, приняв в 1917 г. Декларацию Бальфура, сделала возможным осуществление этого проекта, присоединился к гитлеровскому лагерю и был назначен ректором Исламского института в Берлине. В его задачу входило превращение ненависти к сионизму, распространенной в арабском мире, в поддержку нацистской политики.

³³⁸ В Югославии в годы Второй мировой войны параллельно с сопротивлением немецкой и итальянской оккупации шла гражданская война, главными протагонистами в которой выступали усташаи, четники и партизаны. Память об этих событиях сохранится вплоть до начала гражданской войны 90-х годов. Движение усташей, опираясь на созданное 10 апреля 1941 г. пронацистское «Хорватское государство» (включавшее в себя Боснию и Герцеговину) проводило политику истребления евреев, цыган и сербов. Мусульман, рассматриваемых как «хорватов мусульманского вероисповедания», усташаи не трогали. Движение четников (сербских националистов) в качестве возмездия будет также заниматься массовым истреблением хорватского и мусульманского населения. Наконец, партизаны, предводительствуемые Тито, сумеют привлечь в свои ряды, помимо сербов и хорватов, — коммунистов, немалое число мусульман, которых — в соответствии с советской моделью — будут рассматривать как этнос, требующий особого подхода. Воспоминания о жестокостях, совершенных в годы Второй мировой войны, вновь всплывут в коллективной памяти в связи с конфликтом 90-х годов: сербы вспомнят о массовых убийствах, совершенных усташами, и постараются протянуть от них нить к независимой Хорватии 1991 г. Мусульманам также припомнили их участие в сербских и еврейских погромах. В свою очередь, в хорватском и мусульманском лагерях заговорят об убийствах, совершенных четниками; к последним причисляли и участников сербских вооруженных формирований. Так как четники носили длинные бороды, составлявшие часть их имиджа, боснийские мусульмане тщательно брились — что вызвало трения между ними и бородатыми «джихадистами», прибывшими в Боснию в 1992 г. Об этих обычаях см.: Popovic A. Les musulmans de Bosnie-Herzegovine: mise en place d'une guerre civile // Actes de la recherche en sciences sociales. 1997. Mars. № 116–117. P. 91–104.

Как ни парадоксально, именно коммунистическая Югославия во главе с Тито заложила основы формирования мусульманской национальной идентичности, чем сумела воспользоваться ПДД. После пятнадцатилетних попыток официальной идеологии утвердить политический и культурный централизм, призванный сплотить всё население страны в единую югославскую коммунистическую общность, в 60-е годы наступила разрядка. В это десятилетие стал подчеркиваться федеративный характер государства и предоставлена, пусть ограниченная, возможность для дебатов, которые резко контрастировали с очень строгой цензурой, принятой в восточном блоке. В отличие от других республик в составе Югославской Федерации, которые соответствовали «нации» (сербской, хорватской, словенской, македонской и др.), в Боснии и Герцеговине отсутствовала «боснийская нация»: здесь проживали сербы, хорваты и «не определившиеся» — лишь в переписи 1961 года впервые появилось понятие «Мусульмане» (*sic!*), носившее этническую окраску. С 1968 года оно стало синонимом новой «национальности». «Мусульмане» (с прописной буквы) — это население, говорившее на сербохорватском языке и исповедовавшее ислам, в то время как «мусульмане» (со строчной буквы) — это все приверженцы ислама, независимо от их национальности (например, албанцы Косово). Это секуляризированное утверждение национальной идентичности, основанное на конфессиональной принадлежности, напоминало определение мусульман и евреев в период создания Пакистана в 1947 году и Израиля в 1949 году. Оно происходило в тот момент, когда «мусульманское» население Боснии стало самой крупной демографической группой в этой республике, а его элита проникла в политический аппарат и в сферу экономики Югославии; Тито стал выдвигать их на первые роли, чтобы проводить международную стратегию Югославии как лидера Движения неприсоединения, в котором участвовали многие мусульманские страны, такие как Египет и Индонезия.

Мусульмане являлись единственной нацией в Федеративной Югославии, не имевшей своей собственной территории. Секуляризация в их среде развивалась такими же быстрыми темпами, как и среди других национальностей, населявших страну. Единственной автономией, которой они обладали; была религия: политические, экономические и культурные институты в Республике Босния и Герцеговина были многонациональны; помимо мусульман в них были представлены и сербы и хорваты. «Исламская община» («Исламска Заедница») являла собой организационную структуру под управлением улемов и выполняла функции официально признанного властями религиозного института, в ведении которого находились мечети и медресе Сараево. Она прилагала все усилия, чтобы наполнить понятие «мусульманский» религиозным содержанием. Этот процесс во многом напоминал, но в уменьшенном масштабе, деятельность партий улемов и «Джамаат-и ислами» в первые десятилетия существования Пакистана. «Община» поощряла становление панисламистского движения, подвергшегося репрессиям в конце 40-х годов. «Исламская декларация», разработанная Алией Изетбеговичем в 1970 году как «программа исламизации Мусульман и мусульманских наций», свидетельствовала о том, что ее автор был восприимчив к новым идеям, посеянным в окружающем мусульманском мире исламистскими мыслителями.³³⁹

---

³³⁹ В «Исламской декларации» мы читаем: «Наша цель — исламизация мусульман. Наш девиз — верить и бороться». Данный документ — «синтез идей, которые все чаще и чаще слышны почти повсюду и которые имеют одинаковую ценность во всех уголках мусульманского мира» — претендует на то, чтобы быть программой «действий, направленных на их реализацию». Этот короткий текст состоял из трех частей. В первой части перечислялись причины «отставания мусульманских народов», приписываемого косности улемов (из-за нее «Коран утратил авторитетность Закона», а его заповеди «растворились в бормотании затверженного наизусть коранического текста»), а также извращенности «так называемых западных прогрессистов» и «модернистов», которые «повсюду в мусульманском мире являлись воплощением бед и несчастий». Символом «модернистов» выступал Ататюрк, реформы которого привели к тому, что Турция стала «третьестепенной страной». Единственный выход из сложившегося положения Изетбегович видел в «формировании и объединении интеллигенции, которая мыслит и чувствует по-исламски. Эта интеллигенция высоко поднимет знамя исламского порядка и вместе со своими единоверцами — мусульманами — приступит к реализации исламского переустройства общества». Предложенная программа вызывает в памяти отдельные пассажи из

Эти идеи притягивали студентов и учащихся медресе, в основном выходцев из сельской местности. Они не принадлежали к обеспеченным семьям элитных слоев «Мусульман» Сараево, снимавшим сливки с политики модернизации, проводившейся режимом. Таким образом в начале 70-х годов возникало поколение исламистской интеллигенции. У нее было много общего с интеллигенцией других мусульманских стран: те же ссылки на мыслителей, вышедших из рядов «Братьев-мусульман», то же социальное происхождение из недавно урбанизированной среды на фоне демографического взрыва в «мусульманском» населении Боснии. Однако, помимо исламистской интеллигенции, не было иных социальных групп, которые могли бы на базе общих идей сформировать движение, подобное тому, что было создано в Египте, Пакистане и Малайзии. В социалистической Боснийской Республике отсутствовали набожная буржуазия и бедная городская молодежь. В 1970–1990-е годы боснийские исламисты оставались интеллектуальным течением, представители которого были связаны прежними отношениями и превратностями судьбы, но не составляли социального движения. Главным испытанием для него явился процесс над тринадцатью исламистами, начатый весной 1983 года — в период, когда победа иранской революции (февраль 1979 года) породила чувство тревоги, а смерть Тито (май 1980 года) лишила югославскую систему опоры, открыв путь к соперничеству национализмов, которое взорвет страну. Этот политический процесс, в результате которого Алия Изетбегович и его сотоварищи по несчастью были приговорены к длительным срокам тюремного заключения по обвинению в «фундаментализме», ослабил течение, тормозя распространение его идеалов за пределы студенческой среды. Однако он придаст движению неоспоримую легитимность, когда в конце десятилетия на арену выйдут новые элиты, способные служить воплощением «мусульманского» национализма в обстановке общего разброда, а затем и в драматические годы войны.

Создание ПДД в марте 1990 года стало делом рук бывших фигурантов судебного процесса 1983 года, вокруг которых объединились молодые имамы, исламистская интеллигенция, получившая светское образование, отдельные коммерсанты и журналисты. Несмотря на то, что партия выражала интересы узкого круга интеллигенции и не имела опоры в массах, ей удалось укрепить свои позиции в том организационном вакууме и

«Вех на пути» Сайида Кутба. Вторая часть «Исламской декларации» была посвящена «исламскому порядку». Последний подразумевал одновременное существование «исламского сообщества» и «исламского порядка», поскольку каждое «истинно исламское движение» является «в то же время движением политическим». Остальная часть текста была довольно расплывчата и неопределенна: в ней отсутствовали предложения о том, как можно установить такой исламский порядок, не было четкой привязки к положению мусульман в Югославии. «Исламское обновление не может начаться без религиозной революции, но оно не может успешно продолжаться и воплощаться в жизнь без революции политической. Наш путь начинается не с захвата власти, а с завоевания людей», — отмечал автор. Тем не менее его партия — ПДД — придет к власти после победы на выборах, так и не совершив предварительно «религиозной революции» в Боснии. Третья часть «Исламской декларации» — «Проблемы исламского порядка сегодня» — ставила вопрос о переходе от религиозной мобилизации к политической борьбе. Партийные активисты призывались быть «в первую очередь проповедниками и только потом — солдатами». «Исламское движение должно и может взять власть, как только в количественном отношении оно окрепнет до такой степени, что будет не только в состоянии свергнуть правящий режим, но и приступить к формированию новой исламской власти», чтобы на практике реализовать «исламскую революцию», а не «исламский государственный переворот». Текст Декларации заканчивался критической ссылкой на пример Пакистана, который был со дан в 1948 г. как «исламская республика» и «великая надежда», но который разочаровал автора неспособностью установить «исламский порядок». (В 1970 г. Пакистан, в котором в 1958–1969 гг. правил модернизатор-автократ генерал Аюб-Хан, а после него — генерал Яхья Хан, завершил самый «светский» период в своей истории. Государство было терзаемо сепаратистской оппозицией Бенгалии, отделившейся в 1971 г. от Пакистана.) Декларация предлагала панисламистское видение мира, создание мирового политического союза мусульман по примеру Европейского Экономического Сообщества. Острием «исламского движения» являлось, по мнению автора, «возмужавшее за последние годы новое исламское поколение», «родившееся в исламской колыбели, выросшее в унижении и горечи поражений, объединившееся в патриотическом порыве». Использованный здесь перевод на французский язык «Исламской декларации» взят из: Dialog/ Dijalog. 1992. Сентябрь. № 2–3. Приложение «Югославское досье: ключевые тексты». С. 35–54.

политической неразберихе, которые царили в обществе, с катастрофической быстротой утрачивавшем наработанный с 1945 года идеологический багаж. Партия выступала в роли полномочного представителя «Мусульман», которые пытались извлечь выгоду из стычек между сербами и хорватами, решившими провозгласить свои независимые государства и соблазненными идеей раздела боснийской территории. За 8 месяцев, отделивших создание партии от избрания Изетбеговича президентом Боснийской республики, ПДД превратилась в массовую партию при поддержке видных функционеров, связанных с Лигой коммунистов. Самым видным из них стал Фикрет Абдич, директор комбината «Агрокомерц», замешанный в громком финансовом скандале 1987 года и не имевший никакого отношения к исламистскому движению. На ноябрьских выборах 1990 года партия получила множество голосов в сельских районах и маленьких городках. В Сараево население отдало предпочтение программам «гражданских» партий, враждебных национализму, будь то мусульманский, сербский или хорватский. Однако в итоге победу одержали три националистические партии — ПДД, Сербская демократическая партия (СДП) и Хорватский демократический союз (ХДС). К власти пришла временная коалиция трех партий, в которой две последние, СДП и ХДС, тяготели, соответственно, к Сербии и Хорватии.³⁴⁰

В апреле 1992 года, спустя месяц после провозглашения независимости, за которую не проголосовали депутаты-сербы, и на следующий день после признания новоиспеченного государства Европейским Сообществом, в Боснии вспыхнула война. С «мусульманской» точки зрения ситуация выглядела довольно сложной. Мусульмане, деревни которых подвергались атакам сербских ополченцев, называли себя так, имея в виду свою национальность: религиозная практика среди них была распространена мало. Тем не менее ПДД, представлявшая их интересы и за которую они проголосовали на выборах, возникла на базе именно религиозного течения, главным идеологом которого был Изетбегович. Однако со времени выхода в свет в 1970 году его «Исламской декларации» взгляды лидера ПДД претерпели определенную эволюцию. Его книга «Ислам между Востоком и Западом», вышедшая в свет в 1988 году, как и последующие статьи и брошюры, отличалась значительно меньшим радикализмом, чем его юношеские опусы. Стремление к исламскому государству уступало в них место требованию демократии — теме, более способной привлечь симпатии секуляризированных городских средних слоев. Последние составляли основную часть кадров и интеллектуалов Сараево и настороженно относились к партии, происхождение которой оставалось подозрительным в их глазах. И по мере эскалации военного конфликта ПДД будет всё больше нуждаться в этих социокультурных слоях, в их технических, организационных и военных способностях. В первую очередь с ними захотят контактировать западные правительства и интеллектуалы — ценный ресурс с точки зрения культивирования имиджа Сараево как «культурной столицы Европы», подчеркивания его открытости и терпимости по контрасту с варварством сербского ополчения, проводившего этнические чистки. Так, в октябре 1993 года «гражданские» партии приняли участие во власти, а Харис Силайджич был назначен премьер-министром. После своего ухода из правительства в январе 1996-го он станет одной из главных фигур в стане «мусульманских демократов», выступавших с критикой «государственной» ПДД.

Война явилась испытанием для определения мусульманской идентичности в Боснии, которую пришлось искать между исламистскими концепциями части правящих элит и секуляризированной версией, близкой большинству общества. Те, кто осуществлял этническую чистку с ее зверствами, не задавались вопросом, были ли их жертвы людьми религиозными или светскими.³⁴¹ Эти преследования способствовали (особенно у некоторых

---

³⁴⁰ Независимость Хорватии была провозглашена в июне 1991 г., тогда как сербские районы Боснии объявили о своей автономии лишь осенью того же года.

³⁴¹ Ощущение сходства между «этнической чисткой» и «окончательным решением» было причиной выступления многих еврейских интеллектуалов Западной Европы и США на стороне боснийских мусульман —

вынужденных переселенцев, потерявших всё) появлению обостренного религиозного самосознания в духе воинствующего исламизма: оно выразилось в создании в рядах боснийской армии нескольких «исламских бригад», состоявших из этих перемещенных лиц, где строго соблюдались исламские запреты и предписания. Это явление не получило широкого распространения, несмотря на поддержку со стороны некоторых руководителей ПДД, различных иностранных исламских благотворительных организаций и «джихадистов», прошедших подготовку в лагерях Пешавара.

На «исламскую солидарность» с Боснией были потрачены целые реки чернил, использованы многие тонны писчей бумаги, она стала поводом для многих деклараций. Однако это движение оказалось в ситуации, в которой получение конкретной помощи было затруднено наличием международных «ограничителей», гораздо более сложных, чем это было в случае солидарности с Палестиной или Афганистаном.³⁴² Кроме Ирана, государства и организации, желавшие продемонстрировать ее, не имели прочных связей в боснийском обществе, европейский характер которого был для подобной операции обстоятельством новым и неудобным.

Организация Исламской конференции — подходящий для этой инициативы форум, находившийся под доминирующим саудовским влиянием, — оказалась под тройным нажимом: иранского активизма, радикальных исламистских оппозиционных движений и «салафитов-джихадистов» с их неконтролируемыми инициативами, видевыми в Боснии новый фронт священной войны.

У Ирана были давние связи с основателями ПДД: трое из участников процесса 1983 года были арестованы югославскими властями сразу же по возвращении с одного из конгрессов по объединению шиитов и суннитов, которые Хомейни ежегодно собирал в Тегеране в пику Ираку и Саддаму Хусейну. А иранская революция с ее современным и иконоборческим духом была более привлекательной для европейского исламистского истеблишмента ПДД, нежели ваххабитский консерватизм с его средневековым душком, с его догматизмом и всеми его «косными» аспектами, которые осуждала «Исламская декларация» 1970 года. В 1992 году Тегеран проявил особую активность на двух чрезвычайных конференциях ОИК по Боснии — в Стамбуле (июнь) и Джидде (декабрь). Вторая конференция, в которой участвовал Изетбегович, пыталась добиться снятия эмбарго, наложенного Советом Безопасности ООН на поставки оружия для Боснии,³⁴³ ссылаясь на то, что сербы располагали арсеналами бывшей югославской армии. Тем не менее она завершилась принятием резолюций, которые, выразив солидарность с Сараево, не вступили в противоречие с резолюциями ООН по данному вопросу. Не было никакой возможности перед самыми радарам НАТО вооружать боснийцев так же, как это было с афганцами. Впрочем, с весны 1992 года Иран обошел эмбарго: оружие пошло через Турцию и аэропорт Загреба и попадало в боснийскую зону после того, как треть груза забирали себе хорватские войска.³⁴⁴ На первых порах такая цепочка пользовалась «benign neglect» («доброжелательного невнимания») американской администрации, видевшей в этом один из

несмотря на усилия сербской (и в меньшей степени хорватской) пропаганды, изображавшей их как фанатиков, готовых превратить Боснию в плацдарм джихада и экспорта терроризма в Европу.

³⁴² Более того, в некоторых случаях втягивание мусульманских государств в конфликт наносило вред давним связям с Югославией (установленным еще при Тито) в Движении неприсоединения, а также в дружественных Белграду кругах Индонезии, Ливии и Ирака. Точно так же солидарность с афганским джихадом столкнулась в 1979 г. с неодобрением арабских друзей Советского Союза.

³⁴³ Резолюция Совета Безопасности ООН от 25 сентября 1991 г.

³⁴⁴ См.: Hunter T. The Embargo that Wasn't: Iran's Arms Shipments into Bosnia //Jane's Intelligence Review. 1997. № 12.

способов нарушить баланс сил в бывшей Югославии в пользу хорватско-мусульманской федерации. Хотя афера вскрылась после публичной конфискации в апреле 1994 года в Загребском аэропорту нескольких тонн оружия, доставленного иранским самолетом (что дало повод американскому конгрессу начать расследование),³⁴⁵ поставки не прекращались вплоть до заключения Дейтонских соглашений в декабре 1995 года. В соответствии с этими соглашениями и под сильным нажимом американцев иранские военные советники и инструкторы (по сведениям наиболее достоверных источников, их было несколько сотен) из корпуса «Стражей революции» (*пасдаранов*) были вынуждены покинуть страну. Параллельно с оказанием военной помощи Исламская Республика развернула на территории Боснии свою идеологическую работу, действуя через некоторых руководителей ПДД и пользуясь благотворительной деятельностью — через иранское Общество Красного Полумесяца. В отличие от ваххабитских организаций иранские действовали более эффективно, умело сочетая гуманитарную помощь с исламской солидарностью. Опросы общественного мнения, проведенные по окончании конфликта, показали, что 86 % боснийских мусульман были «дружественно расположены» к Ирану.³⁴⁶ Успехи иранской стратегии обеспокоили не только американскую администрацию, приложившую все усилия, чтобы свести на нет достигнутые Тегераном результаты:³⁴⁷ они также встревожили и конкурентов Ирана в международном исламском пространстве.

На фоне относительной инертности ОИК и руководителей суннитских государств исламистская оппозиция в этих странах сделала поддержку боснийцев своим троянским конем, с помощью которого она могла оспаривать религиозную легитимность режимов, обвинявшихся ею в пассивности. Так, в Египте «Братья-мусульмане» с 1992 года призывали к джихаду против сербов, такому же, как в Афганистане. Перед властью и всеми теми, кто связывал вернувшихся в страну «арабских афганцев» с терроризмом, охватившим в то время долину Нила, встала первостепенная задача — избежать нового, неконтролируемого ажиотажа вокруг этой темы. Отныне государство стремилось взять под контроль солидарность с Боснией, придав ей характер чисто гуманитарной и медицинской помощи и подавив всякие попытки начать вооруженный джихад.³⁴⁸

В Саудовской Аравии, где возникшее после войны в Заливе оппозиционное движение поставило под сомнение религиозную легитимность правящей династии, где боялись инициатив Усамы бен Ладена, так же как и конкуренции Ирана, власти и близкие им религиозные круги высказались в поддержку оказания Боснии военной помощи, то есть по сути вооруженного джихада. Однако монархия и духовенство опасались его перехода под контроль враждебно настроенных Эр-Рияду групп, как это только что произошло в Афганистане. Таким образом, помимо дипломатических инициатив, впрочем безуспешных, на первый план выдвигалась материальная и гуманитарная помощь. Джихад предпочитали вести более пером, нежели копьем. Помощь шла через специализированный филиал Всемирной исламской лиги и специальный фонд, управлявшийся губернатором Эр-Рияда

---

³⁴⁵ Республиканская оппозиция опасалась, что благодаря каналам поставки оружия Иран сумеет создать свои ячейки и агентурную сеть в самом сердце Европы. Об этом см.: Bagherzadeh A.R Une interpretation paradigmaticque de l'ingerence iranienne en Bosnie-Herzegovine. Memoire de DEA, IEP de Paris, 1999; La presentation des debats et leur analyse. P. 11–14.

³⁴⁶ Time. 1996. 30 September.

³⁴⁷ В результате последовательного американского давления в рамках Дейтонских соглашений оказание помощи Боснии по программе «Train and Equip» («Обучение и снаряжение») ставилось в зависимость от отъезда иранских военных советников. Заместитель министра обороны Боснии Хасан Ченджич, считавшийся креатурой Тегерана, был вынужден подать в отставку.

³⁴⁸ См.: Faragl. Ces musulmans d'ailleurs: La Bosnie vue d'Egypte // Maghreb-Machrek. 1996. Janvier. P. 41–50.

принцем Салманом, который уже руководил подобным фондом, созданным для Афганистана. Начиная с 1992 года саудовская помощь Боснии составила около 150 млн долларов³⁴⁹ государственных и частных пожертвований. В оказании благотворительной помощи Боснии помимо исламских гуманитарных организаций Аравийского полуострова и Малайзии впервые приняли участие ассоциации, занимавшиеся сбором средств среди мусульманского населения стран Западной Европы (прежде всего в Великобритании, где этому способствовало обаяние Юсефа Ислама — принявшего ислам бывшего поп-певца Кэта Стивенса, который возглавлял одну из самых активных благотворительных организаций — «Muslim Aid»). В европейских исламистских кругах дело боснийских мусульман позволяло развернуть движение солидарности, которое лишало монополии на оказание гуманитарной помощи западные христианские и светские организации, деятельность которых изображалась как вдохновенная миссионерскими целями. Это был также прекрасный предлог для выступления на моральном поприще, ставшем в 80-е годы важным политическим фактором в международных отношениях, — объединить мусульман Европы как таковых, способствовать их общинной сплоченности. Исламская специфика этой гуманитарной инициативы помогала избежать «растворения» их вклада в деятельности благотворительных ассоциаций универсальной направленности. Общая европейская идентичность боснийских мусульман и выходцев из Пакистана, магрибинцев и турок в Англии, Франции и Германии (при всех различиях между коренными жителями и теми, что перешли в ислам) являлась мощным стимулом, который эти ассоциации ставили на первое место. Жестокости, пережитые боснийцами — «коренными» европейцами, голубоглазыми блондинами, говорившими на том же языке, что и их палачи, и в большинстве своем сугубо светскими в поведении людьми, — свидетельствовали, по мнению некоторых активистов, о бесполезности всякой попытки ассимиляции мусульман-иммигрантов господствующей культурой западноевропейских обществ. В Боснии это не спасло мусульман: наоборот, спасение состояло в укреплении религиозных уз и усилении общины.

Некоторые исламские гуманитарные организации Боснии, объединившиеся в Координационный комитет (подобный Исламскому координационному совету, созданному в Пешаваре в 1985 году) под эгидой Саудовской Аравии, проводили в жизнь концепцию благотворительности, сочетаемой с *даава* — распространением веры. Она порождала многочисленные споры, поскольку предоставление помощи иногда увязывалось с выполнением теми, кому она адресовывалась, религиозных предписаний, трактованных в самом ригористическом духе. Ходили слухи, что женщины, не носившие платка, не получали помощи, что те, кто не посещал мечеть, тоже не получали права на поддержку, и т. д. В условиях войны было невозможно точно зафиксировать подобных фактов, но именно такую репутацию снискали себе эти ассоциации.

Более радикальную форму распространения непримиримых концепций ислама применяли «салафиты-джихадисты», которые приехали в Боснию, чтобы вести здесь вооруженный джихад вопреки противодействию своих правительств. Насчитывая, по некоторым оценкам, около 2 тысяч боевиков (многие из которых были саудовцами и прочими выходцами из стран Аравийского полуострова), они прибыли в Боснию после вступления моджахедов в Кабул в апреле 1992 года. В то время как египтяне и алжирцы начали возвращаться в свои страны (где впоследствии многие из них примут участие в боевых операциях «Гамаа исламийя» и ВИГ), те, кто отправлялся в Боснию, практически не имели понятия о том, что такое европейская мусульманская страна, которую они рассматривали как новую часть исламской уммы, где можно было вести себя так же, как в Афганистане.

Одним из главных руководителей моджахедов в Боснии была сильная личность, «командир» Абу Абдель Азиз по прозвищу Барбарос (Рыжая Борода). Он получил его за

---

³⁴⁹ См.: Be Mon-Jmrdan J., Kramer M. The Global Village of Islam // MECS. 1992. P. 220.

свою длинную бороду, которую так же, как и тщательно уложенные волосы, красил хной по обычаю, приписываемому Пророку.³⁵⁰ Ветеран Афганистана, в который он приехал в 1984 году по призыву Абдаллаха Аззама, он искал новое место для продолжения джихада после падения Кабула в 1992 году, колеблясь в выборе между Филиппинами и Кашмиром. «Прошло всего пятнадцать дней, и началась война в Боснии. Это подтверждают слова Пророка, да пребудет с ним мир и благодать: «Несомненно, джихад будет продолжаться до Судного дня». В Боснии начинался новый джихад, мы отправились туда и будем участвовать в нем, если на то будет воля Аллаха».³⁵¹ Отправившись на своеобразную разведку с четверьмя «афганцами», он охарактеризовал конфликт как джихад, после чего обратился за фетвами к трем салафитским улемам, которые ранее благословили Абдаллаха Аззама на войну в Афганистане.³⁵² Добровольцы, прибывавшие тогда в Боснию и превратившие город Зеница, куда можно было легко попасть из Хорватии, в место сбора, воевали либо самостоятельно, либо в составе 7-й («исламской») бригады боснийской армии, созданной в сентябре 1992 года. Идеологические конфликты с бойцами из числа коренных боснийцев заставили их объединиться в полк «Эль Муджахидун», специально созданный для них в августе 1993 года. В этой структуре Барбарос выполнял функции командира. Привыкшие воевать, «джихадисты», прибывшие с тяжелым вооружением, ввязались в жестокие бои с сербскими формированиями³⁵³ и, если верить их пропагандистским листкам, одерживали решающие победы, спасая ислам от уничтожения. Они ничуть не уступали противнику в жестокости: фотографии арабских боевиков, с улыбкой потрясающих только что

---

³⁵⁰ О догматических дебатах в отношении ношения бороды, ее цвета — во время джихада, — длины и т. д. см.: Benkheira М. Н. *L'amour de la Loi: Essai sur la normativité en islam*. P.: PUF, 1997. P. 80–104.

³⁵¹ Детали биографии и высказывания Барбароса взяты из его интервью, которое он дал в августе 1994 г. журналу «Ас-Сират аль-мустахим» («Правильный путь»), № 33. Английский перевод приводится на сайте Мусульманской студенческой ассоциации Северной Америки: <http://msanews.mynet.net//MSANEWS/199605/1996059.0.html>. В журнале опубликована фотография командира с его знаменитой бородой и одетым в военную форму. Этот персонаж был «открыт» журналом «Time», которому он дал более лаконичное интервью в сентябре 1992 г. Интервью, на которое мы ссылаемся, адресовано публике, поддерживавшей джихад.

³⁵² Речь идет о Насир ад-Дине аль-Альбани (призывавшем к осторожности ввиду неравенства сил) и двух салафитских шейхах, близких саудовскому режиму — Абдель Азизе бен Базе (станет верховным муфтием королевства) и Мухаммаде бен Утаймине.

³⁵³ На сайте «Azzam Brigades» опубликованы жития «мучеников», погибших в Боснии, а также рассказы о боях, позволяющие составить представление о других боевиках. Почти все они носят — как это было в Афганистане, Алжире и Египте — военные псевдонимы в виде имен, популярных в эпоху Пророка (Абу [букв.: «отец»] Омар, Абу Сейф и пр., за которыми следует указание на национальную принадлежность или район происхождения: Абу Халид аль-Катари [Катар], Абу Хамам ан-Наджи [Нежд, район в Центральной Аравии]). Из 10 «мучеников» пятеро — саудовцы, двое — йеменцы, один — катарец, один — кувейт (таким образом 9 из 10 погибших — выходцы с Аравийского полуострова) и один — египтянин. На том же сайте описано сражение под Тишином (Северная Босния), в котором 25 арабских «джихадистов» разбили-де в декабре 1992 г. сербский отряд численностью в 200 человек. Этот рассказ, воспевающий героев и призванный подкрепить дух сторонников джихада, помимо всего прочего дает представление о масштабах участия саудовцев в боях в Боснии. Эти люди (все — ветераны Афганистана) в большинстве своем были уроженцами Мекки. Данные житийные повествования — достоверность содержания которых мы не можем проверить — интересны прежде всего тем, что помогают нам увидеть тот имидж, который «джихадисты» хотели сформировать в глазах англоязычных исламистов — пользователей Интернета. Так, до присоединения к джихаду по религиозным убеждениям все 10 «мучеников» сделали удачную профессиональную или социальную карьеры: кувейт и катарец были в прошлом чемпионами по одному из видов спорта, египтянин и саудовец — профессиональными военными, а один из йеменцев (уроженец Южного Йемена), в прошлом коммунист, прошел на Кубе прекрасную подготовку в танковом учебном подразделении. Другой саудовец был очень богат и купался в роскоши. Все они отказались от обеспеченной жизни в этом мире во имя священной борьбы, на службу которой поставили свой талант, знания и умения. См.: <http://www.azzam.com>.

отрубленными головами «сербских христиан» или давящих их каблуками своих сапог,³⁵⁴ произвели такой эффект, что командование вынуждено было взять под контроль тех, чье чрезмерное рвение компрометировало боснийскую армию.

Помимо военной деятельности они использовали «свободное время» для пропаганды среди боснийских мусульман салафитской концепции; они взялись за «очищение» местного ислама:³⁵⁵ срывали церемонии братств, истолковывавшиеся как «отклонение от ислама», пытались заставить женщин носить черные платки, а мужчин — бороды, громили кафе и т. п., перенося таким образом афганский опыт на Балканы, преимущественно в район Зеницы. Эта практика, иногда сопровождавшаяся «шариатскими» свадьбами (без гражданской регистрации) с молодыми боснийками, порождала неблагоприятные для «джихадистов» слухи и негативную реакцию, рупором которой были газеты «гражданских партий», некоторые интеллектуалы из числа мусульманских демократов и даже панисламистские идеологи ПДД.³⁵⁶ Бригада «Эль Муджахидун», которой президент Изетбегович публично выразил признание 10 декабря 1995 года, взяла на себя обязательство не противиться Дейтонским соглашениям, подписанным через несколько дней в Париже, согласно которым «иностранных добровольцев» просили покинуть территорию Боснии и Герцеговины³⁵⁷ в обмен на прибытие американских военных для поддержания мира. Для многих из «салафитов-джихадистов» это стало горьким испытанием: война, которую они хотели превратить в джихад, завершилась в духе *rah americana*, или, как они оценивали ситуацию, «неверные» солдаты оккупировали территорию общины правоверных. Это явилось для них печальным отзвуком событий пятилетней давности, когда армии коалиции вступили на саудовскую землю. Босния была спасена от сербского разбоя, но ценой ее интеграции в европейское пространство, ее «озападнивания» — чего не случилось с Афганистаном. Воинственные и ригористические концепции ислама, апологетами которых были моджахеды, нашли отклик лишь в мелких молодежных экстремистских организациях,³⁵⁸ и сегодня от них остались лишь несколько натурализованных арабов,

---

³⁵⁴ Такого рода фотографии опубликованы на сайте «MSANEWS».

³⁵⁵ Барбарос заявлял по этому поводу: «Что касается боснийцев — то это не мое мнение, а лишь то, что говорят сами наши братья-мусульмане: они считают, что это не кризис (азма), но благодать Божия (рахма). Без этого мы никогда бы не poznали Аллаха, да прославится имя Его. Мы никогда бы не открыли дороги в мечеть. Наши мужчины, наши женщины, наши дети были морально распущены, и по их внешнему облику нельзя было отличить мусульманина от христианина. Мусульманские женщины были одеты, но в действительности ходили обнаженными (арият). Но теперь, слава Богу (аль-хамду лиллах), наши мечети переполнены. Наши женщины носят полный хиджаб. Это значит, они прикрыты полностью, включая лицо. Они преисполнены гордости, когда ходят в покрывалах по магазинам или по рынкам. Теперь полный хиджаб стал повседневной нормой. И это, аль-хамду лиллах, — результат даава (распространения веры), которым наши молодые люди, моджахеды-фрилансеры [т. е. те, кто не являются военнослужащими боснийской армии], занимаются в свободное время» (MSANEWS).

³⁵⁶ См.: Bougarel X. *Islam et politique...* P. 357–359. В диссертации приводится перевод на французский язык нескольких ироничных текстов об исламе «арабских братьев» и их неуклюжих попытках насадить его в Боснии.

³⁵⁷ Отъезд арабских «джихадистов» проходил не без проблем: они опасались, что будут уничтожены, когда покинут боснийскую территорию, чтобы направиться в аэропорт Загреба. В марте более 300 из них вылетели из Сараево в Стамбул, где после теплого приема, устроенного им турецкой исламистской партией «Рефах», лучшие из них были «отобраны» турецкой спецслужбой МИТ. 100 человек отправились в тренировочный лагерь на территории Северного Кипра (находящегося под турецким протекторатом); 200 «джихадистов» вернулись в Джалалабад, в лагерь, контролировавшийся Хекматьаром, ожидая возможной переброски в Чечню; некоторые уехали в Албанию — еще один потенциальный фронт джихада, который, однако, не открылся. См.: MSANEWS.

³⁵⁸ В основном они были представлены Организацией активной мусульманской молодежи, базировавшейся в Зенице и возглавлявшейся А. Пезо, бывшим инвалидом войны. В июне 1998 г. мы имели возможность констатировать, что его ежемесячный журнал «Сафф» (арабский термин, обозначающий ряд верующих на

женившихся в Боснии и осевших в «исламской коммуне» в глухой деревеньке на севере страны, что напоминало опыт секты «Дарул Аркам» в Малайзии и Шукри Мустафы в Египте.

Провал радикального исламизма в Боснии — следствие не только просчетов гуманитарных организаций, смешавших в кучу и благотворительность, и *даава*, не только ригоризма «салафитов-джихадистов», спутавших Зеницу и Джалалабад, или махинаций Запада, с разоблачением которых не преминули выступить последние. В первую очередь этот провал объясняется возникновением в гражданском обществе стремления к введению религии в демократические рамки. Во многих аспектах эта тенденция схожа с логикой «постисламизма», которая просматривается с середины 90-х годов в других мусульманских странах, в том числе и в Иране, как мы это увидим ниже.

На выборах, состоявшихся в сентябре 1996 года, когда война была уже закончена, СДА закрепила свой успех, одержанный в 1990 году. Таким образом, она смогла извлечь максимум выгоды из моральной победы над сербской агрессией и международного авторитета, обретенного А. Изетбеговичем. Соперница ПДД, Партия за Боснию и Герцеговину, основанная бывшим премьер-министром Силайджичем, несмотря на то что она играла главную роль в восстановлении государства с осени 1993 года, получила лишь небольшой процент голосов. Правившая партия критиковалась в основном за захват всех рычагов государственной власти: по мнению ее противников, ПДД воспроизвела модель функционирования Коммунистической партии Тито, многие кадры которой оказались в ПДД, привнеся в нее свои старые привычки (сараевские юмористы даже прозвали их «арбузами», зелеными снаружи и красными внутри). Активистам ПДД ставили в упрек также использование ислама в качестве обоснования ее легитимности, смешение понятий «Мусульмане» и «мусульмане», то есть национальной идентичности и религиозной принадлежности. Однако сама эта монополизация религии, хотя и была чревата уклоном в популизм или единомыслие, способствовала предотвращению радикализации идеологии и практики партии. Она могла править, лишь объединив светские средние классы города, бывшие коммунистические кадры, не склонные к религиозности, и сельскую Боснию, где еще сохранялось почитание суфийских братств, столь ужасавшее арабских джихадистов. Каждый год в июне высокопоставленные чиновники ПДД председательствовали на праздновании *Айватовицы* — древнего ритуала паломничества, исламизированного братствами, который, будучи далеким от правоверия в его салафитском и исламистском понимании, символизировал самобытность мусульманской Боснии и свойственный ей плюрализм. В партийных журналах можно было встретить тексты, призывавшие к реисламизации государства и настаивавшие на исламских моральных нормах в духе «Исламской декларации» 1970 года. Но сам президент, не отказываясь от прошлых убеждений, не переставал делать публичные заявления, выдержанные в духе политического реализма. Он сознавал, что создание исламского государства или любая попытка введения шариата натолкнулись бы на сопротивление масс избирателей и тем самым подорвали бы власть ПДД. Хотя круг основателей партии сохранял исламистские убеждения, контролируя ключевые сферы государства и идеологии, скорее общество изменило облик партии, нежели ей удалось изменить его в сторону исламизации. Далее мы увидим, что во многом аналогичный процесс произошел и в турецкой исламистской партии, вхождение которой во власть — сначала муниципальную, затем общенациональную — заставило ее частично отказаться от своей первоначальной доктрины и превратило ее в инструмент реализации политических амбиций религиозных средних слоев. В Боснии партийные догматики выставили себя на посмешище, развернув кампанию против Деда Мороза как неисламского

молитве), весьма хорошо изданный, продавался в киосках возле главных мечетей страны. В Мостаре, где Салех Джолакович, улем, которого хорошо принимали на Аравийском полуострове, создал независимый исламский центр «Исламска Заедница», Организация активной мусульманской молодежи организовала митинг, плакаты с призывом на который были расклеены по всей мусульманской части города.

символа. Энее Карич, мусульманский интеллектуал, выпускник сараевского медресе, переводчик Корана, одно время занимавший пост министра культуры и ныне близкий к Х. Силайджичу, следующим образом описывал состояние плюралистического и демократического боснийского мусульманского общества, в котором никто не мог в политических целях провозглашать себя истинным мусульманином, отказывая в этом остальным: «Босния находится на европейской земле, и очень важно, что боснийские мусульмане с давних пор и до сегодняшнего дня принимают принцип практики и исповедания ислама в гражданском обществе и гражданском государстве». Карич считал, что эта религия должна была иметь возможность развиваться без «всякого диктата относительно того, каким должен быть «правильный ислам»», который «никогда не станет ни чьей-либо собственностью, ни инструментом в руках политиканов, использующих его в своих эгоистических или мирских целях». ³⁵⁹ При всем идеалистическом оттенке этих высказываний можно констатировать, что росток исламизма, который, казалось в 1992 году, будет подпитываться международной динамикой, через три года завял, не принеся плодов, отторгнутый боснийским обществом. В 1995 году большой сезон джихада закончился повсюду. Его неудача в Боснии станет лишь прелюдией к алжирскому и египетскому фиаско, которое случится двумя годами позднее.

Глава 5

Вторая Алжирская война: логика резни

В тот год, когда разразился конфликт в Боснии, в Алжире началась новая гражданская война, в которой исламисты сыграли основную роль. В 1992–1997 годах страну терзали чудовищные по жестокости и дикости столкновения, жертвами которых стали более 100 тысяч человек. Война началась после государственного переворота в январе 1992 года, прервавшего парламентские выборы, которые должны были принести победу Исламскому фронту спасения. Наряду с боями между алжирской армией и исламистами, окопавшимися в народных кварталах или ушедшими в партизаны, война ускорила процесс размежевания внутри движения, начатого ИФС. В нем всё более явно расходились позиции набожной буржуазии и неимущей городской молодежи. Буржуазия, шедшая в основном за руководством распущенного ИФС, отдала свои симпатии его «вооруженному крылу», Исламской армии спасения (ИАС), затем — «умеренным» исламистским партиям, в частности партии «Хамас», основанной Махфудом Нахнахом. С 1995 года, по мере военных успехов, режим пытался перетянуть на свою сторону эту набожную буржуазию, заинтересовывая ее приватизацией и переходом к рыночной экономике. Что касается неимущей городской молодежи, то в массе своей она поддерживала разрозненные боевые группы, которые стали известны под названием Вооруженной исламской группы (ВИГ). Признававшая лишь тотальную войну против власти, враждебная любой идее перемирия или компромисса, ВИГ создала вокруг ядра бывших членов Вооруженного исламского движения, которым в 1982–1987 годах руководил Мустафа Буяли, и бывших «афганских арабов»-алжирцев исключительно воинственное «салафитско-джихадистское» движение. В 1994 году оно потеснило группы, верные ИФС, и привлекло в свои ряды многочисленных «хиттистов», а также интеллектуалов, ушедших в подполье. Возглавляемая сменяющимися друг друга «эмирами», каждому из которых было не более тридцати лет и которые выросли с оружием в руках, ВИГ в конце концов лишилась народной поддержки. В 1995 году она перенесла терроризм во Францию и закончила резней гражданского населения в пригороде Алжира осенью 1997 года, в момент, когда ИАС провозгласила «одностороннее перемирие» с властями. Поражение ВИГ стало поражением радикализованной беднейшей молодежи и шедшей за ней «салафитско-джихадистской» интеллигенции. Оно лишило движение в целом

---

³⁵⁹ Капс Е. Islam in Contemporary Bosnia // Islamic Studies. 1997. Vol. 36. № 2–3. P. 480.

его народной «составляющей», отныне разгромленной и не способной мобилизоваться, как она это сделала в 1989–1991 годах, создав тогда для ИФС ту критическую массу, которая позволила ему завоевать улицу и одержать верх у избирательных урн. Поэтому к моменту окончания гражданской войны алжирские власти сумели сохранить контроль над политической ситуацией и оказались способны привлечь на свою сторону — на своих условиях — набожные средние классы, которые были предрасположены к компромиссу с режимом, не угрожая ему всевластию.

Однако после окончательного поражения алжирских исламистов в 1996–1997 годах стало ясно, что стратегия джихада лишилась всякой народной поддержки и выродилась в саморазрушительный терроризм. Прежде, особенно в 1994–1995 годах, насилие достигало такой степени, что государство уже не могло противостоять исламистам. Некоторые наблюдатели, в частности в США, уже говорили об Алжире как о «будущем фундаменталистском государстве».³⁶⁰ Как казалось, многие факторы свидетельствовали о том, что дело движется именно к такому результату: разочарование большинства избирателей, проголосовавших за ИФС в декабре 1991 года; сочетание двух традиций джихада (местной, в лице Буяли, и вернувшихся в страну «афганцев»); свежая память о войне за независимость с ее партизанскими отрядами и победой «полковников», силой захвативших власть в 1962 году; наконец, ярость огромных масс молодежи, полной решимости расправиться с «ворами» у власти. Руководители исламистских движений и их противники в мусульманском мире пристально следили за развитием алжирского конфликта. Каждый противостоящий лагерь страстно желал победы своим сторонникам, каждая удача воспринималась как успех собственного дела. В Египте, где волна терроризма захлестнула юг долины Нила и где радикальная «Гамаа исламийя» обменивалась посланиями солидарности с ВИГ, алжирская проблема вызывала самое пристальное внимание. Во Франции, где проживали многочисленные выходцы из Алжира и связи которой с этой страной после 130 лет колониального господства оставались очень тесными, гражданская война вскоре перестала рассматриваться как вопрос внешней политики в Средиземноморье, превратившись в вопрос внутренней жизни. После убийств французских граждан в Алжире и последовавших вслед за этим полицейских мер против алжирских боевиков-исламистов во Франции ВИГ перенесла боевые действия на французскую территорию, угнав в декабре 1994 года самолет авиакомпании «Эр Франс» и совершив серию терактов летом и осенью 1995 года. Остается еще много вопросов относительно того, кто конкретно нес ответственность за терроризм и был причастен к операциям, которыми завершилась кровавая сага ВИГ. Проиграв в военном отношении, запятнав себя невероятными жестокостями, последняя политически ослабила исламизм в целом, прежде всего в Алжире, но также в остальном мусульманском мире, где этому движению пришлось затратить много сил и времени, чтобы отмежеваться от своего наиболее экстремистского ответвления. Алжирское поражение вынудило движение перейти к оборонительной тактике (за исключением самых радикальных групп), что резко контрастировало с его наступательным оптимизмом 80-х годов. Интеллектуалы, близкие к набожным средним классам, были вынуждены изменить идеологическую риторику, чтобы успокоить общество. Они стали ссылаться на необходимость демократизации, что отдалило их от экстремистов, но усилило внутренние разногласия. Таким образом, алжирская драма 90-х годов имела огромный резонанс даже за пределами страны, в которой она разыгралась. Тем важнее более подробно остановиться на ее завязке.

Когда 13 января 1992 года электоральный процесс был «приостановлен», согласно использовавшемуся тогда эвфемизму, многочисленные мелкие радикальные группы, рассматривавшие выборы и демократию как безбожие (*куфр*), уже были готовы к джихаду.

---

³⁶⁰ На эту тему написано множество статей. См., в частности: Fuller G. Algeria: The Next Fundamentalist State? Santa Monica (Calif.), 1995. Автор работы является одним из аналитиков фонда «Rand Corporation».

Они начали его с кровавого нападения на военный пост в Геммаре 28 ноября 1991 года, почти ровно через два года после убийства Абдаллаха Аззама в Пешаваре. Лидер исламистского «коммандо», Аиса Масуди (известный как Тайиб аль-Афгани), будет арестован, судим и казнен. Этот теракт, который власти приписали ИФС, чтобы скомпрометировать его во время предвыборной кампании, явился первым свидетельством существования на крайнем фланге исламистской партии «салафитско-джихадистского» движения, которое никогда не рассчитывало прийти к власти с помощью избирательных урн, но лишь ждало благоприятного момента, чтобы развязать вооруженную борьбу. По свидетельству одного из ветеранов Афганистана, стоявшего у истоков ВИГ, идея создания группировки для захвата власти путем джихада родилась в конце 1989 года, когда были выпущены из тюрем руководители бывшего Вооруженного исламского движения Буяли. Однако стремительное становление ИФС, его мобилизационные успехи вплоть до «повстанческой забастовки» в июне 1991 года создали атмосферу, благоприятствующую политической победе исламистского движения, которая практически лишала провозглашение джихада всякой привлекательности. Лишь после ареста Мадани и Бенхаджа по истечении забастовки, когда режим продемонстрировал решимость использовать силу для сохранения контроля над ситуацией, вооруженные группы перешли к открытым действиям, начав с теракта в Геммаре. Они считали, что для джихада созрели все условия, поскольку теперь в стране имелось достаточно активистов, разочарованных в стратегии партии и готовых принять участие в военных операциях.³⁶¹ В действительности это «джихадистское» течение состояло из многочисленных группировок, находившихся в состоянии соперничества по идейным и личным мотивам и имевших неодинаковый опыт. Эти различия послужат поводом к братоубийственным стычкам и актам террора. Внутри этого течения существовали две основные группировки: это бывшие активисты ВИД Буяли — Абдель Кадер Шебути, Мансури Мельяни, Изз ад-Дин Баа и ветераны Афганистана — Кари Сайд, Тайиб аль-Афгани и Джаафар аль-Афгани,³⁶² который будет «эмиром» ВИГ с августа 1993 года по февраль 1994 года. В движение входили и диссиденты ИФС, например, Сайд Мехлуфи, в прошлом офицер алжирской армии, затем главный редактор печатного органа ИФС. Будучи автором вышедшего в свет в 1991 году «Трактата о гражданском неповиновении», призывавшего к насилию, он был исключен из партии на съезде ИФС в Батне в июле того же года. Наконец, в движение входила молодежь, не имевшая никакого опыта борьбы; с 1992 года эта группа становилась всё более многочисленной. К такого рода контрастам добавлялись культурные различия: «салафитско-джихадистское» течение, сформировавшееся в Афганистане, легко воспримет близкую ему, но слабо разработанную идеологию Буяли. Представители этого течения станут главными авторами текстов и прокламаций ВИГ. Однако позднее появятся и другие направления: «кутбисты» (сторонники

---

³⁶¹ См. опубликованное в «Аль-Ансар» (журнале «сторонников джихада в Алжире и во всем мире», печатном органе ВИГ за границей, основанном в июле 1993 г.) интервью с одним из лидеров «афганцев», стоявшим у истоков создания ВИГ: *Al Ansar*. № 17. 1993. 5 Novembre. Интервью цит. по: ат-Тавиль К. Аль-харака аль-исламийя аль-мусаллаха виль-джазаир: мин «аль-инказ» иля «аль-джамаа» [Вооруженное исламское движение в Алжире: от «спасения» к «группе»]. Бейрут: Дар ан-Нахар, 1998. С. 84–85. Эта книга написана ливанским журналистом, который вел алжирскую рубрику в ежедневной газете «Аль-Хайят» (Лондон). На данный момент в этом его труде собраны исчерпывающие сведения об алжирском вооруженном движении в 1992–1997 гг.; автор использовал большое количество печатных и аудиовизуальных материалов, к которым имел конфиденциальный доступ. См. также: Gngnard A. *La litterature politique du GIA algerien des origines a Djamel Zitouni: Esquisse d'une analyse // Facettes de l'islam beige / Sous la dir. de F. Dasseto. Louvain-la-Neuve: Academia-Bruylant, 1996. P. 69–95.* Здесь опубликованы достоверные данные, почерпнутые из собранных в Бельгии материалов.

³⁶² Аль-Афгани — прозвище, широко распространенное среди ветеранов джихада в Афганистане (не является свидетельством какой-либо принадлежности к этой стране).

Сайида Кутба),³⁶³ не признававшие салафитов; «такфиловцы»,³⁶⁴ считавшие, что всё современное общество безбожно и его следовало отлучать от ислама; «джазаристы» (или «алжирианисты»)³⁶⁵ — ассоциация интеллектуалов-технократов, которая скатится к насилию и примкнет к ВИГ в мае 1994 года. Организационная рыхлость вооруженных групп во многом явится результатом их идеологической раздробленности, которая помешает их операционному объединению и с 1995 года станет причиной внутренних чисток и ликвидации.

Это разнородное и очень малочисленное по своему составу движение выдвинулось на первый план после приостановления выборов в январе 1992 года, за которым последовали арест большинства руководителей ИФС и роспуск партии. Тем самым подпольщики получили оправдание своей стратегии. К ним начало стекаться немало молодых людей, которые «уходили в партизаны», чтобы избежать репрессий. В феврале вооруженная группа напала на здание Адмиралтейства в столице Алжира, начались убийства полицейских, а регулярные столкновения после пятничной молитвы стали заканчиваться гибелью десятков людей по всей стране. В августе произошел дерзкий и кровопролитный теракт в алжирском аэропорту, в котором власти обвинили исламистов, тогда как сторонники движения увидели в нем провокацию. Однако 1992 год прошел относительно спокойно по сравнению с эскалацией насилия на протяжении следующих пяти лет: репрессированное руководство ИФС оказывалось не в состоянии контролировать своих активистов и избирателей; оно еще не знало, какую стратегию избрать. Мобилизация масс, отработавшаяся каждую неделю после окончания пятничной молитвы и призванная, по замыслу агитаторов, произвести такой же эффект «снежного кома», который произвел в Иране в 1978 году аятолла Хомейни, наталкивалась на решительный отпор военной верхушки. Последняя держала в то время ситуацию под контролем и арестовала более 40 тысяч человек, которых отправили в Сахару. Эта массовая высылка произведет эффект, противоположный ожиданиям властей: исламисты и сочувствовавшие им еще более укрепятся в своих радикальных убеждениях. После освобождения (с лета 1992 года) эти люди составят мобилизационный резерв вооруженных групп.³⁶⁶ Растерянность ИФС проявилась в расколе ее основных

---

³⁶³ «Кутбистами» противники называли группу бывших «афганцев» во главе с доктором Ахмедом аль-Вадом, которая в воззрениях на современный мир использовала концепции, позаимствованные из работ Кутба, такие как джахилия и хакимия. До своего ареста Ахмед аль-Вад короткое время (осенью 1992 г.) возглавлял вооруженную группировку, которая впоследствии получила название ВИГ. Он погибнет в феврале 1995 г. во время бунта в алжирской тюрьме Сиракджи. См.: ат-Тавиль К. Указ. соч. С. 65; аль-Мисри Абу Хамза. Тальми аль-ансар ли с-сейф аль-баттар [Партизаны полируют разящий меч]. Лондон, 1997. С. 20–21.

³⁶⁴ Это течение получило свое название от группы «Ат-Такфир ва ль-хиджра» («Отлучение и хиджра»), возникшей в Египте в 70-е годы и возглавлявшейся Шукри Мустафой. В состав течения входили бывшие «афганцы», объединившиеся вокруг доктора Ахмеда Бу Амара, по прозвищу Пакистанец. Отлучая от ислама всё общество, кроме небольшой группы своих адептов, идеологи этого направления наносили тем самым ущерб идее джихада в целом, так как суживали потенциальный круг своих приверженцев. По этой причине «салафиты-джихадисты» жестоко нападали на сторонников данного течения, а обвинение в «такфиризме» (отлучении общества от ислама) часто использовалось в ходе ликвидации и чисток в рядах ВИГ после 1995 г. Последнее известное коммюнике «эмира» Антара Зуабри, опубликованное 26 сентября в журнале «Аль-Ансар», будет оправдывать массовые убийства, совершенные в этом месяце, «отлучением общества, считающегося безбожным» (такфир аль-муджтама), что свидетельствовало о скатывании ВИГ в последние месяцы ее существования на позиции «такфиризма». См.: ат-Тавиль К. Указ. соч. С. 280–283.

³⁶⁵ О «джазаристах», вступивших в ИФС на съезде партии в Батне в июле 1991 г., см. с. 145. Их лидером являлся Лунес Белькасем (Мухаммад Сайд), который вступит в ряды ВИГ в мае 1994 г. и будет ликвидирован в ноябре 1995 г.

³⁶⁶ Массовые аресты позволили режиму получить в 1992 г. передышку и уничтожить ячейки ИФС, что привело к краху стратегии Фронта по революционной мобилизации населения. Но организация [в качестве мест заключения] лагерей в пустыне, лишенных элементарных бытовых удобств, позволила самым опытным и

руководящих структур. ИФС, возглавляемый внутри страны подпольной «кризисной ячейкой», во главе которого в скором времени окажется Абдерразак Реджем, близкий к вождю «джазаристов» Мухаммаду Сайду, располагал за границей двумя представительствами — «парламентской делегацией» во главе с Анваром Хаддамом (также «джазаристом») и структурой, руководимой осевшим в Германии Рабахом Кебиром, подчеркивавшим свою верность Аббаси Мадани. Они объединятся (временно) только в сентябре 1993 года, после создания в Тиране (Албания) Заграничного исполнительного комитета ИФС (ЗИКИ), который будет обязан выражать единое мнение Фронта. В противоположность ситуации в Иране, где в 1978 году Хомейни взял власть, объединив под своей эгидой различные социальные группы, которых он заставил забыть о разногласиях с помощью единого исламистского революционного дискурса, ИФС в 1992 году выглядел полностью уничтоженным репрессиями. Набожные средние классы, которых он когда-то привлек на свою сторону, были дезориентированы и лишены возможности политического самовыражения, а инициатива стала постепенно переходить к экстремистским бандам, в которых неимущая городская молодежь будет играть решающую роль, с тех пор как гражданская война вступит весной 1993 года в свою активную фазу.

В то время как руководство ИФС переживало разброд и теряло контроль над ситуацией (давая тем самым режиму иллюзию легкой победы), вооруженные группы, напротив, усиливали координацию действий. В марте 1992 года А. Шебути и И. Баа, бывшие члены буялиевского ВИД, а также С. Мехлуфи, один из основателей ИФС, — все трое салафиты, очень скоро убедившиеся в необходимости джихада, — создали Движение за исламское государство (ДИГ). Базируясь в подполье, в частности близ г. Лахдария (к юго-востоку от столицы), оно сумеет привлечь в свои ряды некоторое количество активистов ИФС, распущенного в том же месяце. Одновременно Мансури Мельяни, также бывший заместитель Буяли, создаст собственную ячейку, к которой примкнут «афганцы» и более молодые городские активисты: февральское нападение на Адмиралтейство и августовская атака на столичный аэропорт будут приписаны именно им. Арестованного в июле (и казненного в августе 1993 года) Мельяни сменит Мухаммад Алляль, он же Мух Левейей (его прозвище происходит от названия алжирского квартала, в котором он жил), снискавший себе репутацию «городского партизана». 31 августа — 1 сентября 1992 года в Тамесгиде пройдет совещание, призванное объединить всех под началом Шебути. Прерванное солдатами, которые убьют Левейея, совещание не выполнит этой задачи. Преемнику Левейея, Абдельхаку Лаяде, бывшему автослесарю из алжирского народного квартала Бараки, открывшему для себя ислам после октябрьского восстания 1988 года, предстоит сделать решающий шаг: в октябре 1992 года в результате слияния трех небольших групп будет создана ВИГ.

К концу 1992 года в состав вооруженного движения вошли две основные группировки. Хорошо организованное и имевшее четкую структуру, ДИГ во главе с Шебути по прозвищу Генерал (*лива*) отдавало предпочтение продолжительному джихаду с опорой на партизанскую организацию, что вписывалось в традиции Войны за независимость и эпопеи Буяли. Борьба ДИГ была направлена прежде всего против государства и его представителей. В январе 1993 года фетва, изданная Али Бенхаджем, находившимся в тюрьме, возвела ее автора в ранг человека номер два в распущенной партии. Что касается Лаяды, то он, как и ВИГ, предпочитал немедленное действие, нанося врагу удары, которые были призваны дестабилизировать режим, создав ситуацию повсеместного отсутствия спокойствия. Он

обученным активистам вербовать так боевиков из числа молодежи, возмущенной бесчеловечным с ними обращением. Эти молодые люди ушли в партизаны сразу после своего освобождения в конце 1992 г. Воспоминания одного из таких бывших узников, вставших на путь джихада, опубликованы, в частности, в алжирской газете «Liberation» в номере от 12 сентября 1999 г. В насеровском Египте пребывание «Братьев-мусульман» в лагерях в тяжелейших условиях сыграло важную роль в радикализации исламистского движения: именно там Сайид Кутб написал свой манифест «Вехи на пути», и именно там зародилось движение «такфировцев».

сурово осуждал ИФС и клеймил как «безбожников» его руководителей, отказывавшихся взяться за оружие и обосновывавших это тем, что они против насилия. В своих первых заявлениях «эмир» ВИГ угрожал также журналистам, этим «внукам Франции», и семьям военных; и с весны 1993 года его угрозы начали претворяться в жизнь. В «интервью», опубликованном журналом «Аш-Шахада» («Исповедание веры») в марте 1993 года, Лаяда вписывал свое движение в контекст современной истории, позволяя тем самым определить его идеологическую преемственность.³⁶⁷ По его мнению, «величайшей драмой, пережитой Общиной правоверных в нашу эпоху, было падение халифата [в 1924 году]»; пакистанская «Джамаат-и ислами» и «Братья-мусульмане» много сделали для борьбы с «идеями джахилийи» и создания исламского государства, однако итог прошедших 70 лет был, по мнению Лаяды, неутешительным. Поскольку эти движения медлили с объявлением джихада и не торопились братья за оружие, «безбожникам» повсюду удалось удержаться у власти. В то же время «исламский опыт, который пошел по пути джихада, добился многих из поставленных целей и преподал массу стратегических уроков в масштабах всего мира — это афганский опыт». В Алжире, где враги ислама, получившие образование во Франции, захватили власть после завоевания независимости, некоторые проповедники поддерживали огонек сопротивления;³⁶⁸ наконец, появился «мученик Буяли, который осознал, что путь к возвышению слова Аллаха лежит через джихад, но остался в одиночестве, поскольку проповедники пребывали в мечтаниях, миражах и наивности в интеллектуальном и оперативном плане». Затем появился ИФС, цели которого были правильными, но стратегия которого потерпела поражение от сил безбожия. Вот почему настало время джихада, для развертывания которого «ВИГ собрала необходимые аргументы, почерпнутые из шариата». Лаяда выражал удивление по поводу того, что «те, кто издавал фетвы, провозглашавшие джихад обязанностью каждого (*фард айн*) в Афганистане,³⁶⁹ не делали того же в Алжире и других мусульманских странах, в то время как основания, на которых зиждились подобные фетвы, оставались теми же». После подготовительного периода и последовавшего за ним объединения первых мелких джихадистских групп³⁷⁰ в рядах ВИГ Лаяда планировал объединить под своим началом всех вооруженных исламистов «на единой интеллектуальной платформе: следовать по пути правоверного суннизма, как его понимали благочестивые предки». ³⁷¹ Ссылаясь далее на Освальда Шпенглера, чтобы констатировать «упадок Запада», и Бертрана Рассела, чтобы провозгласить, что «миссия белого человека закончена»,³⁷² «эмир» выступал за установление в Алжире халифата военным путем.

---

³⁶⁷ Издаваемая в Стокгольме алжирскими исламистами, близкими к ВИГ, «Аш-Шахада» впервые вышла в свет в ноябре 1992 г. Трудно судить, в какой мере «интервью» передавало слова «эмира» и не являлось ли оно плодом коллективного творчества. Ясность изложения, знание истории, ссылки на источники давали основания полагать, что текст писался при участии представителей интеллектуалов, участвовавших в движении.

³⁶⁸ Лаяда цитировал четырех алжирских исламистских мыслителей: шейхов Мисбаха, Абдель Латыфа Султани, аль-Арбави, бывших членов Ассоциации алжирских улемов, оставшихся в оппозиции режиму после 1962 г., и философа-реформатора Малека Беннаби (1905–1973).

³⁶⁹ Автор явно сожалеет, что значительная финансовая помощь, которая оказывалась афганскому джихаду (в частности, поступающая с Аравийского полуострова), не перепала вооруженным алжирским группировкам.

³⁷⁰ Автор уточнял, что ВИГ возникла в результате «союза между группой Мансури Мельяни, доктора Абу Ахмада [Ахмада аль-Вада] и Муха Левейея».

³⁷¹ Арабское выражение, которое использовал Лаяда, относится к салафизму в его ригористской интерпретации («иттибаминхаж ахль ас-сунна валь-джамаа ва фахмас-салаф ас-салих»).

³⁷² Эти отрывочные ссылки на западных авторов, идеи которых приводились в доказательство упадка их собственной цивилизации, часто встречаются в исламистской литературе. Трудно установить, были ли имена

Существовавшие исламистские движения он делил на две категории. По поводу тех из них, которые «шли на уступки безбожной власти», он говорил: «Мы не виновны [в их крови], так как суждение Аллаха по их поводу ясно, когда Он, Всевышний, говорит: «А тот из вас, кто идет им на уступку, тот — из их числа».³⁷³ Что же до тех, кто не является союзниками власти, то мы им говорим: «Чего вы ждете, чтобы присоединиться к каравану джихада?»³⁷⁴ Наконец, выступая за единство в рядах бойцов, Лаяда стремился избежать разногласий, которые к моменту появления этого текста в марте 1993 года³⁷⁵ превратили победу афганских моджахедов над Красной Армией в братоубийственную войну.³⁷⁶

Это «интервью» — независимо от того, был ли его автором сам Лаяда или же его «доработали» редакторы «Аш-Шахада», — сразу же обозначило двойную преемственность ВИГ: от афганского джихада и от эпопеи Буяли. Эта организация предстала как естественный результат развития алжирского исламистского движения после стратегического поражения ИФС. Она претендовала на то, чтобы стать прибежищем для разочарованных активистов последнего и единственной организацией вооруженной борьбы. Эти амбиции приобретут осязаемый характер в 1993 году, во время эмирства Лаяды, и достигнут апогея в 1994 году, в период руководства Шерифа Гусми. Они проявятся в развязывании кампании насилия, объектом которого станет не только государство и его представители, но и все (как мужчины, так и женщины), кто считался тем или иным образом связанным с государственной властью.

Начиная с марта 1993 года среди жертв насилия оказались преподаватели университетов, представители интеллигенции, писатели, журналисты, врачи; не все из них были связаны с режимом, но многие из них в глазах представителей неимущей городской молодежи, вступивших в вооруженную борьбу, воплощали ненавистную фигуру франкоговорящего интеллектуала, обладателя недоступного культурного капитала. В военном отношении потери режима были неощутимы, однако миф о легкой победе над

Освальда Шпенглера, автора знаменитых очерков под названием «Закат Европы», и философа и математика Бертрана Рассела известны слесарю-авторемонтнику Лаяде или речь шла об интеллектуальном вкладе авторов «Аш-Шахады».

³⁷³ Коран (V: 51): «О вы, которые уверовали! Не заводите дружбы с иудеями и христианами: дружат они между собой. Если же кто-либо из вас дружит с ними, то он — один из них» (пер. М.-Н.О. Османова). Более близкие к исламистскому движению переводчики, такие как профессор Хамидулла, интерпретируют этот аят как запрещение брать в друзья иудеев и христиан. Цитируемый здесь фрагмент — для которого мы предлагаем более простую интерпретацию — косвенно приравнивает к иудеям и христианам «безбожных» правителей. Другой фрагмент, имеющий тот же смысл («Те — из их числа» — «хум минхум»), очень широко используется в текстах ВШ. Он служит оправданием «коллективной ответственности» всех, кто подозревается в оказании помощи режиму, и даже всех тех, кто не встал в ряды вооруженной борьбы. Он будет приведен в оправдание убийства женщин и детей в 1997 г. (см.: аль-Мисри, А. Х. Указ. соч. С. 20). Выражение «мы не виновны» означает что проливать кровь указанных лиц разрешено. Заметим, что цитата из 51 аята V суры в тексте интервью содержит лексическую ошибку («фа хува минхум» вместо «ва иннахуминхум»), которая не меняет смысла, но нарушает сакральность коранического текста и показывает, что исламская образованность автора интервью (или его редакторов) оставляет желать лучшего — несмотря на его претензию на принадлежность к самому правоверному салафизму.

³⁷⁴ Выражение «присоединиться к каравану джихада» перекликается с заголовком одной из брошюр Абдаллаха Аззама на эту тему — «Ильхак би ль-кафиля!» («Присоединись к каравану!»).

³⁷⁵ С момента взятия Кабула моджахедами в апреле 1992 г. и до вступления в него талибов в сентябре 1996 г. Афганистан был погружен в состояние анархии, компрометировавшей «победу джихада», которой гордились его сторонники.

³⁷⁶ Самые важные места из «интервью» приводятся по: ат-Тавш К. Указ. соч. С. 79–84. См. также: Там же. С. 74–78. Автор воспроизводит отрывки из коммюнике № 2 ВИГ и публикует расшифровку аудиокассеты с записью выступлений Лаяды.

исламистским движением, созданный властями в 1992 году, рассеялся, как туман на рассвете. Доверие к государству было подорвано и тем, что жертвами исламистов стали «видные» люди, имевшие друзей за границей. Режим, хотя за пределами Алжира об этом узнают гораздо позже, был более всего озабочен утратой контроля над городскими народными кварталами, сельскими и горными районами, а также транспортными артериями, которые перешли под власть вооруженных групп. Всё это свидетельствовало о непрочности положения правивших кругов, являлось доказательством скатывания в оппозицию значительной части населения. Не вступая в организации ВИГ или ДИГ, еще находившиеся в то время в эмбриональной стадии, банды молодежи из малоимущих семей, более или менее контролировавшиеся местными «эмирами», изгоняли с подконтрольных им территорий полицию и провозглашали создание «освобожденных исламских зон». Этот процесс, поначалу вызывавший удовлетворение населения, которое в большинстве своем голосовало за ИФС и часто вспоминало о «честной» работе депутатов этой партии в муниципалитетах,³⁷⁷ оборачивался изменением социальной иерархии внутри исламистского движения. В эпоху подконтрольных ИФС мэрий (июнь 1990 — апрель 1992 года) местная власть находилась в руках религиозных средних слоев и партийной интеллигенции. Они проводили популистскую политику, призванную удовлетворить социальные требования неимущей городской молодежи: борьбу с коррупцией в госаппарате и воровством, за моральное поведение и т. д. В 1993–1994 годах молодежь захватила местную власть силой: исламистские нотабли, торговцы, транспортники и предприниматели, враждебно настроенные к государству, лишившему их победы на выборах в январе 1992 года, поначалу охотно финансировали этих «эмиров» — «хиттистов», поденщиков и водопроводчиков, в которых они видели инструмент своего политического реванша. Однако уже через несколько месяцев этот добровольный исламский налог превратится в рэкет бандитов, преследовавших всё более и более туманные цели и борющихся, подобно хищникам, за контроль над территорией. Тем временем армия, ушедшая из этих кварталов, окружала их и превращала в гетто.³⁷⁸ Набожные средние классы нищали, а затем становились жертвами вымогательства молодежных банд «из народа». Желая избежать рэкета, представители этих классов покидали свои кварталы. Этот процесс в огромной мере способствовал распаду социального единства исламистского движения и в дальнейшем подготовит средние классы к сближению с режимом.

В политическом отношении эта утрата набожной буржуазией своего влияния в пользу народных слоев выразилась в доминировании ВИГ над ИФС в 1993–1994 годах. На смену Абдельхаку Лаяде, арестованному в Марокко в мае 1993 года, после некоторого периода безвластия³⁷⁹ пришел Мурад Си Ахмад, известный как Сейф Аллах Джаафар (Джаафар —

---

³⁷⁷ 18 466 коммунальных народных ассамблей (муниципалитетов), в которых в июне 1990 г. одержали верх представители ИФС, в апреле 1992 г. были распущены и поставлены под контроль руководителей, назначенных властями. Эти лица окажутся главной мишенью для вооруженных группировок.

³⁷⁸ См.: Martinez. L. Op. cit. Автор с большой точностью описывает данный феномен и показывает, что помимо идеологического столкновения между исламистами и властью война выступала как средство перераспределения богатства с помощью насилия. В данном конкретном случае рэкет и другие формы бандитизма, практиковавшиеся вооруженными группировками (взимание «платы за проезд», похищения с целью выкупа, кражи и пр.), станут основным источником финансирования джихада в отсутствие внешнего спонсора, каковыми были нефтяные монархии Аравийского полуострова во время войны в Афганистане. По мере эскалации алжирского конфликта растущее число убийств, покушений против собственности и краж будет приписываться различным заинтересованным сторонам, сумевшим превратить исламистское насилие в инструмент (для устранения конкурента или конфискации имущества у жертвы) и воспользовавшимся общим климатом нестабильности, чтобы заниматься гангстеризмом под прикрытием джихада.

³⁷⁹ В июле — августе руководство ВИГ временно взял на себя некий Аиса бен Омар, вскоре ликвидированный силами безопасности. См.: am-ТавильК. Указ. соч. С. 115.

меч Аллаха) или Джаафар аль-Афгани — в память о двух годах, проведенных им в Афганистане в хекматъяровской «Хезб-е ислами». Провозглашенный в свои тридцать лет «эмиром» в августе 1993 года, он не имел даже начального образования и жил контрабандой — *трабендс f.* Как и его предшественники и последователи, он был представителем бедной городской молодежи. Его «эмирство», оборвавшееся с его гибелью в бою 26 февраля 1994 года, было отмечено эскалацией насилия, о котором напоминало его прозвище Сейф Аллах. Он начал с расширения опорной базы ВИГ. С июля 1993 года за границей стал выходить еженедельный бюллетень «Аль-Ансар» («Партизаны»),³⁸⁰ издававшийся в Лондоне международным «салафитско-джихадистским» движением. Изданием руководили два ветерана Афганистана — сириец (натурализованный испанец) Абу Мусааб и палестинец Абу Катада. До июня 1996 года они будут давать доктринальное обоснование деятельности ВИГ, обеспечивая тем самым Группе рекламу за пределами Алжира. Внутри страны Джаафару аль-Афгани удалось распространить влияние ВИГ на новые группы, которые от имени ВИГ совершали громкие акции,³⁸¹ переводя борьбу на более высокий уровень. 21 сентября 1993 года группа, связанная с ВИГ, совершила кровавую расправу над двумя французскими геодезистами в Сиди Бель Аббесе, на западе страны. В коммюнике, сообщавшем об их казни, которое было подписано новым «эмиром» и опубликовано на страницах «Аль-Ансар», указывалось, что иностранные, как и алжирские, «безбожники» являются законной мишенью джихада. Это послужило началом кампании убийств иностранцев: до конца 1993 года их погибнет 26 человек.³⁸² Тех представителей исламистского движения, которые выступали против войны, также не щадил «меч Аллаха»: 26 ноября шейх Буслимани, популярный проповедник и видная фигура в партии «Хамас», пользовавшейся поддержкой набожной буржуазии и возглавлявшейся Махфудом Нахнахом, был похищен, а затем и казнен за отказ издать фетву, узаконивавшую практику ВИГ.

Эскалация насилия вынуждала группы, связанные с ИФС, более активно включаться в борьбу, чтобы не позволить ВИГ ее монополизировать. Летом 1993 года исламистские интеллектуалы-«джазаристы», объединившиеся вокруг Мухаммада Сайда, создали ИФВД

---

³⁸⁰ Термин «ансар» обозначает первых сподвижников Пророка Мухаммеда, которых он обрел в Медине после совершения хиджры в 622 г. Называя себя «голосом джихада в Алжире и повсеместно», этот 16-страничный бюллетень в формате А4, изготовленный на компьютерной технике, распространялся по пятницам у входа ряда лондонских мечетей, а также с помощью факсимильной связи и электронной почты. Некоторые номера выходили с приложением под названием «Аль-Киталь» («Сражение»), которое являлось органом алжирской ВИГ. За исключением «новостей джихада», сводок ВИГ (и других джихадистских группировок, в частности ливийской и египетской), бесед с некоторыми руководителями и активистами, его основное содержание составляли тексты, пропагандировавшие «салафитско-джихадистскую» идеологию. Эти тексты изобиловали цитатами из авторов, принадлежавших к классической исламской мысли, таких как Ибн Таймийя и представители ханбалитской школы. Это доктринальное обоснование вооруженной борьбы в Алжире отличалось тяжеловесностью стиля и лексики, призванных скорее придать данным текстам авторитетность, нежели сделать их понятными для читателя, изъясняющегося на современном арабском языке. В отличие от ясного и «современного» стиля такого автора, как Сайид Кутб, который обращался непосредственно к разуму читателей, жаргон «салафитов-джихадистов» культивировал сознательную затемненность смысла, необходимую для абсолютного и бездумного принятия их взглядов. Во всяком случае, он был недоступен пониманию рядового активиста ВИГ — выходца из среды бедной городской молодежи.

³⁸¹ Двадцать первого августа 1993 г., когда во главе ВИГ встал Джаафар аль-Афгани, жертвой убийц пал Касди Мербах, бывший до лета 1989 г. премьер-министром при президенте Шадли и долгое время возглавлявший службы безопасности. Ответственность за это убийство, осужденное представителями ИФС в Европе как дело рук самих алжирских спецслужб (недовольных контактами жертвы с некоторыми исламистами за рубежом), взяла на себя ВИГ. Это была первая крупномасштабная операция, давшая повод некоторым представителям ИФС заговорить об использовании ВИГ алжирскими силовиками.

³⁸² Двадцать шестого октября трое сотрудников французского консульства в Алжире были похищены, после чего отпущены: им было передано письмо ВИГ с требованием ко всем иностранцам покинуть Алжир.

(Исламский фронт вооруженного джихада), который будет «специализироваться» на убийствах их заклятых врагов — светских интеллектуалов. В марте 1994 года, в конце Рамадана, несколько сотен боевиков из Движения за исламское государство (ДИГ), возглавлявшегося Абдель Кадером Шебути, напали на тюрьму Ламбез близ Батны и освободили заключенных исламистов. Чуть ранее, 26 февраля, в разгар месяца поста, отмеченного ростом насилия, Джаафар аль-Афгани погиб при обстоятельствах, дававших повод предположить, что армейская разведка имела точные сведения о его местопребывании.

Однако смерть «эмира» ВИГ не помешала росту могущества его организации. 10 марта «Аль-Ансар» представила своим читателям нового «эмира» организации — Шерифа Гусми, известного также как Абу Абдаллах Ахмед. До своей гибели в бою 26 сентября 1994 года последнему удастся реализовать одну из первоочередных задач джихада: объединение всех его сторонников и даже части приверженцев ИФС. «Эмиратство» Гусми — это период расцвета ВИГ, которой в это время удастся успешно сочетать насилие с решением конкретных политических задач. Гусми, приступивший к исполнению своих обязанностей в возрасте 26 лет, был имамом и руководителем местного отделения ИФС в Бирхадеме. В 1992 году он был отправлен в сахарские лагеря. Вступив в ВИГ, в которой он возглавил Религиозную комиссию, он в январе 1994 года дал по этому поводу в Пешаваре интервью арабскому еженедельнику.³⁸³ Было видно, что новый эмир обладал опытом борьбы в своей стране и на международной арене, а также религиозными познаниями, что делало его более сильной фигурой, нежели его предшественники и преемники.

Тринадцатого мая 1994 года Мухаммад Сайд, Абдерразак Реджем и Сайд Мехлуфи встретились с Шерифом Гусми в палатке, в горах, где приняли решение о вхождении своих движений в единую ВИГ и принесли присягу (*байа*) ее «эмиру».³⁸⁴ По итогам встречи было принято «Коммюнике о единстве, джихаде и приверженности Корану и Сунне», подписанное А. Реджемом от имени ИФС и С. Мехлуфи от имени ДИГ.³⁸⁵ В нем говорилось о создании *Маджлис аш-шура* — Консультативного совета, в который вошли оба находившихся в заключении руководителя ИФС — Мадани и Бенхадж (без консультаций с ними). Однако истинным творцом союза был Мухаммад Сайд, намного превосходивший остальных участников своим харизматическим обаянием и культурой. Он окажет большое влияние на ВИГ, которая отныне станет главной силой алжирского исламизма.

Какими бы задними мыслями ни руководствовались те, кто подписал документ, эта «историческая» встреча, приведшая к союзу, указывала прежде всего на завоевание гегемонии группой, представленной в основном бедной городской молодежью: один из самых маститых исламистских интеллектуалов страны, 50-летний профессор университета Мухаммад Сайд, принес присягу своему 26-летнему «эмиру». В более широком плане она свидетельствовала о том, что набожные средние классы утратили инициативу внутри движения, подтвердив тем самым снижение своего социального статуса.

Заграничный исполнительный комитет ИФС, руководимый из Германии Рабахом Кебиром, который в первое время отнесся к «Коммюнике о единстве...» с недоверием,

---

³⁸³ Издающаяся в Лондоне газета «Аль-Васат» опубликовала 21 января 1994 г. интервью, взятое в Пешаваре через подставное лицо у одного из руководителей ВИГ, которым, как выяснилось, был Шериф Гусми. Это дало основание предполагать, что последний находился тогда в районе афгано-пакистанской границы.

³⁸⁴ См.: ат-Тавияь К. Указ. соч. С. 144–154. Автор приводит документированное описание встречи, опираясь на циркулировавшую в исламистских кругах видеокассету с отчетом о ней. Французский перевод «Коммюнике о единстве» приводится в: Burgat F. *Algerie: L' AIS et le GIA, itineraires de constitution et de relations // Maghreb-Machrek*. 1995Juillet-Septembre. № 149. P. 111.

³⁸⁵ А. Реджем подписал документ в качестве главы исполнительного бюро ИФС, а С. Мехлуфи поставил подпись за себя и за А. Шебути, отсутствовавшего на встрече и тяжело больного.

организовал противодействие. Он дал зеленый свет созданию Исламской армии спасения (ИАС), чтобы позволить средним классам, поддерживавшим ИФС, возможность проявить себя на поприще джихада, не присоединяясь к ВИГ с ее радикальными взглядами. Исключив из своих рядов сторонников М. Сайда³⁸⁶ и заявив, что А. Реджем не имел никакого права подписывать документ от имени ИФС, ЗИКИ заложил фундамент для создания Исламской армии спасения 18 июля 1994 года. ИАС, сохранявшая верность ИФС и подчинявшаяся его находившимся в заключении руководителям, объединила в своих рядах партизанские отряды, имевшие прочную базу на западе и востоке Алжира. Их «национальный эмир» Мадани Мерзаг противостоял «эмиру ВИГ» Шерифу Гусми, отряды которого действовали в центре страны и на окраинах столицы. Вскоре между двумя группировками начались кровавые разборки.

Политические цели этих двух группировок разошлись с самого начала. Создавая военное крыло, ИФС стремился к переговорам с властями с позиции силы: в августе, через месяц после создания ИАС, Аббаси Мадани написал из тюрьмы письмо генералу Зеруалю, ставшему президентом страны в январе прошлого года, с предложением ему поискать пути к разрешению кризиса (на условиях ИФС).

Эта новая эскалация насилия разворачивалась в тот момент, когда ИФС совместно с целым рядом оппозиционных партий начал готовить «Платформу для политического и мирного урегулирования алжирского кризиса». Этот документ будет подписан в Риме 13 января 1995 года. Тем самым распущенная партия стремилась заявить, что она оставалась центральным и незаменимым актером на политической сцене, давая понять, что располагала возможностями прекратить вооруженную борьбу, если режим согласится на переговоры, вернет армию в казармы и передаст бразды правления набожным средним классам. Эти претензии исламистской партии были восприняты алжирскими лидерами как вызов, тем более что Римская платформа нашла благожелательный отклик в некоторых влиятельных кругах США.³⁸⁷ Однако реализация этого проекта предполагала, что ИФС в 1995 году всё еще был способен контролировать неимущую городскую молодежь, эти «батальоны джихада», а также набожных коммерсантов и предпринимателей. Но время ИФС давно ушло. Состоятельные горожане, измученные налетами банд, возглавляемых местными «эмирами», отдавали всё большее предпочтение другой исламистской партии — «Хамас» во главе с Махфудом Нахнахом, готовой сотрудничать с режимом, защищая перед ним интересы этой социальной группы. Что же касается ВИГ, то, несмотря на поддержку Бенхаджем Римской платформы, она вела против этого соглашения, «заклученного под сенью ватиканского креста»,³⁸⁸ яростную кампанию, обвиняя руководителей ИФС в том, что они являлись лишь «дельцами от джихада», которые «торговали кровью бойцов» ради удовлетворения собственных политических амбиций. В июне Мадани и Бенхадж были «исключены» из *Маджлис аш-шура* (Консультативного совета) ВИГ, в который они были выбраны (без их ведома) годом ранее во время «встречи единения». 4 мая Зитуни опубликовал коммюнике, запрещающее представителям ИФС за рубежом говорить от имени

---

³⁸⁶ Из состава ЗИКИ были исключены А. Хаддам, глава Парламентской делегации ИФС за границей, проживавший в США, и Ахмед Зави, осевший в Бельгии. 8 июля Хаддам опубликовал коммюнике, в котором благословлял заключенный 13 мая союз.

³⁸⁷ См.: ат-Тавиль К. Указ. соч. С. 184–189. Автор приводит различные версии обстоятельств устранения Махфуда Таджина.

³⁸⁸ В 1995 г. сириец Абу Мусааб опубликовал брошюру под названием «Римский договор под сенью Ватиканского креста», в которой изложил причины неприятия салафитами-джихадистами политики, проводившейся руководством ИФС (см.: ат-Тавиль К. Указ. соч. С. 248, примеч. 17). Римская встреча была организована общиной Сан-Эгидьо, близкой к некоторым кругам Ватикана, однако эта инициатива не получила единодушной поддержки со стороны Римской курии.

джихада и давал им месяц на покаяние, угрожая в противном случае смертью. Среди пяти деятелей ИФС фигурировал и шейх Сахрави: он будет убит 11 июля. Так началась серия террористических актов во Франции, которые закончатся лишь после президентских выборов в Алжире в ноябре 1995 года.

Война против Франции (о ходе которой будет рассказано ниже) вписалась в сложную игру вокруг перспектив алжирского гражданского конфликта — игру, в которой столкнулись ИФС, власти и ВИГ. Успешно ведя по своему усмотрению широкомасштабную террористическую кампанию во Франции, ВИГ хотела доказать, что ИФС не причастен к вооруженной борьбе, а значит — не способен вести диалог с алжирским режимом на предмет возвращения к гражданскому миру. В известном смысле эти инициативы устраивали режим. Он выглядел в глазах лидеров и общественности стран Запада как единственная сила, способная поставить заслон на пути терроризма, который угрожал им на их территориях. Опираясь на это соображение, деятели ИФС и некоторые наблюдатели утвердились в убеждении, что ВИГ Зитуни «объективно» действовала в интересах алжирского правительства и была нацелирована его агентами.

В самом Алжире «эмирство» Зитуни характеризовалось ростом разногласий внутри группировки: в целях укрепления своих позиций Зитуни издал в конце 1995 года под собственным именем шестидесятидвухстраничныйopus. Озаглавленный «На пути Всевышнего: разъяснение принципов салафитов и обязанностей воинов джихада»,³⁸⁹ он подтверждал линию ВИГ и отвечал ее хулителям. Этот текст из 11 глав, вполне выдержанный в духе «салафитско-джихадистской» доктрины (о чем говорило само его название), был прежде всего призван развеять подозрения относительно самого Зитуни, имевшие хождение даже в рядах ВИГ. Текст давал очень подробную хронологию различных группировок, предшествовавших созданию ВИГ, начиная с ВИД Буяли, затем перечислял «эмиров» и их достижения с очевидным намерением вписать Зитуни в эту линию преемственности. В брошюре неоднократно звучали инвективы в адрес «хариджитов» и прочих сторонников *такфира*, то есть отлучения от ислама всего общества: автор напоминал, что последние были убиты преемниками Пророка и их нынешних наследников постигнет та же участь, когда за это возьмется ВИГ. Для Зитуни это была возможность отмежеваться от этих радикалов: его действительно обвиняли в том, что он вел себя так же, как они, особенно после появления в феврале 1995 года его коммюнике, предписывавшего, чтобы «за каждую арестованную истинную мусульманку была убита жена вероотступника». Но если общество в целом и не подвергалось отлучению — ожидалось, что оно все же присоединится к джихаду, — то прочие, «уклонившиеся», исламистские движения безоговорочно осуждались как «безбожные». Особенно это касалось «Братьев-мусульман» и «джазаристов». Их активистам следовало покаяться, принять салафизм и присоединиться к ВИГ в соответствии с четко установленной процедурой, подробно расписанной вopusе за подписью Зитуни.³⁹⁰ Что касается тех, кто нарушил присягу, данную эмиру, то они

---

³⁸⁹ Озаглавленный по-арабски «Хидайят рабб аль-аламин» (букв.: «Наставление Господа миров»), этотopus, насыщенный цитатами из Корана и сочинений традиционных салафитских авторов (прежде всего Ибн Таймийи), предполагал знакомство с классической исламской культурой, которой едва ли обладал Зитуни. Интересно, что все цифры, использованные в тексте (нумерация страниц, параграфов и пр.), являлись индийскими цифрами, используемыми обычно на Ближнем Востоке, но не в странах Магриба (где, как и в Европе, в ходу арабские цифры). Возможно, это свидетельствовало о том, что текст (по крайней мере, частично) был отредактирован восточными авторами, принадлежавшими к салафитским кругам Лондона. Он был датирован 6 шаабана 1416 г. хиджры (28 декабря 1995 г.), т. е. написан после убийства Мухаммада Сайда.

³⁹⁰ Автор «Хидайя...» считал, что в своей доктрине «Братья-мусульмане» и «джазаристы» являлись «носителями безбожия [куфр] и язычества (ширк, букв.: придание Аллаху сотоварищей)»: первые — за апелляцию к демократии, а вторые — за заявление о том, что «джихад является нецивилизованным методом». Впрочем, рядовые активисты этих движений не рассматривались как «безбожники», подлежащие в силу этого казни. Однако это касалось шиитов и, в частности, Хомейни («Хидайя...», с. 29–30). В тексте подробно перечислялись условия вступления в ВИГ и стадии покаяния для различных категорий алжирцев (бывших

заслуживали смерти. В подтверждение этого тезиса автор обильно цитировал священные тексты и труды салафитов.

В самом деле, 1995 год будет отмечен широкомасштабными внутренними чистками. В июне Изз ад-Дин Баа, человек «номер три» в Движении за исламское государство³⁹¹ (слившемся с ВИГ в мае 1994 года) и ветеран группы Буяли, совершит «диссидентский» поступок, вступив в ИАС: будучи схвачен, он подвергнется «суду» и казни. В следующем месяце Абдерразак Реджем заявит, что он также решил вступить в ИАС. В ноябре он будет убит при невыясненных до сих пор обстоятельствах вместе с Мухаммадом Саидом. ВИГ сообщит об их гибели лишь в выпуске «Аль-Ансар» от 14 декабря, приписав ее силам безопасности. Позже группировка возьмет на себя ответственность за их смерть, и в выпусках от 4 и 11 января 1996 года будет оправдывать казнь, обвиняя обоих членов «еретической джазаристской секты» в подготовке «переворота» против Зитуни. Эга казнь получит исключительно широкий резонанс во всем алжирском исламистском движении, учитывая масштабность личности обеих жертв. Она ускорит изоляцию Зитуни, от которого отойдет целый ряд региональных лидеров ВИГ, хотя еще в течение нескольких месяцев он будет получать поддержку от главного идеолога «салафитско-джихадистского» течения — живущего в Лондоне палестинца Абу Катады. Однако смута окажется столь велика, а обвинения в манипуляции в связи с исчезновением двух знаковых для алжирского исламизма фигур столь многочисленны, что даже «Аль-Ансар» потребует от Зитуни доказательств. Они будут предъявлены лишь летом 1996 года; это будет видеокассета, на которой люди из близкого окружения обеих жертв — университетский профессор-«джазарист» А. Ламара и Махфуд Таджин, которого Зитуни отстранил после смерти Гусми, — «признаются» в заговоре и сами попросят о казни, которой и подвергнутся: постановка будет разыграна в духе московских процессов.³⁹²

Однако этот «документ» появился слишком поздно, чтобы хоть в какой-то мере восстановить имидж Зитуни. В течение всей весны наблюдался рост числа перебежчиков, упрекавших «эмира» в отходе от истинного «джихадистского салафизма». 27 марта Зитуни отдал распоряжение похитить семь французских монахов-траппистов из Тибейринского монастыря,³⁹³ которые будут обезглавлены похитителями после провала начатых было переговоров с Парижем об их освобождении. Появившееся 21 мая объявление об этом новом групповом убийстве вызвало протест даже у самых ярых экстремистов, которые напомнили, что исламская традиция предписывает уважать монахов.³⁹⁴ Они опасались негативных

участников «безбожных инстанций» — светских партий, армии и проч., членов ИФС и ИАС, такфировцев, иностранных граждан, проповедников, пренебрегавших джихадом, улемов, решивших пойти по салафитскому пути). К опусу прилагался формуляр вступления в ВИГ (заполнявшийся кандидатом и его поручителями). Это больше напоминало бюрократическую партию ленинистского типа, нежели конгломерат вооруженных группировок, действовавших в сельской местности и в бедных городских кварталах.

³⁹¹ Вместе с А. Шебути и С. Мехлуфи.

³⁹² «Процесс» над Ламарой и Таджином состоялся 4 января 1996 г. (см.: ат-Тавиль К. Указ. соч. С. 240. В тексте приведена в расшифровке часть содержимого кассеты). «Признания» обвиняемых и суа над ними явятся темой следующего сборника, «Ас-сейф аль-баттар» («Разящий меч»), вышедшего в период «эмирства» Зуабри.

³⁹³ Монахи оставались в этой зоне повышенного риска в горной местности близ города Медеа — вотчины исламистов, поскольку имели охранную грамоту, выданную им местными «эмирами» ВИГ. Об этом деле см.: Duteil M. Les martyrs de Tibehirine. P.: Brepols, 1996.

³⁹⁴ В претендующем на научность сочинении под названием «Ибн Таймийя: Статус монахов» с арабским подзаголовком «Руббан аль-гарикин фи катль рухбан Тибейрин» («Капитан утонувших из-за убийства тибейринских монахов») бельгийский профессор-арабист, принявший ислам и подписавшийся в данном случае псевдонимом Насреддин Лебателье, предлагал теологическое обоснование убийства монахов в духе исламской традиции (см.: Lebatelier N. Ibn Taymiyya: Le statut des moines. Beyrouth: Al-Safina Editions, 1997). Давая перевод

последствий этого убийства, учитывая, что некоторые представители ВИГ, осевшие на Западе, завязали отношения с христианским духовенством.

Однако наиболее жестокий удар нанесли ВИГ те, кто, находясь в Лондоне, оправдывали ее джихад в глазах всего мира на страницах «Аль-Ансар». 31 мая 1996 года выпуск этого издания в свет был приостановлен его редакторами, а 6 июня два главных лондонских идеолога «салафитско-джихадистского» течения — палестинец Абу Катада и сириец Абу Мусааб, — а также египетская «Гамаа исламийя» д-ра Завахири и Ливийская вооруженная группа заявили, что они прекращают поддерживать Зитуни, «пролившего запретную кровь», ставшего виновником «уклона» в ведении джихада, казнившего Мухаммада Сайда и Абдерразака Реджема, а также многих партизан из числа ветеранов Афганистана, критиковавших растущую изоляцию, на которую политика «эмира» обрекла ВИГ.³⁹⁵ В то время как диссидентские группы объявили об исключении Зитуни из ВИГ и о возвращении группировки к истинной «салафитско-джихадистской» линии, тот, всеми покинутый и загнанный в угол, погиб 16 июля близ города Медеа, — вероятно, от рук «джазаристов», которые отомстили за казнь своего лидера, убитого в ноябре 1995 года.

За 22 месяца, проведенных Джамелем Зитуни во главе ВИГ, алжирский джихад пришел к своему поражению, познать горечь которого придется его преемнику на посту «эмира» — Антару Зуабри. Какими бы ни были — если они и в самом деле были — «проникновения агентов» в ряды группировки, она проводила акции, которые неминуемо разрушали единство вооруженного исламистского движения в Алжире.³⁹⁶ Оно распалось в кварталах алжирской столицы, где набожные средние классы, уставшие от насилия и рэкеты «во имя джихада» со стороны молодежных банд, приняли массовое участие в президентских выборах ноября 1996 года, несмотря на призыв ИФС бойкотировать их. Еще более показательным, нежели

и комментариев к фетве Ибн Таймийи, автор проводил различие между отшельниками, которые не поддерживают никаких связей с обществом и которых запрещено убивать, и монахами, живущими среди людей, а потому их можно отправлять на тот свет. Автор напоминал совет первого халифа, Абу Бакра, мусульманскому завоевателю Сирии: «Вы найдете людей, которые скрываются в местах уединения. Оставьте их в покое, как и то, из-за чего они уединились. Вы найдете также людей, которые сделали себе нечто вроде гнезда на голове. Разите мечом по этому гнезду, которое они себе устроили». Напоминал он и о суровости Ибн Таймийи к этим «носителям тонзур», которых этот средневековый религиозный мыслитель называл «имамами неверия». Тем самым автор подчеркивал доктринальную обоснованность аргументации, использованной Зитуни в его коммюнике от 18 апреля 1996 г., в котором тот оправдывал возможную казнь пленников ссылкой на аналогичные источники. Сочинение это вызвало бурную полемику. Оно было отмечено ярко выраженной антихристианской тональностью и выдержано в восточном колорите (подзаголовок на арабском языке, использование рифмованной прозы — садж — подражание текстам ВИГ, название издательства — «Ас-Сафина» [«Корабль»], растиражировавшего сочинение «капитана корабля» [«Lebatelier»]), что по меньшей мере было неуместным в связи с произошедшей трагедией. Тем не менее этот опус дал весьма интересный материал для понимания устройства ментального и теологического мира «салафитско-джихадистского» движения, к которому относилась ВИГ. К тому же, независимо от того, использовался ли Зитуни какими-либо заинтересованными сторонами, или нет, в коммюнике, выпускавшемся за его подписью, чувствовалась реальная исламская культура. Анри Тенк в газете «Le Monde» от 7–8 июня 1998 г. в статье, посвященной происшествию в Тибеирине, затрагивал и тему скандала вокруг книжки «Le statut des moines», которую он назвал «апологией кровавой резни». См. также: Oxford fellowship for Author of Murder Monks' Book // The Observer. 1998. 6 September.

³⁹⁵ Ат-Тавиль К. Указ. соч. С. 230–239. Зитуни было предъявлено обвинение в том, что он не представил «шариатских доказательств», оправдывавших ликвидацию М. Сайда, А. Реджема и ветеранов Афганистана. Зитуни был обвинен также в «чрезмерности» (гулу) — этим термином обозначаются приверженцы хариджизма.

³⁹⁶ В 113 выпуске бюллетеня «Al Ribat» (печатного органа ИФС в Европе) от 19 июля 1996 г., вышедшем в свет после убийства «эмира», говорилось: «Итог деятельности Зуабри во главе ВИГ крайне негативен для алжирского исламистского движения. И напротив, он крайне положителен для правящего режима. Скатывание к насилию, экспорт терроризма во Францию способствовали дискредитации алжирского исламизма, как и война, развязанная против руководства и кадров ИФС (более тысячи его активистов были уничтожены боевиками ВИГ), а также война против семей сотрудников сил правопорядка, включая их жен и детей».

предсказуемая победа на них генерала Зеруаля, был успех получившего на выборах второе место Махфуда Нахнаха — кандидата от партии «Хамас», которая выступала как соперник ИФС в среде религиозной мелкой буржуазии. Война против Франции также усилила противоречия между ВИГ и ИФС. Первая вызывала энтузиазм у городских обездоленных слоев всякий раз, когда наносился удар по бывшей колониальной державе. Однако проживавшие за рубежом лидеры Фронта пытались убедить правительства США и европейских стран, что их приход к власти будет гарантией общественного порядка и развития в Алжире рыночной экономики. Но в 1996 году эти правительства убедились, что ИФС уже не в состоянии контролировать вооруженную борьбу, что Фронт уже не имеет влияния на бедную молодежь и не сумеет управлять государством, тем более что убийство Мухаммада Сайда поставило под вопрос появление нового харизматического лидера, способного примирить экстремистов и умеренных, сторонников джихада и «джазаристов». Наконец эскалация насилия, затронувшая всё общество, неразборчивые убийства, даже если они частично приписывались силам безопасности или провокаторам, делали джихад всё менее и менее популярным — в отличие от его начальной стадии в 1993–1994 годах. Разрыв между населением, всё сильнее устававшим от нескончаемых столкновений, и вооруженными группами достигнет своего апогея при последнем «эмире», Антаре Зуабри.

Он был выдвинут на этот пост одной из фракций ВИГ, конфликтовавшей с другими течениями. Двадцатилетний Зуабри, родившийся в деревне Хуш-Тро, в *гурби*,³⁹⁷ примыкавшем к бывшей колониальной ферме у подножия Атласских гор неподалеку от города Буфарик, еще в подростковом возрасте встал на путь религиозного активизма. Его брат Али возглавлял вооруженное формирование,³⁹⁸ а сам Антара входил в группы, которые позже влились в ВИГ, после своего возвращения из Ирака, где в 1991 году он вступил в отряд, отправленный Али Бенхаджем. Близкий к Зитуни, он продолжил его курс, ужесточив кампанию насилия: ускорил чистку рядов ВИГ, приказывая убивать тех, кто оспаривал его авторитет, и отвергал критику со стороны международного «салафитско-джихадистского» движения. Ему удалось восстановить определенный авторитет в начале 1997 года, и он нашел в египтянине Абу Хамзе — ветеране Афганистана и Боснии, проповедовавшем в мечети Финсбери Парк в северной части Лондона, — нового идеолога, склонного санкционировать его джихад соответствующими фетвами. В феврале тот возобновил издание «Аль-Ансар», убедившись в салафитской правоверии Зуабри, приславшем ему свойopus под названием «Разящий меч», где были изложены принципы движения и который стал его манифестом.³⁹⁹ Помимо оправдания убийств и «ликвидации»,

---

³⁹⁷ Лачуге (алжирский диалект) (*Примеч ред*)

³⁹⁸ Листок «Аль-Джамаа» («община» — термин, которым в данном случае и в данном контексте обозначалась ВИГ), служивший органом ВИГ в период между приостановкой издания «Аль-Ансар» в июне 1996 г. и его возобновлением в феврале 1997 г. (см. ниже), опубликовал в № 10 (сентябрь 1996 г.) «диалог с эмиром Абу Талхой Антаром Зуабри». Единственные биографические сведения, которые в нем имелись, касались его рождения в окрестностях города Буфарик, его участия в деятельности вооруженных группировок и его близости к лидерам последних. Большая часть интервью была посвящена опровержению обвинений в хариджизме, оправданию «ликвидации», проводившихся при Зитуни, полемике с египетской и ливийской группировками, которые в июне 1996 г. отказались от поддержки ВИГ, и подтверждению верности «салафитско-джихадистской» линии (с. 5–16).

³⁹⁹ Составленный по просьбе Абу Хамзы представителем Комитета по религиозным делам ВИГ Абу Мунзиром, этот 60-страничный текст увидел свет с предисловием Зуабри. Как и все подобные сочинения, он имел заголовок, написанный рифмованной прозой (садж) и звучавший в переводе так: «Разящий меч — ответ тем, кто нанес удар в спину благочестивым моджахедам и поселился среди неверных» (намек на Абу Катаду и Абу Мусаба, которые из Лондона критиковали Зитуни в июне 1996 г.). Большая часть книги была посвящена оправданиям «чисток» времен «эмирства» Зитуни, о которых она давала много ценной информации, а также оценке алжирского общества. Этот текст распространялся в мечети Финсбери-парка в марте 1997 г. В следующем месяце Абу Мунзир развил содержащиеся в «Разящем мече...» идеи в другом тексте,

совершенных во времена Зитуни, этот текст представлял алжирское общество как пренебрегшее джихадом. Будучи мусульманской общиной, оно должно было бы сражаться с «безбожниками» и присоединиться к ВИГ, но этого не произошло: лишь незначительное меньшинство действительно поддерживало религию, участвуя в джихаде. В столкновениях с правителями-«безбожниками» и «вероотступниками» большинство людей «уронило эту религию и отказалось бороться с ее врагами».⁴⁰⁰ «Разящий меч» не питал иллюзий по поводу популярности джихада, что контрастировало с победным тоном текстов ВИГ, появившихся в предыдущие годы. В практике группировки это выразится в актах насилия, целью которых во всё большей степени станет «наказание» населения, которое обмануло возлагавшиеся на него надежды.

Месяц Рамадан (январь — февраль) 1997 года стал самым кровавым за всю историю гражданской войны: он был отмечен убийствами гражданского населения, часто совершенными холодным оружием. Складывалось впечатление, что создание вооруженных государством «союзов патриотов» в деревнях, где военные не могли оставить свои гарнизоны, способствовало «приватизации» и распространению насилия, в котором кровная месть, локальные конфликты и столкновения между ВИГ и властью смешались в один клубок. Отсутствие настоящего расследования и достоверных свидетельств затрудняло точное установление ответственных за волну убийств в период «эмирства» Зуабри, достигшую своего апогея в кровавой бане конца августа и сентября в Раисе, Бени-Месусе и Бенталхе, где жертвами резни стали сотни людей. Если алжирская пресса возлагала ответственность за происходившее исключительно на «преступников из ВИГ» и не упускала случая подчеркнуть связь между некоторыми основателями группировки и ИФС, то руководители исламистской партии в эмиграции хотели видеть в убийствах только провокации служб безопасности, призванные оторвать население от исламистского движения в целом.⁴⁰¹

озаглавленном «Соратники [«аль-ансар»] полируют до блеска разящий меч» («Тальми аль-ансар ли с-сейф аль-баттар»). Здесь проявилась мусульманская схоластическая традиция, благодаря которой улемы, ведя диспуты, «заставляли блистать», «освещали» и т. д. опусы друг друга, как бы обогащая их собственной эрудицией. В интервью (Лондон, февраль 1998 г.) Абу Хамза заявил нам, что в «Разящем мече...» он заметил отклонения от джихадистского салафизма и написал «Тальми...», с тем чтобы вернуть ВИГ на правильный путь. Выдержанный в крайне выпяченном стиле, изобилующий архаизмами, этот текст был практически непонятен неподготовленному читателю, владевшему лишь современным арабским языком, и выполнял исключительно функцию авторитетного источника. См.: Kepel G. Le GIA a travers ses publications // Pouvoirs. 1998. № 86. P. 82–84. В статье во французском переводе приводится отрывок из последнего текста.

⁴⁰⁰ Ассейф аль-баттар. С. 39–40. Глава 8 носила название «Замечательные слова о классификации людей этой страны Вооруженной исламской группой». В начале главы автор говорил, что ВИГ не считает алжирское общество целиком безбожным (в отличие от такфиристов), поскольку «в его основе лежит ислам». Однако текст предусматривал меры воздействия против тех, кто не торопился или боялся вступить в джихад.

⁴⁰¹ См., напр.: Le Matin (Alger). 1997. 7 Octobre. Тема «сговора» между ВИГ и остальными исламистами поднимается в статье в связи с обнаружением неких документов в ходе армейских рейдов, проведенных против «баз террористов» в деревне Гаид Гасем. О противоположной точке зрения см.: Denaud P. Le FIS: Sa direction parle... P.: L'Harmattan, 1997. В книге приводится мнение многих членов ЗИКИ о ВИГ, стратегию которой они рассматривают как результат проникновения в ее ряды агентов алжирских секретных служб. Так, вице-президент ЗИКИ Г. Абделькрим утверждал: «В ВИГ есть люди, искренние в своих экстремистских убеждениях. Они (...) становятся легкой добычей алжирской военной контрразведки: с ними работают агенты, главная задача которых — провести связь между внешними потребностями и внутренними решениями таким образом, чтобы придать журналистским манипуляциям максимальную эффективность» (с. 167). В свою очередь, Джаафар аль-Хуари — бывший президент ассоциации Алжирское братство во Франции (АБФ), представлявший ИФС во Франции до своей высылки из страны в конце 1994 г., — характеризовал Зуабри как «безграмотного парня 26–27 лет, семья и братья которого — бывшие преступники. У него не было никаких знаний, никакого образования — ни научного, ни политического, ни богословского. Как он мог делать заявления, если не умел даже читать. Как и Джамель Зитуни, он — явно один из тех, кем дергают за веревочки» (с. 222). В конце 1997 г. Алжирская община в Великобритании (организация, сочувствовавшая вооруженной борьбе) опубликовала сборник (на арабском языке) под заголовком «Фаланги джихада подтверждают факт

Какова бы ни была конкретная вина противоборствовавших сторон за кровопролитие, в сентябре 1997 года оно вылилось в два события, положивших конец организованному джихаду в Алжире: это уход со сцены ВИГ и «одностороннее перемирие», объявленное ИАС. Так, в конце сентября ВИГ обнародовала свое последнее коммюнике, подписанное Зуабри: группировка брала на себя ответственность за убийства и оправдывала их, объявляя «безбожниками» всех алжирцев, которые не влились в ее ряды, скатываясь тем самым в *такфир* — отлучение общества от веры. Абу Хамза опубликовал его в выпуске «Аль-Ансар» за 27 сентября (с критическим комментарием), а два дня спустя объявил о прекращении издания бюллетеня и отказе от дальнейшей поддержки Зуабри и ВИГ, которых он обвинил в том, что они отошли от линии «джихадистского салафизма», «осудив алжирский народ за неверие (*куфр*)».⁴⁰² С этого дня ВИГ, сохраняя связи за границей, уже не могла распространять свои коммюнике и утратила свой отличительный «почерк». Всё это тем не менее не подвело черты под деятельностью экстремистских групп в Алжире, которые продолжали вести джихад спонтанно, под началом независимых главарей, но уже без четкой структуры общенационального масштаба. Последний «эмир», Антар Зуабри, с этого времени уже практически не заявлял о себе, а ВИГ прекратила существование как общность и как основной участник гражданской войны в Алжире, сойдя со сцены при еще более неясных и загадочных обстоятельствах, чем те, при которых она вышла на алжирскую арену в 1992 году. Объявив в своем последнем коммюнике *такфир* всему обществу, Зуабри санкционировал скатывание группировки в сектантство, которое постепенно лишило ее всякой социальной базы. Она лишилась опоры даже среди неимущей городской молодежи, которая в свое время первой оказала ей поддержку. Деморализованная и утратившая активность после пяти лет насилия, молодежь была мало расположена к реализации исламистского политического проекта, который потребовал бы от нее новых жертв и слишком неравной борьбы против режима.

Двадцать первого сентября, в тот день, когда в Лондон пришло последнее коммюнике ВИГ, Мадани Мерзаг, «национальный эмир» ИАС, призвал всех находившихся под его командованием бойцов к одностороннему перемирию начиная с 1 октября.⁴⁰³ Эта инициатива свидетельствовала о слабости военного крыла ИФС, проявившейся в ходе сентябрьской резни: она произошла, и ИАС ничего не могла поделать. Будучи «почетным» промежуточным выходом из положения между разгромом и капитуляцией, перемирие, переговоры о котором велись с армейским генштабом, позволяло ИАС сохранить своих людей в ожидании их возможной интеграции в силы безопасности. В военном плане оно отражало условия, на которых режим был готов примириться с набожными средними классами, поддержавшими в свое время ИФС. Эти классы могли рассчитывать на «милосердие» к ним властей в обмен на лояльность к режиму.

Несмотря на уход со сцены ВИГ и договор о прекращении огня с ИАС, убийства продолжались на протяжении всего 1998 года. Поскольку никто не брал на себя за них ответственность, их объясняли инерцией «слепого» террора вооруженных групп, связанных своим происхождением с ВИГ. Некоторые из них ударились в чистый бандитизм, другие сводили счеты между собой или с охотившимися на них «патриотами», наконец, третьи,

---

проникновения в ВИГ агентов секретных служб» (Лондон, б. г.). Он представлял собой 22 коммюнике различных вооруженных группировок, появившихся в период между декабрем 1995-го и сентябрем 1997 г., порвавших с Зитуни, а затем и с Зуабри, обвинив их в отходе от «салафизма-джихадизма» и уклоне в идеологию такфира.

⁴⁰² См.: ат-Тавиль К. Указ. соч. С. 280. В книге приведен текст коммюнике № 51 Зуабри, опубликованный в № 165 бюллетеня «Аль-Ансар» (27 сентября 1997 г.), а также комментарии к нему Абу Хамзы.

⁴⁰³ См.: Martinez L. *Algerie: Les enjeux des negotiations entre l' AIS et Гагтпée* // *Politique internationale*. 1997. № 4. P. 499.

подобно тому как это было в конце войны за независимость, перешли на службу к земельным собственникам, надеявшимся с помощью террора вытеснить «незаконных» поселенцев с земельных участков, на которых по окончании конфликта можно было бы проверить выгодные операции с недвижимостью. В данном случае также трудно точно установить ответственность той или иной группы. Однако итогом этого года, в котором насилие уже не мотивировалось ни политическими, ни идеологическими соображениями, стало окончательное истощение социального движения, выражавшего себя в исламистских категориях. Это позволило режиму организовать серию выборов, призванных институционализировать начавшееся в 1999 году постепенное возвращение спокойствия. Этот процесс достиг кульминации в мае с приходом на пост президента республики Абдель Азиза Бутефлики. За ним последовал проведенный в сентябре референдум о «национальном согласии», который принял масштабы плебисцита. После почти десятилетней гражданской войны алжирское исламистское движение потерпело поражение от правившего режима. Неимущая городская молодежь, восставшая в октябрьские дни 1988 года, вышедшая затем на улицы, чтобы поддержать ИФС, и, наконец, ставшая кадровой базой для ВИГ, была ликвидирована как политический субъект. Набожная буржуазия, чьи экономические интересы и культурные притязания защищало в правительстве движение «Хамас» М. Нахнаха, согласилась на условия президента, который публично выразил уважение к Аббаси Мадани.⁴⁰⁴ Последний заявил о своем желании уйти из политики. Али Бенхадж, кумир неимущей молодежи, остался в тюрьме. А Абдель Кадер Хашани — единственный политик в движении, способный вести жесткий диалог с правительством, но ненавидимый самыми радикальными исламистами, погиб 22 ноября 1999 года при невыясненных обстоятельствах. Переход от социализма к рыночной экономике, парадоксальным образом ускоренный войной, должен был, по мысли алжирских руководителей, позволить интегрировать в государственную систему частных предпринимателей и бизнесменов, ранее поддерживавших ИФС, отчасти потому что они отвергали контроль генералов над экономикой «импорта — импорта».⁴⁰⁵ Реконструкция страны, инфраструктура которой была разрушена или не поддерживалась в должном состоянии в течение всего десятилетия войны, обещала принести инвесторам хорошие дивиденды, если правящая верхушка сумеет создать для этого необходимые политические условия. Однако, что бы ни случилось, представляется маловероятным, что социальная динамика, обусловившая возникновение исламистского движения, могла возродиться после войны, потопившей в крови претензии этого движения на завоевание государственной власти.

Глава 6 Египетский исламизм и вирус терроризма

---

⁴⁰⁴ Шестого июня Мадани Мерзаг, «национальный эмир» ИАС, объявил об «окончательном прекращении вооруженной борьбы». 11 июня Аббаси Мадани поддержал этот шаг в письме «Его превосходительству президенту Абдель Азизу Бутефлике». В нем он, в частности, писал: «Если Вы продолжите идти по этому достойному уважения пути, отвечающему чаяниям нашего благородного народа, во мне Вы найдете, с Божьей помощью, вашего союзника» (Le Monde. 1999. 13–14 Juin).

⁴⁰⁵ Выражение «импорт-импорт» в обиходе алжирских юмористов означало систему обогащения высокопоставленных представителей режима — Держателей монополии на импорт продукции, не производимой в стране или той, производству которой в Алжире они препятствовали, чтобы не терять контроля над своей частью рынка. Оплачиваемый за счет мощного ресурса — экспорта углеводородного сырья — и обращаемый в кредиты (национализированных) банков, к которым высшие чиновники имели привилегированный доступ, этот импорт (в частности, медикаментов) обеспечивал значительные прибыли тем, кто его контролировал. Одновременно он препятствовал становлению в Алжире предпринимательской буржуазии и созданию рабочих мест. Многочисленные случаи уничтожения предприятий в годы гражданской войны, по слухам, были делом рук этой «мафии».

В те самые годы, когда в Алжире свирепствовала гражданская война, Египет захлестнула волна насилия, в которой опять же государство противостояло радикальным исламистским группам. В 1992 году, когда в алжирской столице начинались убийства и теракты, власти интернировали активистов ИФС в исправительные лагеря в пустыне, а в горах формировались вооруженные отряды ДИГ и ВИГ, «Гамаа исламийя» расправилась в Каире со светским писателем Фарагом Фодой и бесчинствовала на юге долины Нила. Ее боевики, преследовавшие и убивавшие представителей христианского меньшинства — коптов, приступили в тот год к систематическому истреблению туристов и офицеров сил безопасности. В декабре 14 тысяч солдат и полицейских заняли и «очистили» народный квартал Имбаба на окраине столицы, который «Гамаа» превратила в «освобожденную исламскую зону» — подобие бедных алжирских кварталов Эвкалиптов или Бараки. Эта одновременная эскалация насилия в двух странах происходила в год захвата Кабула моджахедами. Многие сотни алжирских и египетских «афганцев» вернулись домой. Пройдя в Пешаваре школу «салафизма-джихадизма», они способствовали радикализации местного джихада, привнеся в него свой интернациональный опыт. В обеих странах режим также столкнулся с успехом «умеренных» исламистов в борьбе за симпатии средних классов: Мубарак не пошел на риск победы исламистов на парламентских выборах, подобной победе ИФС в декабре 1991 года, однако египетские «Братья-мусульмане» продемонстрировали свою силу в тех социально-политических нишах, которые были для них открыты. В сентябре они одержали верх на выборах в союз адвокатов, завершив тем самым подчинение профессиональных союзов (медиков, инженеров, дантистов, фармацевтов), объединявших египетскую дипломированную мелкую буржуазию. 12 октября, после землетрясения, унесшего жизни более 500 человек и оставившего без крова 50 тысяч жителей Каира, «Братья» взяли в свои руки организацию оказания помощи пострадавшим, опережая в этом неповоротливую государственную бюрократию, — как это сделал ИФС во время землетрясения в Типасе в октябре 1989 года.

Апогеем волны насилия, обрушившейся на Египет, стало убийство в Луксоре 60 человек, в основном туристов, 17 ноября 1997 года, вскоре после резни в Раисе, Бени-Месусе и Бентальхе в Алжире. В обоих случаях эти убийства были последними, за которые взяло на себя ответственность структурированное вооруженное исламистское движение. Радикальные группировки — «Гамаа исламийя» в Египте и ВИГ в Алжире — рухнули, раздавленные репрессиями и ненавидимые населением. «Исторические» лидеры «Гамаа» призвали в июле ко «всеобщему прекращению огня»; в Алжире в конце сентября ИАС объявила об «одностороннем перемирии». Почти одновременно вооруженный джихад потерпел поражение в обеих арабских странах, где насилие достигло своего пика. Это поражение открыло путь к перестройке и кооптации правившими режимами исламистского движения, лишившегося поддержки в народе и вернувшегося к ориентации на средние классы.

Несмотря на сходство между египетскими и алжирскими событиями, частично связанное с общностью направленности, которую хотели придать им активисты, прошедшие Афганистан, эти события разворачивались в совершенно разном политическом контексте. Алжир был молодым государством, обретшим независимость в 1962 году и несшим отпечаток насилия времен войны. Это государство не имело опоры в обществе с тех пор, как в 80-х годах единственная правящая партия ФНО начала терять народное доверие. Религиозные инстанции находились в зачаточном состоянии, и государству пришлось даже пригласить улемов из Египта, когда в 1985 году оно учредило исламский университет в Константине, чтобы придать себе религиозную легитимность. Этот вакуум помог ИФС мобилизовать народ на борьбу во имя ислама и победить на выборах в 1989–1991 годах, способствовал втягиванию части населения в гражданскую войну, по крайней мере, до 1994–1995 годов. В Египте же государство во главе с Хосни Мубараком было наследником очень древней политической конструкции, располагавшей эффективным административным аппаратом, при всех бюрократических издержках, порожденных его «фараонизмом». Благодаря университету Аль-Азхар он располагал религиозной инстанцией, которая сумела

сохранить огромный авторитет, несмотря на вмешательство со стороны властей вкупе с критикой со стороны наиболее радикальных исламистов и проникновением «Братьев-мусульман» в среду улемов и преподавателей. К тому же в противоположность Алжиру, где до 1989 года воинствующий исламистский протест ограничивался партизанским движением Мустафы Буяли, Египет, президент которого был убит в октябре 1981 года группой «Аль-Джихад», имел длительный опыт борьбы с исламистским движением, начавшейся после создания в 1928 году на берегах Суэцкого канала организации «Братья-мусульмане». Этот опыт включал в себя казнь Сайида Кутба, повешенного при Насере в 1966 году, и двусмысленные отношения с «Гамаа исламийя», в которые вступил в 70-е годы Садат. Сползание части исламистского движения к насилию в 1992–1995 годах, несмотря на свой открытый характер, не вылилось в полномасштабную гражданскую войну, хотя некоторые районы страны на время вышли из-под контроля полиции и армии. В 1995 году иностранец мог спокойно проживать в Каире, что было тогда невозможно в столице Алжира.

В военном отношении масштабы конфликта, если судить о них по количеству жертв (порядка тысячи человек в Египте и сотни тысяч человек в Алжире), были несоизмеримы. В политическом плане египетское исламистское движение, которое в 1992 году пополняло свои ряды как за счет неимущей городской молодежи, так и представителей средних классов и религиозной буржуазии, оказалось, как и в Алжире, глубоко расколото после пяти лет ожесточенного конфликта с властью, ход которого этому движению так и не удалось повернуть в свою пользу.

Произошедшее в июне 1992 года убийство светского эссеиста Фарага Фоды активистами «Гамаа исламийя» обычно считают началом новой фазы конфликта, который с середины 80-х годов приобрел латентный, хотя и неизменный, характер. После убийства Садата в октябре 1981 года широкомасштабные репрессии на время свели на нет экстремистское течение, рассеяли ряды его сторонников и заставили уйти в тень «Братьев-мусульман», озабоченных в основном тем, чтобы отмежеваться от активистов группы «Аль-Джихад». Президент Мубарак вновь ввел в политическую игру оппозиционные партии, преследовавшиеся его предшественником, и организовал в мае 1984 года парламентские выборы с предсказуемыми результатами. Однако предвыборная кампания отличалась свободой, которой не было уже давно. «Братья» провели в парламент нескольких своих депутатов; власть чувствовала себя достаточно уверенно, чтобы проявить милосердие к радикальным элементам, арестованным в октябре 1981 года. Большинство из них стали выходить на свободу. До 1987 года о них почти ничего не было слышно: некоторые отправились на афганский джихад через Саудовскую Аравию (с одобрения режима), другие занялись восстановлением разгромленных в 1981 году организационных структур. Исламистское движение, в широком понимании этого слова, понемногу вставало на ноги, вновь овладевая теми бастионами, которые ему удалось захватить в эпоху Садата, и одновременно расширяя фронт наступления. С 1984 года его представители стали одерживать победы на студенческих выборах в большинстве кампусов. С середины 80-х годов большинство из 22 профессиональных корпораций (профсоюзов) Египта перешли под контроль своих молодых членов — представителей «Братьев-мусульман». Бывшие активисты, поступившие в университет в предыдущее десятилетие, ныне обладатели дипломов, вступившие в активную общественную жизнь, они продолжали здесь *даава* — проповедь-агитацию, — начатую еще в студенчестве.⁴⁰⁶ Этот прорыв в среду

---

⁴⁰⁶ См.: Qandi IA. L'evaluation du role des islamistes dans les syndicate professionnels egyptiens // Le phenomene de la violence politique: Perspectives comparatives et paradigme egyptien / Sous la dir. de B. Dupret. Le Caire: Cedej, 1994. P. 282. Успехи «Братьев-мусульман» на выборах в «профессиональные союзы», объединявшие представителей средних классов, объяснялись наличием многих факторов. Прежде всего, рост численного состава профсоюзов объяснялся перепроизводством специалистов в 70-х годах, что привело к их резкому обнищанию. Это явление затронуло в первую очередь новопеченных медиков, которым не удавалось обзавестись состоятельной клиентурой и многие из которых жили на жалкое пособие, выплачивавшееся

представителей свободных профессий и «профессионалов» сопровождался обогащением религиозной буржуазии, процветание которой было связано с исламскими банками и исламскими инвестиционными фондами, переживавшими в тот момент период расцвета. В 1988 году государство положило конец этому явлению. Оно опасалось, что этот процесс позволит движению, включая все его течения, сколотить капитал для войны и обеспечит «Братьям» и их друзьям финансовую независимость, которая закончится их непримиримой политической оппозицией. Но в то же время государство поощряло расширение религиозного пространства, контроль над которым оно надеялось сохранить и которое придавало власти легитимность, помогая парировать обвинения в безбожии или «теплохладности», бросавшиеся режиму бородачатыми активистами. В 1985 году государственное телевидение отвело около 14 тысяч часов под исламские передачи,⁴⁰⁷ обеспечив проповедникам-«телекоранистам» — таким, как шейх Шаарави, известный своим крайним консерватизмом и враждебностью к коптам, или шейх Мухаммад аль-Газали, близкий к «Братьям-мусульманам», — приоритет в изложении общественных ценностей. Эти улемы считали себя идеологическим оплотом государства против «религиозного экстремизма» и стремились извлечь выгоды из своего статуса. Их первой мишенью стали светские интеллектуалы, труды которых они подвергали цензуре за содержащееся в них, по мнению этихулемов, «посягательство на религию». Мимоходом нападкам подверглось даже полное арабское издание «Тысячи и одной ночи», обвиненное в «непристойности». Запрещение подавать спиртные напитки в самолетах авиакомпании «Ижипт Эйр» и решение некоторых префектов объявить в своих департаментах сухой закон указывали на то, что государство отдало на откуп религиозным деятелям салафитского и консервативного направлений сферы морали, культуры и бытового поведения. В парламенте депутаты из числа «Братьев-мусульман» неустанно добивались введения шариата и отмены любых законов, которые, по их мнению, противоречили канонам мусульманского права. Когда в 1985 году председатель парламента Рифаат аль-Махгуб (будет убит в 1990 году) отказал им, заявив, что правовая сфера, как и политика, должна оставаться свободной от посягательств со стороны исламистского движения, даже «умеренного», за этим последовали манифестации, организованные пламенным проповедником шейхом Хафезом Саламой. Они были быстро рассеяны, но дали понять, что исламистское движение вновь осмеливалось заявлять о себе на улицах.

В то время как «Братья-мусульмане» и их сторонники в набожном истеблишменте вели

Министерством здравоохранения. «Братьям» удалось создать социальные службы и организовать благотворительную деятельность, ставшую возможной благодаря их контролю над многочисленными благотворительными обществами. Последние финансировались за счет закята, поступавшего от богатых мусульман или нефтедолларов, которые перечисляли сторонники «Братьев» из числа египтян, эмигрировавших в страны Залива. Средства поступали также от местных исламистов или салафитов. Кроме того, предлагая проект политического переустройства общества, в котором набожным средним классам отводилась большая роль, «Братья» привлекали к себе взоры тех разочарованных молодых выпускников вузов, чьи надежды на социальную карьеру разрушила пролетаризация. Наконец, массовый абсентеизм на выборах в профессиональные союзы способствовал победе активного и хорошо организованного меньшинства в лице «Братьев». Данный феномен даст властям аргумент в пользу восстановления контроля над профессиональными союзами в 1993 г. (после победы «Братьев» на выборах в Союз адвокатов 11 сентября 1992 г.). Указ предусматривал, что для того, чтобы выборы были признаны состоявшимися, в них должно было принять участие не менее 50 % членов Союза. Невыполнение этого условия влекло за собой переход союзов под контроль государственной администрации. См.: AbdelFattah N. *Veiled Violence: Islamic Fundamentalism in Egyptian Politics in 1990s*. Cairo: Sechat, 1993. P. 36–45, 74–81.

⁴⁰⁷ За исламскими программами следовали политические (11 тыс. часов) и развлекательные (8 тыс. часов), в то время как передачи «аморальные» (например, танцы) или признанные «несовместимыми с исламскими ценностями», подвергались цензуре. См.: Ayalon A. *Egypt // MECS*. 1984–1985. P. 351. Автор ссылается на газеты «Аль-Ахрам» (21 мая 1985 г.) и «Майо» (25 мая 1985 г.).

с властями своего рода «пограничную войну» — первые за распространение своего влияния на сферы права, экономики и политики, а вторые — за то, чтобы ограничить это влияние областями морали и культуры, — подпольная составляющая исламистских движений разделилась на два больших течения. Этому предшествовали проходившие в тюремных камерах дебаты, вызванные провалом попытки захвата власти после убийства Садата. Первое течение — его лидерами были лейтенант Аббуд аз-Зумр, приговоренный к пожизненному заключению, и врач Айман аз-Завахири,⁴⁰⁸ уехавший в 1985 году в Афганистан, — считало, что джихад может увенчаться успехом только в том случае, если с помощью силы уничтожит нервные центры «безбожного» режима. Для этого потребуется небольшое ядро в лице решительно настроенных активистов, которое после этого провозгласит исламское государство к восторгу народа, освободившегося от тирании. Эта путчистская концепция воспроизводила в исламистском варианте методы арабских националистов-военных, применявшиеся в предыдущие десятилетия. Она подвергла сильнейшему сомнению эффективность «проповеди» (*даава*), которую государство имело возможность держать в узде, пока исламистское движение находилось «в стадии слабости», и следовала идеям опуса, сочиненного электриком Абдессаламом Фараджем с целью оправдания убийства Садата. Этому взгляда придерживалась группа «Аль-Джихад» («Танзим аль-джихад»), воссозданная в подполье.

Другие активисты, позаимствовавшие название «Гамаа исламийя» («Исламская группа»), ставшее знаменитым в студенческих городках в 70-е годы,⁴⁰⁹ считали, что джихад должен вестись параллельно с проповедью и распространяться на общество, в котором следует проводить в жизнь принцип «повелевания благого и запрещения дурного». Это предполагало одновременное поощрение широкой и открытой агитации и установление контроля над частями территории, которые можно было вывести из-под власти государства и установить на них «исламский порядок». Активисты осмысливали его в категориях морали (они преследовали людей, нравственность которых вызывала подозрения, силой закрывали видеосалоны, парикмахерские, бары, кинотеатры и пр.), догматики и права (угрожали коптам, с тем чтобы те платили «налог на защиту», установленный шариатом для немусульман, живущих под исламской властью) и военно-политических категориях (нападали на представителей государства, полицейских и др.). «Духовным лидером» «Гамаа» был слепой шейх Омар Абдель Рахман,⁴¹⁰ «муфтий» убийц Садата, который стал

---

⁴⁰⁸ Айман аз-Завахири, который сыграет видную роль в международных радикальных исламистских движениях второй половины 90-х годов (род. в 1951 г., в 1978 г. получил диплом хирурга), был родом из известной каирской семьи врачей и дипломатов. Один из его предков был посланником, другой — шейхом Аль-Азхаром. Участвовавший еще с подросткового возраста в подпольном исламистском движении в насеровскую эпоху, он присоединился к группе убийц Садата благодаря посредничеству Аббуда аз-Зумра. Арестованный в октябре 1981 г., в 1984 г. он вышел на свободу и провел конец десятилетия в Афганистане. Он также бывал в Европе, выезжая туда через Болгарию. См.: Такрир ааль-халия ад-динийя фи миср 1996 [Доклад о религиозной ситуации в Египте в 1996 году] / Ред. Набиль Абдель Фаттах. Каир: Центр политических и стратегических исследований «Аль-Ахрам», 1998. С. 280.

⁴⁰⁹ В 70-е годы термин «гамаат исламийя» (по-арабски — во мн. числе) обозначал исламистские студенческие движения всех оттенков. С середины 80-х годов в этот термин (уже в единственном числе, часто с уточняющим эпитетом «радикалийя», т. е. «радикальное») закрепился исключительно за подпольным движением, вставшим на путь насилия и избравшим своим духовным лидером шейха Омара Абдель Рахмана.

⁴¹⁰ Страдавший диабетом и ослепший еще в десятилетнем возрасте, Омар Абдель Рахман (род. 1938) посвятил себя изучению религиозных наук (выбор, достаточно типичный для слепых, которым их увечье не мешает заучивать священные тексты, о чем свидетельствует пример шейха Кишка, популярного исламистского проповедника 70-х годов). В 1996 г. Омар окончил Аль-Азхар; в октябре 1970 г. впервые попал в тюрьму на 18 месяцев за издание фетвы, запрещавшей молиться за Насера (который только что умер), так как тот, мол, был «безбожником»; получив в 1977 г. степень доктора, уехал преподавать в Саудовскую Аравию; пробыв там до 1980 г., стал «муфтием» группы убийц Садата, для которой издал фетву, разрешавшую нападения на коптов (см.: Kerel G. Le Prophete... P. 227); арестованный в 1981 г., но оправданный в ходе процесса, вышел на свободу

известным благодаря своим фетвам, разрешавшим нападения на коптских ювелиров и торговцев золотом (а в случае необходимости и их убийство) для финансирования джихада. Выйдя на свободу в 1984 году, он поселился в оазисе Эль-Файюм, где выступал с проповедями на излюбленные темы. Попав на короткое время за решетку в 1986 году, он будет вновь арестован в апреле 1989 года после жестоких столкновений его сторонников с полицией. После многомесячного заключения Рахман уедет в Судан, где получит визу в США. Здесь он продолжит свои проповеди в Джерси-Сити, пока не будет привлечен по делу о взрыве во Всемирном торговом центре в феврале 1993 года.

Снижение уровня безопасности начало беспокоить египетских наблюдателей лишь с 1987 года, когда были совершены (в мае того года) неудачные покушения на бывшего министра внутренних дел и американских дипломатов, а в Верхнем Египте при подстрекательстве «Гамаа исламийя» участились случаи насилия в отношении коптов. Кто-то распустил слух, что христиане якобы опрыскивали платок женщин-мусульманок таинственной аэрозолью, благодаря которой на ткани после первой стирки проступал крест! То, что подобные небылицы могли привести к инцидентам, красноречиво говорило о степени напряженности в долине Нила. В том же году усилилось представительство в парламенте «Братьев-мусульман»: вступив в коалицию с Партией труда — ее возглавлял бывший марксист, ставший исламистом, — они получили 17 % голосов и 60 депутатских мест. Власть, контролировавшая конечные результаты голосования, придерживалась тогда стратегии диалога с набожными средними классами, от которых она ожидала поддержки социального мира. Но насилие возрастало год от года, что завершилось взрывом 1992 года. Так, осенью 1988 года в Гелиополисе — пригороде Каира — полиция была вынуждена занять целый квартал, в котором «Гамаа исламийя» с помощью силы «повелевала благое и запрещала дурное», это был знак того, что организация смогла выйти из своей цитадели — сельских районов Верхнего Египта — и закрепиться в народных кварталах столицы.⁴¹¹ В 1989–1990 годах непрекращавшееся насилие против коптов в Верхнем Египте и возросшее влияние «Гамаа» дали толчок репрессиям. Они проявились в осаде мечети в Эль-Файюме, где проповедовал Омар Абдель Рахман, в многочисленных арестах и полицейских «эксцессах». Все это вызывало акты мести в отношении сил правопорядка со стороны традиционных кругов Верхнего Египта на фоне идеологического противостояния между радикальными исламистами и государством. До 1993 года власть проводила одновременно две стратегии: политического давления на «экстремистов», широко освещавшегося в средствах массовой информации, и негласного диалога с некоторыми из них при посредничестве религиозных деятелей, близких к салафитскому движению или к «Братьям-мусульманам». Колебание между этими двумя линиями, знаком которого стала смена трех министров внутренних дел на протяжении трех лет,⁴¹² было истолковано некоторыми активистами как проявление слабости режима. Несмотря на аресты тысяч исламистов, теракты становились все более дерзкими, о чем свидетельствовало убийство в центре Каира в октябре 1990 года бывшего председателя парламента.

в 1984 г. (см.: Такрир... 1996. С. 280). Дальнейшая его биография, получившая широкое освещение в прессе после его переезда в США, изложена там же (с. 296–299).

⁴¹¹ Об этих инцидентах и о ситуации в исламистском движении во второй половине 90-х годов в самом широком плане см.: Rausilkm A. *Entre Al-Jihad et Al-Rayyan: Phenomenologie de l'islamisme egyptien* // *Maghreb-Machrek*. 1990. Janvier-Mars. № 127. P. 5–50.

⁴¹² В январе 1990 г. сторонника «жесткой» линии Заки Бадра, за месяц до того избежавшего покушения на свою жизнь, сменил Абдель Халим Муса. По инициативе последнего в самый разгар насилия в стране был создан Комитет по посредничеству, сформированный из религиозных деятелей. Однако в апреле 1993 г. этот министр также был отправлен в отставку. Его сменил генерал аль-Альфи, который возглавлял министерство до луксорской бойни в ноябре 1997 г. До своего назначения на министерский пост все трое были губернаторами Асьюта и «специализировались» на радикальном исламизме.

Таким образом, к 1992 году, который станет началом пятилетней «войны», положение власти оставалось сравнительно шатким. Однако исламистское движение — в еще большей степени, чем в Алжире, — страдало от раскола между входившими в него различными социальными группами, которые разделяли тактические и доктринальные разногласия. «Братья-мусульмане» завоевали прочные позиции среди представителей набожных средних классов, имели депутатов в парламенте, располагали финансовыми ресурсами благодаря исламской банковской системе, в которой они были широко представлены; они контролировали профессиональные корпорации и через благотворительные ассоциации, возглавлявшиеся некоторыми членами «Братства», могли воздействовать на народные массы. Набожный истеблишмент, ставший опорой власти после убийства Садата, имевший широкий доступ на телевидение и доминировавший на интеллектуальном поле, был подвержен влиянию «Братьев» через крупных улемов, близких к последним, таких как Мухаммад аль-Газали и Юсеф аль-Карадави. Тем не менее, несмотря на «посредническую» функцию, которой они так гордились, ни «Братья», ни набожный истеблишмент не были способны контролировать радикальное течение, а тем более влиять на неимущую городскую молодежь и отстроить ее в боевой порядок за набожными средними классами в единой битве против власти — в противоположность ИФС, которому удалось это сделать в Алжире в 1989–1991 годах.

В самом деле, в 1992 году «Гамаа исламийя» и отчасти группа «Аль-Джихад» сумели превратиться в самостоятельную силу, наращивая свои успехи после освобождения в 1984 году большинства своих активистов. Во второй половине 80-х годов они развернули опорные пункты в провинциях Асьют и Минья (Средний Египет), где царил благоприятная для их пропаганды социальная атмосфера. Снижение цен на нефть в 1985 году привело к спаду эмиграции на Аравийский полуостров, где оседало большинство молодых выпускников — выходцев из крестьянских семей, прошедших через местные студенческие лагеря, появившиеся в долине Нила с конца 70-х годов. Многие из этих молодых людей, посещавшие собрания «Гамаа исламийя» в университете, после учебы возвращались в свои деревни и городки, где оказывались без работы; став обузой для семей, и так во многом себе отказывавших, чтобы платить за их обучение, они были разочарованы в своих ожиданиях. Дискурс и идеология «Гамаа» легко превращали это недовольство в бунт против сложившегося порядка, характеризовавшегося как «безбожный». Эти безработные дипломанты, контактируя со своими необразованными сверстниками, формировали революционную «исламистскую интеллигенцию», которая была призвана повести за собой неимущую мусульманскую молодежь долины Нила, используя особую ситуацию в регионе.

В Сайде — Верхнем Египте — социум исторически отличается наличием кланов и родственных групп, отношения между которыми характеризуются насилием и традициями кровной мести (*сар*). Распространению здесь организованной преступности, связанной с нелегальными видами деятельности (контрабанда оружия, выращивание и вывоз гашиша) способствует география: скальные пещеры, острова на Ниле с их буйной растительностью и высокие заросли сахарного тростника позволяют создавать многочисленные укрытия. Присутствие государства на местах выражено слабо: здесь господствуют частные интересы, и это облегчает создание островков инакомыслия, имеющих долгую традицию выживания в таких условиях. Наконец, сельский мир вокруг Асьюта не полностью подвергся экспансии ислама. В этой провинции нильское христианство смогло оказать ему более успешное сопротивление благодаря наличию монастырей. Доля коптского населения здесь — самая высокая в стране. Она достигает 18 % в провинции Минья и 19 % в провинции Асьют, при среднем показателе около 6 %.⁴¹³

---

⁴¹³ Численность коптов в Египте служит предметом непрекращающихся споров между теми, кто хотел бы преуменьшить роль египетского христианства, и теми, кто, напротив, хотел бы ее раздуть. Эти споры подпитываются еще и отсутствием данных переписи населения. О положении коптской общины в Египте см.: ElKhawaga D. Le renouveau copte: La communauté comme acteur politique. P.: Institut d'Etudes Politiques de Paris, 1993. О межконфессиональной напряженности в долине Нила см.: Guyomarch C. Assiout: Epicentre de la sédition

Такое положение создало благоприятную почву для экспансии «Гамаа исламийя». Она сумела одновременно сформировать мобилизационные и идеологические структуры, неподконтрольные далекому государству, организуя тайники и тренировочные лагеря, и осуществить на практике, в частности нападениями на коптов, свой принцип «повелевания благого и запрещения дурного». На протяжении веков взаимоотношения между мусульманами и христианами в долине Нила претерпевали различные перемены. Длительные периоды спокойствия сменялись вспышками напряженности, когда фанатичный проповедник возбуждал у своей паствы гнев против «наглости» христиан: строгое толкование священных текстов ислама предписывало принижать и унижать христиан, собирая с них «подушную подать» (*джизью*), которую налагал на них шариат за «защиту» (*эпмма*), которой они пользовались (или подвергались, в зависимости от истолкования). В 1911 году в Асьюте состоялся «коптский конгресс», который породил у его противников — и некоторых его сторонников — фантазии по поводу «отделения» Среднего Египта, где было бы основано «христианское государство». Но если напряженность и насилие, возникшие с распространением исламистских движений в 70-е годы и достигшие кульминации в течение двух последующих десятилетий, и черпали аргументы в тех событиях, то своей масштабностью они были обязаны массовому притоку нищих сельских мигрантов — рабочих и студентов, преимущественно мусульман, — в такие города, как Асьют и Минья, где многие копты занимали видное положение. Рядом с крупными земельными собственниками, пострадавшими от насеровской национализации, вырос коптский средний класс, пользовавшийся развитой системой конфессионального христианского образования. Для бедной мусульманской молодежи, равнодушной к идеологии «Гамаа исламийя», подобная ситуация была сродни саднящей ране. Копты, которым полагалось быть кроткими и подчиненными, процветали, тогда как мусульмане страдали. Это немудреный анализ не учитывал, что большинство коптов долины Нила были, как и их сограждане-мусульмане, неимущими сельскими жителями. Однако он давал простую и легко использовавшуюся в целях манипуляции компенсацию за массовую социальную фрустрацию — компенсацию тем более взрывоопасную, что поток эмиграции на Аравийский полуостров иссяк. По этой причине антихристианская агитация стала излюбленным способом, которым экстремисты долины Нила могли расширить свое влияние на обездоленную молодежь. В их листовках и пропагандистских кампаниях христианин всегда изображался как извращенное существо, пользовавшееся несправедливым социальным верховенством, агент заграницы и крестоносцев, который, несмотря ни на что, желал обратить мусульман в христианство и с этой целью пытался испортить их: так, один копт из провинции Минья был обвинен в том, что он-де заставлял заниматься проституцией малолетних мусульманок и распространял записи их утех на видео-кассетах;⁴¹⁴ аптекари и ювелиры-копты являлись излюбленной мишенью нападок радикалов, которым «наглость» христиан давала постоянный повод к волнениям. В 1992 году политическая ситуация в долине Нила определялась этой агитацией, которую «Гамаа исламийя» смогла использовать к собственной выгоде. Жесткая реакция государства, которое провело среди исламистов новые аресты и допросы «с пристрастием», побудила подпольное движение, отныне закрепившееся в своих бастионах в Среднем Египте, сменить тактику и вступить в прямое столкновение с властью. Этот переход к «тотальной войне», которому способствовало возвращение в страну в тот год первых групп «афганцев», прошедших военную подготовку и одурманенных фанатизмом под влиянием «салафитско-джихадистской» среды в Пешаваре, разворачивался на трех фронтах: покушения на известных деятелей, убийства туристов и установления контроля в поясах

---

confessionnelle en Egypte // Exils et royaumes. P. 165–188.

⁴¹⁴ См.: Roussillon A. Changer la société par le jihad: «Sédition confessionnelle» et attentats contre le tourisme: rhétoriques de la violence qualifiée d'islamique en Egypte // Le phénomène de la violence politique... P. 299; Guyomarch C Op. cit. P. 171–172.

бедности вокруг столицы, символом чего стало провозглашение «Исламской республики Имбаба».

Убийство Фарага Фоды, совершенное 8 июня 1992 года активистами «Гамаа исламийя», которые были установлены, затем арестованы и осуждены, преследовало двойную цель. Последовательный противник введения шариата, сторонник безжалостной борьбы против исламистов и усиления антитеррористического законодательного арсенала для этой борьбы, он был также поборником нормализации отношений с Израилем. Поэтому Фода был отвергнут набожным истеблишментом и «Братьями-мусульманами», которые яростно осуждали его произведения; раздражал он и левых националистов, для которых сионистское государство оставалось врагом при всех обстоятельствах. Выбрав в качестве жертвы личность, не имевшую особой общественной поддержки, но весьма заметную и известную за границей, «Гамаа» бросила прямой вызов государству, пытаясь запугать всех тех, кто намеревался публично встать на позицию, схожую с позицией Фоды. Более того, целя в «радикального секуляриста», «Гамаа», несмотря на жестокость избранного метода, вызывала к себе симпатии со стороны тех самых религиозных деятелей, которых режим стремился выдвинуть на первый план, чтобы обеспечить себе исламскую легитимность. Так, в июне 1993 года, во время процесса над убийцами писателя, шейх Мухаммад аль-Газали, вызванный адвокатом со стороны защиты в качестве свидетеля, заявил, что человек, рожденный мусульманином и осмеливавшийся выступить против шариата (как это было в случае Фоды), совершил преступление вероотступничества, которое карается смертью; в отсутствие исламского государства, уполномоченного исполнить такой приговор, нельзя осуждать тех, кто взвалил на себя такую миссию. Это выступление не могло не вызвать сожаления в правительственных кругах, что способствовало отказу от политики «диалога» с радикальными исламистами через посредничество религиозного истеблишмента, близкого к «Братьям-мусульманам». Оно вписалось в серию выпадов последних против любой попытки светских интеллектуалов — изображавшихся преступниками — вмешиваться в дискуссию об основополагающих ценностях общества. Другой жертвой стал университетский профессор Наср Абу Зейд, также объявленный «отступником» за свои труды, а затем заочно разведенный по суду со своей супругой под предлогом того, что вероотступник не может оставаться в браке с мусульманкой. В 1995 году из-за угрозы быть убитым он был вынужден эмигрировать с женой в Европу.⁴¹⁵ Наконец, в октябре 1994 года лауреат Нобелевской

---

⁴¹⁵ В декабре 1992 г. (6 месяцев спустя после убийства Фарага Фоды) профессор литературного факультета Каирского университета Наср Абу Зейд представил свои труды на соискание должности заведующего кафедрой. На основании негативного отзыва, сочиненного другим профессором, являвшимся одновременно проповедником, близким к «Братьям-мусульманам», Абу Зейду было отказано под предлогом того, что он, в прошлом марксист, был не вправе писать об исламе. Н. Абу Зейд предлагал свое прочтение священных текстов, которое, разумеется, трактовало их как Творение Божие, но Творение, изложенное таким языком и в духе тех концепций, которые только и могли быть поняты обществом VII в. и которые, следовательно, допускали их современное толкование, отступавшее от буквы (так, рабство, которое Коран не запрещал и о котором он многократно упоминает, по мнению автора, уже не являлось актуальным для сегодняшнего мусульманина). Демарш Абу Зейда был расценен как святотатство — как по содержанию, так и потому, что его автор был человеком светским. Несмотря на поддержку многих интеллектуалов и других представителей университетской профессуры, соискатель подвергся ожесточенным нападкам со стороны набожного истеблишмента, близкого к «Братьям-мусульманам». В мае 1993 г. исламистские адвокаты, ссылаясь на отказ Абу Зейду в должности заведующего кафедрой, подали иск о расторжении его брака под предлогом того, что он, став вероотступником, не имел права оставаться женатым на мусульманке. Первоначально суд отклонил иск, поскольку его податели не являлись юридически заинтересованной стороной в деле. Однако позднее иск был принят к производству на основании положения шариата (хисбы), согласно которому каждый мусульманин имеет право «повелевать благое и запрещать дурное». В июне 1995 г. апелляционный суд Каира расторг брак супругов (без их на то согласия), которые через месяц эмигрировали в Нидерланды, где и проживают по сей день. Выдержки из трудов профессора доступны на французском языке (см.: AbouZeid N. *Critiques du discours religieux*. P.: Sindbad — Actes Sud, 1999). Об этом деле см.: Dupret B. *A propos de l'affaire Abu Zayd // Maghreb-Machrek*. 1996. Janvier-fevrier. № 151. P. 18; *Un arret devenu une affaire // Egypte/Monde Arabe*. 1997.1-er trim. № 29. P. 155; *L'affaire Abu Zayd devant les tribunaux (traduction d'extraits des jugements) // Egypte/Monde Arabe*. 1998. 2-е semestre. № 34. P. 169–201; *Inter-Peuples*. 1996. Mars. № 44.

премии в области литературы Нагиб Махфуз, подвергавшийся постоянным нападениям религиозных консерваторов за свои якобы непристойные романы, был ранен ножом одним из членов «Гамаа». Эти события свидетельствовали прежде всего о том, что исламистское движение располагало связями в египетской юридической среде, причем не только среди адвокатов — как это показало взятие их корпорации под контроль «Братьями-мусульманами» в 1992 году, — но также в магистратуре. Исламские судьи насильно расторгли брак четы Абу Зейд. Всё говорило также о комплиментарности отношений между «умеренными» и «экстремистами»: последние приводили в исполнение приговоры над жертвами, на которые им указывали первые, после чего «умеренные» ссылались на смягчающие обстоятельства, если в этом ощущалась необходимость. Избрание светских интеллектуалов в качестве мишени должно было способствовать восстановлению единства движения, а ради этого можно было не обращать внимания на «умеренных», публично осуждавших чрезмерное рвение активистов, переходивших от слов к действию. Однако оно возымело пагубные для движения последствия с точки зрения его международного имиджа, поскольку именно в тот момент «Братья-мусульмане» и их союзники вели пропагандистскую кампанию, представляя себя — прежде всего в глазах США — как оплот гражданского общества, противостоящего тоталитарным государствам, и как единственную силу, способную нейтрализовать радикалов.

Параллельно с кампанией запугивания светских интеллектуалов, «Гамаа исламийя» с лета повела наступление на иностранных туристов. Начав в июне с закладки самодельных взрывных устройств, она продолжила его обстрелами туристического парохода на Ниле и поезда. За этим последовали убийство английской туристки в октябре и нападение на немецких путешественников (получивших ранения) в декабре. Из Нью-Йорка вождь «Гамаа», шейх Омар Абдель Рахман, слал кассеты с записями, в которых характеризовал туризм как источник разврата и распространения алкоголизма и объявлял его *харамом* (запрещенным религией). По его стопам пошла часть «умеренного» исламистского движения, видевшая в развитии туризма, в частности израильского, одно из последствий проклинаемого исламистами мирного процесса на Ближнем Востоке.⁴¹⁶ И радикалы, и «умеренные» сожалели о гибели «невинных людей», но вину за это возлагали на полицейский произвол, вынуждавший «молодежь из «Гамаа»» защищаться всеми доступными средствами. В 1993 году теракты были перенесены в Каир, унося жизни многочисленных иностранных туристов и периодически повторяясь на протяжении последующих лет, завершившись бойней в Луксоре в ноябре 1997 года. Как и нападения на светских интеллектуалов, теракты против туристов побудили часть «умеренных» исламистов искать оправдание ярости радикалов в «безбожии государства». Это свидетельствовало о характере понимания ими данного явления и указывало на то, что бою против режима «Гамаа» давала собственное обоснование, вынуждая остальные фракции движения идти за ней — если не в делах, то хотя бы на словах. Наконец, «война» против туризма представляла

---

⁴¹⁶ Записи проповедей Омара Абдель Рахмана воспроизводились в египетской прессе антиисламистского толка — сама их крайность, по мысли главных редакторов, должна была обернуться против их автора. Так, журнал «Аль-Мусаввар» от 4 декабря 1992 г. процитировал следующее высказывание слепого шейха: «Туризм, существующий в Египте, совершенно незаконен, является грехом и серьезным оскорблением. (...) Если «Гамаа исламийя» берет на себя задачу борьбы против такого положения вещей, то тем самым она лишь исполняет свой долг, преследуя зло» (см. также: «Сабах аль-Хейр» от 24 декабря 1992 г.). А еженедельник «Аш-Шааб», близкий взглядам «Братьев-мусульман», поместил написанную его главным редактором Аделем Хусейном (бывшим марксистом) претенциозную статью о том, «какой должна быть исламская патриотическая позиция по отношению к туризму». Эта позиция, говорилось в статье, «требовала, чтобы последний был подчинен положениям шариата и исламской морали». Автор сурово осуждал как эмиров Аравийского полуострова, приезжавших в Египет насладиться прелестями здешних проституток, так и израильских туристов, часто причастных к торговле наркотиками, фальшивой валютой и падкам на призывы местных жриц любви (см.: Аш-Шааб. 1992. 2 октября; цит. по: RmssiUonA. Op. cit. P. 307–309).

собой азартную игру для тех, кто на нее решался: при минимуме средств она причиняла египетскому государству значительный ущерб, нанося удар по его финансам⁴¹⁷ и зарубежному имиджу. Представители «умеренных» исламистов на Западе использовали разгул насилия, чтобы указать на непопулярность и недееспособность «безбожного государства»: они выступали за приход к власти набожной буржуазии, которая смогла бы восстановить порядок и в то же время благоприятствовала бы деятельности инвесторов и бизнесменов. Эти аргументы начинали встречать отклик, в частности, в некоторых политических кругах США. Однако государство стало не единственной жертвой краха туристической индустрии. Значительная часть египетского населения, которое было шокировано беспрецедентным в истории страны планомерным истреблением иностранцев, зарабатывала благодаря туристическому сектору: гиды, владельцы гостиниц и ресторанов, огородники, ремесленники, таксисты, а также члены их семей, жившие за их счет. Каковы бы ни были их политические или религиозные пристрастия, они ощутили существенное снижение уровня жизни и после некоторых колебаний были вынуждены отмежеваться от тех, кто явился тому причиной.

Однако стратегия крайней радикализации, избранная «Гамаа исламийя» в 1992 году, не была лишена логики, а ее претензии на то, чтобы подтолкнуть пауперизированную молодежь к мятежу, подпитывались не только вызовом, бросаемым государству, но и росшим влиянием «Гамаа» в бедных пригородных кварталах Каира, которые она надеялась повести за собой. Осенью 1988 года в предместьях Гелиополиса силам правопорядка уже приходилось входить в квартал, где активисты «повелевали благое и преследовали дурное». Однако еще более серьезная ситуация сложилась в Имбабе — пригороде, застроенном лачугами, которые теснились неподалеку от студенческого городка Каирского университета. Здесь проживало около миллиона человек (из 12 млн жителей египетской столицы). Лишенный элементарных удобств, этот пригород был населен сельскими мигрантами, в массе своей выходцами из Верхнего Египта. Имбаба являлся своего рода карикатурным символом внедрения радикальных исламистов в столицу.⁴¹⁸ Некоторые из обвиняемых, проходивших по процессу убийства Анвара Садата, были местными жителями, но в то время Имбаба и прилегавшая к ней «зона» служили скорее укрытием, нежели главным объектом пропаганды. Лишь в 1984 году, после выхода на свободу большинства активистов, они возобновили заселение пригорода в расчете расширить ряды «Гамаа исламийя» и создать неподконтрольное государству исламизированное пространство по модели диссидентских анклавов Верхнего Египта. Успех операции стал результатом встречи исламистских интеллектуалов-активистов 70-х годов — выпускников и студентов находившегося рядом университета — с квартальными лидерами, воплощавшими традиционную фигуру *футувва* («молодцов») — этих то ли крестных отцов мафии, то ли заступников угнетенных, которые блюли общественный порядок в отсутствие представителей государственной власти. Эти крепкие парни, приверженцы боевых искусств, ударились в радикальный исламизм как раз тогда, когда тот был готов оценить их роль. Он принимал стратегию жесткого столкновения с властью и хотел привлечь к этой борьбе те социальные элементы, которые обладали «техническим» опытом насилия, организации банд, добывания оружия и боеприпасов на

---

⁴¹⁷ Будучи главным источником дохода Египта, наряду с поступлениями от эмигрантов, туризм принес стране в 1991–1992 гг. более 3 млрд долларов. В декабре 1993 г. президент Мубарак заявил, что в тот год страна потеряла 2 млрд долларовых отчислений от туристической индустрии (см.: Ахбар аль-Яум. 1993. 11 декабря).

⁴¹⁸ События в Имбабе стали предметом многочисленных газетных публикаций, социологических исследований и монографий. См.: МубаракХ. Аль-исламийюн кадимум [Исламисты идут]. Каир: Махруса, 1995; Guenena N., Ibrahim S. The Changing Face of Egypt's Islamic Activism. Washington: US Institute of Peace, 1997. September. Много ценнейшей информации предоставил автору этих строк Патрик Хенни, поделившийся своими знаниями о квартале Имбаба, в связи с этим хочу выразить ему свою признательность.

черном рынке и т. д.⁴¹⁹ Встреча между интеллектуалами-исламистами и *футувва* создала условия для привлечения неимущей городской молодежи в ряды «Гамаа», которая и стала главной социально-политической силой Имбабы.

В 1984 году Омар Абдель Рахман, «духовный вождь» группировки, начал обход местных мечетей, крупнейшие из которых стали оплотом активистов, сумевших занять социальное пространство через спорт, преподавание, организацию дружин, обеспечивавших исламский порядок в квартале, и давали отпор рейдам полиции. В ходе «завоевания» Имбабы, начавшегося с «исламизации» названий улиц, «Гамаа» подменяла собой традиционные посреднические институты, улаживая споры, прекращая конфликты между семьями, находившимися в состоянии кровной мести, и т. д. Наконец, сеть благотворительных ассоциаций, связанных с мечетями, заботилась о нуждающихся.

Крупные семейства квартала были побеждены с оружием в руках и принуждены заключить перемирие. Копты, составлявшие значительное меньшинство и группировавшиеся вокруг 21 церкви, стали жертвами бесчинств, наподобие своих братьев по вере в Асьюте или Минье. Разграбление магазинов и поджог церквей, избиение палками христиан в ходе акций, направленных против них, — всё это вписывалось в рамки «искоренения зла», которое проповедовали экстремисты. Группировка притягивала к себе некоторых молодых людей, не принадлежавших к ней идеологически, но пользовавшихся случаем, чтобы пограбить. При этом насилию не подвергались те коптские торговцы, которые платили «налог на защиту» (*джизью*) в пользу «Гамаа».⁴²⁰

В Имбабе молодежь использовала религиозную радикализацию, чтобы играть те социальные роли, которые были отведены старшим. Аналогичный феномен мы наблюдали в алжирской гражданской войне, где после 1991 года молодые «хиттисты» из бедных кварталов перехватили инициативу у бонз ИФС. И, как это было в Алжире, эта молодежь вообразила, что, установив свой контроль, она сможет продолжить наступление, пока не раскачает устои государства. В Имбабе с 1991 года, когда участились нападения на коптов, благотворительная направленность движения начала быстро уступать место расширенному истолкованию «искоренения дурного», при котором преступники прикрывались исламизмом, чтобы заниматься рэккетом. Как это позже произойдет в пригородах алжирской столицы с ВИГ, часть населения, которая первое время симпатизировала «Гамаа исламийя», отшатнулась от нее. В конце 1992 года военный представитель группировки шейх Габер, бравируя, заявил в интервью агентству «Рейтер», что Имбаба стала «исламским государством», в котором восторжествовал шариат. Эта новость облетела весь мир. В отличие от алжирских властей, которые могли лишь блокировать и оставить «загнивать» «освобожденные исламские зоны» столичных пригородов, египетское государство избрало силовые методы. В декабре 1992 года 14-тысячный отряд вошел в Имбабу и занимал ее в течение 6 недель, за которые было арестовано 5 тысяч человек. Так был положен конец эфемерной исламской республике шейха Габера, как ее прозвали в газетах. При этом «кровавой бани», обещанной его последователями, так и не произошло, поскольку само насилие, к которому скатилось движение, в конечном счете дискредитировало его и лишило поддержки многих прежних сторонников. На развитие квартала были тогда выделены

---

⁴¹⁹ Связь между радикальными исламистскими движениями, вставшими на путь насилия (или теми, кто ставил себе в заслугу его сдерживание), и «плохими мальчиками» — явление, часто наблюдавшееся в 90-е годы. О пригородах Алжира см.: Vergus M. Chroniques de survie dans un quartier en sursis // Exils et royaumes. P. 69; Martinez, L. La guerre civile. О «Черных мусульманах» («Black Muslims») США и некоторых пригородах французских городов см.: Kerel G. A l'ouest d'Allah (части 1 и 3). В Пакистане радикальную антишиитскую суннитскую партию «Лашкар-и Джхангви» возглавлял человек по прозвищу Хак Наваз-Пистолет. (Для сравнения: одним из лидеров «Гамаа исламийя» в Имбабе был некий Хасан-Карате).

⁴²⁰ Основные антихристианские инциденты имели место осенью 1991 г., их виновники воспользовались пассивностью полиции, не отваживавшейся войти в охваченный беспорядками квартал.

значительные средства: наряду с полицейскими постами стало расти число социальных служб, а мечети перешли под контроль Министерства религиозных дел (*вакфов*), которое назначило в них «надежных» проповедников. Этот государственный реванш опирался не только на репрессии: исчезновение функции социального посредничества, которую «Гамаа» взяла на себя силовым путем, привело к возникновению новой элиты молодых политических предпринимателей — членов правившей Национально-демократической партии, которые облегчали доступ к манне, внезапно посыпавшейся от властей.⁴²¹ В свое время некоторые из них были близки к радикальному исламистскому движению, но отошли от него, предвидя его крушение в ближайшие годы.

Силой разрушив союз между неимущей городской молодежью и радикальными исламистскими интеллектуалами в бедном квартале столицы, египетский режим устранил непосредственную угрозу революционной мобилизации масс. Однако он по-прежнему сталкивался с другой угрозой, исходившей от «Братьев-мусульман», которые вместе со своими сторонниками не раз демонстрировали в 1992 году свою силу. Они занимали прочные позиции в набожных средних классах, могли принять эстафету от экстремистов в мобилизации бедных слоев, манипулируя благотворительной деятельностью, и проникли в набожный истеблишмент, от которого режим, напротив, ожидал поддержки в борьбе с исламистским движением.

Победа «Братьев» на сентябрьских выборах в корпорацию адвокатов, традиционный оплот либералов, была расценена как «важнейшее событие в Египте со времени убийства Садата»,⁴²² поскольку она довершала завоевание «Братьями» представительных органов образованных средних классов (одна лишь корпорация журналистов оставалась вне пределов досягаемости исламистов). Это означало, что при благоприятном стечении обстоятельств сфера права — центральная с точки зрения исламистской политической программы, основанной на применении шариата, — могла выйти из-под влияния светских юристов, а «Братья» и их союзники сумели бы изнутри изменить ее в соответствии с собственными концепциями.⁴²³ Они не преминули воспользоваться завоеванным превосходством, чтобы инициировать процессы против Насра Абу Зейда и других авторов-«нонконформистов» и выиграть эти процессы с помощью судей, разделявших идеи «Братьев». Это давало возможность поставить государство в весьма щекотливое положение, постепенно выводя юстицию из-под его контроля и при первой возможности явочным порядком применяя шариат.

Реакция на это властей заключалась в том, что они вновь взяли под контроль все профессиональные союзы, установив кворумы для участников голосования, за отсутствием которых назначались судебные администраторы.⁴²⁴ Однако эта мера, воспринятая как манипуляция процедурой выборов, не могла не вызвать протестов в ситуации, когда режим еще не определился в своей линии в отношении набожных средних классов.

Решение власти пойти на открытый конфликт с «Братьями-мусульманами» и их союзниками было принято в первые месяцы 1993 года, после полугодичных колебаний, за

---

⁴²¹ Об этом феномене см.: Eid S., Haenni P. Cousins, voisins, citoyens: Imbaba: naissance paradoxale d'un espace politique // *Le pouvoir local au Proche-Orient / Sous la dir. de Marc Lavergne.*[22] A paraitre, 2000.

⁴²² См.: Abdel Fattah N. *Veiled Violence.* P. 45.

⁴²³ О разногласиях между исламистами и позитивистами по правовым вопросам см.: Dupret B. *Representations des repertoires juridiques en Egypte: Limites d'un consensus // Maghreb-Machrek.* 1996. Janvier-mars. № 151. P. 32.

⁴²⁴ О перипетиях конфликта вокруг контроля над профсоюзами см.: Lon guenesse E. *Le «syndicalisme professionnel» en Egypte entre identites socio-professionnelles et corporatisme // Egypte/Monde Arabe.* 1995. 4e trim. № 24. P. 167–168.

время которых те еще более усилили свое влияние. После землетрясения в Каире в октябре 1992 года они оказали помощь 50 тысячам оставшимся без крова, продемонстрировав при этом большую эффективность, чем официальные службы, парализованные бюрократизмом и постоянными сбоями. С помощью подконтрольных «профессиональных союзов» и своей сети благотворительных ассоциаций они установили тысячи палаток (благо, те лежали на складе, готовые к отправке в Боснию через созданный «Братьями» комитет помощи),⁴²⁵ на которых красовался их лозунг: «Ислам — это решение!» («*Аль-исламхува аль-халль!*»). Эта благотворительная акция, принявшая массовый характер и особенно заметная на фоне нерасторопности государственных служб, позволила «Братьям» собрать значительные средства, которые власти поспешили блокировать.

Продолжение насилия как ответ на захват полицией квартала Имбаба привело к гибели трех иностранцев, ставших жертвами взрыва в кафе в центре Каира в феврале 1993 года. Новые нападения на туристов и коптов в долине Нила свидетельствовали о колебаниях правительства в выборе стратегии в области безопасности. Это позволило «Братьям» и близким к ним представителям набожного истеблишмента выступить с инициативой, которая благодаря их способности быть посредниками между полицией и экстремистски настроенной «набожной» молодежью могла бы, по мнению авторов этой инициативы, восстановить спокойствие там, где репрессии были бессильны. Посреднический комитет, в который вошли проповедник-«телекоранист» Митвалли Шаарави, близкий к «Братьям-мусульманам» Мухаммад аль-Газали, шейх Кишк, «звезда» пятничных проповедей 70-х годов,⁴²⁶ а также другие проповедники и журналисты той же направленности, с согласия властей (в частности, министра внутренних дел) вступил в контакт с находившимися в заключении руководителями «Гамаа». На основе документа, дававшего «право гражданства» политическим требованиям радикальных исламистов, но отвергавшего насилие, комитет фактически ставил задачей объединить под своей эгидой всё исламистское движение, расколотое между религиозными средними слоями — опорой «Братьев» — и неимущей молодежью, подверженной влиянию «Гамаа исламийя».⁴²⁷ Если бы этот проект был реализован, нет никаких сомнений в том, что легитимность государства была бы серьезно подорвана как раз теми, кто был призван ее укреплять, и само государство оказалось бы под угрозой. В последний раз поколебавшись, власти сделали выбор в пользу стратегии столкновения с движением в целом. Они сразу же отмежевались от близкого к «Братьям» набожного истеблишмента. 18 апреля министр внутренних дел А. Х. Муса, оказывавший поддержку комитету, был отправлен в отставку. 20 апреля министр информации Сафват Шариф, который был сторонником примирения и распахнул перед религиозными программами двери на телевидении, стал жертвой покушения со стороны группировки «Аль-Джихад», а в июне Мухаммад аль-Газали выступил в качестве свидетеля защиты на процессе над убийцами светского эссеиста Фарага Фоды. Таким образом, режим утвердился в своей жесткой линии, которую он избрал: разбить с помощью военной силы вооруженные исламистские группировки, юридически и политически подавить «Братьев-мусульман» и не делать уступок набожной буржуазии, пока война не будет выиграна.

Ужесточение конфликта в 1993–1997 годах привело к сотням жертв. Безжалостные репрессии становились ответом на всё более дерзкие покушения, жертвой одного из которых едва не стал Мубарак в Аддис-Абебе в июне 1995 года,⁴²⁸ и в конечном счете власти

---

⁴²⁵ См.: Bellion-Jourdan J. Au nom de la solidarite islamique...

⁴²⁶ См.: Kepel G. Le Prophete... P. 185–205.

⁴²⁷ О Комитете по посредничеству см.: Roussi Uon A. Changer la societe... P. 315–318.

⁴²⁸ Покушение 26 июня 1995 г. на Хосни Мубарака, совершенное в эфиопской столице во время

выиграли. Потерпев поражение в Имбабе, «Гамаа» не смогла повести за собой городские массы и была вынуждена перейти к «адресному» насилию в отношении туристов, коптов и полицейских, окопавшись в своих бастионах в долине Нила.⁴²⁹ При всей громкости этих акций они не позволили изменить соотношение сил в пользу исламистских активистов. С начала 1996 года появились признаки того, что движение пошло на спад:⁴³⁰ многие из самых искушенных лидеров, вернувшихся из Афганистана в 1992 году, были арестованы, погибли в бою или казнены по приговору суда, а замены их столь же поднаторевшими кадрами не произошло из-за усилившегося пограничного контроля. За границей западные «бастионы» более не были надежны: в январе 1995 года в США был приговорен к пожизненному заключению шейх Омар Абдель Рахман,⁴³¹ в Хорватии в сентябре 1995 года «исчез» координатор «Гамаа» в Европе Талаат Фуад Касем.⁴³² Это внесло дезорганизацию в международные сети оказания поддержки и нарушило связь между «религиозными» и «военными» деятелями, что облегчало срыв их инициатив. Многие страны выдали Египту активистов, нашедших в них убежище. По той же причине сократились переводы денежных средств от сторонников исламистов с Аравийского полуострова, что вынудило «Гамаа» всё чаще прибегать к «разбоям». Грабежи местных жителей, убийства «коллорабационистов» и прочих «доносчиков» (в том числе полевых сторожей) оттолкнули от радикальных активистов те слои населения, которые были им близки или же нейтрально настроены, — подобно тому, как это произошло в те же годы в Алжире. Бесперспективность стратегии конфронтации вызвала внутренние дебаты, и первый призыв к прекращению огня, исходивший от «эмира» Асуана, был сделан в марте 1996 года. Это решение не было единогласным, так как в следующем месяце в каирском отеле были убиты 18 греческих туристов, в том числе 14 женщин. Пос читав, что расправилась с израильянами, «Гамаа» взяла на себя ответственность за операцию; признание прозвучало в коммюнике под заголовком «Иудеям нет места на мусульманской земле Египта», в котором эта операция оправдывалась как «месть иудеям — детям обезьян и свиней, поклонникам демона (*тагута*)

африканского саммита, символически обозначило кульминационную точку в борьбе исламистов с государством, напомнив об убийстве Садата в октябре 1981 г. Оно свидетельствовало о мощи «Гамаа исламийя», взявшей на себя ответственность за покушение, хотя по стилю этот акт террора больше соответствовал группе «Аль-Джихад», специализировавшейся на нанесении ударов по верхушке режима. Он предполагал доступ к точной информации, наличие международной инфраструктуры, владение современным оружием и т. д. Ответственность за теракт египетское правительство возложило на суданские власти, обвинив их в предоставлении убежища «мозгу» террористической группы — Мустафе Хамзе, которого ООН потребовала выдать Каиру. Несколькими днями позже Хамза объявился в Афганистане и «снял вину» с режима Хасана ат-Тураби (за три месяца до покушения последний провел III арабо-мусульманскую народную конференцию, в которой участвовала «Гамаа исламийя» и которая осудила египетский режим). Несмотря на это, Хартум подвергся сильному международному давлению. Считается, что после этого суданский режим заставил египетских активистов покинуть его страну.

⁴²⁹ Так, 93 % из всех зарегистрированных в 1995 г. терактов (явившихся причиной гибели в общей сложности 366 чел.) были совершены в Верхнем Египте. См.: Такрир... 1995. С. 190.

⁴³⁰ О «спаде» волны насилия в 1996 г. см.: Такрир... 1996. С. 235.

⁴³¹ О подготовке взрыва во Всемирном торговом центре в Нью-Йорке см. ниже.

⁴³² Представитель «Гамаа» за границей, получивший политическое убежище в Дании, где он обосновался в 1993 г. после отъезда из Афганистана, Т.-Ф. Касем, издавал здесь журнал «Аль-Мурабитун», основанный им в Пешаваре еще в 1989 г. В сентябре 1995 г. он выезжал на Балканы с целью укрепления связей с воевавшими в Боснии египетскими «джихадистами», над которыми «Гамаа» утратила контроль. Однако, арестованный 12 сентября в Загребе и через два дня отпущенный из-под ареста, 14 сентября он «исчез». См.: Такрир... 1995. С. 211–212; LabeviereR. Op. cit. P. 71–72.

за кровь мучеников, павших на земле Ливана». ⁴³³ Эта акция свидетельствовала о том, что движение, надеясь расширить базу поддержки за счет симпатий националистов и населения, разочарованного тупиками мирного процесса, возвращалось к стратегии, отдававшей борьбу против «дальнего врага» (Израиля) приоритет перед борьбой с «ближним врагом» ⁴³⁴ (властью), которая велась в условиях возрастающей изоляции.

Параллельно с военными успехами египетского государства в противостоянии с «Гамаа» усиливалось политическое давление на «Братьев-мусульман» в соответствии со стратегией, выработанной весной 1993 года. Власть и лично *раис* регулярно обвиняли их в том, что они выполняли функцию «благопристойной витрины» для групп, исповедовавших насилие. Эта аргументация, которой не хватало конкретных и убедительных доказательств, была призвана прежде всего дать знак набожным средним классам, что режим не будет вести переговоры с позиции слабости и что будет подавлена любая попытка присоединиться к радикальным группировкам и неимущей городской молодежи для оказания давления на правительство. Это был также сигнал западным странам, в которых раздавались голоса, призывавшие содействовать приходу к власти «умеренных» исламистов — в Египте, Алжире и других странах региона.

Однако сами успехи «Братьев» породили среди них расхождения, которыми египетский режим не преминул воспользоваться. В самом деле, ассоциацией управляла геронтократия в лице «исторических» руководителей донасеровской эпохи, которые оставались враждебны превращению организации в политическую партию. Для них это означало фактически признать институты, совершенно чуждые исламскому государству, применяющему шариат, — государству, к которому стремились «Братья». Как пояснял в начале 1996 года для прессы их верховный наставник, Мустафа Машхур, стратегия организации состояла в том, чтобы «присутствовать» во всех сферах, где она имела возможность закрепиться, не стремясь попасть в институциональное политическое пространство, правила и функционирование которого зависели от произвола режима. Благодаря этому присутствию (в профессиональных корпорациях, в благотворительном секторе, в мечетях и связанных с ними ассоциациях, в «неростовщической» финансовой и банковской системе, в университете, прессе, правовой системе, среди депутатов парламента) «Братьям» удавалось вести «проповедь» (*даава*), которая со временем должна была убедить общество провести в жизнь «исламское решение». Однако эта стратегия завоевания власти через «врастание» в общество была отвергнута молодым поколением, которое прошло школу университетского активизма 70-х годов и с середины 80-х годов побеждало на выборах в профессиональных корпорациях. В январе 1995 года один из видных представителей этого поколения, вице-президент корпорации врачей Исам аль-Арьян, потребовал легализации «Братьев» в качестве политической партии. Вскоре он был арестован вместе с несколькими десятками врачей, инженеров и других представителей средних классов. Военный трибунал приговорил их к длительным срокам тюремного заключения за «создание незаконной организации». Это обвинение, отвергнутое «Братьями» (а также многими наблюдателями) как «сфабрикованное», было призвано помешать им участвовать в парламентских выборах в

---

⁴³³ Восемнадцатого апреля, как раз в день нападения на туристов гостиницы «Европа» в Каире, израильская артиллерия подвергла обстрелу штаб-квартиру Международных сил ООН по поддержанию мира в Ливане, где укрылось 350 ливанских беженцев, опасавшихся карательных акций в рамках военной операции «Гроздь гнева», развернутой в ответ на атаки отрядов «Хизбаллах». В результате обстрела было убито 112 и ранено 130 чел., преимущественно женщин, детей и стариков.

⁴³⁴ Приоритетность борьбы против «ближнего врага» была обоснована в сочинении Абдессалама Фараджа, идеолога группы убийц Садата (см.: Kepel G.J, *Le Prophete...* Ch. 7). Устами Аймана аз-Завахири группа «Аль Джихад» осудила любое перемирие, напомнив, что ближний враг (вероотступник, муртадд) хуже врага дальнего (безбожника, кафир асли). См.: Такрир... 1996. С. 272.

ноябре — декабре 1995 года.⁴³⁵ В январе 1996 года другие представители этого «молодого поколения» потребовали признания партии, вышедшей из недр «Братства», но организационно с ним не связанной. Получившая название «Аль-Васат» («Центр»),⁴³⁶ эта партия, в руководстве которой был один копт (англиканин), стремилась занять центр политического спектра. В электоральном плане она ориентировалась на образованные средние классы, которые хотела объединить вокруг набожных представителей этих классов (как это сумели сделать «Братья» на профсоюзных выборах). Ее программа, ставившая во главу угла гражданские свободы, права человека, национальное единство и т. д., порывала с линией «Братьев» и недвусмысленно признавала основы демократии западного типа. В этом плане партия противопоставляла себя одновременно и «Братьям», для которых «исламское государство» на основе шариата являлось единственно правильным политическим строем, и режиму, репрессивная практика которого была нацелена на подавление свобод. Эта инициатива, категорически отвергнутая верховным наставником, Мустафой Машхуром, усмотревшим в ней покушение на собственный авторитет, не получила согласия и со стороны режима: последний к началу 1996 года еще не восстановил своих позиций и не мог принять проект объединения средних классов, создававший конкуренцию для той социальной базы, которую он искал для себя. Главные инициаторы создания партии были арестованы, и она прекратила свое существование.

В 1996 году для руководства страны в политике «тотального подавления» исламистского движения не могло быть никаких исключений: общий спад волны насилия⁴³⁷ — при продолжении отдельных громких терактов — позволял надеяться на достижение определенных успехов в обозримом будущем. Колебания, отмечавшиеся до 1993 года, уже не допускались, даже если ценой тому был дефицит демократии, столь возмущавший Запад. И власть добилась, чего хотела, спровоцировав раскол «Гамаа исламийя» в следующем году. В июле 1997 года ее «исторические лидеры», отбывавшие заключение в Египте, призвали к прекращению огня, осознав провал своей стратегии войны с государством, крайности и неудачи которой оттолкнули от исламистов население. Отвергнутая многими лидерами, находившимися в изгнании, но поддержанная из американской тюрьмы шейхом Абдель Рахманом, эта инициатива была поставлена под сомнение убийствами полицейских, совершенными в сентябре в долине Нила и указывавшими на раскол в рядах организации. Кульминацией раскола стало массовое убийство туристов в храме Хатшепсут в Луксоре 17 ноября. Оно было осуждено европейским центром «Гамаа», но встретило одобрение у руководителей, оставшихся в Афганистане.⁴³⁸ С этого времени «Гамаа исламийя» как основная организация политического насилия в Египте прекратила свое существование.

Египетский режим, как и алжирский, выиграл войну, развязанную против него в 1992

---

⁴³⁵ Об этих выборах см.: *Contours et detours du politique en Egypte: Les elections legislatives de 1995 / Sous la dir. de Sandrine Gamblin. P.: L'Harmattan, 1997.* В этом сборнике см., в частности: Roussilhon A. Pourquoi les Freres mu-sulmans ne pouvaient pas gagner les elections. P. 101.

⁴³⁶ Термин «васат» созвучен с часто цитируемым аятом Корана (II: 143): «И вот объединили Мы вас в умеренной общине религиозной, дабы стали вы свидетелями против людей [неуверовавших]. Свидетелем же в вашу пользу будет Посланник» (пер. М.-Н.О. Османова). Арабское выражение «умматан васатан» («умеренная община») некоторые переводчики трактуют как «общину центра» или «...золотой середины». О партии «Аль-Васат» см.: Такрир... 1996. С. 217–230.

⁴³⁷ В 1995 г. жертвами терактов стали 366 чел., в 1996 г. — 181 чел.

⁴³⁸ Авторство коммюнике, в котором луксорская бойня была названа «ошибкой», приписывалось Усаме Рушди, эмигрировавшему в Нидерланды и являвшемуся преемником Талаата Фуада Касема. Автором другого коммюнике, отвергавшего идею сворачивания террористических акций в Египте, считается Рифаи Ахмед Таха, еще один руководитель «Гамаа», оставшийся в Афганистане.

году радикальным исламистским течением. Он начал с ликвидации основы народной поддержки «Гамаа» в Имбабе, затем поймал ее на склонности к терроризму, которая чем дальше, тем больше отталкивала от радикалов широкие слои населения. Он также позаботился о том, чтобы не допустить воссоединения исламистского движения, к которому могла бы привести деятельность Посреднического комитета в начале 1993 года. Затем режим систематически срывает попытки «Братьев-мусульман» выступать в качестве политического представителя набожной буржуазии, ставя эту организацию вне закона и не оставляя никаких шансов на создание партии «центра», которое шло вразрез с притязаниями власти на объединение средних классов. Режим смог успешно реализовать антиисламистскую программу, поскольку воспользовался благоприятной экономической конъюнктурой, сложившейся после войны в Заливе, — это помогло Египту списать часть своего внешнего долга, а эмигранты, шокированные многомесячным бездействием кувейтских банков, начали размещать свои капиталы в египетских банках. Политика приватизации и модернизации экономики способствовала появлению нового слоя предпринимателей, которые за 10 лет изменили облик египетской буржуазии больше, чем за всю посленасеровскую эпоху. Власти рассчитывали, что рост богатства приведет к тому, что социальные интересы средних слоев возобладают над их идеологическими склонностями и что эти слои будут способствовать процветанию страны, демонстрируя и финансируя благочестие, благоприятствующее политическому консенсусу, вместо того чтобы поддерживать оппозиционный ислам, представленный «Братьями-мусульманами». Отсюда — использование режимом многочисленных символов религиозности, которые прежде являлись «маркерами» воинствующего исламизма, гибридизация знаков и их превращение в товары — будь то шикарный хиджаб, обрамляющий напудренное личико, или подстриженная по последней итальянской моде борода, или вечерние «сервированные столы» (*«маудат арахман»*) в месяц Рамадан. Прежде над ними красовался лозунг «Братьев»: «Ислам — это решение!», сегодня они служат благотворительным дополнением к коммерческой рекламе предприятий или торговцев, которые устанавливают их перед своими заведениями.⁴³⁹ Уподобляясь и здесь алжирскому режиму, египетские власти, судя по всему, рассчитывали, что исламизм можно «растворить» в рынке. Однако рынок способен побудить предпринимателей однажды сделать выбор в пользу политического плюрализма и подлинной демократизации, которых в обеих странах всё еще недостает.⁴⁴⁰

Глава 7 Проигранная война против Запада

Джихад был провозглашен (или активизирован) в Боснии, Алжире и Египте в том же 1992 году, когда из Пешавара возвращались закаленные в боях активисты. В Египте, как и в Алжире, боевики были уроженцами этих стран; в афганские лагеря они отправились в середине 80-х годов при негласном поощрении со стороны режимов,⁴⁴¹ не без удовольствия

---

⁴³⁹ См.: Наеппг Р. De quelques islamisations non islamistes // Revue des mondes musulmans et de la Mediterranee. 1999. № 85–86.

⁴⁴⁰ Несколько иное видение развития Египта представил один из органов деловых кругов «Financial Times Survey»: «Новые деловые люди, уверенные в себе, в настоящее время приобретают политическое влияние, незаметно меняя природу режима», — писал редактор этой газеты, с сожалением отмечая, что «Мубарак, судя по всему, не хочет допускать появления человека, политической силы или института, которые могли бы поставить под вопрос его монополию на власть» (Gardner D. Reformist Zeal Put to the Test // Financial Times Survey: Egypt. 1999. 11 May. P. 1). См. также: A Survey of Egypt // The Economist. 1999. 20 March — в частности, статьи «Islamists in Retreat» («Отступление исламистов») и «Sham Democracy» («Фальшивая демократия») на с. 15–17.

⁴⁴¹ Во время процесса, на котором в начале 1996 г. предстали египетские «афганцы», адвокат обвиняемых

избавлявшихся от потенциальных возмутителей спокойствия. Зато в Боснии все «джихадисты» были иностранцами, в основном арабами, многие из которых были выходцами с Аравийского полуострова, в частности саудовцами. Так же и в Таджикистане, а с 1995 года — в Чечне арабские добровольцы играли важную роль в попытке превратить локальный конфликт в джихад.

То, что с 1992 года «салафиты-джихадисты», прежде сосредоточенные между Кабулом и Пешаваром, стали рассеиваться по всему миру, является исключительно важным феноменом. Этот процесс выражал стремительную экспансию радикального исламизма, вызывавшую энтузиазм ревнителей веры, которые всюду видели удары, наносимые по «безбожникам» и «отступникам» не только в мусульманских странах, но и на территории Запада. Теракт во Всемирном торговом центре в феврале 1993 года и война ВИГ против Франции были самыми наглядными проявлениями этого нового фронта, открытого уже на самой неприятельской территории. Однако сам насильственный характер этих акций, которые проводились группами террористов, не связанными с каким-либо социальным движением, но втянутыми в темные манипуляции, произвел эффект, противоположный ожиданиям их сторонников. Испорченным оказался в результате имидж всего исламистского движения, а не только его экстремистского крыла. Более того, даже те голоса, которые раздавались на Западе в поддержку прихода к власти «Братьев-мусульман» и других «умеренных» представителей религиозной буржуазии как единственной силы, способной, по мнению сторонников «Братьев», искоренить насилие, стали умолкать. Различать разнообразные направления внутри раздробленного отныне движения, отдавать одной из групп влияния предпочтение перед другой стало затруднительно.

Это постепенно привело западные государства к решению отказать в доверии всем «партнерам»-исламистам, усилив этим кризисы и процессы мутации в рядах движения.

Когда в апреле 1992 года Кабул перешел в руки коалиции партий афганских моджахедов, цель джихада — по крайней мере, теоретически — была достигнута. На руинах коммунистического режима было создано исламское государство, хотя оно и пребывало в состоянии хаоса до тех пор, пока «талибский порядок» постепенно не пришел ему на смену. У международных и арабских «джихадистов» уже не было причин оставаться в Афганистане, тем более что американское давление подталкивало к роспуску военной силы, ставшей неуправляемой. Тысячи боевиков возвратились в свои страны. Однако многие были лишены такой возможности, поскольку большинством арабских государств «афганцы» были восприняты как угроза, к тому же усилился пограничный контроль. Они образовали своего рода демобилизованную армию. Не имея паспортов, ища места, где можно воевать, или убежища, они пошли на службу к тем, кто давал им деньги и обеспечивал проезд из одной точки земного шара в другую.⁴⁴²

Эти несколько тысяч «джихадистов», оторванные от афганской земли, но впечатленные опытом своего пребывания на ней, оказались в тисках сектантской политико-религиозной логики, находившейся вне социальных реалий окружающего мира. Выше мы рассмотрели обстоятельства их поражения в Боснии, Алжире и Египте. Но еще более ярко оно проявилось в странах Запада. Бывшие прежде неприкосновенными территориями и местами убежища, эти страны — и в первую очередь США и Франция — стали мишенями насилия и терроризма. Это нарушило международный баланс, на котором держалась структура диаспоры «джихадистов», и ускорило их поражение.

США играли роль первопроходцев в финансировании афганского джихада в 80-е годы. Они создавали все условия для переездов и даже для прибытия на американскую территорию

Мунтасер аз-Зайят, сам активист «Гамаа», заявил, что государство, поощрявшее в 80-е годы своих граждан на участие в афганском джихаде, не вправе обвинять их, не признав при этом своей вины.

⁴⁴² Благодаря организации общественных работ Усама бен Ладен мог играть важную роль в обеспечении передвижения джихадистов по всему миру и предоставлении им убежища.

проповедников и вербовщиков. В 1986 году, через два года после выхода из тюрьмы, шейх Омар Абдель Рахман впервые получил американскую визу через ЦРУ,⁴⁴³ благодаря которой он смог участвовать в исламистских студенческих конференциях. Затем он перебрался в Пакистан, где выступал с проповедями в Пешаваре, обедал в саудовском посольстве в Исламабаде, присутствовал на приемах, где было много американцев. Он стал одной из крупных фигур, которые могли помочь в обучении боевиков, готовых принять мученическую смерть, лишь бы попасть в рай, а заодно ускорить крах советской системы к великому удовлетворению Вашингтона. Но, будучи «эмиром» «Гамаа исламийя» в своем родном Египте, он находился в деликатных отношениях с режимом Мубарака, который шейх не переставал атаковать в проповедях. 22 апреля 1990 года он был принят египетским министром внутренних дел Абдель Халимом Мусой: в ходе полуторачасовой аудиенции обсуждалось «джентльменское соглашение», согласно которому Омар Абдель Рахман должен был призвать своих сторонников к спокойствию в обмен на улучшение условий тюремного содержания активистов, находившихся в заключении.⁴⁴⁴ Тремя днями позже он вылетел из Египта в Судан, 10 мая получил в Хартуме американскую визу⁴⁴⁵ и 18 июля прибыл в Нью-Йорк. Здесь он был принят Мустафой Шалаби, египетским активистом в Бруклине, который в 1986 году создал центр поддержки джихада в Афганистане, призванный собирать средства и вербовать добровольцев в США, Мустафа будет убит через несколько месяцев после прибытия шейха в Нью-Йорк.⁴⁴⁶ В январе 1991 года тот подал ходатайство о предоставлении ему статуса постоянно проживающего в США в качестве директора мечети Эль-Салам в Джерси-Сити — так называемом «Маленьком Египте» («Little Egypt»). «Зеленая карта» была ему выдана с поразительной быстротой — уже в апреле.⁴⁴⁷ В этот период он часто ездил в Европу и на Ближний Восток, призывая своих слушателей поддержать джихад в Афганистане; джихад закончится лишь годом спустя — с падением Кабула в апреле 1992 года.

В 80-е годы все виды деятельности такого рода пользовались поддержкой ЦРУ. Но с 1990–1991 годов другие американские влиятельные группы начали задумываться о вредных последствиях этой политики, и к их голосу стало прислушиваться всё больше американцев. Переворот в настроениях общественности и правящих элит наступил тогда, когда исламистских «борцов за свободу» («Freedom Fighters»), сражавшихся с Красной Армией и Империей зла, стали вдруг представлять террористами и преступниками-фанатиками. Шейх

---

⁴⁴³ См.: Waldman P. How sheik Omar rose to lead islamic war while eluding the law... // The Wall Street Journal. 1993. 1 September. P. A1. В статье приводится синтетическая биография Омара Абдель Рахмана. См. также: Weaver M.A. Op. cit. Автор рисует более глубокий и хорошо документированный портрет шейха, составленный на основе личных бесед с ним и его окружением в период его пребывания в Америке.

⁴⁴⁴ Условия допроса и содержания в египетских тюрьмах неоднократно становились предметом осуждения со стороны правозащитных организаций, которые указывали на применение пыток с целью выбивания признаний и нужных показаний.

⁴⁴⁵ По официальной американской версии, появившейся после теракта во Всемирном торговом центре в феврале 1993 г., виза была выдана «по ошибке», которая приписывалась либо оплошности служащего-суданца из консульства США, либо компьютерному сбою. В эту версию трудно поверить, учитывая известность шейха, его частые поездки и очень быстрое получение статуса постоянного резидента («зеленую карту») после его прибытия в США (см. ниже). Сы.: Jehl D. Flaws in Computer Check Helped Sheik Enter US // The New York Times. 1993. 3 July. P. 22.

⁴⁴⁶ Конфликты из-за методов управления центром поддержки афганского джихада и использования фондов стали причиной убийства Шалаби в марте 1991 г.

⁴⁴⁷ См.: Duke L. Trail of Tumult on US Soil // Washington Post. 1993. 11 July. P.A1.

Абдель Рахман в решающей степени «помог» этой резкой смене имиджа.⁴⁴⁸

В июне 1991 года, когда шейх участвовал в паломничестве в Мекку, американские власти обнаружили, что он имел двух жен, но не заявил об этом,⁴⁴⁹ следовательно, «солгал» при заполнении соответствующих административных формуляров. Был начат процесс с целью лишить его статуса резидента. В июне 1992 года он, чтобы защититься от решения о его высылке с территории США, подал прошение о предоставлении ему политического убежища, собрав в свою поддержку голоса юристов-правозащитников, но не перестав при этом проповедовать джихад. Вокруг него группировались бедные арабские иммигранты, вдохновленные его проповедями, но оторванные от массы американских мусульман — как новообращенных чернокожих, так и иммигрантов с Ближнего Востока и Индийского субконтинента. В этом мире, где условия жизни были трудными и повсюду кишели агенты-провокаторы и шпионы, распространилась идея взорвать Всемирный торговый центр. На процессах по делу об этом теракте были с почти полной достоверностью установлены имена исполнителей — людей из окружения шейха, проникшихся обычными для него зажигательными проповедями против Америки и Запада в целом. Впрочем, в нарисованной американской юстицией картине широкого «заговора»,⁴⁵⁰ единым мозгом которого якобы являлся шейх, и спустя много лет после совершения теракта осталось немало темных пятен. Во-первых, этот слепой шейх был не способен указать на цели, которые он никогда не видел и которые даже не мог себе представить. Во-вторых, трудно предположить, чтобы остальные фигуранты по делу с их крайне низким интеллектуальным уровнем, для которых американское общество оставалось неведомым миром, могли бы сами замыслить столь масштабную акцию. На процессе защита подчеркнула роль, сыгранную в этом деле египетским информатором, внедренным в группу с помощью ФБР и записывавшим на пленку свои беседы с обвиняемыми, который подстрекал последних перейти от слов к делу.⁴⁵¹ Другая версия пыталась выставить заказчиком операции Ирак Саддама Хусейна, побежденный в войне в Заливе в 1991 году и испытывавший сильное военное давление со стороны США. В этой версии главная роль в организационном обеспечении предприятия

---

⁴⁴⁸ Во время последнего слова, которое было ему предоставлено на обвинительном процессе 17 января 1996 г., шейх спросил, почему его не арестовали в момент его прибытия на территорию США в июле 1990 г., если он, как его в этом обвиняют, был руководителем террористического заговора. В частности, он подчеркнул: «Как же я мог получить визу, будучи главным руководителем международной организации джихада и эмиром джихада в Америке? Как я смог получить «зеленую карту» за два-три месяца, а собеседование с чиновниками продолжалось всего лишь две-три минуты?» (US District Court, Southern District of New York, United States of America v. Omar Ahmad Ali Abdel Rahman [et alii], Defendants, S5 93 Cr. 181 (MBM). P. 185).

⁴⁴⁹ Находясь в заключении в Египте в начале 80-х годов, шейх взял себе в жены в качестве второй жены восемнадцатилетнюю сестру одного из своих товарищей по заключению. Ему было разрешено оформить брак в тюрьме. Впоследствии американские адвокаты шейха заявили, что с одной из своих жен он развелся.

⁴⁵⁰ Чтобы добиться признания шейха виновным, прокурор, в отсутствие вещественных доказательств причастности шейха к самому теракту, связал воедино несколько фактов: убийство экстремистского еврейского лидера Меира Кахана, совершенное 5 ноября 1990 г. египетским активистом — прихожанином одной из мечетей, в которых проповедовал шейх; планирование убийства президента Мубарака; попытку взорвать здание Всемирного торгового центра; ряд других покушений и убийств, произошедших в Нью-Йорке. Обвинительное заключение, основанное на толковании некоторых пассажей из проповедей шейха, записях его разговоров с информатором, а также на вещественных доказательствах по двум случаям успешно совершенных терактов, апеллировало к формулировке, очень редко используемой в американском праве. Это и дало повод защитникам говорить о «фабрикациях» обвинения. См.: US District Court, Southern District of New York, Indictment S3 93 Cr. 181 (MBM). 1993. 25 August. (27 pages.)

⁴⁵¹ О роли египетского информатора ФБР Эмада Салема, бывшего сержанта египетской армии, см.: Thomas P., Randolph E. Informer at Center of Case; Idem. Hero or Huckster, Salem Shaped Charges // Washington Post. 1993. 26 August. P. A1.

отводилась таинственному персонажу по имени Рамзи Юсеф.⁴⁵² В отсутствие ясности в этом деле можно, по крайней мере, утверждать, что взрыв, потрясший 26 февраля 1993 года знаменитые башни-близнецы Манхэттена, символ победившего американского капитализма, унесший жизни шести человек и изранивший тысячу людей, имел пагубные последствия для экспансии радикального исламистского движения. Он символически ознаменовал собой разрыв привилегированных отношений, которые американские власти поддерживали с теми, кто сражался в Афганистане. Эти боевики подверглись различного рода репрессиям. В еще большей степени, чем в Египте и Алжире, исламистские активисты ударились в террористическое насилие (или позволили манипулировать собой в этих целях), не будучи связанными с социальным движением. Они должны были быть уничтожены и дискредитированы в глазах всех, кроме кружка их сторонников, который с тех пор стал сужаться.

В то время как шейх Абдель Рахман в непростых обстоятельствах скрывался в США, многие другие лидеры «салафитов-джихадистов», покидавших Афганистан после прекращения джихада в 1992 году, искали пристанища в европейских странах, где они создавали структуры финансирования поставок оружия моджахедам, налаживали каналы информации и связи. В Скандинавии добрая традиция предоставления убежища в сочетании с благоприятными финансовыми условиями для беженцев и незнакомством местных властей с политическими деятелями радикального исламизма позволила многим из них найти здесь надежную гавань. Так, в Копенгагене разместилась штаб-квартира египетской «Гамаа исламийя» в изгнании, а алжирской ВИГ Стокгольм предоставил возможность публиковать и распространять ее бюллетень «Аль-Ансар». Довольно немногочисленное мусульманское население этих стран не могло являться такой же ставкой в политической игре, как во Франции или Великобритании. Две страны заняли диаметрально противоположные позиции: Лондон, где еще не утихли страсти, разгоревшиеся вокруг дела Рушди, либерально предоставлял убежище активистам со всего мира, тогда как Париж, где политическая жизнь была отравлена делами о ношении исламского платка в школах, закрывал для радикалов границы страны. Таким образом, с начала последнего десятилетия XX века Великобритания превратилась в центр движения, где был воссоздан пешаварский мирок 80-х годов — «Лондонистан». В обмен на это соблюдалась «неприкосновенность» британской территории: здесь не было совершено ни одного террористического акта, а активисты-беженцы не пытались агитировать против государства молодых индо-пакистанцев, которые в 1989 году устраивали демонстрации протеста против автора «Сатанинских стихов». Кроме того, арабы, составлявшие большинство из этих беженцев, не имели прямого влияния на выходцев с субконтинента. А вот во Франции правительство понимало, к каким последствиям может привести проникновение и влияние арабских «джихадистов» на почти трехмиллионную массу магрибинцев, среди которых преобладали выходцы из Алжира, в момент, когда в этой

---

⁴⁵² Прибыв 2 сентября 1992 г. в Нью-Йорк рейсом из Карачи с иракским паспортом на руках, Рамзи Юсеф обратился к властям США с просьбой о предоставлении ему политического убежища. Очень скоро войдя в окружение шейха, он проживал на квартире вместе с работавшим на стройке чернорабочим Саламе (иорданским подданным), у которого внезапно оказались на руках крупные суммы, позволившие ему приобретать и складировать взрывчатку. Юсеф научил Саламе водить машину, но тот оказался настолько неловким, что разбил ее, в результате чего оба ненадолго попали в больницу. Арендовав на свое имя и на адрес мечети шейха Абдель Рахмана в Джерси-Сити небольшой грузовик (который должен был взорваться на стоянке Всемирного торгового центра) и оставив в качестве задатка 200 долларов наличными, Саламе вернулся к хозяину грузовика через 2 часа после взрыва, объявив ему, что машину украли, чтобы получить обратно задаток. Он получил эту сумму лишь 4 марта и был тут же схвачен, поскольку к тому времени ФБР удалось идентифицировать взорвавшуюся машину. Что касается Юсефа, то он покинул территорию США 28 февраля. В феврале 1995 г. он был арестован в Пакистане и выдан США, где был осужден и приговорен в январе 1998 г., хотя тайны, окружавшие эту личность, так и не были раскрыты. (См.: *The Bombing: Retracing the Steps // The New York Times*. 1993. 26 May. P. B1.) В этом деле Саламе предстает как простофиля, не догадывавшийся о своей участи после того, как он оставил столько следов, позволивших его найти. Напротив, Юсеф оказывается «профессионалом» терроризма и манипулировании

африканской стране разгоралась гражданская война.

Поэтому именно в Лондоне в 1992 году оказались идеологи и организаторы «салафитско-джихадистского» течения. С египетской стороны представители группы «Аль-Джихад» в изгнании встречались здесь с представителями «Гамаа исламийя». Наряду с деятельностью по реорганизации этих движений и публикацией печатных листовок — распространявшихся по факсу или через интернет-сайты — они заняли правозащитное пространство: осуждая произвольные аресты, пытки и смертные приговоры, выносившиеся военными трибуналами, они оказывали давление на египетский режим.⁴⁵³ Британская столица стала также базой ультрарадикальной фракции группы «Аль-Джихад» — «Авангарда победы» («Талаи аль-фатх»),⁴⁵⁴ выступавшей против всякого прекращения огня в Египте. По примеру саудовского оппозиционера-исламиста Мухаммада аль-Масаари, телекопированием рассылавшего свои бюллетени из Лондона до тех пор, пока астрономические суммы долга компании «Бритиш Телеком» не остудили его пыл, «Талаи аль-фатх» засыпала своими факсами редакции, журналистам которых было нелегко отличать хвастливые заявления эмигрантской группы от не столь однозначных реалий ее успехов на родине.

Как в свое время в Пешаваре, сосредоточение в Лондоне этих организаций и мелких групп способствовало взаимным отлучениям и проклятиям. Но в то же время столица Великобритании стала местом свободных дискуссий и обмена мнениями между соперничавшими течениями, благоприятствуя примирению между ними.⁴⁵⁵ Это было также место встреч между радикалами и умеренными: присутствие в одной стране международного представителя организации «Братья-мусульмане»,⁴⁵⁶ харизматического лидера тунисского Движения исламской тенденции Рашида аль-Ганнуши⁴⁵⁷ и кампуса Исламского фонда в Лейчестере, руководимого активистами пакистанской «Джамаат-и ислами»,⁴⁵⁸

---

⁴⁵³ Из убогих кварталов «Малого Египта» («Little Egypt») Джерси-Сити вдали видны сквозь дымку тумана две башни-близнецы, возвышающиеся над Манхэттеном. Они выглядят как своего рода языческий монумент, своим величием и роскошью подавляющий бедных иммигрантов, молящихся в тесной мечети «Ас-Салам», где проповедует шейх Абдель Рахман. В это же время в Алжире здание, возвышающееся над столичным торговым центром Рияд аль-Фатх и рассматривавшееся молодежью как символ языческого характера государства, было предано ему проклятиям под именем Хубала (намек на идола доисламской эпохи, стоявшего в Каабе).

⁴⁵⁴ Прозванная своими противниками «Талаи аль-факс» за отсутствие прочной социальной базы и массовый выпуск текстов, распространяемых методом телекопирования, эта группа, руководимая из Лондона Ясиром Тауфиком ас-Сирри, публикует также в Интернете виртуальный бюллетень «Аль-Мирсад аль-иалами аль-ислами» («Исламский информационный обозреватель»), который распространяет многочисленные коммюнике и информацию апологетического характера о международном исламистском движении (материалы по Чечне и др.).

⁴⁵⁵ О примирении между руководством «Гамаа исламийя» и группой «Аль-Джихад», состоявшемся в 1996 г. в Лондоне, см.: Такрир... 1996. С. 283.

⁴⁵⁶ Проживавший в Лондоне «международный представитель «Братьев-мусульман» на Западе» сирийский гражданин Камаль аль-Хальбави стал первым не-египтянином, наделенным такого рода полномочиями.

⁴⁵⁷ В 1999 г. Ганнуши пришлось сыграть роль посредника между президентом Алжира Абдель Азизом Бутефликой и исламистскими лидерами в рамках подготовки «национального соглашения», одобренного в сентябре на референдуме.

⁴⁵⁸ Об этом учреждении см.: Kepel G. A l'Ouest d'Allah. P. 178–182. Оно также выполняет функции школы кадров и координации между исламистскими лидерами различных европейских стран, которые могут временно поселяться в этом здании, чтобы предаться писанию своих статей и книг. В частности, здесь останавливался бывший премьер-министра Алжира Абдель-хамид Брахими, впоследствии сблизившийся с ИФС и написавший здесь свою книгу (см.: Brahimi A. Justice sociale et developpement en economie is-lamique. P.: La Pensee Universelle, 1993). Жил здесь и Тарик Рамадан, руководитель ассоциации «Мусульмане и мусульманки» в

способствовало этой динамике. Со стороны «радикалов» сириец Омар Бакри, который организовал на стадионе Уэмбли два больших митинга в поддержку джихада, завязал контакты (позже прерванные под британским нажимом) с некоторыми «умеренными» лидерами.⁴⁵⁹ Наконец, то, что в Лондоне разместились редакции газет «Аль-Хайят» и «Аль-Кодс аль-Араби» («Арабский Иерусалим»), привлекало к ним внимание СМИ, которое обеспечивало публикувавшимся в них дебатам широкий резонанс по всему арабскому миру.

Свою функцию центра британская столица выполняла с особой эффективностью во время гражданской войны в Алжире. Так, ВИГ сумела выстроить свой имидж и обрести легитимность лишь благодаря посредничеству руководителей «салафитов-джихадистов», которые издавали в Лондоне выходивший два раза в месяц бюллетень «Аль-Ансар» — «голос джихада в Алжире и во всем мире». Руководимое двумя крупными фигурами из числа бывших «афганцев» — сирийцем Абу Мусаабом и палестинцем Абу Катадой, — это издание поддерживало связь между ВИГ в Алжире и международной салафитской сетью. Оно «переводило» деятельность ВИГ на язык религиозно-политических категорий салафизма. Каждый получал, что хотел: алжирские активисты с их рудиментарной исламской культурой — священную легитимизацию насилия, лондонские интеллектуалы-проповедники — социальную базу, которой им не хватало на берегах Темзы. Таким образом, ВИГ действовала в двойном обличье: неимущая городская молодежь сражалась в стране, а иностранная исламистская интеллигенция обеспечивала рекламу джихада из своего изгнания. Эта двойственность породила целый ряд проблем: связь между Лондоном и партизанскими отрядами, несмотря на современные средства телекоммуникации, была не прямой и подвергалась разного рода вмешательствам и манипуляциям. Поэтому более или менее целостное представление о деятельности разрозненных отрядов ВИГ в самом Алжире можно составить лишь путем тщательной фильтрации и отбора материалов и сводок, публикувавшихся на страницах бюллетеня «Аль-Ансар». Достоверность этой информации проверить трудно. К тому же бюллетень издавался неалжирцами, не знавшими реалий этой страны, на которую они смотрели сквозь призму Афганистана. Естественно поэтому, что оба крупных кризиса, которые пережила ВИГ, были кризисами в отношениях между «алжирским» и «лондонским» полюсами. После чисток и ликвидации Мухаммада Сайда осенью 1995 года лондонские интеллектуалы постепенно отмежевались от Зитуни, а в мае — июне 1996 года даже приостановили выпуск бюллетеня «Аль-Ансар». Издание было возобновлено англо-египетским активистом Абу Хамзой в поддержку «эмирата» Антара Зуабри в феврале 1997 года. С этого времени ВИГ как таковая перестала существовать: те, кто заявлял о своей принадлежности к ней, продолжали действовать, о чем свидетельствовали массовые убийства 1998 года. Но с момента исчезновения признанной исламистской интеллигенции, говорившей от имени Вооруженной исламской группы, последняя потеряла всякую самобытность, что ускорило ее распад на множество мелких формирований, истреблявших друг друга или скатившихся к бандитизму.

В противоположность британской политике, превратившей Лондон в 90-е годы в столицу мирового исламизма, Париж сделал крайне затруднительным въезд на французскую территорию арабских активистов, прибывавших из-за границы. Среди выходцев из Алжира возникло движение сторонников ИФС, группировавшихся вокруг Алжирского братства во Франции (АБФ) (*La Fraternite Algerienne en France, FAF*) и его еженедельника «*Le Critere*».

Швейцарии, ныне — главный харизматический лидер этого движения во франкоговорящих странах Европы. В этом заведении он написал свои самые последние по времени сочинения.

⁴⁵⁹ Собрав на стадионе под радикальными лозунгами молодых индо-пакистанцев, Бакри вышел за рамки «джентльменского соглашения» между исламистскими радикалами и британскими властями, согласно которому такого рода прозелитизм мог быть направлен только на заграничную аудиторию. В 1996 г. он создал движение «Аль-Мухаджирун». Очередной митинг, намеченный на август 1998 г., в котором должен был участвовать международный представитель «Братьев-мусульман», был запрещен.

Этот бюллетень, публиковавший с самого начала гражданской войны «новости джихада», был закрыт властями в качестве предупреждения о пределах, которые нельзя переступить.⁴⁶⁰ В то же время шейха Абдель Баки Сахрави, одного из основателей ИФС, бежавшего в Париж, где он возглавлял мечеть в «арабском» квартале Барбес, тогдашний министр внутренних дел Шарль Паскуа считал прекрасным партнером на переговорах.⁴⁶¹ Пользовавшийся большим моральным авторитетом, шейх заверял, что для активистов партии, проживавших во Франции, территория страны являлась абсолютно неприкосновенной, и никак иначе. Объединять сторонников, тайно собирать средства на вооруженную борьбу или организовывать подпольные поставки оружия из бывших восточноевропейских народных демократий было возможно лишь при одном условии: держаться строго в стороне от французских политических игр, связанных с исламом во Франции, от конфликтов в пригородах страны и даже от дебатов вокруг ношения платка в школе. Власти панически опасались, что насильственный джихад будет перенесен из Алжира во Францию в форме спровоцированной активистами «интифады» в бедных районах, населенных детьми иммигрантов.

С другой стороны, с 1989 года, как было показано выше, французские исламистские движения руководствовались противоположной стратегией. В глазах Союза исламских организаций Франции (СИОФ) и аналогичных групп, громче всех заявлявших о себе в делах о платках в школе, наличие растущего числа мусульман — французских граждан превратило Францию в «землю ислама» (*«дар аль-ислам»*). По мнению этих организаций, молодые французские мусульмане должны были иметь возможность соблюдать шариат в личном плане. Эта позиция, предполагавшая создание и структурирование во Франции «мусульманской общины» как таковой, ведомой исламистскими активистами и под их лозунгами, ставила своей целью превратить данные организации в посредников и партнеров на переговорах с государственными властями.⁴⁶² Она предполагала, однако, что эти организации будут способны гарантировать порядок и социальный мир. Поэтому те крайне враждебно относились к любой радикализации или насилию, связанным с зарубежными странами. С того момента, как они провозгласили Францию «землей ислама», развязывать здесь джихад запрещалось. Это вытекало из их отношения к французским властям, которых они хотели убедить в незаменимости своей посреднической роли в качестве представителей общины.

До 1994 года «франко-французские» исламистские организации и группы поддержки джихада в Алжире не смешивались друг с другом: первые избегали поднимать алжирский

---

⁴⁶⁰ Об АБФ и его органе «Le Critere» см.: Kepel G. A l'Ouest d'Allah. Ch. 3.

⁴⁶¹ В интервью газете «Le Monde» 17 ноября 1993 г., после проведения полицейской операции против исламистов, предпринятой в ответ на взятие в заложники трех французских дипломатов в алжирской столице, министру был задан вопрос: «Почему известные активисты интегризма, например, один из основателей ИФС Абдель Баки Сахрави, живущий в Париже, не были задержаны?» В ответ министр заявил: «Сахрави всегда вел себя достойным образом: он уважал наши законы и призвал к немедленному и безоговорочному освобождению трех французских заложников. — По Вашей просьбе? — Возможно, это слово здесь не совсем подходит... Во всяком случае, он это сделал». В интервью «Le Monde» 15 октября 1994 г. на вопрос о возможности контактов между властями и представителем ЗИКИ Рабахом Кебиром министр ответил: «С Рабахом Кебиром контактов нет. Это домыслы американцев! Впрочем, если бы мы захотели установить контакт с ИФС, далеко ходить для этого не пришлось бы. В Париже находится Сахрави. Если мы захотим узнать точку зрения ИФС, сделать это нетрудно».

⁴⁶² Такая политика проводилась в Соединенном королевстве, к великому удовольствию местного исламистского движения. Участники многочисленных конференций по исламу в Европе, состоявшихся в 90-е годы по его инициативе, никогда не упускали случая похвалить британскую модель и предать анафеме Францию.

вопрос,⁴⁶³ вторые сторонились исламских проблем, возникавших во французском обществе.⁴⁶⁴ Однако в августе 1994 года, после убийства в алжирской столице боевиками ВИГ пяти французских чиновников, полиция «расставила сети», в которые попались руководители АБФ,⁴⁶⁵ а также алжирский имам Ларби Кешат,⁴⁶⁶ возглавлявший одну из крупнейших столичных мечетей, а также другие лица. Они были интернированы в военный лагерь Фоламбре в департаменте Эн, затем некоторые из них были высланы в Буркина Фасо. В разгоравшемся конфликте между вооруженными исламистами и французским государством последнее проявило твердость и дало знать, что оно не потерпит ни в какой форме превращения войны в Алжире в угрозу французским интересам, защищенным «неприкосновенностью», которую воплощала фигура шейха Сахрави (этого деятеля полиция не потревожила).

В первое время поводы для тревоги давало Марокко: 24 августа молодые террористы убили испанских туристов в марракешской гостинице, а их сообщники были арестованы в Фесе и Касабланке, все дети алжирских и марокканских эмигрантов, проживавших во Франции, недалеко от Парижа и Орлеана. Аресты, проведенные французской полицией, и начавшийся процесс по данному делу впервые выявили существование транснациональной исламистской сети. В нее входила молодежь из пригородов, имевших опыт насилия и обращения с оружием. В нее, как и в группу шейха Абдель Рахмана в США, входили студенты-идеалисты, а также молодые безработные из числа мелких правонарушителей или токсикоманов; некоторые из них совершили серию «разбоев», чтобы добыть деньги на финансирование организации. В конце 80-х годов, открыв для себя религию — или вернувшись к ней, — они попали в руки двух людей с темным прошлым. Один из них, бывший руководитель марокканского радикального исламистского движения, скрывался в Алжире, затем прибыл во Францию с паспортом, выданным властями этой страны.⁴⁶⁷ Будучи идеологом группы, он в 1992 году помогал переправлять ее членов в афганские лагеря. Позже деятельность организации была переориентирована на дестабилизацию

---

⁴⁶³ Участники съездов СИОФ в Бурже, проведенных накануне Рождества, не поднимали алжирский вопрос, однако охотно говорили о демократии, республиканских ценностях, светскости и т. д., желая продемонстрировать французским властям свое принятие этих категорий политического дискурса.

⁴⁶⁴ После убийства двух французских геологов на западе Алжира в октябре 1993 г. (ответственность за которое взяла на себя ВИГ) во Франции была проведена широкомасштабная полицейская операция. Были задержаны более 110 чел., подозревавшихся в связях с вооруженными отрядами алжирских исламистов.

⁴⁶⁵ Большинство выдворенных из страны исламистов оказались среди руководителей ИФС за границей, осудивших акцию ВИГ. С соответствующим заявлением выступил, в частности, бывший президент АБФ Д. аль-Хуари (см.: Denaud P. Op. cit. P. 272–273, p. 49). Однако в мае 1994 г. «джазаристы», ведомые Мухаммадом Саидом, присягнули на верность «эмиру» ВИГ Шерифу Гусми, а АБФ в целом придерживалось идей «джазаристов». Видеокассета с записью церемонии присяги имела хождение в исламистских кругах Европы уже с лета.

⁴⁶⁶ Арест Кешата — фигуры, хорошо известной в религиозных ассоциациях и в христианских кругах, — вызвал мощную кампанию солидарности с ним. Его дело пришлось закрыть, после чего он превратил свою мечеть в «пространство обмена идеями», где проводились многочисленные конференции с участием ораторов всех идейных направлений.

⁴⁶⁷ В начале 80-х годов руководители Движения исламской молодежи Марокко (ДИММ) были приговорены к суровым наказаниям. Некоторые из них в свое время прошли через Алжир, о чем было хорошо известно марокканским властям. Это обстоятельство побудило их тут же приписать теракт в Марракеше проискам спецслужб соседнего государства, в то время как последние упрекали шерифское королевство в том, что оно закрывало глаза на деятельность ВИГ на марокканской стороне границы между двумя государствами. Как и в случае со Всемирным торговым центром, террористическая акция породила подозрение о возможной причастности к ней спецслужб, что, впрочем, невозможно утверждать с достоверностью.

марокканского режима при помощи террористических акций, направленных против иностранных туристов и евреев, по примеру египетской «Гамаа исламийя». ⁴⁶⁸ Как и нью-йоркских заговорщиков, их «коллег» во Франции отличали крайне низкий интеллектуальный уровень, наивность, неосторожность и религиозное рвение, что не позволило им завершить намеченное предприятие и дало возможность быстро арестовать почти всех участников организации.

Ликвидация последней в конце 1994 года помогла понять, что некоторые радикальные исламистские формирования начали открыто посягать на неприкосновенность французской территории. В самом деле, впервые в вооруженной акции, хорошо организованной — и не без сочувствия на международной арене, — оказались замешаны молодые французские арабы, хотя к терроризму они скатились уже за границей. Это свидетельствовало по меньшей мере о том, что, несмотря на гарантии французских исламистских организаций, претендовавших на роль посредника между общиной и властями, через некоторые мечети и экстремистски настроенных проповедников до молодежи из пригородов, подвергшейся реисламизации, могли дойти призывы к джихаду. Год спустя переход к терроризму произойдет уже на территории самой Франции.

«Джихад против Франции», объявленный Джамелем Зитуни, начался накануне Рождества 1994 года с захвата аэробуса компании «Эр Франс», вылетавшего из столицы Алжира. Джихад вылился в серию терактов на французской территории, совершенных летом и осенью 1995 года, и продолжался вплоть до зверского убийства тибеиринских монахов, чьи обезглавленные тела были найдены 21 мая 1996 года. И по сей день обстоятельства этого зверского убийства, как и другие крупные антизападные террористические операции исламистов — такие как взрыв во Всемирном торговом центре или акции, приписываемые Усаме бен Ладену, — остаются окутаны покровом тайны. За спинами исполнителей здесь также стоят теневые фигуры, принадлежность которых теряется в запутанном клубке нитей. Уже отмечалось, что сам Зитуни находился под подозрением, а аморфная структура ВИГ (руководители партизанских отрядов — лондонские представители — террористы во Франции) не позволяла прояснить ситуацию. Но кто бы ни были те, кто замыслил и провел эту операцию, война ВИГ против Франции как социальный феномен имела очень важные последствия для всего исламистского движения по обеим сторонам Средиземного моря.

Когда аэробус «Эр Франс», посаженный в аэропорту Марсель-Мариньян, был взят штурмом жандармами, застрелившими четырех «воздушных пиратов», наиболее осведомленные наблюдатели отметили, что в войне произошел поворот и что отныне она будет продолжаться на французской территории. Однако конкретные операции были начаты лишь через полгода, после гибели шейха Сахрави, гаранта «неприкосновенности» Франции, который был убит (вместе с одним из своих приближенных) в своей мечети 11 июля 1995 года. ⁴⁶⁹ Позднее орудие убийства будет найдено в рюкзаке у Халеда Келькаля, застреленного жандармами 29 сентября в ходе облавы в лионских лесах. В восьми террористических актах в период с 25 июля по 17 октября были убиты 10 и ранены 175 человек. Ответственность за эти операции ВИГ так и не взяла на себя, если не считать потока угроз в адрес Франции, «врага ислама», сочетавшихся с призывом к президенту Шираку стать мусульманином. Доказанная с помощью улики причастность к этим терактам людей, принадлежавших к данной организации, факт получения ими денег от одного из лондонских издателей бюллетеня «Аль-Ансар», а также заявления одного из обвиняемых на процессе в

---

⁴⁶⁸ О этом деле см.: Erhel C, de La Байте R Op. cit. См. также Kepel G. Reislamisation et passage au terrorisme: Quelques hypotheses de reflexion // Islam(s) en Europe: Approches d'un nouveau pluralisme culturel europeen / Sous la dir. de Remy Leveau. Berlin: Les Travaux du Centre Marc Bloch. 1998. № 13. P. 107–119.

⁴⁶⁹ Сторонники версии о манипулировании ВИГ со стороны спецслужб обращают внимание на то, что об убийстве было практически заранее объявлено в алжирской ежедневной газете «La Tribune»

июне 1999 года⁴⁷⁰ убедили большинство аналитиков в том, что заказчиком являлась ВИГ во главе с Джамелем Зитуни. Распространяя террор на Францию, она, видимо, рассчитывала заставить французское государство прекратить поддерживать Алжир и тем самым ускорить падение алжирского режима. Однако, учитывая аморфность ВИГ, которая, как подозревали руководители ИФС в изгнании и некоторые наблюдатели, была наспигована агентами спецслужб алжирской армии и действовала по их сценарию, другие аналитики усматривали в «войне против Франции» 1995 года стратегию тех же спецслужб,⁴⁷¹ направленную на получение противоположного результата — усиления поддержки Алжира со стороны Парижа и безжалостного подавления всех сетей поддержки вооруженного алжирского исламизма во Франции и по всей Европе.

И всё же исполнители терактов, даже если они не очень четко понимали смысл и последствия своих действий, заявляли о своей поддержке ВИГ. Из материалов следствия по делам арестованных и показаний, данных ими на суде, можно представить себе мир молодых выходцев из Магриба (и отдельных новообращенных мусульман из той же среды), живших очень бедно, перебивавшихся случайными заработками, для которых переход на позиции воинствующего исламизма был реакцией на их социальное неблагополучие. Некоторые из них уже имели опыт контрабанды наркотиков и мелких правонарушений, приведших их в тюрьму, где они начали практиковать ислам. Подготовка и совершение терактов оставляют впечатление дилетантизма их исполнителей. Обвиняемые располагали ничтожными суммами денег, жили мелкой контрабандой, имели небрежно подделанные документы и очень плохо обращались с газовыми баллонами, на основе которых изготавливали свои бомбы. Если первая из них унесла много человеческих жизней (10 убитых в Париже 25 июля), то вторая вообще не взорвалась. Это позволило идентифицировать отпечатки пальцев Келькаля, благодаря чему удалось быстро провести ликвидацию всей сети. Спасаясь от преследования, Келькаль скрылся в лесах, куда ему доставляли пропитание два его приятеля на стареньком автомобиле. В конце концов он был убит при задержании, когда ожидал автобуса со 132 франками в кармане. Здесь нет ничего — во всяком случае, если речь идет об исполнителях — от профессионального терроризма с его отлаженными связями и способностью «выводить из-под удара» подозреваемых, разыскиваемых полицией.

Жизненный путь Халеда Келькаля, чьим исключительным социологическим портретом мы располагаем, показывает, как юноша из предместья, родившийся в 1971 году в Алжире и выросший во Франции, не принятый — по его словам — своими товарищами по «престижному» лицу как «единственный араб», начинал ощущать себя «в своей тарелке» лишь в «окружении улицы и воров», тем более что в квартале, где он жил, «70 % молодежи занималось воровством». Когда тюрьма положила конец этим похождениям, он вновь открыл для себя свою религию благодаря «брату-мусульманину», сидевшему с ним в одной камере. Его возвращение к исламу станет для него поводом примкнуть к новому сообществу, которое пришло на смену банде «воров», но в то же время не принимало наглых людей Запада, чья «христианская религия (...) была всего лишь ложной религией». Первая

---

⁴⁷⁰ В своих показаниях от 3 июня 1999 г. Буалем Бенсаид признал себя членом ВИГ, отрицая всякую связь с военной контрразведкой (см.: Le Monde. 1999. 5 Juin). В «Le Monde» опубликованы также краткое изложение процедуры передачи под суд (1 июня 1999 г.) и отчеты о судебных заседаниях (3 и 4 июня). Некоторые из обвиняемых отказывались отвечать на вопросы «суда крестоносцев», ссылаясь на «правосудие Аллаха», и вели себя «вызывающе» по отношению к суду, другие отрицали свою принадлежность к ВИГ.

⁴⁷¹ Этот тезис, поддержанный некоторыми защитниками на июньском процессе 1999 г., бросал на главу и координатора террористической сети Али Тушан по кличке Тарек (убитого в столице Алжира 27 мая 1997 г. сотрудниками сил правопорядка) подозрение в том, что он являлся агентом алжирской «военной контрразведки». К моменту написания этих строк (осень 1999 г.) судебные действия связанные с терактами, еще не были завершены и у нас не было достоверной информации, позволявшей подтвердить или опровергнуть эту версию. В этом смысле загадки, окружающие теракты 1995 г., отчасти напоминают обстоятельства «заговора», за который в январе 1996 г. в Нью-Йорке был осужден шейх Абдель Рахман.

половина жизни Келькаля, как он рисовал ее в разговоре с социологом, беседовавшим с ним в 1992 году, напоминала знаменитую автобиографию Малькольма Икс, с которой молодых мусульман из французских предместий познакомил фильм Спайка Ли, широко распространявшийся на видеокассетах исламистскими ассоциациями. То же разочарование способного ученика, то же скатывание на путь преступности, та же встреча с исламом в тюрьме и вслед за этим — то же ощущение «искупления». ⁴⁷² Многочисленные социологические исследования по исламу во Франции, проведенные в 90-х годах, свидетельствуют, что подобный жизненный путь, не являясь нормой, не представлял собой и исключения в условиях спада антирасистских движений предыдущего десятилетия социальное неблагополучие привело некоторых молодых людей к реисламизации, которая переживалась ими как разрыв с окружающим миром. ⁴⁷³ Этот разрыв иногда выражался в вербальном насилии, например через «исламский рэп», или находил выход в политике в форме участия в одной из исламистских организаций, таких как Мусульманская молодежь Франции (ММФ), связанная с СИОФ, или Союз молодых мусульман (СММ), активно действовавший в регионе Рона-Альпы. ⁴⁷⁴ Но он никогда не выливался ни в политическое насилие против конкретного врага, ни в терроризм на французской земле. Социальное движение исламистской направленности, зарождавшееся в пригородах в первой половине 90-х годов, отвергало этот путь.

Как это имело место в случае «марракешской сети», Келькаль пришел к терроризму после социализации за пределами родины. В конце своего интервью 1992 года он сказал: «Я хотел бы только одного — уехать из Франции. Да, навсегда. Куда? Конечно, вернуться к себе в Алжир. Здесь мне места нет» ⁴⁷⁵. И действительно, в 1993 году он уехал в Алжир: началась гражданская война и с нее он возвратился «фанатиком», как охарактеризовала его на процессе тогдашняя подруга нашего героя. В своем квартале он стал организовывать просмотры видеокассет ВИГ. Али Тушан, которого «эмир ВИГ» назначил представителем группировки в Европе и который проживал в Голландии, считал, что Келькалю можно доверить самые рискованные поручения. Тем временем ВИГ создала три ячейки (в Лионе, Париже и Лилле), в которых, наряду с активистами, специально приехавшими из Алжира, подвизались молодые французы. На основе этих ячеек был образован канал связи между алжирским руководством и кругом молодежи из французских предместий. Из той неполной информации, которой мы располагаем, ⁴⁷⁶ представляется, что совершение терактов было делом рук этих ячеек, действовавших по указаниям Али Тушана.

Таким образом, ниточки террористического насилия во Франции в 1995 году тянулись к заказчикам за границу и опирались на поддержку организаций, в которые входили

---

⁴⁷² См.: Kepel G. A l'ouest d'Allah. P. 55–56. Малькольм, одаренный ученик, хотевший выучиться на адвоката, услышал от своего белого учителя, с которым поделился планами на жизнь, что для чернокожего специальность строителя более всего подходит. Став заметной фигурой в Роксбери — бостонском гетто — и попав под арест за кражу и хранение краденого, Малькольм вступил в тюрьме в переписку с руководителем организации «Nation of Islam» Элиджахом Мухаммадом и принял ислам, превратив свой криминальный «разрыв» с обществом в разрыв религиозно-политический.

⁴⁷³ См.: Khosrokhavar F. L'islam desjeunes. P.: Flammarion, 1997.

⁴⁷⁴ Об этих движениях см.: A l'ouest d'Allah. См. также: CesanJ. Musulmans et republicains. Bruxelles: Complexe, 1997. В книге приводятся высказывания молодых активистов этих движений.

⁴⁷⁵ См.: Kepel G. Reislamisation et passage. P. 108–109. В этой статье опубликованы выдержки из интервью Келькаля.

⁴⁷⁶ На момент публикации книги следственные действия по данному делу еще не были завершены (*Примеч ред*)

некоторые молодые исламисты из предместий. Таким образом, несмотря на участие нескольких десятков из них во всей этой скоординированной террористической операции, она не была связана с более широким движением реисламизации, которое происходило в тот период в этой среде. Его организации и лидеры держались в стороне от алжирских дел. Террористические операции не ставили своей целью поднять молодежь на восстание, но стремились использовать отдельных ее представителей для нанесения ударов по французскому государству во имя алжирских политических интересов. Провал этой попытки, ликвидация подпольных сетей и катастрофический имидж воинствующего исламизма, созданный во французском обществе террористической волной, сильно помешал дальнейшему развитию движения во Франции среди молодежи магрибинского происхождения. Так, представлявшие его организации, стремившиеся возглавить социальное движение исламистской направленности, столкнулись с непосильным для них давлением и встали перед дилеммами, которые они не смогли разрешить. Прежде всего доверие к ним со стороны французских властей, перед которыми они выставляли себя гарантами общественного порядка, способными осуществлять религиозный патронаж над молодежью, сильно пошатнулось: они оказались неспособными предотвратить переход к терроризму отдельных лиц, пусть немногочисленных, но вращавшихся вокруг этих организаций. Общинный контроль, который они брались обеспечить, оказался неэффективным или малопродуктивным в ситуации, когда общественному порядку был брошен серьезный вызов. Более того, события 1995 года вызвали массовое осуждение французского населения магрибинского происхождения. Люди возмущались терактами, повлекшими человеческие жертвы, и не соглашались с тем, чтобы исламская вера служила оправданием террора; к тому же подобное насилие грозило разрушить с таким трудом налаженные связи иммигрантов из Магриба и их детей с французским обществом в тот момент, когда, несмотря на все прежние трудности, интеграция стала обретать черты реальности.⁴⁷⁷ В результате от исламистских организаций, борьба которых за ношение платка в школе прежде могла вызывать определенные симпатии, отвернулись те, кто отныне видел в них виновников смуты, грозившей перерасти все границы. Наконец, в глазах самой молодежи из бедных кварталов, восхищавшейся Халедом Келькалем и возмущавшейся обстоятельствами его гибели, безысходность насилия не создавала стимула к тому, чтобы вновь вставать на этот путь. Более того, исламистские организации столкнулись с проблемой доверия к ним со стороны собственной паствы, так как даже старейшие из них за десятилетие своего присутствия не сумели реализовать свой социальный проект. Успехами конца 80-х годов они были обязаны тем, что к тому времени активность движения беров и антирасистской организации «SOS Racisme» — много обещавших, но мало что выполнивших из обещанного, — сошла на нет. Воспользовавшиеся общемировым развитием процесса реисламизации, достигшего своего пика в 1989 году, они заработали политические дивиденды на «делах о платке», на борьбе с токсикоманией и на создании институтов по подготовке имамов (которые позволили им получать пожертвования из стран Аравийского полуострова). Но, несмотря на это обещающее начало, их, как и светские антирасистские движения, на смену которым они пришли, постигли те же неудачи: в конечном счете они не смогли предложить ничего существенного в плане облегчения социальной интеграции, доступа на рынок труда и карьерного роста. Общинный дух, который они защищали, свелся к религиозной сакрализации замкнутой жизни в кварталах. Сам исламистский дискурс, ставший очень модным в начале 90-х годов благодаря нескольким харизматическим проповедникам (сумевшим соблазнить также отдельных профессоров, журналистов и духовных лидеров), утратил притягательность новизны и не мог опираться на социальную базу. Это разочарование стало особенно ощутимым с того момента, когда Союз исламских

---

⁴⁷⁷ См.: Tribalat M. Faire France. P.: La Decouverte, 1996. Труды автора, посвященные этому вопросу, основаны на демографических данных.

организаций Франции (СИОФ), который сделал свои ежегодные конференции, проводившиеся в Бурже на Рождество, символом собственной влиятельности — на эти встречи, широко освещавшиеся в прессе, собирались тысячи молодых мусульман, — был вынужден с 1997 года отказаться от их проведения в установленный день.⁴⁷⁸ Количество их участников сократилось, а затраты на организацию мероприятия стали слишком высокими. К тому времени во главе организации встали деятели марокканского происхождения, дискурс которых своей исключительной умеренностью⁴⁷⁹ способствовал размыванию имиджа этой организации, как и Национальной федерации мусульман Франции (НФМФ), которую также возглавляли лидеры, пользовавшиеся симпатиями Рабата.

События 1995 года во Франции сыграли решающую роль в трансформации исламистского движения, как это произошло в том же году в еще большем масштабе в Алжире и Египте: переход к терроризму и его крах отрезали наиболее радикальные группировки от неимущей городской молодежи, от имени которой они надеялись выступать, и нанесли ущерб ее союзу с интеллектуалами — выходцами из набожных средних классов. У последних, имевших собственные организации, не осталось иного выбора, кроме как перейти ко всё более «демократическому» и «либеральному» дискурсу — лишь так они могли, будучи ослаблены, выторговать для себя место в политической жизни страны, поскольку их радикальная опора рассыпалась в прах. Прошло время громких акций протеста против системы, каковыми в начале десятилетия являлись агитационные кампании за право ношения мусульманского платка в школе. Ниже мы увидим, как эта новая стратегия вписалась в общую логику развития исламистских движений на исходе 20-го столетия.

Глава 8

Усама бен Ладен и Америка: Между терроризмом и большим спектаклем

В своем законченном — и получившем наибольшую известность благодаря СМИ — виде переход к терроризму «салафитско-джихадистского» движения, зародившегося в 80-х годах в Афганистане, нашел бесспорное воплощение в фигуре Усамы бен Ладена. Возведенный американским правительством в ранг мирового врага номер один, он стал — независимо от конкретных деяний, вмененных ему в вину, — звездой этакого голливудского «фильма катастроф», в котором играл роль «плохого парня» (*badguy*)⁴⁸⁰ гарантируя

---

⁴⁷⁸ См. интернет-сайты СИОФ и ее дочерней молодежной организации ММФ, которой была поручена организация предрождественских конференций в Бурже. В конце 1999 г. сайт ММФ закрылся.

⁴⁷⁹ В коммюнике от 26 октября 1999 г. СИОФ рассматривал перспективу создания Организации мусульман Франции, призванную объединить общину. В коммюнике говорилось, что для последней «сотрудничество с государством не исключено. Напротив, таковое даже желательно при условии, что государство будет избегать всякого вмешательства, гарантирует для общины свободу принятия решений и не будет навязывать ей организационной модели или мешать ее деятельности. Заявления на сей счет г-на министра внутренних дел звучат достаточно обнадеживающе» {sic!}.

⁴⁸⁰ По мнению Милтона Бирдена, высокопоставленного офицера ЦРУ в отставке, отвечавшего за оказание помощи афганскому джихаду, а позже работавшего резидентом ЦРУ в Судане, отношение к Бен Ладену со стороны американской юстиции и СМИ страдали упрощенным подходом: «Проводить связь между ним и любым террористическим актом, произошедшим за истекшее десятилетие — значит наносить оскорбление большинству американцев. И конечно, это не вдохновляет наших союзников на то, чтобы серьезно относиться к нам в данном вопросе». См.: <http://www.pbs.org/wgbh/pages/fronline/shows/binladen/interviews/bearden.html>. Среди публикаций, посвященных этому персонажу (которые начинают появляться в момент написания этих строк, т. е. в конце 1999 г.) выделяется толстый том Иосифа Бодански (см.: Bodansky Y. Bin Laden: The Man who Declared War on America. California Prima Publishing, 1999). Автор — эксперт по делам разведки при Палате представителей американского конгресса — наряду с массой точных и достоверных данных, приводит много непроверенных сведений (не ссылаясь при этом ни на один источник), а его общие выводы выглядят фантастичными и связанными с некими конкретными интересами. И. Бодански регулярно критикуют радикальные исламистские «перья» (см. рецензию на его книгу, опубликованную 27 и 29 сентября 1999 г.

популярность посвященным ему телевизионным программам, журналам, книгам и интернет-сайтам и служа оправданием для некоторых шагов американской политики. Как и шейх Омар Абдель Рахман, но в несоизмеримо большем масштабе, он стал символом разрыва союза между США и саудовским консервативным салафизмом, с одной стороны, и «джихадистами» — с другой, разрыва, повлекшего за собой распад исламистского движения. Бен Ладен мобилизовал «под свое имя» часть радикально настроенной нищевой городской молодежи — о чем свидетельствовали демонстрации в его поддержку, прошедшие в Пакистане в 1998 году,⁴⁸¹ — и мог рассчитывать, помимо собственного состояния, на субсидии от некоторых спонсоров, сколотивших себе состояния на Аравийском полуострове. Тем не менее еще не факт, что он как представитель данного течения стал позитивной фигурой, с которой буржуазия и набожные средние классы могли бы себя отождествить (при всем их восхищении героем, дразнящим Америку) в Саудовской Аравии, где не было ни одного героя, но где процветание всех, кто пользуется благами системы, по-прежнему держалось на присутствии «джи ай» на «земле двух Святых мест».

Родившийся в 1957 году, он являлся одним из 54 сыновей и дочерей Мухаммада бен Ладена. Его отец, выходец из семьи каменщиков из Хадрамаута (региона на юге Йемена), в 30-х годах эмигрировал в Саудовскую Аравию. Еще в юности он был принят в королевский дом и сумел обратить на себя внимание. Это стало началом его головокружительной карьеры, сравнимой с жизненным путем другого «низкороденного» — сына врача короля Фейсала, будущего миллиардера Аднана Хашогги. Сумев очаровать монарха своими талантами как строитель королевского дворца, он благодаря своему фавору стал крупнейшим в королевстве — и одним из первых на Ближнем Востоке — подрядчиком общественных работ. Глава семейства Бен Ладенов получил эксклюзивную концессию на расширение и содержание Большой мечети в Мекке⁴⁸² — главной святыни ислама, — а также всех автодорог, напрямую связывавших ее с основными саудовскими городами. Великолепное шоссе, проложенное из Джидды в Мекку через горы Таифа, этом пути всех паломников, быстро создало ему деловую репутацию и стало символом его профессии. На момент своей гибели в результате несчастного случая в 1968 году его состояние исчислялось в 11 млрд долларов. Рекламный щит компании «Бен Ладен»⁴⁸³ — несмотря на одиозный отныне характер, приданный этому имени Усамой, — и сегодня еще часто является первым,

---

суданцем Абдель Ваххабом аль-Эфенди в газете «Аль-Кодс аль-Араби» под заголовком «Он лжет в среднем пару раз в каждой фразе»), а также интернет-сайт «Azzam Brigades».

⁴⁸¹ Среди других предметов народного «лубка», посвященного Бен Ладену, в распоряжении автора имеется настенный календарь на 1999 г., изданный в Исламабаде, на котором помещена фотография героя в нимбе, как изображают суфийских святых (или Большую мечеть в Мекке). Над фотографией — надпись на арабском и урду: «Изгоните иудеев и христиан с Аравийского полуострова». Рядом с разодранным звездно-полосатым флагом США — надпись на английском «Jehad is holy war against America» («Джихад — это священная война против Америки») и «Allah is only super-power» («Аллах — это единственная сверхдержава»). Выражаю свою признательность Ж. Бельону-Журдану, предоставившему в мое распоряжение этот документ, приобретенный в Пакистане весной 1999 г. Летом того же года власти запретили распространение этих плакатов.

⁴⁸² В 1979 г. один из братьев Бен Ладенов, Махрус, вызывался в полицию после штурма Большой мечети в Мекке группой заговорщиков во главе с Джухайманом аль-Утайби. Грузовики Махруса въезжали и выезжали из здания мечети, не подвергаясь досмотру, и участники воспользовались этим, чтобы проникнуть на территорию святыни. Однако, с другой стороны, силы правопорядка (и их французский советник) при очистке территории мечети от заговорщиков не смогли обойтись без услуг группы ВТР, так как только у Бен Ладенов имелись подробные планы мечети. См. «About the Bin Laden Family» по адресу в Интернете: <http://www.pbs.org/wgbh/pages/frontline/shows/binladen/who/family/html>.

⁴⁸³ В египетском филиале компании, возглавлявшемся братом Усамы, Абдель Азизом, трудилось 40 тыс. рабочих и служащих. Это была самая крупная частная компания на территории Египта. См.: About the Bin Laden Family.

что замечает пассажир из иллюминатора своего самолета: он красуется над оградой аэропорта. Дети Бен Ладена с самого раннего возраста учились и воспитывались вместе с саудовскими принцами, невзирая на незнатное происхождение и йеменские корни их отца, который компенсировал эти недостатки крупными капиталовложениями в религиозную сферу: в каждый сезон паломничества он, как это было заведено в королевской семье, накрывал столы для улемов и знатных персон всего мусульманского мира, руководителей исламистских движений всей уммы. Таким образом, Усама находился в контакте с этой средой и был вхож в коридоры ваххабитской власти. Будучи студентом инженерного факультета Университета имени короля Абд аль-Азиза в Джидде, он слушал лекции, которые в рамках обязательных религиозных дисциплин читали Мухаммад Кутб (брат Сайида Кутба) и Абдаллах Аззам — будущий глашатай джихада в Афганистане. Пору зрелости он встретил молодым миллиардером, для которого мир идей и размышлений виделся через призму доктрины «Братьев-мусульман» и салафизма в его саудовской интерпретации. После вступления Красной Армии в Кабул в декабре 1979 года он при посредничестве «Джамаат-и ислами» совершил вояж в Пешавар, где встретился с лидерами исламистских партий афганских моджахедов. Сидя с ними за семейным столом, он интересовался условиями жизни беженцев и тем, какую поддержку мог бы им оказать. До 1982 года Усама занимался сбором средств в поддержку афганского джихада, став одним из самых горячих его сторонников в Саудовской Аравии. В том же году он с целой инфраструктурой переселился в Афганистан. Двумя годами позже он учредил в Пешаваре первый гостевой дом для арабских «джихадистов» в сотрудничестве со своим бывшим профессором Абдаллахом Аззамом, который создал Бюро обслуживания. Вдвоем они проделали огромную работу по привлечению и благоустройству тысяч добровольцев, начинавших прибывать в Афганистан. Среди них были саудовские отпрыски, для которых джихад в Афганистане был чем-то вроде летнего лагеря, исламисты-революционеры, вышедшие в том году из египетских застенков, алжирские «буялисты», недавно ставшие партизанами и бежавшие от репрессий. Позже к ним присоединились и несколько юнцов из французских предместий (некоторые из них примут участие в терактах 1994 и 1995 годов). В то время всех их принимали с почестями: саудовскому истеблишменту, к которому Бен Ладен и Аззам были близки, святое дело джихада давало возможность удержать под контролем потенциальных возмутителей спокойствия, отвлечь их от борьбы против существующих режимов в мусульманском мире и «большого» союзника — США, вывести их из-под иранского влияния. Цель США была ясна: «джихадисты» сражались против советской «империи зла», освобождая американских «парней» на Ближнем Востоке от необходимости рисковать своими жизнями, а счет оплачивали нефтяные монархии к радости американского налогоплательщика. Тем не менее саудовские спецслужбы, видимо, довольно быстро стали следить за тем, чтобы египетские или алжирские радикалы не слишком близко общались с отпрысками из хороших семей полуострова — что, впрочем, не помешало братанию и завязыванию взаимных контактов, возобновленных в последующее десятилетие.

К 1986 году Усама бен Ладен создал собственные лагеря уже в самом Афганистане. Его богатство и щедрость, простота манер, личное обаяние и храбрость на поле боя породили настоящую легенду вокруг его имени. К 1988 году он составил базу данных на «джихадистов» и Других добровольцев, проходивших через его лагеря. Так было положено начало организационной структуре, возникшей вокруг информационной картотеки, арабское название которой — *аль-кауда* (букв.: «база») станет известным десятилетие спустя, когда американская юстиция квалифицирует ее как сверхсекретную террористическую сеть, а сам Бен Ладен будет обвинен в «заговоре». Согласно различным источникам, в то время он порвал с Аззамом по причинам, не проясненным по сей день,⁴⁸⁴ а год спустя тот погиб в

---

⁴⁸⁴ По мнению многих наших собеседников, Аззам, действуя в согласии со своими саудовскими заказчиками, хотел, чтобы «джихадисты» не выходили за пределы Афганистана, тогда как Бен Ладен был сторонником интернационализации джихада. Эта версия не подтверждается при анализе текстов и проповедей Аззама: в них он призывает к переносу сражения на все территории, над которыми, по его мнению, необходимо

результате нераскрытого покушения. Саудовский режим начал опасаться этой неконтролируемой личности, приобретшей репутацию человека, который хотел повсюду распространять джихад. В том же, 1989 году он был задержан в королевстве, откуда собирался в очередной вояж, и лишен паспорта.

За несколько месяцев до вторжения Ирака в Кувейт в июне 1990 года фанфаронство Садама Хусейна, которого «салафиты-джихадисты» всё еще клеймили как светского «вероотступника»,⁴⁸⁵ так встревожило Бен Ладена, что он предложил монархии услуги «джихадистов» его «базы» для защиты границ. Но когда король Фахд, носивший титул «служителя двух Святых мест», призвал на помощь войска международной коалиции во главе с США, Усама присоединился к враждебным по отношению к ним кругам, сплотившимся вокруг шейхов Ауды и Хавали. Попав под подозрение режима, он сумел благодаря семейным связям бежать в апреле 1991 года за границу (в Пакистан, затем в Афганистан и, наконец, в Судан к Хасану ат-Тураби, где обосновался к концу года).

Именно с этого времени начался большой поворот в жизни человека, которому предстояло стать врагом номер один Соединенных Штатов. Как и многие другие исламистские активисты, обласканные саудовской системой в 80-е годы, он радикально порвал с ней и ее американским покровителем во время войны в Заливе, ускорившей раскол внутри движения. Осев в Судане, куда вскоре в поисках убежища приехали тысячи «джихадистов» Афганистана, он присоединился к коалиции разношерстных сил, которых Тураби пытался в то время сплотить воедино с помощью четырех Арабо-мусульманских народных конференций, проходивших в Хартуме с 1991 года. Собирая вокруг себя всех (панарабистов, «Братьев-мусульман», радикальных исламистов и даже — одно время — руководителей ООП), кого объединяло озлобление против операции «Буря в пустыне» и военной победы американцев, Тураби помышлял о создании полюса, враждебного саудовской и вообще консервативной концепции мирового исламизма, извлекая при этом выгоду из послевоенных расколов и шатаний. Одновременно Бен Ладен способствовал выезду из Пакистана «джихадистов», ставших там нежелательными элементами. Он помогал им оплачивать дорогу, иногда предоставляя работу на своих предприятиях, действовавших во многих странах мира. Кроме Судана, многочисленные активисты прибывали также в Йемен — страну, из которой происходила семья миллиардера и которая могла стать опорным пунктом на полуострове для дестабилизации соседней Саудовской Аравии. Там возникло мощное исламистское движение,⁴⁸⁶ но в целом оно было чуждо тем целям,

---

восстановить суверенитет ислама.

⁴⁸⁵ В исламистских кругах баасистский режим Ирака, опиравшийся на светскую панарабскую идеологию, третируется как «безбожный» и «вероотступнический». Во время ирано-иракской войны 1980–1988 гг. консервативные арабские государства Аравийского полуострова прекратили нападки на режим Садама Хусейна, с которыми, напротив, активно выступал хомейнистский Иран. После вторжения в Кувейт и прибытия «крестоносных» войск международной коалиции на землю Саудовской Аравии «салафиты-джихадисты» и иракский режим объединились в своей враждебности к саудовскому режиму.

⁴⁸⁶ В 1992–1993 гг. ветераны Афганистана из числа йеменцев и иностранных граждан приняли участие в выступлениях против Йеменской социалистической партии, которая тогда еще контролировала южную часть страны (в мае 1990 г. Южный и Северный Йемен воссоединились). Их лидер Тарик аль-Фадли, отбывавший заключение в Адене, обвинялся в поддержании постоянных контактов с Бен Ладеном, находившимся тогда в Хартуме. О йеменском исламизме — который не представляется возможным проанализировать в рамках данной книги — см.: Gros Gunn J.-M. La contestation islamiste au Yémen // *Exils et royaumes...* P. 235–250; Monet P. Reislamisation et conflits religieux a Aden: Memoire de DEA, IEP de Paris, 1995; Dresch P.; Haykel B. Stereotypes and Political Styles: Islamists and Tribesfolk in Yemen // *International Journal of Middle Eastern Studies*. 1995. Vol. 27. № 4; Mermier F. L'islam politique au Yémen ou la Tradition contre les traditions? // *Maghreb-Machrek*. 1997; Stift L. The Yemeni Islamists in the Process of Democratization: Le Yémen contemporain / Sous la dir. de R. Leveau, U. Steinbach. P.: Karthala, 1999. P. 247; Rougier B. Yemen 1990–94: La logique du pacte politique mise en échec // *Le Yémen contemporain*. P. 112–114. В последней статье описываются деятельность Т. аль-Фадли и его отношения с Бен Ладеном.

которые ставил перед собой Бен Ладен.

В этой ситуации первый фронт борьбы против США был открыт в Сомали. В 1992 году, после гражданской войны, долго терзавшей эту страну Африканского Рога, здесь высадились войска новой международной коалиции под руководством американцев для проведения под эгидой ООН операции под названием «Restore Hope» («Возвращение надежды»). Исламистские круги выступили с осуждением агрессии, которая, по их мнению, имела целью укрепить влияние Запада в этом регионе, соседствующем с Ближним Востоком, и создавала угрозу для Судана.⁴⁸⁷ Ветераны афганского «джихада» приняли участие в военных действиях, в ходе которых в Могадишо 3 и 4 октября 1993 года погибли 18 американских военнослужащих. В итоге операция потерпела фиаско, войска коалиции убралась восвояси, увозя с собой в пластиковых мешках тела убитых «джи аи», и их уход был отпразднован врагами Америки как ее поражение. Впоследствии США возложили ответственность за гибель своих солдат на организацию Бен Ладена, хотя сам он, будучи рад их гибели, подтвердил свою причастность к ней лишь косвенно.⁴⁸⁸

В Судане Усама бен Ладен сделал большие вложения в сельское хозяйство и развитие сети автодорог⁴⁸⁹ и стал авторитетной фигурой в кругах антисаудовского исламизма: в апреле 1994 года он был лишен саудовского гражданства. В конце концов Хартум, подвергшийся сильному международному нажиму после попытки убийства египетского президента в Аддис-Абебе в июне 1995 года, попросил гостя, ставшего обременительным, покинуть страну. Летом 1996 года Усама вернулся в Афганистан. В июне был совершен теракт в американском военном лагере в Хобаре (Саудовская Аравия), стоивший жизни 19 солдатам и приписанный Бен Ладену. Он не взял на себя ответственность за эту акцию, но 23 августа следующего года распространил «Декларацию о джихаде» против американцев, оккупировавших землю двух Святых мест, более известную по ее подзаголовку: «Изгоните многобожников с Аравийского полуострова».⁴⁹⁰ Этот одиннадцатистраничный текст,

---

⁴⁸⁷ См.: Huband M. Warriors of the Prophet. Boulder: Westview Press, 1998. P. 37. В книге приводится текст беседы автора с Баха ад-Дином Ханафи — одним из идеологов внешней политической стратегии суданского режима.

⁴⁸⁸ См.: Ibid. P. 40. См. также: Indictment, US Government. 1998. 4 November. // <http://www.pbs..o.c...alqaeda.html>; Declaration de jihad. 1996. 23 aout (см. ниже).

⁴⁸⁹ В частности, он сыграл решающую роль в принятии решения о прокладке так называемой дороги «вызова» (ат-тахадди), связавшей столицу с Порт-Суданом и имевшей протяженность в 800 км. На этом проекте он потерял более 150 млн долларов, поскольку суданское правительство так и не компенсировало ему затраченные средства.

⁴⁹⁰ Этот лозунг на арабском языке в «измененной» форме («Ахриджу аль-йахуд ва н-насарамин джазират аль-араб», т. е. «Изгоните иудеев и христиан с Аравийского полуострова») можно увидеть в большинстве документов, плакатов и пр., прославляющих Бен Ладена. Он перекликается с высказыванием, которое Пророк, согласно традиции, произнес на смертном одре, и которое в «Декларации о джихаде» приводится в двух вариантах: «Изгоните многобожников с Аравийского полуострова» (по Бухари) и «Если я выживу и если будет на то воля Аллаха, я изгоню иудеев и христиан с Аравийского полуострова» (согласно более позднему сборнику, «Сахих аль-джами ас-сагир»). Ском-лидировав две формулировки в одну, Бен Ладен придал им более «сильный» смысл, делая Пророка зачинателем джихада против «альянса сионистов и крестоносцев». Большая часть хадисов Пророка, цитируемых в «Декларации», взята из сборника «Сахих аль-джами ас-сагир», который считается более «достоверным», нежели сборник Бухари. Предпочтение отдаваемое так называемым «достоверным» хадисам — характерная черта литературы «салафитско-джихадистского» направления. Рассылавшаяся по факсу, «Декларация» («Илан аль-джихад аля ль-амрикийин аль-мухталлин ли-балад аль-хара-мейн») существует в двух английских переводах. Первый перевод, самый воинственный, опубликован на сайте «Azzam Brigades» (см.: <http://www.azzam.com/html/body5Fdeclaration.html>). Со вторым переводом, выполненным CDLR и претендующим на «абсолютную точность», можно ознакомиться на сайте MSANEWS (см.: http://msanews.mynet.net.msanews/199610/19_961_012.3.html) под заголовком «The Ladenese Epistle».

насыщенный цитатами из Корана, хадисами (речениями Пророка и рассказами о его жизни) и ссылками на Ибн Таймийю, по форме напоминал печатную продукцию «салафитов-джихадистов» (которую можно было встретить, например, в журнале ВИГ «Аль-Ансар»), проникнутую геополитическим «видением». Напомнив о страданиях, в которые «сионистско-крестоносный союз» вверг мусульман многих стран мира,⁴⁹¹ этот текст изображал «оккупацию земли двух Святых Мест» как «величайшую из всех проявлений агрессии». Благодаря «пробуждению» ислама последняя могла быть побеждена под эгидой «улемов и проповедников», как были разбиты крестоносцы и монголы под эгидой Ибн Таймийи. Пять улемов, приведенных в пример (Абдаллах Аззам, Ахмад Ясин — лидер палестинского движения «Хамас», египтянин Омар Абдель Рахман и два саудовца — Ауда и Хавали), находились посередине между «Братьями-мусульманами» и течением «салафитов-джихадистов»: Бен Ладен заявлял о своей доктринальной принадлежности к ним и изображал себя, укрывавшегося в горах афганского Гиндукуша, как вождя будущего реванша — по примеру Пророка, бежавшего в Медину в нулевой год хиджры, перед тем как взять Мекку и открыть исламу весь мир.

Усама клеймил ситуацию в Саудовской Аравии, ставшей, по его словам, царством несправедливости. Он делал акцент на защите прав высших социальных категорий (к которым принадлежал сам) — «крупных торговцев», которым задолжало государство,⁴⁹² страдавших от обесценения риала, и т. д. В первую очередь он обращался к набожной буржуазии (и отдельным принцам), чтобы отделить ее от правившей династии.⁴⁹³ Вспоминая затем «предупредительный меморандум» июля 1992 года, он представлял себя как добровольный исполнитель требований, сформулированных в этом документе.

Условием утверждения истинного ислама на полуострове было, по мнению Усамы, изгнание американцев. Идя вслед за своим бывшим профессором Абдаллахом Аззамом, для которого джихад являлся «индивидуальным долгом» (*«фард айн»*) с момента оккупации мусульманской земли — из-за чего Аззам оправдывал борьбу против советских войск в Афганистане, — Бен Ладен призывал каждого мусульманина к джихаду, с тем чтобы прогнать американских оккупантов с «земли двух Святых мест». Обильно цитируя Ибн Таймийю⁴⁹⁴ он призывал правоверных преодолеть все разногласия и заключить союз⁴⁹⁵

---

⁴⁹¹ Были перечислены по порядку: Палестина, Ирак, Ливан, Таджикистан, Бирма, Кашмир, провинция Ассам в Индии, Филиппины, пустыня Огаден в Эфиопии, Сомали, Эритрея и Босния и Герцеговина. Кроме Палестины, упомянутые конфликты являются недавними. Это свидетельствует о «медийной культуре» автора, который везде усматривал «заговоры против ислама», несмотря на крайнюю несхожесть перечисленных конфликтов.

⁴⁹² Хотя от Бен Ладена можно было ожидать осуждения практики предоставления кредита под проценты (которую мусульмане приравнивают к лихве), в «Декларации» мы читаем, что правительство должно своему населению «более 340 млрд риалов, не считая процентов, набегających за каждый день».

⁴⁹³ Помимо короля Фахда, самым суровым нападкам подвергались два принца — министр обороны Султан и министр внутренних дел Найеф, получавший советы от бывшего главы МВД Египта Заки Бадр (смещенного со своего поста в 1992 г. за проведение слишком жесткой и, как оказалось, неэффективной, политики в отношении исламистов) и несший ответственность за подавление саудовских исламистов. В то же время наследный принц Абдаллах, которого в этих кругах считают человеком «набожным», здесь не упоминался.

⁴⁹⁴ Приведенные Усамой пассажи о монголах напоминают те, что использовал в своем сочинении «Скрытая обязанность» («Аль-Фарида аль-гайба») Абдессалам Фарадж, идеолог группы убийц Садата (см.: Kerel G. Le Prophete et Pharaon... P. 210–213). Любопытно наличие ссылки на том и номер страницы (в данном случае это «Собрание фетв», том V, с. 506), нетипичной для такого типа прокламаций и встречающейся также у Фараджа.

⁴⁹⁵ Мы не смогли установить, к кому именно был обращен этот призыв к единению. Возможно, здесь следует усмотреть шаг навстречу режиму Саддама Хусейна в Ираке и его сторонникам; менее очевидно, что речь шла об Иране, учитывая практически непреодолимую ненависть к шиизму, которая составляет часть базового ваххабитского воспитания и с крайней неохотой признает принадлежность шиизма к исламу.

чтобы свергнуть Саудитов, этих пособников «сионистско-крестоносного альянса». В первую голову он обращался к королевским вооруженным силам, требуя от них неподчинения приказам, затем — к потребителям, призывая их бойкотировать американские товары.

Приветствуя теракт против американских военных, совершенный в Хобаре в июне 1996 года и «победу», одержанную в октябре 1993 года в Сомали,⁴⁹⁶ «Декларация о джихаде» упоминала о «сынах Аравии», сражавшихся в Афганистане, Чечне, Боснии и Герцеговине, и объявляла, что битва будет продолжаться до создания на полуострове «исламского государства». Этот текст, в котором энергичность проклятий сочеталась со слабостью намеченной стратегии, завершался поэмами на военную тему и славословиями Аллаху.

«Декларация о джихаде» — первый манифест, в котором Бен Ладен, до сих пор известный как организатор, финансист и боец, выступал в роли идеолога. Он предпринял попытку объединить два течения: саудовское исламистское инакомыслие, эпистолы которого оставались связаны нормами ваххабитского гражданского кодекса, и призыв к джихаду за освобождение от оккупации «земли ислама» в духе проповедей Абдаллаха Аззама в Пешаваре. Он радикализировал первое течение, дополнив его идеей вооруженной борьбы и повернув второе против его бывших покровителей — США и Аравии, отведя им роли соответственно Советского Союза и коммунистического Афганистана 80-х годов: безбожного захватчика, оккупировавшего *дар аль-ислам*, и пособника-вероотступника. Однако, чтобы вести эту новую битву, Усама не располагал нигде той стратегической опорой, которую «добровольцы» минувшего десятилетия нашли в одной из сверхдержав и нефтяных монархий полуострова. Несколько «стран-изгоев» («*rogue States*»), которые могли бы его поддержать (Судан во главе с Тураби и талибский Афганистан), были бедны и зависимы. Энтузиазм неимущей городской молодежи, мобилизованной на его поддержку пакистанскими и некоторыми другими религиозными партиями, не мог вылиться в создание мощной инфраструктуры. Хотя помощь от богатых сторонников поступала, в целом набожная буржуазия не одобряла течения, которое противопоставляло себя Эр-Рияду и Вашингтону и угрожало многим интересам.

Отсутствие мощной международной поддержки и оторванность от какого бы то ни было социального движения способствовали уходу Бен Ладена и его приспешников в активизм, о котором уже нельзя было сказать, чьим интересам он служил или, наоборот, реально угрожал. Поскольку, находясь в талибском Афганистане, Усама не имел возможности вести борьбу с саудовским режимом, он попытался прорвать изоляцию, распространив свои «джихадистские» амбиции на весь мир. В феврале 1998 года он создал «Международный исламский фронт против евреев и крестоносцев», под учредительной хартией которого поставили подписи основатель египетской группировки «Аль-Джихад» доктор Айман аз-Завахири, один из египетских лидеров «Гамаа исламийя» и несколько представителей мелких исламистских групп Индийского субконтинента. Этот короткий текст⁴⁹⁷ с обильными цитатами из Корана и, разумеется, Ибн Таймийи, повторял обвинения в адрес «сионистско-крестоносного альянса» и объявлял против него новую стадию борьбы. Соответствующая фетва гласила, что «на каждом мусульманине, способном воевать, лежит

Пространные пассажи призывали мусульман не трогать в ходе джихада нефти, этого «великого исламского богатства и большой экономической мощи, необходимой для исламского государства, которое скоро будет создано по милости и с соизволения Аллаха».

⁴⁹⁶ «Вы испытали немилость Аллаха и сражались отступая».

⁴⁹⁷ Датированный 23 февраля 1998 г. и опубликованный в арабоязычной лондонской газете «Аль-Кодс аль-Араби» («*Al Quds al Arabi*»), этот текст появился в английском переводе под заголовком «World Islamic Front Statement Urging Jihad Against Jews and Crusaders» на сайте: <http://www.fas.org/irp/world/para/docs/980223-fatwa.htm>. См.: Lewis B. Licence to Kill / Usama bin Ladin's Declaration of Jihad // Foreign Affairs. 1998. November-December. Vol. LXXVII. № 6. P. 14–19. В статье даны комментарий к тексту и перевод некоторых отрывков из него.

индивидуальная обязанность (*фард айн*) убивать американцев и их союзников, гражданских лиц и военных в любой стране, где это только возможно». 7 августа следующего года, в 8-ю годовщину прибытия американских войск в Аравию по призыву короля Фахда, два синхронных взрыва разрушили посольства США в Найроби (Кения) и Дар-эс-Саламе (Танзания). В результате первого теракта погибли 213 человек (в том числе 12 американцев) и более 4500 получили ранения, итогом второго стали 11 погибших и 85 раненых (но никто из американцев не пострадал). Власти США незамедлительно обвинили в них Бен Ладена: после ракетной атаки 20 августа, уничтожившей химический завод в Хартуме и тренировочные лагеря в Афганистане,⁴⁹⁸ Усама был обвинен в заговоре, а его голова оценена в 5 млн долларов. В интервью, которые он давал прессе из своего афганского убежища, он оставил возможность для сомнения в своей прямой причастности к терактам в Африке, хотя и выразил удовлетворение в том, что они имели место.⁴⁹⁹

Кровавые теракты в Найроби и Дар-эс-Саламе были звеньями той же цепи, что и бойня в Луксоре в ноябре 1997 года или аналогичные события в Алжире: оказавшись отрезанным от социальной базы, экстремистское исламистское течение прибегло к терроризму, более или менее «обоснованному» религиозными аргументами, большинство жертв которого не имело ничего общего с конкретным врагом, намеченным «джихадистами». ⁵⁰⁰ Террор, превращенный в грандиозный спектакль благодаря его широкому освещению в СМИ, давал возможность показать себя борцами за правое дело и, вместо того чтобы эффективно работать над укреплением социальной базы, позволял с помощью телеэкранов вновь завоевать народные симпатии. Однако в долгосрочном плане эта авантюристическая стратегия, которая, если не считать отдельных сиюминутных проявлений сочувствия, порождала еще большую враждебность к данному течению у набожных средних классов. Она могла побудить эти слои только к тому, чтобы полностью отмежеваться от радикального крыла исламизма, зашедшего в политический тупик, и искать другие пути интеграции в современное общество.

Глава 9

Между молотом и наковальней: «Хамас», Израиль, Арафат

Война в Заливе 1991 года и поражение Ирака самым прямым образом сказались на арабо-израильском конфликте. Они заставили политические элиты еврейского государства и ООП начать мирный процесс, в который включилось большинство арабских государств. Сам же конфликт стал рассматриваться сквозь исламскую призму, с тех пор как интифада — восстание, начавшееся в декабре 1987 года, — засвидетельствовала усиление влияния

---

⁴⁹⁸ Уничтожение завода «Аш-Шифа» в пригороде суданской столицы должно было выглядеть прежде всего как акт давления на суданское правительство, поскольку обвинения в том, что на этом заводе изготавливались опасные химические вещества, предназначавшиеся для Бен Ладена, так и не получили вещественного подтверждения. Что касается афганских лагерей, подвергшихся бомбежке, то в них находился не Бен Ладен, а пакистанские исламистские активисты, готовившиеся воевать в индийском Кашмире. Американские меры возмездия встретили осуждение во многих мусульманских странах и вызвали осторожную отрицательную реакцию со стороны ряда традиционных союзников США. В Пакистане они переросли в настоящий культ Бен Ладена, портрет которого красовался на всех манифестациях, устраивавшихся радикальными суннитскими исламистами.

⁴⁹⁹ «Наша работа состояла в том, чтобы побуждать к действиям, по милости Аллаха, мы ее выполнили, и некоторые люди ответили на это побуждение» (из заявления газете «Time» от 23 декабря 1998 г.). В интервью, данном в тот же день ABC News, Бен Ладен отрицал свою причастность к этим акциям, но выразил поддержку действиям некоторым из подозреваемых.

⁵⁰⁰ Так, в Луксоре погибли в основном швейцарские туристы, в Алжире — жители бедных кварталов. Что касается двух терактов в Африке, то большинство жертв составили не американцы.

исламистских движений («Хамаса» и отчасти «Исламского джихада»), подорвавших абсолютную до того времени гегемонию ООП. В тот момент, когда радикальные группы в Алжире и Египте вставали на путь насилия, вдохновленные возвращением своих активистов из Афганистана в 1992 году, палестинские исламисты должны были отвечать на серьезнейший вызов — заключение мира с Израилем. Внешне это наносило урон их борьбе, поскольку усиливало их соперников из ООП: последние оказывались во главе государственного образования, признанного мировым сообществом, и могли пожинать осязаемые плоды своей полувековой национально-освободительной борьбы. Однако условия мира, достигнутого в тот момент, когда организация Ясира Арафата была серьезно ослаблена политически (и в финансовом отношении), что сказывалось на ее способности вести переговоры, делали Палестинскую администрацию, располагавшуюся поначалу в Газе, нежизнеспособной структурой, зависевшей от политических капризов правившей в Израиле коалиции. Она грозила превратить автономные палестинские территории в «бантустаны»,⁵⁰¹ а Арафата — в Петэна, что открывало широкие политические перспективы перед «исламской альтернативой», о которой вещал «Хамас».

Таким образом, исламистскому движению предстояло сыграть тонкую политическую партию: оно располагало капиталом внушительной социальной поддержки со стороны обездоленной молодежи, а также торговой буржуазии. Ему оставалось выгодно использовать этот капитал, сыграв на разочаровании от проволочек и нестыковок мирного процесса, а также от авторитаризма и коррумпированности руководителей Палестинской автономии. Ему следовало оказывать постоянный нажим, не впадая при этом в терроризм радикальных исламистских группировок, подхваченных в то время ветром джихада в Египте и Алжире. Между тем в условиях израильских репрессий, копившихся обид и унижений искушение насилием было велико. Оно находило определенный отклик среди молодого поколения, которое вступило в пору зрелости, с головой окунувшись в интифаду с конца 1987 года и отказывалось довольствоваться благими словами или крошками суверенитета, продолжая влачить плачевное существование. В этой политической игре с тремя партнерами, в которой исламисты не только противостояли националистическим лидерам, но и могли улучшить свое положение, успешно провоцируя Израиль на репрессии и демонстрируя тем самым слабость ООП, «Хамас» сумел ловко маневрировать вплоть до вступления в силу в 1994 году положения о Палестинской автономии. «Хамас» сохранил прочную связь со своей социальной базой — набожными средними классами, от имени которых он выступал, и рафинированной исламистской интеллигенцией (частично проживавшей в США), которая формулировала его политический дискурс. Но вскоре «Хамас», как и многие другие исламистские движения, отравленные идеологией вооруженного джихада, попал в ловушку терроризма, в то время как ООП, несмотря на все неудачи, сумела создать хоть какой-то государственный аппарат, а затем организовать всеобщие выборы в январе 1996 года. «Хамас» разделился тогда на два течения: радикальное (и наиболее активное) и умеренное, которое хотело принять участие в новой политической игре, создать партию и перевернуть страницу саморазрушительного насилия. В результате «Хамас» утратил привлекательность в глазах различных социальных классов, поддержка которых в начале десятилетия сделала его самым опасным соперником системы, созданной Ясиром Арафатом.

Победа США как лидера антииракской коалиции 1990–1991 годов радикально изменила расклад сил в израильско-палестинском конфликте. В мире, в котором уже не было Советского Союза, единственная и победоносная сверхдержава имела возможность заставить противоборствующие стороны подписать мир, отвечавший ее интересам. В самом деле, Израиль, на территорию которого упали несколько ракет «Скад», выпущенных Ираком, должен был вверить Вашингтону заботу о его безопасности, дабы арабские страны,

---

⁵⁰¹ Для ознакомления с этой точкой зрения см.: Legrain J.-F. *Palestine: Les bantoustans d'Allah // Palestine, Palestiniens / Sous la dir. de R. Rocco, B. Destremau, J. Hannover. Beyrouth: Cermoc, 1997. P. 85–101.*

участвовавшие в коалиции, не подверглись слишком сильному давлению со стороны своего общественного мнения в случае «сионистской» атаки на «братский» Ирак. Таким образом, для еврейского государства существенно сузилось поле для маневра во взаимодействии с американским правительством, возглавляемым республиканцами, которые традиционно меньше прислушивались к мнению еврейского электората, нежели демократы. Более того, президент Джордж Буш пришел в политику, сделав до этого карьеру в области нефти. Это обусловило его восприимчивость к доводам капитала ближневосточных нефтяных монархий, стремившихся изменить региональную политику США в свою пользу. К этой конъюнктурной слабости Израиля добавлялась слабость ООП — результат катастрофической для нее поддержки, оказанной Арафатом Саддаму Хусейну, в результате чего главная палестинская организация была лишена большей части субсидий из стран Аравийского полуострова, из которых и формировался ее бюджет и которые затем она перераспределяла на оккупированных территориях. Прекращение финансирования вынудило ООП закрыть ряд подчиненных ей учреждений.⁵⁰² Это лишило ее многих союзников и помощников, а также ослабило ее перед лицом «Хамаса», весьма осторожная позиция которого во время войны в Заливе была, напротив, вознаграждена щедрым потоком нефтедолларов.

Таким образом, израильское правительство и руководство ООП не могли избежать вступления в мирный процесс, который обрел свою форму на Мадридской конференции, открывшейся в декабре 1991 года. На этом этапе палестинская организация была представлена лишь косвенно — делегацией лиц с оккупированных территорий, включенных в состав иорданской делегации, причем впоследствии некоторые из них демонстрировали свою независимость. ООП настаивала на изменении этих правил, которые снижали ее значимость и делали еще более уязвимой для критики со стороны исламистской и марксистской оппозиции, усматривавшей в ее уступках капитуляцию. Несмотря на то, что «Хамас» был запрещен израильскими властями,⁵⁰³ ему удалось на выборах в профсоюзы, представленные его сторонниками, обеспечить выражение недоверия к мирным переговорам, которые выглядели как слишком явно не отвечающие палестинским интересам. В январе 1992 года ООП пришлось объединиться с ее светскими противниками из НФОП и ДФОП,⁵⁰⁴ чтобы не допустить победы исламистов на выборах в профсоюз инженеров в Газе. В марте исламисты одержали безоговорочную победу на выборах в торговую палату Рамаллаха (достаточно секуляризованного города, в котором жило много христиан), показав, что «Хамас» пользуется реальной поддержкой средних слоев. В мае на выборах в торговую палату Наблуса ООП избежала поражения (собрав лишь на 3 % больше голосов, чем исламистский список, получивший 45 %) лишь с помощью усиленной демонстрации своей религиозности.

Оказав на выборах свое влияние в среде набожной буржуазии,⁵⁰⁵ «Хамас» тем не

---

⁵⁰² Согласно израильским источникам (см.: RekhessE. // MECS. 1993. P. 216), «премиальные за стойкость» (амвал аль-сумуд), которые выплачивала ООП на оккупированных территориях, сократились с 350 млн в год в период интифады до 120 млн после вторжения в Кувейт в 1990 г. и до 40 млн в 1993 г. Хроника рассматриваемого периода, изложенная Меиром Литваком и Эли Рехесом, дает целостную картину происходившего.

⁵⁰³ В декабре 1990 г. движение «Хамас» было запрещено, и его активисты подверглись преследованиям. Принадлежность к движению каралась тюремным заключением.

⁵⁰⁴ Соответственно, Народный фронт освобождения Палестины и Демократический фронт освобождения Палестины — две организации марксистского толка.

⁵⁰⁵ В Палестине, как и в Египте, профсоюзные выборы, считавшиеся свободными, являлись барометром влияния исламистского движения, прежде всего на средние классы. Так же обстояло дело и со студенческими выборами — индикатором прочности позиций движения в кампусах.

менее не переставал давать выход эмоциям для радикально настроенной неимущей молодежи, не уступая ООП контроль над улицей. «Ястребы» ООП подвергались жесткой критике со стороны своего исламистского противника в лице «бригад Изз ад-Дина аль-Кассама»,⁵⁰⁶ которые всё сильнее терроризировали израильтян. Хотя 1992 год был годом явного спада интифады как движения неповиновения и массового восстания, он был отмечен увеличением случаев убийств военных и гражданских лиц, ответственность за большую часть которых брал на себя «Хамас». 13 декабря, в пятую годовщину основания исламистской партии, в Лоде (на территории самого Израиля) «бригадами аль-Кассама» был похищен израильский младший офицер, за освобождение которого члены группы потребовали выпустить из тюрьмы духовного лидера партии шейха Ахмада Ясина. Двумя днями позже труп заложника, связанного и исколотого кинжалами, был обнаружен в придорожной канаве на шоссе в направлении Западного берега реки Иордан. Этот очень сильный символический акт — напомилавший первые нападения «Исламского джихада» на солдат еврейского государства — показал, что «Хамас» не боится Израиля, не связан мирным процессом, который, как казалось, начинал буксовать, и остается привержен вооруженному насилию, что укрепило позиции движения среди наиболее радикальных активистов. Убийство поставило также в весьма трудное положение ООП, которая, осудив его, оттолкнула от себя тех же активистов. Лейбористское правительство Ицхака Рабина, пришедшее к власти в июне этого года, предприняло достаточно сильную в символическом отношении меру, чтобы снизить накал страстей и гнева израильского населения. 418 руководителей и активистов «Хамаса» и «Исламского джихада» были арестованы и депортированы в Мардж-эз-Зухур, горную деревню на юге Ливана, поэтичное название которой, означающее «цветущее пастбище», не спасало ее от суровой зимы.

На оккупированных территориях вспыхнули сильнейшие волнения. Депортированные исламисты сделались героями в глазах всей молодежи, не говоря уже об их рядовых сторонниках, в то время как мировая пресса рассказывала о ссыльных, стоявших босыми ногами на снегу. Вместо висельников-террористов телекамеры показывали студентов и преподавателей университетов, врачей и инженеров, а также имамов, причем некоторые из них на превосходном английском языке излагали политическую платформу «Хамаса», выражали враждебность к Израилю и недоверие к ООП. Выбрав в качестве «мишени» исламистскую интеллигенцию, израильское правительство попыталось дезорганизовать движение, лишив его кадров. Однако свою ссылку последние превратили в эффективную пиаровскую акцию, увенчавшую радикальное течение ореолом жертвы преследований и сделавшую его символом истинного сопротивления репрессиям еврейского государства. В особенно затруднительном положении последнее оказалось в тот момент, когда Совет Безопасности ООН потребовал немедленной и безоговорочной репатриации сосланных.⁵⁰⁷ Пока тянулись переговоры, депортированные исламисты организовали на месте ссылки курсы и лекции, назвав всё это «университетом имени Ибн Таймийи» в память о знаменитом

---

⁵⁰⁶ О создании и точной принадлежности «бригад» сайт движения «Хамас» дает две противоречивые версии. По данным «Glory Record», зафиксировавшей к осени 1989 г. первые 85 терактов, совершенных их активистами (между 3 апреля 1988 г. и 19 октября 1994 г.), первое упоминание о «бригадах» появилось 17 февраля 1989 г. (их группа похитила израильского сержанта, «убила его и выбросила труп»). В то же время биография Яхьи Аяша — «инженера» или, как его еще называли, «пиротехника «Хамаса»» (убитого в январе 1996 г., вероятно, израильскими спецслужбами, заминировавшими его мобильный телефон) — именно этому «мученику» приписывает создание «бригад» («в конце 1991 г.»). Об этом же говорится и в официальных документах движения. С начала своего существования «бригады» пользовались достаточно большой свободой действий по отношению к кадровому составу движения. В этом выражалось нежелание народных «низов» и молодежи зависеть от политических амбиций руководства и интересов набожных средних классов. См.: <http://www.palestine-info.org/>.

⁵⁰⁷ См. резолюцию № 799 от декабря 1992 г.

средневековом мыслителе, идеями которого во многом вдохновляется суннитское исламистское движение и по сей день.

ООП была вынуждена заморозить участие палестинской делегации в мирных переговорах, поскольку стала заложницей акции, которую не контролировала, в то время как прямое столкновение между Израилем и «Хамасом» подрывало авторитет ООП и понижало ее статус. Однако она была жизненно заинтересована в существенном продвижении мирного процесса, стремясь преодолеть настороженность палестинского населения, всё больше разочаровывавшегося и всё больше прислушивавшегося к голосам исламистских сирен. Вот почему в том самом месяце, когда депортированные исламисты были высланы в Ливан, начались прямые секретные контакты между представителями Ясира Арафата и эмиссарами израильского правительства — контакты, результатом которых стала «Декларация о принципах» (так называемое «Соглашение Осло»), подписанная в Вашингтоне 13 сентября 1993 года. «Декларация», предусматривавшая, что первыми палестинскими территориями, переходящими под власть ООП, станут Газа и Иерихон, давала повод к удовлетворению обоих партнеров: Израиль избавлялся от «гнояника» в виде Газы, где цена за соблюдение порядка была слишком высока, а главная палестинская организация могла объявить своему населению о достижении первого осязаемого результата — прелюдии к созданию независимого государства. От этого символического прорыва она ждала эффекта цепной реакции, которая позволила бы ей вернуть политическую инициативу, утраченную из-за успехов «Хамаса».

Подписание «Декларации о принципах» действительно вызвало рост популярности ООП на территориях, что в скором времени должно было привести к долгожданному уходу израильской армии и прекращению прямой оккупации хотя бы части этих земель. Однако подписание способствовало и открытию антиарафатовского фронта, в котором вокруг «Хамаса» сплотились различные фракции левой оппозиции: через пять дней после подписания документа их активисты собрались на большой митинг в Газе, чтобы заклеймить на нем Арафата. Прошедшие в ноябре и декабре студенческие выборы в университете Бир-Зейт, где уровень политизации учащихся был очень высок, завершились беспрецедентным поражением кандидатов от ООП в пользу коалиции ее противников.

Перспектива получения автономии поставила «Хамас» перед очень конкретным политическим выбором между его максималистской принципиальной позицией — добиваться освобождения всей Палестины, «от реки [Иордан] до моря», — и обыденными чаяниями населения. Последнее мечтало как можно скорее избавиться от оккупации, приветствовало соглашения, которые делали это возможным, но было недовольно кабальными условиями, навязанными Израилем. Поэтому исламистская организация должна была прибегать к насилию, чтобы оказывать давление на ООП и на еврейское государство, — следуя стратегии, в которой она весьма преуспела в предыдущие годы, — но при этом действуя так, чтобы своими провокациями не сорвать уход израильских войск и тем самым не навлечь на себя народный гнев. Эта дилемма отражала также противоречивые цели поддерживавших организацию социальных сил, единство которых создание автономии подвергало серьезному испытанию. Неимущую городскую молодежь, среди которой вели вербовку достаточно самостоятельные «бригады аль-Кассама», привлекали максималистские лозунги и насилие, которое одобряли их зарубежные руководители, базировавшиеся в основном в Аммане и регулярно посещавшие Тегеран. Между тем набожные средние классы рассчитывали принять участие — хотя бы и в качестве оппозиции — в становлении нового политического режима, который контролировал бы распределение иностранной помощи, необходимой для их деятельности.⁵⁰⁸ Их ожидания нашли отражение в некоторых заявлениях шейха Ясина и лидеров из того же круга, которые не исключали создания

---

⁵⁰⁸ Об отношениях между палестинскими предпринимателями и политической властью см.: Balas C. Les hommes d'affaires palestiniens dans un contexte politique en mutation // *Maghreb-Machrek*. 1998. Juillet-Septembre. № 161. P. 51–59.

легальной исламистской партии при режиме Палестинской автономии и участия в будущих выборах. В 1994 году «Хамас», как казалось, был в состоянии примирить эти противоречивые интересы своих сторонников и продолжал ослаблять ООП, которая 12 июля стала правительством автономии. Исламистская организация извлекла наибольшую политическую выгоду из бойни в Хевроне, где колонист из соседнего поселения Кирьят-Арба, член крайне правого движения, 25 февраля перестрелял из пулемета более 30 палестинских мусульман, которые молились в мечети, построенной на месте Гробницы патриархов. Последовавшие за этим волнения, жертвами которых стало еще несколько десятков человек, еще сильнее подорвали позиции ООП: она была обвинена в переговорах с противниками, из рядов которых вышел виновник бойни. «Хамас», напротив, получил благословение на месть: проведенные в апреле акции его боевиков-смертников на израильской территории унесли жизни свыше десяти евреев, а десятки человек получили ранения. Ответом на это стало закрытие палестинских территорий и массовые облавы на исламистов. В этой трагичной обстановке 4 мая в Каире были подписаны соглашения о вступлении в силу израильско-палестинской «Декларации о принципах», регламентировавшие предоставление суверенитета, определявшие границы освобождаемых территорий, численность палестинских сил безопасности и т. д. С июля, то есть после образования автономии, последним предстояло выполнять вместо израильской армии функцию подавления «Хамаса»⁵⁰⁹ — задачу, малоприятную для Арафата и его окружения — «людей из Туниса»,⁵¹⁰ прибывших вместе с ним на землю Палестины, где многие из них раньше никогда не бывали. Исламистское движение продолжало осуществлять свои акции: в частности, в октябре в Иерусалиме были убиты несколько израильтян и похищен еще один солдат, казненный при штурме укрытия, в котором его содержали, а взрыв автобуса в Тель-Авиве, совершенный террористом-смертником, унес жизни более 20 человек. В начале ноября в Газе в качестве возмездия был уничтожен военный руководитель «Исламского джихада», и эта акция, приписанная израильским спецслужбам, стала поводом для невиданного доселе события: Арафат был освистан толпой палестинцев, собравшихся на похороны. Этот процесс достиг апогея 18 ноября, когда полиция недавно созданной Палестинской автономии впервые открыла огонь по манифестантам «Хамаса» на выходе из Главной мечети в Газе, убив 16 человек. Моральный авторитет Арафата пал до самой низкой отметки, и его не могли поднять даже издержки многочисленных антитеррористических мер, предпринятых Израилем: увеличение количества заграждений и блокпостов, запрет на передвижение по Западному берегу и вдоль границ сектора Газы делали жизнь рядового палестинца невыносимой. Соглашения об автономии не принесли никакого облегчения в повседневной жизни, а эйфория по поводу освобождения от оккупации прошла. Основную выгоду из ситуации извлек «Хамас».

Конец этого кумулятивного процесса радикализации исламистского движения наступил в 1995 году — тогда же, когда похожий феномен проявился в Египте и Алжире. Первые месяцы этого года были отмечены продолжением насилия — акциями террористов-смертников в Израиле. Однако насилие было эффективным лишь постольку, поскольку оно могло служить средством ведения переговоров на более выгодных условиях,

---

⁵⁰⁹ Вот как исламистская партия отзывалась о задаче, поставленной перед палестинскими силами безопасности: «Администрация, которую поддерживают 30 тыс. вооруженных людей, образующих полицейскую силу, выступающую под различными названиями, должна выполнять обязательства, регламентированные соглашениями. Первейшая из них состоит в том, чтобы противодействовать операциям сил сопротивления и подавлять движения сопротивления...» (<http://www.palestine-info.org/>).

⁵¹⁰ Выражение «тунисцы» — относившееся к лидерам ООП, прибывшим в Газу из тунисской столицы, где после своего изгнания из Ливана в 1983 г. они устроили свою штаб-квартиру, — использовалось жителями палестинских территорий. Этим они подчеркивали незнание руководством ООП местной ситуации и прежде всего его неучастие в интифаде. Подробнее об этом см.: Bucmlle L. Gaza: La violence de la paix.

чтобы заставить пойти на уступки еврейское государство, ставившее всё новые препоны на пути реализации соглашений.⁵¹¹ Лишь в надежде на это палестинское население могло одобрять использование силы, не считаясь с ценой, какую ему приходилось за это платить в результате израильских ответных мер в виде блокирования территорий и драматического снижения уровня жизни. Но в 1995 году терроризм «Хамаса», как и алжирской ВИГ, и египетской «Гамаа исламийя», показал предел своих возможностей: противник (властей в Иерусалиме, Алжире и Каире) не уступал, а страдания населения лишь возрастали. Более того, палестинская администрация в Газе усовершенствовала свой репрессивный аппарат, в результате чего многие тысячи исламистских лидеров и рядовых активистов отправились в тюремные камеры, подпольные сети были разгромлены, внешние источники финансирования поставлены под контроль, а мечети взяты под наблюдение. Наконец, силы безопасности автономии,⁵¹² основной местный работодатель, стали рекрутировать новобранцев среди бедной городской молодежи, шедшей в первых рядах интифады: они принадлежали к той же среде, что и радикальные сторонники «Хамаса», что облегчало реализацию задач по контролю и наблюдению. Вся эта совокупность факторов — к которым следует добавить фатальный кризис, поразивший «Исламский джихад» в результате убийства его лидера агентами «Моссад»,⁵¹³ — способствовала размежеванию между радикалами из народной среды и умеренными религиозными средними слоями. Как и в конце интифады, последние, будучи истощены экономически,⁵¹⁴ надеялись на какой-то итог мирных переговоров и опасались, что ослабление Арафата в ходе внутреннего конфликта приведет в конечном счете к результату, негативному для палестинцев в целом. Некоторые «умеренные» руководители «Хамаса» отказались от борьбы, и осенью 1995 года организация вступила в переговоры с палестинской администрацией, чтобы найти *modus Vivendi* в связи с подготовкой всеобщих выборов в начале 1996 года. Соглашение так и не было достигнуто, что в конечном счете заставило заграничное руководство движения призвать своих сторонников не участвовать в голосовании, предоставив тем самым Арафату формировать институциональный политический пейзаж по своему усмотрению.

В этой обстановке 4 ноября израильский премьер-министр Рабин был убит еврейским террористом из религиозных кругов. Начавшаяся предвыборная кампания по избранию преемника главы кабинета министров вновь поставила палестинских исламистов в центр политической проблематики. За гибелью Яхьи Аяша, «пиротехника» «Хамаса», последовали громкие ответные акции террористов-смертников, жертвами которых стали 63 жителя Израиля. В результате 29 мая 1996 года израильский электорат проголосовал за Нетаньяху.⁵¹⁵ Глава Ликуда говорил жестко, и в глазах «Хамаса» его курс на срыв мирного

---

⁵¹¹ О препятствиях, мешавших выполнению соглашений, и о взаимных обвинениях израильтян и палестинцев в этой связи см.: Levallois A. Points de vue israeliens et palestiniens sur les violations des accords d'Oslo // Maghreb-Mac12hrek. 1997. Avril-Juin. № 156. P. 93.

⁵¹² См.: BucaiUeL. Op. cit.; Grange]. Les forces de securite palestiniennes: Cont-raintes d'Oslo et quete de legitimite nationale // Maghreb-Machrek. 1998. Juillet-Septembre. № 161. P. 18–28.

⁵¹³ Фатхи Шкаки, убитый на Мальте 26 октября по возвращении из Ливии, имел немало противников в рядах движения. Его преемнику, профессору из Флориды, не удастся сохранить движение в качестве важной составляющей палестинского исламизма. Интересующихся жизнью и деятельностью Фатхи Шкаки отсылаем к вышеупомянутому сборнику под редакцией Рифаата Сид Ахмеда (см.: Аль-аамаль аль-камиля ли ш-шахид...).

⁵¹⁴ Блокирование территорий после самоубийственных терактов 1996 г. обрело на безработицу около 45 % трудоспособного населения сектора Газа и 30 % жителей Западного берега реки Иордан. Материальные потери палестинцев составили от 1 до 2 млн долларов в день. См.: Kurtz A. (with TalN.). Hamas: Radical Islam in a National Struggle. (JCSS Tel-Aviv University). 1997. July. № 48 (<http://www.tau.ac.il/jcss/memo48.html>).

⁵¹⁵ В ходе операции «Гроздь гнева», проводившейся против ливанского движения «Хизбаллах», в

процесса мог лишь способствовать реализации целей исламистов, ставя Палестинскую администрацию в исключительно сложное положение. Однако стратегия на провокации обернулась против самих ее авторов: новые теракты, произошедшие в марте, июле и особенно в сентябре 1997 года, когда в Иерусалиме погибли 17 человек,⁵¹⁶ вызвали лишь ужесточение линии израильских властей.

Блокада палестинских территорий, осуществленная по хорошо разработанному сценарию, привела к экономической асфиксии. Одновременно правительство Нетаньяху возобновило процесс еврейской колонизации и приостановило поэтапный вывод войск с Западного берега. Политическая целесообразность терроризма становилась всё менее очевидной, если не сказать больше, в глазах истощенного и уставшего палестинского населения, среди которого правительство автономии, несмотря на недовольство и критику в свой адрес за авторитаризм, некомпетентность и коррумпированность его отдельных членов, сумело утвердить — за отсутствием реальной альтернативы — свой авторитет. Законодательный совет (парламент, избранный в январе 1996 года) позволил войти в политику местным нотаблям и представителям средних классов, связанных в основном с ООП, но также с религиозным движением в широком смысле этого слова. Они казались более склонными к прагматизму, чем к идеологическим прокламациям, и явно желали идти в ногу с теми «Палестинами повседневности»,⁵¹⁷ которые уже не ждали ничего хорошего от мессианских времен, обещанных джихадом. Сам «Хамас», опасаясь смертельного раскола палестинского общества, «считал, что сионистам удалось избежать столкновения с движением и его программой джихада, спрятавшись за администрацию Палестинской автономии. Но он также сознавал, что если вступит в военное столкновение с последней, то осуществит одну из главных целей сионистов».⁵¹⁸ Оказавшись неспособным решить подобную дилемму, палестинское исламистское движение в последний год истекающего столетия перестало представлять собой реальную и опасную альтернативу власти ООП.

Глава 10

Исламистская оппозиция его хашимитского величества: «Братья-мусульмане» в Иордании

Первого января 1991 года, спустя 5 месяцев после вторжения армии Саддама Хусейна в Ирак, когда войска международной коалиции находились в Саудовской Аравии, на «земле двух Святых мест», готовясь начать операцию «Буря в пустыне», король Иордании Хусейн, главный партнер Запада на Ближнем Востоке, назначил новый кабинет министров, 7 членов которого (из 21) принадлежали к исламистскому движению. Подобная кооптация в высший эшелон власти отражала тот вес, который приобрело это движение в парламенте страны, избранном в 1989 году: исламистам в нем принадлежало 34 (из 80) мест. В этой маленькой стране с населением в 3,5 млн человек, из которых более половины имели палестинское происхождение, режим остро нуждался в поддержке «Братьев-мусульман» и их союзников, стремясь удержать под контролем общественное мнение, резко враждебное к

результате израильской бомбардировки деревни Кана погибло множество мирных ливанцев. Это также способствовало поражению Шимона Переса.

⁵¹⁶ В порядке акции возмездия израильские агенты попытались убить в Аммане 25 сентября руководителя политического бюро «Хамаса» Халеда Мишаала. Они были арестованы иорданской службой безопасности и отпущены в обмен на освобождение духовного лидера исламистской партии шейха Ахмада Ясина.

⁵¹⁷ См.: Legrain J.-F. *Les Palestiniens du quotidien*. Beirut: Cermoc, 1999. Автор предлагает анализ и подробный комментарий к результатам январских выборов 1996 г.

⁵¹⁸ См.: Hamas Position towards the Self-Rule Authority // <http://www.palestine-info>.

международной интервенции против Ирака. Народное негодование угрожало выйти из берегов, избрав в качестве мишени структурно хрупкую монархию.

Иорданских и палестинских «Братьев-мусульман» связывала долгая общая история. Особенно тесными их взаимоотношения *были* в 1948–1967 годах, когда Западный берег реки Иордан являлся частью Хашимитского королевства. С момента своего появления в 1946 году — когда было создано и само королевство — «Братья» выступали как «защитники трона»,⁵¹⁹ укрепляя его религиозную легитимность и пользуясь взамен монаршей благосклонностью, в то самое время когда другие арабские государства, в которых победил национализм, устраивали на них гонения. Осторожно завоевывая себе место в политическом пространстве в первые десятилетия своего существования,⁵²⁰ «Братья» сосредоточили в своих руках религиозные нити социальной ткани, держа под контролем сеть мечетей и благотворительных ассоциаций. Эта сеть составляла основную среду, в которой действовали местные нотабли, в то время как власть была захвачена пришлой династией Хашимитов, явившейся из Аравии, откуда эта семья была изгнана семейством Аль Сауд в 1925 году. На Западном берегу реки Иордан, оккупированном Израилем в июне 1967 года, «Братья» сохраняли верность этой сугубо пиетистской линии еще в течение 20 лет — вплоть до начала интифады и создания «Хамаса» в декабре 1987 года. На восточном берегу они оказывали королю Хусейну, которому не раз угрожали заговоры арабских националистов и агитация палестинских беженцев, неоценимую поддержку через свои ячейки в городах. За исключением Абдаллаха Аззама и нескольких десятков его приверженцев, иорданские «Братья» в 1967–1970 годах не вступали в борьбу против Израиля с территории Иордании, будучи враждебны к «светской» ООП.⁵²¹ В сентябре 1970 года они, верные монарху, поддержали его в кровопролитном конфликте с палестинской организацией и были за это вознаграждены. В 70-е и 80-е годы они принимали и тренировали своих сирийских

---

⁵¹⁹ Это выражение (см.: Leveau K *Fellah marocain defenseur du trone*. 2e edition. P.: Presses de Sciences Po, 1985) использовано в данном контексте П. Гласманом в самой подробной на сегодняшний день монографии на западном языке. См.: Glasman P.-W. *Le mouvement des Freres musulmans // Le royaume hachemite de Jordanie, 1946–1996 / Sous la dir. de R. Rocco*. P.: Karhtala, 2000. Благодарю автора за разрешение ознакомиться с материалами его книги до ее выхода в свет. Мы располагаем также хорошо документированным и детальным исследованием на арабском языке, принадлежащем перу Ибрахима аль-Гарайбе (журналиста и члена «Братьев-мусульман»), см.: аль-Гарайбе И. *Джамаат аль-ихван аль-муслимин фи ль-урдун* [Общество «Братьев-мусульман» в Иордании], 1946–1996. Амман: Дар Синдбад, 1997. Его удачно дополняет коллективный труд (во многом опирающийся на исследование аль-Гарайбе), доступный на английском языке: *Islamic Movements in Jordan / Ed. by Hani Hourani*. Amman: Dar Sindbad, 1997. Отметим также недавно вышедшую добротную работу Шмуэля Бара (см.: BarSh. *The Muslim Brotherhood in Jordan*. Tel-Aviv: The Moshe Dayan Center, 1998). Иорданским «Братьям-мусульманам» посвящены работы англосаксонских профессоров, отличающиеся благожелательной тональностью: авторы видят в них воплощение тождества «исламисты (умеренные) = демократы» и выступают за участие оных во власти практически во всех мусульманских странах; см.: Robinson G.E. *Can Islamists be Democrats?: The Case of Jordan // The Middle East Journal*. 1997. Summer. Vol. 51. № 3. P. 373–387; TalL. *Dealing with Radical Islam: the Case of Jordan // Survival*. 1995. Autumn. Vol. 7. № 3. P. 139–156. На с 152 последней статьи читаем: «Кооптировать умеренных исламистов и заинтересовывать их в поддержании стабильного и демократического порядка — это лучшее решение, нежели репрессии». Обе статьи, впрочем, отличаются хорошей документированностью.

⁵²⁰ «Братья» участвовали в парламентских выборах, на которых получили несколько мест. Критикуя режим, когда тот казался им слишком зависимым сначала от Англии, а потом от Америки, и иногда подвергаясь по этой причине репрессиям (правда, не слишком жестоким), они оказывали ему значительную помощь в борьбе с насеристской и левой оппозицией, за что пользовались благосклонностью властей. О «Братях» на Западном берегу реки Иордан в рассматриваемый период см.: Cohen A. *Political Parties in the West Bank under the Jordanian Regime, 1949–1967*. L.: Ithaca Press, 1982.

⁵²¹ О жизни и деятельности Абдаллаха Аззама в 1967–1970 гг., помимо его биографии (<http://azzam.com>), см.: аль-Гарайбе И. Указ. соч. С. 77–79.

собратьев, вступивших в кровавое противостояние с режимом Хафеза Асада.⁵²² Некоторые из их активистов и сторонников получали в индивидуальном порядке ответственные посты в администрации и использовали свое положение для того, чтобы в свою очередь вербовать кадры и функционеров, принадлежавших к «Братству». В 1984 году на довыборах в парламент, который не переизбирался с 1976 года, «Братья» выставили своих кандидатов. Они получили 3 из 8 депутатских кресел, и еще одно место досталось «независимому исламисту». Этот успех и эта «политизация» движения совпали с периодом его экспансии по всему миру. В локальном плане этот электоральный прорыв пришелся на период напряженных отношений с королевским двором, который по случаю сближения с Сирией арестовал сирийских «Братьев», укрывавшихся в Иордании, и выдал их Дамаску, а наиболее заметные исламисты были «вычищены» из административных структур в опасении, как бы те не приобрели чересчур большого влияния.

В апреле 1989 года на юге страны, в Маане, вспыхнули волнения, вызванные повышением цен в результате заключения соглашения с Международным валютным фондом. Как и в алжирской столице в октябре 1988 года, манифестанты громили символы государственной власти, и здесь — опять же как и в Алжире — исламистское движение выставляло себя в качестве посредника по восстановлению порядка и удовлетворению части выдвигаемых требований. За это оно будет вознаграждено в обеих странах возможностью участвовать в открытом и относительно свободном голосовании: в Алжире — государстве, управляемом армией и не вполне готовом к электоральному маневру, — ИФС одержит крупную победу на муниципальных выборах в июне 1991 года. Иорданские «Братья», действовавшие в стране, где двор достиг совершенства в политиканских играх,⁵²³ провели в парламент 22 своих депутата, к которым добавились еще 12 «независимых» исламистов. Имея более 40 % из 80 депутатских кресел, исламисты образовали крупнейшую по численности фракцию в парламенте, но не могли контролировать правительство.

Решению принять участие в выборах предшествовали дебаты внутри «Братства» между «умеренными», в большинстве своем выходцами из религиозных средних слоев Восточного берега Иордана, и «радикалами», имевшими солидную опору среди населения палестинского происхождения, особенно среди недавних беженцев и молодежи из лагерей. Первые выступали за участие в выборах и в 90-е годы превратились в горячих поборников демократии. Вторые, враждебные к выборам и в целом к концепции демократии, которую они приравнивали к безбожию (*куфр*), тем не менее потребовали квоты для своих кандидатов, стоило Консультативному совету (*Маджлис аш-шура*) «Братства» принять решение об участии в избирательной кампании. Среди «радикалов» нашлось немало проповедников, которые превратят парламентскую трибуну в кафедру для своих наставлений.

Их социально-политическая программа не содержала ни одной меры, направленной на изменение сложившихся иерархий, и прежде всего отличалась стремлением привести весь законодательный аппарат в соответствие с шариатом, а также укрепить систему религиозного образования — источник заработка для многих активистов и канал влияния на

---

⁵²² См.: Bar Sh. Op. cit. P. 36–39. В октябре 1998 г. генеральный инспектор (муракибамм) сирийских «Братьев» Али аль-Байянуни по-прежнему находился в Аммане, откуда он распространял бюллетень «Ахбар ва ара» («Новости и мнения») с выдержками из материалов арабской прессы, которым всякий раз предпосылалась небольшая редакционная статья. Али поделился с нами своими демократическими убеждениями (схожими взглядами иорданских «голубей») и выразил желание найти *modus vivendi* с сирийским режимом, чтобы «Братья» могли мирно заниматься своей деятельностью в этой стране (из личной беседы с автором, Амман, октябрь 1998 г.).

⁵²³ См.: Glasman P.-W. Op. cit. Свидетельства, собранные автором, показывают, что королевский двор и «Братья» заранее договорились о расширении успеха последних за счет сиюминутных электоральных диспозиций. Изменение в последний момент правил проведения следующих выборов (1993 г.) позволило сократить количество депутатов из «Братьев».

молодое поколение. Как и повсюду, первейшей функцией исламистского идеологического дискурса — помимо призывов к «морализации» власти, неизбежно испорченной из-за недостатка благочестия, и к далекому идеалу установления истинно исламского государства — являлось сплочение воедино социальных групп с несхожими интересами. В Иордании этот дискурс опирался на эффективную систему «патерналистской» опеки беднейших слоев общества. Она была представлена очень плотной сетью благотворительных ассоциаций, связанных с мечетями, больницами, диспансерами и образовательными учреждениями — от яслей до университета. В стране, где медицинские услуги были доступны далеко не всем, а социальное обслуживание развито плохо, «Братья» с их сторонниками стали играть роль одного из основных социальных предпринимателей наряду с ассоциациями, патронировавшимися королевой. Однако «Братья» обращались и к платежеспособным средним классам, предлагая платные услуги. Это помогло движению построить финансовые империи, контролировавшиеся его различными фракциями, за догматическими и религиозными спорами которых просматривалась также борьба за долю на рынке.⁵²⁴

По этим причинам посредничество «Братьев» после весенних волнений 1989 года показалось необходимым для режима, который открыл для них двери парламента. Те же, в свою очередь, увидели в этом возможность повлиять на законодательство, чтобы институционально повысить свою роль как носителей функции посредничества и социального контроля. Вторгшись 2 августа 1990 года в Кувейт, Саддам Хусейн еще больше обострил и без того напряженную ситуацию: в Иордании, как и в других странах, он дестабилизировал исламистское движение, разрывавшееся между просаудовскими симпатиями своего аппарата и проиракскими и антизападными настроениями своих рядовых

---

⁵²⁴ См.: Аль-Гарайбе И. Муадалат фи ль-харака аль-исламия аль-урдунийя [Равновесие сил в иорданском исламистском движении] // Аль-Хайят. 1997. 5 июля, а также запись личной беседы с автором (Амман, октябрь 1998 г.). Аль-Гарайбе различает две конкурирующие «группы интересов» среди «Братьев». Первая (так называемая «ассоциация исламского центра») контролировала исламский госпиталь в Аммане (частный и дорогой), сеть начальных и средних школ «Аль-Аркам» (не имела никакого отношения к одноименной малайской группе) и инвестиции «на сумму не менее 100 млн иорданских динаров». Она составляла базу поддержки «ястребов» внутри движения (см. ниже), которые, по словам автора, возглавляли движение в 70-е и 80-е годы. В октябре 1998 г. мы были приняты в помещении одной из этих школ Мухаммадом Абу Фаресом (см. ниже), одним из самых красноречивых представителей этого течения (договаривавшийся со мной о предстоящей беседе удостоверился перед этим, что я не еврей). Главным символом второй группы интересов (так называемой группы «исламского университета») являлся частный университет в городе Эз-Зарка. Его основал в 1994 г. и с тех пор возглавляет Исхак Фархан (см. ниже), в 1999 г. — председатель Партии исламского действия (см. ниже). Он является одной из главных фигур в «голубином» стане «Братьев», именно он контролировал движение в 90-е годы. Будучи человеком очень радушным, он принял нас в стенах университета, богатое убранство которого бросалось в глаза каждому, кто привык к аскетической обетановке студенческих городков Ближнего Востока, да и большинства европейских университетов. Альбом первого поколения выпускников (1997–1998 гг.) представлял собой прекрасное многоцветное издание в твердой обложке на глянцева бумажке, на каждой странице которого были представлены фотографии студентов и преподавателей (по примеру частных американских колледжей). Это впечатляющая коллекция бородачей в галстуках, причем мощь бороды уменьшалась в зависимости от преподаваемого предмета (от шариата до английского языка). Здесь же — и дамы в мусульманских платках (5 из 78 — четыре студентки и одна преподавательница — сфотографировались с непокрытой головой). Среди студентов-отличников, облаченных в тоги, лишь 31 носил бородку, подстриженную по последней моде и отнюдь не свидетельствующую о благочестии ее обладателя. 73 лауреата снялись гладко выбритыми. Все лица студентов буквально источали здоровье: видимо, это связано с суммами, которые родители платили за их обучение (20–30 тыс. франков в год). Впечатление о состоятельности семей студентов усиливалось при виде обилия автомашин на студенческих автостоянках. Без сомнения, университет был исламским, хотя это и не следовало из его названия. В то же время он являлся частным, и это говорило о том, что «Братья» присутствовали на рынке высококачественного платного образования, конкурируя в этом с нерелигиозными учреждениями (см.: AugeJ.-C. Le public du prive: Memoire de DEA, Institut d'Etudes politiques de Paris, 1996). Наконец, на первой странице альбома приводился список членов административного совета университета. Ключевые посты в нем занимали представители «голубей» из организации «Братьев-мусульман» (а также те, кто решился на сотрудничество с режимом в 1997 г. и был исключен за это из рядов «Братства», — А аль-Акайле и Б. аль-Уммуш). См.: Джамиат аз-зарка аль-ахлийя: Аль-китаб ас-санави. Аль-фаудж аль-авваль 97/98. 1419 х.

членов. Более того, многочисленные палестинские жители Кувейта в целом довольно благожелательно встретили иракскую армию, олицетворявшую для них панарабскую освободительную силу, и это мнение разделяли их соотечественники в Иордании, что создало в этой стране мощную базу поддержки Саддама Хусейна. Наконец, высадка войск коалиции на «земле двух Святых мест» окончательно настроила чувствительную к религиозной аргументации часть общественного мнения резко враждебно к Западу. «Братья», в том числе «умеренные» и просаудовски настроенные, присоединились к этой линии, встав во главе народного движения. Для короля Хусейна, имевшего прочные и давние связи с США, важнее всего было не допустить дестабилизации своей власти из-за потрясений, которыми грозила отозваться военная интервенция союзников. Впервые в истории страны он назначил кабинет министров, семь членов которого — почти треть членов правительства — были исламистами. Стратегически важные посты (Министерство обороны, МИД, МВД, Министерство информации) остались под контролем людей двора, в то время как «Братья» и их союзники получили в свое распоряжение так называемые «ближние» министерства (образования, здравоохранения, по делам религии, социального развития), что способствовало завершению опутывания общества сетью исламистских ассоциаций и позволяло «Братьям» контролировать средства госбюджета и назначение чиновников в данном секторе.⁵²⁵

Этот опыт участия в правительстве был коротким: когда главная опасность миновала, Ирак был повержен, а его сторонники деморализованы, 17 июня король Хусейн назначил нового премьер-министра, призванного вписать Иорданию в мирный процесс на Ближнем Востоке под американской эгидой. Этот процесс, приведший в конечном счете к подписанию 26 октября 1994 года в Вади-Араба иордано-израильского договора, был неприемлемым практически для всех «Братьев». Их не пригласили участвовать в новом правительстве, и отныне монарх постоянно выказывал недовольство их политическими взглядами: внесенные *ad hoc* изменения в избирательном законодательстве привели к сокращению числа их депутатов-исламистов (с 22 до 16), а выборы 1997 года «Братья» бойкотировали, исключив из своих рядов тех членов организации, которые вошли во вкус власти, получив кто мандат, а кто — министерский портфель.

Участие в выборах, а затем и в правительстве подвергло суровому испытанию сплоченность движения, которому, однако, удалось — в отличие от большинства его аналогов в других странах — сохранить в рамках единой организации, «Братьев-мусульман», подавляющее большинство представителей этого течения. В отличие от «Хамаса», которому пришлось считаться с соперничеством «Исламского джихада» и возмужавшей самостоятельностью «бригад аль-Кассама», в отличие от египетских «Братьев», не контролировавших радикальную «Гамаа исламийя», или от ИФС, упустившего из-под своего контроля ВИГ, в Хашимитском королевстве авторитет «Братства» оспаривали лишь мелкие группы.⁵²⁶ В 1990 году несколько активистов, вернувшихся из Афганистана, где они прониклись страстью Абдаллаха Аззама, палестинско-иорданского глашатая джихада, создали «Армию Мухаммада», в которую вступили несколько десятков заговорщиков. В начале 1991 года, когда операция «Буря в пустыне» проносилась над Ираком, они перешли к действиям, применяя военную выучку, полученную в лагерях под Пешаваром, против питейных заведений и малочисленного в Иордании христианского меньшинства. Арестованные и приговоренные к различным наказаниям, они были помилованы королем в

---

⁵²⁵ См.: Milton Edwards B. A Temporary Alliance with the Crown: The Islamic Response in Jordan // *Islamic Fundamentalism* / Ed. J. Piscatori. P. 88–108. Автор дает подробное описание рассматриваемого периода.

⁵²⁶ Если не считать Партии исламского освобождения (Хизб аттахрир аль-ислами), основанной в 1948 г. шейхом Набахани — сторонником постепенного проникновения во власть с последующим переходом к насильственным действиям. В 50-е годы в Иордании эта партия была разгромлена. Об этом движении см.: Taji-Faruki S. A Fundamental Quest...

декабре того же года. Другие мелкие группы, созданные бывшими «афганцами», фигурировали в сообщениях СМИ до 1996 года включительно, но так и не прорвались в религиозно-политическое поле, которое «Братья» заперли более надежно, чем их египетские коллеги.⁵²⁷ Кроме этого «экстремистского» протеста в Иордании можно было наблюдать еще одну достопримечательность — «независимых исламистов». Само это название появилось в связи с выборами, в которых они участвовали. В действительности речь шла о нотаблях, которые, будучи подхвачены исламистской волной, рассчитывали использовать ее в своих интересах, сохранив при этом свободу маневра по отношению к «Братьям-мусульманам».

В Иордании, как и в других странах, «Братство» объединяло в себе различные направления, располагавшиеся между двумя полюсами: неимущей городской молодежью — в основном палестинцами по происхождению, жителями лагерей беженцев и сменивших их кварталов спонтанной застройки — и набожной буржуазией, в первую очередь жителями таких традиционных городов Восточного берега Иордана, как Эс-Салт или Ирбид. При этом в рядах «независимых исламистов» не было трибуна или крупного «интеллектуала», способного мобилизовать народ на борьбу с «безбожным» режимом — источником всех бед⁵²⁸ и поднять против него как улицу, так и лавочников. Хашимитская монархия действительно стремилась обласкать самых блестящих представителей этого слоя интеллектуалов: так, Исхак Фархан, видный университетский профессор палестинского происхождения, возглавляя в 1970–1973 годах сначала Министерство просвещения, а затем Министерство по делам религий, приостанавливал на этот период свою деятельность в рядах «Братства», в то время как его ведомство активно вербовало активистов и сторонников организации. Таким образом, иорданской исламистской интеллигенции было не с руки обличать власть — в отличие от интеллектуалов других стран, тем более 4Тq монархия активно апеллировала к религии в целях легитимизации своего существования. Иорданские интеллектуалы-исламисты с легкостью становились идеологами режима, заплатив за это минимальной сменой тональности, что предупреждало их переход на радикальные позиции и политически располагало «Братьев» скорее к переговорам, чем к выражению протеста.

Эта доминировавшая доктринальная гибкость не помешала, однако, возникновению острых дискуссий внутри движения. Так, с 1989 года в нем сформировались две противоборствовавшие линии. Против «голубей», выступавших за участие в выборах и слияние с политическим истеблишментом, возвысили голос «ястребы», вдохновленные

---

⁵²⁷ Об «Армии Мухаммада» см.: Milton-Edwards B. *Climate of Change in Jordan's Islamist Movement // Islamic Fundamentalism in Perspective / Ed. A. Ehteshami and A. S. Sidahmed. Boulder: Westview Press, 1996. P. 127–130.* См. также: Glasman P.-W. *Op. cit.* Автор упоминает об арестах в 1994 и 1996 гг. других «афганцев», обвинявшихся (не особо доказательно) в совершении и планировании терактов. Широким освещением в прессе реальных или мнимых злодеяний этих людей режим предупреждал «Братьев», что были такие границы, которые не следовало преступать.

⁵²⁸ Так, Мухаммад Абу Фарес, палестинец по происхождению и один из руководителей радикального крыла, выступал против любого участия в «немусульманском правительстве», хотя и допускал присутствие представителя этого течения в парламенте, которое рассматривалось как место для распространения дава — послания веры. При этом он не признавал никакой позитивной ценности за понятием «демократия» (см.: Абу Фарес М. *Аль-мушарака би ль-визара фи ль-анзыма аль-джахилийя* [Участие в правительстве при режимах джахилийи]. Амман, 1991). Напротив, Исхак Фархан выступал за участие исламистов в правительстве, но на определенных условиях, ибо «любой вклад, который помогает устранить несправедливость, установить справедливость и расширить сферу реформирования общества, намного лучше, чем политическая изоляция». Он также считал, что «демократия» является «западной концепцией», но что использовать ее дозволительно и «не противоречит основополагающему принципу шура («совещательности») в исламе». См.: Farhan I. *The Islamic Stand towards Political Involment (with Reference to the Jordanian Experience)*. Amman: Dar el Furqan, 1997. Большая «теоретическая дистанция» между позициями двух видных представителей «Братьев-мусульман» показывала также, насколько трудно было последнему сформулировать мобилизующую идею, которая предполагала бы разрыв с существовавшим порядком.

писаниями Сайида Кутба. Для иорданских «Братьев-мусульман» главная трудность заключалась в способности удерживать в рамках единой организации эти противоречивые направления, выражавшие интересы различных социальных слоев, несмотря на центробежные силы, толкавшие лидеров из числа религиозной буржуазии к слиянию с системой, а тех, кто опирался на неимущую городскую молодежь, — к радикализации. С одной стороны, сосуществование этих двух направлений, каждое из которых имело возможность заблокировать функционирование организации, обуславливало некоторую инертность движения, а с другой — раскол обрек бы его на незавидную судьбу сестринских организаций в остальных частях арабского мира, которые боролись между собой за контроль над религиозным полем к вящей радости «безбожной» власти.

Первая лазейка из трудной ситуации была найдена в создании в 1992 году исламистской партии, юридически признанной в этом качестве под названием Фронта исламского действия (ФИД). Возглавляемая бывшим министром Исааком Фарханом, одним из наиболее видных «голубей» и будущим президентом частного университета в Эз-Зарке, она стремилась к полноценному участию в политической жизни, тогда как «Братство» по-прежнему видело цель своей деятельности в религиозном наставничестве и осуществлении социального контроля. Партия также взяла на вооружение демократический лексикон и объявила себя открытой как для мужчин, так и для женщин,⁵²⁹ в то время как «Братство» оставалось враждебным политической концепции, чуждой священным текстам, и не принимало в свои ряды женщин. Однако это желание играть роль во властных институтах было охлаждено манипуляциями с процедурой голосования, устроенными властями в 1993 году, а также подписанием в 1994 году мира с Израилем. С этого момента участие в институтах власти могло выглядеть как санкция на «позорный мир с евреями», неприемлемый для большинства исламистов. Давление со стороны рядовых членов партии вынудило ее бойкотировать выборы 1997 года, хотя ее лидер ранее заявлял, что ФИД примет в них участие. Таким образом, в тот момент, когда больной монарх уже напрямую не занимался делами страны, иорданское исламистское движение столкнулось с ростом напряженности между прагматичной элитой — выходцами из средних классов, желавших участвовать в политической игре и создавших с этой целью ФИД, — и рядовыми исламистами, которые оговаривали участие в выборах идеологическими условиями.

После кончины короля Хусейна и восшествия на престол в январе 1999 года его сына Абдаллаха II партия заявила о своей лояльности новому суверену, который назначил одного из бывших членов «Братства» премьер-министром. На июльских муниципальных выборах ФИД выставил своих кандидатов, большинство из которых были избраны; в основном это были городские нотабли, прошедшие в мэры небольших городов. Однако месяц спустя режим косвенно выразил неприязненное отношение к исламистскому движению, закрыв отделение «Хамаса» в Аммане — месте пребывания ее «внешнего» филиала, разместившегося в помещении сестринской иорданской организации. По возвращении с совещания в Тегеране⁵³⁰ руководители палестинской исламистской организации, имевшие иорданские паспорта, были брошены за решетку, а остальные высланы из страны.⁵³¹ Этим

---

⁵²⁹ Иорданский Фронт исламского действия имел некоторые черты сходства с Партией центра (Хизб аль-васат), проект которой был разработан в 1995 г. молодым поколением египетских «Братьев-мусульман».

⁵³⁰ Открытие бюро «Хамаса» в Тегеране и сделавшиеся с 1994 г. регулярными визиты «внешнего» руководства движения в иранскую столицу вызвали резкую критику со стороны палестинской администрации.

⁵³¹ В частности, за решеткой оказались Халед Мишааль, на которого в сентябре 1997 г. покушались агенты «Моссад», и пресс-секретарь Ибрахим Гауше. В то же время Муса Абу Марзук (имевший на руках йеменский паспорт), ранее подвергнутый аресту в США и отпущенный во многом благодаря ходатайству короля Хусейна, был выдворен в Дамаск. 20 ноября Мишаала и Гауше, невзирая на их иорданское подданство, «сослали» в Катар.

шагом новый хашимитский монарх давал понять, что он всегда мог влиять на события, происходившие по ту сторону Иордана, потакая претензиям Израиля, США и ООП. В самом деле, для Арафата внешнее руководство движения представляло собой экстремистскую группировку, которую надлежало устранить: в тот момент главе ООП удалось найти общий язык с исламистскими лидерами территорий вроде шейха Ясина, который выказывал большую готовность к переговорам. В самом же королевстве эта полицейская акция положила начало кризису доверия между троном и иорданскими «Братьями-мусульманами» палестинского происхождения, среди которых преобладали «ястребы» движения. Безотносительно к стратегическим и региональным соображениям репрессии против высланных и «радикальных» руководителей «Хамаса», предпринятые Амманом,⁵³² вписывались в логику действий большинства правивших режимов мусульманского мира на исходе XX века: ускорять размежевание между различными фракциями исламистского движения, изолируя и подавляя неимущую городскую молодежь и ее бескомпромиссных представителей, и привлекать на свою сторону набожные средние классы, стремящиеся участвовать в политической системе. Остается узнать, являлась ли такая тактика всего лишь способом закрепить соотношение сил в пользу авторитарных режимов, воспользовавшись кризисом, поразившим исламистские движения, или она позволит расширить базу власти через поощрение одной из форм демократического участия в политической жизни, пример которого Иордания продемонстрировала в начале 90-х годов.

Глава 11

От спасения к благоденствию: вынужденная секуляризация турецких исламистов

Двадцать восьмого июня 1996 года в Анкаре, столице республиканской и светской Турции, Неджметтин Эрбакан, лидер исламистской партии «Рефах», был назначен премьер-министром. Это событие вызвало шок у наследников Ататюрка, в глазах которых приход к власти исламиста представлял собой самую страшную ересь по отношению к кемалистской догме. Многие обозреватели с разочарованием или восхищением отнесли этот феномен к тому, что тогда принимали за триумфальное шествие всемирного движения, которое вело партизанскую войну в Алжире, угрожало египетскому режиму и только что ударило по Франции серией терактов — месяц спустя Усама бен Ладен обнародует свою «Декларацию о джихаде против американцев», а осенью талибы овладеют Кабулом.

Вопреки страхам одних и надеждам других, опыт пребывания исламистов в правительстве продлился всего лишь один год. 18 июня 1997 года под нажимом генштаба армии парламентская коалиция, поддерживавшая Эрбакана, развалилась и премьер-министр подал в отставку. Полгода спустя, 18 января 1998 года, партия «Рефах» была распущена по решению Конституционного суда, что, вопреки ожиданиям некоторых, не привело к вспышкам насилия. На следующий год ее наследница, партия «Фазилет», потерпела серьезное поражение на всеобщих, парламентских и местных выборах 18 апреля 1999 года, хотя ей предсказывали победу. Какова бы ни была роль военных в политической судьбе исламистского движения, оно было вынуждено играть по правилам плюралистической и относительно демократичной системы, позволившей ему оставаться на протяжении четверти века одним из участников парламентской жизни страны. Для многих его активистов и избирателей прагматические соображения значили больше, чем изначальные идеологические или доктринальные основы.

---

⁵³² Двадцать второго ноября 1999 г. четыре арестованных руководителя движения, иорданские подданные, были «высланы» в Катар. Это стало прелюдией к проведению политики «иорданизации» палестинских беженцев на территории хашимитского королевства — политики, целью которой было исключение всякой возможности их возвращения на земли к западу от Иордана.

В своем развитии турецкий исламизм в значительной степени опережал его «собратьев» в других мусульманских странах. Он возник в ту же эпоху, когда Эрбакан основал свою первую политическую партию в 1970 году, когда Хомейни читал свои лекции об исламском правлении, а в арабском мире после смерти Насера и «Черного сентября» умирала националистическая идеология, на смену которой пришли доктрины «Братьев-мусульман». В середине 70-х годов Эрбакан стал заместителем премьер-министра; он явился одним из первых в мире представителей движения, исполнявших правительственные функции. В 80-е годы он умело пользовался экспансией исламизма, который распространялся тогда повсюду. Впрочем, дивиденды ему пришлось делить с политиком, личность которого наложила отпечаток на облик всей страны: это Тургут Озал, премьер-министр, затем президент, сам являвшийся выходцем из религиозных кругов. Его новая партия, «Рефах», удачно подобранное название которой означало «благоденствие», стремилась дать возможность набожной мелкой буржуазии, спустившейся с азиатских плато в городские центры, принять участие в капиталистической либерализации и экономическом буме тех лет. Одновременно с партией появился слой местных интеллектуалов-исламистов, находившихся в постоянном диалоге с различными течениями западной мысли. В 90-е годы Эрбакан, создавший мощные структуры поддержки среди турецкой диаспоры в Западной Европе, сумел существенно расширить свою аудиторию: он собрал более одного голоса из пяти на парламентских выборах 1995 года, которые превратят «Рефах» в самую влиятельную партию, представленную в парламенте. Партия воспользуется расколом в рядах «светских» правых, и ей к тому же удастся объединить под лозунгом «справедливого порядка» (*адиль дюзен*) не только набожные средние классы и интеллектуалов-исламистов, симпатии которых она завоевала ранее, но и неимущую городскую молодежь из кварталов *геджеконду* — домов, «построенных за ночь». Придя к власти летом 1996 года во главе парламентской коалиции, «Рефах» опять-таки раньше, чем все прочие исламистские партии в мире, столкнется с настоящим демократическим прессингом. Его так и не выдержит альянс различных составляющих ее электората, подталкиваемый к развалу враждебным давлением со стороны военных. Вопреки ожиданиям многих наблюдателей, «постмодернистский государственный переворот», с помощью которого армия «побудит» некоторых депутатов коалиции отказаться в поддержке Эрбакану, чтобы свалить его кабинет в июне 1997 года, а затем, несколькими месяцами позже, роспуск партии за «антисветские действия» не вызовут бунта *геджеконду* и радикализации неимущей городской молодежи: пришедшая к власти «Рефах» ею пренебрежет, отдав предпочтение набожным средним слоям. Только они проголосуют за ее преемницу — партию «Фазилет» («добродетель») в апреле 1999 года. Утратив притягательность в глазах разнородных социальных групп, сплоченных исламистской идеологией, партия превратится в рядовой элемент турецкого политического пейзажа. Она станет выразителем интересов единственного сегмента общества, конкурируя в этом плане с крайне правыми националистами, больше всех выигравшими от ослабления партии «Фазилет» в 1999 году.

Основывая 26 января 1970 года Партию национального порядка (ПНП), 533

---

533 Труды лучшего знатока современного турецкого исламизма, журналиста Рушена Чакира, пока доступны читателю только на турецком языке. См.: Cakir R Ayet ye Slogan [Айат и лозунг]. Istanbul: Metis, 1990; Idem. Ne seriat ne demokrasi: Refah Partisini Anlamak (Ни шариата, ни демократии: Чтобы понять Партию благоденствия). Istanbul: Metis, 1994. Автор этих строк многим обязан своим многочисленным беседам с г-ном Чакиром, а также с профессором Нилюфер Геле, автором первых работ по изучению социального измерения данного вопроса (хотя все трое придерживаются разных взглядов на феномен исламизма в целом). Из работ Р. Чакира на французском языке см.: Cakir R. La ville: Piegе ou tremplin pour les islamistes turcs? // SEMOTI. 1995. № 19. P. 183; Idem. La mobilisation islamique en Turquie // Esprit. 1992. Aout-Septembre. P. 130. См. также: Lucher E. Turkey: A Modern History. 3th edition. L.: Tauris, 1997. P. 269–342; Paulton H. Top Hat, Grey Wolf and Crescent, Turkish Nationalism and the Turkish Republic. L.: Hurst & Co, 1997. В этих работах проведен анализ исламистского движения в общем социально-политическом контексте страны. Следует также отметить более позднюю статью Нилюфер Нарли, см.: Narh N. The Rise of the Islamist Movement in Turkey // MERIA Journal. 1999. September. Vol. 3. № 3.

Неджметтин Эрбакан⁵³⁴ уже имел диплом инженера, как и многие видные исламисты, и руководил промышленным отделом турецкого Союза торговых палат. Перебежчик из Партии справедливости — организации правого толка, многие активисты которой были религиозными людьми и не испытывали особых симпатий к официальному лаицизму, введенному Ататюрком, Эрбакан только что был избран независимым депутатом в Конье — городе в Центральной Анатолии, традиционном оплоте религиозных братств (запрещенных в 1925 году основателем республики). Сам он был учеником шейха одного из этих братств.⁵³⁵ Его программа носила двойственный характер, «технократический» и «исламистский» одновременно. Будучи поборником индустриализации, он выказывал сильную враждебность к Западу, особенно к Европейскому экономическому сообществу, в котором видел воплощение «проклятой троицы» исламистского движения — масонов, евреев и сионистов,⁵³⁶ и декларировал приверженность ценностям «порядка», которые для него олицетворяли синтез морального консерватизма религии и защиты социальной иерархии, характерной для правых. В то время объектом его дискурса был прежде всего анатолийский мелкий предприниматель, стремившийся модернизировать свое дело, получить доступ к современным технологиям и банковскому капиталу, монополизированному космополитическими и светскими буржуа Стамбула и Измира. ПНП Эрбакана отличалась от правых партий, опиравшихся на религиозные чувства (таких, как Партия справедливости Демиреля), тем, что она не стремилась опереться на эти чувства для подкрепления консервативного национализма, но превращала принадлежность к исламу в квинтэссенцию турецкой идентичности. Речь шла, разумеется, об исламе, близком к исламу египетских «Братьев-мусульман» или пакистанской «Джамаат-и ислами», но в условиях светского государства Эрбакан не мог пропагандировать его открыто, не рискуя подвергнуться немедленным репрессиям. Впрочем, когда в марте 1971 года армия совершила государственный переворот, уже 20 мая Конституционный совет запретил деятельность ПНП за посягательства на светский характер республики. Это был первый из трех роспусков, которому подверглись партии, основанные под эгидой Эрбакана. 11 октября 1972 года ПНП

---

⁵³⁴ Родившийся в 1926 г. в Синопе (на берегу Черного моря) в семье высокопоставленного чиновника, Эрбакан получил образование на немецком языке в стамбульском (германоязычном) лицее для мальчиков, затем поступил в технический университет в том же городе. В Германии он стал впоследствии инженером-механиком, потом — профессором университета (в 1953 г.), прежде чем вернуться на родину. Его университетским товарищем был Сулейман Демирель, один из главных лидеров турецких правых и глава Партии справедливости (Adalet Partisi, AP), членом которой Эрбакан будет оставаться до 1969 г. В 1993 г. Демирель был избран президентом Турецкой Республики.

⁵³⁵ Эрбакан был учеником шейха братства Накшбандийя Захида Котку. Запрещенное в 1925 г., это братство выжило в условиях подполья, а с 50-х годов стало набирать вес под руководством З. Котку (1897–1980). Последний выступал за реисламизацию турецкого общества и создал структуру взаимопомощи и солидарности, члены которой будут играть ведущую роль в целом ряде партий правого толка (сначала в Партии справедливости С. Демиреля, позже — в Партии Матери-Родины («Анап») Т. Озала, а также в исламистских партиях, создававшихся в разное время Эрбаканом). См.: Mardin S. The Nak-sibendi Order in Turkish History // *Islam in Modern Turkey*. P. 121–142; Zarco-ne T. Les Naksibendi et la Republique turque: De la persecution au repositionnement theologique et social // *Turcica*. 1992. Vol. XXIV. P. 99–107; *La Turquie republicaine // Les Voies d'Allah: Les ordres mystiques dans le monde musulman des origines a aujourd'hui / Sous la dir. de A. Popovic et G. Veinstein*. P.: Fayard, 1996. P. 372–379.

⁵³⁶ Ту же самую «троицу» несколькими годами позже мы встретим на страницах журнала «Ад-Дава» — органа египетских «Братьев-мусульман» (см.: Kepel G. *Le Prophete...* P. 118). В Турции полемика против франкмасонства — это косвенный способ критики военной верхушки, в которой, по слухам, масонские ложи пустили особенно прочные корни. Оппозиция сионизму в том же контексте — это тоже способ поколебать престиж Ататюрка: последний, как подозревали в исламистских кругах, принадлежал к секте денме — последователям Шаббетая Цви (1626–1676), которые внешне исповедовали ислам, но в душе оставались иудеями (см.: Ан-Наими А. *Йахуд ад-даванима [Еврей-дёнме]*. Амман: Дар аль-Башир, 1998.

возродилась под названием Партии национального спасения (ПНС).⁵³⁷ Годом позже, на парламентских выборах октября 1973 года, она получила почти 12 % голосов, став неизбежным партнером в любой коалиции, обеспечивавшим большинство двум крупным партиям, соперничавшим в палате депутатов, — Народной республиканской (социал-демократической) партии, руководимой Б. Эджевитом, и Партии справедливости Демиреля. Утвердившись преимущественно в провинциальных городах, где традиционные гильдии ремесленников и коммерсантов пользовались большим влиянием,⁵³⁸ партия, став проправительственной, превратилась в главного защитника интересов этих кругов. Благодаря своим 49 депутатам, Эрбакан в 1974–1978 годах последовательно был заместителем премьер-министра при Б. Эджевите, затем — при С. Демиреле. При этом он демонстрировал относительное безразличие к политической окраске своего партнера во власти и повышенный интерес к контролю над вверенными ПНС министерствами (юстиции, внутренних дел, торговли, сельского хозяйства и промышленности), позволявшими ему назначать на все этажи указанных административных структур своих верных соратников, влияние которых сказывалось бы на протяжении длительного времени.⁵³⁹ Эрбакан добился также, чтобы учащиеся лицеев по подготовке имам-хатыбов (*имам хатип лисеси*) приравнивались к выпускникам светских лицеев и могли поступать в университет. Эта мера в большой степени способствовала формированию исламистской интеллектуальной элиты в последующие десятилетия.⁵⁴⁰ Выступая под двумя лозунгами — «тяжелая индустрия»⁵⁴¹ и «мораль и духовность», ПНС выражала стремление набожных кругов взять под контроль процесс модернизации страны. Министры, бывшие членами партии, в рамках своих полномочий боролись против «вестернизации», подвергая цензуре «непристойные», на их взгляд, фильмы, ограничивая продажу пива и открывая молитвенные залы в подчиненных им министерствах.

Парламентская чехарда конца десятилетия, признаком которой стали слабое правительство и эскалация насилия со стороны как крайне правых, так и крайне левых (его жертвами ежедневно оказывалось до двух десятков человек), привела к военному перевороту

---

⁵³⁷ Подробнее об МСП см.: Toprak B. *Politisisation of Islam in a Secular State: The National Salvation Party in Turkey* // *From Nationalism to Revolutionary Islam* / Ed. Said Amir Arjomand. N.Y.: Suny Press, 1984. P. 119–133.

⁵³⁸ См.: Mardin S. *La religion dans la Turquie moderne* // *Revue internationale des sciences sociales*. 1977. Vol. 29. N° 2. P. 317. Это первая серьезная статья, посвященная анализу религиозных феноменов в Турции. Мир эснаф (гильдий, корпораций), который представляет традиционную набожную мелкую буржуазию, поднимется на борьбу так же, как это произошло в конце 70-х годов в Иране, где базар пошел за аятоллой Хомейни.

⁵³⁹ Ту же политику проводили иорданские «Братья-мусульмане», один из руководителей которых был персонально назначен на пост министра образования, а позже, в начале 70-х годов, — министра по религиозным делам. О влиянии исламистских «сетей» в высших эшелонах турецкой администрации с указанного времени см.: Cakir R *La ville...*

⁵⁴⁰ В этих «лицах для проповедников» учились в основном дети из провинциальных семей, противившихся государственной политике лаицизации. В данной среде влияние ПНС было традиционно очень сильным. По уровню преподавания эти лицеи стояли ниже остальных и набирали учеников в менее обеспеченных социальных группах. Это характерно также для системы религиозного образования, находящейся под патронажем Аль-Азхара в Египте, и пакистанских медресе. В обеих этих странах религиозное лобби боролось за то, чтобы выпускники этих учебных заведений имели возможность поступить в университет и сделать карьеру в сферах высшей администрации.

⁵⁴¹ Эрбакан получил известность в 70-е годы, когда во время выступлений на митингах потрясал в руках макетами самолетов, чтобы показать заботу партии об индустриализации страны, представить ее единственной партией, способной вернуть Турции ее былой статус и уменьшить ее зависимость от Запада. В действительности Турция, в силу ее стратегического расположения на южном фланге бывшего СССР, получала значительную американскую военную помощь в рафиках НАТО.

12 сентября 1980 года⁵⁴² — третьему в современной истории Турции. Исламистское движение не избежало некоторой радикализации в обстановке внутренних неурядиц и на волне триумфа иранской революции. За 6 дней до переворота на прошедшем в Конье митинге ПНС, посвященном проблеме «освобождения Иерусалима», его участники потребовали возвращения к шариату, отказались встать при исполнении национального гимна и держали транспаранты с надписями по-арабски — настолько «кошунственными» с точки зрения кемалистской идеологии, что генералы сослались на них в оправдание своего вмешательства. Как и другие партии, ПНС была распущена, а ее руководители (вместе с 723 наиболее видными политиками) лишены гражданских прав. Эрбакан был арестован, в апреле 1981 года он предстал перед судом, но в июле вышел на свободу.

Третья ипостась турецкой исламистской партии — Партия благоденствия («Рефах партией») — появилась на свет лишь 19 июля 1983 года; Эрбакан стал ее официальным главой только в октябре 1987 года, после референдума, отменившего санкции против политических руководителей 70-х годов.

Тем не менее именно в первой половине 80-х годов, когда аппарат исламистской партии был исключительно слаб, произошли серьезные изменения, которые в конечном итоге обусловили временный успех «Рефах». Они также придали своеобразный облик турецкому исламизму и облегчили проникновение демократических идеалов в сознание приверженцев партии. В эти годы исламистское движение в Турции существенно расширило свои ряды, как это было и в других странах. Однако оно сумело преодолеть негативные последствия своей экспансии, избежав — ценой частичного отказа от своей доктрины — перехода к насилию, которым было отмечено последнее десятилетие XX века в ряде мусульманских стран. Впрочем, и в Турции в начале 80-х годов радикализм давал о себе знать в деятельности некоторых активистов, вдохновленных иранской революцией или примером арабских экстремистских групп.⁵⁴³ Впечатленные тем, какую важность генералы — участники переворота придавали «исламистской опасности», эти активисты избрали главным полем своей деятельности университет. Это поле было расчищено безжалостными репрессиями, обрушившимися на активистов студенческих крайне левых и крайне правых группировок, преобладавших здесь ранее и несших главную ответственность за разгул насилия конца 70-х годов. Однако этому студенческому исламистскому радикализму не

---

⁵⁴² Помимо всплеска политического насилия и парламентской нестабильности, ситуация 1980 г. характеризовалась блокированием законодательного процесса, тяжелым кризисом, вызванным, в частности, крахом административной экономики, унаследованной от кемализма, и забастовками, охватившими всю страну.

⁵⁴³ Наряду с военизированной молодежной организацией «Akincilar» («Авангард»), связанной с распущенной исламистской партией, в стране действовало множество групп, связывавших себя с иранской или ливанской «Хизбаллах» (издававшие ими журналы, такие как «Şehadet» или «Tevhid», печатали фотографии, прославлявшие иранскую революцию) и палестиноиорданской Партией исламского освобождения. Были и те, кто испытывал ностальгию по Османской империи, на которую отныне смотрели с точки зрения религиозного радикализма. Таковым, в частности, являлось движение «Ибда» («Откровение»), мечтавшее о «Великом Востоке» («ВууикДогу»), но не имевшее никакого отношения к одноименной масонской ложе и претендовавшее на монополию на поприще политической борьбы. Крупная стычка его активистов с адептами «Хизбаллах», в которой первые одержали верх, получила в движении название «маленького Чалдырана» — по названию знаменитой битвы, в которой в 1514 г. османский султан разбил войска персидского шаха (см.: SakirR. La mobilisation islamique... P. 135). В период с 1985 по 1990 г. ультрарадикальный журнал «Girisim» сделал попытку выработать современную идеологию распространения ислама, заимствовавшую многое из наследия исламистских мыслителей других стран — Маудуди, Кутба, Хомейни, Шариати и др. После 1994 г. идейные вдохновители этого течения пополнили кадры «рефаховского» муниципалитета Стамбула, курируя его культурную деятельность. При этом они стали придерживаться более умеренного подхода и уделяли особое внимание налаживанию диалога со светскими интеллектуалами. О группах, выбравших насильственные методы борьбы и совершивших ряд убийств, см.: КагтонЕ. Islamist Terrorist Activities in Turkey in the 1990s // Terrorism and Political Violence. 1998. Winter. Vol. 10. № 4. P. 101–121.

удалось укорениться в обществе и повести за собой неимущую городскую молодежь — в отличие от Египта или Алжира. В самом деле, пока партия «Рефах» находилась в зачаточном состоянии, ниша политического ислама была в значительной мере занята многочисленными представителями гражданского общества, что способствовало появлению самостоятельной категории исламистских интеллектуалов. Они были больше озабочены поиском своего места в плюралистической и переживавшей процесс либерализации системе и определением своей роли в светском государстве, чем созданием революционного союза социальных классов для свержения безбожной власти и построением на ее развалинах исламского государства. Более того, в отсутствие хорошо организованной исламистской партии значительная часть сторонников этого течения примкнула к Партии Матери-Родины (Анаватан партией, «Анап»), созданной в мае 1983 года Тургутом Озалом и одержавшей безоговорочную победу на первых после военного переворота выборах, организованных в ноябре 1983 года.⁵⁴⁴ Эта организация занимала правоцентристские позиции, знаменем которых в предыдущее десятилетие являлся С. Демирель; за нее голосовали набожные средние классы Анатолии, соблазненные благочестивой репутацией Т Озала, брат которого, Коркут Озал, был тесно связан с братствами.⁵⁴⁵ Одновременно партия предоставила кемалистским генералам достаточно гарантий, чтобы получить от них разрешение участвовать в выборах, и выдвинула правительственную программу, уделявшую значительное место экономическому и политическому либерализму, который представлялся как единственный для Турции выход из тупика. Крупные предприниматели и образованная молодежь, сторонники расширения связей с внешним миром, поддержали партийную программу, которая воспевала рыночную экономику и сближение с Западной Европой, а также обещала вернуть политические свободы. Таким образом, «Анап» удалось стать выразителем различных политических убеждений, что открывало для набожных средних классов возможность доступа во властные структуры и современный мир, интегрировало их в сложившуюся политическую систему. Это обстоятельство затрудняло образование широкого исламистского движения, открыто противостоявшего существовавшему порядку.

В то же время генштаб постарался принять меры к укреплению государственного контроля над исламом. В 1982 году правивший генералитет сделал обязательным религиозное образование в государственной школе. Цель состояла в том, чтобы дать молодежи образование, исключавшее любое влияние «фанатизма» или «экстремизма»,⁵⁴⁶ и генерал К. Эврен, председатель Национального совета безопасности, призвал родителей отправлять детей в эти школы, вместо того чтобы отдавать их на «подпольные» курсы по изучению Корана, организаторы которых были подвергнуты репрессиям.⁵⁴⁷ Эта мера была сродни тем, которые в тот же период 80-х годов предпринимали руководители большинства

---

⁵⁴⁴ Выборы 6 ноября 1983 г., прошедшие под жестким контролем военных, были призваны стать знаком перехода к мирной жизни, после того как Национальный совет безопасности, сформированный после государственного переворота, обеспечил устойчивость власти и «восстановил общественный порядок». 7 ноября 1982 г. на референдуме была принята новая конституция и президентом страны на 7-летний срок был избран генерал Эврен. В ноябрьских выборах 1983 г. могли участвовать только партии, получившие на это официальное разрешение от властей. Военный режим зорко следил за тем, чтобы не допустить возрождения прежних политических организаций под новыми личинами. Из трех разрешенных партий «Анап» выглядела наиболее независимой от военных, хотя Озал возглавил первое после переворота правительство страны. Партия получила 45,12 % голосов и 211 из 400 мест в парламенте, то есть подавляющее большинство.

⁵⁴⁵ Коркут Озал был известен своей принадлежностью к братству Накшбандийя.

⁵⁴⁶ См.: Poulton Н. Op. cit. P. 182–183. Автор приводит много сведений о содержании этого «тюрок-исламского» образования.

⁵⁴⁷ В 1982 г. в Турции были арестованы несколько сотен членов братств и исламских групп, застигнутых во время проведения подпольных собраний или запрещенных религиозных занятий.

мусульманских стран, озабоченные установлением контроля и предупреждением экспансии исламизма. В Турции, как и везде, она имела двоякий результат: религиозный персонал, обеспечивавший это «современное» преподавание ислама, в большинстве своем набирался из структур, находившихся под патронажем министров, которые входили в ПНС Эрбакана во второй половине 70-х годов.⁵⁴⁸

Другим фактором, позволившим инкорпорировать набожные средние классы в государство после сентябрьского переворота 1980 года, стало чисто турецкое движение — «Тюрко-исламский синтез» («Тюрк ислам сентези», ТИС), которое способствовало сужению сферы исламистского влияния. Изначально в ТИС входили консервативно настроенные интеллектуалы, которые в 70-е годы пытались оспаривать у левых интеллектуалов лидерство в студенческой среде и в прессе⁵⁴⁹ и рассматривали исламскую культуру как необходимое моральное дополнение к ценностям порядка, воплощенным в турецком национализме. Объект неприязни светских активистов, которые вменяли ТИС в вину экспансию политического ислама в минувшую четверть века и видели в нем заговор самых реакционных элементов режима против прогрессивных сил, это движение действительно пользовалось влиянием среди организаторов государственного переворота. ТИС осуществлял доктринальную связь между некоторыми из них и «Анап» Озала, одержавшей победу на выборах 1983 года. Само его существование и его влияние на интеллектуалов, близких идеям исламизма, способствовало «обуржуазиванию» убеждений большинства из них. Как в Иордании, где режиму удавалось выборочно привлекать на свою сторону идеологов из числа «Братьев-мусульман», которые тут же теряли былой радикализм и уже не пытались поднять на бунт неимущую городскую молодежь, Турция 80-х годов предложила возможности заработка, социального роста и доступ к власти «контрэлитам», принадлежавшим к исламистскому течению. Этому способствовал произошедший именно в то время под руководством Озала переход от административной экономики к либерализму, сопровождавшийся появлением беспрецедентной для мусульманского мира свободы слова. В Турции тогда возник настоящий — конкурентный и капиталистический — рынок идей, что привело к появлению в 90-е годы большого количества частных печатных и аудиовизуальных средств массовой информации.⁵⁵⁰ Этот рынок дал многим исламистским

---

548 Аналогичным образом это явление развивалось в среде турецких иммигрантов в странах Западной Европы, где люди из окружения Эрбакана создали Организацию национального видения в Европе (Avrupa Milli Gorus Teskilati, АМГТ). Здесь они были свободны от всякого контроля со стороны турецкого государства и обеспечивали оставшимся на родине активистам регулярную финансовую поддержку. Необходимые для этого средства собирались в ходе fundraising tours их лидера. Сторонники Эрбакана создали очень эффективную сеть мечетей, школ по изучению Корана и исламских ассоциаций в четырех европейских странах, где сосредоточились турецкие иммигранты (Германии, Франции, Бельгии и Нидерландах). Эта сеть позволила им охватить своим влиянием главным образом выходцев из сельских районов Анатолии, достаточно восприимчивых — по крайней мере, в первом поколении — к религиозному дискурсу. Турецкие консульства пытались противодействовать этому, посылая в Европу «официальных» имамов, утвержденных Управлением по делам религии при премьер-министре. Однако оказалось, что эти имамы во многом разделяли доктрину Эрбакана. О месте ислама в жизни турецкой диаспоры в Германии см.: Amiraux V. *Itinéraires musulmans turcs en Allemagne: These de doctorat en sciences politiques*. P.: IEP de Paris, 1997.

549 У истоков этого «тюрко-исламского синтеза» стояла влиятельная группа, созданная в мае 1970 г. — «Очаг интеллектуалов» («Aydinlar Ocagi», АО). В нее входили профессора университетов, журналисты, религиозные деятели и бизнесмены, придерживавшиеся правых взглядов. О роли данной группы см.: Poutim H. *Op. cit.*; Toprak B. *Religion as State Ideology in a Secular Setting: The Turkish-Islamic Synthesis // Aspects of Religion in Secular Turkey* / Ed. M. Wagstaff. Occ. Paper. 1990. University of Durham, Center for Middle Eastern Studies. № 40. P. 10–15.

550 В 1996 г. в Турции насчитывалось 16 общенациональных, 15 региональных и 300 местных телеканалов (см.: White J. B. *Amplifying Trust: Community and Communication in Turkey // New Media in the Muslim World* / Ed. D.F. Eickelman and J.W. Anderson. Bloomington: Indiana University Press, 1999. P. 169).

интеллектуалам возможность работать в СМИ, представлявших данное течение. Он также не мог не способствовать «рутинизации» их идеологии, вынуждая ее конкурировать с другими идеологиями в СМИ, зависевших в финансовом отношении от рекламодателей и склонных избегать любой пропаганды экстремизма, чтобы не отпугнуть телезрителей и читателей и не сократить тем самым поступлений от рекламы.

Эти исламистские «контрэлиты» 80-х годов, символами которых стали фигуры бородатого инженера и студентки в мусульманском платке,⁵⁵¹ демонстрировали вступление в городскую и образованную среду детей крестьян, эмигрировавших из Анатолии в минувшее десятилетие. В жизнь города, прежде регулировавшуюся западными социальными нормами — наследием Ататюрка, — они привносили исламскую культуру и образ жизни, передатчиками которых выступали братства и религиозные ассоциации. Аналогичный процесс происходил и в других мусульманских странах, но в Турции тех лет эти вчерашние крестьяне, получив широкое социальное признание благодаря экономическому и политическому либерализму, одновременно испытывали сильное влияние господствовавшего лаицизма.

Отныне в этой среде нарастала напряженность между «прагматиками» и «доктринерами»: первые процветали, пока политической жизнью страны руководил Т. Озал (до 1989 года премьер-министр, затем — до своей кончины в апреле 1993 года — президент республики). Вторые воспользовались возвышением третьей партии Эрбака-на — партии «Рефах», чьим успехам 90-х годов предшествовало снижение популярности «Анап»: смерть ее основателя нанесла ей невосполнимый урон, дав простор для экспансии исламистской партии.

В момент своего создания в 1983 году «Рефах» не имела права выдвигать кандидатов в парламент. Несмотря на постоянный рост своей численности,⁵⁵² в 1984–1991 годах она собирала менее 10 % голосов. В 1991 году союз с крайне правыми националистами помог ей преодолеть этот порог, необходимый для выдвижения своих представителей в Национальное собрание. Однако ее собственный электорат не превосходил этого уровня: предшественница «Рефах», ПНС, имела в 1973 году лучший результат — 11,3 %. Лишь со смертью Озала партия совершила прорыв: получив 19 % голосов на муниципальных выборах 1994 года, она почти удвоила численность своих сторонников и одержала «знаковые» победы, завладев мэриями Стамбула, Анкары и еще 325 городов. 24 декабря 1995 года, получив 21 % голосов на парламентских выборах, исламистская партия впервые в истории республиканской Турции вышла на первое место. В тот канун Рождества светский лагерь скорбел: впрочем, выход на первое место «Рефах» стал в первую очередь результатом раскола турецких правых, каждая из двух партий которых собрала менее 20 % голосов.⁵⁵³

Удвоение поданных за «Рефах» голосов в 1994–1995 годах явилось важным событием (хотя его масштабы несравнимы с электоральным триумфом ИФС в Алжире на

---

⁵⁵¹ О всех аспектах данного феномена см.: GoleN. *Ingenieurs musulmans et etudiantes voiles en Turquie: Entre le totalitarisme et individualisme* // *In-tellectuels et militants de l'islam contemporain* / Sous la dir. de G. Kepel et Y. Richard. P.: Seuil, 1990. P. 167–192; *Musulmanes et modernes*. P.: La Decou-verte, 1993; *Secularism and Islamism in Turkey: the Making of Elites and CounterElites* // *The Middle East Journal*. 1997. Winter. Vol. 51. № 1. P. 46–58.

⁵⁵² На местных выборах в марте 1984 г. (первых, на которых «Рефах» могла конкурировать с другими партиями) партия получила лишь 4,4 % голосов, на парламентских выборах 1987 г. — 7,16 %. На муниципальных выборах 1989 г. у нее уже было 9,8 % голосов, а в 1991 г., выступая в союзе с ультраправыми националистами, — 16,2 % (треть этих голосов собрали ее союзники). Этот успех, хотя он и не выразался в реальном приросте голосов с 1989 г., позволит «Рефах» превратиться в парламентскую партию со своим аппаратом, что помогало ей в последующих избирательных кампаниях, в частности на муниципальных выборах 1994 г., когда количество голосов, поданных за нее, почти удвоилось.

⁵⁵³ «Рефах» получила 21,4 % голосов, «Анап» — 19,7 %, Партия верного пути С. Демиреля (преемника Т. Озала на посту президента страны) — 19,2 %, а Социал-демократическая партия Б. Эджевита — 14,6 %.

муниципальных выборах в июне 1990 года или в первом туре парламентских выборов в декабре 1991 года):⁵⁵⁴ «Рефах» привлекла тогда симпатии массы новых избирателей, добавившихся к ее традиционному электорату — религиозным средним слоям Анатолии. Партия воспользовалась неожиданным шансом — закатом «Анап», ультра-либерализм которой в славные для нее 80-е годы обернулся всеобщей коррупцией и резким ростом инфляции, съедавшей доходы рабочих и служащих. Но с середины десятилетия напряженность возникла прежде всего из-за исламской экспансии: власть допускала — или поощряла — увеличение числа мечетей, курсов по изучению Корана и т. д., рассчитывая, что сможет контролировать и удерживать этот процесс в определенных рамках. В отдельных случаях он приобретал конфликтные формы, нарушая консенсус между религиозными кругами и военными, гарантом которого был Озал. Это питало стратегию конфронтации и разрыва с режимом — стратегию, провозвестницей которой стала исламистская партия.

В 1986 году государственный орган — Высший совет по образованию — запретил студенткам, носившим мусульманский платок, вход на территорию студенческих городков. Это решение вызвало манифестации в Стамбуле и в Конье, организованные сторонниками Эр-бакана. Скандал вокруг этой темы создал проблему для власти: Озал, выступавший за свободу ношения «тюрбана», был вынужден отступить перед нажимом генералов, а затем, в июле, пойти и на исключение из «Анап» ведущих представителей исламистского течения. В 1989 году ношение платка в университете было запрещено Конституционным советом. В заключительной части его постановления отмечалось, что «Республика и демократия являются антитезой шариатскому режиму».⁵⁵⁵ Стремление правительства поощрять «контролируемый» ислам наталкивалось, таким образом, на действия активистов, пытавшихся развить свой успех путем завоевания символических властных позиций, а также опрокидывания установленных Ататюрком светских норм, высшим гарантом которых считало себя военное командование. Как и во Франции, где первое «дело о платке» в школе также возникло в 1989 году, исламистская пропаганда использовала «двойной регистр». Адептам исламизма ношение платка преподносилось как установленная Кораном обязанность, которую правоверные мусульманки должны неуклонно выполнять; общественному мнению это требование было преподнесено как основополагающая личная свобода, «право человека» (или женщины),⁵⁵⁶ в котором авторитарный лаицизм отказывал школьницам и студенткам, хотевшим реализовать свое право следовать установлениям шариата.

В отличие от большинства стран мусульманского мира, в которых государство соглашалось с ношением платка в школах и университетах — или даже поощряло эту практику, — уступая исламистскому движению на социальном и религиозном поле, чтобы удержать под своим исключительным контролем политику, турецкое государство стремилось сохранить свое влияние и в области публичной этики.⁵⁵⁷ Именно на этом фронте развернулась основная борьба между поборниками лаицизма и исламистами. Это была окопная война, где наступления сменялись отступлениями и где ни одна из сторон, не будучи в состоянии одержать победу, не могла позволить себе и остановить бой, чтобы не

---

⁵⁵⁴ В 1990 г. ИФС собрал 54 % голосов, в 1991 г. — более 47 %.

⁵⁵⁵ См.: Mango A. // MECS. 1989. P. 659.

⁵⁵⁶ Многие авторы отмечали парадоксальное сочетание требования разрешить ношение платка с требованиями феминисток и даже травести, к которым сторонники исламистской концепции морали в принципе не питают никаких симпатий. См.: ThieckJ.-P. *Passion d'Orient*. P.: Karthala, 1990. P. 70.

⁵⁵⁷ См.: SEMOTI. 1995. Janvier-fevrier. № 19. Сопоставление французской и турецкой ветвей лаицизма составляет главную тему данного выпуска.

потерять лицо. Реальные прорывы исламисты совершили в экономике и социальной сфере, где государство, основанное Ататюрком, потерпело самые серьезные неудачи.

Произошедший при Озале переход к рынку после десятилетий господства регулируемой экономики совпал с наплывом в крупные города предпринимателей из маленьких городков Анатолии. Именно в это время первое поколение вышедших из той же среды набожных инженеров, получивших дипломы в 70-е годы, вступало в возраст принятия ответственных профессиональных решений. Приватизация и либерализм предоставили им беспрецедентные возможности для бизнеса в различных сферах.⁵⁵⁸ Одной из самых прибыльных был богатый нефтедолларами Аравийский полуостров — рынок сбыта для турецких товаров и источник капиталов, которые саудовцы и кувейтцы вкладывали в бурно развивавшуюся турецкую экономику. Тогда же появились исламские банки и инвестиционные компании, созданные в форме совместных предприятий.⁵⁵⁹ Для Эр-Рияда помощь поднимавшейся набожной буржуазии в Турции была частью глобальной стратегии поддержки этой социальной группы по всему миру. Это был неожиданный шанс, которым воспользовались деловые люди, близкие к партии Озала — «Анап» и к удачно названной Партии *благоденствия* Эрбакана. Этот новый сектор позволил также многочисленным анатолийским набожным предпринимателям получить доступ к банковскому кредиту (беспроцентному, как того требовала исламская система), в котором им отказывали обычные банки страны. В 1990 году они создали собственную палату предпринимателей, Мюсиад,⁵⁶⁰ в противовес Конфедерации турецких предпринимателей, Тюсиад, которую возглавляли крупнейшие капиталисты Стамбула. Мюсиад представляла собой нечто среднее между объединением в поддержку малого и среднего бизнеса и лобби с исламистским оттенком. Ее участники создали эту структуру взаимопомощи, чтобы отстаивать свои интересы перед лицом «светской буржуазии» как в коммерческой, так и в культурной сферах. Здесь имелся ярко выраженный идеологический подтекст — Мюсиад говорила о «мусульманском общем рынке», противопоставляя его «христианскому клубу» в лице ЕЭС, но этот подтекст всегда сочетался с защитой бизнеса: с помощью Мюсиад ее члены рассчитывали защитить и расширить свои секторы рынка. Сочетая исламскую этику с духом капитализма, они надеялись когда-нибудь войти в турецкий экономический истеблишмент — от которого их

---

⁵⁵⁸ В частности, с 80-х годов в Турции наблюдалось возрождение традиционной исламской концепции вакфа (неотчуждаемого имущества, посвящаемого Богу и называемого в Магрибе термином «хабус»). На этой основе были созданы многочисленные ассоциации и фонды, которые на первых порах служили задаче накопления «зеленого капитала», как в Турции называют деньги исламистов. Но в дальнейшем эта финансовая формула была использована другими экономическими и социальными субъектами, в том числе светскими. См.: Bihci F. Sociabilite et expression politique islamiste en Turquie: Les nouveaux vakifs // Revue francaise de science politique. 1993. Juin. Vol. 43. № 3. P. 412–434.

⁵⁵⁹ Этот феномен вписывается в общую тенденцию экспансии исламской финансовой системы и формирования во всем мусульманском мире религиозной буржуазии, связанной с саудовскими интересами. См.: Moore C.H. Islamic Banks and Competitive Politics... В этой статье можно найти элементы анализа ситуации в Турции.

⁵⁶⁰ Аббревиатура Miisiad расшифровывается как «Ассоциация независимых промышленников и бизнесменов» («Miistakil Sanayiciler ve Isadamlari Der-negi»). Она составлена по модели Tiisiad (с тем же значением, за исключением «til», начального слога слова «турецких») — названия организации, объединяющей патронов крупных предприятий, в основном сосредоточенных в Стамбуле. Слог «ти», который «официально» говорит о «независимости», всеми понимается как указание на «мусульманский» характер этого объединения. Созданная 5 мая 1990 г. группой молодых бизнесменов, сочувствовавших исламистам, ассоциация насчитывала в 1998 г. около 3 тыс. членов и имела 28 местных отделений, а оборот входивших в нее предприятий оценивался в 2,79 млрд долларов (см.: NarliN. Op. cit. P. 3). Подробнее о Miisiad см.: Gultekin B. L'instrumentalisation de l'islam pour une strategie de promotion sociale a travers le secteur prive: Le cas du Miisiad. Memoire de DEA, Institut d'Etudes politiques de Paris, 1998. Этот труд написан на основе полевых исследований, проводившихся в апреле 1998 г. (после падения правительства Эр-бакана и роспуска партии «Рефах»).

отделяло скромное провинциальное происхождение и «отсталый» образ жизни, — обогатиться, продемонстрировать вкус к роскоши, не нарушая при этом религиозных норм. Самые «продвинутые» из предпринимателей посещали отель класса люкс на берегу моря, носящий французское название «Каприс». Здесь эта бородастая и одетая в мусульманские платки буржуазия проводила «дозволенный» семейный отпуск, купалась на отдельных мужском и женском пляжах, носила «исламские купальники» и подписывала счета на баснословные суммы в гастрономическом *халяльном* ресторане, обсуждая дела в тренажерном зале. При всей банальности ситуации (нечто схожее можно наблюдать и в среде богатых правоверных иудеев) здесь сказывалась двойственность роли религиозной буржуазии как спонсора исламистского движения: стоило ли бороться за исламское государство и введение шариата, вовлекая в эту борьбу неимущую городскую молодежь? Не лучше ли выторговывать для себя возможности социального продвижения в рамках сложившегося порядка, сочетая нажим на государство с компромиссом? Турецкие интеллектуалы-исламисты из числа бывших левых или сторонников тьер-мондизма безжалостно высмеивали «*high society* в мусульманских платках» и Мюсиад, обвиняя их в готовности идти на любые компромиссы ради звонкой монеты. Один из этих интеллектуалов, Али Булач, опасавшийся разделения верующих на «бедных» и «богатых мусульман», обвинял своих противников в следующих выражениях: «Чтобы примирить ваше стремление к [экономическим] успехам с вашими [религиозными] установками, (...) вам следовало бы почитать и другие книги, кроме Священного Корана. Можно не углубляться в 15-вековую историю, достаточно вернуться на один век назад и перелистать сочинения этого периода, главное из которых — к несчастью, написанное евреем — называется «Капитал»: там говорится об эксплуатации и о борьбе классов». ⁵⁶¹

Эта набожная буржуазия со смутными политическими устремлениями, связанная как с «Анап» Т. Озала, так и с партией «Рефах» Эрбакана, после смерти Озала в 1993 году перешла на сторону «Рефах», предвкушая политический успех исламистов и способствуя этому успеху, от которого рассчитывала получить большую отдачу. В самом деле, казалось, что Партия благоденствия имела все шансы победить на выборах: в то время она удачно воспользовалась разочарованием городских народных слоев, которые ничего не получили от беспредельного экономического либерализма 80-х годов, и казалась способной удержать их под контролем. Она могла заручиться их голосами — которые обеспечили бы ей победу — направить их недовольство в нужную для себя сторону, не давая ему выплеснуться через край. Подобный расчет говорил о массивной поддержке партии «Рефах» со стороны «зеленых капиталистов». Партия не испытывала недостатка в средствах на предвыборные кампании 90-х годов. Ее эффективная организация опиралась на многочисленные кадры, набранные в административном аппарате еще при министрах — членах ПНС, на муниципалитеты Анатолии, которые партия контролировала с 1989 года, и на те льготы, которыми она располагала, получив 40 мест в парламенте в октябре 1991 года. Кроме того, «Рефах» прибегла к платным услугам пиар-агентства, чтобы с помощью телевидения «обновить» свой имидж, чересчур «анатолийский» и ретроградный характер которого мог оттолкнуть потенциальных городских «современных» избирателей». Тем самым она придала притягательность своему лозунгу «справедливого порядка», который был вовремя выдвинут как раз для того, чтобы привлечь голоса тех, кто находил «несправедливым» новое перераспределение богатства, произошедшее в результате триумфа капитализма в годы правления Озала. В отличие от других партий, испытывавших недостаток активизма, «Рефах» развернула чрезвычайно эффективную агитационную работу. Она сочетала хождение по домам с ведением базы данных о предпочтениях каждого избирателя,

---

⁵⁶¹ Bulaf A. *Din ve Modernizm: Referans-performans catisması* [Религия и модернизм: Конфликт между поиском реализации и поиском авторитета]. Istanbul: Beyan, 1992. P. 68. Цит. по: Gultekin B. *Op. cit.* P. 77.

«работала» по телефону с колеблющимися,⁵⁶² добиваясь от них обещания проголосовать за нее и разбив каждую улицу на участки, которые нужно было «завоевать». В отличие от ПНС 70-х годов «Рефах» в ходе муниципальных выборов 1994 года и парламентских выборов 1995 года не делала упора на исламской идентичности — так как это могло уменьшить ее влияние, — а, считая своим завоеванием резерв в лице религиозного электората (около 10 % голосов), акцентировала внимание на социальных и экономических вопросах. Это позволило ей завоевать доверие еще 10 % избирателей, которые, не будучи враждебны к исламистам, априорно не причисляли себя к ним.⁵⁶³ В основном это были представители молодого поколения и народных масс.⁵⁶⁴

Благодаря успеху на муниципальных и парламентских выборах партии Эрбакана удалось, казалось, объединить все три составляющие исламистского движения, необходимые для прихода к власти: религиозную буржуазию, неимущую городскую молодежь и активистов-интеллектуалов. Она привлекла на свою сторону даже те социальные группы, которые поддались на ее обещания грядущих перемен, не разделяя религиозной идеологии, и вышла на первое место на парламентских выборах в декабре 1995 года. Тем не менее она собрала всего пятую часть голосов, а ее лидер должен был ждать полгода, чтобы стать премьер-министром. Вместо триумфального шествия по пути к исламскому государству и шариату ей пришлось пройти через гримасы и политиканские компромиссы парламентской коалиции⁵⁶⁵ — словно в напоминание о том, что более трех четвертей турок не отдали за нее свои голоса.

Одиннадцатимесячное существование коалиции «Рефах» и правоцентристской Партии верного пути Т. Чиллер стало временем тяжелых испытаний для исламистской партии. Ее конечное поражение во многом было итогом давления со стороны военной верхушки и политического истеблишмента. Оно также стало результатом непреодолимых противоречий между исламистским проектом и реальной практикой работы в правительстве демократического государства, связанного с Западом, — противоречий, к которым добавилось разочарование партийного электората. В отличие от алжирской армии, грубо приостановившей выборы, на которых в январе 1992 года должен был победить ИФС, турецкой армии — при том, что она трижды, в 1960, 1971 и 1980 годах, устраивала государственные перевороты, — не пришлось прибегать к силовому вмешательству, чтобы положить конец эксперименту с нахождением у власти исламистского движения, которое само себя загнало в ловушку.

---

⁵⁶² Об использовании активистами «Рефах» телефона для привлечения избирателей, следуя американскому образцу, см.: White]. В. Op. cit. P. 172.

⁵⁶³ См.: Kentel F. L'islam carrefour des identités sociales et culturelles // СЕМОТИ. № 19. P. 211. В статье на основе исследований, проведенных в 1994 г., анализируется состав электората партии «Рефах».

⁵⁶⁴ Как и все исламистские движения, «Рефах» образовала широкую сеть благотворительных организаций, ставших одним из инструментов влияния в народе. Они получали также пожертвования от представителей деловых кругов, надеявшихся, что, придя к власти, партия проявит к ним благосклонность. На выборах 1995 г. благодаря лозунгу «Благотворительность начинается с себя» эта сеть была превращена в политический оплот партии. Так партия подчеркивала свои возможности оказывать — во имя религиозного идеала рахма (милосердия) — повседневную помощь неимущим. В трущобах городских окраин, среди жителей которых была высока доля мигрантов из сел Курдистана, исламский имидж «Рефах» был весьма привлекателен: в отличие от светских партий, опиравшихся на турецкий национализм в его гипертрофированной форме — неприемлемый для многих курдов, эта партия провозглашала мусульманский идеал общности, которая поглощала курдскую идентичность, но не отрицала ее.

⁵⁶⁵ О переговорах Эрбакана и Чиллер о создании коалиции между «Рефах» и Партией верного пути, а также о перипетиях, с которыми столкнулось правительство Эрбакана, см.: Shmuelevitz A. Turkey's Experiment in Islamist Government: Data & Analysis. Tel-Aviv: The Moshe Dayan Center, Tel-Aviv University. 1999. May.

Когда в конце июня 1996 года было сформировано коалиционное правительство, «Рефах» в нем помимо поста премьер-министра достались «ближайшие министерства», которые её предшественница, ПНС, держала в своих руках в коалициях 70-х годов.⁵⁶⁶ Некоторые из них позволили «Рефах» беспрепятственно, на деньги государства, продолжать идеологическую обработку общества, которую партия вела через сеть благотворительных ассоциаций и подконтрольные муниципалитеты. Однако другие министерства (например, юстиции и культуры) стали ареной неразрешимых противоречий между программой исламизации и светским характером государственных институтов. Это проявилось уже на уровне символов. Так, планы возведения большой мечети на площади Таксим в Стамбуле — центре современного квартала, наследия Ататюрка, — и передачи для нужд мусульманского культа византийской базилики Святой Софии (превращенной в мечеть в 1453 году, в период османского завоевания, а в республиканскую эпоху ставшей музеем) усилили неприязнь к «Рефах» большей части избирателей. Эти планы не вызвали энтузиазма даже у той пятой части турецкого населения, которая отдала за партию свои голоса. В области внешней политики⁵⁶⁷ «Рефах», которая до прихода к власти осуждала военный союз с Израилем и обещала его расторгнуть, не смогла сдержать обещания, и Эрбакану как премьер-министру пришлось ратифицировать соглашения о сотрудничестве между двумя странами в сфере военной промышленности. На упреки руководителей других мусульманских стран по этому поводу он мог лишь ответить словами, приписываемыми Пророку ислама: «Идите за знанием (в данном случае — за военной технологией) туда, где вы его найдете». Стремясь вернуть внешнеполитическую инициативу и ища поддержки в мусульманском мире в противостоянии с турецкой военной верхушкой, Эрбакан предпринял два турне, целью которых было создание «мусульманского общего рынка». Таким образом, он выполнял пожелания религиозных предпринимателей из Мюсиад, большая делегация которой сопровождала Эрбакана из Ирана в Индонезию и из Нигерии — в Египет и Ливию. Эти вояжи с налетом ностальгии по османской эпохе были призваны превратить турецкого премьера в «лидера всего исламского мира». Но они лишь ослабили политические позиции Эрбакана: в Тегеране ему пришлось объясняться по поводу нормализации турецко-израильских отношений, в Каире — быть «поставленным на место» Х. Мубараком при попытке вступить за египетских «Братьев-мусульман», а в Ливии — выслушать под шатром поучения полковника Каддафи, который воздал хвалу воюющей против Анкары Курдской рабочей партии и выступил за независимость Курдистана.

Пятый съезд «Рефах», состоявшийся через неделю после ливийского фиаско, продемонстрировал идеологическую хрупкость партии. Вместо того чтобы праздновать долгожданный приход к власти, громко возглашать исламистские лозунги и критиковать лаицизм (что Эрбакан делал со времени своего прихода в политику в 1970 году), делегаты, собравшиеся под огромным портретом Ататюрка, услышали от своего лидера и премьер-министра восхваления в адрес основателя республики и заверения в том, что «Рефах» является его самой верной наследницей. Подобное выступление, призванное «обольстить» светский истеблишмент и военную верхушку и облегчить проникновение

---

⁵⁶⁶ Партия верного пути контролировала Министерства иностранных дел (вверенное самой Т. Чиллер) и обороны, а также внутренних дел, образования (находившиеся в 70-е годы под контролем ПНС, что позволило исламистам рекрутировать немало активистов в полиции и образовательных учреждениях) и промышленности. «Рефах» получила Министерства финансов, технического обеспечения, труда, энергетики, юстиции, культуры и охраны окружающей среды, а также пост государственного министра (его занял Абдулла Гюль) с прерогативами «неофициального» министра иностранных дел.

⁵⁶⁷ Я признателен Р. Чакиру за разрешение ознакомиться с его неопубликованной статьей «Foreign Policy of the Welfare Party», в которой дается глубокий анализ данной темы. Первое военное соглашение было подписано в феврале 1996 г. Оно подверглось резкому осуждению А. Гюля, пообещавшему разорвать его после прихода партии к власти. Второе соглашение — о модернизации в Израиле 60 турецких боевых самолетов «Фантом» — было ратифицировано Эрбаканом в августе.

партии в остальные три четверти электората, которые не проголосовали за него, могло вызвать лишь недовольство активистов, привыкших к совсем другой риторике.

Так, 31 января 1997 года избранник «Рефах» мэр Синджана (пригорода Анкары, населенного мигрантами из Анатолии) организовал празднование Дня Иерусалима, на котором молодежь разыгрывала сценки из интифады и звучали ругательства в адрес Арафата, Израиля и всех, кто подписывал соглашения с еврейским государством, а лозунги и транспаранты призывали к введению шариата. На празднестве присутствовал посол Ирана, выступивший в том же духе. На следующий день армия ввела танки на улицы Синджана. Посланник Тегерана был выслан из страны, а мэр посажен за решетку: его посещение в тюрьме министром юстиции (также членом «Рефах») лишь обострило напряженность. 28 февраля на заседании Национального совета безопасности с участием членов генштаба и министров был принят ряд мер, направленных против «реакции» («иртиджа»). Заседание недвусмысленно осудило инициативы избранников «Рефах», в том числе и самого премьер-министра.⁵⁶⁸ Последний был вынужден поставить свою подпись под резолюцией заседания, что вызвало критику в его адрес со стороны части активистов. Партии не удалось преодолеть недоверия со стороны секуляризированных городских слоев, хотя такие попытки были ею предприняты. Тогда же, в феврале 1997 года, по инициативе светских неправительственных организаций очень многие турки каждый вечер гасили в 21.00 свет в своих домах и выходили на улицы с зажженными свечами, следуя девизу: «Одна минута темноты ради светлого будущего». Враждебные выпады министра юстиции сделали его мишенью атак со стороны участников акции протеста, которые осуждали его попытки вдохновляться шариатом при проведении реформы министерства. А в марте во время футбольных игр на кубок премьер-министра Эрбакан был освистан толпой болельщиков, скандировавших «Светскость!» — знак того, что стадионная публика, шедшая в других странах (например, в Алжире в период подъема ИФС) за исламистами, ускользала из-под контроля «Рефах».

В мае 1997 года конфликт обострился в связи с увольнением из армии более 160 офицеров и унтер-офицеров, подозревавшихся в симпатиях к исламистам, и полемикой вокруг лицеев по подготовке имам-хатыбов и проповедников, служивших основными поставщиками кадров состава партии исламистов. Среди мер, принятых Национальным советом безопасности, было решение расширить срок обязательного государственного образования с 5 до 8 лет, то есть от получения свидетельства об окончании начальной школы до диплома колледжа. Помимо повышения общего уровня школьного образования, это решение было направлено против школ «*имам хатиплисеси*», которые упразднились и реинтегрировались в общую систему образования. Собственно исламское образования сводилось, таким образом, к 3 годам вместо 6; при этом вводился принцип «*numerus clausus*» («закрытого числа») для ограничения числа учащихся. Активисты «Рефах» вышли на демонстрации, скандируя: «Не трогай мои религиозные школы!» Однако борьба рефаховцев не нашла отклика в обществе, поскольку выглядела как направленная против повышения возраста обязательного школьного образования и казалась проявлением ретроградства.

У исламистской партии оставалась одна опора — ее религиозный электорат. Но и здесь ее влияние было поколеблено: Фетхулла Гюлен, руководитель одной из крупнейших исламских ассоциаций Турции, владелец широкой сети частных школ, телеканала и многочисленных предприятий, призвал Эрбакана подать в отставку. Давление военных на депутатов и министров — партнеров «Рефах» из Партии верного пути Чиллер заставило их отказаться от поддержки коалиции, в то время как в Конституционный суд был направлен запрос по поводу партии «Рефах», обвинявшейся в нарушении принципов светскости. 16 июня премьер-министр подал в отставку в надежде, что Чиллер заменит его на этом посту и

---

⁵⁶⁸ См.: Shmuelevitz A. Op. cit. P. 24–27. В указанной работе подробно рассказано об этих обвинениях и предусматривавшихся санкциях.

сохранит коалицию в неизменном виде. Однако президент республики С. Демирель не дал им обоим времени собраться с силами, призвав руководителя «Анап», М. Йылмаза, возглавить временную коалицию, сплотившуюся в оппозиции к исламистам и поддержанную армией. Эта коалиция продержится у власти до внеочередных парламентских выборов, состоявшихся в апреле 1999 года.

В целом итоги деятельности Эрбакана на посту премьер-министра не были положительными для исламистского движения в Турции. Партии «Рефах» не удалось провести в жизнь свою программу исламизации: она столкнулась с сопротивлением светских институтов, которые нельзя было атаковать «в лоб», без того чтобы не дать толчок революционным волнениям, контролировать которые у партии не было средств и в которых набожные средние классы и мелкие предприниматели из Мюсиад не пошли бы за «Рефах». Радикальное крыло было недовольно излишними, с ее точки зрения, компромиссами, на которые шел премьер-министр, и не проявляло активности. К удивлению многих, принятое в январе 1998 года решение Конституционного совета о роспуске партии, раскритикованное многими демократами, которые видели в такого рода юридических процедурах исключительно политическую подоплеку, не вызвало яростного протеста среди активистов «Рефах», словно ее провал как правящей партии заслуживал того, чтобы о ней забыли.

В преддверии решения о роспуске, в декабре 1997 года на свет появилась четвертая «ипостась» исламистской партии под именем «Фазилет» («добродетель»). В отличие от трех своих предшественниц, контролировавшихся Эрбаканом, характерной чертой новой организации были сильные противоречия между «старыми тюрбанами», которые ассоциировались с самим Эрбаканом, и новым, «реформаторским», поколением, которое возглавило партию, возложив на него ответственность за поражения. Судя по всему, «реформаторы» были озабочены прежде всего тем, чтобы облегчить для себя проникновение в турецкий истеблишмент набожного среднего класса и потеряли всякий интерес к таким знаковым постулатам исламистской идеологии, как разрыв с лаицизмом и Западом. В центральный комитет партии вошли женщины, не носившие мусульманского платка;⁵⁶⁹ одна из них не постеснялась подавать на стол спиртные напитки на одном из партийных приемов, а затем спеть в унисон с лидером «Фазилет», Р. Кутаном. Партии, возглавлявшиеся Эрбаканом, наоборот, проводили раздельные собрания для мужчин и для женщин. Последних не назначали на руководящие посты, а при самом Эрбакане национальный гимн звучал только в исполнении мужского хора. Похоже, ностальгия по османскому халифату также вышла из моды: в отличие от «Рефах», пытавшейся заложить «исламский общий рынок» в противовес «иудейско-христианскому» ЕЭС, «Фазилет» поддержала просьбу Турции о приеме ее в Европейский Союз.⁵⁷⁰ Само ношение платка представлялось уже как дело личного выбора, а не как религиозная обязанность. Подобно «Партии центра» («Хизб аль-Васат»), которую в 1995 году хотели создать молодые египетские «Братья-мусульмане» — реформаторы, или иорданскому Фронту исламского действия «Фазилет» превращала демократию в главный политический императив (партия отдала предпочтение участию во власти набожных средних классов, от имени которых она выступала), отказавшись от

---

⁵⁶⁹ Одна женщина была избрана депутатом по списку партии «Фазилет» в апреле 1999 г., однако ее решение присутствовать в зале заседаний парламента, покрыв голову платком, вызвало скандал. Дочь имама и врача, учившаяся в Техасе (так как она не могла посещать в платке занятия в турецком университете), она вышла замуж в США за американца (мусульманина арабского происхождения) и стала гражданкой этой страны, хотя турецкое государство запрещает своим подданным иметь другое гражданство (на деле этот запрет не соблюдается). Отказавшись снять платок в парламенте, она была изгнана из его стен, а затем лишена турецкого гражданства.

⁵⁷⁰ Эта просьба была отклонена Европейским Союзом на Люксембургском саммите осенью 1998 г. Многие турецкие и европейские комментаторы сделали вывод, что негласной причиной этого решения послужил мусульманский характер страны.

доктринальной или догматической строгости. Как в египетском и иорданском случаях, она должна была учитывать пожелания социальной группы, которая за истекшие четверть века сильно изменилась и стала гораздо более образованной, элита которой приобщилась к английскому языку и информатике. Эта группа хотела найти свое место в либеральной экономической и политической среде, где рынок и демократия давали наилучшие возможности для получения прибылей или вхождения в коридоры власти. Этот «демократический императив» касался в первую очередь средних классов, которые участвовали в исламистском движении, но он ничего не сулил бедной городской молодежи: в потенции он позволял рассчитывать на расширение базы власти, а не на радикальный пересмотр существовавшей социальной иерархии. В Турции, так же как в Египте и в Иордании, эти средние классы отныне были заняты поиском приемлемой для них формы вхождения в систему, *modus vivendi* с правившими режимами и со светской буржуазией. Но эта стратегия лишала их союзнических связей и поддержки со стороны неимущей городской молодежи, не находившей в этом демократическом и либеральном проекте ничего, что служило бы ее интересам. Но, будучи лишены этой поддержки, религиозные средние классы теряли свой самый сильный козырь в переговорах с режимом. Оставшись в одиночестве, они, по мнению власти, начавшей ощущать себя хозяйкой положения и пытавшейся навязывать партнерам свои условия, уже не могли причинить вреда.

Этот процесс, к рассмотрению которого мы еще вернемся на последних страницах нашей книги, можно наблюдать сегодня по всему мусульманскому миру. В Турции он привел к поражению исламистов на внеочередных всеобщих выборах в апреле 1999 года. В самом деле, «Фазилет» покинула первое место, которое заняла «Рефах», и заняла третье место, получив менее 15 % голосов (против 21,4 % в декабре 1995 года).⁵⁷¹ На момент написания этих строк представляется, что «Фазилет» потеряла голоса жителей бедных городских окраин и сельских районов, но сохранила свои позиции в кварталах, где проживали городские средние классы.⁵⁷² И вновь Конституционный совет вынужден был рассматривать запрос о роспуске партии за антисветскую деятельность — признак того, что власти хотели навязать свои предварительные условия на любых переговорах с исламистами и извлечь выгоду из ослабления исламистского движения. Следует отметить символический факт: отчуждение между этим движением и обществом нашло беспрецедентное выражение во время страшного землетрясения, произошедшего в Турции в августе 1999 года. В прошлом подобный природный катаклизм предоставлял прекрасную возможность для ИФС в Алжире (в ноябре 1989 года) и для «Братьев-мусульман» в Каире (в 1992 году) продемонстрировать силу своих благотворительных ассоциаций, дабы подчеркнуть бессилие государства и «подменить» его. Ничего подобного не случилось после землетрясения в

---

⁵⁷¹ Националистическая Социал-демократическая партия Б. Эджевита оказалась на первом месте, завоевав 21,6 % голосов избирателей, ультраправые националисты (МХП) получили 18,4 % голосов, «Фазилет» — 14,9 %, две правоцентристские партии («Анап» и ДИП) — немногим больше 13 %. Многие наблюдатели связали успех двух первых партий (соперничавших на политической арене, но в одинаковой степени «суверенитетских» и даже шовинистических) с двумя событиями. Первым из них стал арест лидера Курдской рабочей партии Абдуллы Оджалана (поднявшей авторитет премьер-министра Эджевита) после серии угроз турецких властей в адрес Сирии, предоставившей ему убежище. Вторым событием явился отказ ЕС принять в свой состав Турцию на осеннем саммите 1997 г. в Люксембурге.

⁵⁷² Предварительный анализ свидетельствует о падении популярности исламистов в народных кварталах и росте симпатий к ультраправым националистам, которые вели кампанию против активистов «Фазилет» как «либералов» в экономике. Та же тенденция была отмечена и на юго-востоке Анатолии, где «Рефах» старалась объединить турецкий и курдский электорат во имя их общей мусульманской принадлежности. Судя по всему, после ареста Оджалана местные курдские избиратели отдали голоса МХП, тогда как курды проголосовали за прокурдскую партию «Хадеп». Тем не менее муниципалитеты Стамбула и Анкары остались под контролем исламистов, где своим правлением они снискали добрую репутацию у городских средних классов. См.: Kastoryano R. Les elections et les nationalismes en Turquie // Etudes du CERI. 2000.

Ялове: исламисты отсутствовали и мобилизация гражданского общества на оказание помощи пострадавшим проводилась в основном светскими движениями, среди которых отличилась альпинистская группа «Акут».

Заключение

На пути к «мусульманской демократии»?

Двадцать девятого сентября 1999 года, спустя несколько дней после того, как глава Судана генерал Омар аль-Башир отстранил от власти харизматического исламистского идеолога Хасана ат-Тураби ⁵⁷³ — «серого кардинала» режима, жупела США и консервативных арабских режимов, — арабская газета «Аль-Кодс аль-Араби» опубликовала передовицу одного из самых известных своих журналистов, Абдель Ваххаба аль-Эфенди. Суданец, учившийся в Англии, где он и проживает, автор апологетической, но добротной книги об исламизме у себя на родине, Эфенди дал своей статье заголовок, полный горечи и разочарования: «Суданский эксперимент и кризис современного исламского движения: уроки и значение». ⁵⁷⁴ По мнению автора статьи, события в Судане явились звеном в длинной цепи поражений «исламского обновления» конца 90-х годов, которые начались с Афганистана и включали в себя отстранение Анвара Ибрахима — заместителя премьер-министра Малайзии, видного исламиста. Афганистан был самой большой победой движения в современную эпоху, отмечал автор (который, как истинный суннит, «забыл» об иранской революции), но впоследствии эта победа обернулась величайшей катастрофой. При всем различии ситуаций, поражения в Афганистане и Судане имели общие черты: оба лежали на совести самих исламистов и случились без вмешательства внешнего врага. В конце концов, рассуждал Эфенди, даже лучше, когда движение становится жертвой репрессий, как это случилось в Египте или Алжире, так как в этом случае оно приобретает венец мученичества. В тех же странах, где оно пришло к власти — Афганистане и Судане, — оно провалилось с первой попытки, не найдя способов преодоления внутренних конфликтов здоровым демократическим путем. Спектакль с участием активистов, которые, дорвавшись до власти, обвиняли и истребляли друг друга, был мучительно красноречив: он подрывал их моральный авторитет и «сводил на нет годы и целые столетия кампаний по распространению веры». Хуже того: «(...) их разногласия касались не вопросов религии, а славы и власти! Между тем предполагалось, что они, как истинные мусульмане, не станут придавать этим вещам особого значения, чтобы не вызвать раскол [фитна] в рядах верующих (...). Что же говорить, когда это обернулось разрушением страны, гибелью правоверных и отвратило людей от религии, исказив облик ислама и его последователей!» Автор сожалел, что, придя к власти, они забыли о демократии, хотя «Банна [основатель организации «Братья-мусульмане»] говорил, что парламентская демократия — это то, что ближе всего к исламу». «Если исламистам не удастся решить эту проблему, — заключал Эфенди, — они нанесут смертельный удар по надеждам на мусульманское обновление и ввергнут ислам в катастрофу. И это будет много хуже, чем всё то, что ему причинили коммунистическое или секуляристское движения».

Меланхолия человека, «разочаровавшегося в исламизме», представляет особый

---

⁵⁷³ О перевороте, в ходе которого генерал Башир отстранил от власти Тураби, см.: What does Bashir's Second Coup Mean for Sudan? // Mideast Mirror. 1999. 14 December. Статья представляет собой подробный анализ многочисленных комментариев из арабской прессы, издаваемой в Лондоне, и местной печати. См. также: Sudanese Leader Moves Against rival: Bashir Dissolves Parliament, Dismisses, Former Mentor Who Challenged Him // The Washington Post. 1999. 14 December. Последняя статья содержит богатый фактический материал по данному вопросу.

⁵⁷⁴ Аль-Эфенди А. Аттаджриба ас-суданийя ва азмат аль-харака аль-исламия: дурус ва дахалат // Аль-Кодс аль-Араби. 1999. 29 декабря.

интерес, учитывая личность автора и позицию газеты, опубликовавшей его статью, — глашатая антисионизма, рупора радикального исламизма и арабского национализма.⁵⁷⁵ В своей сильно идеологизированной статье, рассчитанной на активистов движения, Эфенди указывал на три фактора, приведшие к провалу, которые совпадают с теми, что мы выявили на страницах этой книги: крушение утопии, не выдержавшей испытание временем и властью, конфликт между различными составляющими движения, проблема демократии. Но там, где апологет видел лишь столкновение личностей, на наш взгляд, вырисовывался социальный антагонизм между набожными средними классами и неимущей городской молодежью. Когда Эфенди изображает демократию в роли ориентира исламистского движения со времен аль-Банна — что заслуживает отдельной дискуссии, — мы видим здесь стремление средних классов и части исламистской интеллигенции (к коей принадлежал сам автор) вступить в союз со светским гражданским обществом,⁵⁷⁶ чтобы выйти из той ловушки, в которую их завела исламистская политическая логика.

В другой стране, упоминавшейся Эфенди, — Малайзии, где *вундеркинд* местного исламизма Анвар Ибрахим был обвинен в гомосексуализме диктатором Махатхиром Мохаммедом, некогда вознесшим его на вершину славы, а потом втоптавшим в грязь, — сторонники жертвы оказались перед сходной дилеммой. В период своего триумфа они были самыми рьяными защитниками авторитарного режима, который привлекал их на службу, прикармливал и обогащал.⁵⁷⁷ Они не особенно заботились о демократии, поскольку следовали культуре «азиатских ценностей», исповедовавшемуся Махатхиром, — пародии на идеологию, в которой провозглашается примат общины над личностью в Азии и отвращение к свободе, этой проклятой «западной ценности». Между тем, устраивая демонстрации против Махатхира, именно среди демократов они встречали самых верных своих союзников. Об этом свидетельствовал, выйдя из тюремных застенков, друг Анвара, опороченного услужливой прессой, — Мунаввар Анис, известный исламист-интеллектуал, в прошлом большой специалист по разоблачению «западных заговоров». Вырванный из когтей мусульманского диктатора благодаря заступничеству западных же правозащитников, он подверг суду совести свои прежние взгляды, обильно цитируя при этом Томаса Джефферсона. Здесь тоже, как мы видим, именно к светскому гражданскому обществу повернулись «разочарованные в исламизме» представители средних классов и интеллигенции, желая заключить с ним союз, который позволил бы им с наименьшими потерями вписаться в рынок глобализации, открывшийся на заре третьего тысячелетия.

---

⁵⁷⁵ В 1994 г. в Бейруте состоялась совместная конференция арабских националистов и исламистов, которые преодолели свой антагонизм ради общей борьбы против мирного процесса, начатого после заключения соглашений в Осло и рассматривавшегося ими как капитуляция перед империализмом и сионизмом. Об этом течении, самым ярким представителем которого явился тунисский исламист Р. аль-Ганнуши, эмигрировавший в Лондон, см.: Аль-хуррийят аль-амма фи д-даула аль-исламийя [Гражданские свободы в исламском государстве]. Бейрут, 1993. Этот коллективный труд, изданный Центром арабского единства в Бейруте — традиционным «мозговым центром» националистов, — стал своеобразной «рукой дружбы», протянутой националистами исламистами.

⁵⁷⁶ В своей статье Эфенди обвинял не «поборников светскости» как таковых, а «экстремистов» из их числа («альхарака аль-ильманийя альмутатарри фа»). Это выражение мы перевели словом «лаицисты» — данный термин часто используется в консервативных мусульманских и христианских кругах Франции для обозначения (в негативном контексте) сторонников «якобинской светскости» (в частности, он постоянно фигурировал в комментариях по поводу дел «о мусульманских платках» в 1989 г.). Клеймя «экстремистов», Эфенди оставил дверь открытой для диалога с теми сторонниками светскости, которых он не причислял к таковым.

⁵⁷⁷ Благодаря доступу к национальному богатству Малайзии — доходам от добычи углеводородного сырья аналогового обложения предпринимателей китайского происхождения — исламисты из числа сторонников Анвара могли оказывать поддержку «борьбе» единоверцев во многих странах мира. В некоторых кругах, в частности среди американской профессуры, они снискали себе репутацию «умеренных» исламистов, не враждебных капитализму («business friendly»).

Если афганское или суданское фиаско били по микромиру суннитского «Лондонистана» (как сами его обитатели называют мир беженцев, журналистов, активистов и «зеленых финансистов», осевших в британской столице), то провал политического проекта Исламской Республики Иран сильно охладил тот всеобщий энтузиазм, которым движение в целом было охвачено к исходу XX века. «Победы» в Афганистане и Судане суннитских исламистов, в одном случае оплаченных и вооруженных Саудовской Аравией и ЦРУ, в другом — пришедших к власти в результате военно-религиозного переворота, едва ли можно было сравнить с настоящей революцией, произошедшей в Иране. При всей своей шиитской специфике она воплощала в себе исламистскую утопию в широком смысле этого слова. За 8 лет войны с Ираком одна социальная группа — торговцы базара и аферисты, связанные с религиозно-политическим режимом, — сделали исламскую республику своей собственностью.⁵⁷⁸ При этом пострадали прежние элиты шахских времен, но прежде всего — неимущая молодежь, которую сначала бросили на штыки императорской гвардии, а с окончанием революции отправили умирать на иракские минные поля.⁵⁷⁹ По «термидорианской» логике, санкюлоты иранской революции были удалены из нервных центров системы, получив взамен мораль и религиозный ригоризм. Этим бедняков, пожертвовавших собой, чтобы быть вновь отброшенными на низшую ступень социальной лестницы, режим щедро вознаграждал женщинами из среднего класса, вынужденными носить чадру, которых *пасдараны*, *басиджи* и прочие бродяги, одетые в военный камуфляж, могли арестовывать и унижать, стоило тем показаться «недостаточно укрытыми». В 1989 году Хомейни издал фетву, приговаривавшую к смерти Салмана Рушди. Это было не что иное, как зловещий обет радикализму, призванный замаскировать то, что благодаря саудовскому сдерживанию революцию не удалось экспортировать и что она предала надежды массы своих сторонников, которых отныне кормили символами, вместо того чтобы реально улучшать условия их жизни.

На протяжении 90-х годов сама демография, столь успешно «работавшая» на исламистскую идею двумя десятилетиями ранее, переполняя городские окраины молодежью — той, что встанет на ее защиту, — производила обратный эффект. Демографический взрыв сменился регулярным и стремительным падением рождаемости среди новоиспеченных горожан, столкнувшихся с неразрешимыми жилищными проблемами. Их жены, получившие возможность трудоустройства, были вынуждены ограничивать себя в желании иметь детей, подчиняясь требованиям городской жизни. Вопреки идеологии исламистских деятелей, видевших в детских колыбелях завтрашних воинов джихада, молодые супружеские пары, населявшие в 2000 году крупные города мусульманского мира, руководствовались прежде всего заботами о собственном благосостоянии. Эти соображения подразумевали снижение рождаемости, в результате чего на смену семьям с семью и более детьми (что еще 20 лет назад было нормой) стали приходиться семьи с 2–3 детьми.⁵⁸⁰ В отличие от родителей, в большинстве своем родившихся в деревне и перенесших травму расставания с сельской средой, они родились уже в городе. Они принадлежали к той же письменной культуре, что и их отцы — первое грамотное в массе своей поколение, — в то время как отцов отделяла от

---

⁵⁷⁸ См.: Iran after the Revolution: Crisis of the Islamic State / Ed. S. Rahnama and S. Behdad. L.: I.B. Tauris, 1995. Этот коллективный труд является первым глубоким исследованием, посвященным кризису Исламской Республики. Рекомендуем, в частности, статью «The Post-Revolutionary Economic Crisis» (Behdad S. Iran after the Revolution. P. 97–129). Автор выявляет социальные группы, занявшие главенствующие позиции в стране.

⁵⁷⁹ О судьбе молодых добровольцев, ушедших на фронт в поисках смерти мучеников за веру, как о проявлении краха исламской революции, размышляет Фархад Хосрохавар на страницах своей книги «Смертоносный шиизм» («Le chi'isme mortifere»).

⁵⁸⁰ О демографических переменах в мусульманском мире конца 90-х годов см.: Chesnais J.-C. La population du monde, enjeux et problemes. P.: PUF-Ined, 1997.

дедов (неграмотных сельчан) культурная пропасть, способствовавшая культурному разрыву и проникновению радикальной исламистской идеологии. Дети бородачей уже не верили сказкам, которыми жило в 70-е годы прежнее поколение. Именно в Исламской Республике Иран, спустя два десятилетия после победы Хомейни в 1979 году, этот феномен проявляется сегодня наиболее ярко. В двадцатую годовщину революции достигло возраста зрелости поколение, не знавшее времен шаха. Оно столкнулось с массовой безработицей, репрессивной моралью и косным социальным порядком. Всем заправляют религиозные иерархи, исламские «фонды», контролирурующие экономику вместе с базарными торговцами, и прочие бенефицианты Исламской Республики, противящиеся любой реформе, подрывающей их власть. На президентских выборах 1977 года это молодое поколение безоговорочно проголосовало против кандидата от религиозного истеблишмента, Натеха Нури, и за кандидата сторонников «перемен» Хатами. Изменения происходят медленно: сам президент — выходец из сераля и носит тюрбан; его поле для маневра остается ограниченным, пока два других центра власти — парламент и пост «Вождя революции» — остаются в руках «консервативного» лагеря, контролирующего значительную часть судебного и репрессивного аппарата.⁵⁸¹ На парламентских выборах 18 февраля 2000 года с большим отрывом победили кандидаты-реформаторы — несомненный признак того, что отныне общество уже не устраивает социальный и моральный порядки, унаследованные от Хомейни. Неясность путей перехода от эры исламизма к «постисламизму» напоминает дебаты вокруг «посткоммунизма» в бывших советских республиках. В обоих случаях, независимо от их исхода, сложившаяся ситуация свидетельствует об этическом крахе модели, ставшей отныне достоянием истории, пройденным и отвергнутым, а не утопией грядущего будущего.

Это поражение выходит за рамки проблематики Ирана и шиизма в целом, но распространяется на исламистскую идеологию как таковую, в равной мере затрагивая и суннитский мир. В упоминавшейся нами статье Эфенди автор сожалел о неспособности пришедших к власти суннитских исламистов претворить в жизнь те идеалы, к которым они призывали, находясь в оппозиции, и видел в движениях, подавленных государством, больше подлинности. Но и их итог едва ли можно назвать блестящим: они не смогли победить ни с помощью стратегии конфронтации, ни идя на сотрудничество с властью. В первом случае, иллюстрируемом прежде всего примерами Алжира и Египта, насилие в отношении государства, которое исповедовали и практиковали наиболее радикальные группировки, после многообещающего начала обернулось против самих же исполнителей. Насилие не подвигло население на восстание даже тогда, когда дело исламизма было популярно и побеждало у избирательных урн, как это было в Алжире. Напротив, пароксизм насилия, подстегнутого опытом джихада в Афганистане, оттолкнул население от идеологии, превратившейся в кровавый кошмар. Умеренные исламистские группировки, связанные с набожными средними классами, оказались в жалком положении, будучи неспособными сдержать эскалацию жестокости, жертвами которой они иногда становились сами. Они не смогли сыграть свою роль посредников и гарантов по отношению к государству и иностранным державам.

В 1992–1995 годах США проявляли благосклонность к различным представителям исламистского течения, обосновавшимся на их территории или регулярно приглашавшимся американскими полуофициальными организациями в рамках массовой поддержки, оказывавшейся ЦРУ джихаду в Афганистане. Эта операция позволила сформировать сеть оперативных связей среди исламистских деятелей, активистов и идеологов, которые могли бы стать для Вашингтона полноценными партнерами в случае их прихода к власти. Американские профессора опубликовали огромное количество сочинений, прославлявших

---

⁵⁸¹ О последствиях избрания Хатами см.: *Le printemps iranien? // Cahier de l'Orient / Sous la dir. d'Azadeh Kian. 1998.1 trimestre. № 49; KhosrohhavarF., Roy O. Iran: Comment sortir d'une revolution religieuse. P.: Seuil, 1999.*

«умеренных исламистов», в которых ученые мужи видели воплощение гражданского общества и вернейших сторонников рыночной экономики. Журналисты, разделявшие эти симпатии, готовили аудиторию к возможной победе исламистов в Алжире и Египте, что, по их мнению, сулило лишь выгоды для США. Напротив, другие заокеанские профессора, часто близкие к произраильскому лобби, а также печатные органы того же направления пытались показать, что «умеренные» были не более чем улыбающейся маской терроризма и фанатизма — сущностными, на их взгляд, первоосновами исламистского движения в целом.⁵⁸² При всей интеллектуальной убогости этих дебатов речь шла о серьезных вопросах власти и влияния — о выборе курса американской политики в отношении исламистов. Одним из факторов, обусловивших к 1995 году поворот от «benign neglect» («доброжелательного невнимания») к ужесточению этой политики, послужило распространение терроризма исламистской окраски на американскую территорию. Терракт против Всемирного торгового центра, при всем тумане, до сих пор окутывающем это дело, был по меньшей мере ярким тому свидетельством. Пусть и не столь явно, о произошедшем повороте говорит и судьба Анвара Хаддама, «главы парламентской делегации ИФС за рубежом» и ученика Мухаммада Сайда, переметнувшегося в ВИГ и впоследствии убитого при «эмире» Зитуни. Осевший в США в качестве официального лица, он представлял ИФС на конференции общины Сант Эгидио, проходившей в декабре 1994 года в Риме. На ней он замещал Рабаха Кебира, которому заблаговременно помешали покинуть Германию, где он нашел прибежище. В период, когда проходила эта конференция, Вашингтон еще разыгрывал тот сценарий урегулирования алжирского кризиса, в котором исламисты играли бы центральную роль. В 1995 году эскалация терроризма, отмеченная «войной против Франции», терактами на французской территории и массовыми убийствами в Алжире — при всей неясности вопроса о том, кто нес за них ответственность, — сделала невозможной ставку на исламистов за отсутствием ответственных партнеров с их стороны. Вашингтон похоронил свои надежды, и Анвар Хаддам оказался за решеткой под предлогом, связанным с соблюдением им порядка получения разрешения на пребывание в стране (та же уловка была применена в отношении египетского шейха Омара Абдель Рахмана).

Во второй половине 90-х годов интеллектуалы-исламисты — по примеру Эфенди, Аниса, а также 40-летних «Братьев-мусульман», попытавшихся в 1995 году создать в Египте партию «Хизб аль-Васат», «умеренных» лидеров турецкой партии «Рефах», возглавивших после 1997 года партию «Фазилет», и многих других — начали замечать, что политическая идеология движения заводит их в тупик. Это проявлялось в различных формах: неконтролируемом (в Алжире и Египте) или неэффективном (в Палестине) насилии; захвате власти с последующим политическим и экономическим крахом страны (Судан и Афганистан); межконфессиональной гражданской войне (Пакистан); прислуживании диктатуре и потере морального кредита (Малайзия при Махатхире и Индонезия при Сухарто); неспособности выполнять властные функции в составе правительственной коалиции (Турция и Иордания). К этому следовало бы добавить и провал иранского режима, не оправдавшего грандиозных надежд, порожденных революцией по всему мусульманскому миру.

Именно в свете всех этих поражений, как нам представляется, и следует искать объяснение новой ориентации, выбранной теми нынешними и бывшими активистами исламистского движения, которые, говоря ныне о демократии и правах человека, ищут

---

⁵⁸² Об этих американских дебатах, в которых научная и интеллектуальная аргументация очень четко отражали политические и экономические интересы середины 90-х годов, существует обширная литература. См.: Сёй Pinto M. *Political Islam and the United States: A study of US Policy towards Islamist Movements in the Middle East*. L.: Ithaca Press. 1999 (автор анализирует различные политические подходы правительственных администраций и лоббистских групп); Gerges F.A. *America and Political Islam: Clash of Cultures or Clash Interests?* Cambridge: Cambridge University Press, 1999; *Islamic Activism and US Policy* / Ed. S. W. Hibbard and W. B. Qaundt; Kramer M. *The Islamism Debate*.

общий язык со светскими средними классами. В этих кругах забыли о радикальной идеологии в том виде, в каком она выражена у Кутба, Маудуди и Хомейни — от этих имен теперь отмежевываются. Здесь ужасаются «джихадистско-салафитскому» учению, созданному в лагерях Афганистана, и прославляют «демократическую сущность ислама». Сталкиваясь с авторитарными или полицейскими режимами, эти круги выступают в защиту свободы личности, борясь рука об руку со светскими демократами. Ношение платка в государственных учреждениях, где это запрещено, рассматривается уже не как соблюдение шариатской нормы, но как «[суверенное] право человека» (женщины), свободное волеизъявление личности, такое же, как и всякое другое.⁵⁸³

Об этих усилиях достаточно наглядно свидетельствует бюллетень «Ислам XXI», который имеет свою сеть интернет-сайтов,⁵⁸⁴ рассылает корреспонденцию по электронной почте и проводит коллоквиумы. Базируясь в «Лондонистане», он регулярно предоставляет слово — на арабском и английском языках — таким интеллектуалам, как тунисец Ганнуши, Эфенди, и многим другим их коллегам от Магриба до Юго-Восточной Азии. В феврале 1999 года журнал предложил выработать «хартию для исламистов», выдвигавшую на первый план проблемы «гражданского общества, прав женщин, права на инакомыслие и необходимость просвещенной интерпретации религии». В передовице было выражено сожаление, что «за прошедшие десятилетия исламисты, как и другие политические деятели, ставили своей целью завоевание государственной власти. Опыт оказался слишком дорогостоящим и редко дававшим положительный результат. Более того, захват власти не решал проблем и мог явиться серьезной помехой для реализации исламистского проекта в целом». ⁵⁸⁵ В следующем выпуске бюллетеня статья под заголовком «Исламизм, плюрализм и гражданское общество» развивала эту тему, приводя в подкрепление цитаты из Токвилля. Гражданское общество как средство противодействия деспотизму представлялось здесь в качестве панацеи от всех проблем современного мусульманского мира — в пику «ориенталистам, которые продолжали утверждать, что ислам и демократия несовместимы (...), и которых, по иронии судьбы, в этом поддерживало малочисленное, но крикливое меньшинство исламистских деятелей, заявлявших, что демократическим ценностям нет места в исламе». ⁵⁸⁶

За пределами «Лондонистана» подобные взгляды разделяются многочисленными студенческими исламистскими группами и вышедшими из этой среды проповедниками Европы и США. Во франкоговорящем мире видным сторонником этих идей является проживающий в Женеве харизматический оратор Тарик Рамадан, внук Хасана аль-Банна, основателя организации «Братья-мусульмане», и сын Сайда Рамадана, осевшего в Женеве и являющегося главным «связным» международного движения, выросшего из «Братства».

---

⁵⁸³ Так, напр., бюллетень «Islam XXI» в редакционной статье под заголовком «Politicising Hijab and the denial of a basic Right» («Политизация хиджаба [платка] и отрицание элементарного права») возвращался к делу турецкой женщины-депутата Мерве Кавакджи, избранной депутатом от партии «Фазилет» в 1999 г., но затем — после принятия в мусульманском платке присяги на верность стране — изгнанной из парламента и лишенной турецкого гражданства. Бросая обвинение турецким «лаицистам», автор статьи отмечал, что последние превратили ношение платка в некий символ угнетенного положения женщины в исламе. Чтобы не давать им аргументов, автор предлагал «рассматривать такого рода дела с точки зрения права женщин на выбор [the women 'srightofchoice], а не с традиционных или политических позиций». Примечательно, что аналогичную формулировку (выделенную нами курсивом), использовали сторонники абортот. На английском языке она звучала как знак приверженности ценностям либерального «гражданского общества» (см.: Islam XXI. 1999. July. № 17).

⁵⁸⁴ См.: <http://islam21.org>.

⁵⁸⁵ См.: Islam XXI. 1999. February. № 15.

⁵⁸⁶ См.: Islam XXI. 1999. April. № 16.

Отвергая всякую логику конфронтации с Западом, он видит в европейской демократии способ защиты от деспотизма, царящего в большинстве мусульманских стран, и призывает своих последователей в полную меру пользоваться правами, которые им предоставляет гражданство. Будучи швейцарским подданным, он стремится зарекомендовать себя как интеллигент среди французской профессуры и в издательских кругах. Он является автором книги, вышедшей в одном из парижских католических изданий, предисловие к которой написано знаменитым журналистом — поборником идей тьер-мондизма, выходцем из семьи коммунистов.⁵⁸⁷ Заветное желание Тарика Рамадана — добиться, чтобы за исламистами признали право быть неотъемлемой частью демократического пейзажа. Он хочет придать легитимность их выступлениям, избавив их от любой ассоциации с радикальными группами или лицами, перешедшими к насилию, наподобие тех, кто в 1995 году участвовал в «войне против Франции» под началом «эмира» ВИГ Зитуни.⁵⁸⁸ Журналисты, представители духовенства и преподаватели, покоренные этим оратором, прекрасно владеющим приемами и риторикой своих собеседников, видят в нем представителя мусульманской молодежи Франции и Европы, обеспечивая ему доступ во властные инстанции. Другие, настроенные более скептически, задаются вопросом его истинных намерениях и о смысле его посланий к молодежной аудитории. Наконец, третьи уверяют, что, какова бы ни была идеологическая подоплека его речей, он побуждает свою паству и своих последователей к большей социальной мобильности и «гражданской» интеграции, которые в конечном счете облегчат их аккультурацию во французском обществе и отвратят их от исламистских концепций. Так, несколько десятилетий тому назад дети иммигрантов из Южной и Восточной Европы, пролетарии и коммунисты, выйдя из-под контроля партии и профсоюзов и получив возможность социального роста, превратились во французских мелких буржуа, уже не связанных ни с марксизмом-ленинизмом, ни со странами происхождения своих родителей. Если говорить о ситуации в современном мусульманском мире, то пример религиозных мелких предпринимателей Анатолии весьма показателен. Войдя в Стамбуле и Анкаре в высшие экономические круги с приходом в правительство исламистской партии «Рефах» и достигнув тем самым поставленной цели, они не встали на защиту этой партии, когда ей указали на дверь, а затем распустили под давлением генштаба турецкой армии. Они сделали выбор в пользу упрочения своего социального и материального статуса в ущерб исламистским идеалам и партийной принадлежности, которые уже не могли принести реальной выгоды и, более того, грозили даже помешать им в их новой стратегии союза со светскими деловыми кругами. Еще дальше эта логика зашла в Алжире, где в конце 1999 года весьма богатый бизнесмен, близкий к «умеренной» исламистской партии «Хамас», член правительственной коалиции, выдвинул свою кандидатуру на пост директора большой частной пивоварни. Она должна была производить на месте крепкое пиво западной марки по цене, достаточно привлекательной для широких слоев населения: до этого времени из-за высоких цен на пиво государственного производства этот напиток был им не по карману.

Это растворение исламистской идеологии в рыночной экономике происходит на заре нового тысячелетия в обстановке, совершенно отличной от прошедших десятилетий. На всем протяжении многих годов этот процесс набирал силу параллельно со становлением «исламской» банковской системы, не взимавшей ростовщический процент, многочисленных

---

⁵⁸⁷ См.: Ramadan T. Aux sources du renouveau musulman: D'al-Afgani a Hassan al Banna, un siecle de reformisme islamique. P.: Bayard, 1998. См. предисловие Алена Греша, главного редактора газеты «Le Monde diplomatique». Другие тексты этого автора вышли в исламистском лионском издательстве «Al Tawhid», близком Союзу молодых мусульман Лиона, признающем Рамадана своим духовным авторитетом. Об этом сочинении см.: Fregosi F. Tariq Ramadan ou les habits neufs d'une vieille rhétorique // Chemins de dialogue. 1999. № 14. P. 125–151.

⁵⁸⁸ Некоторые из подсудимых, фигурировавших на процессах по делам о принадлежности к группам сторонников ВИГ в Европе, состояли в исламистских ассоциациях, действовавших, в частности, в районе Рона-Альпы.

инвестиционных обществ, позволявших заниматься спекуляцией в соответствии с требованиями религиозного закона, и т. д. Те из этих учреждений, что сохранились до сегодняшнего дня, процветают лишь в тех случаях, когда им удается захватить и сделать рентабельным часть рынка сбережений. При этом они следуют чисто экономической логике, в то время как политические соображения, доминировавшие при реализации этих проектов под эгидой Саудовской Аравии, уже не имеют реального веса. В области же права попытки подменить «Исламской хартией» прав человека Всеобщую декларацию, предпринятые на сессии ОИК в Каире в августе 1990 года — как раз тогда, когда Ирак захватывал Кувейт, — уже не очень актуальны. Сегодня исламизм больше не находится в зените своего могущества. Он не желает и не может навязать свою собственную терминологию взамен универсальной идиомы, еще вчера третируемой как «западная». Отныне исламистские партии и движения конца столетия добиваются, чтобы их признали демократическими и пытаются осуждать репрессии, жертвами которых они являются. При этом они апеллируют к универсальному понятию прав человека, которое уже не критикуют, чтобы подменить его собственной концепцией, и к некогда отвергавшимся ценностям «безбожного Запада» (свободе слова, свободному выбору женщиной своей судьбы и пр.). Некоторые усматривают здесь всего лишь циничный маневр и приравнивают эту стратегию к стратегии коммунистических партий, которые время от времени говорили языком демократии лишь с целью ловчее обмануть «полезных дураков», нужных им для того, чтобы расширить свою базу и свои сети, особенно в среде интеллектуалов. Когда советский блок был относительно силен, подобная стратегия приносила плоды, привлекая на его сторону многих «искренних демократов», соблазненных мессианизмом рабочего движения. Но когда кризис, которому предстояло покончить с восточным блоком и его подручными, начал «припекать», эти течения взаимного обмена сделали возможным массовое дезертирство коммунистических активистов из рядов своих партий. Такого рода «демократические» контакты дали этим партийным кадрам и руководящим работникам возможность вступления в различные внепартийные гражданские институты и ассоциации. Это один из возможных, но отнюдь не единственный, результат «диалога» между исламистами, уже менее уверенными в себе, и светскими демократами мусульманского мира. Те, кого на протяжении двух десятков лет поносили как «западников» и «французских сынков» в Магрибе или как *«brownsahibs»* [«темнокожих сахибов»] в Юго-Восточной Азии, по-прежнему располагают связями, высоким уровнем образования и доверия со стороны мировых политических и экономических кругов, в руках которых находится ключ к принятию крупных инвестиционных решений в эпоху нарастающей глобализации и приватизации.

В масштабах всего мусульманского мира помимо ситуаций, описанных выше (превращение иранской утопии в религиозную легитимизацию подавления общества государством и усиление недовольства населения муллократией, банкротство в Судане, афганская катастрофа), оппозиционные исламистские движения переживают беспрецедентный моральный кризис. Их политический проект — который характеризовался большой неопределенностью и откладывал до наступления светлого будущего (если не до Страшного суда) четкое определение «исламского государства» и «соблюдение шариата» — уже можно оценить, имея в виду его итог. Исламизм строил планы на будущее, но завяз влтрошлом. Неконтролируемое насилие 90-х годов, даже если оно и было, как подозревают многие, вызвано провокациями агентуры заинтересованных режимов, осталось у всех на памяти. По этой причине наиболее умеренная фракция движения постоянно заявляет о своей приверженности демократии, чтобы отмежеваться от явления, омрачающего ее политическое будущее. Набожные средние классы, составляющие ее социальную базу, ищут новых союзов со своими светскими и даже христианскими — в поликонфессиональных странах — оппонентами. Так, в Ливане шиитская «Хизбаллах» изначально — террористическая группировка, готовая служить хомейнистскому Ирану, превратилась в массовое движение обездоленных, а затем стала воплощением ливанского национального сопротивления

Израилю, снискав в этом качестве симпатии всех частей религиозного спектра страны.⁵⁸⁹ В свете перспективы заключения мира между Сирией, ее ливанским клиентом и еврейским государством, «Партия Аллаха», представленная в парламенте, направит свою энергию на игру на внутривосточной политической сцене. В этом качестве она станет объектом внимания многих христианских маронитских⁵⁹⁰ деятелей. Будет всячески подчеркиваться «сходство» между культом Девы Марии и шиитским почитанием Фатимы — дочери Пророка, жены Али и «Матери правоверных» в ожидании сближения между христианами и шиитами, которые вместе составляют значительное большинство ливанцев — в противовес сирийской гегемонии и преимущественно суннитскому Ближнему Востоку. Сорокалетние египетские «Братья-мусульмане», выдвинувшие в 1995 году проект создания центристской и демократической партии «Хизб аль-Васат», поставят своим руководителем интеллектуала-христианина (протестанта) в знак свидетельства своей искренности и широты взглядов. В других странах, от Индонезии до Марокко, исламисты, когда могут и когда им это будет позволено, станут участвовать в выборных ассамблеях, сам принцип которых их представители остерегутся подвергать сомнению. Эти народные избранники забудут о «суверенитете Бога» («*хакимийят Аллах*»), который Кутб и Маудуди сделали критерием подлинно исламского государства, противопоставив его суверенитету народа, в котором они видели лишь форму идолопоклонства, свойственного *джахилийи* — доисламскому «варварству», возродившемуся в XX веке. Будет воспеваться демократия, которую какой-нибудь Али Бенхадж проклинал, возмущаясь тем, что 50,5 % избирателей могут издавать законы по своему капризу и разрешать употребление вина в нарушение незыблемых законов Священной Книги! В Турции мэрам от «Рефах», а потом и «Фазилет» ставили в вину качество муниципального управления, и это в то время, когда «Фазилет» пыталась вернуть потерянные голоса избирателей на парламентских выборах 1999 года, когда на первый план выходили задачи более политического характера. Как ни парадоксально, но исламисты, не желая того, сами создали условия для прекращения эксперимента со своим пребыванием у власти. Хотя речь не идет о «религии выхода из религии», подобной современному христианству, стоит отметить, что конкретные формы политической социализации, вызванные к жизни этим экспериментом, сделали безнадежно устаревшими идеологические принципы, на которых он был построен. Так, активистки в мусульманских платках, требовавшие установления шариата, во многих случаях составляли первое поколение женщин, появившихся на политической сцене вне своего домашнего очага и привычного домашнего уклада. Однако здесь они столкнулись с активистами-бородачами, стремившимися отвести им строго определенную роль вспомогательной опоры в собственной политической игре. Некоторые из этих женщин, в частности в Турции и Иране, выдумали тогда «исламистский феминизм» в противовес господствовавшему в движении «мачизму». Возможно, именно в этом русле происходит в наши дни становление мусульманской демократии.

Сделанное нами наблюдение идет вразрез с устоявшимися схемами, которые либо усматривают в самой исламской доктрине помеху для любого утверждения демократии в тех странах, где ислам является господствующей религией, либо совершенно необоснованно наделяют ислам «демократическим содержанием». Ислам, как и любая другая религия, — это «экзистенция», которую сами мусульмане и мусульманки наполняют содержанием. Но они живут в мире, в котором стирание интеллектуальных границ, происходящее благодаря бурному развитию телекоммуникаций, разрушает крепости самобытности, которые пыталась

---

⁵⁸⁹ Об эволюции движения «Хизбаллах» см.: Jaber H. Hezbollah: Born With a Vengeance. L.: Fourth Estate, 1997.

⁵⁹⁰ Марониты (от имени легендарного основателя Мар Марона) — приверженцы особой Христианской Церкви. Общины маронитов возникли в V–VII вв. в Сирии. Живут главным образом в Ливане, а также в Сирии и Египте. Маронитская Церковь находится в унии с Римом с XVIII в. (*Примеч ред*)

возводить исламистская идеология. К внутренним причинам заката эры исламизма, о которых мы упоминали в предыдущих главах, следует добавить то, что этой идеологии так и не удалось превратить современных мусульман в исламистских активистов, движимых исключительно императивами своей доктрины. Высвобождение из идеологических пут открывает перед мусульманами широкий простор для определения своей судьбы и эмансипации от догм. Это будет означать возвращение к великой традиции мусульманских обществ, исторически составлявшей их силу и заключавшейся в их чрезвычайной пластичности по отношению к изменениям окружающего мира. Именно эта традиция позволила им в эпоху своего величия на пространстве от Багдада до Андалусии сплавить воедино достижения персидской и греко-средиземноморской цивилизаций. Сегодня, на закате исламистской эры мусульманские общества видят свое будущее в открытости внешнему миру и установлении демократии, альтернативы которой не существует. У всех молодых жителей Алжира, Ирана и других стран есть хотя бы один родственник за границей. Они регулярно перезваниваются, смотрят передачи по спутниковым телеканалам и видят проносившийся мимо них с огромной скоростью экспресс современности — той, в которой живут Европа и США. Режим мулл, Исламский фронт спасения, суданский Исламский фронт, не говоря уже о движении Талибан, оставляют молодежь на перроне. Выражаясь языком алжирских «хиттистов», все эти движения «вышли из употребления». Но этот марш в сторону демократии неизбежно столкнется с препятствием, причем отнюдь не религиозного характера: нужно, чтобы государства и правящие элиты в этих странах продемонстрировали ту же готовность к демократизации форм своего правления. Не следует забывать, что с конца 60-х годов расцвету исламистской утопии способствовал репрессивный и авторитарный характер почти всех государств мусульманского мира, а не только моральный крах национализма и экономические неурядицы. В первые десятилетия исламисты с тем большей легкостью отвергали «безбожную» демократию, что режимы, которые сажали в тюрьмы, пытали и казнили своих оппонентов или обрекали их на изгнание, очень часто поднимали лозунги свободы, социализма и прогресса, превратив эти понятия в маскарад. Идеалы исламизма представлялись тем более привлекательными, что его приверженцы верили, что Бог и Коран гарантируют их воплощение в реальной жизни, не позволив извращать эти идеалы и манипулировать ими деспотам — будь то полковники, короли или султаны. Моральный карт-бланш, который имело движение, желавшее покончить с политическим насилием и коррупцией, был исчерпан менее чем за 30 лет, в течение которых в студенческих городках избивали левых, заставляли женщин носить платок, разворовывали «исламские» фонды, подвергали цензуре светские сочинения и терроризировали их авторов, убивали гражданских лиц и туристов. Активисты исламистского движения говорят в ответ о его позитивных социальных итогах, упоминая о своих достижениях в сфере благотворительности, о доступе к современной городской жизни, открывшейся для девушек из традиционной среды благодаря ношению платка, о милосердии исламской банковской системы и финансируемых ею гуманитарных организаций и т. д. Социологи и экономисты еще проверят справедливость этих аргументов с цифрами в руках. Но, независимо от результатов этой проверки, моральный и политический итог 30-летней истории воинствующего исламизма по меньшей мере мало сообразуется с первоначальными надеждами. В ближайшем будущем мяч будет находиться на поле правящих режимов, вышедших победителями из конфронтации с исламистским движением, которое сломлено военным насилием или поймано в ловушку кооптации во властные структуры. На поворотном рубеже смены веков и тысячелетий им предстоит интегрировать социальные группы, оставшиеся на обочине общества с момента завоевания независимости, и облегчить зарождение некоей мусульманской демократии, сумев каким-то образом соединить культуру и религию с политическими и экономическими реалиями. Этот сценарий предполагает, что молодые элиты, приходящие к власти, от короля Марокко Мухаммеда VI до иорданского монарха Абдаллаха II, от технократического и армейского окружения алжирского президента Бутефлики до такого же окружения индонезийского президента

Вахида, будут готовы обратить свои взоры в будущее и «разделить пирог» сегодня, чтобы он был пышнее завтра. Если эти элиты удовлетворятся извлечением сиюминутной и эгоистичной выгоды из нынешнего поражения исламизма и не приступят к реформам, мусульманский мир скоро столкнется с новыми катаклизмами с исламистской, этнической, расовой, конфессиональной или популистской подоплекой. Неся груз этой ответственности, лидеры мусульманского мира находятся в как никогда более благоприятной для них ситуации. Им нужно действовать быстро. От их выбора будет зависеть, поднимется ли снова в той или иной форме знамя джихада, развернувшееся четверть века тому назад, или мусульманские народы сами проложат свой путь к демократии.

Годы	Саудовская Аравия	Кувейт	Индонезия	Алжир	Объединенные Арабские Эмираты
1973	4,3	1,7	0,7	1,0	0,9
1974	22,6	6,5	1,4	3,3	5,5
1980	102,2	17,9	12,9	12,5	19,5
1986	21,2	6,2	5,5	3,8	5,9

ПРИЛОЖЕНИЕ

Сайид Кутб Джихад на пути Аллаха⁵⁹¹

[Ниже мы приводим перевод текста, представляющего собой отрывок из книги Кутба «Маалим фи т-тарик» («Вехи на пути»)].

Имам Ибн аль-Кайим [аль-Джаузийя]⁵⁹² кратко изложил ход джихада в исламе в своей книге «Скарб готовящегося к загробной жизни», а именно — в главе «О том, как Пророк поступал с неверными и лицемерами со времени ниспослания Откровения и до встречи со Всемогущим Аллахом.

В начале своей пророческой миссии Всевышний Аллах — да будет Он славен! — повелел ему читать во имя его Господа Создателя. В то время Он повелел ему возвещать [Истину] в сердце своем. Затем Он открыл ему айаты: «О завернувшийся [в одеяния свои]! Встань и увещевай!».⁵⁹³ Затем Он повелел ему увещевать свою семью, потом — свое племя и остальных арабов, далее — всё человечество.

Став Пророком, Мухаммад в течение десяти лет только проповедовал, не сражаясь и не взимая откупа.⁵⁹⁴ Ему было велено избегать конфликта и проявлять терпение. Аллах тогда разрешил ему переселиться из Мекки в Медину и дать бой. Потом Он повелел ему сражаться с теми, кто сражался с ним, но щадить тех, кто, не последовав за ним, с ним не сражался.

⁵⁹¹ Начало главы

⁵⁹² Имам XIV в., ученик Ибн Таймийи.

⁵⁹³ Коран, сура 74, айаты 1–2 Здесь мы воспроизводим версию текста Кутба, которая взята нами из сборника «Аль-джихад фи сабилиллах» («Джихад на пути Аллаха»), опубликованного в 1977 г. в Каире в серии «Саут аль-хакк» («Голос истины») издательствами «Аль-Итисам» и «Аль-Джихад». В сборник вошли сочинения аль-Банни, Маудуди и Кутба, посвященные джихаду.

⁵⁹⁴ Подати, которые должны были платить люди Писания, прежде всего иудеи и христиане, за возможность продолжать исповедовать свою веру в условиях мусульманского господства.

После этого Он повелел ему сражаться с «многобожниками»⁵⁹⁵ до тех пор, пока вся религия не будет принадлежать Аллаху. Получив повеление вести джихад, он столкнулся с тремя категориями неверных — теми, с кем можно договариваться о перемирии, теми, с кем ведется война, и теми, кто платит откуп. Ему было велено заключить договор с первыми и соблюдать его до тех пор, пока они тоже будут его соблюдать. В случае опасности измены с их стороны, ему следовало приостановить действие договора, но не сражаться с ними — до тех пор, пока у него не будет уверенности в том, что они нарушили соглашение. И с теми, кто так поступал, ему было велено сражаться. Когда была ниспослана сура «Бараа»,⁵⁹⁶ в ней было сказано как поступать с каждой из категорий неверных: ему было велено сражаться с его врагами из числа людей Писания до тех пор, пока они не заплатят откупа или не примут ислам, и вести беспощадный джихад против неверных и лицемеров. Джихад против неверных он вел мечом и копьем, а против лицемеров — доводом и словом.

Исламисты хлопают дверью?

Уважаемый читатель, вы перевернули последнюю страницу «политического романа», написанного одним из самых оригинальных и остроумных аналитиков Европы. Исследование Жюль Кепеля не нуждается в дополнительных похвалах. Мало кто столь досконально владеет мусульманской фактурой и столь виртуозно излагает свои мысли.

Всё это, однако, не означает, что высказанные французом соображения — истина в последней инстанции. Сам Кепель, будучи блестящим полемистом, готовым отстаивать до конца свои идеи, прислушивается, тем не менее, и к мнению язвительных оппонентов.

Солидаризируясь во многом с автором «Джихада...», попробую высказать некоторые собственные соображения, порою идущие вразрез с авторскими.

«(...) на наших глазах, — пишет Кепель, — близится к завершению целый исторический цикл: как мы увидим, исламистские движения вступили в фазу заката. (...) эра исламизма — период с начала 70-х годов (кстати, страницей ниже он датирует старт этой «эры» началом 80-х. — А. М.) и до конца XX в.». Таков главный постулат Кепеля, заявленный во Введении и красной нитью проходящий через всю книгу.

Да, если рассматривать в качестве исключительной цели исламистов — захват власти, то их провал очевиден. Достаточно вспомнить о судьбе талибского эмирата в Афганистане, упадке религиозного революционаризма в Иране, неудаче исламистов в Судане, Алжире, Ферганской долине, Чечне, между прочим...

Но вот интересно, могли ли исламисты вообще рассчитывать *именно на такого рода успех*, т. е. на построение эффективного, рассчитанного на исторически длительный срок, функционирующего на основе заявленных ими принципов исламского государства? Можно ли всерьез полагать, что шариат способен стать конституционной основой для государства, и возможно ли сотворение эффективной системы с помощью полусредневековых регламентации и запретов?

За исключением самых упертых фанатиков, в это не верили и сами исламисты.

Так что провал сформулированной в таком виде конечной цели исламистов был априорен. Констатация его краха не содержит ничего принципиально эвристического.

Обреченность исламистов подтверждает и то обстоятельство, что, даже оказываясь у власти, исламские радикалы оказываются неспособны решить ни одной из кардинальных социальных и экономических проблем общества. Наоборот — строгое соблюдение ими их же собственных лозунгов возврата к буквалистскому следованию исламскому образу жизни,

---

⁵⁹⁵ Теми, кто придает Богу в «сотоварищи» других божеств.

⁵⁹⁶ Речь идет о суре 9 («Покаяние»), которая содержит наиболее радикальные положения, касающиеся санкций против «неверных»

связанному с ограничением, вплоть до полного запрета заимствований элементов иной культуры, ограничивает мобильность общества, сдерживает инициативу граждан, усиливает изоляцию страны от остального мира. Что, замечу, страшит мусульманские правящие элиты, в том числе традиционного характера. В 1997 году, выступая в Тегеране на саммите Организации Исламской конференции, наследный принц Саудовской Аравии Абдулла предостерегал, что «быть изоляционистом становится непозволительной роскошью...».⁵⁹⁷ В глазах большей части мусульманского мира пуританско-исламистский тип государственного устройства выглядит сомнительной мутацией, о чем можно судить по отношению мусульман к афганским талибам.

(С другой стороны, точно так же, как исламисты, и все прочие политические силы, в том числе квазидемократического типа, оказались бессильны решить экономические проблемы. Следуя этой логике, в мусульманском мире крах терпят все, а перспектив нет ни у кого.)

Зададимся вопросом: насколько власть, установление собственного режима правления была и остается для исламистов главной целью? Практика показывает, что куда увереннее они чувствуют себя в роли бескомпромиссной оппозиции, набирая очки критикой существующих правящих элит. Пребывание в оппозиции выглядит для исламистов куда более органичным и перспективным.

Следует ли ставить знак равенства между неспособностью исламистов создать свое государство с их уходом с политической сцены? Я бы не торопился этого делать.

ВО-ПЕРВЫХ, потому, что, несмотря на эту «условную» неудачу, исламистское движение остается политическим «актером», причем как на национальном, так и региональном уровнях. Остается оно и фактором мировой политики.

Исламистскую идеологию разделяют тысячи религиозно-политических партий и группировок. За них голосуют в среднем от 15 до 50 и более процентов избирателей в мусульманских странах. Исламисты заседают в парламентах, занимают посты в правительствах, наконец, и это самое главное — продолжают оказывать сильное влияние на самые разные слои великого мусульманского сообщества. Да и их попытки укрепиться у власти, безусловно, будут повторяться, как это имеет место, в том числе в, казалось бы достигнутой невиданного для мусульманского государства уровня секулярности, Турции, где за последнее десятилетие исламистам дважды удавалось становиться во главе правительства.

ВО-ВТОРЫХ, идеология исламизма распространена во всех слоях и группах общества. Исламизм привлекателен и для бедных, и для богатых. Для бедных — исламская альтернатива содержит выход из их устойчиво бедственного положения. По справедливому замечанию Кепеля, в послевоенные годы исламизм явился реакцией на провал разного рода национальных, «социалистических», западно-ориентированных рыночных моделей развития. Его идеология глубоко социальна, что корреспондирует с имманентной «обмирщенностью» ислама как религиозной культуры и доктрины, с его претензиями на разрешение светских проблем (отсюда — и «исламская экономика», и исламское государство).

Исламисты предлагают свою, исламскую альтернативу общественного обустройства, которая должна привести к социальной справедливости, прочному государству, прекращению внешней зависимости. Кепель и многие другие ученые любят сравнивать исламскую радикальную идеологию с коммунистической, также претендовавшей на идеальную модель мироустройства. Подобно исламизму, коммунизм потерпел фиаско в сотворении такой модели, но не исчез.

Основные проблемы мусульманского общества по-прежнему не решены. И, судя по всему, в ближайшее время выход из социально-экономических трудностей не предвидится. Скорее наоборот — многие полагают, что на грани кризиса находятся некоторые

---

⁵⁹⁷ *Осинов А* Саудовская Аравия проблемы модернизации // Обозреватель-Ob-server. 23.10.2003 (<http://www.nasledi.ru/oboz/N02-99/-09.HTM>).

мусульманские нефтедобывающие страны, что негативно скажется на общей обстановке в умме.

А значит, часть неимущих мусульман еще неопределенно долго будет видеть избавление от бед и несчастий на пути «реисламизации» общества, инкорпорации в государственную систему элементов исламской государственности, апелляцию к исламским нормативам и т. п. Иными словами, ислам останется одной из типических форм для выражения социального протеста, что опять-таки является оптимальной ситуацией для исламистов.

Сохранится корни у исламизма и среди состоятельной части мирового мусульманства, в том числе продвинутых интеллектуалов. Здесь побудительным мотивом становится стремление противостоять натиску Запада, его экономической, политической, также культурной экспансии, которая стала особенно рельефной в начале нынешнего века. Эти мусульмане хорошо знакомы с теорией Сэмюэля Хантингтона о столкновении цивилизаций. И мечтают, если не выиграть это столкновение, то хотя бы достойно сразиться со своим противником. Известно, что предлагаемая Западом глобализация воспринимается многими мусульманами как попытка поставить их под внешней контроль, навязать иные, чуждые их историко-культурной традиции ценности, а в конечном счете свести мусульманское сообщество и ислам на периферию геополитики и мировой культуры. Такого рода взгляды распространены достаточно широко, и всякого рода сомнения остаются благоприятной почвой для распространения исламистской идеологии.

В-ТРЕТЬИХ, исламизм уцелеет хотя бы потому, что становится все более гетерогенным.

В самом общем виде исламистов можно разделить на радикалов (а среди них выделить экстремистов) и тех, кто стоит на умеренных позициях. Сама по себе эта диверсификация свидетельствует о высокой степени адаптивности исламизма, а следовательно, и о его больших шансах на выживание.

Более заметны на поверхности политической жизни, как на национальном, так и в мировом масштабах, экстремисты. «Классикой» экстремизма в последнее десятилетие стала «аль-Каида» во главе с ее обросшим мифологией Усамой бен Ладеном. До сих пор никто толком так и не мог сказать, насколько велика харизма Бен Ладена в мусульманском мире. Думается, она весьма значительна и по мере обострения конфликтов в Афганистане, Ираке, на Ближнем Востоке, вокруг Ирана и т. д. будет возрастать. Говорить об этом считается не всегда уместным, поскольку такой взгляд, дескать, вбивает клин в межконфессиональные отношения. Но тем не менее это вполне очевидно, поскольку сегодня именно Бен Ладен и его люди сумели дать «неадекватный ответ» США, обнаружив уязвимость Америки, всего Запада в столкновении с мусульманским миром. Терракты 11 сентября не были хлопком дверью уходящего исламизма.

В этой связи вспоминается высказывание автора «Осени средневековья», знаменитого политолога Й. Хейзинги, написавшего, что «непосредственные проявления страсти» способны вторгаться в политическую жизнь в таких масштабах, что отодвигают на второй план расчет и рациональность. «Отодвижение» рациональности стало козырной картой исламистов и главной причиной их популярности. (Не потому ли *несколько* месяцев спустя после теракта 11 сентября Бен Ладен занял третье место по степени приближенности к *идеальному* образу мусульманина среди конформистски настроенных, умеренных по своим религиозно-политическим взглядам мусульман Москвы.⁵⁹⁸)

«Бен-ладенизм» в равной степени может рассматриваться и как сила исламского радикализма, и как его слабость. Слабость — в его театрализованной иррациональности, никоим образом не могущей помочь сотворению идеальной модели исламского общества.

---

⁵⁹⁸ Что на уме у московских мусульман: Сенсационные данные социологического опроса, проведенного в трех мечетях города Москвы // Все об исламе. 2002. № 1. Март. С. 9.

Сила — в неспособности кого бы то ни было противостоять отчаянию исламского радикализма, в том, что 11 сентября может быть тиражировано в большем или меньшем масштабе в любое время, в любом месте, против любого государства или целой коалиции государств.

Умеренные сторонники исламского государства претендуют на то, чтобы вписаться в современную картину мира. Для них исламское государство уже не фетиш, а некая идеологема, которая не есть препятствие для того, чтобы встроиться в политическую чресполосицу, занять в ней свою специфическую нишу. Они готовы к конструктивному диалогу с мусульманскими и немусульманскими оппонентами.

Наличие «умеренного исламизма» сужает социальное и политическое поле экстремизма. Умеренные исламисты становятся барьером на пути распространения экстремизма и сами начинают бороться против него. Не все специалисты согласны с необходимостью дифференцировать исламистов на умеренных и радикалов. Так, российский исследователь Игорь Добаев пишет, что, несмотря на имеющиеся различия между «умеренными» и «экстремистскими» крыльями радикального исламского движения, наблюдается определенный уровень их взаимодействия». Он же считает, что умеренное и экстремистское крылья в радикальном исламском движении *являются* «двумя сторонами одной медали». ⁵⁹⁹ Соглашаясь с первой позицией, я все-таки не до конца разделяю вторую: с «умеренными исламистами» можно (и нужно) общаться.

В книге Кепеля приводятся многочисленные примеры перехода исламистов на умеренные позиции в Тунисе, Алжире, Египте, Иордании, Турции и т. д. Касясь Турции, ученый описывает случай с фундаменталистской партией «Рефах», которая, призывая к «справедливому порядку», использовала и светские, и религиозные лозунги. Тем самым она сумела объединить силы, необходимые для ее прихода к власти: религиозную буржуазию, неимущую городскую молодежь, активистов-интеллектуалов. Придя же к власти, турецкие исламисты не стали ниспровергать лаицистские установки основателя Турции Мустафы Кемала Ататюрка.

Кепель напоминает о предпринятой в 1999 году попытке выработать некую «хартию исламистов», в которой должны были содержаться установки на создание гражданского общества, решение женского вопроса и т. д. Фактически речь идет о смыкании умеренных исламистов со взглядами тех, кого принято относить к модернизаторскому или реформаторскому крылу мусульманской общественной и богословской мысли. Символично, что идеи гражданского общества разделяет внук основателя знаменитой фундаменталистской организации «Братьев-мусульман» Хасана аль-Банна Тарик Рамадан.

Итак, сегодня исламизм уже не может быть определен как однородный политический, религиозный и идеологический феномен. В каждом отдельном случае необходимо четко представлять, что на самом деле стоит за тем или иным лозунгом, насколько данное конкретное действие (например, участие в коалиции вместе со светскими партиями или принятие на себя ответственности за совершение террористического акта) является конъюнктурным, а насколько отражает стратегические изменения в деятельности исламистов.

Как радикальные, так и умеренные исламисты заявляют, что являются сторонниками демократии, причем зачастую избегают при этом говорить об особой «исламской демократии». Они полагают, и это звучит справедливо, что при демократической системе у них будет больше возможностей для расширения влияния в обществе, а равно и для вхождения в административные структуры власти. Вместе с тем, пользуясь благами демократии и не будучи преследуемы своими противниками, исламисты утрачивают ореол жертвенности (шахидизма), который усиливает их авторитет и уважение в глазах мусульман. Таким образом, для исламистов демократия представляет своего рода ловушку, даже

---

⁵⁹⁹ Добаев И.П. Исламский радикализм. Ростов-на-Дону, 2003. С. 77–78.

двойную ловушку: 1) она ограничивает возможности их эмоционального воздействия на общество; зато 2) создает условия для прихода к власти, после чего, как было сказано выше, они обнаруживают свою несостоятельность в управлении государством и вынуждены отказываться от многих своих установок.

Проблема исламизма присутствует на постсоветском пространстве, в том числе в России. Здесь, как и повсюду, в соответствии с логикой Жилия Кепеля, исламисты потерпели крах, ибо им не удалось добиться создания своего государства или хотя бы подконтрольной им территории, управляемой в соответствии с шариатским законодательством. Сравнительно большего успеха исламисты могли бы ожидать в Ферганской долине, где среди части населения была популярна идея халифата. Но и там говорить *всерьез* о возникновении исламского государства не приходится.

Заметным успехом исламистов можно считать их участие в правящей коалиции в Таджикистане, где после длительной гражданской войны был достигнут компромисс между Партией исламского освобождения и светской Народно-демократической партией. Любопытно, что именно Таджикистан является наглядным свидетельством «размягчения» исламистов, их отказа от радикальных требований и фактического перехода на позиции модернизаторства. Нынешние вожди и идеологи ПИВТ более не считают себя фундаменталистами и отождествляют себя скорее с реформаторским направлением в исламе.

После известных событий 11 сентября 2001 года и последовавшего затем разгрома талибского Афганистана исламские радикалы Центральной Азии были частично уничтожены, частично подавлены. Развалилось Исламское движение Узбекистана, а его лидер, едва не обретший харизму Джума Намангани, был убит. В подполье ушла наиболее многочисленная и влиятельная в Центральной Азии «Хизб ат-Тахрир аль-Ислямий» (ХТИ, Партия исламского освобождения). Практически прекратили свое существование мелкие группы и кружки.

Тем не менее исламизм в Центральной Азии отнюдь не исчез, но принял другое, более «цивильное» обличье. Кстати, ХТИ никогда не акцентировала в своей деятельности силовой момент, постоянно подчеркивая, что ее задачей является агитация и пропаганда. Кроме того, инструментом ее борьбы является проникновение — медленное и осторожное — в административные структуры и воздействие на местные режимы, прежде всего узбекистанский, изнутри. И надо признать, что на этой стезе ХТИ достаточно преуспела. Во всяком случае есть свидетельства, пусть и неофициальные, что ее члены и сочувствующие занимают посты среднего звена, в том числе в силовых ведомствах.

Поддержанию исламистского влияния способствует и стабильно тяжелая экономическая обстановка, которая вновь и вновь пробуждает у местных мусульман интерес к иным, нетривиальным путям выхода из кризиса.

Что касается Российской Федерации, то здесь наиболее заметные позиции сторонники исламизма завоевали на Северном Кавказе. В российской печати эту публику чаще всего именуют «ваххабитами». (Сами себя они определяют как салафиты (т. е. приверженцы исламской традиции, идущей непосредственно от Пророка Мухаммада и его сподвижников) или просто мусульмане.) Собственно говоря, не столь важно, какая дефиниция будет подобрана к исламским радикалам на юге России. Важно то, что в конце 1990-х они претендовали на создание на Северном Кавказе исламского государства — от Черного моря до Каспийского, управляемого в соответствии с шариатом. Но даже во время наивысшей активности исламистов было очевидно, что таковое им не построить, как минимум, по двум причинам. Во-первых, потому что большая часть мусульманского сообщества на Северном Кавказе выступает против исламского государства, а исламисты всегда опирались на пусть и энергичное, способное на самопожертвование, но все же меньшинство. Во-вторых, построить халифат от моря до моря не позволила бы Москва.

Не больше шансов было у них и на построение «исламской республики» в Чечне, большинство населения которой поддерживало идею светского государства.

В 1999–2000 годах исламистам (ваххабитам) был нанесен удар, в результате которого

их претензиям на создание исламских анклавов — будь то во всем регионе, в Чечне или в небольшой, включающей 4 села, так называемой Кадарской зоне Дагестана — был положен конец. Однако и после военного поражения исламистов, после их высылки и расселения религиозный радикализм не истаял окончательно. Исламизм, как идеология оппозиции, продолжает существовать. Его корни и в нерешенности сугубо мирских проблем. Радикальный ислам востребован в силу того, что в нем ищут ответа на вопросы, которые не в состоянии разрешить светская власть. Острота раскола среди верующих, а равно и среди духовных авторитетов определяется не столько собственными богословскими спорами, сколько политикой, ибо ортодоксальное духовенство в союзе с шейхами и их мюридами выступает на стороне администрации. Напротив — исламисты критикуют власть за неспособность и нежелание решать житейские проблемы мусульман, за коррупцию, неспособность противостоять преступности, объясняя это отступлением президентов, министров и чиновников от норм истинного ислама. Всё это вместе взятое определяет популярность исламистов на Северном Кавказе, а также их перспективы на ближайшее будущее. Еще раз повторю, что большинство мусульман региона против создания исламского государства, зато они готовы поддерживать критику нынешней системы, в том числе с религиозных позиций.

Таким образом, с одной стороны, на Северном Кавказе, как и везде, у исламистов нет шансов установить исламское правление; с другой — их влияние, как оппозиции, политическое присутствие будет оставаться весомым.

Кроме того, поддержанию авторитета исламистов на Северном Кавказе, в Центральной Азии способствует внешний фактор. Это напрямую связано с ситуацией на Ближнем Востоке, в Ираке, Афганистане, в других регионах, где исламским радикалам непосредственно противостоят силы Запада, включая Россию, и где против радикального ислама борются вестернизированные элиты. Сегодня, несмотря на самые энергичные меры, в том числе осуществляемые в рамках борьбы против международного (читай — исламского) экстремизма и терроризма, непотопляемость исламских радикалов становится особенно очевидной.

Конечно, то, что происходит сегодня в мусульманском мире, можно назвать и «агонией исламизма». Но, во-первых, эта «агония» явно затягивается. В конце 2003 года в Калифорнии я присутствовал на конференции, участники которой (профессионалы высокого класса) должны были ответить на вопрос: как долго человечество будет иметь дело с религиозным экстремизмом? «Не менее 10 лет» — был ответ большинства, причем многие говорили о 20–30–50 годах, нескольких поколениях и сравнивали борьбу против экстремизма с борьбой против бедности: столь же длительной, сколь и безуспешной.

Жиль Кепель и его единомышленники полагают, что прежний исламизм, обнаружив свою несостоятельность в вопросах государственного строительства, эволюционирует в некий «постисламизм». «Неясность путей перехода от эры исламизма к «постисламизму» напоминает дебаты вокруг «посткоммунизма» в бывших советских республиках, — пишет он. — В обоих случаях [...] сложившаяся ситуация свидетельствует об этическом крахе модели, ставшей отныне достоянием истории, пройденным и отвергнутым, а не утопией грядущего будущего». Однако крах, тем более *этический*, исламистской модели не означает ее уход в небытие. Основанная на религии, любая утопическая модель общественного устройства, особенно в социуме с незавершенной или абортированной модернизацией, прочно имплантирована в сознание значительного числа его членов. Стремление улучшить свой образ жизни, одновременно доказать, что мусульманский мир есть равноправный партнер или достойный оппонент Западу остается одной из главных и в обозримом будущем вечных причин существования исламистской идеологии, следующих ее заповедям партий и движений. Исламистская ниша никогда не останется пустой.

Алексей Малашенко, доктор исторических наук, эксперт Фонда Карнеги, проф МГИМО МИДРФ